

Vilfredo Pareto

COMPENDIO

di sociologia
generale

Vilfredo Pareto

COMPENDIO

di sociologia
generale

A cura di Giulio Farina

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

В.Парето

КОМПЕНДИУМ

по общей
СОЦИОЛОГИИ

Перевод с итальянского

Второе издание

Издательский дом ГУ ВШЭ
Москва 2008

УДК 316.1
ББК 60.5
П18

Издание осуществлено в рамках
Инновационной образовательной программы ГУ ВШЭ
«Формирование системы аналитических компетенций
для инноваций в бизнесе и государственном управлении»

Перевод с итальянского *А. А. Зотова*

Научный редактор, автор предисловия к русскому изданию
и указателя имен *М. С. Ковалёва*

Научный консультант *Н. А. Макашёва*

Рецензент

доктор социологических наук, профессор
кафедры общей социологии ГУ ВШЭ *А. Б. Гофман*

Перевод изд.: *Pareto V. Compendio di sociologia generale / a cura
di G. Farina. Firenze: Barbèra, 1920*

ISBN 978-5-7598-0573-1

- © Фотопортрет автора на с. 4 обложки.
Le Centre Walras — Pareto, 2007
- © Оформление. Издательский дом ГУ ВШЭ,
2007

Оглавление

Предисловие к русскому изданию	9
Предисловие к первому итальянскому изданию	11
Глава 1. ВВОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ	13
Исследовательские нормы, принятые в этом труде. — Логико-экспериментальные науки и не логико-экспериментальные науки. — Различия между ними. — Экспериментальная область во всех отношениях полностью отделяется от неэкспериментальной области. — В этой работе мы намерены оставаться исключительно в экспериментальной области. — Наше исследование является одним из возможных. — Оно проводится путем последовательных приближений и не нацелено на нечто необходимое, абсолютное. — Язык обыденный и язык логико-экспериментальных наук. — Термины, используемые в этой работе	
Глава 2. НЕЛОГИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ	30
Определение и классификация логических и нелогических действий (§ 63). — Их примеры среди животных и людей. — Теории и факты, из которых они берут начало. — Различная интенсивность у разных народов сил, поддерживающих определенные нелогические склонности, и сил, направленных на обновление. — Представления об оккультной власти слов над вещами; предельные случаи теологических и метафизических теорий. — В манифестациях нелогических действий имеются две части: почти неизменная и сильно изменчивая. — Интерпретации адаптируются к нелогическим склонностям народа. — Эволюция множественна. — Первое указание на необходимость полностью отделять логико-экспериментальную истинность той или иной доктрины от ее социальной или иной полезности. — Логическая форма, придаваемая людьми нелогическим действиям	
Глава 3. НЕЛОГИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ В ИСТОРИИ УЧЕНИЙ	48
Представления исследователей общества о нелогических действиях. — Несовершенство с научной точки зрения обыденного языка содействует распространению логических интерпретаций в отношении нелогических действий. — Людям свойственно избегать рассмотрения нелогических действий, поэтому они оказываются скрытыми под логическими покровами того или иного сорта. — Классификация используемых при этом средств (§ 99). — Анализ различных интерпретаций. — Как люди практики рассматривают нелогические действия	
Глава 4. ТЕОРИИ, КОТОРЫЕ ВЫХОДЯТ ЗА ПРЕДЕЛЫ ОПЫТА	64
Исследование, вопроса, соответствует ли что-нибудь определенное терминам <i>религия, право, мораль, истинный разум, справедливый, честный</i> и т. д. — Типовые доктрины и девиации. — Материалы теорий и связи, которыми они соединены в теориях. — Как социология использует факты. — Неизвестное должно объясняться из известного; настоящее помогает объяснению прошлого. — Вероятностный характер выводов. — Классификация суждений, в которых к экспериментальным единообразиям добавляется нечто постороннее, либо в которых такие	

единообразия не принимаются во внимание (§ 239). — Исследование абстрактных сущностей, познаваемых независимо от опыта

Глава 5. ПСЕВДОНАУЧНЫЕ ТЕОРИИ

115

Как, зная некоторую теорию, добраться до фактов, которые, возможно, вызвали ее появление. — Исследование теорий, в которых эксплицитно предполагается, что абстрактные сущности находятся за пределами опыта. — Краткое обобщение результатов, полученных индуктивным путем. — В не логико-экспериментальных теориях с присутствует мало меняющаяся часть *a* и сильно меняющаяся часть *b*; первая представляет собой принцип, который существует в сознании людей, вторая часть состоит из объяснений этого принципа и действий, им порожаемых. — В теориях, которые добавляют нечто к опыту, посылки нередко хотя бы отчасти представлены имплицитно; более того они играют важную роль в построении этой теории. — Как из некоторых произвольных принципов *a* можно получить доктрины *c*. — Различные примеры

Глава 6. ОСТАТКИ

137

Сходства и отличия частей *a* и *b*, а также логико-экспериментальных и не логико-экспериментальных наук. — Часть *a* соответствует определенным инстинктам, но не охватывает их полностью; кроме того, для понимания детерминации социальных форм необходимо учитывать также интересы. — Объективный и субъективный аспекты теорий. — Примеры способов, позволяющих отделять *a* от *b*. — Для удобства изложения вещи *a* обозначены как *остатки*, вещи *b* — как *деривации*, вещи *c* — как *дериваты*. — Остатки соответствуют инстинктам, им недостает определенности. — Классификация остатков (§ 365). — Рассмотрение различных классов остатков

Глава 7. ДЕРИВАЦИИ

190

Людей удается убедить, главным образом воздействуя на чувства (остатки). — Как усиливаются и распространяются деривации. — Они используются как в логико-экспериментальных, так и в не логико-экспериментальных науках; полагают также, что деривации способны непосредственно воздействовать на социальное устройство в целом; в логико-экспериментальных науках деривации принимаются во внимание только как манифестации воздействующих на общество сил. — Исследуются силы, которым более или менее строго соответствуют деривации. — Логика чувств. — Доказательство дериваций выступает всего лишь мотивом, который обеспечивает ее принятие. — Классификация дериваций (§ 536). — Исследование классов дериваций

Глава 8. СВОЙСТВА ОСТАТКОВ И ДЕРИВАЦИЙ

237

Как могут действовать остатки и деривации. — В каком отношении находятся их действия с социальной полезностью. — При обыденном рассуждении деривации рассматриваются в качестве причины человеческих действий, а порой также и чувств. — В целом, напротив, деривации являются следствием чувств и действий. — Остатки составляют специфику индивидов, в поведении которых они

проявляются. — Распределение остатков и изменения в обществе в целом. — Классы остатков изменяются мало; сильнее меняются их виды. — Волнообразная форма изменений данного феномена. — Связь между остатками и условиями жизни. — Реципрокное отношение остатков и дериваций. — Воздействие остатков на остатки. — Действие остатков, соответствующих одному и тому же комплексу чувств. — Воздействие дериваций на остатки. — Рассмотрение различных социальных классов. — Часто может показаться, что деривации преобразуются в остатки, тогда как имеет место обратное явление. — Воздействие дериваций на деривации. — Отношение остатков и дериваций к иным социальным фактам. — Как влияет на получаемые выводы расхождение между остатками и логико-экспериментальными принципами. — В не логико-экспериментальных областях при рассуждении в полном соответствии с логикой могут быть получены не согласующиеся с фактами выводы, но при рассуждении с незначительным нарушением логики и в соответствии с чувством можно прийти к выводам, которые более близки к фактам. — Противоречие между практикой и теорией. — Как неопределенные деривации адаптируются к определенным целям. — Меры, используемые для достижения цели. — Воздействие дериваций малоэффективно или вовсе неэффективно в плане изменения остатков. — Как воспринимаются социальные мероприятия. — Мифы и идеальные цели. — Их отношения с другими социальными фактами. — Классификация проблем, появляющихся при таких отношениях (§ 712). — Изучение этих проблем. — Отношение между соблюдением норм религии и морали и достижением собственного счастья. — Классификация решений этой проблемы (§ 732). — Исследование решений. — Выполненное исследование дает пример экспериментальной бессмысленности некоторых доктрин, имеющих, тем не менее, большую социальную полезность. — Распространение остатков. — Распространение дериваций. — Интересы. — Экономическая сфера общества. — Социальная неоднородность и циркуляция между различными элементами общества. — Элиты и их циркуляция. — Высший и низший классы

Глава 9. ОБЩАЯ ФОРМА ОБЩЕСТВА

316

Элементы общества и их категории. — Состояние равновесия. — Устройство социальной системы. — Строение остатков и дериваций. — Свойства социальной системы. — Полезность и ее виды. — Максимум полезности *индивида* и *общности*. — Максимум полезности *для общности*. — Остатки и деривации в связи с полезностью. — Почти все рассуждения, проводимые при социальных дискуссиях, являются деривациями. — Композиция различных видов полезности, остатков и дериваций. — Применение силы в обществе. — Правящий класс и управляемый класс в связи с использованием хитрости и силы. — Как правящий класс обеспечивает свою защиту. — Стабильность и изменение общества. — Циклы взаимозависимости социальных феноменов. — Протекционизм. — Различные виды *капиталистов*. — *Спекулянты*. — Политическое правление. — *Демократия*. — Действия правительств тем более эффективны, чем в большей мере они считаются с существующими остатками; очень часто они оказываются тщетными, когда от них ожидается изменение остатков. — Консенсус и сила как основа правительств. — Современные правительства. — Плутократия. — Затраты на обеспечение различных видов политического правления. — Политические

партии. — Различные пропорции между остатками класса I и остатками класса II у правящих и управляемых. — Экономическая результативность различных видов политического правления. — Правительства, которые в основном используют силу. — Правительства, которые пользуются в основном хитростью. — Комбинации различных типов. — Экономические и социальные периоды. — Волнообразная форма этих социальных феноменов. — Колебания дериваций в связи с социальными колебаниями. — Обычные ошибки в понимании этой связи. — Взаимозависимость колебаний. — Социальный комплекс

Глава 10. СОЦИАЛЬНОЕ РАВНОВЕСИЕ В ИСТОРИИ

407

Одним из основных факторов социального равновесия является пропорция между остатками класса I и остатками класса II. — Показатели социальной полезности. — Равновесие различных социальных слоев. — Как используемые для поддержания равновесия средства воздействуют на пропорцию остатков класса I и остатков класса II и, следовательно, на социальное равновесие. — Изучение социальной эволюции Рима. — Аналогии с эволюцией современных обществ. — Подвижность и неподвижность (кристаллизация) общества сменяют друг друга. — Их смена оказывается частным случаем общего закона изменения социальных феноменов, имеющего волнообразную форму

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

I. Общая характеристика предмета исследования	466
II. Логико-экспериментальные и не логико-экспериментальные теории	471
III. Язык и определения	476
IV. Указатель имен	479
V. Таблица соответствий параграфов в «Компендиуме» и «Трактате».	487

Приложение Б

I. Основные вехи жизни и деятельности Парето	503
II. Избранная библиография	508

Предисловие к русскому изданию

Впервые на русском языке читателям предлагается полное произведение итальянского ученого-теоретика мирового уровня — экономиста, социолога и политолога — Вильфредо Парето «Компендиум по общей социологии». Эта книга, появившаяся в свет в 1920 г., представляет собой сокращенный вариант «Трактата по общей социологии» (1916 г.).

В отечественной научной литературе представлены лишь небольшие фрагменты объемных трудов Парето и отдельные статьи, опубликованные в профильных хрестоматиях и научных журналах (см. приложение БII наст. изд.). Данное издание не просто восполняет очевидный пробел, расширяет доступ к мировому классическому интеллектуальному наследию. Выход в свет именно этой книги позднего периода творчества Парето важен еще и потому, что она дает синтетическое, целостное представление о социальных (в широком смысле) концепциях Парето. Дело в том, что экономическую, политическую и общественную сферы человеческой деятельности он рассматривал как единое целое — как нераздельные части (вместе с правом и культурой) общества, т. е. на социальном, если употребить современный термин теоретической социологии, уровне. Такая позиция дала ученому возможность гармонического слияния его ранних теоретических изысканий. Во всех изучаемых явлениях экономического, политического и социального устройства человеческих сообществ любого масштаба Парето интересовало как возможно состояние социального равновесия и как протекает его динамика. «Компендиум...» — итоговая книга, содержащая его предложения и предположения на этот счет. Поставленные им вопросы и намеченные пути их решения не менее интересны и полезны читателю в начале XXI в., чем были в начале XX в.

Особенности этого труда Парето связаны не только со сложностью самого предмета, специфичностью особого, паретовского понятийного аппарата, сверхкраткостью изложения тезисов и, возможно, излишним стремлением их формализовать и свести к абстрактным силлогизмам, но и с чрезвычайным богатством привлекаемого им конкретного материала. Здесь есть история Древней Греции и особенно Древнего Рима, и дальнейшая европейская история, вплоть до XIX в. и непосредственных событий периода создания книги, а также мифология, теология, литература, механика, математика, астрономия, биология и химия. Это представляет определенную трудность для современного читателя, поскольку то, что было само собой разумеющимся и известным со школьных или студенческих времен всем потенциальным потребителям такого рода продукции в 1920-х годах, для нас, почти через сто лет, может оказаться не самым легким ребусом. Таковы неизбежные издержки отказа от классического образования в пользу узкоспециализированного. В связи

с этим переводчиком и научным редактором были предприняты трудоемкие и времязатратные усилия по уточнению мысли автора (для чего привлекались другие его работы и издания на других языках). А также — по установлению или уточнению приведенных имен и цитируемых источников (показателем объективной сложности такой задачи является тот факт, что в некоторых иноязычных изданиях «Компендиума...» плохо распознаваемые отсылки просто снимались). Многие источники, используемые Парето, хорошо известны в русской книжной традиции (произведения Античности и Средневековья) или изданы у нас в стране за последние десятилетия. Все цитаты даны соответственно по таким источникам.

Основной корпус книги содержит постраничные сноски автора (даны в сплошной нумерации по всей книге) и постраничные примечания переводчика и редактора (под значком — *), касающиеся не самых распространенных научных терминов, социальных реалий, и переводы иноязычных выражений. Кроме того, в угловых скобках <...> непосредственно в самом тексте встречаются небольшие дополнения, пояснения, уточнения. В квадратных скобках [...] даны русские издания используемой Парето литературы.

Настоящее издание является полным аналогом итальянского 1920 г., включая Приложение А. Единственное отклонение состоит в отсутствии Предметного указателя. Это связано, во-первых, с тем, что принципы составления предметных указателей очень различаются и оригинальный указатель не подлежит простому переводу. Во-вторых, книга четко структурирована и в ней достаточно просто ориентироваться тематически по Оглавлению, а также по приложениям AI, AII и AIII. Предложенный расширенный Указатель имен значительно облегчает восприятие текста, поскольку содержит точную идентификацию персон. В него вошли исторические лица и упомянутые авторы (ученые, теологи, писатели, поэты). Кроме того, читателю предложено Приложение Б, включающее краткие биографические сведения об авторе и избранную библиографию его трудов и сочинений о нем на иностранных и русском языке.

М. Ковалёва

Москва, 4 августа 2007 г.

Предисловие к первому итальянскому изданию

Есть основания полагать, что среди уважаемых критиков «Трактата по общей социологии» Вильфредо Парето имеются многие, даже не читавшие его или только бегло просмотревшие и не сумевшие извлечь из него ничего ценного, однако, не в расчете на них составлялся этот компендиум, как мог бы подумать иной придирчивый читатель. Расчет делался совсем на других людей, на большую и деятельную группу молодых итальянских ученых, которые, развивая соприкасающиеся с социологией специальные дисциплины, часто впадают в ошибки при осуществлении своих замыслов из-за недостатков выбранного ими метода и игнорирования элементарных социальных проблем. Для нас, крайне уставших и перекормленных всевозможными метафизическими бреднями, сектантскими веяниями и агностицизмом исторической школы, Вильфредо Парето предстает великим мастером, который по своему яркому гению сопоставим с Макиавелли и Галилеем. Он первым возвел социологию в ранг науки на рубеже XIX—XX вв., обозначил для нее очевидный путь экспериментальных наук. Его учение оценят молодые ученые, обладающие беспристрастием мыслящих людей, которые делают вывод о теориях по их соответствию фактам, а не встречают доктрину восторженными приветствиями, похожими на рев павианов или крик попугаев. Старания приведут их к плодотворным результатам, их не введет в заблуждение обманчивый шум ложной славы. Они найдут в этой книге строгие исследования, дисциплину мысли, им откроются новые горизонты и появится стремление продолжить и приумножить начатый мастером труд.

При подготовке «Компендиума...» я не считал допустимым отходить от используемого в «Трактате...» индуктивного изложения материала, которое подводит к раскрытию теории, т. е. был повторен путь от представления фактов к получению на их основе выводов. Возможно, что дедуктивный способ был бы предпочтительнее, но он мог бы легко вызвать впечатление догматизма. В «Компендиуме...» сохранены наиболее значимые теоретические разделы и сокращены фактические материалы, некоторые факты приведены, а другие только коротко упомянуты. Некоторые полемические и дискуссионные материалы, представляющиеся второстепенными по отношению к поставленным целям, опущены. Благодаря этому оказалось возможным сжать до небольшого объема два огромных тома оригинала. Были включены также некоторые из примечаний, появившихся в издании «Трактата...» на французском языке; отдельные небольшие дополнения внес сам автор при просмотре рукописи. Конечно, он не смог в достаточной мере отразить обширный опыт <Первой> мировой войны, однако в одном из фрагментов этот опыт все же получил отражение. Исследователь найдет обстоятельные комментарии

Парето к фактам данного периода в различных итальянских периодических изданиях того периода, таких, как «Rivista d'Italia», «Rivista di Milano», «Resto del Carlino», и в работе «Fatti e commenti» (Vallecchi, Firenze 1920) и т. д. Сохранено Приложение, но в сокращенном виде. Как теперь принято, введена сравнительная таблица, в которой параграфы «Компендиума...» соотнесены с параграфами «Трактата...», чтобы читатель отыскал в нем все доказательства теоретических положений, не ограничиваясь теми немногими, которые даны здесь в сжатом виде или просто упомянуты. Надеюсь, что и мой труд не окажется бесполезным для исследователей и будет вознагражден их одобрением так же как его получила работа этого выдающегося автора.

Джулио Фарина
Флоренция, 15 июня 1920 г.

ВВОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Человеческое общество — объект многочисленных исследований. Одни из них относятся к специальным дисциплинам, таким, как право, история, политическая экономия, история религий и т. д.; другие охватывают те сферы, которые пока выглядят смутно, нечетко; их синтезу, направленному на изучение человеческого общества вообще, можно дать имя социологии.
2. Это определение крайне несовершенное, но, быть может, его и не следует особенно улучшать, поскольку среди всех наук ни у одной, включая и математические науки, нет строгого определения. В связи с этим предмет нашего познания будет разделен на различные части только ради удобства, и это искусственное деление со временем изменится. Не стоит, пожалуй, спорить о словах; перейдем к делу.

Итак, здесь не будут обсуждаться вопросы о том, является ли социология автономной наукой, отлична ли она от философии истории; вместо этого мы займемся исследованием тех единообразий, какие демонстрируют социальные факты, и тех отношений, которые проявляются между этими фактами. Такому исследованию потом может быть дано желательное название.

3. Для решения наших задач мы стремимся следовать некоторым нормам, которые предпочитаем представить здесь в качестве введения, вместо того чтобы обсуждать их всякий раз при появлении подходящего случая. Доказательства некоторых положений, которые здесь только приводятся, будут изложены в дальнейшем.
4. Автор может представить принципы, которых он собирается придерживаться, двумя совершенно разными способами. Во-первых, он может требовать, чтобы они принимались в качестве доказанных истин, и в таком случае всякое логическое следствие из них будет считаться доказанным. Во-вторых, он может выдвинуть такие принципы в качестве простого указания на один из многих путей, какими можно было бы пойти; в таком случае ни одно из их логических следствий нельзя рассматривать в качестве реально доказанного, оно будет представлять собой лишь обсуждаемое гипотетическое положение. Поэтому следует остерегаться использования таких выводов и исследовать отношения непосредственно между фактами.

5. Опыт показал, что второй способ был полезен в исследованиях в некоторых науках; поэтому можно попытаться применить его и в социологии. Мы не выдвигаем никакой догмы в качестве исходного пункта нашего исследования, и изложение наших основных положений представляет собой только указание пути, одного из многих, который предстоит выбрать и затем следовать по нему. Поэтому тем, кто пожелают идти вместе с нами, никто не возбраняет искать иной путь.

6. До сих пор социология почти всегда толковалась догматически. Не должно вводить в заблуждение прилагательное «позитивная», данное Контом его философии; она столь же догматична, как и «Рассуждение о всеобщей истории» Боссюэ. Это различные религии, но все же религии; такого рода религии мы находим в трудах Спенсера, Де Греефа, Летурно и других авторов. Среди социологий в большом количестве встречаются «гуманистические», нет недостатка в метафизических, также имеется некоторое количество христианских, католических и иных подобных им социологий. Не желая объявлять ошибочными все эти почитаемые социологии, мы позволим себе представить здесь исключительно экспериментальную социологию, подобную химии, физике и иным, близким к ним наукам.

Таким образом, мы намерены руководствоваться только опытом и наблюдением исключительно в том смысле, какой эти два понятия приобрели в естественных науках, а не в таких значениях, какие проявляются в ныне встречаемых выражениях: «духовный опыт», «христианский опыт» и т. п., которые обновляют под иным именем самонаблюдение античных метафизиков.

Там, где опыт не противопоставляется наблюдениям, мы для краткости будем именовать эти вещи одним словом, т. е., говоря об *экспериментальных науках*, мы будем иметь в виду *наблюдение*.

7. В любых общностях распространено употребление описательных, предписывающих и им подобных утверждений, например: «Не желай себе того, что принадлежит другим», «Возлюби ближнего своего как самого себя», «Умей быть бережливым, если не хочешь однажды впасть в нужду». Эти высказывания, объединяемые логической или псевдологической связью и дополняемые разнообразными повествованиями, образуют теории, теологии, космологии, метафизики и т. д.

8. Для тех, кто благодаря воздействию чувств верят в них, эти теории делятся на два класса: истинные и ложные, хотя сами эти термины не особенно определены.

9. Часто к этому добавляются три аксиомы:

— любой умный человек *должен* принимать *истинные* и отвергать *ложные* положения;

- любая *истинная* теория полезна, а любая *ложная* теория вредна;
- одна и та же теория не может быть полезной для одних и вредной для других социальных классов.

10. Не занимаясь изучением их внутренней ценности, идущей от веры, мы можем рассматривать все подобные положения и теории отвлеченно, как экспериментальные факты, в которых проявляются диспозиции и склонности людей. Они оказываются среди тех элементов, которые воздействуют на общество.

11. При попытке классифицировать теории мы сталкиваемся с тем, что теория состоит из двух частей: *материала*, т. е. описательной, аксиоматической части с включением конкретных и абстрактных, реальных и воображаемых сущностей, и *связи*, т. е. наличия логических и псевдологических рассуждений, апелляций к чувству, присутствия этических, религиозных и прочих элементов. Обо всем этом подробно будет говориться в § 180.

12. Рассматривая материалы и связи в разных аспектах и принимая во внимание возможные комбинации их видов, мы можем распределить их так.

Объективный аспект, т. е. рассмотрение теорий независимо от того, кто их создает и кто их принимает.

Класс I. Экспериментальный материал:

Ia. Связь логическая, включает все теории логико-экспериментальных наук. <Возможны варианты:>

Ia₁. Чистый тип исключительно с экспериментальным материалом и с логической связью; абстракции и общие принципы, от которых логически выводятся следствия, извлечены исключительно из опыта и подчинены ему;

Ia₂. Материал оказывается всегда экспериментальным, связь является логической, однако абстракции и общие принципы приобретают значимость, выходящую за границы опыта, и господствуют над ним.

Ib. Связь нелогическая, т. е. это логические софизмы или хитроумные рассуждения, выполненные ради введения в заблуждение других людей.

Класс II. Неэкспериментальный материал:

IIa. Связь логическая.

IIb. Связь нелогическая.

Несомненно, классификация зависит от наших знаний, и тот, кто станет считать экспериментальными некоторые элементы и сочтет приводимые аргументации логическими, отнесет теорию к иному классу, чем тот, кто будет придерживаться противоположного воззрения.

Кроме того, в конкретных случаях одна и та же теория может быть отчасти экспериментальной, отчасти — нет, отчасти логической и отчасти нелогической.

Субъективный аспект, т. е. рассмотрение теорий в зависимости от того, кем она создается и кем принимается.

а. Причины, по которым данная теория была создана данным человеком.

б. Причины, по которым данная теория была принята данным человеком.

Такие вопросы относятся также к общностям.

Аспект полезности, т. е. рассмотрение либо тех чувств, которые порождают данную теорию, либо того воздействия, которое эта теория оказывает на возникновение, усиление и, соответственно, изменение некоторых чувств.

I. Польза или вред от чувств, порождаемых теорией.

Ia. Для того, кто ее создает.

Iб. Для того, кто ее принимает.

II. Польза или вред от данной теории.

IIa. Для того, кто ее создает.

IIб. Для того, кто ее принимает.

Такие аспекты рассмотрения распространяются и на общности.

13. Кратко обобщим сказанное. Если, например, рассматривается суждение о том, что $A = B$, то надо ответить на следующие вопросы.

Объективный аспект. Соответствует или не соответствует опыту это суждение?

Субъективный аспект. Почему некоторые люди говорят, что $A = B$? Почему другие люди этому верят?

Аспект полезности. Какая польза имеется от тех чувств, которые проявляются в суждении, что $A = B$, для тех, кто его высказывает? Какая польза от них для тех, кто данное суждение принимает?

В предельном случае на первый вопрос отвечают утвердительно, а по отношению к другим добавляют: «Люди утверждают, верят, что $A = B$, потому что это *истинно*»; «Проявляемые при этом чувства *полезны*, поскольку они *истинные*; сама эта теория *полезна*, поскольку она *истинная*». В этом предельном случае обнаруживаются утверждения, отвечающие логико-экспериментальной науке, так как *истинность* означает соответствие опыту; но при этом встречаются также утверждения, никоим образом не отвечающие опытной науке, в которых слово «*истинно*» означает нечто совсем иное и очень часто — просто согласие с чувствами того, кто защищает этот тезис.

В исследовании, которое мы проведем в следующих главах, будут часто встречаться такие случаи:

а. Высказывания, отвечающие опыту, выдвигаемые и принимаемые в согласии с чувствами, которые полезны или вредны индивиду, обществу;

- b. Высказывания, отвечающие опыту, отвергаемые из-за того, что они расходятся с чувствами отдельных индивидов; хотя они были бы полезны для общества, если бы их приняли;
- c. Высказывания, идущие вразрез с опытом, выдвигаемые и принимаемые потому, что они отвечают чувствам, которые полезны, порой необычайно, индивидам, обществу;
- d. Высказывания, идущие вразрез с опытом, выдвигаемые и принимаемые, поскольку они отвечают чувствам, которые полезны для одних индивидов, вредны для других, полезны или вредны обществу.

Обо всем этом мы ничего не можем узнать априорно; требуется обратиться к опыту, чтобы в этом разобраться.

14. В объективном аспекте мы разделяем высказывания и теории на два класса: к первому относятся те, которые не выходят за границы экспериментальной сферы; ко второму относятся те, которые каким-либо образом выходят за ее границы. Если мы хотим, чтобы наши высказывания отличались строгостью, то необходимо четко отделять эти классы. Каждому из них свойственна своя особая манера рассуждения и, вообще, свой особый критерий, по которому они делятся на два рода. К первому роду относятся те из них, в которых имеет место логическое соответствие выбранному критерию, и о них говорят, что они *истинные*. Второй род охватывает все те высказывания, которые не отвечают такому критерию; такие высказывания называют *ложными*. Эти термины «*истинное*» и «*ложное*» находятся, следовательно, в непосредственной зависимости от выбранного критерия. Если бы мы захотели придать им абсолютный смысл, то вышли бы из логико-экспериментальной области и вступили бы туда, где господствует метафизика.

Критерий *истинности* первого класса суждений (высказываний) обращен исключительно к опыту и к наблюдению, тогда как критерий *истинности* второго класса высказываний лежит вне объективного опыта. Его могут находить в божественном откровении, в тех концепциях, где, как говорится, человеческий дух обращается к самому себе без того, чтобы нуждаться в объективном опыте, в универсальном консенсусе людей и т. д.

15. Обычно метафизики называют наукой познание сути вещей, их основ. Если мы на миг примем такое определение, то должны будем отметить, что эта работа вовсе не является научной. Мы не только воздерживаемся от выяснения сути вещей и их основ, но даже совершенно не представляем себе, что эти понятия могут означать (см. § 211).

В то время как метафизика от абсолютных принципов нисходит к конкретным случаям, экспериментальная наука восходит от конкретных

случаев, но не к абсолютным принципам и сущностям, которые для нее не существуют, а к общим принципам, и затем устанавливает их зависимость от других, еще более общих принципов и т. д.

16. В менее явной форме <метафизический> предрассудок, требующий знания сущностей, нацеливает на объяснение частных фактов исходя из общего принципа, вместо того чтобы выводить его из частных фактов. Именно так путают установление факта с объяснением его причин. Например, по некоторым наблюдениям мы делаем заключение о существовании факта *A* и, кроме того, указываем на его вероятные причины: *B*, *C*, *D*... Если затем окажется, что *B*, *C*, *D*... не являются причинами *A*, то из этого не следует, что *A* не существует. Такое доказательство было бы приемлемым, если бы существование *B*, *C*, *D*... следовало из опыта, и из него же следовал вывод о существовании *A*; но доказательство не имело бы убедительной силы, если бы наблюдение непосредственно представляло *A*.

17. Человеческое мышление синтетическое; только навык научного рассуждения позволяет немногим людям в ходе анализа отделять части от целого. Благодаря этой склонности оказывается, что как для того, кто выдвигает некоторое положение, так и для того, кто ему следует, немалую сложность составляет отдельное рассмотрение этого положения по двум критериям, экспериментальному и неэкспериментальному — большинство людей чаще всего склонны смешивать их. Как будет показано далее, многие важные для социологии факты получают в этом объяснение.

18. Необходимость при изучении различных сторон конкретного явления стадии анализа, за которой следует стадия синтеза и возврат от теории к конкретному факту, вполне осознанна в науках естественных, но во многом еще не понята в области социальных наук.

Из этого следует самая распространенная ошибка, которая состоит в отрицании истинности некоторой теории, поскольку она не объясняет все стороны конкретного факта. В иной форме та же ошибка проявляется в стремлении включить в одну теорию другие теории, аналогичные или даже чуждые ей.

19. Возьмем, к примеру, политэкономическую теорию. Конкретный феномен *O* имеет не только экономическую сторону *e*, но и социологические стороны: *c*, *g*... Неправильным было бы, как это многие делают, стремиться включить в политическую экономию социологические части — *c*, *g*... Напротив, надо добавлять к экономическим теориям, дающим знание о *e*, другие теории, позволяющие получить знание о сторонах *c*, *g*...

20. Так, в рамках политической экономии надо добавлять, не подменяя, теории прикладной экономии к теориям чистой, или математической экономии*, которая имеет своей основной целью выявление взаимозависимости экономических явлений.
21. И все же нашелся один необыкновенный умник, который желает заменить политическую экономию психологией, поскольку многие экономические феномены зависят от желаний и воли людей. Почему он ограничивается этим? Почему тогда политэкономии не заменить географией или, скажем, астрономией? Ведь, в конце концов, экономический феномен зависит также от состояния морей, расположения континентов, рек и, по большому счету, от солнца, которое дарит жизнь «этому прекрасному миру растений и животных».
- Среди подобных измышлений есть и предложения именовать экономику позитивной. Эта деятельность похвальна, поскольку вызывает смех, а он улучшает самочувствие.
22. Кроме того, крайне трудно, почти невозможно отделить простое знание о единообразиях <социальных фактов и связей>, существующих в обществе, от действия, направленного на их изменение. Если некто занялся изучением того, что есть, то он непременно хочет иметь еще и практическую цель, а поскольку ее нет, он сам, в конце концов, ее придумывает.
23. Аналогичным образом очень трудно достичь того, чтобы не было отхода от выраженных автором идей, чтобы к изложенным положениям не добавлялось иных положений, следующих из контекста, которые сам он никогда не имел в виду. Если отмечают недостаток или достоинство объекта *A*, то, само собой подразумевается, порицают или хвалят данный объект в целом. Это было бы понятно, по крайней мере отчасти, для выступления ради пропаганды или для случая, когда рассуждают в соответствии с чувствами (см. § 197). Такое заключение оказывается, однако, неверным, если требуется исходить из простого описания и изучения единообразий, так как при этом рассуждение строится в объективной манере, согласно логико-экспериментальному методу, и здесь недопустимо выражение собственных чувств ни эксплицитно, ни имплицитно.
24. Допустим, что дано некоторое количество фактов. Задача нахождения описывающей их теории имеет не одно решение. Различные теории могут равным образом удовлетворять условиям задачи. Выбор одной из них

* Парето считал, что политэкономия должна позволить математической экономии дать математическое выражение ее законов.

может быть подсказан субъективными мотивами, среди которых может быть, к примеру, простота.

25. В логико-экспериментальных науках теории являются не чем иным, как следствиями, выводимыми логическим путем из некоторых общих, абстрактных положений, которые называются принципами и в которых подытожены, суммированы общие особенности, характерные для многих фактов. Эти принципы, эти теории, их дедуктивные выводы полностью подчинены фактам, не имеют иного критерия истинности, кроме хорошего представления фактов; они значимы лишь постольку, поскольку согласуются с фактами, и отвергаются сразу, как только расходятся с ними.
26. Не будет выходом из экспериментальной области использование гипотез как средства дедукции, всегда подлежащей проверке опытом; мы вышли бы из этой области, если бы эти гипотезы использовались в качестве средства доказательства без какой-либо экспериментальной верификации.
27. Когда очень многие выводы, полученные из некоторой гипотезы, уже проверены на опыте, становится очень высокой вероятностью, что и новый вывод из этой гипотезы будет еще одним ее подтверждением, и на практике допустимо принятие этого вывода без верификации. Это объясняет, почему в сознании многих людей происходит отождествление гипотезы, подчиненной опыту, с гипотезой, которая господствует над опытом. На практике всегда встречаются случаи, когда полученные из некоторых гипотез выводы принимаются именно так, непосредственно. Например, в наши дни были поставлены под сомнение некоторые принципы рациональной механики, по крайней мере для скоростей, намного превышающих те, с которыми мы встречаемся в повседневной жизни; однако очевидно то, что проектирующий машины инженер может следовать этим принципам и принимать их, никак не рискуя ошибиться, поскольку скорости движения частей его машин очень далеки от тех, при которых изменились бы принципы динамики.
28. Мы опускаем рассмотрение вопроса о том, имеют ли научные законы необходимый характер (см. § 209). В этом отношении нам никак не помогут ни наблюдения, ни опыт; законы указывают только на наличие некоторых единообразий и лишь в тех пространственных и временных границах, на которые распространяются такие наблюдения и такой опыт. Данное условие всегда подразумевается, даже когда мы предпочитаем не упоминать о нем. Кто не будет всегда о нем помнить, тот не сможет хорошо осознать, о чем идет речь в этой книге.

29. Равным образом мы не вступаем в дискуссии о необходимости силлогизма. Например, силлогизм из трактатов по логике — «Все люди смертны; Сократ — человек, следовательно, Сократ смертен» — с экспериментальной точки зрения надо выразить так: «Все люди, о которых мы смогли узнать, умирали; благодаря известным нам признакам Сократа, он относится к категории этих же людей; следовательно, очень вероятно, что Сократ смертен».
30. Степень этой вероятности возрастает благодаря ряду обстоятельств (см. § 212, 235). Так, она намного выше вероятности следующего силлогизма, который можно было бы высказать до открытия Австралии: «Все лебеди, о которых мы смогли узнать, оказывались белыми; птица, имеющая все черты, отличающие лебедей, об окраске которой нам еще неизвестно, будет, следовательно, вероятнее всего белой».
31. Утверждать, как делают многие, что «чудо» невозможно, потому что это противоречит постоянству естественных законов, означает строить замкнутый круг рассуждения, предлагать как доказательство само доказываемое утверждение. Если бы наличие «чуда» можно было доказать, то тогда одновременно было бы нарушено постоянство естественных законов. Суть проблемы состоит, следовательно, в доказательстве наличия такого события. Это доказательство будет тем строже, чем шире круг известных нам фактов; остается только посочувствовать, так как честь доказывать выпадает тем, кто уверяет в наличии чуда.
32. Итак, для нас научные законы есть не что иное, как экспериментально установленные единообразия, и в этом отношении нет различия между разными науками. Различия имеют место главным образом при большем или меньшем наложении действия одних законов на другие. Небесной механике повезло в том, что она может изучать проявления действия одного-единственного закона (единообразия). Однако изучаемые следствия могут быть и такими, что нахождение представленного в них единообразия — дело крайне затруднительное. Напротив, по счастливой случайности масса Солнца намного превосходит массы планет, и, следовательно, единообразие раскрывается легко, хотя, если подойти строго, предположение о том, что планеты движутся вокруг неподвижного Солнца, неверно, и впоследствии потребуются исправить ошибку, допущенную при первом приближении. В химии, физике и механике часто можно изучать законы изолированно или, в крайнем случае, можно при помощи искусственных средств отделять действие каждого из них от остальных влияний, хотя в ряде случаев они настолько переплетаются, что их разделение оказывается непростым делом. Эти явления возрастают

в биологии, геологии, еще более в метеорологии, а также социальных науках.

33. Другое различие между научными законами касается разных возможностей или невозможности отделить друг от друга их действия посредством опыта <эксперимента>, который здесь мыслится как противопоставление <простому> наблюдению. Химия, физика, механика и биология очень широко используют опыт, другие науки обращаются к нему реже, третьи почти или совсем не используют его, что характерно для социальных наук и небесной механики, по меньшей мере, в ее части, относящейся к изучению движения звезд.
34. Ни один закон, включая экономические и социальные законы, не допускает исключений: неоднобразное единообразие — это бессмыслица. Феномен, названный в просторечии исключением, представляет собой наложение действия одного закона на действие другого закона. Только в этом отношении научные законы, и даже законы математические, имеют исключения. Все материальные тела, расположенные на поверхности Земли, притягиваются к ее центру, однако перо, подхваченное порывом ветра, удаляется от земной поверхности, а оболочка, наполненная водородом, поднимается в воздух. Наложение друг на друга разных единообразий как раз и затрудняет исследования во многих науках.
35. Вместо отдельно наблюдаемых феноменов часто следует рассматривать их вместе с другими, из-за которых действия одних единообразий ослабляются, а других — усиливаются. Мы не можем, к примеру, знать, какой будет температура воздуха на 15 июня будущего года, но приблизительно можно определить среднюю температуру в июне месяце, а еще точнее — среднюю температуру трехмесячного периода за несколько лет. Однако следует учесть, что эти средние показатели в значительной мере условные; они введены нами для нашего пользования. Не следует придавать им смысл чего-то существующего вне зависимости от фактов, т. е. не следует видеть в них метафизические сущности. Часто они являются только первой ступенью интерполяции.
36. В первом приближении мы можем удовлетвориться сведением о том, что частично элиминированы менее существенные эффекты. При этом не только можно, но и целесообразно сделать некоторое уточнение по поводу терминов «менее» и «более» и определиться, что элиминируется, а что нет. Однако будет лучше, если можно установить границы расхождений, которые существуют между реальным феноменом (факты) и той моделью, которую мы получим с помощью средних величин и усредняющих теорий. Но это не отменяет того, что сам первый шаг, когда

отделяются менее существенные эффекты от более существенных, очень ответствен, и часто бывает довольно трудно его сделать. Он открывает дорогу к дальнейшим шагам, и только педанты, совсем не сведущие в науке, откажутся признать его пользу.

37. Конкретное явление нельзя познать полностью во всех его частностях, и фактически всегда имеется некоторый остаток. Теория никогда не может охватить явления во всех деталях; следовательно, расхождения неизбежны и остается только сводить их к минимуму. Значит, и с этой стороны мы вновь приходим к рассмотрению последовательных приближений (аппроксимаций). Наука — это постоянное становление, т. е. непрерывное движение от одной теории к другой, более приближенной к реальным фактам.
38. Поскольку ни одна теория не берется в качестве обязательной основы, то из числа тех, среди которых можно делать выбор, мы предпочтем теорию, которая меньше всего расходится с фактами прошлого, позволяет лучше предвидеть факты будущего и дает возможность распространить ее на наибольшее число фактов.
39. Доказательства наших положений мы ищем только в опыте и в наблюдениях, что относится к тем логическим выводам, к которым они приводят, и исключает всякое доказательство, построенное на соответствии с чувствами, на самоочевидности или велениях совести.
40. Некто предлагает положение только потому, что оно отвечает его чувствам. Именно поэтому оно ему кажется самым *очевидным*. В плане социальной полезности это во многих случаях может быть и хорошо, но в экспериментальной науке такая согласованность теоретического положения с определенными чувствами почти, а то и вовсе, не имеет значения.
- Именно потому, что мы стремимся оставаться в области экспериментальной науки, мы ни при каких обстоятельствах не будем апеллировать к чувствам читателя. Мы будем представлять только факты и выводы из этих фактов, будем вести речь только о предметах, а не о чувствах, которые они в нас вызывают. Их мы будем изучать как внешние факты.
41. Мы не намерены, однако, как это делается в материалистической метафизике, ставить логику и опыт на службу догмам, принимаемым под влиянием чувств: мы стремимся отделять, а не сравнивать и тем более не оценивать. Мы, в общем, утверждаем только то, что опыт остается единственным из всего, что может использовать тот, кто не намерен

выходить из экспериментальной области. Эти слова показались бы ненужной тавтологией, если бы не было тех, кто все время смешивают опыт и веру, умозаключение и чувства.

42. В экспериментальной науке нет догм, даже такой, в которой утверждалось бы, что экспериментальные факты можно объяснять только из опыта. Если бы все же такая догма наличествовала, то экспериментальная наука приняла бы ее точно так же в качестве простого наблюдения. Действительно, она принимает положение о том, что для изобретений и открытий порой оказываются полезными и неэкспериментальные принципы — постольку, поскольку они подтверждаются опытным путем. Однако до сих пор история человеческого познания свидетельствовала, что в процессе доказательства потерпели крах все попытки объяснить природные факты с помощью положений, основанных на религиозных или метафизических принципах.
43. Мы никоим образом не занимаемся внутренними истинами какой бы ни было религии, веры, метафизического или нравственного суеверия, поскольку все это лежит за пределами, в которых мы предпочитаем оставаться. Но подобно тому, как сами не вторгаемся в сферы, где заняты другие, мы, со своей стороны, не допустим, чтобы вторгались в нашу. Если мы считаем нелепым и пустым занятием противопоставление опыта тем принципам, которые лежат за пределами опыта, то мы лишь отказываемся признать господство таких принципов над опытом.
44. Понятиям обыденного языка недостает точности, она обеспечивается только наукой.

Любому высказыванию, которое, подобно метафизическим суждениям, основано на чувствах, недостает точности, так как в чувствах ее нет, а название вещи не может представить ее точнее, чем она сама. Кроме того, подобное суждение порой как раз и рассчитано на недостаточную точность обыденного языка, так как она позволяет скрывать логические ошибки и убеждать.

Напротив, при экспериментальных рассуждениях, основанных на объективном наблюдении, пользуются терминами, лишенными всякой двусмысленности, и стремятся делать их как можно более точными. Следовательно, надо пользоваться особым техническим языком, т. е. словами, которым придаются вполне четкие и определенные смысловые значения, что позволяет избежать неточностей обыденного разговорного языка.

Итак, стремясь употреблять только логико-экспериментальные рассуждения, мы приложим максимум усилий к тому, чтобы слова были вполне определенными и соответствовали вещам с минимумом ошибок,

т. е. с таким отклонением от экспериментальной области, которым можно было бы пренебречь.

Здесь следует отметить, что слово выражает определенное представление, которое может отчасти соответствовать вещи и отчасти не соответствовать ей, но оно никогда не соответствует ей полностью. Не имеют реальных воплощений не только геометрические формы, такие, как прямая линия, круг и т. д., нет также ни абсолютно чистых химических веществ, ни идеально чистых видов в зоологии и в ботанике; нет ни одного физического тела, полностью обозначенного понятием, потому что тогда потребовалось бы указать и момент, когда оно рассматривается: кусок железа не остается идентичным, если меняются его температура, электрические свойства и т. д. Итак, следует пояснять соответствующим образом те высказывания, которые в обыденном языке предстают как имеющие безотносительный характер, и, как правило, заменять количественными все те характеристики, относительно которых на обыденном языке сообщается как о качественных отличиях.

45. Люди предпочитают получать свои научные знания при помощи обыденного языка по двум причинам. Во-первых, потому, что они полагают, что слову непременно должна соответствовать определенная вещь, отчего имя — это все, и часто оно наделяется таинственными свойствами. Во-вторых, потому, что так оказывается проще выстраивать «науку», черпая знание из себя всякий раз, когда это понадобится, не нуждаясь в проведении долгих, кропотливых и утомительных исследований.
46. Экспериментальная наука, напротив, такова, что направлена исключительно на вещи и не может извлекать для себя какую-либо пользу из слов, что, впрочем, могло бы повредить ей. Этот вред будет нанесен как тем, что слова вызовут чувства, приводящие к вере в реальное существование на самом деле мнимой сущности, так и тем, что рассуждениям о словах недостает точности.
47. Имеется одно простое средство, позволяющее выяснить, обращено ли некоторое высказывание к чувствам или к более или менее определенным представлениям, аккумулированным в обычном разговорном языке, или же оно относится к экспериментальной науке. Достаточно заметить наименования вещей простыми буквами *a*, *c*, *d*...: если высказывание утратит всякую силу, то оно относится к первому роду; если оно ее сохранит — то ко второму.
48. Чтобы избежать опасности, всегда присутствующей в социальных науках, что кто-то пожелает искать значения слов не из объективных определений, которые им были даны, а из их разговорного употребления или

их этимологии, мы охотно заменили бы слова-ярлыки на порядковые номера или буквы алфавита, что мы порой действительно будем делать. Но чтобы рассуждения не казались слишком муторными и непонятными, мы будем также прибегать к использованию понятий из обыденного языка, точно указывая те вещи, которые они должны представлять.

49. В этой работе я воспользуюсь некоторыми терминами из механики, о точном значении которых сообщу здесь читателю.
50. Пусть некоторые вещи A , B , C ... способны воздействовать на экономико-социальное явление; для краткости можно говорить о силах A , B , C ...

Силы A , B , C ... могут быть рассмотрены как в тот момент, когда их действие еще не закончилось, так и после полного завершения их действия. В первом случае равновесие еще не достигнуто, во втором оно уже имеется. Пусть, к примеру, A — желание некоторого человека выпить вина, B — его опасения, что это может ему повредить. Этот человек вначале выпивает один бокал вина, затем еще один и, наконец, прекращает пить, поскольку его опасения эффективно противодействуют желанию. После первого бокала развитие феномена еще не закончилось, так как ни желание, ни страх не завершили свое действие. Очевидно, что когда мы рассматриваем феномен, следует указать момент: когда A и B еще действуют или же когда их действие завершилось.

Аналогичный, но не идентичный феномен проявляется в механике; поэтому по аналогии с механикой можно воспользоваться термином «равновесие». Более детальные объяснения будут даны позднее (см. § 820 и далее).

51. Мы можем изучать феномен, задавая некоторые условия. Например, можно исследовать формы общества, введя условие существования частной собственности.

В механике при аналогичных феноменах такие условия называют «связями».

Рассмотрим систему материальных точек, которые и находятся в определенных связях; пусть на эти точки действуют некоторые силы A , B , C ... Последующие положения таких точек будут определяться этими силами и связями.

Рассмотрим общность, образованную некоторыми индивидами. Имеются определенные условия, такие, как частная собственность, наличие свободы или рабства, технические и научные знания, богатства, религия и т. д. Кроме того, на нее влияют определенные силы: стремления, интересы, предрассудки людей и т. д. Можно предположить, что последующие состояния общности окажутся детерминированными

этими факторами, которые воздействуют на нее наряду с упомянутыми условиями. Для краткости эту общность можно называть социальной системой и утверждать, что на нее воздействуют некоторые силы, которые вместе со связями определяют положение точек системы.

52. В механике переход от одного состояния к другому называется «движением». Пусть так будет и в социологии.

Когда заданы условия и силы, то последующие стадии детерминированы. Такие движения называются «реальными». Если в исследовательских целях предположить, что одно из условий устранено, то стадии движения могут отличаться от реального движения. Такие движения будут именоваться «виртуальными».

53. Связи и силы социальной системы можно рассматривать в совокупности и называть весь этот комплекс просто «условиями». Теория детерминизма будет выражена словами о том, что состояние системы полностью определяется условиями и меняется только с их изменением.

Не принимая эту теоретическую установку априорно, мы используем ее только в четко заданных пространственных и временных границах. Опыт показывает, что, как правило, именно так и происходит, но это не исключает, что в других случаях теория детерминизма не срабатывает.

54. Часто спорят, что возможно и что невозможно в истории и в социологии. Согласно детерминизму все, что происходит — возможное, а все, что не происходит — невозможное. Но на самом деле мы выделяем, в противоположность реальным движениям, два рода виртуальных движений. При виртуальном движении первого рода предполагается элиминация некоторой связи, имевшейся при соответствующем реальном движении, но которая при иных обстоятельствах могла бы отсутствовать. В таких случаях встречаются реальные движения, аналогичные рассматриваемому здесь виртуальному движению, о котором в обыденном языке говорят как о «возможном движении». В случае виртуального движения второго рода предполагается гипотетическое снятие той связи, отсутствие которой никогда не встречалось, и, следовательно, никогда не наблюдались реальные движения, подобные этому виртуальному; в обыденном языке оно называется «невозможным».

55. Изучение виртуальных движений может проводиться главным образом с двумя целями.

1. Если рассматриваются движения, которые в одном случае являются виртуальными, а в других наблюдаются как вполне реальные, то их изучение может позволить предвидеть, какими в дальнейшем

окажутся реальные движения. К этому роду принадлежат прогнозы, даваемые в отношении результатов введения какого-либо закона или осуществления какого-нибудь мероприятия.

2. Рассмотрение виртуальных движений может использоваться для выяснения особенностей и характеристик некоторого общественного состояния.

56. Высказывания: «*A* детерминирует *B*» и «Если бы не было *A*, то не было бы и *B*» выражают одно и то же; в первом случае — в виде указания свойства *A*, во втором — в виде рассмотрения виртуальных движений.

57. Однако следует быть осторожным при обращении к виртуальным движениям, поскольку очень часто мы не знаем, какими могли бы быть последствия исчезновения какого-нибудь условия.

Добавим, что условия не являются независимыми; многие из них влияют друг на друга, и, кроме того, вызываемые ими эффекты затем влияют на сами условия.

Так, попытки переосмыслить историю, строя догадки о том, что произошло бы, если бы не случилось некоторое событие, оказываются детскими играми, когда неведомы все те изменения, какие произошли бы в таком гипотетическом случае. Что последовало бы после победы Наполеона I в битве при Ватерлоо? Мы ничего об этом не знаем.

Возможно, что когда-нибудь результаты исследований единообразий в области социальных явлений позволят предвидеть будущее развитие общества.

58. Элементами нашего изучения являются социальные факты, какими бы они ни были, включая также те, которые внешне выглядят как незначительные и несерьезные. Мы попытаемся дать их классификацию, чтобы затем раскрывать единообразия (законы) отношений между ними.

59. Мы постараемся заменять, насколько это возможно, количественные рассуждения на качественные. Однако, когда будет недоставать измерительной единицы для выражения количественных свойств, нам придется пользоваться некоторыми индексами, которые возрастают и убывают в соответствии с изменениями объекта. При всем несовершенстве этого метода он все же лучше, чем ничего.

60. Предупреждаю читателя, что рассуждаю исключительно в объективной и аналитической манере, согласно экспериментальному методу, без проявления каких-либо собственных чувств. Давая объективную оценку относительно той или иной стороны объекта, я вовсе не предполагаю

давать аналогичное суждение об объекте в целом. Читатель не найдет здесь рецептов, наставлений и предписаний для достижения счастья, получения пользы или обеспечения благосостояния всего человечества или какой-нибудь его части. Моя единственная цель состоит в изучении социальных единообразий (законов). В книге представлены результаты такого исследования с расчетом на то, что хотя бы ограниченному числу читателей, обладающих научной культурой, знакомство с ней не повредит. Тот, у кого иные намерения, найдет в изобилии иные книги и отложит мою в сторону. Как говорил Боккаччо о своих новеллах, я не стану бегать ни за кем, чтобы ее читали.

НЕЛОГИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ

61. Всякое человеческое знание имеет субъективный характер, однако оно может рассматриваться в двух аспектах и быть разделено на две категории: одна включает то знание, которое, согласно нашим представлениям, соответствует фактам, подтверждается фактами; другая включает знание, выступающее в качестве такового в сознании лишь некоторых людей. Первая категория будет названа «объективной», вторая — «субъективной». Греческие моряки верили в результативность жертвоприношений Посейдону для обеспечения благополучного плавания; древние римляне верили, что колдуны могут завораживать урожай. Мы хотим отделить эти феномены от весельной гребли и поджогов урожая. Если бы однажды обнаружилось, что приносимые Посейдону жертвы оказались очень полезными для благоприятного исхода мореплавания, то их следовало бы перевести в иную категорию.

62. Есть действия, которые представляют собой средства, соответствующие цели, и которые логически соединяют средство и цель; но есть действия совсем иного характера.

Эти два класса действий оказываются очень разными в зависимости от того, рассматриваются ли они в объективном или же в субъективном аспекте. В последнем случае почти все человеческие действия относятся к первому классу: для греческих моряков жертвоприношения Посейдону и гребля выступали как одинаково логические средства для успешного мореплавания.

Мы, напротив, называем «логическими» только такие действия, при которых средства логически соединены со своей целью не только в представлении субъекта действия, но также и в представлении тех, кто обладают более обширными познаниями, т. е. имеющие смысл в субъективном, и в объективном отношении. Остальные действия будут называться «нелогическими». Это не означает, что они непременно алогичны. В последний класс войдет ряд разновидностей.

63. Полезно составить синоптическую таблицу такой классификации.

Упомянутая цель — всегда непосредственная, рассмотрение опосредованных целей исключено. Объективная цель — это реальная цель, находящаяся в области наблюдения и опыта, а не воображаемая, лежащая за пределами этой области. Последняя цель, напротив, может оказаться субъективной.

Род и вид	Есть ли логическая цель у действий?	
	Объективно	Субъективно
Класс I. <i>Логические действия</i> . Объективная цель идентична цели субъективной	Да	Да
Класс II. <i>Нелогические действия</i> . Объективная цель отличается от цели субъективной		
1-й род	Нет	Нет
2-й род	Нет	Да
3-й род	Да	Нет
4-й род	Да	Да
<i>Виды 3-го и 4-го рода</i>		
3α; 4α	Субъект принял бы объективную цель, если бы знал о ней	
3β; 4β	Субъект не принял бы субъективную цель, если бы знал о ней	

64. Логические действия у цивилизованных народов достаточно многочисленны. Действия в области ремесел и научного труда, по крайней мере, те, которые совершаются людьми, хорошо знающими эти области, принадлежат к классу I. Что касается непосредственных материальных исполнителей операций, которые совершаются только по приказу их начальников, то эти действия относятся к классу II, роду 4. Действия, изучаемые политической экономией, также принадлежат по большей части к этому классу. Кроме того, сюда следует включить некоторое число военных, политических, юридических и иных действий.

65. Так, метод индукции показывает, что нелогические действия составляют значительную компоненту социального феномена; чтобы лучше о них узнать, мы рассмотрим некоторые примеры таких действий; многие другие примеры будет удобнее дать в последующих главах.

Итак, рассмотрим действия, относящиеся к классу II.

Действия 1-го и 3-го рода, у которых нет субъективной цели, имеют малое значение для человеческого общества. У людей присутствует четко выраженная тенденция придавать собственным действиям внешний облик логической продуманности, и, стало быть, почти все они попадают во 2-й и в 4-й род. Многие поступки, которые предписаны правилами этикета, а также обычаями, можно было бы отнести к 1-му роду, но очень часто люди приводят для их оправдания всевозможные доводы, что заставляет включить их во 2-й род.

Если мы не примем во внимание побочный мотив, связанный с тем, что человека, который отходит от следования общепринятым нормам поведения в обществе, осуждают и негативно воспринимают, то встретим кое-какие поступки, которые следует отнести к 1-му и к 3-му роду. Гесиод пишет:

Также, смотри, не мочись никогда ни в истоки, ни в устье
В море впадающих рек, — берегись и подумай об этом,
Не опоражнивай в них и желудка, — то будет не лучше¹.

Предписание, призывающее не засорять реки у устьев, относится к 1-му роду, поскольку в действиях, направленных на воздержание от подобных мерзостей, не заметно ни объективной, ни субъективной цели. Предписание, требующее не загаживать фонтан, относится к 3-му роду: в нем объективно имеется та цель, о которой Гесиод мог не знать, но она известна людям нашего времени. Это предотвращение распространения некоторых заболеваний.

Вероятно, что среди дикарей и варваров встретится немало действий 1-го и 3-го рода, однако путешественники стремятся непременно узнать причины таких поступков. В конце концов, они их выискивают и получают те или иные ответы, что позволяет их отнести ко 2-му или к 4-му роду.

66. Что касается животных, то поскольку мы полагаем, что они не мыслят, почти все их поступки считаются инстинктивными, и они займут место в 3-м роде, хотя некоторые из них могут быть отнесены также и к 1-му роду.

3-й род — это чистый тип нелогических действий; изучив их в животном мире, мы лучше поймем эти действия у людей.

По поводу насекомых, относящихся к подотряду жалящих, Эмиль Бланшар² пишет, что они, так же как и другие перепончатокрылые, принимаются «сосать сладкий нектар цветов, только когда становятся взрослыми; а их личинки могут питаться исключительно принесенной им добычей. Поскольку они, как, скажем, личинки пчел и ос, не имеют ног и не способны сами накормить себя, то они погибли бы сразу, если оказались бы предоставленными самим себе. Это учтено природой. Сама мать должна заботиться о пище для своих малышей. Это трудолюбивое создание, питающееся только цветочным нектаром, готово воевать с другими насекомыми, чтобы обеспечить существование своего потомства. Перепончатокрылое насекомое нападает на других насекомых почти всегда только ради того, чтобы позаботиться о создании продовольственных запасов в своем гнезде, и прекрасно умеет находить тех насекомых,

¹ *Esiodo. Opera et dies. P. 757—758. [Гесиод. Работы и дни // Эллинские поэты / пер. В. В. Вересаева. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. С. 166.]*

² *Blanchard E. Histoire des insectes, traitant de leurs moeurs et de leurs métamorphoses en général et comprenant une nouvelle classification fondée sur leurs rapports naturels. P.: Librairie de Firmin & Didot frère, 1845.*

которые нам показались бы очень редкими, если бы мы сами принялись искать их. Самка жалит жертву и несет ее в свое гнездо. Раненное насекомое не погибает сразу, оно погружается в состояние полного оцепенения, онемения, оказывается неспособным двигаться и обороняться. Личинки, которые вылупятся вблизи от этих съестных запасов, приготовленных их матерью, найдут рядом с собой нужную пищу в количестве, достаточном для всего времени их существования в этом качестве. Ничто так не изумляет, как такая предусмотрительность, несомненно, совершенно инстинктивная, в поведении каждой самки, заготавливающей в момент откладки яиц питание для своих личинок, которых она никогда не увидит, поскольку она уже погибнет к моменту, когда они появятся».

Другие перепончатокрылые, церцерисы, атакуют жесткокрылых насекомых. Здесь мы встречаем *субъективно* нелогическое действие, отличающееся удивительной объективной логикой. Обратимся к Фабру. Он отмечает, что перепончатокрылому насекомому, чтобы суметь парализовать жертву, надо выбирать такое жесткокрылое насекомое, у которого все три ганглии (нервных узла) грудной части тела располагаются очень близко, почти соприкасаются, или находить жертву, у которой хотя бы два таких узла сливаются воедино. «Вот такая именно дичь и нужна церцерисе. Жуки со сближенными, или даже слившимися, нервными центрами могут быть парализованы мгновенно, одним уколом жала; или, если понадобится несколько ударов, то, по крайней мере, в одно место»³. И далее: «Среди громадного числа жуков, за которыми, казалось, могли бы охотиться церцерисы, только две группы отвечают необходимым условиям — златки и долгоносики. Они живут далеко от грязи и вони и среди них встречаются виды всевозможной величины, пропорционально величине охотников, и в то же время они более других уязвимы в единственной точке груди, где у долгоносиков три грудные ганглии очень сближены, а две задние даже сливаются, в этой самой точке у златок 2-я и 3-я ганглии, вблизи 1-й, соединены в одну массу. И вот, именно долгоносики и златки ловят исключительно те восемь видов церцерис, относительно которых доказано, что личинки их питаются жуками»⁴.

67. Впрочем, в некоторых поступках животных проявляется определенный тип рассудочного поведения или, правильнее сказать, способность приспособлять средства к цели при изменении обстоятельств. Фабр, которого мы так часто цитируем потому, что этот автор изучал данную тему

³ *Fabre J. H. Souvenirs entomologiques. Études sur l'instinct et les moers des insects. 1-re série. P., 1879. P. 72. [Фабр Ж. А. Инстинкт и нравы насекомых / пер. с франц. Е. И. Шевыревой. М.: Терра, 1993. С. 31.]*

⁴ *Fabre J. H. Op. cit. P. 73. [Фабр Ж. А. Указ. соч. С. 31–32.]*

лучше кого бы то ни было, пишет: «Для инстинкта ничего нет трудного до тех пор, пока действие не выходит из обычного круга деятельности, отведенного животному; для инстинкта также нет ничего легкого, если действие должно отклоняться от обычного пути. Насекомое, которое удивляет и поражает нас своей высокой проницательностью, минуту спустя, перед фактом самым простым, но чуждым его обыкновенной практике, удивляет нас уже своей тупостью»⁵. «В психической жизни насекомого следует различать две области, очень различные между собой. Одна область — это собственно инстинкт, бессознательный импульс, который управляет тем, что есть самого удивительного в строительном искусстве насекомых... Он, и только он, заставляет мать строить и заготавливать провизию для неизвестной ей семьи, направляет жало к нервным центрам добычи..., чтобы запасы сохранились в свежем состоянии... Но если бы насекомое было одарено только чистым инстинктом, то оно оставалось бы безоружным перед постоянным столкновением обстоятельств... Необходим руководитель для того, чтобы найти, принять, отказаться, выбрать, предпочесть это, сделать то, наконец, извлечь пользу из того, что случай может предоставить полезного. И действительно, насекомое обладает этим руководителем, и в очень значительной степени. Это вторая область его психической жизни. Здесь оно действует сознательно и способно к усовершенствованию при помощи опыта. Не решаясь назвать эту способность разумом (*intelligence*), — слишком возвышенным для нее термином, — я назову ее распознаванием (*discernement*), способностью различать»⁶.

68. Эти феномены в качественном отношении почти те же и для человека; однако в количественном плане область логических действий, очень ограниченная у животных, становится весьма обширной в поведении людей. Но уже у животных появляются зачатки логического поведения. После рассказов о том, как он обманывал некоторых насекомых, которые упорно совершали бесполезные поступки, Фабр добавляет: «Вспомним здесь, что желтокрылого сфекса не всегда можно обмануть игрой, состоящей в том, чтобы отодвигать сверчка. В иных местах есть элитарные особи этого вида с крупной головой, которые после нескольких неудач распознают хитрости экспериментатора и умеют разрушать его замыслы. Но этих революционеров, способных к прогрессу, небольшое число, а прочие, большинство, толпа, упрямые консерваторы, приверженцы старых обычаев и привычек»⁷.

⁵ Ibid. P. 165–166. [Фабр Ж. А. Указ. соч. С. 83.]

⁶ Ibid. P. 65–67. [Там же. С. 413, 414.]

⁷ Ibid. P. 176–177. [Там же. С. 89.]

Пусть читатель хорошо запомнит это наблюдение, поскольку подобный контраст между тенденцией к комбинациям, ведущей к обновлению, и тенденцией к постоянству определенных групп чувств, которая приводит к консервации, могла бы направить нас на путь, ведущий к объяснению многих фактов в жизни человеческих обществ (см. гл. 6).

69. Формирование языка вызывает не меньшее изумление, чем инстинктивные действия насекомых. Было бы нелепо утверждать, что грамматическая теория предшествовала языковой практике. Разумеется, она возникла после нее, и люди, не осознавая этого, создали утонченные грамматические формы.

Возьмем для примера греческий язык. Если бы мы смогли углубиться в далекое прошлое, дойти до тех индоевропейских языков, от которых происходит греческий язык, то наши наблюдения стали бы очень четкими, поскольку наличие грамматических абстракций в столь далекие времена наименее вероятно. Мы не можем предполагать, что древние греки однажды собрались вместе, чтобы принять декрет о том, как должны спрягаться глаголы; само использование глаголов сделало древнегреческие спряжения подлинным шедевром. В аттической культуре мы имеем движение вперед как знак прохождения длительного периода истории, утонченный язык, и, наряду с силлабическим слогом, добавление букв для обозначения гласных звуков*. Аорист** и функция этой <глагольной формы> в синтаксисе стали тем изобретением, которому могут воздать должное даже самые сведущие в логике специалисты. Большое число глагольных форм, уточнение их функций в синтаксисе, — все это не может не изумлять.

70. В античном Риме получавший властные полномочия (*imperium*) генерал, прежде чем покидать город, обязан был совершать гадания (*auspici*) на Капитолии. Он мог это сделать только в Риме. Не следует полагать, что в истоках данного обычая была политическая причина, хотя позднее такая практика фактически приобрела политический характер⁸. «Хотя только от воли комиций*** зависело продление его утвержденных

* Финикийцы изобрели слоговое письмо, в котором знаки соответствовали сочетаниям согласного с гласным. Греки, заимствовавшие финикийскую письменность, в IX в. до н. э. усовершенствовали ее, добавив к уже имевшимся буквам, обозначающим согласные звуки, новые буквы для обозначения гласных звуков.

** Временная форма глагола, обозначающая в ряде индоевропейских языков действие, отнесенное к прошлому.

⁸ *Mommsen Th. Le droit public romain. T. 1. P., 1887. P. 114–115.*

*** Народное собрание в Риме.

полномочий, но они не могли расширить права военного командования без совершения на Капитолии гаданий. Следовательно, данный акт находился в ведении города... и если бы хотя бы раз он прошел не в соответствии с конституцией, то были бы устранены ограничения, установленные даже в отношении решений комиций суверенного народа. Вовсе не конституционные барьеры, но те гарантии, каковыми являлись ауспиции* в отношении генералов, защищали от опасности усиления военной власти, но это правило, в конце концов, нарушили, а точнее, обошли. В более позднюю эпоху к городу Риму, используя аналогичную правовую уловку, присоединяли земельные участки, лежавшие вне границ города, словно они располагались в померии**, в дополнение к *auspizium requis****.

Позднее Сулла не просто отменил эту связанную с предзнаменованиями гарантию; он сделал ее впредь просто невозможной, обязав магистрат принимать решение о командующем не ранее, чем по истечении года от начала исполнения им его обязанностей, т. е. когда он уже не мог слушать предсказания в Риме. Консерватор Сулла, безусловно, не намеревался таким путем подготавливать упразднение конституции, так же как введение обязательных слушаний предсказателей в столице не было нацелено на предупреждение атак на республиканскую конституцию. В действительности в последнем случае мы имеем нелогическое действие вида 4α , тогда как в случае Суллы — нелогическое действие вида 4β .

В экономическом феномене примечателен факт поведения предпринимателей, совершающих в условиях свободной конкуренции действия, частично попадающие в группу действий класса II вида 4β . Их объективная цель отлична от субъективной⁹. Напротив, если эти компании имеют монополию, те же действия оказываются логическими.

71. Другое существенное отличие между поступками людей и животных проявляется в том, что поведение животных мы наблюдаем только со стороны, тогда как о человеческих поступках часто знаем из оценок самих людей, из произведенного на них впечатления, а также исходя из воображаемых мотивов, которые людям нравится приписывать таким

* Гадания по крику и полету птиц.

** На территории, расположенной внутри городской стены.

*** Получение права ауспиций (*лат.*). То есть право гаданий в военное время с этого момента имел уже только главнокомандующий.

⁹ Pareto V. Cours d'économie politiques. Livre 1. § 151. Livre 2. § 718, 719 // *Idem*. Oeuvres complètes. Tome 1. Genève: DROZ, 1964. P. 70, 87, 88; Pareto V. Manuel d'économie politiques. Ch. 5. § 11, 74 // *Idem*. Oeuvres complètes. Tome 7. Genève: DROZ, 1966. P. 289, 331.

действиям в качестве их причин. Поэтому действия, которые могли бы относиться к 1-му и к 3-му роду, переходят во 2-й и в 4-й род.

Магические операции, если к ним не добавляются иные действия, принадлежат ко 2-му роду. Жертвоприношения античных римлян и древних греков следует отнести к этому же роду, по крайней мере в то время, когда они еще верили в реальность существования своих богов. Гесиод призывает людей не переправляться через реки без совершения молитвы и омовения рук, что можно было бы отнести к 1-му роду нелогических поступков, но он добавляет, что боги карают тех, кто пересекает реки, не омыв рук, и поэтому такие действия попадают во 2-й род.

Подобные процедуры были тогда обычны и широко распространены. Гесиод говорит даже о том, что не следует осуществлять сев на тринадцатый день месяца, но что этот день прекрасно подходит для посадки деревьев, дает немало других предписаний такого же характера. Эти действия принадлежат ко 2-му роду. В античном Риме авгур, увидев небесное знамение, мог отменить комицию, назначенную на следующий день. К концу Республики, когда уже подорвалась вера в провидческий дар авгуров, этот поступок был логическим действием, т. е. средством достижения желаемого результата, но во времена, когда римляне еще верили в реальность провидения авгуров, данный поступок был действием 4-го рода. Точнее, он являлся его разновидностью 4α , когда авгуры, прибегая к помощи богов, препятствовали обсуждению на народном собрании тех вопросов, которые им представлялись пагубными для римского народа или для его части.

В целом упомянутые действия соответствуют, хотя и довольно отдаленно, тем мероприятиям, которые практикуются в наше время в законодательных собраниях, чтобы избежать принятия необдуманных решений: это обязательное введение двух или трех обсуждений с принятием предварительных решений, проведение отдельных слушаний с последующим согласованием решений двух палат и т. д. Таким образом, оказывается, что действия авгуров часто относились к виду 4α .

Большинство политических действий, основанных на традиции, на претензии какого-нибудь народа или отдельного человека на особую миссию, принадлежат к 4-му роду. Прусский король Вильгельм I и французский император Наполеон III оба считали, что они посланы «провидением». Первый верил, что его миссия состоит в служении во благо собственной стране, второй возомнил, что его предназначение — заботиться о благе человечества. Первый совершал действия вида 4α ; второй — 4β .

Помимо этого, люди придерживаются некоторых общих правил (мораль, обычаи, право), по которым совершаются действия 4α и 4β .

72. Логические действия, по крайней мере в основной их части, представляют собой результат рассуждения; нелогические действия вызываются прежде всего определенными психическими состояниями: чувствами, подсознанием и т. д. Изучать эти психические состояния надлежит психологии; мы же исходим из факта такого состояния без углубления в область психологии.

73. У животных поведенческие акты B — единственные, которые мы можем наблюдать, — связаны с некоторым гипотетическим психическим состоянием A (см. рис. 1, i). У людей такое психическое состояние проявляется не только посредством поведенческих актов B (см. рис. 1, ii), но также в выражении чувств C , которые часто получают дальнейшее развитие в моральных, религиозных и им подобных теориях.

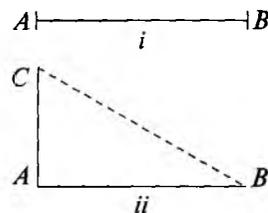

Рис. 1

Люди проявляют явно выраженную тенденцию: они стремятся трансформировать нелогические действия в логические и побуждают себя считать, что B является следствием «причины» C . Так устанавливается прямая связь CB вместо опосредованной связи, которая возникает за счет других связей — AB и AC .

Иногда связь CB действительно существует, но это случается не так часто, как думают. Одно и то же чувство, побуждающее людей воздерживаться от действия B (связь AB), побуждает их к созданию теории C (связь AC). Например, некто, испытывая отвращение к убийству — действию B , станет воздерживаться от него, но скажет, что боги карают за убийство, а это уже будет теория C .

74. Здесь мы говорим не только о качественных, но и о количественных отношениях. Допустим, что в некоторый момент определенная сила побуждает человека совершить действие B , и что величина такой силы равна 10. Совершит ли он действие B , зависит от того, имеют ли силы, препятствующие ему его совершать, величину, меньшую или большую 10. Итак, мы получим следующие случаи.

1. Сила связи AB имеет величину больше 10. В таком случае она достаточна для того, чтобы не дать человеку совершить действие B . Если и существует связь CB , она излишняя.
2. Сила связи CB , если она существует, имеет величину больше 10; следовательно, ее достаточно для того, чтобы воспрепятствовать совершению действия B , даже если сила AB равна нулю.
3. Величина результирующей сил связи AB равна, к примеру, 4, а результирующая сил связи CB равна 7. Тогда значение суммы всех этих сил составит 11: действие не произойдет. Если величина сил

связи AB имеет значение, равное 2, а величина сил связи CB сохраняется равной 7, то общая сумма составит 9 и действие совершится.

Пусть связь AB характеризует отвращение индивида к поступку B ; AC выражает теорию, согласно которой боги покарают того, кто совершит поступок B . Одни люди станут воздерживаться от совершения поступка B в силу простого отвращения (первый случай), другие — потому, что бояться божьей кары (второй случай), но найдутся и те, кто станут воздерживаться от него на основе обеих причин (третий случай).

75. Так, ложными оказываются, по причине их слишком абсолютного характера, следующие утверждения: «Естественной предрасположенности к совершению добра достаточно, чтобы удержать людей от совершения зла»; «Страха перед вечными муками достаточно, чтобы удержать людей от совершения зла»; «Мораль не зависит от религии»; «Мораль зависит исключительно от религии».

Можно предположить, что C — это санкция, применяемая в соответствии с законом. То же чувство, которое побуждает людей применять эту санкцию, удерживает их также и от совершения действия B . Одним не позволяет совершать B испытываемое к этому поступку отвращение, другим — страх перед санкцией C , третьим — обе эти причины вместе.

76. Рассмотренные отношения между A , B и C являются элементарными, но далеко не единственными. Прежде всего существование теории C оказывает ответное действие на психическое состояние A и в очень многих случаях содействует его укреплению; поэтому теория C влияет на B по линии $СAB$. Кроме того, воздержание от B , от совершения некоторых поведенческих актов оказывает ответное влияние на психическое состояние A и, следовательно, также на теорию C по пути $ВАС$. Далее, воздействие теории C на B влияет и на A и таким образом возвращается снова к C . Допустим, например, что санкция C является чрезмерно суровым наказанием за преступление B . Применение такой санкции CB изменяет психическое состояние A , и в результате этого изменения санкция C заменяется другой, менее суровой.

Изменение психического состояния вначале проявляется в росте количества преступлений B ; этот рост приводит к смене психического состояния A , а его изменение ведет к замене санкции C .

Религиозный культ можно в некотором отношении приравнять к акту B , а его теологию — к теории C : и то и другое порождается некоторым психическим состоянием A .

77. Рассмотрим некоторые действия D (см. рис. 2), зависящие от этого психического состояния A . Культ B не влияет непосредственно на D , но он влияет на A и через него — на D . Тем же способом он воздействует

и на C , а C оказывает ответное действие на B . Может иметься и прямое действие CD . Воздействие теологии C на A обычно довольно слабое, и, следовательно, оно также очень слабое в отношении D , поскольку действие CD обычно невелико. Таким образом, люди обычно совершают серьезную ошибку, полагая, что теология C является причиной действий D . Часто встречающееся утверждение «Данный народ поступает так потому, что он верит в это» редко бывает верным, оно почти всегда ошибочное. Противоположное утверждение «Народ верит в это потому, что он так поступает» обычно заключает в себе немалую долю правды, но оно слишком категоричное и частично ошибочное. Вера и поступки, действительно, не являются независимыми друг от друга, но их зависимость состоит в том, что они выступают как две ветви одного дерева (см. § 97).

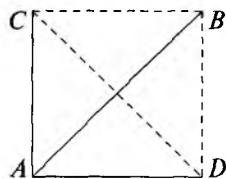

Рис. 2

Эта тема будет подробно развиваться в главе 8.

78. Древняя римская религия до вторжения богов из Греции не имела теологии C и сводилась к культу B . Но этот культ B , воздействуя на A , оказывал сильное влияние на поступки римского народа D . Более того, идея, что тогда существовало непосредственное отношение BD , нам, современным людям, представляется нелепой; но отношение BAD , напротив, в некоторых случаях могло бы показаться очень осмысленным и полезным для римского народа. Теология C оказывает на D в целом более слабое непосредственное воздействие, чем на A . Таким образом, было бы серьезной ошибкой пытаться судить о социальной ценности религии, исходя из логической ценности и осмысленности ее теологии (см. § 13). Конечно, когда последняя станет до такой степени абсурдной, что сильно подействует на A , она тем самым сильно повлияет и на D . Это, однако, случается редко, и только когда изменяется психическое состояние A , людям удастся заметить в теологии некоторые нелепости, прежде почти полностью ускользавшие от них.

Этот анализ можно распространить и на любые иные теории¹⁰. Пусть, к примеру, C — теория свободного экономического обмена; D — конкретное применение этой теории в какой-то стране, A — психическое состояние, вызванное в основном экономическими, политическими, социальными интересами индивидов и обстоятельствами их жизни. Непосредственная связь между C и D обычно очень слабая, и воздействие на C с целью изменить D приводит к незначительным результатам. Напротив, изменение в A может вновь отразиться и на C , и на D . Следовательно, их изменения будут отмечены одновременно, и невнимательный

¹⁰ Pareto V. Manuel... Ch. 2. § 108. Ch. 9. § 62 // Ibid. P. 135, 520.

наблюдатель сможет посчитать, что изменение D вызвано изменением C , но более глубокое исследование покажет, что D и C не зависят непосредственно друг от друга, но оба зависят от общей причины A .

79. Теоретические дискуссии C не являются, следовательно, очень полезными, когда надо непосредственным образом изменить D , но опосредованным, косвенным путем они могут способствовать изменению A . Однако для этой цели необходимо апеллировать в значительно большей мере к чувствам, чем к логике и к опыту. Это положение можно выразить в некорректной, слишком абсолютной форме, но впечатляюще, утверждая, что с целью воздействия на людей умозаключения следует трансформировать в чувства.

Некая теория C имеет логические следствия; некоторые из них встречаются также в B , тогда как другие ее следствия в B не встречаются. Если бы B оказывалось прямым следствием C , то и все логические следствия B были бы и следствиями C . Но поскольку C и B — это только следствия некоторого психического состояния A , постольку логическое соответствие между ними не может быть полным. Мы бы избрали ошибочный путь, если бы сочли, что можно выводить B из C в связи с установлением такого соответствия. Следовало бы двигаться от C , чтобы узнать A , и, зная A , выводить затем B . Но здесь возникают довольно большие трудности, и, к сожалению, только преодолевая их, можно надеяться на достижение научного знания социальных феноменов.

80. Мы не знаем об A непосредственно, но нам известны некоторые проявления A , а именно — C и B . От них нам надо подходить к A . Трудности возрастают оттого, что если в отношении B может быть выполнено строгое наблюдение, то C почти всегда выражено очень нечетко и о ясности и точности здесь не может быть речи.
81. Рассмотренный ранее случай относился к простонародным объяснениям или, по крайней мере, к тем, которые циркулируют в больших коллективах. Он во многих отношениях отличается от того случая, когда C представляет собой созданную учеными теорию. Если рассуждение не является в строгом смысле научным, C меняется при смене психического состояния ученых, которые строят теорию.

Если эти ученые составляют часть общности, совершающей поведенческие акты B , то их психическое состояние в некоторых отношениях совпадает с психическим состоянием представителей данной общности (кроме довольно редких случаев людей, избегающих проторенных путей) и, следовательно, A воздействует также и на C . И тогда данный пример сродни предыдущему. Когда они разрабатывают теорию поведенческих актов, совершаемых людьми других общностей, другой страны,

представителями иной цивилизации, очень непохожей на нашу цивилизацию, или когда они исследуют исторические факты далекого прошлого, то их собственное психическое состояние A' в большей или меньшей мере отличается от A . Следовательно, о том, что влияет на C , они могут знать плохо или вообще ничего не знать.

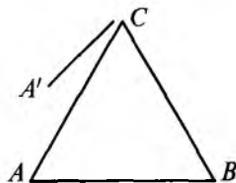

Рис. 3

Если мы пренебрегаем таким воздействием A или A' , то мы переходим к случаю чисто теоретических интерпретаций фактов B . Если C представляет собой строгий и точный принцип, который связан с B посредством логически четких рассуждений, безо всяких ухищрений, то мы имеем научные объяснения.

82. Однако та категория, которую мы рассматриваем, содержит и другие случаи. В качестве C может выступать принцип, лишенный строгости и определенности или даже не имеющий экспериментального смысла. Кроме того, C может соединяться с B посредством рассуждений, не отличающихся логической связностью, которые могут проводиться по аналогии, апеллировать к чувствам, расплываться в путаных и туманных отступлениях. В таких случаях перед нами теории, почти или вовсе не имеющие логико-экспериментальной ценности, хотя они и могут иметь большую социальную ценность (см. § 13). Они распространены в огромном количестве, и нам придется подробно заниматься ими в последующих главах.

83. Очень важным является психическое состояние, которое приводит к установлению и поддержанию некоторых связей между ощущениями или фактами при помощи других ощущений $P, Q, R...$ Эти ощущения могут следовать друг за другом (таково, вероятно, одно из проявлений инстинкта животных) и возникать одновременно, или считаться одновременно возникающими. Их соединение создает одну из наиболее значительных сил, обеспечивающих социальное равновесие.

Мы не даем имени такому психическому состоянию, чтобы по возможности избежать стремления выводить смысл вещи из ее наименования (см. § 48), и продолжаем обозначать его буквой A . Это состояние следует рассмотреть как в статике, так и в динамике. В самом деле, очень важно знать, как может измениться определяющая часть в устройстве институтов того или иного народа.

1. Она может меняться только с трудом и медленно, проявляя явную тенденцию к сохранению собственной идентичности.
2. Она может легко, в значительной мере изменяться, но по-разному.
 - 2а. Легко изменяется и форма, и содержание: при новом содержании возникает новая форма; следовательно, будет нетрудно отделять

ощущения $P, Q, R...$ либо потому, что сила X , соединяющая их, мала, либо, если даже она значительна, то над ней берет верх иная, еще более значительная сила.

- 2β. Содержание легче меняется, чем форма: содержание новое, а форма старая; следовательно, ощущения $P, Q, R...$ будут с трудом разъединяться либо потому, что сила X , которая их соединяет, более велика, чем другие силы, либо потому, что ей не противостоит никакая другая существенная сила, даже если сила X незначительная.

Ощущения $P, Q, R...$ могут порождаться некоторыми реальными вещами и затем представлять для индивида как их абстракции, как принципы, максимы, предписания и т. д. Они образуют агрегат. Относительно сохранения этого агрегата мы будем подробно вести разговор в главе 6.

84. Случай 2β невнимательный наблюдатель может спутать со случаем 1, однако на самом деле между ними имеется принципиальное отличие. Народы, именуемые «консерваторами», могут быть таковыми только в отношении формы (случай 2β) или же в отношении содержания (случай 1). Народы, именуемые «формалистами», могут сохранять форму и содержание (случай 1) или только форму (случай 2β). Народы, о которых можно сказать, что они «кристаллизовались в определенном состоянии», соответствуют случаю 1.

85. Когда сила X довольно значительна, а сила Y , которая ведет к инновациям, очень слаба или равна нулю, мы имеем феномены, схожие с инстинктом животных, или устройством Спарты, кристаллизовавшимся в институтах. Когда сила X велика, но и сила Y близка к ее уровню, инновации совершаются в содержательном отношении с соблюдением прежней формы; что мы имеем в случае государственного устройства, близкого к древнеримскому. При этом стремятся изменять институты так, чтобы как можно меньше нарушались соединения $P, Q, R...$, позволяя им сохраняться в отношении формы. В этом плане римский народ в определенные эпохи его истории можно назвать «хранителем форм» или «формалистом», так же как и английский народ. Ввиду нежелания этих двух народов обновлять формальные отношения $P, Q, R...$ было бы позволительным назвать их «консерваторами»; но, когда изучаешь сущность, выясняется, что они их не сохраняют, а трансформируют. У граждан античных Афин, так же как и у современных французов, сила X оказывалась довольно слабой. Трудно установить, у какого народа сила Y была наиболее интенсивной: у афинян или у римлян, у французов или у англичан периода XVII–XIX вв. Если ее эффекты проявлялись в различных формах, то это было связано, скорее, с уровнем интенсивности X , чем Y .

Допустим, что у двух народов величины Y одинаковы, тогда как величины X различны. В отношении инноваций тот народ, у которого сила X мала, представляет собой *tabula rasa* для отношений $P, Q, R...$, и они легко могут заменяться новыми отношениями. Народ, у которого сила X велика, напротив, стремится, насколько возможно, сохранять такие связи, изменяя значение $P, Q, R...$ Кроме того, у первого народа мы будем иметь меньшие пережитки, чем у второго. Когда сила X мала, ничто не препятствует отношениям $P, Q, R...$ исчезнуть, если они считаются бесполезными; но когда сила X велика, они сохраняются, даже если выглядят бесполезными.

Мы получили эти выводы индуктивным путем из наблюдений за проявлениями психических состояний A . В античном Риме таких фактов было огромное количество. Рассмотрим религию. Сейчас нет никаких сомнений в том, что на заре своей истории Рим либо совсем не имел собственной мифологии, либо она была очень бедной, и что классическая римская мифология в значительной части есть наложение греческой формы античных богов или вторжение иностранных божеств. Древняя римская религия в основном являлась соединением некоторых религиозных практик с житейскими поступками. Это был случай соединения $P, Q, R...$ Цицерон имел основание сказать, что «вся религия римского народа разделяется на жертвоприношения и на ауспиции, и третий элемент присоединяется, если толкователи Сивиллы или гаруспики по знамениям или чудесным явлениям возвещают какое-нибудь предсказание»¹¹.

86. Примечательна устойчивость соединения идей и некоторых поведенческих актов. Она такова, что словам начинают приписывать способность оказывать оккультное воздействие на вещи.

Такие акты, при которых слова якобы оказывают воздействие на вещи, принадлежат к тому роду действий, которые в обыденном языке обозначают несколько расплывчато как магические.

Предельным является случай, когда определенные слова и поведенческие акты благодаря неведомым обстоятельствам оказались способными произвести некоторые эффекты. Затем, на первом уровне логического оформления эту способность объясняют вмешательством высших существ, богов. В дальнейшем доходят до другой предельной точки, когда фигурируют полностью логические акты. Например, согласно средневековому суеверию человек, продавший душу дьяволу, приобретал удивительную способность наносить вред другим людям.

¹¹ *Cicerone. De natura deorum. III. 2. 5. [Цицерон Марк Туллий. О природе богов / пер. с лат. С. Блажеевского. СПб.: Азбука-классика, 2002. С. 175.]*

Кто рассматривает только логические действия, тот, столкнувшись с подобными явлениями, пренебрегает ими, не признает их, считает их патологическими состояниями и далее не рассматривает подобные вещи. Но их следует внимательно изучать тому, кто понимает, насколько большое место занимают нелогические действия в социальной жизни.

87. Предположим, что нам известны только те факты, в которых ожидаемый желанный успех магических операций приписывается демону. Мы могли бы принять в качестве верной некую логическую интерпретацию и сказать: «Люди верят в эффективность занятий магией потому, что они верят в демона». Этот вывод существенно не изменится при знакомстве с иными фактами, в которых вместо демона будет фигурировать какое-нибудь другое божество; но он окажется полностью опровергнутым, когда мы узнаем о фактах подобного рода, никак не связанных с вмешательством сверхъестественных существ. Таким образом, основу этих феноменов составляют нелогические действия, в которых соединены некоторые слова, некоторые заклинания, некоторые виды практики с ожиданием результатов, испрашиваемых и получаемых от вмешательства богов, демонов, духов и т. д., благодаря чему этим действиям придается логическая форма. Именно логическая форма служит соединению *C* с *B* (см. § 73).

Отметим, что, оставаясь неизменными в своей сути, многие формы могут сосуществовать, уживаться в одном индивидуе, при этом он порой сам не сознает, какая его часть относится к какой из таких форм. У Феокрита¹² колдунья рассчитывает на вмешательство божеств и на эффективность магических манипуляций, не вполне различая того, как действует каждая из этих двух могучих сил. Она молит Гекату помочь ей приготовить приворотное зелье «страшней, чем яды напитков Цирцеи, Медеи и златокудрой Перимеды». Если бы колдунья рассчитывала только на вмешательство богини, она могла бы попросить ее обеспечить непосредственно тот результат, которого она хочет добиться с помощью зелья. Или когда она обращается к магической птице вертишейке словами: «Вновь привлеки, вертишейка, под кров мой милого друга!», очевидно, что она видит некую оккультную связь между этой птицей и своей целью.

В течение долгого времени люди верили подобным сказкам, выступавшим в самых разных формах, и даже сегодня встречаются те, кто слушают и воспринимают их всерьез. Примерно два-три века назад стало возрастать количество людей, которые над ними смеялись, как когда-то Лукиан, однако достаточно много фактов спиритизма, телепатии,

¹² *Teocrito. Idili. II. 17.* [Феокрит, Мосх, Бион. Идиллии и эпиграммы / пер. и комм. М. Е. Грабарь-Пассек. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 15.]

«христианской науки» и т. д., показывающих, какую силу еще имеют эти и аналогичные чувства.

88. В «Трактате» (см. § 186–215) мы подробно рассмотрели нелогические действия, якобы вызывающие или отводящие грозы, и уничтожающие или сохраняющие урожаи. Имеется немало случаев, когда люди полагают, что с помощью подобной практики можно вызвать или отвести ураганы. Порой люди не ведают, каким образом возникает подобный результат, имеющийся налицо; в других случаях они говорят о предполагаемых ими причинах такого результата или считают его теоретически объяснимым следствием действия неких сил. При этом метеорологические явления обычно предстают как находящиеся в прямой или косвенной зависимости от некоторых практик при вмешательстве высших сил.

89. На основе проведенного изучения мы приходим к выводу о проявлении следующих особенностей (см. § 197).

1. Существует нелогическое ядро, в котором просто соединены во едино определенные поведенческие акты и некоторые слова, имеющие определенные результаты, такие, как ураган или уничтожение урожая.
2. От таких ядер отходят многочисленные ответвления логических интерпретаций. Нельзя не признать, что такие интерпретации, являющиеся результатом игры воображения, были созданы для того, чтобы привлечь внимание, что бури могут вызываться и предотвращаться, благодаря чему урожай может быть сохранен или уничтожен. Как исключение порой отмечается обратный феномен, когда считают, что логическая теория породила веру в существование подобных фактов. Такие интерпретации нередко настолько переплетены, что тот, кто им следует, часто не может точно осознать, какая их часть побуждает его склониться к тому или иному мнению.
3. Логические интерпретации принимают формы, наиболее приемлемые для эпохи, в которой они появились; их можно сравнить с модой в одежде того времени.
4. Это развитие идет не по прямой, как изображено на рис. 4, но, скорее, принимает форму, подобную той, которая представлена на рис. 5. Чисто нелогическое действие не трансформируется в действие логическое по форме, но сосуществует вместе с другими производными действиями.

Нельзя выяснить, каким образом совершалась эта трансформация, желая установить, к примеру, как от простой ассоциации поведенческих актов и фактов (фетишизм) совершался переход сначала к теологической интерпретации, затем к метафизической

интерпретации и наконец, к позитивистской интерпретации. Такого следования во времени не существует. Интерпретации, которые можно было бы назвать фетишистскими, магическими, экспериментальными или псевдоэкспериментальными, часто переплетены настолько, что, скорее всего, даже тот, кто их принимает, не сможет отделить их друг от друга. Он знает, что определенные акты должны иметь своим результатом определенные факты, и мало заботится о том, чтобы узнать, как это происходит.

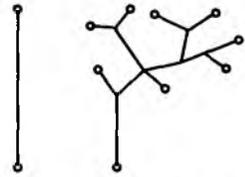

Рис. 4, 5

5. Безусловно, со временем уровень образованности людей начинает влиять на этот феномен, но такая связь не является стабильной. Древние римляне не сжигали ни колдунов, ни ведьм, однако их прогресс в области наук был, безусловно, не таким быстрым, как у итальянцев, французов и немцев в XVII в., когда они убивали их в большом количестве. В конце XII — начале XIII в. этих несчастных еще не преследовали, однако интеллектуальное развитие тогда протекало несравнимо медленнее, чем в XVII в.
6. Вовсе не благодаря тем логическим приемам и ухищрениям, которые использовались церковью, правительствами и т. д., была вызвана вера в нелогические действия такого рода. Напротив, сами нелогические действия привели к созданию в целях их объяснения таких логических приемов и ухищрений. В свою очередь, такие искусные приемы смогли затем укреплять веру в эти нелогические действия и рождать ее там, где она еще отсутствовала.

Этот последний вывод приводит нас к пониманию того, как могут происходить аналогичные явления, а также того, насколько мы заблуждаемся, когда, зная о нелогических действиях только по их логическим обличкам, придаем этим формам значение, не соответствующее действительности.

90. Во всех многообразных фактах, подобных грозам, имеется нечто общее, неизменное, а именно — чувство, что при помощи определенных манипуляций можно воздействовать на грозы. Кроме того, есть изменчивая, подвижная часть. Это сами средства, их обоснование и наделение смыслом. Первая часть, несомненно, самая важная. Когда она имеется, людям почти или вовсе не требуется усилий и времени для того, чтобы найти вторую. Но может оказаться и так, что в детерминации социальной формы части, сходные с выявленной нами устойчивой составляющей, окажутся значимее всех других. Пока мы не можем об этом твердо знать, но индукция направляет нас на путь, по которому следует идти.

НЕЛОГИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ В ИСТОРИИ УЧЕНИЙ

91. Если нелогические действия в самом деле имеют то значение, о котором свидетельствует индуктивный вывод, сделанный в предыдущей главе, то было бы, собственно говоря, странным, если бы умные люди, обращавшиеся к исследованиям человеческих обществ, никак их не замечали. Они могли, по крайней мере, угадывать их, отвлекаясь от предубеждений, отходя от ошибочных теорий; трудно поверить, что такие действия совершенно ускользали от их внимания. Итак, посмотрим, как фактически обстоит дело.
92. Очень немногие авторы совершенно игнорируют нелогические действия. Обычно такие действия выявляются при рассмотрении некоторых естественных склонностей, наличие которых в людях автор исследования должен, вольно или невольно, по крайней мере признавать. Но забвение логических действий продолжается недолго: отрываясь от них в одном месте, эти авторы затем возвращаются к ним в другом; при этом они стремятся свести к минимуму склонности людей к нелогическим действиям, полагая, что они делают из них логические выводы, чтобы затем поступать, руководствуясь этими выводами.
93. Такова общая картина. Но у создателей теорий имеется достаточно сильный мотив преподнести нелогические действия в качестве логических.
- ³ Если считается, что те или иные действия являются логическими, то оказывается намного проще создать объясняющую их теорию, поскольку каждый может мысленно подобрать для них произвольные логические интерпретации и тогда ему нет необходимости ни в чем другом. Что же касается нелогических действий, то при их изучении необходимо обращаться к наблюдению множества фактов, раздвигать границы исследований в пространстве и во времени и быть очень внимательным, чтобы не впасть в ошибку из-за неточностей документов. Одним словом, это долгая и трудная работа.
94. Также и иные мотивы влияли на то, чтобы отдалять исследователей от области нелогических действий и ограничивать их областью логического поведения. Большинство из них не довольствовалось изучением того, что есть, но стремилось узнать, а нередко и научить других тому, как должно быть. В последнем случае они уважали ее величество логику и поэтому, как только замечали существование нелогических действий, чаще всего

обходили их стороной, словно забывая о них. В основном они просто не принимали их во внимание и обращались к логическим действиям.

95. Таким же образом они элиминировали нелогические действия, более или менее явно рассматривая их как заслуживающие порицания, которым не должно быть места в хорошо организованном обществе. Например, они считали их суевериями, подлежащими преодолению разумом. Никто в реальной жизни не поступает так, как если бы он верил, что физический и моральный облик индивидов не проявляется в его поведении; однако те, кто создают теории, полагают, что человек в своем поведении руководствуется только разумом, и охотно закрывают глаза на все, чему нас учит повседневная практика.
96. Несовершенство обыденного языка с точки зрения научных стандартов также содействует широкому распространению логических интерпретаций относительно нелогических действий.
97. Оно способствует также путанице, которая обычно появляется оттого, что одно явление объявляют причиной, а другое — следствием только потому, что оба они наблюдаются совместно. Мы уже отмечали эту ошибку (см. § 77), но ее следует более обстоятельно изучить, поскольку это имеет для социологии немаловажное значение.

Пусть так же как в § 77 буквой *C* будет обозначена вера, а буквой *D* — определенные действия. Вместо того чтобы просто сказать, что «некоторые люди совершают *D* и верят в *C*», обыденный язык добавляет в эту фразу кое-что еще, и при этом возникает суждение: «Некоторые люди совершают *D*, потому что верят в *C*». Такое суждение, если оно понимается строго текстуально, часто оказывается неверным; не так часто бывает верным и обратное высказывание: «Некоторые люди верят в *C*, потому что они совершают *D*». Но остается также немало случаев, в отношении которых можно сказать только: «Некоторые люди совершают *D* и верят в *C*».

Можно также снять строгую логическую направленность, появляющуюся при включении термина «потому что» в первое из приведенных высказываний, и убрать устанавливаемое этим термином причинно-следственное отношение между *C* и *D*. Итак, мы скажем: «Мы можем полагать, что некоторые люди совершают действия *D*, потому что имеют веру *C*, при которой проявляются чувства, побуждающие их совершать *D*», т. е., если мы обратимся к рис. 2, «...потому что они находятся в психическом состоянии *A*, выраженном верой *C*». При такой форме утверждение оказывается намного более близким к истине, как мы видели в § 77.

98. Рис. 2 можно разбить на три другие фигуры (см. рис. 6):

i. Психическое состояние *A* порождает веру *C*, а также действия *D*, но между *C* и *D* нет непосредственной связи. Этот случай соответствует сформулированному выше третьему утверждению.

ii. Психическое состояние *A* приводит к поступкам *D*, которые порождают веру *C*. Это указывается во втором утверждении.

iii. Психическое состояние *A* порождает веру *C*, которая оказывается причиной действий *D*. Это соответствует первому утверждению.

Несмотря на то что случай *iii* не является единственным и встречается не так уж часто, многие люди склонны полагать, что именно он самый распространенный, и путать с ним случаи *i* и *ii*, чего они не осознают и никак не хотят принять во внимание. Повседневный разговорный язык из-за недостатка точности благоприятствует совершению такой ошибки, поскольку, когда на нем говорится только о случае *iii*, неявно могут подразумеваться также случаи *i* и *ii*. Часто также смешиваются в разных пропорциях все три случая.

99. Теперь мы изучим средства, с помощью которых элиминируют нелогические действия и оставляют только логические действия; как обычно, мы начинаем с классификации объектов нашего исследования.

Класс А. Источники нелогических действий предполагаются не имеющими никакого отношения к объективной реальности (см. § 100–104).

Виды <интерпретаций>

1. Нелогические действия совершенно не принимаются во внимание (см. § 100).
2. Они рассматриваются как нелепые предрассудки (см. § 101–102).
3. Они рассматриваются как уловки и ухищрения (см. § 103–104).

Класс В. Истоки нелогических действий предполагаются имеющими незначительную или значительную связь с объективной реальностью (см. § 105–136).

Виды и подвиды <интерпретаций>

1. Объективная реальность целостная и непосредственно данная (см. § 105–122).
 - 1а. Предписания с санкциями, отчасти воображаемыми (см. § 107–115).
 - 1б. Участие олицетворенного бога или персонифицированной абстракции (см. § 116, 117).
 - 1γ. К простому участию, рассмотренному в предыдущем подвиде, добавляются легенды и логические дедукции (см. § 118).

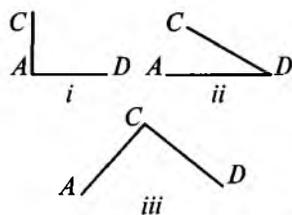

Рис. 6

- 1δ. Метафизической сущности придается смысл реальности (см. § 119, 120).
- 1ε. Реальность понимается как соответствие принципов определенным чувствам (см. § 121, 122).
2. Объективная реальность не выступает как целостная и непосредственно данная. Считается, что она содержится непосредственно в фактах, и предполагается, что их нелегко наблюдать и трудно познавать (см. § 123–134).
- 2α. Предполагается, что люди проводят несовершенные наблюдения, из которых логическим путем выводятся следствия (см. § 124–130).
- 2β. Миф понимается как искаженное отражение некоторой исторической реальности или мыслится просто как ее имитация (см. § 131–133).
- 2γ. Миф мыслится как состоящий из двух частей. Первая часть — это исторический факт; вторая — это добавка, представляющая собой плод воображения (см. § 134).
3. Основами нелогических действий являются аллегории (см. § 135, 136).
- Класс С.* Предполагается, что нелогические действия не оказывают влияния на прогресс или не противодействуют ему; следовательно, их не надо принимать в расчет в исследовании, обращенном только к теме прогресса (см. § 137, 138).

Рассмотрим все эти различные классы и виды.

100. Вид А1. Нелогические действия могут совершенно не учитываться как не имеющие отношения к реальности. Так поступает Сократ в диалоге Платона «Федр» в отношении национального культа. Федр обратился к Сократу с вопросом, что он думает о похищении Бореем Орифии, дочери Эреффея. В начале ответа Сократ отвергает логическую интерпретацию, при которой стремятся обнаружить положенный в основу мифа реальный факт 2γ, и далее высказывает мнение, что подобные толкования оказываются настолько же бесполезными, насколько и хитроумными, и ссылается в этой связи на сложившееся в народе поверье. Народная вера приводила, однако, древних греков к Дельфийскому оракулу, когда лучшим способом почитания богов считалось следование обычаям своего города. Разумеется, это вовсе не означает, что подобные обычаи соответствовали совсем нереальным вещам, поскольку они не были полностью свободны от верификаций, обращенных к реальным фактам. Следует добавить, что такой подход к рассмотрению верований часто приводит к восприятию их как нелогических действий, которые не пытаются объяснять, принимают такими, каковы они есть, стараясь только узнать связи, которые они могут иметь с другими социальными фактами. Именно такой подход более или менее явно проявляется у многих государственных деятелей.

101. Вид А2. Во внимание может приниматься только форма нелогических действий. Не воспринимая в качестве осмысленных действий, люди могут рассматривать их как нелепые предрассудки, заслуживающие изучения только в патологическом аспекте как самые натуральные болезни рода человеческого. Немало авторов проявило эту склонность при рассмотрении юридических и политических форм, еще в большей мере — различных культов; это также прослеживается в нынешнем антиклерикализме по отношению к христианской религии, что указывает на грубое невежество этих сектантов в сочетании с ограниченным умом, неспособным понимать социальные феномены.

Предельный тип встречается в отвлеченных рассуждениях тех людей, которые стремятся сделать религию более «научной» (см. § 13), исходя из посылки, что ненаучная религия абсурдна и достойна порицания. В прежние времена пытались, прибегая к изощренным интерпретациям, устранить в легендах и культах языческих богов части, выглядевшие нелогическими; то же самое делали протестанты во времена Реформации, и их усилия продолжают сегодня либеральные протестанты, взывающие к псевдоопыту; точно так же поступают модернисты в отношении католицизма, а радикальные социалисты — в отношении традиционного марксизма.

102. Те, кто считают абсурдом некоторые нелогические действия, могут особо акцентировать внимание на их комических сторонах, что часто становилось эффективным оружием в борьбе с верой, укрепляемой такими действиями. Его часто использовали многие, от Лукиана и до Вольтера, в борьбе с существующими религиями.

103. Вид А3. Фиксируя некоторые нелогические действия и пытаясь отнести их к логическим действиям, т. е. свести любой человеческий поступок к действию, совершаемому в соответствии с логикой, некоторые авторы могут утверждать, что институт нелогических действий был изобретен индивидом или группой с целью извлечь из этого пользу для себя, или для государства, или для данного общества, или для всего человечества. Таким образом, действия по сути нелогические оказываются трансформированными в логические действия по отношению к той цели, которую кто-то стремится достичь.

Отличие от предельного случая, о котором упоминается в § 13, когда утверждают, что только отвечающие фактам (логико-экспериментальные) теоретические построения могут быть полезными обществу, здесь признается, что могут быть также не логико-экспериментальные теории, которые все же полезны для него. Но полагают, что если теории поначалу не являются результатом логических действий, поскольку не соотносятся с опытом, они могут в конце концов совпасть с мистическими

теориями по своим целям и тем самым продемонстрировать свою полезность обществу. Таким образом, получается следующее решение: «Теории, которые не отвечают фактам, могут оказаться полезными обществу и, следовательно, будут логически связаны с поставленной целью».

Отметим, что если мы в приведенном выше высказывании заменим слово «связаны» словом «сохранены», то оно отчасти, в большей или меньшей степени, станет соответствовать действительности. В самом деле, предусмотрительные люди могут воспользоваться ради достижения своих целей теориями, которые однажды получили широкое распространение, что справедливо также в отношении тех или иных социальных сил.

104. К рассматриваемому сейчас виду относятся интерпретации, в которых нелогические действия преподносят как одно из проявлений влияния внешней, не представляющей тайны доктрины, которая служит сокрытию иной, внутренней, тайной, предназначенной для посвященных доктрины. Так внешне нелогические поступки оказываются в действительности логическими.

105. Предельный случай, когда признается действительная природа нелогических действий (вид $B1$), и поэтому его рассмотрение здесь вроде бы выглядит как неуместное. Тем не менее мы его обсудим, поскольку он является отправным пунктом многих процессов трансформации нелогических действий в логические.

Данный вид отмечается при религиозных действиях, совершаемых теми, чья вера слепа; в таком случае эти поступки мало отличны или вовсе не отличаются от других логических действий. Кто убежден, что для того, чтобы мореплавание было благополучным, необходимо принести жертву Посейдону и позаботиться, чтобы в открытом море не возникла на корабле течь, совершает жертвоприношение точно так же как и конопатит щели в днище своего корабля.

106. Такие концепции порой оказываются самыми близкими из всех доктрин к научным теориям и отличаются от них только в одном отношении, а именно уверенностью, что воображаемое начало на самом деле оказывается реальным; многие другие концепции отличаются от научных теорий, кроме этого, еще и нечеткими дедукциями.

107. Подвид $B1\alpha$. Этот подвид охватывает интерпретации, полученные за счет добавления к простому их типу $B1$ предписаний, но без санкции или «табу». Простой тип не включается в эту разновидность, поскольку он означает признание, а не отвержение рассмотрения нелогических

действий. Более того, именно при интерпретациях простого типа такие действия лучше всего выявляются.

108. Рейнах пишет: «Табу представляет собой запрет; объект *табу* — это запретный объект. Запрет может распространяться на телесный контакт, или на контакт визуальный; он может также ограждать объект табу от особого рода нарушений, состоящих только в произнесении его имени... Аналогичные запреты встречаются в античной Греции, в древнем Риме и у многих других народов, которые, как правило, объясняются тем, что знание имени позволяет, считается, осуществлять в злых целях *заклятие* в отношении обозначенного им объекта и приобрести над ним власть. Такое объяснение, возможно верное в отношении некоторых эпох, безусловно, будет неверным в отношении первобытной эпохи; в начале сама святость имени внушала не меньший страх, чем контакт с объектом табу»¹³.

Рейнах прав, когда стремится дополнительно принять во внимание то, что знание имени вещи якобы дает над нею власть; но к этому он добавил также рассмотрение «святости». Напротив, большинство соблюдавших табу людей не имели ни малейшего представления о такой абстракции, как «святость». Для них табу было просто нелогическим действием: стремлением никогда не трогать предмет табу, не смотреть на него, не произносить его имя. Затем люди стали пытаться объяснить, обосновать такую неприкасаемость; так и была придумана та власть, о которой пишет Рейнах, а также святость.

Далее он пишет: «Понятие табу более широкое, чем понятие запрета. Первое, чем они отличаются — это то, что табу никогда не мотивировано»¹⁴. Прекрасно! В этом и заключается характерная особенность нелогических действий; именно поэтому Рейнаху не следовало бы в данном случае «мотивировать» табу через рассмотрение святости.

Рейнах продолжает: «...объявляя о том, что надо остерегаться, подразумевают причину, которая есть не что иное, как само *табу*, т. е. предупреждение о смертельной опасности»¹⁵. Так он спасает предложенную концепцию и стремится вернуться в область логических действий. Здесь речь идет не о *причине*; табу заключается в стремлении полностью воздерживаться от совершения некоторого действия. Если нужен пример, относящийся к нашим современникам, то обратим внимание на чувствительных индивидов, которые ни за что на свете не смогли бы зарезать курицу. Здесь нет причины: имеется отвращение, достаточное для того, чтобы

¹³ Reinach S. Cultes, mythes et religions. T. I. 3-e éd. P., 1922. P. 1–2.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

помешать зарезать курицу. Но неизвестно почему Рейнах хочет, чтобы кара за нарушение табу всегда представляла собой смертельную опасность; и при этом он сам же приводит противоположные примеры, аналогичные только что рассмотренному. Далее Рейнах опять возвращается в область нелогических действий и очень удачно отмечает, что «те табу, которые регулярно воспроизводятся в современных цивилизациях, часто излагаются вместе с поддерживающими их мотивировками, но сами эти мотивировки были придуманы относительно недавно (лучше не скажешь — В. П.) и несут в себе отпечаток современных взглядов. Теперь говорят: “В мертвецкой можно разговаривать только шепотом (вот то табу, которое никак не предполагает санкции и опасности для жизни. — В. П.), чтобы не нарушать покой умерших”, тогда как первобытное табу требовало избегать не только контакта, но и соседства с трупом (опять нет указаний на опасность для жизни. — В. П.). Между тем и сегодня взрослые, воспитывая детей, объявляют для них табу либо вовсе без мотивировок, либо ограничиваются уточнением характера запрета: “Не поднимай сорочку. Это неприлично” Гесиод в “Работах и днях” (v. 728) запрещает лить воду, повернувшись лицом к солнцу, и не излагает мотивов этого требования (это вид нелогического действия. — В. П.). Большинство табу, относящихся к соблюдению правил приличия, передавались из века в век без объяснений»¹⁶. И без предупреждений об опасности для жизни!

Здесь мы рассмотрели связанные с табу санкции в качестве средств, обеспечивающих превращение нелогических действий в логические. В дальнейшем мы их рассмотрим уже как средства убеждения людей в необходимости соблюдать табу.

Целесообразно параллельно с табу рассмотреть и иные сходные явления, при которых логическая интерпретация сведена к минимуму.

- 109.** Предписание похоже на табу. Оно может быть дано и без санкции: «Сделай то», и в таком случае это будет простое нелогическое действие. Но когда говорят: «Ты *должен* сделать это», то уже имеется малое, порой ничтожно малое присутствие акта объяснения, который содержится в слове «должен», напоминающем о таинственной сущности — о Долге. Часто затем добавляют реальную или воображаемую санкцию, и получаются либо действительно логические действия, либо действия, которые только выглядят логическими. Следовательно, только часть предписаний может быть внесена в тот разряд, классификацию которого мы сейчас проводим.
- 110.** В целом предписания можно распределить следующим образом: *а. Чистое предписание, не мотивируемое и не доказываемое.* Утверждение не является

¹⁶ Reinach S. Cultes, mythes et religions. P. 1–2.

эллиптическим*. Доказательство не дается, поскольку либо его нет, либо оно не требуется. Таким образом, перед нами чистый тип нелогических действий. Но люди испытывают такое сильное пристрастие к логическим объяснениям, что обычно они добавляют к предписаниям что-нибудь еще, даже если это выглядит наивным. Фраза: «Сделай это» является предписанием. Если спросят: «Почему нужно это делать?», то отвечают, например, так: «Потому, что так принято». Эта логическая добавка очень мало значит, кроме случаев, когда нарушение обычая влечет за собой наказание, но здесь логической причиной была бы уже кара, а не обычай.

111. *b.* Доказательство является эллиптическим. Доказательство, убедительное или нет, дается. В нем имеются пропуски, но они могут быть восстановлены. Утверждение имеет только видимость предписания. Могут быть пропущены, удалены слова: «должен», «необходимо» и иные им подобные высказывания, и тогда предписание будет сведено к экспериментальной или псевдоэкспериментальной теореме, которая указывает на следствие, порожденное действием без вмешательства извне. Вот пример такого рода предписания: «Чтобы получить *A*, необходимо сделать *B*», либо в форме отрицания: «Если не желаешь получить *A*, то не следует делать *B*». Первое утверждение эквивалентно следующему высказыванию: «Когда совершается *A*, следует *B*» и аналогично для второго утверждения.

112. Если *A* и *B* — реальные вещи, а связь между ними действительно имеет логико-экспериментальный характер, то перед нами научные суждения, не имеющие отношения к тому, что мы сейчас классифицируем. Если такая связь не оказывается логико-экспериментальной, то это псевдонаучные суждения, среди которых некоторая часть используется для того, чтобы придать нелогическим действиям логический характер. Например, если *A* обозначает благополучное плавание, а *B* — жертвоприношения Посейдону, то связь между ними будет мнимая (воображаемая), и нелогическое действие *B* будет обосновываться с помощью такой связи, соединяющей его с *A*. Если *A* обозначает благополучное плавание, тогда как *B*, напротив, представляет собой изъяны в конструкции корабля, то мы имеем только неверное в научном отношении суждение, поскольку конструкционные дефекты не являются нелогическим действием.

Если *A* и *B* представляют собой воображаемые явления, то мы оказываемся совершенно за пределами экспериментальной области, и такое суждение не следует обсуждать. Если *A* — воображаемое явление, а *B* — реальное явление, то перед нами нелогические действия *B*, обосновываемые через обращение к *A*.

* То есть не является сокращенным выражением, в котором опущены подразумеваемые и легко восстанавливаемые из контекста слова.

113. *c.* Утверждение действительно является предписанием, но к нему добавляется реальная санкция, порожденная внешней и реальной причиной. Таким образом, мы имеем логические действия: что-либо делают для того, чтобы избежать санкции.
114. *d.* Утверждение является предписанием, как и в предыдущем случае, но санкция оказывается воображаемой, либо исходит от какой-то воображаемой силы. Это означает, что имеют место нелогические действия, оправдываемые через обращение к такой силе. Более полно мы объясним это в дальнейшем (см. гл. 7).
115. Термины повседневного языка редко определены вполне четко, и слово «санкция» может приобретать в нем большее или меньшее значение. Здесь оно используется в узком смысле. Если бы мы пожелали взять его в широком смысле, нам пришлось бы сказать, что санкции имеются всегда; например, в отношении научных положений санкцией могло бы быть удовольствие, испытываемое от удачного рассуждения, и неудовольствие от плохого рассуждения. Однако останавливаться на таких тонкостях значило бы понапрасну терять время.
116. Подвид *B1β*. Достаточно простое добавление к табу или к чистому предписанию имеется в виде вмешательства персонифицированного бога или же такой персонификации, как Природа, чья воля предписывает людям совершение нелогических действий, которые таким путем логически объясняются. То, как это совершается, порой остается непонятным. «Бог или Природа желают, чтобы произошло так». «А если так не произойдет?» Этот вопрос порой остается без ответа, но чаще, напротив, утверждается, что Бог, Природа покарает тех, кто нарушает предписание. В таком случае мы имеем предписание с санкцией вида *d*.
117. Когда древние греки говорили, что чужестранцы и нищие посылаются Зевсом¹⁷, они просто отмечали свою склонность хорошо принимать странников, а Зевс привлекался только для того, чтобы придать логический облик этому действию, чтобы интерпретировать свое гостеприимство либо как проявление почтения к Зевсу, либо как стремление избежать кары, которой Зевс подвергает нарушителя предписания.
118. Подвид *B1γ*. Рассмотренные добавления редко встречаются без многочисленных легенд и логических дедукций. Среди них имеются мифологии и теологии, которые все дальше уводят нас от представления

¹⁷ Omero. Odissea. VI. 207–208. [Гомер. Илиада. Одиссея / пер. с др.-греч. Н. Гнедича, В. Журавского. М.: Эксмо, 2006. С. 269 (VI. 207–208).]

о нелогических действиях. Следует обратить внимание на то, что чересчур пространные теологии усваиваются только узким кругом лиц; они выходят за границы простонародных интерпретаций, переходя в разряд интерпретаций образованных людей.

К данному подвиду принадлежат интерпретации отцов христианской церкви, полагающих, что языческие боги — это демоны.

119. Подвид *VIδ*. *Метафизической сущности придается статус реальности*. Теперь уже не бог или персонификация, но Истина, Добро, Красота, Добродетель, Честь, Мораль, Естественное право, Человечество, Солидарность, Прогресс или противоположные им абстракции предписывают или запрещают людям некоторые действия, которые таким путем становятся логическими следствиями таких абстракций. Позднее мы подробно рассмотрим их особенности (см. § 584 и далее).
120. Те интерпретации *VIβ*, согласно которым персонифицированное божество и природа могут наказывать, ибо они того желают, достаточно логические; напротив, метафизические абстракции вводятся почти или вовсе безо всякой логики. Если кто-то кому-то скажет: «Ты должен это сделать, поскольку это будет во имя добра», и ему ответят: «Я не желаю совершить доброе дело», то на это нечего будет возразить, поскольку господин Добро не мечет молнии, как Зевс.
121. Подвид *VIε*. *Реальность понимается как соответствие принципов определенным чувствам*. Такой способ рассмотрения фактов используется скорее имплицитно, чем эксплицитно. Так, для некоторых новых христиан реальная сущность Христа заключается, по-видимому, в соответствии их воззрений о Христе их определенным чувствам. Они выходят из предметной области объективного знания, совершенно отбрасывают воззрение о божественном характере Христа и, по-видимому, не слишком беспокоятся насчет его исторической реальности; они довольствуются утверждением, что в роде человеческом он представляет собой самый совершенный тип. Это означает, что их воззрения относительно Христа смыкаются с выявлением самого совершенного типа человека в соответствии с их чувствами. Встав на этот путь, они оставляют в стороне всякую теологию и любые религиозные культы; в конечном итоге утверждают, что «религия — это и есть жизнь»¹⁸.
122. Таким образом, эти люди, казалось бы, приближаются к концепции нелогических действий, но все же их позиции отличаются от нее, поскольку они исследуют уже не то, что есть, но то, что должно быть. Долженствование

¹⁸ Sabatier A. Les religions d'autrefois et la religion de l'esprit. P., 1904. P. 440—441.

здесь не имеет подчиненного характера (см. § 111), приемлемого в некоторых случаях, оно принимает абсолютный характер и полностью выводит за пределы экспериментальной области. Их теории, по существу, преследуют только одну цель — придать логическую окраску нелогическим действиям.

123. Вид В2. *Реальность не выступает как непосредственно данная.* То есть больше нет ни бога, ни персонификации, ни абстракций, на основе которых можно логически обосновать нелогические действия; предполагается, что они возникают спонтанно, и ведутся удачные или неудачные рассуждения относительно более или менее хорошо известных фактов. Отличие от предыдущего вида <интерпретаций В1> радикальное, поскольку там речь шла о реальном присутствии неких сверхъестественных существ (или сущностей) вне экспериментальной области. Здесь же исходят из того, что эти существа находятся в экспериментальной области, только имеется сомнение, действительно ли они наблюдались и действительно ли на основе наблюдений были сделаны приемлемые выводы. «Зевс присылает к нам нищих» — это интерпретация вида В1. Создается представление о таком существе, как Зевс, считается, что он реален, и из констатации его существования получают некоторые выводы. «Тот, кто хорошо относится к нищим, будет счастливым» — это интерпретация вида В2. Предполагается, что имелись наблюдения, свидетельствующие, что тот, кто хорошо относился к нищим, был счастлив, и отсюда делается заключение, что он, продолжая так поступать, будет оставаться счастливым. При этом не создается никаких сверхъестественных существ, используются реальные факты, которые произвольно комбинируются.

124. Подвид В2α. Этот способ рассуждения имеет целью устранение содержащейся в исходных положениях явной логико-экспериментальной ошибки. Имеются некоторые выводы, находящиеся в явном противоречии с логико-экспериментальным знанием. Можно предположить, что это произошло из-за того, что проведенные рассуждения не были логическими, и тогда мы оказываемся в области нелогических действий. Можно также считать, что рассуждения были логическими, но что, исходя из начальных посылок, противоречащих логико-экспериментальному знанию, мы пришли к выводам, в которых это противоречие также проявилось, и в таком случае остаемся в области логических действий.

125. Подобные концепции в большей или в меньшей мере присутствуют почти во всех теориях о происхождении таких социальных явлений, как Религия, Мораль и Право и т. д. Их авторы примирились с тем, что надо

признать существование нелогических действий, но стараются по мере возможности относить их к прошлому.

126. В этих теориях кое-что может оказаться и верным, поскольку они выделяют некоторые простые типы в сложных феноменах. Ошибка заключается в желании вывести сложный феномен из простого, но еще хуже, если они затем полагают, что такой вывод является логическим.
127. Отвлечемся на время от сложности социальных феноменов и предположим, что действительно в результате некоторой причины A происходят некоторые наблюдаемые в данный момент феномены P . Если бы развитие совершалось по непрерывной линии A, B, C, D, P , то можно было бы, хотя бы в некоторой мере, отвлечься от рассмотрения какого-нибудь промежуточного феномена $B, C...$ как одного из источников или одной из причин феномена P .
128. К сожалению, гипотеза о развитии по непрерывной линии совершенно не отвечает фактам в отношении социальных, а также многих биологических явлений. То, как они развиваются, напоминает скорее линию со множеством ветвей (вроде той, которая изображена на рис. 8), если мы опять же пренебрегаем всей сложностью этих явлений, поскольку едва ли возможно отделить одно социальное явление P от остальных (см. § 196).

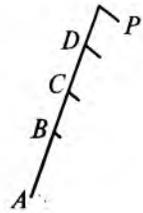

Рис. 7

Факты $B, C, D...$ не лежат, как было обозначено на рис. 7, на прямой и непрерывной линии, но располагаются в узловых точках и на краях ветвей. Уже нельзя, даже в форме гипотезы, грубо аппроксимирующей факты, допустить, что, к примеру, факт C или E , или же иной какой-нибудь наблюдавшийся в прошлом факт подобного рода явился источником, причиной факта P , который мы наблюдаем в настоящее время.

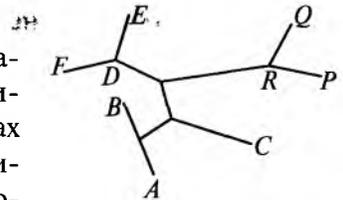

Рис. 8

129. Приведем конкретный факт. Соломон Рейнах указывает на табу как на источник религии. Пожалуй, здесь он имеет в виду случай, представленный на рис. 7: тогда B — означало бы табу, а P — религию в настоящее время. Но даже если мы допустим, что религиозный феномен можно отделить от остальных феноменов, то мы получим случай, представленный на рис. 8, где табу B находится на краю одной из ветвей. Табу B нельзя исключить из числа источников религии, но оно может рассматриваться

как простой тип тех феноменов, к которым принадлежат различные религии *C*, *Q*, *P* как более сложные типы. Поскольку это так, в теории Рейнаха имеется своя доля правды: в ней присутствует очень важная часть, которая проливает свет на компоненту нелогических действий в религиозных феноменах.

130. Следует отметить, что исследования о происхождении (об истоках) социальных явлений часто проводятся так же как и в античной этимологии¹⁹, т. е. предполагаются, измышляются промежуточные состояния *C*, *D*... (рис. 7) на пути от *B* к *P*. При этом часто и охотно изучается то, как факты должны были бы следовать, причем в гораздо большей мере, чем вопрос о том, как они следовали в действительности. Такие исследования в этом случае лежат за пределами экспериментальной реальности, но они все же не были напрасными, поскольку помогали пробивать брешь в этических и априорных теориях, которые объясняли *P* при помощи воображаемых принципов. Теперь, когда эта работа выполнена, пора дать дорогу чисто экспериментальным теориям.
131. Подвид *B2β*. Отставим тему происхождения и развития и предположим, что любой миф — это искаженный образ чего-то реального. К этому виду относятся интерпретации, известные под именем эвгемеризма*, которые мы рассмотрим в дальнейшем (см. § 288 и далее). Действительно, имели место случаи обожествления людей. Ошибка состоит, во-первых, в том, что единичные факты преподносятся в качестве всеобщих фактов, во-вторых, в ошибочном отождествлении точки *B* на рис. 7 с точкой *B* на рис. 8, т. е. в предположении, что факт, который предшествует во времени другому факту, непременно является его причиной. Интерпретации Палефата, которые мы еще обсудим (см. § 283), также относятся к данному подвиду.
132. Обычно подобные интерпретации крайне простые. Их получают, произвольно внося в миф столько изменений, сколько необходимо, чтобы получить реальный образ. К примеру, у Ариосто в его «Неистовом Роланде» фигурирует Астольфо на иппогрифе; эта крылатая лошадь может превратиться в реальную при интерпретации истории в том смысле, что иппогриф был невероятно быстроногой лошадей и потому распространилась молва, что у нее есть крылья. Данте видит Франческу и ее деверя,

¹⁹ *Brachet A. Grammaire historique de la langue française. P., 1867. P. 293–294.*

* Доктрина, объясняющая происхождение религии от посмертного или прижизненного обожествления знаменитых людей, выдающихся полководцев и правителей. Была названа по имени др.-греч. философа Эвгемера из Мессены.

которых «адский ветер... вместе вьет и... мучит, крутя и истязая»*; это может быть интерпретировано как образ той любовной страсти, которая, подобно жестокому вихрю, терзала любовников. Если идти таким путем, то никогда не возникнет трудностей (см. § 283).

133. К этому подвиду могут быть отнесены теории, в соответствии с которыми совершаемые в данном обществе нелогические действия воспринимаются как имитации иных действий. На самом деле не все нелогические действия элиминируются; лишь занижается их количество путем сведения многих из них к имитациям какого-то одного нелогического действия. Примеры такого рода интерпретаций будут приведены и рассмотрены в § 307 и далее.

134. Подвид *B2γ*. В данном случае мы немного приближаемся к реальности. В отношении каждого мифа предполагается, что легенда имеет реальное историческое ядро, скрытое под наростом фантастических добавок; необходимо их удалить и отыскать под ними такое ядро. Многие работы были выполнены именно с этой целью. До сравнительно недавнего времени все легенды, дошедшие до нас от греко-латинской античности, трактовались таким образом. В дальнейшем мы рассмотрим некоторые из этих интерпретаций (см. гл. 5).

Предыдущий подвид *2β* часто оказывается предельным случаем данного подвида *2γ*. В мифе может иметься нечто реальное; это нечто может оказаться более или менее значительным. Случай, когда доля того реального, что имеется в мифе, убывает и исчезает, попадает в подвид *2β*.

135. Вид *B3*. *Основами нелогических действий являются аллегории.* Такие действия на самом деле являются логическими, но выглядят как нелогические только потому, что аллегории понимаются буквально. К таким подменам можно добавить ту, при которой источник данной ошибки заключен в аллегориях языка. Макс Мюллер пишет: «У Гесиода имеется много мифов..., в которых мы заменяем только полный глагол вспомогательным, чтобы сменить язык мифа на логический язык. Гесиод называет богиню Никта (*νύξ* — Ночь) матерью мойр (*μόρος* — судьбы), мрачного Кера (*κῆρ* — Уничтожение), Танатоса (*θάνατος* — Смерть), Гипноса (*ἵπνος* — Сон) и рой сновидений (*ὄνειροι* — Сновидение)... Если мы воспользуемся современными выражениями: “Звезды становятся видны, когда приближается ночь”, “мы спим”, “мы грезим”, “мы умрем”, “ночью

* Данте А. Божественная комедия / пер. М. Лозинского. М.: Наука, 1968. Ад. Песнь пятая. С. 27, 29.

мы подвержены страху...», то мы переведем в современную форму мысль и язык Гесиода»²⁰.

136. В таком случае все мифы выглядят как шарады. Представляется невероятным, что эта настолько явно ошибочная теория смогла найти так много сторонников. Ученики превзошли учителя; миф о солнце стал для них удобным и универсальным объяснением в отношении всякой иной легенды.
137. *Класс С*: В этом случае нелогические действия уже не интерпретируют, как это делалось для превращения их в логические действия. Их элиминируют, не принимают во внимание, оставляют только логические действия, благодаря чему также достигается желанная цель. Воззрения, относящиеся к данному классу, широко распространились в наше время и даже стали своего рода догматом веры для многих людей, которые поклоняются могущественной богине, именуемой ими *Наукой*. Немало *гу-манистов* принадлежит к этой категории.
138. Другие люди рассуждают лучше, по крайней мере отчасти. После того как они отмечают, что наука способствовала росту цивилизованности (это действительно так), они идут далее и стремятся показать, что все, что не является наукой, не может быть полезным, но это уже не отвечает фактам.

²⁰ Müller M. Essais sur la mythologie comparée. 2-e éd. P., 1873. P. 84–85. Греческие наименования приводятся автором в латинской транслитерации.

ТЕОРИИ, КОТОРЫЕ ВЫХОДЯТ ЗА ПРЕДЕЛЫ ОПЫТА

139. При обращении к социальным темам люди обычно используют слова из обыденного языка, что отдаляет их от логико-экспериментальной области. Что реально стоит за использованием этого языка? Мы должны это рассмотреть, прежде чем идти дальше.

Заслуживают внимания и имеют большое значение для социологии те феномены, что в повседневном языке именуется религией, моралью и правом. Веками люди спорят по поводу таких феноменов и до сих пор не смогли прийти к согласию даже относительно значения этих понятий. Поскольку им дается масса определений, которые не согласуются друг с другом, люди обозначают одним и тем же термином разные вещи, а это кратчайший путь к взаимному непониманию. О чем свидетельствует этот факт? Должны ли мы попытаться добавить новые определения ко многим, уже данным? Или лучше пойти иным путем, чтобы узнать о характере таких феноменов?

140. Остановимся немного и обсудим содержание понятия «религия». Все рассуждения по поводу этого понятия будут относиться и к иным близким понятиям, таким, как мораль, право и т. д., о которых в дальнейшем нам часто придется говорить. Априорное принятие существования религии, морали, права и т. д. приводит к поиску определений таких вещей; и наоборот, всякий, кто подыскивает такое определение, признает существование того, что он хочет определить. Весьма примечательно, что все предпринимаемые до сих пор попытки найти такие определения были тщетными.

Прежде чем продолжить, вспомним введенное в § 52 деление движений на реальные и виртуальные, чтобы отметить, что сейчас мы занимаемся только первыми, а к рассмотрению вторых перейдем позже. Иными словами, сейчас мы рассматриваем то, что существует, но не то, что должно было бы существовать для достижения некоторой заданной цели.

141. Для начала отметим, что при употреблении таких слов, как религия, мораль, право и т. п., нередко возникает путаница. При этом не только совмещаются оба выше отделенных друг от друга исследования, но и когда они выполняются отдельно, и когда объявляют, что заняты только первым из них, не дифференцируются, или дифференцируются плохо два или, точнее, несколько аспектов.

142. Действительно, отделять теорию от практики необходимо. В некоторый период времени у определенного народа существуют теоретическая религия, теоретическая мораль, теоретическое право (чтобы быть краткими, мы рассуждаем так, словно они выступают в единственном числе, хотя они существуют во множестве, даже когда между ними имеется некоторое подобие единства); у него имеются также практическая религия, практическая мораль, практическое право (чтобы быть точными, следовало бы и здесь заменить единственное число множественным, которое оказывается не столь уж малым) (см. § 177 и далее). Эти вещи неоспоримы, но обычно проявляется тенденция занижать их значение.
143. Продолжая рассматривать религию (это также касается и морали, и права), мы, следовательно, видим, что надо всегда иметь в виду наличие определенной и вполне конкретной религии: для верующего — той, которую он называет истинной. По отношению к ней оказываются девиациями отмеченные выше теоретические религии; практические религии будут, в свою очередь, девиациями от этих теоретических религий. Приведу близкий пример: имеется определенная геометрическая теорема; она может быть доказана более или менее строго, и поэтому существуют теоретические девиации; она может быть понята более или менее четко, и поэтому имеются практические девиации; все это не нарушает, однако, строгости положений, сформулированных в ней.
144. Если бы такое сравнение было абсолютно корректным, то смысл терминов «религия», «мораль», «право» был бы как никогда определен и точен. Они представляли бы собой тогда те типы, которые можно было бы выводить также из существующих фактов, — в отличие от геометрической теоремы, — свершившихся событий, устраняя из этих фактов побочное и сохраняя главное; или, как хотят эволюционисты, стремясь установить, к какому пределу ведут в перспективе такие факты.
145. К сожалению, это не так. Каждый твердо убежден в том, что *его* религия, *его* мораль, *его* право — это и есть правильные типы, образцы; но он не имеет возможности убедить в этом других экспериментальным путем. Для этого недостает помощи опыта вообще, а также того особого опыта, который включен в логические рассуждения. В споре двух химиков существует только один судья — опыт. Есть ли судья в споре мусульманина с христианином? Его нет, если не считать чувств (см. § 14).
146. В наше время у некоторых людей сложилось представление, что можно обойти данное препятствие, отвергнув все сверхъестественное; они полагают, что расхождения касаются только этого момента. Они, однако, ошибаются, как ошибались различные христианские секты, когда

полагали, что расхождения между ними рождались только из различий в толкованиях Священного Писания, которое обсуждению не подлежало.

- 147.** С логико-экспериментальной точки зрения замена сверхъестественных сущностей на метафизические принципы ничего не дает: как первые, так и вторые могут выдвигаться и отвергаться, но нет того судьи, который разрешил бы эти тяжбы (см. § 14).
- 148.** Здесь ничего не дает и отсылка к публичному возмущению. Во времена, когда лютеране вели диспуты с католиками, общее или почти общее возмущение вызвали бы в Европе слова человека, который отважился бы в логико-экспериментальном аспекте приравнять Священное Писание к «Теогонии» Гесиода. Ныне если не всеобщее недовольство, то по крайней мере сильное возмущение со стороны многих людей вызовет тот, кто посмеет поставить под сомнение догму, согласно которой у общества имеется единственная цель — благо «наибольшего числа граждан», и что прямая обязанность каждого человека — жертвовать собой ради «блага малых и убогих». Однако научные проблемы решаются на основе фактов, а не в связи с негодованием, охватывающим некоторых, многих или даже всех.
- 149.** Таким путем мы не сможем, следовательно, придать терминам вполне определенный смысл. Тем не менее это первое, что надо сделать, если мы стремимся конструктивно рассуждать о научных фактах, поскольку если один и тот же термин понимается в различных смыслах, то любое строгое рассуждение становится невозможным.
- 150.** Кроме того, у такого способа рассуждений имеется серьезный изъян, состоящий в перенесении на определения тех споров, которые следовало бы вести только после того, как определены термины и четко обозначены объекты, по поводу которых требуется вести дискуссию.
- 151.** Если речь идет о стремлении определить «истинную», «образцовую» или «предельную» религию, то ясно, что такое определение нельзя оставлять на усмотрение оппонента. Оно включает в себя теорему, доказывающую, что определение дано в соответствии с объектом, т. е. что оно отвечает истине, образцу, идеалу. Физики не намерены спорить о том, правильно ли названы X-лучи, химики не препираются по поводу наименования радия, астрономы не оспаривают имя какой-нибудь малой планеты (за исключением случаев, когда это задевает самолюбие первооткрывателя). Теперь, напротив, стал энергично дискутироваться вопрос о том, как следует определить религию.

152. Например, С. Рейнах написал книгу, названную так: «Орфей. Общая история религий», для которой, пожалуй, более подошло бы название: «Общая история религий, рассматриваемая в свете дела Дрейфуса». Он полагает, что догмы католической и вообще христианской религии ошибочны, тогда как догмы его гуманистически-демократической религии истинны. Мы не спорим о том, прав он или нет, и не считаем, что какую-то помощь в решении данного вопроса могла бы оказать экспериментальная наука. В любом случае, этот вопрос следовало бы обсуждать независимо от таких определений, между тем как Рейнах добивается принятия такого определения, которое помогло бы ему достичь поставленной им цели.

Его противники черпают силу из католической религии, а он стремится показать, что эта религия, по существу, состоит только из различных табу отсталых народов. Поэтому ему необходимо элиминировать, исходя из определения, все, что в этой религии соответствует более зрелым в интеллектуальном отношении идеям. Это он осуществляет умело, поскольку в итоге данное им определение²¹ не слишком сильно расходится с фактами (см. § 386); но его тезисы, будь они истинными или ложными, должны быть представлены в виде теоремы, как суждения, по природе своей подверженные противоречиям, а не как дефиницию, которую, по крайней мере отчасти, автор принимает по своему усмотрению.

153. С других позиций выступает о. Лагранж, который верит в истинность католических догм и не может принять определение Рейнаха, словно этот шаг означал бы для него самоубийство. Он заявляет: «Мсье Рейнах, пожалуй, уверен в том, что хорошее определение должно даваться в самом широком значении определяемого термина, несмотря даже на нарушения, которые возникают из-за некорректного его употребления»²². То есть имеется концепция «типичной» религии, и когда затем совершается отход от типичного, непременно возникают нарушения. Но о. Лагранж не замечает этого момента: то, что является типичным в его представлении, для другого человека будет нарушением, и наоборот.

И далее: «Поскольку он рассуждает неправильно (в риторике эта фигура называется катахрезой*) о религии чести, это определение должно

²¹ «Я предлагаю определять религию так: комплекс сомнений, создающих препятствия для свободной реализации наших способностей... Сомнения, о которых идет речь в предложенном определении, имеют особый характер... Я их назову — *табу*» (см. Rainach S. Op. cit. P. 4).

²² Lagrange M.-J. Quelques remarques sur l'Orpheus de M. S. Reinach. P., 1910. P. 8—9.

* Необычное или ошибочное сочетание слов вопреки несовместимости их буквальных значений.

содержаться в определении религии вообще»²³. Да, оно должно содержаться в более обобщенном определении, если надлежит определить то, что люди называют религией. Так же точно, как определение спряжения неправильного глагола должно дополнить общие правила спряжений, если надо определить то, что специалисты по грамматике называют спряжением, а не выяснять, что является нарушением: неправильное или правильное спряжение. Нет, такое определение не может включать их в себя, если изначально оно *эксплицитно* исключило некоторые факты, чего совершенно не замечает о. Лагранж. Я могу сказать, что в латинском языке активные глаголы первого спряжения имеют в будущем времени окончания — *abo*, — *abis*, — *abit* и т. д., поскольку, говоря «об активных глаголах первого спряжения», я с самого начала явным образом (эксплицитно) исключаю другие глаголы. Я не мог бы, однако, этого констатировать в отношении латинских глаголов вообще. Когда мне укажут на глагол «*lego*», спрягаемый в будущем времени: «*legam, leges,...*», я выйду из затруднения, сообщив, что это неправильный глагол.

Итак, что намерен определить о. Лагранж? То, что люди называют религией (факт употребления этого слова в языке)? Или что-то другое? И что именно имеется в виду во втором случае? Если об этом ничего не сказано, мы не можем знать, хорошим или плохим оказывается его определение.

154. О. Лагранж продолжает: «Итак, допускается нарушение в отношении введенного определения: “религия — комплекс сомнений, создающих препятствия для свободной реализации наших способностей” Могут сказать, что это любитель споров, поскольку с торжественной наивностью мсье Рейнах тотчас замечает, что его определение устраняет из фундаментального понятия религии все то, что обычно понимается как непосредственный объект религиозного чувства»²⁴.

155. Итак, о. Лагранж вроде бы выясняет, что вообще понимают под словом «религия». Мы возвратились к факту, который фиксируется в языке, но будем осторожными с этим термином «вообще», поскольку он содержит подвох. Что оно означает? Что мы получим, статистику мнений людей? Каких людей — только тех, которые живут сейчас, или также тех, которые жили прежде на Земле? Просчитаем эти мнения и станем их взвешивать? (см. § 253). И на каких весах мы их взвесим в последнем случае? О. Лагранж, возможно, желает их взвесить, поскольку он не говорит, что это было бы лишним, но если веса будет выбирать он, то они покажут тот

²³ *Lagrange M.-J. Quelques remarques sur l'Orpheus de M. S. Reinach. P., 1910. P. 9.*

²⁴ *Ibid.*

вес, какой желателен для него. Если же весы будет выбирать кто-нибудь из его оппонентов, результат взвешивания окажется совершенно иным. Будьте внимательными в том отношении, что наряду с этой «общей религией» остаются «частные религии». Что делать с ними? Для того чтобы их исключить, придется возвратиться к теории «типичной» религии.

156. Наш автор добавляет: «Это говорит о том, что его определение никуда не годное. Специалисты по логике, безусловно, отметят, что слово может иметь только такое значение, какое ему было дано, однако определение понятия наперекор общему мнению является либо проявлением ребячества, либо уловкой, рассчитанной на простачков»²⁵.

Здесь мы остановимся, поскольку в этом нет уверенности. Например: вода в химии — это не вода в обычном смысле; золото в химии — не золото в обычном понимании. В обыденном смысле <монета> маренго* является золотом, но для химика это сплав золота с медью и рядом других простых металлов. Не будет «проявлением незрелости» определение химических веществ «наперекор общему мнению». Напротив, это было единственным способом, позволившим поднять химию на тот уровень, на котором она по праву может называться наукой (см. § 44). Рейнах, следовательно, имеет полное право определять религию «наперекор общепринятому мнению», только бы он:

- 1) давал ясное и точное определение;
- 2) никогда не путал тот объект, который он определил, с иными объектами, которые обозначаются тем же самым словом;
- 3) продемонстрировал пользу от введения такого нового определения, чем избавил бы нас от необходимости всякий раз упоминать о том, что религия в понимании Рейнаха — не то же самое, что религия в понимании других.

Более того, чтобы избавить нас от дополнительного труда и устранить опасность возникновения путаницы и неясности, было бы лучше применить иные обозначения, отличные от уже использовавшихся им терминов (см. § 44). Лучше было бы сказать, к примеру, так: «Я понимаю под *X* комплекс сомнений, создающих препятствия для свободной реализации наших способностей». После, и только после этого (см. § 150) можно было бы перейти к теореме, в которой будет сказано: «*X* встречается во всем том, что люди именуют религией, и не встречается нигде

²⁵ *Lagrange M.-J. Quelques remarques sur l'Orpheus de M. S. Reinach. P., 1910. P. 9.*

* Другое название французский золотой монеты (достоинством 20 франков) — наполеондор. Выпущена в честь победы наполеоновских войск над австрийской армией в битве при Маренго близ Милана в 1800 г.

больше». Тогда при помощи фактов можно будет поверить, истинно или ложно данное утверждение.

157. Это мы сейчас и осуществим, поскольку только в таком аспекте в экспериментальной науке можно рассматривать подобные проблемы. Химик нам скажет, что вода представляет собой соединение водорода и кислорода. При этом выполняется первое из поставленных выше условий, так же как и второе, поскольку в книге по химии никогда не путают химическую воду с водой в обыденном понимании. Третье условие также выполняется, ибо польза от точного знания о том, что представляет собой именуемое водой вещество, очевидна. Затем сообщается: химическая вода представляет собой основную компоненту в составе воды в колодцах, озерах, реках, морях, а также в дождевой воде. Мы проверим и убедимся, что это верно. Если затем кто-нибудь добавит, что химическая вода не может быть основной компонентой того, что в обыденном языке не обозначается как вода, проверка уже не подтвердит это столь же успешно, поскольку вода является основной компонентой в составе вина, пива, сиропов и т. д.
158. Чтобы избежать двусмысленности, введем имя в отношении того, что определил Рейнах. Мы назовем это *религией* α . Если затем окажется, что *религия* α идентична обычной религии, тем лучше для теории Рейнаха; мы не внесем в нее никакого искажения, называя ее «*религия* α », поскольку это просто ярлык, указывающий на нее (см. § 48).
159. Многие религии, например, индоевропейский политеизм и такие религии, как иудаизм, христианство, мусульманство, фетишизм, непременно содержат *религию* α . Однако все перечисленные религии, за исключением фетишизма, хотя бы отчасти включают также кое-что еще, что мы назовем *религией* β (см. § 48). Вместе с о. Лагранжем²⁶ мы скажем, что она именуется «верой в высшие силы, с которыми можно установить отношения». Какая из этих вещей: *религия* α или *религия* β оказывается основной частью для тех феноменов, которые именуются религиями в обыденном языке? Чтобы ответить, для этого следовало бы четко установить, что конкретно означает данное слово «основная». Когда сравнивалась химически чистая вода с водой из рек, за «основную» была взята часть, превышающая по общей массе другие части. После проведения химического анализа речной воды становится ясно, что в ней масса химически чистой воды многократно превышает массу всех остальных частей. Но как мы проведем такой анализ религий и как взвесим все их элементы?

²⁶ Lagrange M.-J. Études sur les religions sémitiques. P., 1905. P. 7.

160. Можно сказать: «Основной частью является вера в высшие силы, потому что от нее логически следует наличие отмеченных Рейнахом сомнений». При этом может быть дан и другой ответ: «Основной частью являются сомнения, поскольку их наличие порождает в человеке веру в высшие силы». В этой связи вспоминаются два высказывания: «если существуют боги, то имеются и пророчества»; «если имеются пророчества, то существуют боги». Заметим, что «основным» здесь выступает, пожалуй, «предшествующее». Теперь доказано, что вначале возникла вера в высшие силы, а затем появились сомнения, но отсюда вовсе не следует, что в последующие времена останутся только сомнения, или что они будут составлять в религиях наиболее активную часть. Также и из принятия положения о том, что сомнения появились раньше, вовсе не следует, что в дальнейшем они уступают первенство вере в высшие силы.
161. Если затем спросят: «При всех ли феноменах, которые называют религиозными, существует *религия α* и *религия β*?», то придется дать ответ — нет. С одной стороны, *религия α* простирается намного шире, чем *религия β*, поскольку она если не целиком, то хотя бы отчасти представлена и в фетишизме, и в табу. Даже в современной свободной мысли, в позитивизме Конта, в религии гуманизма и в метафизических религиях имеют место сомнения, но нет высших сил, по крайней мере явным образом. Верно то, что Конт в итоге пришел к их искусственному сотворению, но в теоретической части у него всегда оставались такие сомнения. Это только доказывает, что где имеются сомнения, там возникает также склонность к их объяснению ссылкой на высшие силы.
162. В то же время, если *религия β* сводится к принятию положения о существовании высших существ, то все же встречаются некоторые случаи *религии β* без *религии α*, или хотя бы когда последняя совершенно не зависит от первой. Это относится, например, к религии эпикурейцев²⁷. Тем, кто скажут, что ее не следует принимать в расчет, потому что такая религия заслуживает осуждения, мы ответим, что изучаем не устройство религий, заслуживающих похвалы, а все верования, которые именуют религией. И если обнаружится, что эпикурейцы имели только сомнения, то мы возразим, что когда *религии α* придается такой смысл, она присутствует всюду, поскольку, пожалуй, ни один человек в мире не был свободен от сомнений. В таком случае *религия α* абсолютно ничего не определяла бы, поскольку ею определялось бы все что угодно.

²⁷ *Cicerone. De natura deorum. I. 19. 51* [Цицерон Марк Туллий. О природе богов. СПб.: Азбука-классика, 2002. С. 58 (I. XIX. 51).]; *Diogene Laerzio. X. 139.* [Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / под общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева. М.: Институт философии АН СССР; Мысль, 1973. С. 437.]

163. Кроме того, существует одна буддистская секта, к которой неприменима вторая часть определения *религии β*, т. е. наличие тесных отношений с высшими существами. Напротив, для нее это категорически исключается²⁸.

Стремление сохранить в определении *религии β* соединение обеих частей — веры в высшие существа и веры в возможность установить с ними отношения — приводит к тому, что в двух приведенных примерах не содержится *религии β*. Нам неизвестно, куда их отнести, поскольку они также не подпадают и под определение *религии α*.

164. Мы приходим к выводу, что слова и выражения обыденного языка чаще всего не поддаются строгой классификации. Химия, физика, механика и другие близкие к ним науки строились не путем изучения выражений обыденного языка и их классификации, но благодаря изучению и классификации фактов. Мы постараемся сделать то же самое в социологии.

165. Между тем, пользуясь индуктивным методом, мы обнаруживаем, что и Рейнах и Лагранж, не замечая того сами, стремятся посредством своих определений классифицировать разные факты: первый — некоторые душевные состояния; второй — объяснения, которые даются в связи с ними. Но, быть может, эти два рода фактов нам и надлежит выделить, классифицировать и изучить? Позднее мы увидим, что здесь проявляется принципиальное отличие, а не просто различие форм обыденного языка. Пока же мы продолжаем начатое исследование.

166. Кто попытается определить мораль и право, встретит не меньшие трудности, чем тот, кто хочет определить религию. Пока еще не найден даже способ, позволяющий отделить право от морали. В крайнем случае, имеется грубое эмпирическое определение. Нам говорят, что право состоит из норм, которое санкционируются общественным авторитетом, тогда как мораль состоит из норм, продиктованных только совестью. Такое определение замечательно подходит для практических целей адвоката и судьи, но не имеет ни малейшей научной значимости, поскольку в нем используется критерий, объединяющий случайные и изменчивые элементы, что напоминает подход, при котором птицы классифицировались бы в соответствии с цветом их оперенья. Акт переходит из области права в область морали и обратно по желанию или капризу законодателей. Следовательно, эта классификация может знакомить с их стремлениями и капризами, а не раскрывать внутренние особенности этих действий,

²⁸ Annales du Musée Guimet. Notes abrégées sur les réponses faites dans le Hioun-Kakou... par M. M. Simatchi, Atsoumi et Akamatsou aux questions de M. Émile Guimet. T. 1. P., 1880. P. 337–344.

в чем состояла бы наша цель. Кроме того, отметим, что такая классификация становится бесполезной, когда официальные власти не вмешиваются в установление или поддержание частного права, что имело место в прошлые эпохи. В современных цивилизованных странах есть кодексы — своды писаных законов, и, следовательно, нетрудно узнать, регулируется ли законами то или иное действие. Приведенное выше определение оказывается, следовательно, экспериментальным, ясным и точным, но это мало что дает, поскольку не позволяет классифицировать рассматриваемые вещи.

- 167.** Если же, напротив, люди стремятся рассматривать эти явления более глубоко, они говорят об изучении их сущности. При этом исследователи понемногу оставляют экспериментальную область, чтобы блуждать в облаках метафизики, и впадают в другую крайность, когда исчезает всякая объективная реальность.
- 168.** Другой хороший пример рассуждений, лишенных строгости, — теории естественного права и прав народов. Многие мыслители испытывали чувство, более или менее выраженное ими посредством этих терминов; они пользовались, чтобы связать это чувство с практическими целями, которых хотели добиться. Обычно в этом немалую пользу оказывало применение неопределенных, отвлеченных слов, которые соответствуют не вещам, а только чувствам. Теперь мы проанализируем такие рассуждения с точки зрения их возможного соответствия эмпирической реальности, но не следует переносить на иные области выводы, которые мы при этом получим, поскольку данный аспект не связан с другими, такими, как социальная полезность (см. § 23). Естественное право является именно тем самым правом, которое выглядит наилучшим в глазах тех, кто используют данный термин, но они не могут об этом сказать открыто и прибегают к ухищрениям, добавляя некоторые рассуждения.
- 169.** Возражения, которые могут быть высказаны в адрес тех, кто стремятся просвещать людей о естественном праве, отвергаются следующим образом:
- Почему я должен следовать Вашему мнению?
 - Потому, что оно соответствует разуму.
 - Но ведь и я рассуждаю разумно, однако думаю иначе, чем Вы.
 - Да, но мои суждения «истинно разумные».
 - Как быть, если вас, знающих это, окажется мало?
 - Нас немало, и наше мнение встречает «общий консенсус».
 - Однако имеются также те, кто думают иначе.
 - Мы скажем, что это консенсус людей рассудительных и умных.

- Допустим, что это так. Итак, это вы, умные и рассудительные, избрели естественное право?
- Нет. На самом деле оно было подсказано нам Природой, Богом.

- 170.** Защитники естественного права оперируют в основном такими понятиями, как Истинный разум и Природа, включая добавки к ней — разумную природу, естественное состояние, согласие с природой, социальностью и т. д., а также консенсус всех или какой-то части людей и Божью волю.
- 171.** Прежде всего рассматриваются два вопроса: кто создал естественное право? как оно нам открывается? Бог может быть творцом его, либо непосредственно, либо опосредованно, через Истинный разум, Природу или ее поверенных. Природа также может быть его источником (непосредственно, но чаще опосредованно): или запечатлеваясь в человеческом сознании в виде идеи естественного права, т. е. закона, который вдруг раскрывается Истинным разумом; или же появляясь из эмпирических наблюдений всех или только лучших людей. Можно также спекулировать на представлении о том, чем был бы человек в «естественном состоянии», которое никто никогда не видел, но которое господам метафизикам известно настолько хорошо, что они выводят из него знание того, что мы, если бы увидели своими глазами, могли бы познать непосредственно. Наконец, Истинный разум способен сам собой пробудить в людях уважение и почтение к естественному праву.
- 172.** Уважение к естественному праву может исходить от божественного откровения, передаваемого через инспирированные им письма, но такой случай редок. Или оно может утвердиться через непосредственное, основанное на наблюдении знание о наличии консенсуса среди всех или какой-то части людей, что, однако, не реализуемо и почти не практикуется. Обычно миссия раскрытия нам естественного права возлагается на Истинный разум, который может возникать сам по себе, исходить от Природы, от Бога, следовать из всеобщего или более ограниченного консенсуса.
- 173.** В сущности, чаще всего утверждают, что идея естественного закона заложена в сознании человека; нередко к этому добавляют указание на истоки этой идеи и в качестве подтверждения дают ссылку на всеобщий консенсус или консенсус лучших людей. Обычно почти все упомянутые средства бываю задействованы одновременно, поскольку так удается повлиять на наибольшую совокупность чувств. По той же причине разного рода божественные откровения только объявляются согласующимися с идеей.

174. Субъективное рассуждение, выраженное в соответствии с чувствами, выглядит следующим образом. Интуитивно угадывается, что законы не являются ни совершенно произвольными, ни полностью логическими, что в них присутствует некий субстрат, имеющий собственное существование. Такое предположение отвечает фактам. Его следовало бы выразить, сказав о том, что имеются некоторые истоки нелогических действий, из которых люди выводят свои законы. Такие истоки (или *residui* — остатки, см. гл. 6) соотносятся с условиями, в которых люди живут, и изменяются вместе с ними.
175. Но в этой форме рассуждения, которая подчеркивает относительный, субъективный, нелогический характер этих истоков, содержится аргумент, неприемлемый для метафизиков, теологов, а также многих других исследователей социальных фактов. Они заняты поисками чего-то абсолютного, объективного, логического и находят это при использовании отвлеченных и нестрогих понятий и благодаря присутствию ошибок в рассуждениях (см.: *derivazioni* — деривации, гл. 7). В нашем случае они обнаруживают это в консенсусе многих, а то и всех людей, в соответствии Природе, в Божьей воле, в вещах, более или менее замечательных с их точки зрения, которые гармонируют со столь же замечательной вещью, каковой является естественное право. Логика должна обеспечивать связь, чтобы объединить одно с другим (см. § 197). В их теориях все время прослеживается идея противопоставления чего-то стабильного и хорошего (естественное право) чему-то другому, переменчивому и посредственному (позитивное право), и от такого противопоставления, в основном, и берет начало их убежденность, так же как и убежденность тех, кто их слушают (см. § 198).
176. В зависимости от предпочтений автора на первое место выходит тот или иной материал. Ясно, что христиане не могут обойтись без Бога, но примечательно, что они ожидают с его стороны не столько непосредственного, сколько опосредованного участия. Это, возможно, оттого, что в них метафизик берет верх над христианином. Чистые метафизики довольствовались бы только Истинным разумом.
177. До сих пор мы рассуждали о *религии* и о *праве* в единственном числе, но, как отмечалось (см. § 142), такая единичность не может быть принята. Существуют не только различные религии, разные моральные принципы, правовые нормы и т. д., но даже в случае, если могут рассматриваться определенные типы этих образований, следует обращать внимание на девиации от них, встречающиеся практически во всех конкретных феноменах.

Вообразим, хотя это, в общем-то, неверно, что существует, по крайней мере в ограниченной группе людей, некоторый теоретический тип,

на основании которого верования и практическое поведение могут рассматриваться как девиации. Например, там где имеется гражданский кодекс, можно предположить (хотя это и не совсем верно), что судебные решения как продиктованные правоведением, которое развивалось вместе с кодексом (а порой в противоречии ему), так и сформулированные в результате ошибки или невежества части судей или других причин, являются простыми девиациями от норм кодекса.

178. Предположим, имеется некоторая католическая общность. Мы можем наблюдать три типа девиаций.

1. Верующий совершенно искренен в вере, но грешит из-за слабости плоти; он раскаивается и ненавидит грех. Здесь мы имеем полное расхождение между «теорией» и «практикой». Данная ситуация выражена в известном изречении Овидия: «*video meliora, proboque; Deteriora sequor*»*. Практика не предусматривает перехода в теорию. Всем духовникам известно, что в этом отношении имеются значительные отличия между людьми: одни люди редко, другие часто впадают в один и тот же грех. Очевидно, что две общности, исповедующие одну общую (теоретически, т. е. в идеале) веру, на практике могут отличаться по количеству людей, относящихся к первой и ко второй разновидности.
2. Верующий слаб в вере, немного нарушает предписания своей религии и почти или вовсе не испытывает от этого раскаянья. Здесь в зародыше содержится и теоретическое расхождение. Одни верующие проявляют к этому только безразличие, и для них теоретическая девиация минимальна; другие полагают, что когда-нибудь и чем-нибудь компенсируют свои проступки и прегрешения; третьи даже не рассматривают эти расхождения как нарушения, спорят, изошряются в софистике, прибегают к казуистике. Итак, теоретические девиации вырастают, подобно паразитическим растениям, на ортодоксальной вере. Таким образом, практическим девиациям сопутствуют теоретические девиации, которые, однако, еще не переходят в схизму.
3. Теоретические расхождения нарастают. Рождается схизма, ересь, происходит частичное, а то и полное отвержение типовой теории. При таких масштабах девиация часто перестает быть девиацией, чтобы стать новым типом теории. Обычно переход от одного из таких видов девиаций к другому совершается незаметно и постепенно.

* *Доброе вижу и сочувствую ему, но влекусь к иному (лат.). [Овидий Публий Назон. Превращения. СПб., 1885. С. 152 (VII. 20–21).]*

179. В исследованиях, относящихся к социологии, невнимание к девиациям по отношению к типовой теории оказывается источником серьезных ошибок. Совершенно ошибочным было бы пытаться оценивать воздействие конкретной религии исходя из ее теологии. Тот, кто рассуждал бы, к примеру, так: «Христианская религия предписывает прощать нанесенные оскорбления и обиды; следовательно, люди Средневековья, которые были ревностными христианами, прощали обиды», оказался бы очень далек от истины. Сходная ошибка совершается при попытке оценивать социальную значимость морали по ее теоретическому выражению.

Меньшей, но, тем не менее, довольно существенной ошибкой было бы полагать, что в той или иной стране судебные решения выносятся непременно в строгом соответствии с утвержденными законами. Конституции византийских императоров часто существовали только на бумаге. В наши дни в Италии и во Франции на основе писаных законов гражданского права могут дать приближенное представление о существующей судебной практике. Однако уголовный кодекс и писаные законы в данной правовой области на самом деле не соответствуют практике принятия судебных решений. Часто они весьма существенно расходятся с ней. Мы уже не говорим о конституционном праве, где непосредственная связь между теорией и практикой существует только в умах отдельных теоретиков.

Практический факт является результатом множества иных фактов, часть которых дает основание для теорий, благодаря чему они могут стать известными. Пусть, к примеру, некоторое решение по уголовному делу вынесено судом присяжных. К числу причин такого факта могут быть отнесены различные обстоятельства.

1. Кодекс законов, нередко играющий в сфере уголовного судопроизводства не столь уж значительную роль.
2. Политические влияния, порой сильные по отношению к некоторым процессам.
3. Склонность присяжных к проявлению гуманности, отмеченная в гуманистических теориях и в художественной литературе.
4. Аффективные, социалистические, социальные, политические и иные склонности присяжных заседателей, которые отражаются в теориях и в литературе.
5. Общее представление, свойственное всем деспотиям, будь то монархического, олигархического или демократического толка, что закон не ограничивает «суверена», который по своему желанию может изменять законодательные нормы. Оно также упоминается в теориях, утверждающих, что закон должен быть «подвижным, гибким», что он должен быть адаптирован к «народному сознанию». Эти эвфемизмы прекрасно подходят для прикрытия прихотей и произвола властей.

6. Бесчисленное множество иных склонностей, которые, может быть, и не проявляются так же широко, но могут обнаружиться у десятка индивидов, чаще всего не обладающих развитым умом, малообразованных и с низким моральным уровнем, привлекаемых, однако, к исполнению обязанностей присяжных.
7. Частные интересы этих граждан.
8. Впечатление, производимое на них каким-нибудь заметным событием, например, вызвавшими большой шум бандитскими актами, сделавшими присяжных на какое-то время более строгими. Наконец, решение суда зависит от интересов и чувств, распространенных в обществе в данное время, чьих-то прихотей и капризов, малейших непредвиденных случайностей, от кодексов и писаных законов.

Все эти факты, когда они широко проявляются и оказывают сильное воздействие, приводят к появлению теорий. Именно поэтому мы их изучаем, но делаем это не столько для того, чтобы узнать что-то непосредственно о них, сколько для того, чтобы от них перейти к познанию порождаемых ими тенденций.

- 180.** В § 11 мы отметили, что в теории необходимо различать составляющий ее материал и связь, при помощи которой он соединяется. Отсюда возникают два общих и два частных вопроса в отношении всякой теории.

Общие вопросы:

«Какие элементы используются в теориях?»

«Посредством каких связей они соединяются?»

Частные вопросы:

«Какие элементы использует конкретная теория?» (см. § 181).

«Посредством каких связей они соединяются?» (см. § 202).

В зависимости от их решения мы как раз и классифицировали теории по типам (см. § 12). Теперь нам надлежит обстоятельно заняться этим ранее только намеченным исследованием.

- 181.** *Элементы теорий.* Тщательно исследовав используемый в теориях материал, мы видим, что имеются две его четко выделяющиеся разновидности. Теории используют то, что доступно непосредственному наблюдению и попадает в поле объективного опыта (см. § 12), а также то, что логически строго выводится из данных опыта и наблюдений. Они также используют иные вещи, выводящие за границы наблюдений и объективного опыта, а также результаты самонаблюдений и субъективный опыт. То, что относится к первой группе, будет названо «экспериментальными образованиями»; то, что относится ко второй группе — «неэкспериментальными образованиями». Для краткости термином «экспериментальное» мы обозначаем все относящееся к опыту и к объективным наблюдениям (см. § 6).

182. Следует поразмышлять о том, что некоторые образования выглядят как экспериментальные, но таковыми не являются. Это относится к таким понятиям, как горячее, холодное, сухое, влажное, низкое, высокое и к иным словам, часто использовавшимся древними естествоиспытателями. Атом и огонь у Эпикура и в поэме Лукреция могут показаться экспериментальными понятиями, каковыми, однако, не являются.

Иногда эксплицитно признается, что такие образования имеют неэкспериментальный характер, но считается, что это только повышает их значимость. В других случаях желают убедить в том, что они являются экспериментальными. В третьих случаях колеблются между тем и другим представлением, часто даже не вполне сознавая этого, что отмечается у многих политических деятелей и вообще практиков, которые прибегают к использованию таких образований для выражения своих мыслей. Но как бы эти вещи ни декларировались теми, кто их использует, и даже если они ими вовсе не декларируются, они остаются за пределами экспериментальной области. Не будем забывать, что здесь мы исследуем теории объективно, без рассмотрения внутреннего движения мысли тех, кто эти теории выражает: мы отделяем теории от их творцов и рассматриваем их сами по себе.

183. В отношении двух выше отмеченных разновидностей материала могут иметь место комбинации трех видов:

- экспериментальных образований с экспериментальными образованиями;
- экспериментальных образований с неэкспериментальными образованиями;
- неэкспериментальных образований с неэкспериментальными образованиями.

184. В том аспекте, к которому мы теперь обратились (т. е. аспекту соответствия опыту), мы можем рассмотреть только первый вид комбинаций, поскольку два других недоступны для осуществления какой бы то ни было экспериментальной проверки. При любых тяжбах требуется судья, но опыт не позволяет разрешить споры, возникающие при комбинациях второго и третьего вида.

185. Читатель, помните о том, что среди теорий, востребованных и распространенных в социальных областях, наибольшая часть приближается именно к тому виду, где присутствуют неэкспериментальные образования, которым придается форма и внешний облик экспериментальных.

186. Если мы обратимся к формальной логике, отвлекаясь от вопроса об истинности исходных положений, то наиболее незыблемые позиции

займут комбинации третьего вида, а за ними следуют комбинации второго вида. Ясно, что если оба термина в утверждении «*A* есть *B*» лежат за границами экспериментальной области, то ничем, абсолютно ничем нельзя возразить тому, кто его высказал и хочет остаться в данной области. Когда святой Фома Аквинский утверждает, что ангелы разговаривают друг с другом, на это не сумеет ничем возразить тот, кто доверяет только опыту, даже если эти рассуждения логически связаны и приводят к всевозможным выводам. Святой Фома не довольствуется этим утверждением, он хочет также его обосновать и пишет: «И когда понятие ангельского ума согласно его воле определяется к тому, чтобы стать известным другому, оно тем самым возвещается другому, и таким вот образом один ангел разговаривает с другим, ибо разговаривать с другим означает сообщать свое умственное понятие другому»²⁹. Такое рассуждение не может приниматься к рассмотрению экспериментальной наукой, так как полностью выходит за границы ее области. Многие метафизические рассуждения похожи на него, другие же отличаются от него только использованием отдельных понятий из экспериментальной области.

187. Первый вид комбинаций включает все научные теории и немало других псевдонаучных теорий, которые появляются через элиминацию некоей неэкспериментальной сущности, использовавшейся просто для установления определенных отношений между экспериментальными сущностями, которые не могут быть доказаны никакими иными способами. Тому, кто убеждает, что Священное Писание исходило от Бога, никак не сумеет возразить тот, кто остается в области логико-экспериментального знания. Кто ссылается на божественное откровение, тот намерен использовать его для того, чтобы устанавливая некоторые связи между экспериментальными образованиями; например, чтобы уверять, что антиподов нет. Такие суждения логико-экспериментальная наука оценивает путем рассмотрения их самих по себе, не касаясь лежащих вне опыта мотивов, по которым они были выдвинуты. Аналогичным образом метафизическая теория «солидарности» недоступна для возражений со стороны логико-экспериментальной науки, однако создатели этой лежащей за пределами опыта субстанции намереваются прибегнуть к ней для того, чтобы установить связи между экспериментальными образованиями, и прежде всего — чтобы воспользоваться доверием ближних. Подобные связи и операции с экспериментальным материалом в логико-экспериментальной науке надо оценивать исходя из их внутренней логики, не принимая в расчет мечты и фантазии исповедующих «солидарность» святых отцов.

²⁹ *Tommaso. Summa theologiae. I^a. Q. CVII. A1. [Фома Аквинский. Сумма теологии. Т. 3. Киев: Эльга; Ника Центр, 2005. С. 413.]*

188. Эти частные случаи охватывает следующая общая формула. Пусть имеются две вещи A и B , которые принадлежат к экспериментальной области, а также вещь X , лежащая за ее пределами. Строится силлогизм с использованием X в качестве среднего термина; затем X убирают и в выводах остается только связь между A и B . В экспериментальном аспекте ни большая, ни малая посылки такого силлогизма не могут быть приняты, поскольку входящий в них термин X лежит за пределами опыта. Следовательно, связь между A и B только внешне выглядит экспериментальной, но на самом деле не является таковой и потому ее невозможно ни принять, ни отвергнуть. Напротив, при *логике чувств* (см. § 533), когда рассуждения строятся в согласии с чувствами, такой силлогизм может оказаться хорошим. Действительно, поскольку в обыденном языке постоянно присутствуют неопределенные термины, становится ясно, что когда чувства, рождаемые словом A , согласуются с чувствами, вызываемыми словом X , а последние согласуются с чувствами, вызываемыми словом B , то чувства, вызванные A , также будут отвечать или почти отвечать чувствам, вызванным B .
189. Необходимо быть внимательными и избегать двух возможных ошибок противоположного характера.
1. Не следует принимать отношение между A и B , которое рождается при элиминации X в ходе рассмотренного выше рассуждения, без проведения экспериментальной верификации.
 2. Если экспериментально подтвердилось существование отношения между A и B , то из этого не следует заключать, что согласно экспериментальной науке X «существует»; или, в случае, если такое отношение не было экспериментально подтверждено, не следует делать вывод, что в соответствии с экспериментальной наукой X не существует (см. § 199).
190. Впрочем, в рамках логико-экспериментальной науки основание для отвержения отношения между A и B , которое рождается после элиминации X , оказывается отчасти формальным; мы могли бы пренебречь им в случае, когда наличие отношения между A и B окажется проверенным посредством опыта. В этом в конце концов и заключается цель теории. Но какое значение имеет то средство, благодаря которому она будет достигнута?
191. Здесь следует выделить:
- а. Изучение того, что есть, т. е. реальных движений (см. § 192–199).
 - б. Изучение того, что произошло бы при некоторых условиях, т. е. виртуальных движений (см. § 200).
 - с. Изучение того, что *должно* быть (см. § 201).

192. Случай *а*. Что касается того, что есть, то здесь все определил опыт. В рассмотренных выше рассуждениях почти никогда не сообщается об отношениях, которые затем подтверждаются фактами (см. § 42).
193. Рассмотрим пример антиподов. Имеются ли на Земле антиподы? Если исходить из здравого смысла, то следовало бы позволить опыту разрешить эту проблему, однако Аврелий Августин, напротив, стремится решать ее, руководствуясь *априорными* мотивами. Его рассуждение ничем не хуже многих других, в том числе тех, которые сегодня по-прежнему проводят и принимают. Они имеют уже то достоинство, что являются четкими и вразумительными. Св. Августин утверждает: «Тому же, что рассказывают, будто существуют антиподы, т. е. будто на противоположной стороне земли, где солнце восходит в ту пору, как у нас заходит, люди ходят в противоположном нашим ногам направлении, нет никакого основания верить»³⁰. Этот факт не имел исторического подтверждения. Часть Земли, противоположная по отношению к нам, может оказаться покрытой водой и, следовательно, быть необитаемой. Но даже если она и не покрыта водой, «из этого не следует непременно, чтобы она имела людей. Ибо никоим образом не может обманывать то Писание, которое удостоверяет действительность рассказываемых им событий прошлого исполнением на деле его предсказаний; а между тем было бы крайнею несообразностью утверждать, что люди могли, переплыв безмерные пространства океана, перейти из этой части земли в ту...»³¹. Это рассуждение безукоризненное, можно даже сказать, прочное, но оно было опровергнуто фактами. Не лучшая судьба постигла и другие сходные рассуждения, при помощи которых когда-то доказывали, что антиподы не существовали и не могли существовать.
194. Лактанций заявляет: «Есть ли какой-нибудь такой же глупец, который бы стал думать, что существуют люди, чьи ступни были бы выше головы? Или что где-то (у антиподов) висит то, что у нас, наоборот лежит? Что травы и деревья растут, обратившись вниз? Что там дожди, снег, град идут снизу вверх?»³². Здесь ошибка имеет, пожалуй, геологические истоки, но по форме она метафизическая. Лактанций рассуждает как гегельянец. Он обнаруживает, и вместе с ним и все, несоответствие между

³⁰ *Agostino*. De civitate dei. XVI. 9. [Блаженный Августин. О Граде Божиим. В 22 кн. Т. III. Кн. 14–17. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. С. 156.]

³¹ *Ibid.*

³² *Lattanzio*. Divinae institutiones. Libro III: De falsa sapientia. 24. 1. [Лактанций. Божественные установления. Книги I–VII / пер. с лат. В. М. Тюленева. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2007. Кн. III. 24.1. С. 223.]

воззрениями относительно верха и низа, направлений «вверх» и «вниз», которые существуют в том месте, где мы живем, и представлением о существовании антиподов. Действительно, он прав: было бы комичным представлять себе людей, которые передвигаются, когда их головы расположены внизу, а ноги — вверх. Однако тот, кто рассуждает не о понятиях, а о вещах, и рассматривает наименования только как обозначающие вещи ярлыки (см. § 48), сразу заметит, что при переходе на противоположную сторону Земли следует поменять ярлыки, обозначающие верх и низ, и тогда перестанет выглядеть комичной вера в существование антиподов.

Пусть читатель обратит внимание на то, что если в естественных науках ошибки, подобные допущенной Лактанцием, исчезли или почти исчезли, то в социальных науках они, напротив, встречаются очень часто, и многие продолжают рассуждать таким же образом.

195. Если бы такие пустословия были только следствием психического состояния их автора, нам не стоило бы особенно беспокоиться о том, откуда рождаются фантазии человека, находящегося не во вполне здоровом уме. Но они восхищали многих людей, а в социальных науках их аналоги продолжают пользоваться большим признанием; поэтому надо рассмотреть их как важный социальный феномен.

196. Психическое состояние людей, полагающих, что они понимают подобные рассуждения, не особенно отличается от состояния индивидов, вообразивших, что они понимают мифологические и теологические абстракции. Этим вновь подтверждается тот факт, что развитие совершается не по непрерывной линии (см. § 128). Три обозначенных ниже психических состояния A , B , C следуют друг за другом так, что можно было бы предположить, что вместе они образуют непрерывное целое. Имеются, однако, и другие ветви, которые ведут к экспериментальным данным p , q , $r...$, или к метафизическим, теологическим, мифическим и иным фантазиям M , $N...$ (рис. 9).

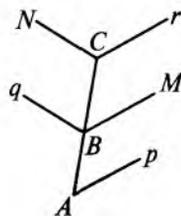

Рис. 9

197. Эти рассуждения направляют нас в область *логики чувств*, о которой сообщалось в § 188. В обыденных рассуждениях смешиваются воедино следующие высказывания:

I. A равно X , X равен B ; следовательно, A равно B .

II. Имя a , данное вещи A , вызывает в человеке чувства, равные тем, какие вызывает слово X , которые равны чувствам, возникающим от имени b , данному вещи B . Следовательно, имя a вызывает чувства, равные тем, которые вызывает имя b .

III. Исходные посылки те же, что и в высказывании II, но вывод такой: «Следовательно, A равно B ».

В экспериментальном аспекте высказывание I отвечает опыту при условии, что A , X , B представляют собой реальные вещи и что они четко определены. Когда эти три вещи A , X , B , не являются реальными, нельзя вести речь о соответствии опыту (см. § 188).

Чувства, порожденные словами a , X , b , — это реальные вещи. Следовательно, высказывание II тождественно высказыванию I в случае, когда A , X , B также выражают реальные вещи и соответствуют опыту. Но слова a , X , b обычно бывают определены довольно плохо; следовательно, такое подобие чаще всего оказывается весьма нестрогим.

Высказывание III не является логически корректным, поскольку в выводе фигурируют вещи A и B , отличающиеся от заявленных в посылке имен a и b . Чтобы имелась логическая строгость, не будет достаточным выполнения условия о том, чтобы A , X , B выступали реальными вещами и были четко определены. К этому необходимо добавить дополнительное требование: согласованность понятий a , X , b должна точно соответствовать отношениям между реальными вещами A , X , B . Именно в этом заключается расхождение между метафизикой и логико-экспериментальной наукой. Первая априорно решает, что такое соответствие имеется; вторая принимает данное решение после проведения экспериментальной верификации.

При логике чувств высказывание III, по существу, является общим типом рассуждений, которые принимаются безо всяких сомнений как «истинные». Этот тип может принимать форму разного рода силлогизмов. Например, можно сказать: «Чувства, которые вызывает во мне слово a , оказываются такими же, как и те, что пробуждает во мне слово X , которое указывает на общий класс, а они такие же, как и чувства, возникающие во мне от слова b . Следовательно, вещь A , которой отвечает слово a , имеет атрибут B , которому соответствует слово b ». Но есть еще менее явные формы такого типа: «Чувства, которые во мне вызывает a , совпадают с теми, которые вызывает во мне X , а они совпадают с чувствами, пробуждаемыми во мне при слове b ; следовательно, A имеет своим атрибутом B ». Форма, которую имеет силлогизм, совершенный в логическом отношении, получается, когда представленные высказывания будут преобразованы так, как мы сейчас покажем. Высказывание «Чувства, которые во мне вызывает a , соответствуют тем, которые вызывает во мне X » переводится в высказывание « A входит в класс X ». Утверждение «Чувства, которые вызывает во мне X , совпадают с чувствами, пробуждаемыми во мне от b » преобразуется в « X имеет атрибут B ». Итак, делается вывод, в получении которого нет ничего похожего на следование формальной логике, о том, что « A имеет атрибут B ». Построенное подобным образом рассуждение получило необычайно широкое применение. Можно даже

сказать, что оно встречается повсеместно, за исключением логико-экспериментальных наук; оно используется среди простолюдинов и является почти единственным, что позволяет их убедить. Особенно доминируют подобные рассуждения при обсуждении политических и социальных вопросов (см. § 247).

Слогико-экспериментальной точки зрения причины ошибки состоят в следующем.

Во-первых, приведенные выше преобразования и переводы не могут приниматься в экспериментальном аспекте, даже если A, X, B — реальные вещи.

Во-вторых, не ясно, что именно соответствует словам a, X, b . Наиболее подходит для проведения экспериментальной верификации, но не для убеждения путем апелляции к чувствам, тот случай, когда эти слова соответствуют, при наличии не очень большой их неопределенности, реальным вещам. Тогда преобразования более или менее хорошо соотносятся с реальностью и получаемый вывод мало-помалу проверяется опытом. Но соответствие между a, X, b и реальными вещами может оказаться сомнительным и даже исчезнуть, если одна из этих вещей перестанет быть реальной. Это незаметно в самом рассуждении, поскольку оно выстраивается только вокруг слов a, X, b , которые остаются, если даже исчезают соответствующие реальные вещи. Такова наиболее существенная причина ошибки, которой подвержены любые такого рода рассуждения.

В-третьих, соответствие каких-либо одних чувств каким-либо другим чувствам, согласие между теми и другими чувствами — это неопределенное отношение, оно не отличается четкостью. Следовательно, такие высказывания, как «Чувства, которые во мне вызывает a , совпадают с теми, которые вызывает во мне X », являются в большинстве случаев произвольными и необоснованными.

Наконец, следует отметить, что если при обычной логике вывод вытекает из посылок, то при логике чувств посылки вытекают из вывода. То есть тот, кто строит рассуждение, так же как и тот, кто его принимает, с самого начала убежден в том, что A имеет атрибут B . Затем он желает придать этому убеждению некое подобие логической состоятельности и принимается подыскивать две посылки, позволяющие подтвердить правильность такого вывода. Они следующие: «Чувства, вызванные a , отвечают чувствам, вызванным X , которые соответствуют чувствам, вызванным b ». Подобрать их оказывается нетрудно по причинам малой определенности терминов и отношения, выраженного глаголом «соответствовать».

198. Итак, в противоположность тому, что имеет место в логико-экспериментальном суждении, в суждениях, построенных на согласии с чувствами, термины оказываются тем лучше, чем они неопределеннее. Это объясняет широкое использование в таких суждениях терминов: хорошее,

красивое, прекрасное, справедливое и т. п. (см. § 175). Чем более неопределенны представления, соответствующие a , X , b , тем проще удастся при помощи чувств образовать связи между представлениями об a и об X , представлениями об X и b . Например, если X обозначает представление о совершенстве, то оно настолько неопределенное, что его легко согласовать с другими представлениями A и B , определенными или неопределенными. «Движение небесных тел совершенное». Почему бы и нет? Чувство не порождает противоречия между этими двумя представлениями (см. § 608).

- 199.** Итак, пользуясь индуктивным методом и исследуя конкретные факты, мы пришли к положению, которое уже приводили в порядке гипотезы в § 12. Мы видим, что имеются многочисленные и действенные причины субъективного характера, которые обусловлены воздействием чувств и приводят к созданию и принятию теорий без учета их логико-экспериментальной ценности (см. § 101). Позже нам предстоит заняться этой темой более обстоятельно (см. гл. 7).

Сейчас мы обращаем внимание на другую ошибку, о которой уже упоминалось (см. § 14) и которая встречается часто. Она возникает из-за вынесения за границы логико-экспериментальной области выводов, имеющих силу только в ее пределах. Неэкспериментальный термин X , посредством которого устанавливалась связь между экспериментальными терминами A и B , затем элиминируется; подтверждение, так же как и неподтверждение, наличия вышеназванной связи никак не позволяет ни доказать, ни опровергнуть «существование» X . Между экспериментальным и неэкспериментальным миром нет ничего общего, и невозможно ничего выяснить в отношении первого, исходя из второго, как и наоборот.

В прежние времена люди стремились вывести из текста Библии научные положения, например, суждения о движении Земли и небесных тел. Сейчас достигла апогея противоположная склонность, а именно стремление в связи с ошибочностью этих научных суждений делать вывод об ошибочности библейской теологии. Ни тот, ни другой способ рассуждений не может быть приемлемым тому, кто желает остаться в экспериментальной области (см. § 189). Научные ошибки Библии доказывают только, что от теологии не нужно требовать установления связей между экспериментальными фактами, так же как научные ошибки Гегеля показывают, что в установлении таких связей метафизика не была более продуктивной, чем теология, и не более того. Это ничего не позволяет доказать в отношении тех доктрин, которые метафизики и теологи стремятся создавать вне экспериментальной области.

- 200.** Случай b . Исследования виртуальных движений (см. § 191), когда они принадлежат к экспериментальной области, представляют собой особый

вид рассмотрения экспериментальных связей, и, следовательно, все сказанное выше для них остается в силе. Некоторыми границами, за которыми кончаются виртуальные движения, когда происходит выход из экспериментальной области, нам понадобится заниматься только тогда, когда пойдет речь о попытках вновь обратиться к опыту после его элиминации; но даже в этом случае мы будем возвращаться к отношениям между экспериментальными фактами.

201. Случай *c*. И здесь, наконец, мы переходим к рассмотрению того, что надо делать, или к *предписаниям* (см. § 110 и далее). Это вид такой связи, которая может оказаться совершенно вне опыта, даже когда применяются экспериментальные термины. Ее выводит за пределы опыта термин «надо», который не соответствует никакой конкретной реальности. Всегда можно поставить вопрос: «Если человек не сделает того, что, как утверждается, ему нужно сделать, что тогда произойдет?» С таким вопросом мы переходим к рассмотрению виртуальных движений (случай *b*).
202. *Связи, которые соединяют элементы теорий*. Здесь мы намерены обратиться ко второму вопросу, поставленному в § 180. Начнем с рассмотрения некоторых примеров. Представим себе химию после того, как в ней вполне утвердилось атомная теория. Здесь исследование шло от некоторых гипотез к объяснению известных химических фактов, чтобы предвидеть еще неизвестные факты, которые затем верифицировались опытом. Такое движение характерно для всех научных теорий, но они имеют свои индивидуальные особенности.
203. Вот другой пример, относящийся к одной из многих теорий, именуемых этическими; она имеет совершенно иной характер. Отсутствует какая-либо экспериментальная проверка; исследуется то, какими должны быть вещи, и поиск проводится так, чтобы в вещах находить как существующие отношения, так и те, существование которых является желательным. Вообразите химика, заявляющего: «Ужасно, что *protoclorure di mercurio* (каломель — Hg_2Cl_2) обладает способностью под действием солнечного света превращаться в *biclorure di mercurio* (сулему — HgCl_2) — сильнейший яд. Поэтому я отыщу теорию, которая сделает это невозможным». Однако именно такой подход широко распространен в этических теориях.
204. Следовательно, при распределении теорий в соответствии с особенностями их доказательств необходимо будет выделить два их типа. В первом типе теорий связи состоят только из логических следствий, полученных из фактических данных; во втором к этому добавляется что-либо, выходящее за границы опыта: какая-либо концепция необходимого,

должного и т. д. Наконец, чтобы завершить работу, потребуется также рассмотреть суждения, в которых логическая связь слабая или вовсе отсутствует, и которые являются простыми описаниями или повествованиями. Итак, мы получим следующие три рода суждений:

1. Описательные суждения.
2. Суждения, сообщающие об экспериментальном единообразии.
3. Суждения, в которых к констатациям экспериментальных единообразий добавляется что-либо иное, а также суждения, в которых такие единообразия не учитываются.

205. Научные теории состоят из суждений первого и второго рода. Иногда добавляются суждения третьего рода, не нарушающие научность таких теорий, если неэкспериментальная добавка была просто излишней, но нарушающие их научность, если добавка влияет на результаты теории. Эти последние суждения до сих пор широко используются в социологических и многих экономических теориях; необходимо, напротив, исключать их, если мы намерены придать социологии и политэкономии качества логико-экспериментальной науки.

206. Первый род. *Описательные суждения.* Примеры: «Я исследовал плотность чистой воды при атмосферном давлении 760 мм ртутного столба и установил, что она максимальна при температуре + 4 °С»; «Римский брак был союзом одной женщины и одного мужчины в одно время». Описание при желании может удлиняться; но если оно становится пространственным, появляется опасность проникновения суждений другого класса. Человеку очень сложно остановиться на простом описании; он всегда пытается добавить объяснение. Высказывание: «Греки хорошо принимали странников» — это описание; но во фразе: «Греки хорошо принимали странников, потому что считали, что они посланы Зевсом» к описанию добавлено объяснение. Мы вновь вернулись бы к описанию, сказав: «Греки хорошо принимали странников, убеждая себя в необходимости так поступать, поскольку считали, что они посланы от Зевса». Отличие может показаться слабым, но оно достаточно существенное, поскольку присутствие скрытых объяснений в описаниях — часто практикуемый метод, обеспечивающий принятие объяснений, не имеющих логико-экспериментальной основы. Здесь мы не станем останавливаться на рассмотрении того, насколько нестрог примененный выше родовой термин *греки*.

207. Второй род. *Суждения, сообщающие об экспериментальном единообразии.* В утверждении о единообразии присутствует нечто большее, чем простое описание совершившихся фактов, т. е. предвидение, с большей или меньшей вероятностью, будущих фактов. Когда я говорю: «При атмосферном

давлении 760 мм ртутного столба вода достигает максимума плотности при температуре $+4\text{ }^{\circ}\text{C}$ », — я сообщаю нечто большее по сравнению с тем, что было высказано в ранее приведенном описательном суждении. Я сообщаю о том, что вода в обозначенных условиях будет иметь максимальную плотность при температуре $+4\text{ }^{\circ}\text{C}$.

В последнем суждении имеется имплицитно утверждение о том, что только давление и температура влияют на плотность воды и определяют ее. Если бы, например, на нее также влияло электрическое состояние воздуха, то описательное суждение оказалось бы неполным, поскольку я должен был бы сообщить об этом состоянии. Однако такое утверждение о наличии единообразия оказалось бы, напротив, ошибочным, так как после проведения эксперимента при различном электрическом состоянии воздуха я бы зафиксировал один и тот же пик плотности воды при $+4\text{ }^{\circ}\text{C}$.

208. Вот не гипотетический, а реальный случай. Если я сообщаю: «Имелась чистая вода, в которую был погружен термометр; я установил, что при $0\text{ }^{\circ}\text{C}$ вода обращается в твердое состояние», — то мое утверждение оказывается неполным. Мне следовало отметить и другие обстоятельства, например, сообщить об атмосферном давлении. Когда я говорю: «Чистая вода обращается в твердое состояние при $0\text{ }^{\circ}\text{C}$ » и не сообщаю о других условиях, такое суждение оказывается ложным. Джеймс Томсон установил, что при давлении, равном 16,8 атмосфер, чистая вода переходит в твердое состояние при температуре $-0,129\text{ }^{\circ}\text{C}$. Данное суждение будет ложным в строгом смысле, тем не менее оно широко используется в физике, поскольку подразумевается, что опыты проводятся при нормальном атмосферном давлении в 760 мм ртутного столба и с соблюдением иных условий, о которых физики хорошо знают. В таком случае это не приводит к несоответствиям; но когда подразумеваемые условия не могут быть четко определены, когда они практически неизвестны, утверждение должно быть отвергнуто. Именно при такой неопределенности получается так, что тот, кто пожелал бы выяснить условия, не сможет их четко установить.

209. Метафизики воображают, что в экспериментальной науке содержатся абсолютные суждения (см. § 28), следовательно, они понимают высказывание «Вода застывает при $0\text{ }^{\circ}\text{C}$ » как нечто большее, чем простое обобщение опыта, т. е. как подчинение принципу необходимости. Но такое построение рушится, поскольку оно построено на неустойчивом фундаменте. Приведенное высказывание объясняет только, что до сих пор это наблюдалось, и с высокой степенью вероятности будет отмечаться в будущем (см. § 28).

210. Если кто-нибудь скажет: «В таком высказывании не учитываются свойства того места в пространстве, где сейчас располагается Солнце со своими планетами. Хорошо, что до сих пор это не влияло на температуру застывания воды, но кто вам сказал, что это не повлияет в будущем?», нам останется ответить только одно: «Об этом нам ничего не известно». Такой же ответ придется дать тому, кто станет утверждать, что Солнце в ходе своего быстрого движения однажды перенесет нас в четырехмерное пространство, где изменятся законы физики и химии. Следует помнить, что любое научное положение надо принимать с учетом ранее высказанного соображения, что оно выполняется «в известных нам временных и пространственных границах», за которыми существует большая или меньшая вероятность его выполнения, и не более того (см. § 28).
211. Смешно думать, что данное ограничение, обязательное в таких передовых науках, как физика и химия, вовсе не обязательно в такой отстающей науке, как социология. Во всяком случае у нас нет намерения спорить об этом. Блаженны те, кому известна *сущность* вещей (см. § 15) и *необходимые* связи между фактами. Мы намного скромнее их и исследуем только те связи, которые обнаруживаются в опыте. Если эти славные люди правы, то это означает, что мы, затратив немалый труд, откроем все то, что ими уже было найдено в свете метафизики. Если известные им связи действительно являются необходимыми, то мы, вероятно, не сможем найти ничего другого.
212. Метафизики имеют обыкновение отмечать, что одного хорошо проведенного наблюдения бывает достаточно для фиксации единообразия в химии и в физике и что, следовательно, необходим высший принцип, чтобы получить такой вывод, что вывод делается не благодаря изучению множества фактов, а на основании только одного факта. Они совершенно не правы, поскольку существовало множество других фактов, и все они были похожи на уже зафиксированный факт. Почему одного-единственного химического анализа оказывается достаточно, чтобы узнать пропорцию, в которой два простых вещества образуют химическое соединение? Потому что этот феномен относится к огромной группе фактов, в которой проявляется единообразие — наличие определенных пропорций. Почему одного хорошо выполненного наблюдения достаточно, чтобы узнать, какой период времени отделяет зачатие от родов у самки млекопитающего? Потому что эти события входят в крупнейшую группу фактов с характерным для нее постоянством этого временного интервала.
213. Именно поэтому, если факт ошибочно включается в такую категорию, вывод оказывается неверным. Например, тот, кто в ходе наблюдения

за самцом и самкой филлоксеры делает вывод, что все филлоксеры рождаются от самца и самки, объединив этот факт с бесчисленным множеством иных случаев полового размножения, ошибется, поскольку ему, напротив, следовало бы допускать и бесполой способ размножения филлоксер. Высший принцип не сможет нас научить этому; только из опыта мы узнаем, что у филлоксер кроме полового размножения имеются случаи бесполого размножения.

- 214.** Среди отмечающих единообразия суждений есть такие, в которых даются экспериментальные объяснения факта. В таком случае суждение состоит только в соотнесении этого факта с другими фактами. Так, термодинамика объясняет, почему у одних веществ, например у воды, с ростом давления температура плавления падает, а у других — напротив, растет. Объяснение состоит только в соотнесении единообразия этого свойства с иными свойствами веществ. Научных объяснений иного типа не существует.
- 215.** Было бы неверным утверждать, что небесная механика объясняет движения небесных тел исходя из принципа всемирного тяготения. В небесной механике выдвинута гипотеза о том, что движение небесных тел соответствует уравнениям динамики. До сих пор положения этих тел рассчитывались с помощью таких уравнений и в пределах допустимых ошибок оказывались теми же, что и наблюдаемые. До тех пор, пока будет так, гипотеза будет приемлемой; в день, когда этого не произойдет, ситуация изменится.
- 216.** Теперь посмотрим, как использовать факты в социологии и как выводить из них единообразия. По правде сказать, в этом состоит цель всего труда, и мы постепенно будем искать и станем находить такие единообразия, отделяя подходящие для этого средства от непригодных. Поэтому здесь придется лишь отсылать к последующим разделам книги; но желательно представить видение темы и очертить ее в общих контурах. Именно на это нацелены приводимые ниже рассуждения.
- 217.** *Факты.* Они известны нам из различных источников, которые историческая критика взвешивает и обсуждает. Проводимыми в ней исследованиями мы специально не станем заниматься. Обратим только внимание на отдельные моменты, особо важные для социологии.
- 218.** *Число фактов.* Очевидно, что чем больше их можно представить, тем лучше. Удалось бы добиться совершенства, если бы можно было привлечь все факты, относящиеся к рассматриваемой области; так как это невозможно, возникает вопрос о большем или меньшем их охвате.

219. *Вес фактов.* Вес фактов больше значит, чем их число; один факт, если он хорошо наблюдался и был хорошо описан, ценнее множества других, которые плохо наблюдались и были плохо описаны.

220. Рассматривая не абсолютную достоверность, поскольку ее не существует в экспериментальной науке, а только ту или иную вероятность, нам придется признать, что для одних исторических фактов она мала, для других высока, для третьих почти равна тому, что в обыденном языке понимается под абсолютной достоверностью. В этом смысле многие исторические факты, достоверные в общих контурах, недостоверны в частностях и подробностях. Например, представляется вполне достоверным, что битва при о-ве Саламин действительно произошла*, но нет никакой достоверности в отношении описанных Геродотом подробностей ее хода. Напротив, по аналогии с другими сходными повествованиями оказывается очень вероятным, что некоторые из приводимых им обстоятельств не соответствуют истине, но мы не знаем, какие. Это имеет отношение и к более близким временам. Битва при Ватерлоо, конечно, совершилась, но до сих пор ведутся споры относительно ее подробностей.

Следуя методу, о котором мы сообщим в § 226, легко убедиться, что различные сообщения об одном и том же факте часто расходятся в описаниях подробностей; в отношении некоторых сведений мы можем признать, что они неверны (см. § 279). Следовательно, истолкование их как точных ввело бы нас в заблуждение.

Надо избегать двух опасных крайностей. Одна из них состоит в попытках выстроить теорию с опорой преимущественно на сомнительные факты, добываемые при исследовании истоков и первопричин; другая заключается в отвержении любой теории, не подкрепленной совершенно достоверными фактами, как того требуют некоторые педанты. Но в таком случае пришлось бы отбросить все теории. Надо выбирать оптимальный вариант, т. е. строить теорию осмотрительно, тщательно проверять и отбирать факты и осторожно их использовать, всегда учитывая, что даже самые верные из них содержат некоторую погрешность.

Регулярно слышны упреки в отношении научных теорий по экономике и по социологии в связи с тем, что в них не учитываются некоторые частности. Напротив, в этом состоит их достоинство. Во-первых, необходимо дать общую картину изучаемого феномена и отвлечься от частных, вносящих помехи и нарушения; во-вторых, рассмотрение частных переводит внимание с более существенного на менее существенное.

* Произошла в 480 г. до н. э., исходом битвы стала победа греческого флота над персидским.

221. Один текст или ряд текстов одного автора можно рассматривать в трех аспектах.

1. Для выяснения образа мыслей автора, его психического состояния и того, чем оно обусловлено.
2. Чтобы узнать, что он хотел сказать в конкретном фрагменте.
3. Чтобы узнать, что поняли из текста люди некоторой общности и определенного времени.

Для социального равновесия значимость перечисленных аспектов возрастает с переходом от первого к третьему. При исследовании текста в объективном аспекте следует пользоваться только вторым вариантом, когда можно установить достаточно определенную связь между сообщаемым свидетельством и объективной реальностью. Первый аспект касается личностных качеств автора. Второй — не личностный, объективный, поскольку отрывок текста можно рассматривать независимо от того, кем он был написан. Третий аспект относится к людям, которые знакомятся с текстом.

Первый аспект. Не всегда у автора имеется единство мыслей, и не только потому, что с течением времени его воззрения меняются, что можно отметить на примере отречения св. Августина от прежних убеждений и во многих иных сходных случаях. Это происходит также потому, что в вопросах, прежде всего касающихся чувств, в одном и том же тексте могут выражаться различные, даже противоречивые мысли, о чем сам автор может не ведать. Таким образом, исследование того, как думал автор в некоторой области, порой может означать изучение того, чего нет. Безусловно, взгляды автора связаны с чувствами, характерными для общности, в которой он живет, и поэтому в определенных пределах по его взглядам возможно судить о тех чувствах, которые в то же время оказываются элементами социального равновесия. Примечательно, что такая операция более плодотворна в том случае, когда изучаемые авторы примитивны и недалеко в интеллектуальном отношении, чем когда они высокоинтеллектуальны, поскольку последние именно за счет этого качества выделяются, отрываются от простолюдинов и, следовательно, на них слабее отражаются общие мысли, верования, чувства их времени.

Второй аспект. Когда мы знаем о том, что автор хотел выразить в тексте, и когда у нас есть основания считать этот текст достаточно правдивым свидетельством, мы можем из него получить знание о некоторых фактах. Таковы, по существу, все документы, которые называют историческими.

Третий аспект. Кроме фактов, о которых обычно становится известно из исторических документов, нам важно знать и другие факты.

Мы видели и впоследствии увидим еще яснее, что чувства, проявляющиеся в верованиях и умонастроениях людей, эффективно воздействуют на формирование социальных феноменов. Из этого следует, что чувства

и их проявления представляют собой такие же «важные» факты для социологии, как и действия.

Фукидид говорит, что на самом деле это неправда, что Гиппарх был тираном* (во что верили простые афиняне), когда его убили Гармодий и Аристоклитон. Однако с точки зрения устройства афинского общества этот факт сам по себе имел меньшее значение, чем представление о нем афинян. Среди сил, имевших весомое воздействие в детерминации такой формы устройства общества, несомненно, было чувство, которое выразили афиняне при воспевании заслуг Гармодия и Аристоклита, «якобы сделавших афинян равными перед законом благодаря тому, что убили тирана»**. Итак, мы подошли к заключению, кажущемуся парадоксальным, — чтобы понять форму общественного устройства Афин, гораздо менее важно знать, был ли реально Гиппарх тираном или даже не была ли вся эта история легендой, чем знать мысли афинян по этому делу.

Аналогично этому, текст автора важен не столько для выяснения того, что в нем хотел выразить автор, сколько в отношении того, что воспринимают при его чтении люди, живущие в данное время и в данном месте. Имеется принципиальное различие между двумя рассмотренными текстами: в качестве свидетельства о тех событиях, которые автор наблюдал и осмысливал, когда текст рассматривается именно для восхождения к тем событиям; и для изучения влияния текста на тех индивидов, которые с ним знакомятся, чтобы иметь представление об их мыслях и действиях. В первом случае очень важно выяснить, что стремился выразить автор; во втором случае такое изучение почти бесполезно, и, напротив, важно установить, как автор был понят, даже если он был понят прямо противоположным образом.

Этого не признает тот, кто считает все, что изложено в тексте, абсолютной истинной, которую только надлежит адекватно понять. Поэтому он ищет *истинное* значение, каковым оказывается то, которое ему нравится. И он порицает тех, кто с ним не согласен.

- 222.** В некоторых случаях узнать вполне достоверно (с очень высокой степенью вероятности) о фактах выражения мыслей бывает намного легче, чем о фактах действий. Могут быть сомнения в аутентичности имеющегося текста, но когда они в конце концов отпадают, перед нами предстает факт, которым мы намерены заняться. Мы обсуждаем его уже не потому, что другие люди сообщили о нем. По имеющимся в нашем распоряжении

* Фукидид поясняет, что на самом деле правителем в это время был его старший брат Гиппий.

** Фукидид. История. В 2 т. Т. 1. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1915. С. 15.

текстам мы знаем о том, что говорил Цицерон о Катилине, с большей степенью вероятности, чем о некоторых действиях Катилины.

223. В отношении исторических фактов и географической информации обычно имеют малую значимость литературные произведения с их художественными вымыслами и разного рода сказания, легенды и т. п. Однако из-за скудности документов порой мы вынуждены ими пользоваться при изучении глубокой древности и тех эпох, о которых известно мало; впрочем, здесь необходима величайшая осторожность. При этом мы используем метод, о котором будет сообщено в § 226.

224. Такие литературные произведения часто могут, напротив, иметь большое значение для нашего знакомства с чувствами, и подобного рода косвенное свидетельство иной раз оказывается более ценным, чем многие прямые свидетельства. Например, Герод в «Мимиамбах»³³ сочинил пародию на речь в суде*. Выступающий персонаж, по существу, ссылается на то, что если его противник доставил пшеницу в город (т. е., если он, оратор, ее туда не доставил), это не должно ему повредить на суде. Здесь, пожалуй, нашло свое выражение распространенное тогда мнение о том, что судьи принимают решения, руководствуясь мотивами расположения и нерасположения, не имеющими отношения к существу дела, иначе пародия не имела бы смысла. Это свидетельство для многих оказывалось вполне весомым (см. § 237).

Так, многие романы позволяют узнать распространенные мнения. Часто, соответствуя некоторым фактам, романы дают синтетическое представление об этих фактах, оно оказывается лучше того, которое можно было бы получить из многих прямых, но беспорядочных и нечетких свидетельств. Та книга, которая нашла многих читателей, с высокой степенью вероятности отвечает их чувствам и, следовательно, может быть полезной в том, чтобы подсказать нам, что же это за чувства.

Однако нам следует поступать осторожно, выходя на этот путь, поскольку при поспешности в интерпретациях можно впасть в серьезные ошибки.

225. *Интерпретации.* Именно потому, что непосредственное знание о фактах оказывается очень редким, интерпретации неизбежны. Тому, кто хотел

³³ *Eronda. Mimiambi. II. 16.*

* Памятник эллинистической культуры III в. до н. э., найденный в 1891 г. Состоит из восьми небольших монологов и диалогов, записанных на папирусе и напоминающих аттическую комедию. У Парето речь идет о втором мимиамбе, описывающем то, как сводник (Баттар) обвиняет на суде своего клиента, богатого иностранца Фалеса, в буйстве и насилии.

бы получить как можно больше таких знаний, не удастся обойтись без занятия историей и социологией, поскольку необходимо выяснить, когда, как, в каких пределах интерпретациям можно доверять с достаточно высокой степенью вероятности. Такое исследование необходимо проводить на основе опыта, как и все исследования в экспериментальных науках.

226. Метод, применение которого во многих случаях обеспечивает хорошие результаты, состоит в следующем. Пусть A — факт из прошлого, «объяснения» которому мы не нашли, но стремимся найти. То есть мы соотносим факт A с другим фактом B посредством некоторой интерпретации. Мы хотим установить, приведет или не приведет эта связь к вероятностным выводам. Поэтому, если нам удастся найти в наше время факт a , похожий на A и вполне четко связанный с другим фактом b , который также хорошо известен и похож на B , то мы пользуемся нашим методом для «объяснения» a . Если мы получаем таким путем эффективное объяснение факта b , то это благоприятствует использованию данного метода; когда мы встречаем немало иных случаев, близких к изучаемому случаю, то у нас имеются основания полагать, что метод обеспечит результаты, отвечающие действительности с высокой долей вероятности. Однако если мы, желая объяснить a , не находим b , этого уже достаточно для того, чтобы усомниться в применимости метода: такой факт оказывается исключением, и могут быть обнаружены иные исключения. Когда общее число исключений становится значительным, вероятность того, что метод подходит, оказывается мала. Поскольку этот метод будет достаточно часто использоваться в книге, здесь мы воздержимся от приведения примеров.

227. В общем, неизвестное следует объяснять исходя из уже известного. Поэтому прошлое лучше понять по настоящему, чем настоящее по прошлому, что довольно часто делалось на начальном этапе развития социологии, а многие и теперь продолжают делать.

228. Определенная интерпретация в отношении фактов необходима почти всегда, поскольку тот, кто излагает факт, делает это на своем языке, добавляя когда меньше, когда больше собственные чувства. Чтобы подобраться к факту, мы должны очистить сообщение о нем от этих добавлений. Эта работа порой простая, порой сложная, часто является необходимой, по крайней мере полезной. Путешественники в соответствии с собственным видением переводят на свой родной язык идеи и взгляды, услышанные ими в других странах и выраженные на языках народов этих стран; поэтому их описания часто в большей или меньшей степени отдаляются от реального положения. Необходимо, если такая возможность

имеется, выполнить обратный перевод, чтобы вернуться к действительным воззрениям тех народов, о которых они сообщают.

229. Также нелегкой оказывается во многих случаях в социологии работа с переводами, и здесь надо по возможности обращаться к оригинальным текстам. Не следует, однако, переходить из одной крайности в другую: имеются случаи, когда вполне достаточно простого реферата или конспекта. Чтобы принять адекватное решение, надо посмотреть, зависят ли выводы от смысла одного или нескольких переведенных слов; когда такая зависимость имеется, следует обратиться к оригиналу.
230. Значительно больше трудностей возникает в понимании фактов, относящихся к иным временам и к другим народам, когда мы судим о них, находясь под влиянием ментальных особенностей своей нации и своего времени. Например, мы живем в такой стране и в такое время, когда существует свод установленных официальной властью писанных законов и правовых норм, и плохо понимаем общественное устройство народов, у которых нашим законам соответствовали некоторые неписанные обычаи и нормы, соблюдение которых не контролировала никакая публичная власть. Эрудированные исследователи благодаря долгому изучению своего предмета настолько погружаются в прошлое, что их ум, в конце концов, приобретает некоторую способность к восприятию стиля и уклада жизни людей давно ушедших времен. Они в намного большей мере способны понимать факты прошлого, чем те, кто не обладают настолько обширными познаниями и эрудицией. Также и среди нас в определенных случаях возникает расхождение между фактом и правом, например, между фактом присвоения собственности и правом владеть ею. Однако в иное время были народы, у которых реальный факт и право сливались; их разделение происходило постепенно, в ходе медленной эволюции, и теперь нам уже трудно иметь ясное представление об одном из переходных состояний.
231. Но все это малая часть сложностей по сравнению с трудностями, которые рождаются из-за вторжения чувств, желаний, интересов, тех образований, которые лежат за пределами опыта, таких, как метафизические и теологические сущности. Именно необходимость не принимать на веру ту внешнюю видимость, часто очень обманчивую, которая может возникать по поводу фактов, требует восхождения к самим фактам. Это и побуждает нас в данном исследовании идти долгим и трудным путем.
232. *Вероятностный характер выводов.* Нам следует решить практически одну из проблем, решаемых путем подсчета вероятностей, именуемых «вероятностями событий». Пусть, например, есть урна, в которой хранится 100 шаров; одни из них белого, а другие — черного цвета. Мы не знаем,

в каком соотношении они там находятся, но знаем, что все пропорции *a priori* равновероятны. Мы извлекаем оттуда один шар, который оказывается белым. После этого становится ясно, что все шары не могут быть черными, хотя возможны любые комбинации, в каждую из которых входит хотя бы один шар белого цвета. Вероятность того, что все шары окажутся белыми, составляет $2/101$, т. е. достаточно малую величину. Вероятность, что белых шаров в урне не меньше 50, составляет $765/1010$, т. е. примерно 0,75.

Предположим, что выдвинута гипотеза о наличии закона, в соответствии с которым все шары в урне должны быть белыми. Извлечение одного шара — это только один случай проверки действия такого закона; одна такая проверка обеспечивает малую, примерно двухпроцентную вероятность его выполнения. Вероятность того, что число проверок, которые подтверждают такую гипотезу, окажется выше числа проверок, в ходе которых она будет опровергнута, напротив, довольно велика и составляет примерно три к одному.

- 233.** Когда люди приступали к изучению и расчетам вероятности, они надеялись получить точные нормы нахождения вероятности событий, но их надежды оказались тщетными, поскольку недостает способа, позволяющего объединить реальные ситуации с извлечением шаров из урны. Априорно мы ничего, или почти ничего не можем знать о вероятности различных комбинаций. Следовательно, нам остается только одно: грубо оценивать их вероятность на основе иных соображений.
- 234.** Предельный случай — это тот, о котором говорилось в § 212. Перед нами урна, в которой с высокой вероятностью все хранящиеся шары будут иметь одинаковый цвет. Достаточно извлечь один шар, чтобы с большой вероятностью узнать, какого они цвета. Например, нам известно, что очень велика вероятность того, что все простые вещества образуют химические соединения в определенных пропорциях. Эти пропорции подобны упомянутым цветам шаров. Достаточно одного эксперимента, чтобы выяснить пропорцию, так же как достаточно вынуть один шар, чтобы определить цвет остальных шаров (см. § 30, 212).
- 235.** Когда один факт *A* можно приравнять к другим фактам, *a priori* вероятно, что в отношении них действуют те же законы; и когда проверка подтверждает действие одного из этих законов в отношении данной группы фактов, то имеется большая вероятность, что рассматриваемые законы действуют в отношении факта *A* (см. § 212). Следовательно, мы идем далее, фиксируя такие сходства и осуществляя верификацию. Таков один из методов, наиболее часто используемых для нахождения экспериментальных законов. Так поступал Ньютон, когда в порядке гипотезы распространил

на небесные тела известные для земных тел законы движения. Проверив их выполнимость для движения Луны вокруг Земли, он открыл законы движения небесных тел. Его последователи проводили верификацию и всегда получали положительные результаты; следовательно, такие законы теперь следует рассматривать как вероятные в очень высокой степени.

Трудно установить подобие, поскольку оно всегда будет более или менее произвольным; только наблюдение и опыт могут дать нам надежные данные. Одна из распространенных ошибок античных авторов состояла в том, что они делали вывод о сходстве вещей на основании сходства их имен.

236. Чтобы вероятность стала выше, ничто не может быть эффективнее непосредственной верификации, проведения опытов в собственном смысле слова. Такова основная причина необычайно высокой вероятности проявления действия химических, физических, а также астрономических законов; в последнем случае опыт заключается в том, чтобы удостовериться, что небесные тела действительно располагаются там, где они должны находиться в соответствии с теорией. В значительно меньшей, но все же достаточно высокой степени увеличивается вероятность действия законов, которые не поддаются непосредственной верификации, в том случае, если доказано, что они по крайней мере подобны другим законам, которые могут быть проверены непосредственно.

237. Например, высказано суждение: «В Афинах на судебные решения по гражданским делам сильное влияние оказывали политические мотивы и пристрастия судей» (см. § 224). Мы имеем прямые подтверждения этому в отдельных дошедших до нас судебных выступлениях. Вероятность того, что это суждение окажется верным, возрастает благодаря косвенным подтверждениям, данным, в частности, Аристофаном и Геродом (см. § 224). Она еще более возрастает благодаря сходству с тем, что происходит сегодня в Италии и во Франции. Если кто-то еще сомневается в том, что политика играет очень заметную роль в ходе судебных процессов по гражданским делам, он может провести некоторого рода эксперимент: пусть он внимательно прочитает газеты и отметит по ним факты, которые раскрывают такое влияние; он их встретит в немалом количестве за любой год. Кроме того, он увидит, что в силу разных причин газеты не могут сообщить обо всех таких фактах. Если он опросит людей, имеющих практический опыт в этой сфере, при том условии, что они склонны сообщать правду, то он увидит, что косвенным образом подтверждается то, о чем можно было узнать, используя индуктивный метод.

238. Третий род. Суждения, в которых есть что-либо помимо констатации экспериментальных единообразий, а также суждения, в которых такие единообразия не учитываются. Посмотрим, каким образом лежащие за границами опыта общие принципы влияют на те теории, которые относятся к классу II (см. § 12), если их рассматривать в объективном аспекте. Следует отделять случай *A*, когда в теорию эксплицитно вводится неэкспериментальный материал, от случая *B*, когда он присутствует в ней имплицитно. Но это — только определение в общем виде, поскольку в конкретных случаях представленные типы могут смешиваться друг с другом. Здесь мы берем их в аспекте внесения посторонних добавок к экспериментальным единообразиям, или непринятия таких единообразий во внимание. Мы вернемся к исследованию некоторых из этих типов в главах 6 и 7 и изучим, какими другими способами люди получают выводы, кроме проведения логико-экспериментальной дедукции (см. § 527). Сейчас мы обратимся к авторитету в аспекте выявления того, что он добавляет там, где зафиксированы экспериментальные единообразия, тогда как в главах 6 и 7 будет анализироваться вопрос, как этот авторитет используется при получении определенных выводов. Все это можно повторить по поводу консенсуса всеобщего, большинства, лучших людей и т. д.

239. Дадим следующую классификацию типов суждений:

- A*. Абстрактные образования, которые изучаются и о которых узнают вне опыта и независимо от него. Такое знание считается более высоким и возвышается над экспериментальным знанием (см. § 240–266).
- A_α*. Опытный материал занимает мало места или отсутствует (см. § 244–254).
- A_{α1}*. *Авторитет*. Божественный авторитет, о котором известно от одного человека или от нескольких людей. — Авторитет одного или более человек (см. § 245–249).
- A_{α2}*. Консенсус некоторого числа людей — подсчитываемый, взвешиваемый, либо получаемый из абстрактных рассуждений (см. § 250–254).
- A_β*. Существование абстракций и принципов, признанных независимо от опыта; для их подтверждения опыт привлекается, однако это делается зависимым от них, подчиненным им способом (см. § 255–264).
- A_γ*. Опыту придают или воображают, что придают, большое значение, однако он все равно остается зависимым (см. § 265, 266).

* По усмотрению, произвольно (*лат.*).

- B.* Исследуемые абстрактные образования в явном виде не взяты из области, находящейся за границами опыта. Это те простые абстракции, которые получены *ad arbitrio** из опыта, но приобретают независимое существование, которое имплицитно может быть неэкспериментальным (см. § 273–319).
- B α .* Мифы, героические сказания и т. д., возникшие на основе реальных исторических обстоятельств (см. § 275–283).
- B α ₁.* Мифы и т. д., поняты буквально и без каких-либо изменений (см. § 280–282).
- B α ₂.* Мифы и т. д. с очень небольшими и простыми изменениями по сравнению с их буквальной передачей (см. § 283).
- B β .* Мифы и т. д., в которых реальная историческая часть сочетается с нереальной (см. § 284–287).
- B β ₁.* Мифы и т. д. имеют реальные исторические истоки, но их изложение с течением времени претерпело изменения (см. § 288–290).
- B β ₂.* Мифы и т. д. являются продуктом плохой интерпретации опыта и результатом неверных следствий из реальных фактов (см. § 291–300).
- B β ₃.* Исторические факты являются девиациями от некоторого исходного типа или образуют некоторый ряд с пределом или асимптотой (в математическом смысле) (см. § 301–306).
- B β ₄.* Мифы и т. д. являются имитациями других аналогичных. Два или более сходных института имитируют друг друга (см. § 307–309).
- B γ .* Мифы и т. д. не содержат совершенно ничего реального (см. § 310–319).

В этой главе мы изучим категорию *A*; в следующей главе займемся категорией *B*.

240. *A.* Абстрактные образования, которые изучаются и о которых узнают вне опыта и независимо от него. Такое знание считается более высоким и возвышается над экспериментальным знанием. В этом состоит главный отличительный признак этого класса. Например, тот, кто станет выводить из опыта теорему о том, что эволюция уникальна, будет создавать теорию 1-го класса (см. § 12). Тот, кто это же самое положение примет *a priori*, придет к созданию теории 2-го класса. К тому же он в таком случае не станет по собственному произволу выносить этот принцип за границы экспериментальной области; он его примет как очевидный и пойдет далее. При этом получается теория класса *B*. Напротив, тот, кто, например, считает, что естественное право устанавливается *naturalis ratio**, может сколько угодно ссылаться на опыт. Все равно его теория будет относиться к классу *A*, поскольку *naturalis ratio* возвышается над опытом,

* Естественным разумом (*лат.*).

от которого можно ожидать только подтверждений, но ни в коем случае не опровержений того, что продиктовано природой.

241. Вера, что некоторые абстрактные образования существуют сами по себе, независимо от опыта, что они — не результат абстрагирования, отчасти произвольного, присутствует у многих. Такая идея настолько глубоко укоренилась в сознании многих людей и настолько ясна для них, что, пожалуй, здесь имеет место проявление сильного воздействия чувств и нелогических мотивов, которым эта вера соответствует. Итак, мы уже видим одно из оснований, позволяющих нам осуществить классификацию фактов в связи с определением условий социального равновесия. Кроме того, поскольку такая вера сопровождала прогрессирование человеческих обществ, возникает сомнение: может ли она, несмотря на ее ошибочность в экспериментальном аспекте, оказаться полезной для социальной практики? Пока мы не можем определиться в этом отношении, но должны подчеркнуть, что не следует полагать, что если мы отвергаем веру в экспериментальном аспекте, то это не означает ее осуждения в социальном аспекте.

242. Чтобы разделить на группы теории класса A , мы можем принять в качестве критерия различия по количеству содержащихся в них экспериментально-дедуктивных выводов. Мы пойдем от одного предела α , где таких выводов либо очень мало, либо совсем нет, к группе β , где на опыт накладываются иные ориентации, и от нее к другому пределу γ , где доминируют соображения, представляющие как экспериментальные, по крайней мере внешне.

Здесь под «опытом» мы понимаем экспериментально получаемые результаты и непосредственные наблюдения (см. § 6). Нам могут сказать, что опыт (и наблюдение) имеет место и в поисках по текстам Библии ответа на вопрос о том, умирает ли человек от прикосновения ко Гробу Господнему, когда такие свидетельства принимают на веру и не осмеливаются ставить под сомнение и подвергать критике. Пожалуйста, пусть они так понимают опыт, мы не спорим о наименованиях; но чтобы нас поняли правильно, отметим, что это вовсе не то значение, какое мы придаем опыту (и наблюдению). Для нас это то, что наблюдается непосредственно, или о чем стало известно благодаря проверяемым, обсуждаемым, критикуемым свидетельствам, в том числе о людях, которые, дотронувшись до такого гроба, умерли на месте или остались в живых.

243. Мотивы, которыми мы руководствуемся при принятии какого-либо мнения, могут быть внешними и внутренними. Внешние мотивы, помимо строго научного опыта, который мы здесь не рассматриваем, это прежде

всего авторитет и консенсус других людей, как реальный, так и воображаемый, наряду с артефактами абстрактного мышления. Таким образом, мы имеем две группы: $A\alpha_1$ и $A\alpha_2$. Внутренние мотивы — не что иное, как согласие с нашими чувствами. Чувства вызывают и такие феномены, в которых опыт не имеет никакого значения, как было в случаях, когда в порыве страстной веры люди заявляли, что они верят потому, что абсурдно. Такие случаи не являются предметом нашего изучения, поскольку здесь мы исследуем только то, каким образом люди стремятся представить нелогическое как логическое. Упомянутая же страстная вера представляет собой нелогическое поведение, но в нем отсутствует стремление придать ему вид логического поведения.

В конкретном случае табу, которое не дополняется санкцией, имеется, во-первых, доминирующий элемент — сильная вера, отчего люди верят, не думая подыскивать мотивы. Во-вторых, здесь нетрудно увидеть зародыш логического объяснения, чисто вербального, которое обобщается словами: «Так поступают потому, что так надо поступать». В этом отношении мы рассматриваем класс A и можем только указать на этот аспект; его более основательное исследование будет проведено в главе 7, где мы будем анализировать объяснения, приводимые людьми по поводу их действий.

Внутренние мотивы представлены в других феноменах, в которые привносится и опыт, здесь мы имеем группы $A\beta$ и $A\gamma$. В феноменах категории B опыт фигурирует, скорее, как основной, чем как не основной элемент.

Видимость опыта возникает либо из предположения, что опыт подтверждает то, что на самом деле порождается чувствами, либо из-за того, что за объективный опыт принимаются порождения чувств. Такую манеру ведения рассуждений нам демонстрируют, порой в крайних формах, внутренние наблюдения метафизиков и, под новым именем, религиозный опыт неохристиан. При такой манере рассуждений тот, кто предлагает теорию, оказывается и судьей, и истцом в одном лице. Его чувства подсказывают ему, как оценить теорию, которая порождена теми же чувствами, и, следовательно, согласие может быть только идеальным и полным, и его решение всегда окажется благоприятным (см. § 250). Дело обстоит иначе, если судьей является объективный опыт. Он может опровергнуть теорию, построенную на основе чувств, что очень часто и происходит; судья по имени опыт беспристрастен.

244. $A\alpha$. *Опытный материал занимает мало места или отсутствует.* По существу, это основа различных видов теологии и метафизики. Предельный случай — уже упоминавшееся табу, не дополняемое санкцией и выраженное словами: «Так поступают потому, что так надо поступать». Затем к этому добавляются псевдологические наслоения, которые

становятся все обширнее и, наконец, образуют длинные легенды и измышления. Такие псевдологические наслоения широко применяются как средства доказательства, включая авторитет и консенсус людей.

245. α_1 . *Авторитет*. Здесь мы рассматриваем его только как средство придания логического облика нелогическим действиям и тем чувствам, которые их порождают. В главе 7 мы вернемся к данной теме для более обобщенного ее рассмотрения.

Божественное откровение, поскольку оно не рассматривается как исторический факт $B\alpha$, входит в состав этого подкласса, так же как в него входит божественное предопределение и божественное провидение, ибо, в конце концов, о них сообщается только через людей. Если мы приглядимся внимательнее, то выяснится, что суть божьей воли просто состоит в том, чтобы подтвердить передачу авторитета тому, кто считается интерпретатором такой воли. Последователи Мухаммеда признавали его авторитет, как образованные люди когда-то признавали авторитет Аристотеля: первые — по мотивам божественного озарения; вторые — потому что испытывали чувство благоговения перед глубокими познаниями и мудростью Стагирита, но и те и другие объяснения имели общий характер. Отсюда легко понять, отчего Вергилий, почитаемый как поэт, во времена невежества стал Вергилием — удивительным магом.

246. Обращение к авторитету часто дополняется другими доказательствами; их смысл в таком случае оказывается примерно таким: «Факты, на которые мы ссылаемся, настолько известные, а доводы, которые мы приводим, настолько убедительные, что их принимают все, по крайней мере все образованные и умные люди». Этот способ ведения рассуждений когда-то очень часто использовался при доказательствах существования ведьм, духов, привидений и т. д. О нем мы поговорим позже (см. § 549 и далее).

247. Тот, кто обращает внимание только на логико-экспериментальную силу рассуждений, может подумать, что когда мы принимаем постулаты, среди них надо выбирать самые четкие и более всего подходящие для строго дедуктивных умозаключений. Опыт показал, однако, что дело обстоит не так, что не удивит того, кто знаком с логикой чувств (см. § 197). Чтобы убедить других людей, наиболее хороши постулаты, которые не содержат ничего конкретного и могут, поэтому, означать все что угодно. И в самом деле, происходит так, что от них приходят к разным, порой противоположным выводам. Постулаты из группы α_1 часто путают и смешивают с постулатами из группы α_2 . В постулатах группы α_1 логическая сторона обычно лучше отлажена, чем в постулатах группы α_2 .

248. Недостаточная определенность посылок объясняет, почему из них могут делаться разные выводы, но не позволяет объяснить, почему такие выводы получаются. Во многих случаях сохраняется сомнение в том, что авторитет оказался источником веры, как и наоборот, вера, или, правильнее сказать, отвечающие ей чувства оказались источником авторитета. В очень многих случаях имеет место, скорее, последовательность действий и ответных реакций: определенные чувства настраивают на принятие авторитета, который, в свою очередь, усиливает или изменяет эти чувства и т. д.
249. Авторитет может распространяться на одного человека и на ряд людей, и когда он проверяется путем непосредственного наблюдения, он не выходит за границы подвида α_1 . Необходимо обратить внимание, что консенсус между этими людьми часто не следует из непосредственного наблюдения, хотя и предполагается, что он существует. Его выводят из некоторых чувств, имеющихся у тех, кто утверждает, что он есть. В таком случае мы встречаемся с фактом из подвида α_2 . Это происходит, когда, к примеру, рассуждают о «всеобщем консенсусе». Поскольку ясно, что никто никогда не сможет удостовериться в его существовании в отношении всех людей, которые жили раньше и живут ныне на Земле, и даже среди большей их части, он, скорее всего, не означает постановки вопросов, на которые все люди дали бы одинаковые ответы. Следовательно, первоначальное высказывание положения о консенсусе надо переформулировать: «Мне представляется, что должен существовать всеобщий консенсус»; или: «Мне представляется, что должен существовать всеобщий консенсус среди людей здоровых, рассудительных, умных, знающих и т. д.». А это совсем не то же самое, что первоначальное утверждение.
250. $A\alpha_2$. *Консенсус некоторого числа людей — подсчитываемый, взвешиваемый либо получаемый из абстрактных рассуждений.* К этому консенсусу можно обратиться для демонстрации того, что некоторые вещи нельзя образно представить: например, нельзя провести «бесконечную» прямую линию. Это характерно для научных и метафизических абстракций, но здесь мы их не рассматриваем. Однако те суждения, которые, напротив, могут быть превосходно выражены и четко осознаются, как, например, утверждения о существовании богов, мы сейчас должны обсудить.

Если всеобщий консенсус, консенсус многих или даже немногих людей эксплицитно отстаивается исходя из свидетельств опыта, то перед нами сообщения, относящиеся к экспериментальной науке; но если, напротив, свидетельства выходят за границы опыта, то мы имеем сообщения из категории *B*. Здесь нас интересуют только те случаи, в которых консенсус действует сам по себе, оказывается выше опыта. Вне опыта

оказываются: во-первых, факт консенсуса и, во-вторых, следствия из такого факта.

251. 1. Факт консенсуса. Его можно было бы проверить при помощи статистики: опросить определенное количество людей и зафиксировать их ответы. В таком случае факт стал бы экспериментальным. Но обычно по такому пути не идут: консенсус людей предполагается или, в лучшем случае, его проверяют посредством некоторых небольших экспериментальных или псевдоэкспериментальных исследований. Впрочем, когда речь идет о консенсусе всех людей, экспериментальная проверка абсолютно исключена, даже если, говоря о «всех», ограничиваются живущими и исключают умерших (см. § 249). Это относится и к другим большим массам людей, даже если общее их количество ограничено пределами небольшой страны.

Чтобы избежать подобных затруднений, стремятся добавлять эпитеты и говорить о консенсусе всех рассудительных, умных и честных людей, или большинства таковых. Далее прямо или косвенно в эту категорию включают только тех, чьи мнения отвечают всеобщему консенсусу, и, таким образом, складывается замкнутый круг рассуждений; авторы доказывают то, что им хотелось бы получить.

Чтобы рассуждения не шли по замкнутому кругу, необходимо, чтобы упомянутые качества изучаемых людей определялись только на основании общих соображений, таких, как компетентность в соответствующей сфере. Например, в области земледелия это будут мнения тех, кто занимается возделыванием земли и кто изучает соответствующие агрономические науки. Но при этом мы отходим от темы консенсуса и переходим к теме авторитета. Чтобы выйти из затруднения, которое вызвано невозможностью получения статистики о входящих в консенсус индивидах, и при этом не попасть в замкнутый круг рассуждений, привлекается абстрактный, неопределенный и неопределимый ум. Этот ум, в конце концов, и есть ум индивида, заявляющего о консенсусе, выводя его из согласия со своим умом, который он возводит в ранг «ума» вообще. Итак, мы имеем здесь саморефлексию метафизиков и их продолжателей — неохристиан. От точно просчитываемых консенсусов, которые невозможно установить, мы переходим к консенсусам, которые взвешиваются на произвольных весах. Так постепенно уменьшается численность охваченных им людей, пока их круг не сведется к одному человеку, который нуждается в таком консенсусе, чтобы обосновать собственную теорию (см. § 169 и далее). Это выводит нас за пределы опыта, который должен был бы нам сообщить о якобы существующем консенсусе большинства, или всех людей, или только некоторых людей, каких определяют исходя из условий, не зависящих от предлагаемого воззрения.

252. 2. *Следствия из факта.* Примем гипотезу, более всего подходящую в отношении той цели, к которой такие люди стремятся, и допустим, что факт консенсуса был получен из опыта с достаточно высокой вероятностью. Как уже отмечалось (см. § 250), здесь мы не рассматриваем случай, когда из этого факта как раз и получают вывод о вероятном существовании такого опыта. Обычно аргументируют тем, что сама по себе концепция, в отношении которой есть консенсус, должна непременно соответствовать реальности, а у некоторых метафизиков она и есть сама реальность. Даже когда мы ограничиваемся только утверждением о необходимости соответствия экспериментальной реальности, мы выходим за границы опыта, поскольку если огромное количество людей имеет некое общее мнение, то это никак не доказывает, что оно соответствует реальности. Тем не менее множество ошибочных мнений — от погружения солнца в океан до бесчисленных магических манипуляций — люди считали истинными. Таким образом, высказывание может быть взято на веру на основе одних только неэкспериментальных мотивов.

Здесь рассуждение вновь попадает в замкнутый круг. Если нам возражат, что огромное количество людей верило в ведьм, то мы ответим, что это не были умные и знающие люди; если нас спросят о том, как выявить умных и знающих людей, мы скажем, что такие люди верят только тем вещам, которые встречаются в действительности. После этого мы можем уверенно утверждать, что мысли умных и знающих индивидов всегда соответствуют действительности.

Если во избежание замкнутого круга рассуждений мы обратимся к консенсусу «компетентных» людей, чья компетентность определяется независимо от требуемых мнений, то мы все равно окажемся за пределами опыта. Это произойдет, даже если их мнения согласуются с реальностью. Напротив, их мнения часто расходятся с действительностью: история науки — это также и история ошибок «компетентных» людей. Следовательно, такие мнения можно использовать только как показатель большей или меньшей вероятности согласованности некой теории с действительностью, в зависимости от состояния науки и от компетенции тех, кто выражает это мнение. Но ни в коем случае не как экспериментальное подтверждение теории, которое можно прямо или косвенно отыскать только в опыте. Если мы этого не учтем, то выйдем из логико-экспериментальной области. Здесь обязанности судьи берет на себя опыт, но в некоторых случаях его полномочия могут быть делегированы «компетентным» людям. Необходимо только, чтобы они не подбирались в зависимости от ожидаемого ответа, чтобы тот вопрос, на который им предлагается отвечать, был выражен достаточно ясно, и чтобы они, в самом деле, поступали как посланцы опыта, но не как проводники веры. Наконец, необходимо добиваться, чтобы их заключения всегда можно было оспорить и передать на рассмотрение высшего суда — опыта.

253. Когда мы утверждаем, что всеобщий консенсус реален сам по себе и «творит» реальность, мы обычно рассуждаем не о реальных людях, имеющих плоть и кровь, но об идеальном человеке, рассматриваем не сознание конкретных индивидов, но абстракцию, которая именуется «человеческим сознанием». Поскольку эта абстракция формируется метафизиком по его усмотрению, ясно, что она из признательности к своему творцу будет пребывать в полном согласии с ним. Отсюда рождаются формулы, подобные выражению «непостижимое не существует», или словам — чтобы знать некоторую вещь, ее необходимо «осмыслить». Соответствие между мыслями абстрактного сознания, т. е. сознания создателя теории, и реальностью становится очевидным, поскольку его порождения сами выступают как реальность, а также поскольку если творящий теорию ум оставляет немного места для опыта, то он оказывается в одном лице и судьей, и истцом (см. § 243).
254. На практике редко происходит так, чтобы полностью можно было разграничить подвиды <суждений> $A\alpha_1$ и $A\alpha_2$: они обычно выступают как взаимодополняющие. К ним может также добавляться вид $A\beta$. Некая вещь вначале принимается в силу авторитета, затем она получает подтверждение благодаря ее соответствию «разуму» и опыту. Например, саморефлексия дает некий принцип, он подтверждается авторитетом того, кто провел эту саморефлексию, благодаря консенсусу других людей, который получен так, как мы показали, порой также благодаря привлечению псевдоэкспериментальных аргументов.
255. *A\beta*. *Существование абстракций и принципов, признанных независимо от опыта; для их подтверждения опыт привлекается, однако это делается зависимым от них, подчиненным им способом.* Очень нелегко полностью выйти за пределы экспериментальной области. Рано или поздно в нее приходится вернуться, поскольку, в конце концов, к этому более всего вынуждает практика жизни. Итак, теология и метафизика не пренебрегают опытом полностью, только стремятся сделать его своим слугой и даже с готовностью преподносят псевдоэкспериментальные дедукции, подтверждая их фактами. Верующий и метафизик заранее, до проведения любого экспериментального исследования знают, что верификация должна пройти удачно, поскольку высший принцип не допускает возможности иного исхода. При исследованиях, которые выходят за пределы экспериментального поля, они удовлетворяют имеющееся у многих людей очень сильное и порой непреодолимое желание познавать не только то, что существовало или существует, но и то, что *должно было бы существовать*, что непременно *должно существовать*. Кроме того, демонстрируя, что они учитывают опыт (хорошо или плохо они это делают — здесь малосущественно), они избегают осуждения за то, что отходят

от науки или не считаются со здравым смыслом. Но те факты, которые они учитывают, подобраны с вполне определенной целью — для подтверждения предвзятой теории автора, т. е. не для проведения верификации, но ради накопления подтверждений. Обращение к опыту порой оказывается очень редким, порой — частым и обширным, но всегда остается в ранее указанных рамках и отвечает упомянутым нами условиям. Второй случай касается также учений О. Конта и Г. Спенсера.

- 256.** Ученики создателей таких доктрин считают, что они совершенны; дело не может обстоять иначе, поскольку с учителем у них имеется интеллектуальная близость и общность чувств. Поэтому они полагают, что нельзя опровергнуть доктрину, которая удовлетворяет их в интеллектуальном отношении и отвечает их чувствам, и, кроме того, опирается на эти мнимо экспериментальные верификации.
- 257.** Только в одном, вовсе не в логико-экспериментальном, но в дидактическом отношении эти доктрины могут быть полезными для обеспечения научного прогресса: они представляют собой переходную ступень в движении от теорий, основанных только на слепой вере или на теологических, метафизических, этических концепциях, к теориям полностью экспериментальным. Дистанция между теми и другими теориями слишком велика, чтобы можно было бы преодолеть ее одним скачком: нужен мост. Но это уже кое-что, если люди отводят небольшое местечко опыту и не настаивают исключительно на том, что они находят (или полагают, что находят) все в собственном сознании. Даже когда опыт принимается только как апостериорная верификация, уже сделан большой шаг вперед, который еще не совершили многие другие, начиная с тех, кто думают, что могут угадать выигрышные лотерейные номера, и заканчивая теми, кто проявляют верность категорическому императиву.
- 258.** Опыт вводится, неважно каким образом, в теологическую и метафизическую конструкцию, и она начинает понемногу разрушаться. Разумеется, всегда надо иметь в виду, что это относится только к той ее части, которая располагается в экспериментальной области, потому что другой ее части не страшны удары опыта. Ее разрушение произошло бы, если бы не присутствие одного очень существенного факта — социальной полезности доктрин, ошибочных в экспериментальном отношении. Нам предстоит подробно обсудить эту тему в главе 9. Пока мы ограничимся кратким пояснением, поскольку и так ясно, почему удалось сломать или по крайней мере существенно разрушить теологические и метафизические постройки в естественных науках, тогда как в социальных науках они стойко сопротивляются разрушению и, наверное, никогда не исчезнут из социальной практики. В людях имеется настолько сильная потребность в таких сооружениях, что если рушится одно из них, они из тех же материалов

начинают строить новое. Пала старая метафизика, и вот выросла новая, принявшая облик позитивизма, точнее, одного из многих его направлений. Теперь ей, в свою очередь, грозит опасность разрушения, и взамен ей уже началось возведение новой метафизической постройки. Так обстоит дело потому, что люди упорно не желают отделять все, что соответствует опыту, от всего, что полезно индивидам или обществу, и упорствуют в стремлении обожествить некую сущность, которую нарекли именем «Истина». Пусть A — одна из таких вещей, полезных обществу и предлагаемых или навязываемых ему некоей доктриной или верой P , которая не является, а часто и не может являться экспериментальной, если она рассчитана на то, чтобы ее могло принять большинство людей конкретной страны. Она господствует в течение более или менее длительного времени, но как только экспериментальная наука начинает вызывать доверие и получает некоторое признание, появляются люди, заявляющие, что вышеупомянутая доктрина или вера должна согласовываться с опытом. На это их настраивают соображения полезности, хотя сами они этого порой и не осознают. Затем другие люди оспаривают отдельные положения этой доктрины или веры, ведут с ними борьбу, принимаются их высмеивать; но поскольку им невозможно обойтись без A , часть этих людей просто заменяет одну доктрину или веру P на другую — Q , которая также расходится с опытом. Так проходят годы и века, меняются люди, правительства, формы и уклады жизни, и все новые разновидности теологии и метафизики приходят на смену старым; каждая последующая считается более «истинной» и «лучшей», чем предыдущие. Возможно, что в некоторых случаях они действительно становятся «лучше», в том смысле, что более отвечают тому, что понимается под общественной пользой, но только они не оказываются более «истинными», чем прежние, если это означает их соответствие экспериментальной реальности. Никакая вера не может быть в большей мере научной, чем другая (см. § 14), любая вера выходит за пределы экспериментальной реальности. Это относится к политеизму, так же как и к христианству — католическому, протестантскому, «либеральному», модернистскому, или любой иной конфессии. Это справедливо в отношении бесчисленных метафизических сект, включая кантианцев, гегельянцев, бергсонянцев, не исключая позитивистов (Конта, Спенсера и многих других выдающихся людей), поборников солидарности, гуманистов, антиклерикалов, поклонников прогресса, и в отношении всех прочих направлений религии и метафизики, которые существовали, существуют и будут существовать. Выходит за пределы опыта и Юпитер — верховный бог, и библейский Яхве, и Бог христиан, и Аллах мусульман, как и абстракции нового христианства, категорический императив, и богини: Истина, Справедливость, Человечность, Большинство, и боги Народ, Прогресс, как и остальные божества, населяющие в огромном количестве Олимп теологов,

метафизиков, позитивистов и гуманистов. Это не расходится с тем, что вера в некоторые из этих божеств и даже в каждое из них могла в свое время быть полезной, а в некоторых случаях может оставаться полезной всегда. Но об этом нельзя ничего утверждать априорно; только опыт позволяет это выяснить.

Метафизика буржуазной этики была осаждена, а затем сметена метафизикой социалистической этики, которая, в свою очередь, была атакована метафизикой синдикалистской этики, а теперь еще и со стороны большевизма. То, что осталось после битвы, приблизило нас к экспериментальной точке зрения на подобные этические концепции, т. е. более или менее четко виден их контингентный характер. Буржуазная мораль, пришедшая на смену религиозной морали, претендовала на роль абсолютной истины, но за девятнадцатый век отчасти отступила после появления удачливых соперников.

259. В естественных науках продолжается разложение таких доктрин при слабых колебаниях, вызванных тем фактом, что ученые живут все-таки в обществе и на них также в той или иной мере влияют распространенные в нем мнения, верования и предрассудки. Опыт, который вначале робко пробивался в этих науках, теперь стал хозяином положения и изгоняет априорные принципы, которые ему противопоставлялись. Свобода в науке предстает нам как вполне естественная, поскольку мы живем во времена, когда она почти повсюду стала почти полной. Не следует, однако, забывать, что всего два века назад, а пожалуй, и того меньше, ученый не мог рассуждать о своей науке, не сделав перед этим заявления, что обратился к опыту только потому, что рассматриваемые им вопросы не являются предметом веры. Ученым было даже полезно занимать такую подчиненную позицию, поскольку это был единственный способ проникновения противников веры на бастион, который им предстояло захватить. Теперь, в годы мировой войны, появление цензуры и угроза введения тюремных санкций приводят к тому, что некоторые мнения не могут быть выражены без заверений в том, что они никоим образом не могут препятствовать патриотизму и ведению священной войны.

260. Обретенная в естественных науках свобода еще не утвердилась в науках, изучающих социальную жизнь. Правда, за исключением сексуальной религии, светские власти уже больше не карают непосредственным образом еретиков и неверующих³⁴, но на них обрушивается возмущение и враждебность публики, желающей сохранить некоторые принципы или предрассудки. Кое-что из этого во многих ситуациях оказывается все же полезным для общественного блага. Светская власть косвенным

³⁴ Это было написано до начала мировой войны с ее цензурой и репрессиями.

образом дает ощутить силу своей враждебности в отношении тех, кто даже только в научных исследованиях отходят от догм действующего правительства.

- 261.** «Исторический» метод приоткрыл дверь, через которую опыт проникает в часть этих наук, тогда как раньше они держались в отдалении от него. Следовательно, произошел прорыв, исключительно полезный в логико-экспериментальном аспекте для того, чтобы приблизить социологию к состоянию, уже достигнутому естественными науками. Характерно то, что в сознании многих людей отождествляются исторический и экспериментальный методы. Первый метод, когда он чисто исторический (что случается редко), когда в него не подмешаны метафизические, основанные на чувствах и тому подобные рассуждения, — только часть второго. Этот метод направлен на изучение только некоторых областей, таких, например, как эволюция, следование одних фактов за другими. При этом оставляется на потом познание отношений, существующих между фактами текущего момента; часто также их отношений с последующими фактами и почти всегда — взаимосвязи всех фактов.

Допустим, известно, на каком поле собрана пшеница, каким преобразованиям она затем подверглась, известны также сведения о происхождении и об изменениях в жизни собравшего ее человека. Этого недостаточно, чтобы узнать, сколько зерна в данной стране и в данное время собирает крестьянин с гектара пахотной земли, и выявить бесчисленные связи между этим видом производства и фактами человеческой жизни. Обладание знанием по истории монеты не позволяет точно установить ее роль в экономике и тем более выявить, в какой связи с другими экономическими и социальными фактами находится ее использование. Доскональные познания по истории химии могут помочь, но сами по себе не дают знания относительно свойств новых химических соединений (см. § 19).

В политической экономии и в социологии «исторический метод» не следует считать противоположностью метафизического, даже если он в особом, исключительном случае оказывается чисто историческим. Метафизическому методу противоположен экспериментальный.

- 262.** В теологиях в качестве псевдоэкспериментальных подтверждений часто выступают пророчества и чудеса. Само собой разумеется, что в любой религии оказываются хорошими только ее пророчества, а истинными только ее чудеса, в то время как пророчества других религий она признает никуда не годными, а их чудеса — ложными. Нет особой необходимости отмечать, что даже если бы ее факты такого рода оказались исторически верными, чего в действительности нет, это ничего не доказывало бы в логико-экспериментальном аспекте относительно сверхъестественного

в религии. Почему пророчества, даже когда теологи могут в своих хитроумных толкованиях утверждать, что они сбылись, и почему чудеса, даже когда они не получили серьезного исторического подтверждения, тем не менее эффективно служат укреплению веры? Объяснение этого явления лежит вовсе не в плоскости их логико-экспериментального доказательства, но скорее в возрастании авторитета таких вещей, будь они фактами или вымыслами, сообщенных и подтвержденных их уважаемыми авторами.

- 263.** Чудеса всегда совершались, совершаются и всегда будут совершаться посредством телепатии и других искусных средств. Нет недостатка в религиозных пророках, особенно в Америке и Англии. В более скромных масштабах это происходит и в Италии. Можно прочитать на доброй четверти страниц итальянских газет измышления предсказателей, которые, находясь во власти исключительно филантропического порыва и не имея ни малейшего стремления к получению личной выгоды, сообщают о выигрышных номерах к ближайшим розыгрышам лотерей. Такие сообщения появляются в газетах на протяжении по крайней мере трех десятилетий, и всегда находятся верящие таким предсказаниям люди, как это подтверждает покрытие издержек, связанных с публикацией этих достопочтенных прорицателей.
- 264.** Учитывая то, что мы живем в достаточно скептическое время, что пророчества о выигрышных лотерейных номерах не подвергаются утонченным интерпретациям, а сроки их реализации максимально приближены, становится понятным, насколько легко могла поддерживаться страстная и сильная вера людей в прорицания во времена господства суеверий. Неясные и таинственные термины позволяли тогда давать пророчествам самые разные истолкования и отодвигать в отдаленное будущее срок их проверки.
- 265.** *A_γ. Опыту придают или воображают, что придают, большое значение, однако он все равно остается зависимым.* От предыдущего типа суждений мы постепенно, малыми шагами подошли к данному типу, в котором занимаемое опытом положение выглядит как главенствующее. Однако на деле его положение похоже на царствование конституционного монарха, реальная власть которого сильно ограничена. Конкретные теории часто содержат компоненты, входящие в оба класса $\langle A \text{ и } B \rangle$, и бывает нелегко их отделить друг от друга, отчасти потому, что сам автор не сообщает, и обычно не знает, главенствуют ли над опытом или подчинены опыту те принципы, которыми он руководствуется. Чтобы не повторяться, мы расскажем о теориях типа *A_γ* в следующей главе, где будет изучаться именно класс *B*.

266. Это было сделано только из практических соображений и никак не нарушает теоретических оснований критерия классификации. Возможно, кто-нибудь сочтет, что явный или неявный характер господства внеопытных принципов — не настолько важный критерий, чтобы основывать на нем деление <суждений> на классы. Но следует отметить, что, напротив, это обстоятельство является самым существенным, поскольку, если господство этих принципов будет явным, то этим преграждается путь к опыту, в то время как такой путь остается открытым, если оно будет неявное. Например, этическая теория Спенсера содержит априорные принципы, но поскольку они в нее входят имплицитно, ничто не мешает пойти по пути соединения с опытом, исправить принципы и прийти долгой окольной дорогой к научной теории. Напротив, в этике, которую хотят построить гуманисты и моралисты, имеются принципы, эксплицитно выходящие за пределы опыта. Например, таков принцип необходимости жертвовать собой «ради блага многих людей». Не могу себе представить, как такое положение может быть проверено на основе опыта. Здесь опыт никак не поможет. Это акт веры, уводящий нас в область, абсолютно отличную от экспериментальной.

ПСЕВДОНАУЧНЫЕ ТЕОРИИ

267. Внесение неэкспериментальных принципов в теории происходит открыто, эксплицитно в классе *A* и более или менее скрыто, имплицитно в классе *B*. Эти теории не являются логико-экспериментальными, однако их стремятся преподнести как логико-экспериментальные. В некоторых случаях они и в самом деле могут стать экспериментальными, если удаленные из них неэкспериментальной части не особенно изменяет выводы теории, но когда этого не может быть сделано, теория даже после модификации не попадет в разряд экспериментальных.

268. Здесь мы рассматриваем главным образом теории класса *B*, чтобы отделить в них логико-экспериментальную часть от той части, которая к ней не относится. Данное исследование является важным в двух аспектах.

Во-первых. Эти теории отвечают искаженным фактам, и если нам удастся выделить логико-экспериментальную часть, то мы сможем обнаружить реальную форму таких фактов.

Во-вторых. Если в некоторых из этих теорий та часть, которая не является логико-экспериментальной, окажется побочной, привнесенной, то, элиминировав ее, мы получим логико-экспериментальную теорию.

269. Пусть имеется текст, представляющий собой какое-то описание или какую-то теорию. Мы сможем рассмотреть две следующие проблемы.

Первая проблема. Допустим, что в тексте присутствует значительная либо незначительная доля метафизических выводов, произвольных заключений, мифов, аллегорий и т. д. Можно ли от них перейти к тем идеям и концепциям, которые стремился выразить автор? Можно ли от них подобраться к тем фактам, о которых он считал необходимым рассказать, и прийти к тем логико-экспериментальным отношениям, которые он хотел установить? И как это можно сделать?

Вторая проблема. Какие способы и процедуры могут быть использованы для того, чтобы на базе всех этих метафизических выводов и произвольных заключений, мифов, аллегорий и т. д. прийти к некоторым выводам, которых желательно достичь?

270. Лучше всего будет показать это на графике (см. рис. 10).

Проблема первая. Имеется теория *T*, которая, допустим, выражает некоторые факты *A*; есть текст, который, допустим, берет начало от фактов *A*. Зная *T*, следует найти *A*. Если нам удастся это сделать, мы пройдем

по пути TA , т. е. от текста T придем к A . Но этого не удастся сделать, то вместо A мы выйдем к B и ошибочно станем полагать, что B как раз и является источником T . Аналогичную операцию проводит современная критика, чтобы перейти от различных дошедших до нас манускриптов к первоначальному тексту утраченного оригинала. Он представляет собой A , тогда как манускрипты составляют в совокупности T .

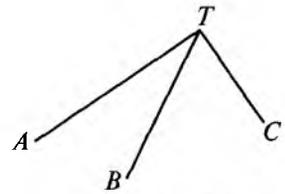

Рис. 10

Проблема вторая. От теории, от текста T следует прийти к выводам C , которые обычно уже известны. С помощью дедукции, не являющейся логико-экспериментальной, от T переходят к C .

При первой проблеме ведется поиск A ; при второй ищется не C , но приводящий к C путь. Порой это делается сознательно, т. е. даже зная, что C не является следствием T , стремятся доказать, что оно — его следствие. Здесь перед нами некая изощренная уловка, логическое действие того, кто стремится убедить людей в том, что изначально неверно. Но поиск пути от T к C намного чаще осуществляется неосознанно: вера в T и сильное желание получить C соединяются в сознании исследователя помимо его желания на пути TC . Это нелогическое действие, и тот, кто старается убедить других, вначале убедил себя самого, без обращения к таким уловкам. При решении первой проблемы, т. е. при поиске A , исследователи, хотя и действуют в согласии с чувствами, но все же намереваются применить логико-экспериментальную дедукцию, и действительно, применяют ее в науках. Таким образом, путь TA (или, если совершена ошибка, TB) задан или предполагается, что задан, и ищется A . При решении второй проблемы, т. е. при вольном или невольном поиске пути TC , индивид, верит (хотя, бывает, притворяется, но чаще всего действительно верит), что использует логико-экспериментальный метод, но на самом деле почти всегда действует в соответствии с чувствами. Он ищет тот путь TC , который может привести его к желанной цели C и который мог бы быть принят теми, кого ему надо убедить.

Но обычно внешнее разделение этих двух проблем не просматривается и поиск пути TC осуществляется при твердой уверенности в том, что ищется исключительно A . Как всегда, нелогическое действие скрыто под покровом его логического истолкования. Пусть, например, в качестве T выступает текст Евангелия. По нему могут изучаться факты A , которые его породили, что являлось бы задачей исторической критики. Но тот, кто не обращается к этой критике или прибегает не только к ней, желает получить некоторые из своих выводов непосредственно из Евангелия и пользуется для этого интерпретацией TC , которая может его привести к желанной цели. Он уже знает, что надо верить в T и в C , и ищет, как соединить друг с другом эти два зафиксированных им термина.

271. В логико-экспериментальных науках вначале проходят путь AT , выводя из фактов теорию, затем идут по пути TA , выводя из теории предвидения фактов. В литературных произведениях, которые отличны от научных трудов, порой вступают на путь TB и почти всегда выходят на путь TC . Кроме того, теория T обычно отличается неопределенностью, и из нее можно извлечь все, что угодно. По существу, здесь из некоторых неопределенных чувств T получают то, что стремятся получить, т. е. C .
272. Достаточно широко распространен следующий феномен. Исходя из присущих многим людям чувств A строится их неопределенное выражение T ; затем от этого выражения автор приходит к некоторым выводам C . Именно потому, что T отличается неопределенностью, автор может вывести из него все, что пожелает (см. § 197), следовательно, он станет верить сам и уверять других, что им получен объективный результат C . На самом деле он принимает C только потому, что оно согласуется с характером его чувств и ощущений A . Однако вместо того, чтобы быстро следовать по прямому пути, он движется окольной и часто довольно длинной дорогой ATC , чтобы удовлетворить потребность в логике, существующую как у него, так и у других людей.
273. *В. Исследуемые абстрактные образования в явном виде не взяты из области, находящейся за границами опыта.* Впрочем, нам надо смириться с тем, что в этом классе <суждений> еще встречаются априорные и метафизические принципы, и остается удовлетвориться сведением их роли к минимальной. Если бы мы пожелали полностью их исключить, то тогда нам нечего, или почти нечего, было бы отнести к этому классу, поскольку всеми правдами или неправдами и самыми разными способами такие принципы проникают в область социальных знаний, соответствуя необычайно сильным чувствам людей. Кроме того, область социального почти никогда не изучается только с одной целью — выявления единообразий; имеются также иные цели — получение некоторого практического результата, ведение пропаганды, подтверждение воззрений, априорно принятых на веру.
274. *Абстрактные образования представляют собой простые абстракции, полученные ad arbitrio из опыта.* В этом состоит отличительная особенность экспериментальных наук; признаком, на основе которого распознаются такие абстракции, является возможность обходиться без них, если это нужно. Можно изложить всю небесную механику, не прибегая к понятию всемирного тяготения (как мы уже говорили, гипотеза, которую в этом случае пытаются проверить фактами, состоит в том, что небесные тела движутся по траекториям, отвечающим уравнениям динамики).

Можно также изложить всю механику, не пользуясь понятием силы; можно изложить химию, обходясь без понятия сродства, и т. д. В политической экономии теории экономического равновесия развивались без понятий «офелимость», «стоимость» и иных; можно было бы даже обойтись без такого абстрактного понятия, как «капитал». Что касается социологии, то в настоящей работе можно заменить простыми буквенными обозначениями такие термины, как «нелогические действия», «остатки», «деривации» и т. д., и все рассуждения сохранятся без малейших изменений. Мы рассматриваем вещи, а не слова и вызываемые ими чувства (см. § 47).

275. *В α . Мифы, героические сказания и т. д., возникшие на основе реальных исторических обстоятельств.* Это самое простое и наиболее легкое решение поставленной задачи восхождения от текста к тем фактам, которые привели к его созданию. Оно может приниматься благодаря страстной вере, при которой люди не допускают рассуждений, а порой гордятся тем, что верят даже в то, что абсурдно, но, как уже сообщалось (см. § 243), этот случай мы здесь не рассматриваем. Или же оно может приниматься как и любое иное историческое повествование в качестве следствия псевдоопыта, который стал бы настоящим опытом в полном смысле слова, если бы такое повествование было подвергнуто строгой исторической критике и прошло необходимые процедуры экспериментального контроля. Теории, которым свойственно такое решение, отличаются от теорий класса *A* следующим образом. В последних то, что сообщается, предписывается принимать как догмат веры, подчиняясь какой-нибудь не попадающей в экспериментальную область высшей силе, о которой чаще всего известно из авторитетных суждений какого-нибудь человека (см. § 245). Благодаря вмешательству этой силы как раз и обеспечивается желанное «объяснение». Между тем в рассматриваемом случае *В α* теории принимаются благодаря их псевдоэкспериментальной очевидности. В научном аспекте такое разграничение является принципиально важным (см. § 266). В самом деле, если повествование дано как догмат веры, этого достаточно, чтобы вывести его из области логико-экспериментальной науки и не дискутировать по поводу его принятия или отвержения. Если, напротив, оно дано как авторитетное и очевидное само по себе, то оно полностью попадает в эту область и вера более не присутствует при его рассмотрении. Такое различие редко проводят те, кто принимают повествование на веру, и трудно установить, рассматривается ли оно только как историческое, или же они все-таки верят ему в силу иных оснований. Поэтому во многих конкретных случаях мы имеем смесь теорий класса *A* и *B*. Так, например, у писателя редко отсутствует авторитет, и это явление неэкспериментального характера.

276. Если текст, который надо интерпретировать, оказывается историческим сообщением, то его и в самом деле можно было бы считать представлением, аппроксимирующим переданные в нем факты (см. § 221 и следующие).
277. Кроме того, в этом случае тоже не будет недостатка в расхождениях. Например, даже сообщение о простейшем факте бывает трудно воспроизвести в точности. Преподаватели по уголовному праву часто проводили такой эксперимент: что-то произошло в присутствии студентов, затем каждого из них просили рассказать о случившемся и получали столько слегка отличающихся сообщений, сколько было студентов. Или вы наблюдаете совершение события вместе с подростком или с имеющим живое воображение взрослым человеком. Попросите их описать увиденное, и вы установите, что они непременно прибавят что-нибудь от себя или усилят некоторые детали по сравнению с тем, как обстояло дело. Так происходит и в тех случаях, когда кто-нибудь пересказывает то, что он услышал.
- Более того. Поскольку обычно проявляется стремление усилить что-то, тот, кто выслушал рассказ, в конце концов, подкорректирует его и внесет что-нибудь свое. Следовательно, для того чтобы придать сообщению впечатление соответствия действительности, необходимо применять термины, немного выходящие за пределы действительного. Если рассказчик видел, что из десяти человек смеялись девять, и желает придать этому факту впечатление большего соответствия действительности, он скажет: «Все смеялись». Если бы он сказал: «Большинство смеялось», то снизилось бы ощущение правдоподобия.
278. Чтобы рассказ изменялся, он не обязательно должен передаваться из уст в уста; достаточно того, чтобы его повторяло одно и то же лицо. Например, некая вещь, обозначенная как большая, при последующих пересказах станет еще больше; что-нибудь малое окажется еще меньше. При последующих пересказах размеры всякий раз меняются под действием одного и того же чувства.
279. Различия между фактами и рассказами об этих фактах могут быть ничтожными, незначительными, а могут и возрасти, множиться, шириться (см. § 220), вплоть до того, что в них уже не остается почти ничего общего с реальностью. Так, имеются фантастические истории, легенды, романы и т. д., в отношении которых неизвестно, есть ли в них намеки на реальные факты и в чем они просматриваются. В сочинениях иного плана, не принадлежащих к жанру легенд, авторитетные историки также могут значительно удаляться от реальности вплоть до потери связи с ней.
280. *Ва₁. Мифы и рассказы, поняты буквально.* Такой тип мифов встречается при той слепой вере, с какой на протяжении долгих лет принимались

повествования из Библии, рассматривавшейся в качестве исторической книги. Если бы она, напротив, воспринималась как откровение Бога, и этим обстоятельством обуславливалась бы доверие к содержащимся в ней историческим рассказам, мы имели бы теорию класса А3. Схожие типы повествований представлены во многих легендах, которые считаются историческими рассказами, таких, как история основания Рима и аналогичные ей.

- 281.** Люди нелегко примиряются с тем, что придется расстаться с легендами, и стараются спасти как можно большую их часть. Наиболее практикуемый способ — изменить смысл тех частей легенд, которые кажутся совершенно неприемлемыми, чтобы удалить в них очевидные нелепости.
- 282.** Имеется масса примеров слов, превращаемых в предметы или в свойства предметов, и часто вся легенда строится на одном-единственном, широко интерпретируемом термине. В языках, где имеется разделение частей речи по признаку грамматического рода, объекты мужского пола персонажируются именами существительными мужского рода, объекты женского пола — именами существительными женского рода (см. § 286 и далее). Может быть и так, что окажется возможным восхождение от имени к вещи, но надо остерегаться делать это только на том основании, что встречаются хорошие примеры удачного перехода от вещи к имени. Несомненно, при изучении того, что означает термин, имеется большое желание слегка его изменить, продемонстрировать гибкость мышления при выявлении скрытых интерпретаций и таким путем соединить имя и вещь. Опыт прошлого учит, однако, тому, что этот путь чаще всего приводит к ошибке (см. § 226), которая возникает тем скорее, чем выше интеллект и эрудиция толкователя. Именно такие эрудиты побуждают нас к освоению непроторенных путей. Идти от имени к вещи означает в ретроспекции пойти по пути, обратному тому, который привел от вещи к имени. Это можно сделать с определенной уверенностью только, когда мы обладаем более или менее обширными сведениями о прямом пути. Но об этом пойдет речь в главе 7.
- 283.** *Вα₂. Мифы с очень небольшими и простыми изменениями по сравнению с их буквальной передачей.* К такому роду относятся интерпретации Палефата. Дословный текст легенды сохраняется, но изменяется смысл терминов, когда этого достаточно, чтобы элиминировать все, что не вызывает доверия.

Каждому известно данное Гесиодом замечательное описание битвы богов, потомков Кроноса, с титанами*. Не может быть никаких сомнений

* См. у Гесиода в «Теогонии» (стихи 624–686).

в том, что этот автор не намеревался дать что-нибудь отличное от простого повествования. Вступив в битву, боги призвали на помощь Бриарея, Котта и Гиеса; каждый из этих великанов был сторуким и с пятьюдесятью головами. Но вот что извлек из этого мифа Палефат: «Разве это не глупость, что Котт и Бриарей, будучи людьми, имели сто рук. Истина состоит в следующем. Городу, в котором они жили, название было Сторучье, находился он в Хаонии, сейчас ее называют Орестиадой. Свидетельством мне служит, что они вместе с Олимпийцами принимали участие в сражении против титанов. Места же эти, где шло сражение, граничат с Олимпом. Итак, люди стали говорить: “Котт и Бриарей, сторукие, придя на помощь Олимпийцам, сами изгнали титанов с Олимпа”»³⁵.

- 284.** *Вβ. Мифы, в которых реальная историческая часть сочетается с нереальной.* Это один из наиболее важных типов суждений. Объяснения, которые входят в него, очень широко использовались в прошлом и пока еще не вышли из обихода. Для многих оказывается важным согласовать любовь к легендам со стремлением к исторической точности; кроме того, это согласование, в общем, оказывается выгодным, позволяя широко привлекать письменные документы, из которых легко удаётся вывести то, что желательно вывести. Нормы, используемые при отделении исторической части от той, что составляет легенду, далеки от четкости и строгости, и любой человек, часто неосознанно, может развернуть их в том направлении, которое наиболее ему подходит.
- 285.** В ответ на эти априорные утверждения экспериментальная наука не может выдвинуть чисто априорные опровержения; необходимо на основе опыта и только с помощью него установить, позволяет ли предлагаемый метод находить историческую реальность под покровом легенды (см. § 226).
- 286.** Часто используемый способ состоит в устранении из рассказа всей той части, которая выглядит сказочной, фантастической, и в принятии всей остальной части как исторической. Если он используется не ради интерпретации, а для удаления из текстов побочных и второстепенных их частей, с сохранением остальных разделов явно исторического характера, то во многих случаях этот способ оказывается не только полезным, но даже незаменимым. Среди древних текстов очень мало таких, в которых к исторической реальности не примешалось бы что-нибудь фантастическое. Если бы это обязывало нас отвергать и остальную часть, то мы бы более ничего не узнали ни об античности, ни даже о более близких к нам временах.

³⁵ *Palaephatus. De incredibiliis histories. 20. [Палефат. О невероятном / пер. В. И. Ярхо // Вестник древней истории. 1988. № 3. С. 216–236; № 4. С. 219–233.]*

287. Более того, встречаются случаи, при которых, когда мы удаляем из текстов кажущиеся вымышленными части и сохраняем в них несомненно исторические части, мы удаляем истинную (или выглядящую истинной) часть и сохраняем явно ложную.
288. *В β_1 . Мифы и т. д. имеют реальные исторические истоки, но их изложение с течением времени претерпело изменения.* Представленные выше рассуждения в отношении типа β в целом полностью применимы к подтипу β_1 . В нем нам встречается тот тип эвгемеризма (см. § 131), который назовем старым, чтобы не смешивать его с неозвгемеризмом Спенсера.
289. Имелось и имеется очень много интерпретаций, принадлежащих к этой разновидности. С их помощью стремятся убирать из рассказов и повествований те части, которые вызывают наименьшее доверие, чтобы спасти остальное. Так, например, чудесные рождения заменяются естественными. Как сказал Данте:
«...Отец Квирина*
Так низок, что у Марса больше прав»³⁶.
290. К данному типу принадлежат теории, согласно которым можно, исходя из этимологии имени, выявлять специфические особенности и свойства того объекта, который это имя носит (см. гл. 7). Такие теории, по крайней мере имплицитно, имеют в качестве одной из исходных посылок положение, что каждой вещи было изначально дано имя, соответствующее ее природе. К этим исходным посылкам метафизики, считающие, что вещи таковы, каковыми они фигурируют в человеческом сознании, и что, следовательно, рассуждения об именах оказываются равнозначными рассуждениям о самих вещах, могут добавить и другие послышки. В общем, это один из тех многих случаев, когда субъективные чувства представляются как нечто существующее вполне объективно. Такая теория доведена до наибольшей абсурдности у Платона в диалоге «Кратил».
- Обращение к этимологии находит применение и при других способах интерпретации, т. е. типа γ из класса B , как мы увидим (см. § 313 и далее).
291. *В β_2 . Мифы и т. д. являются продуктом плохой интерпретации опыта и результатом неверных следствий из реальных фактов.* Этот подвид отличается

* Под именем Квирина выступает Ромул, и Данте утверждает, что Ромул — сын неизвестного отца, но в народе возникла молва, что его отец — Марс.

³⁶ Данте А. Божественная комедия / пер. М. Лозинского. М.: Художественная литература, 1967. Рай. Песнь VIII. Стихи 131–132. С. 410.

от предыдущего более значительным, хотя бы с виду, присутствием опыта, а также более обширными, хитроумными и утонченными псевдоэкспериментальными дедукциями.

292. К этому подвиду относится теория анимизма. Она может выступать во многих формах. В наиболее явной и определенной среди них утверждается относительно примитивных народов, что в их сознании человек, животные, растения, а также предметы неживой природы наделены душой, а религиозные феномены произошли и получили развитие в результате проведения логических дедукций из этой посылки. В теории анимизма, представленной в менее явной форме, сообщается: «Мы можем констатировать, что и ребенок, и дикарь являются анимистами, т. е. что они помимо собственной воли проецируют вовне свою жизнь и наделяют мир, особенно окружающих их живых существ и неживые предметы, бытием и чувствами, схожими с их собственными чувствами».

В первой форме, несомненно, имеют место более общие выводы, чем во второй; но и в ней обобщающие выводы также присутствуют. Чтобы их можно было отнести к чувствам, которые соответствуют нелогическим поступкам, требуется заменить используемые термины. Следует сказать, что во многих случаях ребенок и дикарь, а в отдельных случаях также и современный невежественный человек одинаково обращаются с людьми, другими живыми существами и даже предметами, с которыми они контактируют.

293. Когда присутствует стремление придать логический облик этим нелогическим действиям, добавляется дедукция. Говорят: «Я поступаю так *потому, что* верю в то, что животные, растения и предметы, которые находятся в сфере моих отношений, обладают желаниями и волей, подобно тому, как ими обладаю я и другие люди». Или можно делать дальнейшие выводы с приписыванием какой-либо вещи воли, присвоением ей некоторой сущности, названной «душой», и утверждать, что другие существа имеют душу так же как и человек.

294. Прежде всего к ряду феноменов анимизма мы не можем отнести те, что отмечаются у наших детей. Конечно, дети разговаривают с домашним псом и с куклой так, словно те их понимают, причем задолго до того, как у них сформируются представления, выраженные терминами «существа» и «одушевленные». Но ведь и охотник общается со своей собакой, и он очень изумился бы при заданном ему вопросе, считает ли он, что общается с одушевленным существом. На самом деле здесь мы имеем нелогические действия, выражения некоторых влечений, а не результат логических дедукций.

295. Но это ничего не доказывает в отношении дикарей, и мы должны проанализировать непосредственно те факты, которые нам сообщают о них. Обычно возникают две ошибки.
- Первая ошибка. О метафизической абстракции «душа» рассуждают так, словно это нечто реальное. Любой зрячий человек видит солнце и может, следовательно, иметь о нем некоторое представление; часто оно оказывается довольно нечетким. Но прежде, чем рассуждать о его понимании в отношении души, необходимо узнать, действительно ли этому термину соответствует некоторое представление в его сознании.
- Вторая ошибка. Мы подходим к реконструкции взглядов диких народов в соответствии с нашим пониманием цивилизованных людей. Таким образом, мы получим уже не воззрения дикарей, даже если таковые есть, но нечто существенно отличающееся от них. Это будут те воззрения, которые сформируем мы, поскольку даже если удастся абстрагироваться от каких-то пониманий и знаний, то все равно рассуждения будут проводиться после этого в соответствии с логикой исключительно на основе оставшихся воззрений и знаний.
296. Мы не станем изучать то, как дикари или варвары *должны были бы* рассуждать. Напротив, рассмотрим, как они рассуждают на самом деле. Мы не будем отходить от фактов, что делается при методе, который дорог Руссо и его последователям; напротив, будем стремиться по возможности не давать места воображению и как можно ближе придерживаться фактов. Крайне многочисленны свидетельства того, что дикари и варвары очень мало или вовсе не склонны к ведению абстрактных рассуждений; они далеки от того, чтобы рассматривать метафизические или философские проблемы; у них часто даже нет любопытства к такого рода вещам.
297. Все это не исключает того, что есть народы, в представлениях которых имеются черты анимизма, аналогичные отмеченным и описанным Тайлором. Напротив, это бесспорные факты, но остается недоказанным, что именно этот феномен стал «исток» религии, как и то, что он представляет собой простую форму по отношению к более сложным религиям.
298. В тотемизме тоже стремятся усмотреть исток «религии». Где бы ни обнаружилось что-нибудь отдаленно напоминающее этот феномен, начинают верить, что это рассматривается как доказательство существования тотемизма. Соломон Рейнах приводит много таких примеров; еще дальше заходит Фрэзер, для которого малейшее обращение к животному — это уже тотемизм
299. Посмотрим, как обычно, о чем сообщает опыт (см. § 226). Предположим, что через века до нас доходят только отрывочные сведения о Флорентийской

республике. Например, выяснится, что там держали львов, что улица, на которой они находились, была названа улицей Львов и что на протяжении многих веков она сохраняла это имя. Кроме того, раскопки, проведенные в древней части Флоренции, позволят отыскать большое количество каменных фигурок львят, которые называются Марцокко; будет установлено, что при завоевании новой территории Флорентийская Республика воздвигала на ней колонну с Марцокко. Что еще? Легенды подтверждают, что флорентийцы почитали львов³⁷, как того требует закон тотемизма. Таким образом, будет собрана масса фактических подтверждений, намного более существенных, чем те, которые в сходных случаях удовлетворяют сторонников тотемизма; если следовать их дедукции, то нам придется признать, что лев являлся тотемом флорентийцев того времени. Однако мы достоверно знаем, что это не так; нет также ни малейшей вероятности того, что это могло быть во времена Римской республики и даже в более давний период. Следовательно, если в этом случае собранные подтверждения не доказывают факт существования тотемизма, как же они при меньшем количестве, при меньшей их значимости, могут это доказывать в сходных случаях?

300. Тотемизм³⁸, как он понимается некоторыми авторами, обладает определенными характеристиками *A, B, C, D...* Мы видели, что если *A* встречается у некоторого народа, из этого нельзя заключить, что у него будут присутствовать также характеристики *B, C, D...* И наоборот, если *A* не существует, то на этом основании нельзя заключить, что также не будет и характеристик *B, C, D...*
301. *Vβ₃*. Исторические факты являются девиациями от некоторого исходного типа или образуют некоторый ряд с пределом или асимптотой. Часто эти теории благодаря их авторам включают принцип, который возвышается над опытом, поэтому их следовало бы отнести к типу γ в классе *A*; однако они преподносятся как чисто экспериментальные, и поэтому они присутствуют здесь.
302. Имеется гипотеза о первоначальном состоянии религиозного совершенства, в соответствии с которой только одна современная религия естественным образом оказывается истинной религией. Остальные религии,

³⁷ Villani G. Croniche. VI. 69. [Виллани Дж. Новая хроника, или История Флоренции. М., 1997. С. 152.]

³⁸ Тот объект, который был назван тотемизмом, не существует в том виде, в каком существует животное, названное слонем. Имеются душевные состояния, которые некоторые авторы объединили в один класс и назвали «тотемизмом». Состав этого класса до некоторых пределов оказывается произвольным.

о которых сообщает нам история, представляют собой ухудшенные девиации от религии такого типа. Имеется и противоположная гипотеза: различные религии исторического прошлого являлись несовершенными попытками, постепенно приближавшимися к совершенству. Совершенная форма в этой гипотезе располагается в конце пути, и к нему приближаются девиации. В первой гипотезе совершенная форма располагалась в начале, а девиации отдаляли нас от нее. Контroversы относительно определения начального состояния религиозного совершенства имеют значение главным образом в контексте нападок на иудейско-христианские религии и защиты от них, а потому отчасти выходят за пределы социологии.

303. Следует сторониться этих споров, если мы стремимся остаться исключительно в рамках экспериментальной науки. К ней открыта дорога и для того, в ком живет вера, только бы он постарался отделить ее от опыта. О желании так поступить заявляет о. Лагранж в книге «*Études sur les religions sémitiques*», но этого не делают некоторые сектанты, поклоняющиеся богу Прогрессу, такие, как господа Олар, Байе и компания³⁹.

304. Если мы постараемся придерживаться фактов, то увидим, что данный феномен не оказывается ни равномерно нарастающим по прямой линии *ab*, ни равномерно убывающим, но что он движется по осциллирующей линии *pqrst*, которая идет временами вверх, временами вниз (см. рис. 11).

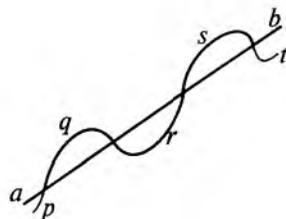

Рис. 11

305. Теория, которая выносит состояние совершенства в конечный пункт развития, обычно сочетается с другой теорией, согласно которой современные дикари считаются близкими к доисторическим предкам цивилизованных народов. Следовательно, имеются две зафиксированные точки, чтобы определить по ним линию эволюции, и если мы ее продлим достаточно далеко, то получим предел, к которому она будет приближаться в будущем.

306. Но, как часто случается, люди переходят из одной крайности в другую, и теперь многие утверждают, что дикари представляют собой старость человеческих рас, а не их детство. При этом сказывается влияние убеждения, что состояние совершенства находится в начале «эволюции»,

³⁹ *Aulard A. Histoire politique de la Révolution française origines et développement, de la démocratie et de la république. 1789–1804. 4 vols. P., 1910. Bayet A. Leçons de morale. Éléments d'instruction civique. Cours moyen. P., 1909.*

а не наоборот. Но факты не подтверждают этих априорных концепций. Если мы возьмем галлов накануне завоевания их римлянами и выберем для сравнения с ними только современных дикарей и современных французов, то будет ясно, что те древние галлы более близки к первым, чем ко вторым. В самом деле, нельзя же считать, что нынешние дикари отстают дальше от древних галлов, чем от французов — наших современников.

- 307.** *Вβ₄. Мифы и т. д. являются имитациями других, аналогичных.* Согласно этому принципу везде, где бы ни обнаруживались два сходных института, считается, что один из них есть копия другого. В этом виде суждений ошибка также обусловлена стремлением к рассмотрению в качестве общей закономерности факта, верного только в отдельных случаях; таким образом, она состоит в выходе за границы опыта.
- 308.** Это же утверждается и в отношении сходства рассказов, представлений о фактах и самих фактов. Они содержат в себе некое общее ядро, которое мы уже рассматривали на примере способности вызывать или укрощать бури (см. § 89 и далее), что будет в обобщенном виде показано в следующей главе (см. § 374). Но рассказы, представления и те факты, в которых это ядро существует как общая характерная особенность, обладают также иными особенностями, благодаря которым они отличаются. И это позволяет включать их в разные категории. Следовательно, они могут быть разделены на ряд видов, причем разными способами, зависящими от выбираемого критерия классификации.
- 309.** Можно привести много примеров сходства институтов и обрядов, в которых, однако, нет имитации одного другим. Геродот⁴⁰ упоминает о празднике возжигания светильников в Египте, который похож на китайский праздник и, можно добавить, на Рификолону во Флоренции. Все же нет никаких сомнений в том, что между ними отсутствует какая-либо связь, которая могла бы привести к имитации.
- 310.** *Вγ. Мифы и т. д. совершенно не содержат ничего реального.* К этому типу принадлежат многочисленные теории аллегорий, включая мифы с отсылками на солнце и другие подобные. Все они были широко распространены в прошлом, но находят приверженцев еще и в наше время. Они дороги людям с живым и тонким умом, наделенным богатым воображением и стремящимся к неожиданным открытиям. Кроме того, они представляют собой важную переходную ступень на пути от слепой веры

⁴⁰ *Erodoto. II. 62. [Геродот. История / пер. с греч. и комм. Г. А. Стратановского. М., 2004. С. 118.]*

к недоверию. При этом оставляют то, что уже невозможно защитить, стараясь сохранить в старых мифах то, что возможно спасти.

- 311.** Впрочем, в реальности часто оказывается так, что удастся спасти немного, или даже ничего. Опыт прошлого учит, что стремление сделать более «здоровым» старое убеждение не очень оправдывает себя; чаще всего опыт только ускоряет его крах. Абстрактные, утонченные, искусные рассуждения очень плохо работают на поддержание нелогических чувств, составляющих основу убеждений.
- 312.** Чтобы добавить к аллегориям что-нибудь реальное, обращаются за помощью к этимологии и таким образом получают методы интерпретации, практикуемые вплоть до нашего времени. Один из них, который ведет к мифу с образами солнца, до сих пор встречает широкое одобрение. Для социологии сама по себе значимость такого метода менее существенна, чем его востребованность, поскольку это демонстрирует характерные умонастроения и служит показателем антинаучных установок, пока превалирующих в изучении традиций и институтов прошлого.
- 313.** Макс Мюллер и его последователи довели метод аллегорически-этимологических интерпретаций до предела. Их манера заключается в использовании при доказательствах нечетких и расширительных значений некоторых слов, которые Макс Мюллер в основном берет из санскрита, и в получении посредством нестрогих и нечетких рассуждений вполне четких и определенных выводов.
- 314.** Стоит заметить, что как типовой вариант это рассуждение в грубом приближении выглядит примерно так: «Колесо вращается, солнце вращается; следовательно, колесо Иксиона — это солнце». Чаще всего этот метод состоит в следующем. Требуется доказать, что A равно B . Для этого стремятся подобрать термины для A и B так, чтобы породить у современников ощущение, что они довольно схожи, и затем перейти к выводу, что у людей давно минувших времен A было в точности равно B . Для достижения такого результата требуется только, чтобы рассуждения не были краткими, но такими, чтобы соответствующие ощущения могли возникнуть и укрепиться, и чтобы это многословие прикрывало пустоту рассуждений.
- 315.** Если такой автор случайно встречается с историческим персонажем, который имел в жизни немало опасностей и стал легендарным, то вокруг этого персонажа он почти всегда выстраивает эдакий очередной миф о солнце.

316. Получила известность пародия на эти процедуры: было показано, что даже историю жизни Наполеона I можно развернуть как подобный миф⁴¹.

Уже не в шутку, а всерьез один автор утверждал, что евангельские повествования о жизни Христа были мифом о солнце, подобно иудейским и вавилонским мифам⁴².

Все это я привожу здесь не в целях опровержения гипотезы о существовании мифов о солнце, а чтобы подчеркнуть, что их можно признать только после получения исторических подтверждений, а не на основании сходства частных моментов, когда мифические сюжеты произвольно интерпретируются, или на основании общих характеристик самого мифа.

317. Более широко встречаются аллегории, которые отнюдь не являются искусными творениями интерпретаторов, поскольку возникали спонтанно в народе. Вопреки распространенному мнению, что аллегория вырастает из имени, на самом деле, напротив, именно имя возникает из аллегории. Девочку называли Авророй не потому, что у нее пальцы розового цвета, а потому что феномен Авроры подсказал аллегорию розовых пальцев.

318. Все эти простые и априорные объяснения уводят нас в сторону от реальности, в которой присутствуют факты намного более сложные, чем легенды и мифические сказания. В легендах фигурируют, смешиваясь

⁴¹ Comme quoi Napoléon n'a jamais existé, grand erratum, source d'un nombre infini d'errata à noter dans l'histoire du XIXe siècle. Paris, 1827. В пятом издании приведено имя автора, J. B. Pégès, библиотекаря из Ажана. См. новое издание за 1909 г. с библиографическим примечанием Густава Давау. [В «Трактате по общей социологии» Парето дал фрагменты из этой небольшой брошюры, взятой в качестве примера рассуждений, похожих на манеру некоторых авторов интерпретировать древние сказания и мифы посредством нахождения метафор, аллегорий и аналогий с именами мифических персонажей: «Известно, что его (Наполеона) мать звали Летиция (Letitia). Это имя стали понимать как *радость* (Laetitia — лат.) что означает зарю, аврору, нарождающийся свет от которой разливал радость во всей природе... Примечательно, что в греческой мифологии мать Аполлона звалась Leto. Если римляне из Leto сделали Latone (Латония), то в наш век получили Letitia, поскольку латинское слово *laetitia* — это существительное от глагола *laetor*, в котором угадывается слово *laeto* — вселяющий радость. ...Говорят, что Наполеон положил конец опустошительному бедствию, которое терроризировало всю Францию и именовалось гидрой Революции. Но ведь гидра — это змея, неважно, какого она вида, особенно когда речь идет о легенде. Тогда это будет питон, огромная рептилия, терроризировавшая Грецию, которую спас Аполлон, убивший это чудовище» (см. «Трактат...». Примечание к § 788).]

⁴² Jensen P. Das Gilgamesh-Epos in der Weltliteratur. Strassburg, 1906. P. 827–831.

в различных пропорциях, воспоминания о реальных фактах, фантастические выдумки, порождения воображения, а у народов, которые имели свою письменность, также и литературные воспоминания. Ко всему этому добавляются разного рода теории и метафоры, по-детски наивные и очень искусные, а также аллегории и т. д. Не будем забывать, что спонтанно происходит нарастание легенд вокруг первоначального ядра (см. § 308) и о чередующемся влиянии часто разных процессов.

319. Например, в высказывании о том, что Аполлон — это один из солнечных богов, содержится как ошибка, так и истина. Ошибка в том смысле, что в «Илиаде» Аполлон не является таковым, истина же в том смысле, что в других циклах мифы о солнце предстают как смешанные с теми, в которых миф об Аполлоне еще не содержит солнечного компонента, но в конце концов мифы об Аполлоне с компонентом солнца возобладали, и Гелиос, Феба и Аполлон переплелись в единого Феба-Аполлона.

320. Детальное исследование теорий подводит нас к признанию того, что в конкретных теориях можно выделить по меньшей мере две части, одна из которых значительно стабильнее другой. Чтобы избежать, насколько возможно, рассуждений о словах, а не о фактах (см. § 48), мы обозначим обычными буквами алфавита те вещи, которые намерены изучать, и только в следующей главе вместо этих малоудобных обозначений введем их наименования. Итак, скажем, что в конкретных теориях, которые будут обозначены как *c*, кроме данных о фактах имеются два важнейших элемента, или две части. Это базовый элемент, который мы обозначим как *a*; и контингентный, достаточно изменчивый элемент, который обозначим как *b* (см. § 89, 197).

Элемент *a* соответствует нелогическим действиям и является выражением некоторых чувств. Элемент *b* — это проявление потребности человека в логике. Он также в некоторой степени отвечает чувствам, нелогическим действиям, но окутывает их логическими или псевдологическими рассуждениями. Элемент *a* — это основа, заложенная в сознании человека; элемент *b* — это ее объяснения и дедукции из нее.

321. Например, имеется некоторое психическое состояние, или чувство, если кому-то предпочтительнее так называть его, при котором придается особое значение некоторым числам. Это будет основная часть *a* того феномена, который мы впоследствии изучим особо (см. § 383). Но человек не удовлетворяется тем, что с этими числами его соединяет только чувство предпочтения и некие воззрения в отношении чисел: он хочет также «объяснить», как это происходит, «доказать», что он поступает в соответствии с логикой. Так вступает в действие часть *b* и появляются различные

«объяснения» и «доказательства» того, почему некоторые числа являются священными.

- 322.** Основная часть феномена — это, несомненно, та часть, к которой человек привязан наиболее крепко, которую он старается обосновать, т. е. это часть *a*. Следовательно, эта часть будет для нас наиболее существенной при исследовании социального равновесия.
- 323.** Однако и часть *b*, хотя она и является вторичной, все же воздействует на равновесие. Это воздействие порой может оказаться настолько мало, что его можно приравнять к нулю: например, когда, обосновывают предпочтению в отношении числа шесть, утверждая, что оно равно суммарному количеству частей тела человека. Оно может, однако, стать весьма значительным, как во времена, когда инквизиция сжигала людей за допущенные ошибки в теологических дедукциях.
- 324.** Мы сказали (см. § 320), что часть *b* состоит из чувств и логических выводов при изменчивых пропорциях между теми и другими. Следует сразу отметить, что в социальных областях ее убедительная сила исходит главным образом от чувств, тогда как логические выводы принимаются чаще всего потому, что они соответствуют чувствам. Напротив, в логико-экспериментальных науках та часть, которая относится к чувствам, имеет тенденцию приближаться к нулю; по мере того как они совершенствуются, убедительная сила полностью переходит к логике и к фактической части. Подойдя к этому экстремуму, часть *b*, очевидно, меняет свой характер, и здесь мы обозначим ее как *B*. К другому экстремуму приближаются те случаи, при которых логический вывод явным образом не проявляется, что имеет место в феномене, названном «латентными нормами права»⁴³. Физиологи объясняют такие случаи воздействием подсознания и иным образом; мы же не намерены восходить до таких высот и ограничиваемся указанием на факт, оставляя для других его объяснение. В промежутке располагаются все конкретные теории, которые в большей или меньшей степени приближаются к одному из этих экстремумов.
- 325.** Хотя в логико-экспериментальных науках чувствам делать нечего, они все-таки немного вторгаются в эту область. Пренебрегая данным фактом, мы можем сказать, что если обозначить как *C* конкретные теории логико-экспериментальной науки, которые соответствуют второму роду по классификации из § 204, то в них можно выделить две части: часть *A*, куда входят экспериментальные принципы, описания и высказывания, и часть *B*. Эта часть включает логические дедукции, к которым

⁴³ *Jhering R. L'esprit du droit romain. T. I. P., 1886. P. 30.*

добавляются, однако, экспериментальные принципы и описания, чтобы можно было осуществлять выводы из части *A*.

Поскольку в теориях *c* присутствует чувство, добавляющее к опыту нечто выходящее за его границы, они относятся к третьему роду (см. § 204). Они аналогичным образом раскладываются на часть *a*, состоящую из проявлений некоторых чувств, и часть *b*, состоящую из логических суждений, софизмов и иных проявлений тех чувств, которые используются при выводе из *a*. Таким образом, имеет место соответствие между *a* и *A*, между *b* и *B*, между *c* и *C*. Мы здесь рассматриваем теории *c* и оставляем в стороне экспериментальные научные теории *C*.

- 326.** В теориях *c*, выходящих за пределы опыта или псевдоэкспериментальных, их авторы довольно редко различают с достаточной ясностью части *a* и *b*. Обычно они их путают и в той или иной степени смешивают воедино.
- 327.** В практическом аспекте может оказываться полезным одновременное рассуждение об *a* и о *b*. Если бы принципы *a* были четкими и определенными, то тот, кто их принимает, принял бы также все получаемые из них логические следствия *b*. Но поскольку им недостает определенности, из них может выводиться то, что желают получить, и благодаря этому дедукции *b* принимаются потому, что они согласуются с чувствами, и, следовательно, они подчиняются чувствам.
- 328.** В научном аспекте всякое совершенствование теории тесно связано с возможно более четким разделением частей *a* и *b*. Нет необходимости особо на этом настаивать. Пусть искусство постигает конкретный феномен *c* синтетически, т. е. без разложения его на части *a* и *b*; кроме того, благодаря этому оно оказывается мощным средством убеждения, поскольку многие люди склонны к синтезу и почти не в состоянии понимать научный анализ. Но без такого анализа не может обойтись тот, кто намерен строить научную теорию.
- 329.** Когда работу читают в целях научной оценки теоретических положений ее автора, то необходимо, следовательно, для начала выделить части *a* и *b*, поскольку сам автор теории почти никогда этого не делает. Вообще, в любой теории необходимо отделять посылки, т. е. принципы, постулаты и чувства, от выводов, из них получаемых.
- 330.** Следует заметить, что в тех теориях, которые добавляют что-нибудь к опыту (см. § 325), исходные посылки, как правило, выражены хотя бы отчасти имплицитно, т. е. часть *a* в такой теории либо не прописана, либо прописана не в полной мере. Чтобы узнать, что это такое, требуется предпринять особое исследование. Это уже делалось вскользь, но вскоре мы этим займемся особо.

331. В логико-экспериментальном аспекте наличие имплицитных посылок, даже если они и обозначены отчасти, само по себе может стать источником серьезных ошибок. Простая декларация посылок приводит к появлению вопроса, могут ли они быть приняты и насколько. Тогда как, если они остаются имплицитными, мы принимаем их, не осознавая того, что мы это делаем. Более того, мы принимаем их как строгие, тогда как они далеки от этого. И чтобы сделать их таковыми, мы должны отыскать в них хоть какой-нибудь смысл.

Часто авторы умалчивают о своих исходных посылках, лежащих вне опыта, а если заявляют о них, то нередко порождают путаницу, смешивая их с результатами опыта.

332. Когда принята часть *a*, можно с помощью дедуктивного метода определить часть *b* или, правильнее сказать, *B*, и поэтому ее изучение будет намного легче, чем изучение части *a*. Оно привело к созданию наиболее развитых и строгих социальных наук: это науки о юридических конструктах и чистая экономическая теория (см. § 778). Это исследование части *b* окажется тем совершеннее, чем больше оно будет опираться только на логику; оно будет тем несовершеннее, чем больше в него будут проникать и приниматься неэкспериментальные принципы, которым надлежало бы оставаться в части *a*. Кроме того, поскольку часть *a* и, соответственно, *A* (см. § 325) дает или может дать повод для сомнений и неуверенности, то чем она меньше, тем более строгим может быть знание, которое из этой части выводится.

333. В общем, можно принять некоторые принципы *a* по своему усмотрению, лишь бы только они были определенными и из них можно было бы выстроить здание доктрины *c*; но очевидно, что если принципы *a* вовсе не отвечают реальности, то часть *c* не будет содержать в себе ничего конкретного. Следовательно, при построении науки надо осмотрительно и взвешенно выбирать принципы *a*, чтобы как можно ближе подойти к реальности, хотя известно, что теория *c* никогда не сможет воспроизвести ее во всех нюансах (см. § 37).

334. Другие социологические теории использовались в попытках создать строго научный каркас, но, к сожалению, эти попытки не удались, поскольку принципы, из которых выводились дедуктивные построения, слишком далеко отстояли от опыта (см. § 781 и далее).

335. Одна из них — социальный дарвинизм. Если предполагается, что за исключением временных отклонений социальные институты любого общества всегда таковы, что наилучшим образом соответствуют наличным обстоятельствам, и что без институтов общество в конце концов

прекращает свое существование, то перед нами принцип, способный к собственному значимому логическому развитию и пригодный для построения науки. Попытка такого построения была предпринята, и на протяжении некоторого времени имелись надежды на то, что наконец в социологии появится научная теория *c*, представляющая собой часть проверенных фактами дедуктивных выводов *b*. Но эта доктрина пришла в упадок вместе с биологической теорией Дарвина о происхождении видов животных и растений, на основе которой она возникла. Отмечено, что в ней слишком часто прибегали к вербальным объяснениям фактов. Любая форма социальных институтов, так же как и формы живых существ, должна была объясняться пользой, которую она обеспечивала, и чтобы добиться этого, подыскивали произвольные и мнимые виды пользы. Так невольнo и произвольнo совершался возврат к старой теории конечных причин. Социальный дарвинизм пока еще остается достаточно хорошо сконструированным построением доктрины *c*; но его необходимо во многом модифицировать, чтобы привести в соответствие с фактами. Полезность не детерминирует формы институтов; она только обозначает границы, которые они не могут перейти (см. § 668).

336. Другая теория *b* представлена историческим материализмом. Если он истолковывается в том смысле, что экономическое состояние общества полностью детерминирует в нем все другие социальные явления, то перед нами принцип *a*, из которого получаются многочисленные дедуктивные выводы, позволяющие выстраивать доктрину. Исторический материализм стал заметным этапом в прогрессе науки, поскольку он помог выявить переменчивый характер некоторых феноменов, например, моральных и религиозных, которым многие приписывали и все еще приписывают абсолютный характер. Кроме того, в этой теории имеется своя доля правды, касающаяся наличия взаимосвязи экономических феноменов с другими социальными феноменами; ошибка состоит в подмене этой взаимосвязи причинно-следственным отношением.

337. Одно дополнительное обстоятельство привело к значительному усилению ошибки. Исторический материализм соединился с другой теорией — теорией «классовой борьбы», от которой он мог бы все-таки быть совершенно независимым, и вдобавок количество классов путем жесткой дихотомии было уменьшено до двух. Таким образом, он еще дальше отошел от науки, чтобы делать экскурсии в литературу. Социология при этом становится простейшей наукой; без затраты времени и сил на раскрытие связей явлений и проявляющихся в них единообразий по поводу любого факта сочиняется история. Любой институт, будь то политический, моральный или религиозный, преподносится так, словно он имеет в качестве единственной причины действие «буржуазии» по «эксплуатации

пролетариата» и сопротивление «пролетариата» в ответ на эксплуатацию. Если бы факты соответствовали подобным выводам, то мы имели бы науку, которая была бы совершеннее любой другой гуманитарной науки. Но, к сожалению, эта теория идет одним путем, а факты — совершенно другим (см. § 718).

338. Здесь стоит упомянуть еще об одной теории. Это теория Спенсера и его последователей, которую можно будет назвать теорией пределов <развития>, если из их работ удалить многие метафизические части. В качестве принципа *a* она принимает то, что все социальные институты приближаются к пределу, и в этом они подобны кривой, имеющей асимптоту. Если известна кривая, то можно определить асимптоту; когда известно историческое развитие института, то по нему можно установить предел. Делается это даже гораздо легче, чем при намного более простой задаче математического нахождения асимптот. Поскольку в математике для этого недостаточно знать несколько точек кривой, то необходимо иметь ее уравнение, т. е. знать ее действительный характер; тогда как при знании нескольких точек характеризующей институт кривой можно (а точнее, считают, что можно) в силу одного этого определить предел.

339. Этот принцип *a*, допускающий научные дедукции *b*, следовательно, составляет существенную часть доктрины. Его можно обнаружить в социологии Спенсера и в других аналогичных трудах. Благодаря таким доктринам мы значительно приближаемся к экспериментальному методу, если отвлечься от присутствующих в них метафизических частей, поскольку, в конце концов, выводы в них получают, исходя именно из фактов. К сожалению, помимо фактов, в них еще содержатся принцип, согласно которому институты имеют предел, и принцип, согласно которому этот предел можно определить, если известны несколько последовательных стадий развития институтов.

Более того, предел, который, по мнению автора, определен им на основе фактов, оказывается (случайным образом) идентичным пределу, соответствующему его личным чувствам. Если этот автор пацифист вроде Спенсера, то подходящие факты продемонстрируют ему, что человечество приближается в пределе ко всеобщему миру; если он демократ, то пределом окажется полный триумф демократии; если он коллективист, то это будет победа коллективизма, и т. д. Это, естественно, порождает и усиливает подозрение — что факты в таких доктринах выступают в качестве прикрытия более действенных мотивов и средства убеждения.

Во всяком случае, доводы, к которым прибегают эти позитивисты, не соответствуют реальности, что обесценивает все получаемые при этом выводы. Имеется и другой серьезный недостаток, который со временем, возможно, удастся устранить, но пока мы еще далеки от обладания

историческими сведениями, совершенно необходимыми для использования названного метода.

- 340.** Совсем иной характер по сравнению с рассмотренными выше теориями оказывается у тех теорий, в которых принимается принцип *a*, лишенный какой бы ни было определенности, неясный, расплывчатый; выводы получаются с соблюдением лишь внешней видимости следования логике, а в рассуждениях нет почти ничего, кроме проявлений чувств этого теоретика, и нет никакой доказательной силы, которая подкреплялась бы рассуждением, связывающим их с *a*. В самом деле, очень часто случается так, что исходя из общего принципа *a* одни люди приходят к одним выводам, а другие — к другим, диаметрально противоположным. Об этих рассуждениях можно сказать только одно: когда принцип непригоден как посылка, от него может выводиться все, что угодно.
- 341.** Теории *c* не могут даже обрести вид, приближенный к научной форме, если их принципы *a* не отличаются хотя бы некоторой определенностью. В связи с этим искусственное уточнение — это все же лучше, чем полное отсутствие дефиниции. В области права этот изъян можно подправить с помощью неких «фикций»^{44*}; также и в других науках данный метод можно эффективно использовать для достижения простоты в формулировке теоремы. Например, в математике теорема о том, что «всякое алгебраическое уравнение имеет общее число корней, равное его степени», полезно и удобно именно в такой форме; однако оно оказывается верным только благодаря использованию «фикции», если учитывается количество не только реальных, но и мнимых его корней.

⁴⁴ Этот термин использовал Г. С. Мэн [*Maine H. S. Ancient law: Its connection with early history of society, and its relation to modern ideas. L.: John Murray, 1861. P. 25–26*]. Он может, однако, применяться более широко и относиться к явно неверному суждению, принятому ради того, чтобы сохранить в неизменности какую-нибудь норму, доктрину, теорему, подправив полученные от нее следствия.

* Г. С. Мэн использует данное понятие в широком смысле, понимая под ним «любое допущение, которое скрывает или стремится скрыть, что какое-то положение закона подвергалось изменению — его буква осталась прежней, а действие видоизменилось»: см. *Мэн Г. С. Древнее право. Его связь с историей общества и его отношение к новейшим идеям. СПб., 1903. С. 21.*

ОСТАТКИ

342. Мы уже видели (см. § 325), что в теориях, относящихся к логико-экспериментальной науке, встречаются элементы A и B , отчасти сходные с элементами a и b в теориях, не в полной мере логико-экспериментальных и отчасти противостоящих им.

В социальных науках в том виде, как они развивались до настоящего времени, встречаются элементы, более близкие к a , чем к A , поскольку не удается избежать вмешательства чувств, предвзятых мнений, догматов веры и иных подобных влечений, постулатов, принципов, уводящих за пределы логико-экспериментальной области.

343. В социальных науках в том виде, как они развивались до настоящего времени, дедуктивная часть порой значительно приближается к B , и нет недостатка в примерах того, что использование строгой логики позволило бы ее полностью совместить с B , если бы не слабая определенность исходных положений a , снижающая строгость суждений. Но чаще эта часть в социальных науках оказывается гораздо ближе к b , так как она включает массу нелогических и неэкспериментальных принципов из-за наличия в них сильного влияния влечений, предрассудков и т. д.

344. Теперь мы перейдем к изучению элементов a и b . Элемент a соответствует, пожалуй, некоторым инстинктам человека или, лучше сказать, людей, поскольку он не существует объективно и различен у разных людей. Вероятно, потому что он соответствует их инстинктам, он почти неизменен в различных социальных проявлениях. Элемент b соответствует работе сознания человека, направленной на осмысление элемента a , он значительно более изменчив, поскольку отражает творения фантазии. Мы уже видели в предыдущей главе (см. § 324), что часть b , в свою очередь, должна быть разделена и простирается от одного экстремума, где имеется только логика, до другого, где имеются только инстинкты и фантазии. Этим мы займемся в главе 7.

345. Но поскольку часть a соответствует инстинктам, то их полного понимания достичь очень нелегко, судя по тому, как эта часть была обнаружена. Мы анализировали суждения и искали в них неизменную часть; следовательно, мы могли находить только инстинкты, которые дают начало суждениям. Вне поля зрения остались все элементарные аппетиты, вкусы,

склонности; а среди социальных фактов — тот весьма существенный их класс, который именуют интересами.

346. Кроме того, возможно, мы нашли только часть из тех вещей, которые входят в *a*; осталась другая их часть — это элементарные аппетиты. Например, если бы сексуальный инстинкт приводил только к половой близости, то он не фигурировал бы в наших исследованиях. Но он часто скрывается под одеяниями аскетизма: имеются люди, исповедующие целомудрие, чтобы иметь возможность сдерживать мысли о сексе. Итак, изучив их рассуждения, мы обнаружим часть *a*, которая соответствует сексуальному инстинкту, и часть *b*, которую образует суждение, каким он прикрыт. Впрочем, при внимательном изучении мы нашли бы аналогичные части также для острой потребности в еде и питье, только в этом случае часть, составляющая чистый инстинкт, в любом случае окажется намного значительнее, чем остальная.

347. Политикан стремится быть сторонником теории солидарности, следуя желанию получить деньги, власть, почет. При изучении данной теории это его стремление, свойственное почти всем политиканам независимо от того, отстаивают ли они черное или белое, будет просматриваться только мимоходом. Напротив, они в первую очередь выдвинут принципы *a*, которые подойдут для убеждения других людей. Очевидно, что если бы политикан заявил: «Верьте данной теории, поскольку это мне полезно», то он бы всех рассмешил и никого не убедил. Следовательно, он должен выступить с такими принципами, которые принимались бы теми, кто его слушают.

Останавливаясь на этом наблюдении, можно было бы прийти к мнению, что в рассматриваемом случае в части *a* окажутся не те принципы, посредством которых обеспечивается защита теории, но те, благодаря которым она оказывается принятой. В ходе дальнейшего рассмотрения выяснится, что такое разделение непригодно, поскольку тот, кто желает убедить других, вначале убедил себя самого. Даже если он исходит главным образом из соблюдения собственной выгоды, то, в конце концов, начинает верить, что им движет стремление действовать на благо других людей. Редко и плохо убеждает людей неверующий проповедник; обычно намного успешнее убеждает верующий, и его убедительность тем выше, чем сильнее он верит. Поэтому части *a* теории обнаруживаются как у тех, кто эту теорию принимает, так и у тех, кто ее выдвигает, и к этому следует добавить полезность этой теории для тех и других.

348. Когда мы анализируем теорию *c*, следует четко отделять исследование в объективном аспекте от исследования в субъективном аспекте, что было показано в § 12. Напротив, эти аспекты очень часто смешивают, что

приводит к двум фундаментальным ошибкам. Во-первых, как мы уже не раз отмечали, логико-экспериментальную ценность теории путают с ее убеждающей силой и ее социальной полезностью. Во-вторых, и эта ошибка стала особенно распространенной в наше время, объективное исследование подменяется субъективным, предметом которого являются вопросы — как и почему теория была создана ее автором. Этому часто способствует авторитет создателя теории, поскольку движимые чувствами люди априорно полагают, что все то, что думал и во что верил автор созданной теории, обязательно должно быть «истинным». Поэтому исследование хода его мыслей для многих оказывается равнозначным выяснению «истинности» того, что он хотел высказать, т. е. эквивалентным установлению соответствия опыту в случае логико-экспериментальных наук.

- 349.** Изучение части *b* в теории — это как раз и есть изучение ее субъективной части; но ее можно разделить еще на две части: иными словами, отграничить общие причины от специальных причин, благодаря которым теория была создана и получила признание. Общими являются те причины, которые действовали в течение не слишком короткого времени и по отношению к значительному числу индивидов; специальными или частными оказываются причины, которые действовали только временно и нерегулярно. Теория, когда она создавалась ради содействия некоторому социальному классу, имеет общую причину; но если она создавалась потому что ее автору были уплачены деньги, или потому, что в ее творце возникло чувство возмущения по отношению к сопернику, то она имеет частную, специальную причину.

В исследовании, которое будем проводить относительно теорий *b* мы коснемся только общих причин; исследование других причин является второстепенным и может быть проведено впоследствии.

- 350.** Те реалии, которые оказывают достаточно сильное воздействие на социальную организацию, создают основание для формирования теорий, и следовательно, мы найдем их при исследовании *a*. К этому, как уже было сказано, необходимо добавить аппетиты (потребности) и интересы. В результате мы будем иметь совокупность реалий, оказывающих достаточно заметное воздействие на формирование социального устройства (см. § 345). Отметим, однако, и то, что это устройство оказывает на них ответное действие, и, следовательно, перед нами не причинно-следственная связь, а взаимозависимость. Если мы полагаем (что вполне вероятно), что в среде животных нет теорий, то нет также части *a*; тогда у них, несомненно, отсутствуют интересы и остаются только инстинкты. Дикари, даже если они близки к животным, все же мыслят, имеют

определенные представления; следовательно, у них существует часть *a*. Цивилизованные народы создали немало теорий о многих своих инстинктах и интересах; следовательно, часть *a* у них присутствует почти во всех сторонах социальной жизни.

351. В данной главе мы займемся изучением именно этой части *a*.

Уже раньше мы в некоторых случаях (см. § 88 и следующие, § 308) выделяли части *a* и *b*, смешанные и переплетенные в одном едином феномене *c*. Таким путем мы подходили к поиску той нормы, которой надо руководствоваться в анализе теорий. Мы увидим это на примерах и далее системно осуществим такое исследование.

352. *Пример 1.* Христиане совершают обряд крещения. Тот, кто познакомился только с этим фактом, не будет знать, можно ли и как можно разделить данный феномен на части. Кроме того, имеется некое его объяснение: утверждают, что такой обряд совершается для того, чтобы смыть первородный грех. Но этого недостаточно. Если бы мы не знали об иных сходных действиях, то нам трудно было бы выделить части в этом сложном феномене. Мы, однако, о них знаем. Язычники также совершали омовение в святой воде при очищении. Если бы мы на этом остановились, то могли бы связать использование воды с процедурой очищения. Другие факты, напротив, показывают нам, что использование воды не является неизменной составляющей при феноменах данного рода. В обрядах очищения может использоваться кровь и разные иные субстанции. Но и это еще не все: имеются и другие обряды, направленные на достижение той же цели. При нарушениях *табу* некоторые из таких средств используются в определенных ситуациях для снятия осквернения. Итак, круг аналогичных фактов становится все шире, и во всем этом многообразии практикуемых процедур-обрядов и объяснений их действенности неизменно присутствует испытываемое людьми чувство, что при помощи определенного обряда может быть восстановлена чистота индивида, нарушенная под влиянием реальных или воображаемых причин. Конкретный феномен состоит, следовательно, из этой неизменной части *a* и меняющейся части *b*, которая охватывает используемые для восстановления целостности средства и те рассуждения, при помощи которых объясняют их эффективность. Человек испытывает смутное чувство, что вода сможет смыть с него нравственное пятно, так же как она смывает пятна материальные; но обычно обоснование использования воды для восстановления целостности не строится таким, слишком простым, способом. Люди стремятся найти более сложные объяснения, дать более пространные рассуждения, при этом они легко находят то, что им требуется.

353. Выявленное здесь ядро *a* состоит из различных частей. Для начала выделим в нем инстинкт комбинаций — стремление «делать что-то», скомбинировать какие-то вещи и какие-нибудь действия. Далее, существует устойчивость в сохранении связей, которая мыслится так: можно было бы всякий раз пробовать новую комбинацию, но среди них находят одну, пусть и фантастическую, которая доминирует и порой становится предпочтительной, исключаяющей другие; она устойчиво сохраняется во времени. Наконец, есть инстинкт, который побуждает верить в эффективность определенных комбинаций для достижения некоторой цели. Могут сказать, что реально эффективные комбинации, такие, как высечение огня при помощи кремниевого камня, подтолкнули затем человека к вере в эффективность фантастических комбинаций. Пока мы не станем отвлекаться на это и на другие объяснения; нам достаточно признания существования самого факта и этим мы пока ограничимся. В других исследованиях мы пойдем дальше и подумаем относительно объяснения таких фактов на основе других фактов, которые, в свою очередь, могут объясняться иными фактами, и т. д.

354. *Пример 2.* В главе 2 (см. § 88 и далее) мы рассматривали проявления веры людей в то, что они могут вызывать и отводить бури. Из одного такого отдельного случая мы не смогли бы извлечь ничего или извлекли бы очень немного; но нам известно много такого рода случаев, и в каждом из них выявляется неизменное ядро. Если пренебречь временно частью этого ядра, которая связана с устойчивостью в сохранении некоторых комбинаций и верой в их действительность, показанной на предыдущем примере, то мы выявим неизменную часть *a*. Она соответствует чувству, или ощущению присутствия божества, которое с помощью различных средств *b* можно побудить вмешаться и повлиять на грозы. Это уже другой род верований, при котором полагают, что можно достичь результата при помощи некоторых обрядовых действий, которые сами по себе не имеют никакого значения: например, выпотрошить белого петуха и пронести его потроха вокруг поля, от которого надо отвести грозу. Итак, круг расширяется и выявляется другая неизменная часть *a*, соответствующая инстинкту комбинаций, благодаря которому на авось в надежде на случайное везение соединяют вещи и действия для получения некоторого результата.

355. *Пример 3.* Католики считают пятницу днем, предвещающим неудачи; как говорят, по причине страстей Христовых. Если бы нам был известен только этот факт, нам было бы трудно установить, что из двух вещей — предвестье неудачи или страдания Христа — здесь оказывается главным, а что — второстепенным. Но имеется немало других фактов подобного же рода. У античных римлян имелись «*dies atrī*» или «*vitiosi*», т. е. дни,

которые следовало ожидать несчастья или неудачи*, например, 18 июля, когда они проиграли битву на реке Аллия**. Вот он, общий вид *a*, т. е. чувство, побуждавшее римлян рассматривать в качестве несчастливого день, напоминавший о том печальном событии. Более того. Античные римляне и греки рассматривали некоторые дни как предзнаменующие успех или неудачу без особых на то оснований, в отличие от предыдущих случаев. Следовательно, имеется класс *a*, охватывающий показанный выше случай *a*, соответствующий чувствам, благодаря которым определенные дни, а также другие объекты ассоциируются, объединяются с хорошими или с плохими предзнаменованиями (см. § 369).

356. Прежде чем мы продолжим, было бы, пожалуй, лучше ввести наименования для вещей *a*, *b* и *c*, поскольку их буквенное обозначение несколько затрудняет ведение рассуждений и делает их менее понятными. Именно поэтому, но не по каким-то иным причинам (см. § 48) мы назовем *a* остатками (*residui*), *b* — *деривациями* (*derivazioni*), *c* — *дериватами* (*derivate*). Но всегда надо помнить о том, что ничего, совершенно ничего не следует выводить из содержания самих этих слов, из их этимологии, что их значения такие же, как и у *a*, *b*, *c*.
357. Как мы уже видели, остатки *a* представляют собой совокупное выражение огромного числа фактов, которые надо классифицировать на основе проявляющихся в них аналогий и сходств. Так мы получим классы, рода и виды остатков. Это мы можем сказать и в отношении дериваций *b*.
358. Остатки соответствуют тем или иным инстинктам, которые свойственны людям; поэтому им обычно недостает определенности, и поэтому между разными остатками нет четкого разграничения. Эта их особенность почти всегда может быть использована для того, чтобы отделять (отличать) их от научных фактов и научных принципов *A*, с которыми у них имеется некоторое сходство. Нередко *A* рождались при уточнении *a*. Так, термин «тепло» неопределен; пользуясь им, можно сказать, что в колодцах вода зимой теплая, а летом холодная. Но физический термин «тепло» определен, поскольку он соответствует температуре, выраженной в градусах и измеренной с помощью термометра. Можно отметить, что в данном смысле вода в колодцах зимой не будет теплее, чем летом, поскольку при измерении ее температуры в градусах при помощи термометра зимой

* У древних римлян был календарь, строго регламентирующий распорядок дня в течение всего года, в том числе были расписаны и неблагоприятные (на том или ином основании, для той или иной деятельности) дни.

** В этот день в 390 (или 387?) г. до н.э. галлы разбили римскую армию, ворвались в Рим и разграбили его.

получится примерно та же самая или немного меньшая температура, чем летом.

359. Вообще, в неопределенности остатков a состоит главная причина того, что они не могут быть описаны с использованием строгих и четких формулировок, в которых, напротив могут выражаться и всегда оказываются выраженными научные положения A .

360. Необходимо быть внимательным и не путать остатки с теми чувствами или инстинктами, которым они соответствуют. Они являются их проявлениями. Только для сокращения рассуждений мы говорим, например, что остатки наряду с интересами, аппетитами и т. д. играют ведущую роль в детерминации социального равновесия. При этом мы не даем полную фразу: «чувства или инстинкты, которые соответствуют остаткам, помимо чувств и инстинктов, которые соответствуют аппетитам, интересам и т. д., играют основную роль в детерминации социального равновесия».

361. Как предмет изучения мы посредством анализа выделяем различные остатки a_1, a_2, a_3, \dots , между тем как у индивида существуют чувства, которые соответствуют группам $a_1, a_2, a_3; a_1, a_3, a_4; a_3, a_5$; и т. д. Эти группы составные, они выступают как соединения по отношению к более простым группам.

Можно было бы продолжить и разбить a_1, a_2, \dots на еще более простые элементы, но слишком обобщенные положения теряют, в конце концов, смысл.

362. Бывает и так, что дериват c , к которому пришли от остатка a через деривацию b , в свою очередь, становится остатком для иных феноменов и ведет к образованию новых дериваций. Например, плохую приметку люди усматривают в том, что тринадцать человек соберется за одним столом. Это, скорее всего, дериват, сложившийся на основе чувства ужаса, вызванного изменой Иуды и последовавшей за нею смертью Христа, но ныне он, в свою очередь, стал остатком, и люди, считающие число тринадцать несчастливым, больше не думают об Иуде. Из остатка благодаря деривации могут получаться реально наблюдаемые в обществе дериваты c и дериваты γ , не наблюдаемые в нем, но регулярно выводимые, так же как c , из остатков.

363. Исследования истоков социальных явлений, которые до сих пор составляют основную долю социологических работ, часто оказывались, хотя их авторы не ведали об этом, исследованиями остатков. Они осознавали, пусть и не особенно четко, что простое должно предшествовать появлению сложного, т. е. что остаток должен появляться раньше, чем дериват. Когда Герберт Спенсер усматривает в обожествлении людей хронологическое начало

религии, он полагает, что нашел остаток религиозных феноменов, простой феномен, от которого произошли дериваты — сложные феномены, наблюдаемые сегодня.

364. На этот счет следует представить два наблюдения.

Во-первых, стоит заметить, что никакая проверка не подтверждает гипотезу о том, что знание остатка хронологически предшествует знанию деривата. В некоторых случаях это так и есть, но в других, несомненно, нет. Аналогично — в химии есть соединения, о которых стало известно только после открытия образующих их простых элементов, но в то же время есть много других соединений, о которых было известно раньше, чем открыли входящие в них простые элементы.

Во-вторых, даже если знание остатка предшествовало знанию деривата, то <исследователю> стоит пойти обратным путем — от результата к истокам. Хронологическое исследование остатка *a* — дело трудное, часто невозможное в связи с отсутствием за давностью лет документов, которые недопустимо восполнять за счет воображения и «здравого смысла» современного человека. Конечно, таким способом могут создаваться хитроумные теории, но они будут мало или вообще не будут соответствовать фактам. Стремление найти в доисторических временах остаток *a*, от которого произошли дериваты — встречающиеся в настоящее время феномены *c*, будет представлять собой стремление объяснить известное через неизвестное (см. § 227). Наоборот, следует из более известных фактов выводить менее известные факты; надо постараться в феноменах *c*, которые мы наблюдаем в настоящее время, выявить остатки *a*, а затем посмотреть, не обнаружатся ли в исторических документах следы присутствия *a*. Если таким способом будет установлено, что *a* существовали в то время, когда не было известно про *c*, можно будет сделать вывод, что остатки *a* предшествовали *c* и что истоки феномена *c* совпадают с появлением остатка. Но когда такого подтверждения у нас нет, недопустимо вносить отмеченную путаницу.

365. Мы начнем с классификации остатков; затем осуществим классификацию дериваций. Не следует забывать, что в социальных феноменах помимо чувств, выраженных остатками, имеются аппетиты, склонности и т. д. (см. § 345). Здесь мы имеем дело только с остатками, которые можно подразделить на более простые остатки, подобно тому, как горные породы содержат много простых элементов, которые могут быть выделены путем химического анализа. Есть конкретные социальные феномены, в которых один из остатков доминирует над остальными, и, следовательно, они могут приближенно указать нам, как выглядит этот остаток. Классификация, которую мы сейчас проведем, выполняется в объективном аспекте (см. § 348), но в ней порой требуется учитывать и некоторые субъективные стороны.

Класс I. Инстинкт комбинаций (см. § 366–389).

Iα. Комбинации вообще (см. § 369, 370).

Iβ. Комбинации сходных или противоположных вещей (см. § 371–379).

Iβ₁. Сходство или противоположность вообще (см. § 374).

Iβ₂. Редкие вещи и исключительные события (см. § 375–376).

Iβ₃. Страшные вещи и события (см. § 377).

Iβ₄. Счастливое состояние, связанное с хорошими вещами; несчастливое состояние, связанное с плохими вещами (см. § 378).

Iβ₅. Ассимиляция: прием внутрь неких субстанций для приобретения их свойств и редко — противоположных (см. § 379).

Iγ. Таинственные действия некоторых предметов и поступков (см. § 380–383).

Iγ₁. Таинственные действия вообще (см. § 382).

Iγ₂. Имена, связанные таинственным образом с предметами (см. § 383).

Iδ. Потребность в объединении остатков (см. § 384).

Iε. Потребность в логическом развитии (см. § 385).

Iζ. Вера в эффективность комбинаций (см. § 386–389).

Класс II. Сохранение агрегатов (см. § 390–418).

IIα. Сохранение связей человека с другими людьми и с местом (см. § 398–406).

IIα₁. Семейные отношения и отношения в общностях, основанных на родственной связи (см. § 399–404).

IIα₂. Связи с местами (см. § 405).

IIα₃. Отношения социальных классов (см. § 406).

IIβ. Сохранение отношений живых людей с умершими (см. § 407–409).

IIγ. Сохранение отношений между умершим человеком и теми вещами, которые принадлежали ему при жизни (см. § 410).

IIδ. Сохранение абстракции (см. § 411–413).

IIε. Сохранение единообразий (см. § 414).

IIζ. Чувства, превращаемые в объективную реальность (см. § 415).

IIη. Персонафикация (см. § 416).

IIθ. Потребность в новых абстракциях (см. § 417, 418).

Класс III. Потребность в проявлении чувств посредством внешних действий (см. § 419–424).

IIIα. Потребность в действиях, проявляющаяся в комбинациях (см. § 421, 422).

IIIβ. Религиозная экзальтация (см. § 423, 424).

Класс IV. Остатки, связанные с социальностью (см. § 425–460).

IV α . Отдельные общества (см. § 426).

IV β . Потребность в единообразии (см. § 427–435).

IV β_1 . Единообразии по отношению к самому себе (см. § 428–430).

IV β_2 . Единообразии, налагаемое на других (см. § 431–433).

IV β_3 . Боязнь новизны (см. § 434, 435).

IV γ . Жалость и жестокость (см. § 436–440).

IV γ_1 . Жалость к себе, перенесенная на других (см. § 438).

IV γ_2 . Инстинктивное отвращение к страданию (см. § 439).

IV γ_3 . Обоснованное отвращение к бесполезным страданиям (см. § 440).

IV δ . Принятие на себя зла ради блага других (см. § 441–446).

IV δ_1 . Готовность рисковать жизнью (см. § 443).

IV δ_2 . Готовность поделиться с другими своими благами (см. § 444–446).

IV ϵ . Чувства иерархии (см. § 447–454).

IV ϵ_1 . Чувства высших (см. § 449).

IV ϵ_2 . Чувства низших (см. § 450, 451).

IV ϵ_3 . Потребность заручиться одобрением коллектива (см. § 452–454).

IV ζ . Аскетизм (см. § 455–460).

Класс V. Целостность индивида и его зависимостей (см. § 461–497).

V α . Чувства, противостоящие нарушениям <социального> равновесия (см. § 462–466).

V β . Чувство равенства у низших (см. § 467–470).

V γ . Восстановление целостности при помощи действий, направленных на тех субъектов, которые подверглись изменению (см. § 471–490).

V γ_1 . Реальные субъекты (см. § 486, 487).

V γ_2 . Воображаемые или абстрактные субъекты (см. § 488–490)

V δ . Восстановление целостности с помощью действий, направленных на тех, кто ее нарушил (см. § 491–497).

V δ_1 . Реальный нарушитель (см. § 492–495).

V δ_2 . Воображаемый или абстрактный нарушитель (см. § 496, 497).

Класс VI. Сексуальный остаток (см. § 498–525).

366. *Класс I. Инстинкт комбинаций.* Данный класс остатков соответствует необычайно сильному в человеческом роде инстинкту, сыгравшему, вероятно, важную роль в возникновении цивилизации. Огромное число социальных феноменов в качестве остатка имеют склонность людей осуществлять комбинации. Ученый комбинирует в соответствии с определенными нормами, гипотезами, взглядами, порой обдуманно, порой произвольно

и случайно: он совершает отчасти логические действия. Необразованный человек комбинирует в соответствии с аналогиями, чаще всего фантастическими, по-детски наивными, абсурдными и часто также произвольно, т. е. по неведомым нам мотивам: его действия в основном оказываются нелогическими. Класс этот включает разновидности: склонность к комбинациям; поиск лучших комбинаций; склонность к вере в эффективность комбинаций.

367. Кроме того, есть пассивная позиция, когда человек оказывается объектом комбинации, и активная позиция, когда он сам эти комбинации интерпретирует или создает. Склонность к комбинациям представляет собой общее, неясное чувство, которое выступает как в пассивной, так и в активной форме; она проявляет свою мощь в азартных играх у всех народов. Поиск комбинаций, считающихся наилучшими, несомненно, относится к активной позиции. Склонность верить в эффективность комбинаций бывает и пассивной, и активной. Первый аспект может выражаться верой в то, что *A* необходимым образом связано с *B* и что за появлением *A* обязательно должно следовать *B*; второй аспект проявляется тогда, когда полагают, что при порождении искусственным путем *A* как следствие будет произведено также и *B* (см. § 386).

368. В конкретных феноменах наряду с рассматриваемыми остатками присутствуют и остатки других классов, прежде всего остатки класса II, придающие прочность материалу, возникающему благодаря действию инстинкта комбинаций, поискам наилучших комбинаций и вере в их эффективность. Затем вступает в действие вера в действенность комбинаций, чтобы побудить человека к их использованию. Во многих феноменах, особенно у цивилизованных народов, присутствует смесь из логических действий, научных выводов, нелогических поступков, влияния чувств, т. е. то, что нам предстоит отделять друг от друга при анализе.

369. *Iα.* Комбинации вообще. Мотивы в отношении общих комбинаций существуют так же точно, как и в отношении специальных *Iβ* и иных комбинаций; если это окажется полезно, то внутри рода *Iα* можно выделить различные виды. Сонник дает нам немало примеров таких комбинаций, придающих смысл всему, что видится во снах. Действительно, некоторые пытаются обосновать такие соответствия с опорой на логику и на опыт; но легко установить, что эти соответствия держатся только на вере в определенные комбинации. Так, «Естественная история» Плиния* и традиционная народная медицина всех народов дают бесчисленное число комбинаций, пригодных для лечения болезней; здесь также речь

* Плиний Старший. Естественная история. М., 1979.

идет не об опыте, но о тех комбинациях, которые появились в основном случайно и которые сохранялись даже тогда, когда ценность их опытной составляющей равнялась нулю. Многие открытия явились результатом комбинации веществ и процедур, которые осуществлялись без заданной цели и часто с последствиями, отличными от предполагаемых результатов; так, например, был открыт фосфор. Существование дней хороших и плохих предзнаменований демонстрирует нам порой присутствие такого рода остатка, в смеси с другими остатками. Вполне вероятно, что если приручение животных в одних случаях могло быть результатом операций, имевших вполне определенную цель, то в других случаях оно могло оказаться итогом простых комбинаций. Так же очевиден этот остаток в словах, которые не содержат никакого смысла, но произносятся при совершении некоторых магических действий.

370. Этот остаток является одним из самых устойчивых и прочных. Мы его встречаем во все времена, во всех странах, у людей невежественных и образованных, суеверных и не имеющих предрассудков.
371. *1β. Комбинации сходных или противоположных вещей.* Как сходство, так и различие вещей, даже если оно воображаемое, является сильным мотивом, побуждением к комбинациям. Причина этого становится понятной, когда мы обращаем внимание на ассоциации идей, вызванные этими вещами. Нелогические суждения часто возникают через ассоциации идей.
372. Отметим, что если *A* и *B* представляют собой сходные вещи, а *C* и *D* — различные, то оппозицией комбинации *A + B* будет не комбинация *C + D*, но отсутствие какой-либо комбинации. Так, вера в Бога противоположна не вере в дьявола, но отсутствие веры и в того, и в другого. Противоположностью психического состояния человека, с немалым удовольствием рассуждающего о половом акте, будет психическое состояние не того, кто об этом рассуждает с ужасом и отвращением, но того, кто мало обеспокоен им, как и любой иной телесной потребностью. Писатели давным-давно подметили, что любви противостоит не ненависть, а безразличие.
373. Принцип гомеопатов «*similia similibus curantur*»* объединяет сходные вещи; противоположный принцип «*contraria contrariis curantur*»** объединяет вещи противоположные. Им возражает экспериментальная наука, поскольку она не принимает априорных принципов, а решает вопрос в каждом отдельном случае исходя из опыта.

* Подобное излечивается подобным (*лат.*).

** Противное излечивается противным (*лат.*).

374. Iβ₁. *Сходство или противоположность вообще.* Остатки этого рода весьма многочисленны и часто встречаются в магической деятельности. Близкие вещи и сходные операции объединяют: при этом стремятся повлиять на человека, животное или предмет, воздействуя на какую-то их часть. Противоположные вещи объединяют, и во многих случаях полагают, что это окажет влияние на определенные чувства людей и переведет их в противоположное состояние.

Примеры магической практики: плавить восковую фигурку, чтобы погасить чувства влюбленного; колоть статуэтку, чтобы уничтожить врага; зарывать в землю золото и драгоценные камни, чтобы прирастить сокровища; использовать реальную или мифическую враждебность одних существ, чтобы изгнать других; пародировать культовые действия (черные мессы); равно как и совершать действия, позволяющие избежать «зависти богов». Остаток этого типа также присутствует в агрегате чувств, который побуждает нас относиться к предметам как к одушевленным существам, а к животным как к существам, наделенным разумом. В целом он есть также и в чувствах, побуждающих использовать аналогии в качестве доказательств, и поэтому он встретится вновь в деривациях.

375. Iβ₂. *Редкие вещи и исключительные события.* Инстинкт приводит к убеждению, что редкие вещи и исключительные события соединяются с другими редкими вещами и другими исключительными событиями или же только с теми, которых очень хотят.

376. Редкость предмета может быть внутренней или внешней; это означает, что предмет или действие может действительно принадлежать к классу редких, а может оказаться таковым случайно или благодаря воображаемым обстоятельствам.

Такие остатки часто связаны с предсказаниями и чудесами, особенно с теми, которые совпадают с рождением и смертью выдающихся деятелей или героев, или с некоторыми наиболее значительными моментами в их жизни.

377. Iβ₃. *Страшные вещи и события.* Этот остаток проявляется, например, в зловещей обстановке, которая сопровождала, согласно некоторым авторам, приношение присяги соратниками Катилины; в *ver sacrum**, в некоторых чрезвычайных случаях, как было в Риме при неожиданном подходе к городским стенам войск Ганнибала; при совершении некоторых культовых действий, когда в жертву приносят детей.

* Весна священная (*лат.*). Испуительная культовая церемония древних римлян. Поначалу в ходе нее богам, особенно Марсу и Юпитеру, приносили в дар весенний приплод животных и иногда даже новорожденных детей.

- 378.** $I\beta_4$. *Счастлирое состояние, связанное с хорошими вещами; несчастливое состояние, связанное с плохими вещами.* Когда некоторое состояние *A* воспринимается как счастливое, люди всегда имеют склонность связывать с ним все, что они считают хорошим. И напротив, если состояние *B* считается несчастливым, то они склонны соединять с ним все плохое. Противники какого-нибудь учреждения или какой-либо теории приписывают ему или ей вину за все беды; сторонники — напротив, ставят ему или ей в заслугу все хорошее.
- 379.** $I\beta_5$. *Ассимиляция:* прием внутрь неких субстанций для приобретения их свойств и редко — противоположных. Считается, что, усваивая некоторые вещества, обретаешь и их свойства. К этой разновидности относятся «сома» из Вед, «вайдуа» из Новой Зеландии, «кикеон» из элевсинских мистерий, всевозможные магические причастия и эликсиры и т. п.
- 380.** $I\gamma$. *Таинственные действия некоторых предметов и поступков.* Они соответствуют чувству, согласно которому вещи и действия наделены оккультной силой, чаще всего неопределенной. Этот остаток проявляется во многих магических обрядах, в амулетах, в произнесении клятв над некоторыми предметами, в уповании на Суд Божий, в феноменах табу, независимо от того, предполагает или не предполагает оно санкцию, и т. д. Основной частью здесь является инстинкт комбинаций; та часть, которая подразумевает вмешательство божества, составляет деривацию, с помощью которой хотят объяснить и оправдать этот инстинкт.
- 381.** Будет полезно отделить от общей категории $I\gamma_1$ специальную категорию $I\gamma_2$, в которой считается, что имена предметов обладают оккультной властью над этими предметами.
- 382.** $I\gamma_1$. *Таинственные действия вообще.* Клятвы, данные согласно определенным формам, в определенных местах и на определенных предметах; реликвии, многие магические действия, колдовские чары, сглаз и т. д. составляют этот вид остатков.
- 383.** $I\gamma_2$. *Имена, связанные таинственным образом с предметами.* Эти связи могут проявляться двояко: без экспериментального основания, мистическим образом; или при воспоминаниях о некоторых экспериментальных или воображаемых свойствах вещей. Первый вариант представляет данный остаток; второй — остатки постоянства агрегатов (класс II). «Совершенство» некоторых чисел: три, шесть, семь, десять, является примером этого вида остатка.

- 384. Иб. Потребность в объединении остатков.** Часто человеку присуща потребность в соединении определенных остатков, находящихся в его сознании: в этом проявляется его склонность к синтезу, которая необходима в практике. Кроме того, ему не хочется и не нравится отделять веру от опыта; он хочет иметь эти элементы в совокупности и без выделения противоречащих друг другу, не согласующихся сторон. Данная потребность в значительной мере проявляется в том, что люди пользуются некоторыми неопределенными по своему значению словами и при этом полагают, что эти слова соответствуют реальным вещам. Так, они полагают, что в словах «доброе», «прекрасное», «благо» раскрывается все то, что приятно на вкус, полезно для здоровья и вызывает моральное удовлетворение. Так образуется совокупность остатков, которая должна притягивать, а не отталкивать индивида. Интеллектуалы связывают воедино добро, благо, прекрасное, истину, человечность, альтруизм, солидарность и формируют комплекс, который вызывает в них приятную сентиментальность. За счет остатков сохранения агрегатов этот комплекс приобретает затем независимое существование и даже может быть персонифицирован.
- 385. Ие. Потребность в логическом развитии.** Потребность в логике удовлетворяется как строгой логикой, так и псевдологикой; в сущности, людям свойственно стремление обосновывать, а то, хорошо или плохо они это делают, для них уже не так важно. Отсюда берет начало потребность прикрывать нелогические действия и деривации логическим обрамлением, деревициями, благодаря чему псевдологика удовлетворяет неодолимую потребность, о которой мы поговорим позднее (см. гл. 7). Этот остаток, хотя он и дает начало метафизическим, теологическим и иным отвлеченным рассуждениям, также оказывается исходным пунктом для экспериментальной науки.
- 386. Иц. Вера в эффективность комбинаций.** Если *A* появляется вместе с *B*, то с течением времени в сознании человека рождается чувство, под влиянием которого он связывает *A* с *B* неразрывно. Ученый, который в исследованиях не позволяет себе поддаваться воздействию предвзятых идей, не ожидает от фактов подтверждения своего чувства и, во всяком случае, ограничивается тем, что приходит к выводу о большей или меньшей вероятности отношения. Напротив, тот, кто не склонен пользоваться экспериментальным методом, обычно следует чувству, пусть даже воспринятому из опыта других, и пренебрегает экспериментальной проверкой, которая, впрочем, обычно не может ограничить его веру. Он слабо отличает эффективные комбинации от неэффективных, либо совсем не отличает их, подобно доброму старому Катону, который с

одинаковой убежденностью предлагал магические приемы и давал агрономические советы.

- 387.** *A* и *B* часто представляют собой неопределенные вещи или действия и даже классы тех вещей и действий, которые обычно соответствуют родам остатков β и γ . Каков бы ни был источник веры в то, что *A* связано с *B*, — экспериментальный, псевдоэкспериментальный или фантастический, — она благодаря остаткам сохранения агрегатов усиливается, становится стабильной и оказывает сильное влияние на чувства и действия как в пассивном, так и в активном смысле.
- 388.** В пассивном смысле, если кто-то наблюдает один элемент из комбинации *AB*, то это убеждает его в существовании всей комбинации. Следовательно, если *A* предшествует *B*, то, наблюдая *A*, люди ожидают появления *B* (как это происходит при кометах в отношении предвещаемых ими событий и при знамениях вообще); если происходит *B*, то они уверены в том, что этому должно было предшествовать *A*, и многое делают для того, чтобы его найти (как, например, в отношении фактов, которые считали предзнаменованиями прихода к власти некоторых древнеримских императоров). Наконец, если *A* и *B* принадлежат прошлому, их связывают друг с другом, даже если между ними не удастся установить ничего общего (как в предсказаниях, о которых повествуют историки, если, конечно, они не выдуманы).
- 389.** В активном смысле существует убежденность, что, вызвав *A*, можно добиться появления *B*. Пассивное знание обожествления становится активным знанием магии.
- 390.** *Класс II. Сохранение агрегатов.* Некоторые комбинации образуют агрегат, части которого тесно связаны в единое целое. В итоге это целое приобретает собственную сущность и нередко получает собственное имя. Наличие имени у агрегата, в свою очередь, способствует убеждению в его индивидуальности (см. § 397). Это изначально связано с остатком, указывающим на то, что имени непременно соответствует вещь (см. гл. 7).
Чувства, которые соответствуют агрегату, могут оставаться почти неизменными, либо варьироваться по своей интенсивности и по широте распространения. Более подвержены изменению те формы, в которых эти чувства проявляются, т. е. деривации.
- 391.** Когда агрегат сложился, этот инстинкт, как механическая инерция, с различной силой противостоит действию других инстинктов, удерживая установленные связи; это позволяет сохранить хотя бы видимость агрегата, если его распада нельзя избежать.

392. Комбинации, которые исчезают, едва сформировавшись, не образуют агрегата, обладающего устойчивостью, однако они в конце концов могут приобрести это свойство, если сохранятся в течение какого-то времени.
393. Особая индивидуальность агрегатов может быть выражена не только в абстракции; впрочем, если абстракция, соответствующая агрегату, не имеет объективной основы, то у нее может быть субъективная основа, и это важно для социального равновесия. Допустим, что мы наблюдаем, как некие люди сотворили себе речное божество. Такой факт можно объяснить различным образом. Во-первых, можно сказать, что эти люди из реки выделили абстракцию идеальной реки, которую они рассматривают как «природную силу» и боготворят. Во-вторых, можно сказать, что они выявили у реки нечто сходное с человеком, что они увидели у нее душу, родственную человеческой душе, и эту душу обожествляют. В-третьих, можно сказать, что эта река породила в людях разные чувственные впечатления, возможно, в какой-то части не очень четкие, но достаточно сильные. Сохраняясь, совокупность таких чувственных впечатлений сформировала для субъекта некое явление, которому он дал имя, как и всем другим субъективно значимым для него явлениям. Эта новая сущность вместе с ее именем, присоединенная к другим подобным ей сущностям, может занять место в пантеоне божеств рассматриваемого народа или рядом с флагом в агрегате патриотических символов или в поэтическом багаже (как, например, в Германии Рейн). Нельзя исключить ни одну из этих трех приведенных выше форм интерпретаций, однако третья форма позволяет лучше объяснять факты, чем первые две, и следовательно, ее остаток распространен гораздо больше прочих.
394. Именно таким образом мы понимаем многие абстракции, касающиеся богов античного Рима. Наиболее кропотливые толкователи обычаев этого грубого народа, у которого зародились эти абстракции, стали затем рассматривать как «персонификацию природных сил» и богиню Юнону, и обряд апофеоза римских императоров, и многие иные случаи обожествления людей.
395. Отмечено, что некоторые манеры поведения и обычаи сохраняются после того, как полностью исчезли породившие их причины. Их устойчивость может быть вызвана слабостью встречаемого ими противодействия; она также может обуславливаться поддержкой со стороны некоторой силы, превосходящей все остальные, противостоящие ей. Проявление этого можно встретить, например, во многих очень устойчивых обычаях, праздниках и «суевериях» языческого происхождения, довольно легко перешедших в христианскую религию.

396. Таким образом, остаток, сформированный на основе некоторых соединений идей и актов, пришел из античного Рима в наше время, последовательно принимая различные сменявшие друг друга формы. Он оставался тем же и в древнегреческом антропоморфизме, в котором фонтан становился персонифицированным божеством, и в христианстве, в котором бог и богиня превращались в святых. Параллельно с этим метафизическая трансформация придавала данному остатку абстрактную форму «силы природы» или «проявления божественного могущества», однако такие абстракции были пригодны для литераторов и философов, но не для простого народа. Мощь остатка выражается в его сохранении, несмотря на множество превратностей истории. Отсюда ясно, что при определении социального равновесия следует рассматривать прежде всего именно его, а не разнообразные внешние формы приходящего характера, в которые он облачен в те или иные времена.

397. Этот остаток берет начало от постоянства некоторых действий, далее он содействует сохранению такого постоянства до столкновения с каким-нибудь препятствием, которое может привести к прекращению или к изменению этих действий. Далее следует череда действий и ответных реакций (см. § 390). Такие действия укрепляют данный остаток, а он поддерживает эти действия до тех пор, пока новые, вступающие в игру силы своим влиянием на действия, или на остаток, или одновременно на то и другое не нарушат сложившегося равновесия. Тогда наступают изменения.

398. *Па.* *Сохранение связей человека с другими людьми и с местом.* К данному роду остатков принадлежат чувства, относящиеся к семейной привязанности, собственности, патриотизму, любви к родному языку, своей религии, товарищам и т. д. Этот остаток порой скрыт за теми деривациями и логическими объяснениями, которые добавляет к ним человек.

Такие остатки свойственны также и некоторым животным, у которых имеется чувство «собственности», т. е. у которых устойчиво сохраняется чувство, соединяющее их с определенным местом и предметами <привычного обитания>. Оно имеется у тех животных, которые «привязываются» к людям и к другим животным, т. е. у которых присутствует чувство, соединяющее их с другими животными и с людьми. Этот род делится на три вида остатков, имеющих настолько близкие черты, что они могут легко смешиваться и дополнять друг друга.

399. *Па₁.* *Семейные отношения и отношения в общностях, основанных на родственной связи.* Вероятно, в связи с довольно длительным интервалом времени, в течение которого потомство нуждается в родителях, у человека в отличие от животных образуются столь существенные и порой достаточно сильные остатки такого единения.

400. Эти остатки соответствуют той форме семейного объединения, при которой они появились и которую затем укрепляли или модифицировали. Поскольку патриархальный тип семьи известен лучше других, мы хорошо знаем только те остатки, которые соответствуют ему, однако у дикарей и варваров теперь обнаружены иные типы семьи, редкие следы которых встречаются, впрочем, и в классической античной литературе.
401. Какими бы ни были причины этого, среди многих народов создавались определенные общности, которые считались связанными с территорией и обладающими постоянством во времени при смене умерших другими. Случается и так, что ядро этих общностей образуется из индивидов, связанных между собой узами кровного родства. Факт существования названных общностей находится во взаимосвязи с другим фактом — с существованием чувств, способствующих сохранению постоянства общностей и проявляющихся в самых разных формах, наиболее значимую из них именуют религией. Этот исторический феномен, истоки которого нам неведомы, но известны определенные стадии его прогрессивного развития, а нередко и упадка, объясняли тремя способами. Одни, размышляя о ядре, говорили, что эти общности берут свое начало в семье, что если в исторические времена уже не осталось простых семей, то это произошло из-за отклонений от этого типа общности вследствие каких-то нарушений. Другие, сосредоточивая внимание на чувствах, которые характерны для общности и скрепляют ее, искали происхождение общности в религиозной вере, а ядро семьи объясняли религиозным предписанием, в соответствии с которым определенные религиозные обряды должны были совершаться людьми, связанными узами кровного родства. Третьи полагали, что такие общности имели чисто искусственное происхождение и были созданы по воле законодателя.
402. Имеется и четвертая гипотеза, которая лучше объясняет известные факты, она заключается в рассмотрении этих общностей как естественных образований, у которых имеется некое ядро, каковым, как правило, оказывается семья с разного рода ответвлениями (свояки, родня), каковые, в свою очередь, обеспечивают сохранение общностей и их длительное существование.
403. Эти общие рассуждения имеют силу применительно к частным случаям римского *gens*, греческого γένος, индийских каст, феодальных сообществ и т. д.
404. Очень похожие остатки приводили к разным деривациям в античной Греции и в античном Риме в соответствии со специфически характером этих народов. Остатки, которые привели к возникновению семейных

религий, после небольших модификаций стали религиями городов (примеры: культ огня и культ Весты; Пенаты и Юноны; герой древнего эпоса и божества-основатели городов). Эти остатки четко соответствуют комплексу уз человека, т. е. комплексу ограничений в отношении свободной реализации его стремлений. Они вдохнули жизнь в социальную ячейку и придали ей силу.

405. $\Pi\alpha_2$. *Связи с местами.* Эти остатки часто смешиваются с предыдущими остатками и с остатками $\Pi\beta$. У античных греко-римских народов к связям с местами присоединялись семейные привязанности, отношения с общностью, к умершим людям, и это приводило к образованию некоего комплекса остатков. Среди современных народов речь идет о «родном крае», каковым является то место, где жила семья где прошло детство. Понятие «отечество» содержит в себе целый комплекс чувств — это чувства принадлежности к большому племени, чувства общности языка, религии, традиций, общей истории и т. д. Этот комплекс, так же как и комплексы религии, морали, права, добра, красоты и т. д., не имеет четкой формы и удерживается в качестве единого целого благодаря сохранению агрегатов.

406. $\Pi\alpha_3$. *Отношения социальных классов.* Жизнь в соответствующей общности накладывает отпечаток на сознание, формируя определенные взгляды и представления, специфические способы мышления и особую манеру поведения, некоторые предрассудки и мнения, которые в дальнейшем сохраняются и приобретают псевдообъективное существование, так же как и многие иные аналогичные образования. Соответствующие остатки часто принимают форму остатков семейных отношений; считается, что социальные классы и даже нации произошли от одного реального или мистического основателя, и каждый связан с собственными богами, враждебными богам других общностей. Последняя деривация сегодня почти вышла из обихода. Проявления таких остатков можно встретить в жизни каст, социальных классов, сект, рас, профессиональных объединений; в представлениях, содержащих неприязнь к иностранцам, варварам, низшим расам и т. д. Отличия обычно заключаются только в разной интенсивности чувств.

407. $\Pi\beta$. *Сохранение отношений живых людей с умершими.* Многие связи человека с другими людьми сохраняются, в абстрактном виде, после их исчезновения или кончины. Здесь мы имеем остатки многих феноменов. Отчасти они схожи с остатками из рода $\Pi\alpha$, этим объясняется, почему они нередко встречаются совместно с остатками, имеющими отношение к семье, касте, патриотизму, религии и т. д. В соединении с остатками, которые побуждают нас делиться частью имущества с кем-нибудь из тех,

к кому мы испытываем чувство любви или расположения $IV\delta_2$, они встречаются в сложных феноменах воздаяния почестей умершим.

408. В явном виде это проявляется в веровании, что покойники являются живущими. Затем это убеждение по аналогии распространяется на божества и на иные персонифицированные сущности.
409. В основе такого понимания потусторонней жизни лежит не что иное, как продолжение другого крайне стойкого представления — о физическом и психическом единстве индивида, о его тождественности себе на протяжении всей его жизни — с детских лет и до глубокой старости.
410. Пγ. *Сохранение отношений между умершим человеком и теми вещами, которые принадлежали ему при жизни.* Отношения человека с вещами, которыми он обладал, сохраняются в сознании живущих людей также и после его кончины. Отсюда происходят обычаи погребения и сжигания вместе с телом умершего принадлежавших ему вещей, или же обычаи их разрушения, убийства его жен, рабов, животных. Логическое объяснение, апеллирующее к представлению о новой жизни покойного, является всего лишь весьма изменчивой деривацией.
411. Пδ. *Сохранение абстракции.* Когда сформировался агломерат отношений путем, показанным в § 390, или каким-либо иным способом, рождается соответствующая абстракция, которая может сохраняться и при этом создать новую субъективную сущность.
412. Такие остатки оказываются фундаментом для теологии и метафизики, которые можно было бы определить как совокупность дериваций, построенных на основе этих остатков. Хотя они не имеют той ценности, какой обладают логические науки, они имеют большое значение как выражения остатков, соответствующих мощным социальным силам.
413. В этом случае различие между настоящим и прошлым имеется фактически только в плане персонификации абстракций, более типичной для прошлого; этот момент мы обсудим особо (см. § 416).
414. Пε. *Сохранение единообразий.* Это важный частный случай сохранения абстракций. Сначала наблюдают некоторый факт, затем выражают его в абстрактной форме, эта абстракция сохраняется и со временем становится общим правилом; так, единичному факту или частному единообразию приписывают обобщенный характер. Редко встречаются люди, которые выражают в частных формах частные факты, умеют хорошо

отличить данное выражение от другого, содержащего общее правило, способны отличить общее правило как исследовательское средство, подверженное опытному контролю, от другого общего правила, воздвигаемого над опытом (см. § 29). Предельными формами господствующих над опытом абстракций оказываются метафизические принципы, естественные принципы, необходимые связи вещей и т. д. (см. § 212).

- 415.** Пζ. *Чувства, превращаемые в объективную реальность.* Эти многочисленные остатки составляют основу субъективных доказательств, получаемых посредством чувств. Они очень эффективно воздействуют на мотивы, в соответствии с которыми создаются и принимаются теории. Например, они обнаруживаются в саморефлексии метафизика, в *опыте христианина* и т. п.
- 416.** Пη. *Персонификация.* Первая ступень персонификации состоит в наделении именем некоторой абстракции, единообразия, чувства, за счет чего они трансформируются в объективные индивидуальности. Затем постепенно осуществляется их персонификация, т. е. приближаясь к антропоморфизму и добавляя сексуальный остаток, им придаются образы мужчин и женщин. В конце концов они могут быть обожествлены. Пример тому можно встретить в культе Рима; если же обратиться к области остатков, а не антропоморфических дериваций, то таким примером окажется вера в социализм, прогресс, демократию, пацифизм.
- 417.** Пθ. *Потребность в новых абстракциях.* Когда некоторые абстракции исчезают или отвергаются по тем или иным мотивам, потребность в абстракциях все равно остается и возникает необходимость в замене старых, вышедших из обихода или утративших прежнюю значимость абстракций. В просвещенных классах на смену народным мифам пришли утонченные, мудреные, запутанные мифологии; сверхъестественные абстракции порождают абстракции метафизические и псевдонаучные; таких случаев великое множество, форма меняется, но потребность в присутствии абстракций сохраняется.
- 418.** Человек не только нуждается в абстракциях, но он также испытывает необходимость, чтобы они развивались, были живыми в его сознании, а не мертвыми. Именно это и происходит: чем большего процветания достигает религия, тем более сильными и живучими оказываются ереси. Существуют статическая и динамическая потребности в абстракциях.
- 419.** *Класс III. Потребность в проявлении чувств посредством внешних действий.* Сильные чувства обычно сопровождаются некоторыми поведенческими

актами, каковые могут не иметь непосредственной связи с этими чувствами, но просто удовлетворяют потребность в действиях. Эти феномены также наблюдаются и у животных: у кота при виде птицы приходят в движение челюсти; при виде хозяина собака начинает метаться и вилять хвостом, попугай стучать крыльями и т. д.

- 420.** Действия, в которых выражаются чувства, усиливают эти чувства и могут также вызывать их у индивида, который их до этого не имел. Хорошо известен психологический факт, что если эмоция находит выражение в виде определенной физической установки, то индивид, принявший такую установку, может ощущать соответствующую эмоцию. Следовательно, остатки данного класса связаны с эмоциями, с чувствами, со страстями через сложную цепь действий и реакций.
- 421.** III α . *Потребность в действиях, проявляющаяся в комбинациях.* Это, собственно говоря, разновидность сложных (составных) остатков, в которых встречаются также остатки класса I. В этих феноменах главным является только что описанный остаток, т. е. потребность действовать; вторыми по значимости будут комбинации. Случайны и, как правило, малозначимы правила таких комбинаций, т. е. деривации от остатков класса I.
- 422.** Потребность действовать, которая соответствует остатку рассматриваемого рода, побуждает к оккультным, магическим и религиозным ритуалам, а также процедурам, направленным на лечение больных.
- 423.** III β . *Религиозная экзальтация.* Спокойная и уравновешенная потребность действовать может усиливаться и доходить до экзальтации, энтузиазма, восторга. Религиозные пения и танцы, судорожные телодвижения и самобичевание, совершаемые в состоянии бурного восторга, входят в эту группу наряду с шаманством, «пробуждением Уэльса»*, ясновидением и т. д.
- 424.** Религиозный энтузиазм часто приводит к убеждению, что некоторые люди вступают в непосредственную связь с божеством, что нередко устраиваются даже экскурсии, вознесения и похищения в сверхъестественный мир.
- 425.** *Класс IV. Остатки, связанные с социальностью.* Этот класс составляют остатки, связанные с социальной жизнью; к нему можно также отнести

Этот класс составляют остатки, связанные с социальностью

* Имеется в виду небывалый подъем религиозности в Уэльсе в 1904 г. в результате проповеднической деятельности Ивена Робертса (см. § 504).

остатки, связанные с дисциплиной, если предполагается, что соответствующие им чувства усилились благодаря жизни в обществе.

426. IV α . *Отдельные общества.* У многих народов имеются чувства, побуждающие людей создавать частные общества самого разного характера. Благодаря наличию таких объединений затем развиваются сильные чувства, которые соответствуют разнообразным остаткам и прежде всего остаткам П α_3 (см. § 406).
427. IV β . *Потребность в единообразии.* Такая потребность существует также среди животных, ведущих стадный образ жизни. Она намного сильнее у народов, пребывающих в варварстве, чем у народов цивилизованных. В человеческих обществах исследуемое единообразие может быть как общим у народа в целом, так и отличным в различных группах индивидов, составляющих этот народ. Порой имеет место противостояние между различными общностями, стремящимися распространить свойственные им единообразия на другие общности. Порой противостояние отсутствует: каждый индивид удовлетворен единообразием, характерным для той общности, в которую он входит, и при этом уважает единообразия иных общностей.
428. IV β_1 . *Единообразие по отношению к самому себе.* К этому виду принадлежит имитация, которая присутствует в значительной мере в социальных феноменах: один индивид имитирует других индивидов; та или иная общность или нация — другие общности или нации. Не всегда сходство <в институтах разных наций и обществ> является результатом имитации, поскольку оно может случиться вследствие сходных причин. Иногда может произойти так, что имитация будет содействовать усилению сходства. Например, направленные против воровства законы возникли у разных народов благодаря близким причинам, но когда эти народы вступали во взаимоотношения, они могли имитировать некоторые формы этих законов.
429. Этот остаток проявляется почти в чистом виде при единообразиях «моды», табу и при некоторых иных единообразиях.
430. Порой имитация нацелена на получение какой-нибудь вещи, считающейся полезной. Если это делается путем применения тех средств, к которым прибегали другие люди и которые позволяли получить нужную вещь, то перед нами логическое действие. Нелогическое действие чаще всего мы имеем тогда, когда, напротив, подобной цели нет, хотя субъект действия многократно пытается придать своему поведению форму логически продуманных действий.

431. IVβ₂. *Единообразие, налагаемое на других.* Человек подыскивает для себя и для других единообразие. Его нарушение вызывает в нем ощущение неудобства, чувство враждебности, что проявляется в порицании и в осуждении, а нередко и в применении силы.
432. Потребность в единообразии не присутствует в одинаковой мере во всех областях жизнедеятельности. Не являясь теологами, римляне добивались установления единообразия только в отношении соблюдения внешней стороны культовых актов. Современные правительства закрывают и изымают из продажи те газеты, где есть изображения обнаженных женщин, но допускают продажу изданий, содержащих призывы к грабёжам, поджогам и убийствам буржуа.
433. Кроме того, проявления инстинкта единообразия нерегулярны и неосмысленны, как и почти все другие проявления подобного рода инстинктов. В Афинах процессы по делам о богохульстве были редкими, хотя безбожников там было немало. В Риме преследования в отношении христиан осуществлялись непоследовательно и несистематически. Католическая церковь упорядочила деятельность по пресечению отступничества от веры и внесла в нее немного логики. Впоследствии логика в подобной деятельности вновь исчезает, о чем свидетельствует отношение некоторых правительств к еретикам сексуальной религии, к антимилитаристам и т. д.
434. IVβ₃. *Боязнь новизны.* Это чувство противодействует тем инновациям, которые привели бы к нарушению единообразий. Оно очень сильное среди дикарей и варваров; оно значительно и среди цивилизованных народов, у которых оно преодолевается только за счет инстинкта комбинаций (остатки класса I).
435. У многих людей остатки боязни новизны в отношении некоторых единообразий присутствуют наряду с противоположными им остатками религии Прогресса и стремления к иному.
436. IVγ. *Жалость и жестокость.* Эти противоположные чувства должны изучаться совместно; как мы уже отмечали (см. § 372), классом противостоящих им чувств будет безразличие.
437. Чувство жалости непросто отличить от многих других чувств, которые принимают его форму. Например, сложную совокупность чувств жалости, которые проявляются сегодня по отношению к преступникам, можно разбить на ряд частей.

1. Сексуальный остаток встречается почти при всех судебных процессах по «преступлениям, совершенным под влиянием аффекта».
2. Остатки сектантских, патриотических и подобных им чувств, под влиянием которых мы становимся очень снисходительными к индивидам, относящимся к нашей общности, и безразличными или враждебными к тем, кто к ней не относится.
3. Остатки класса II. Следует учитывать и присутствие у жалостливых людей личного расчета на получение от этого выгоды для себя; это будет логическое действие.
4. Остальные остатки, связанные с жалостью, можно разделить на три разновидности: в первой превалирует чувство собственных страданий, переносимых на других $IV\gamma_1$; в двух других выступает чувство менее личностное, которое формирует отвращение к страданиям других, инстинктивное $IV\gamma_2$ или осознанное $IV\gamma_3$.

438. $IV\gamma_1$. *Жалость к себе, перенесенная на других.* Люди, которые ощущают себя несчастными, стремятся любить всех страдающих и готовы проявлять к ним снисхождение. Из склонности возлагать вину за свои беды на свое окружение и на *общество* зарождаются теории гуманизма, идеи о «праве на счастье», которые затем вызывают чувства толерантности к супружеским изменам, отчасти даже к *сутенерам*, подталкивают к бунту и к покушениям на представителей власти.

439. $IV\gamma_2$. *Инстинктивное отвращение к страданию.* Это чувство представляет собой отвращение при виде страдания, без малейших признаков озабоченности тем, может ли такая реакция стать полезной. Данная разновидность часто наблюдается у слабых, малодушных, неэнергичных людей, которые, напротив, становятся очень жестокими, если им удастся побороть в себе такие слабости; именно это и происходит с некоторыми пацифистами и представителями *элит*, находящихся в состоянии упадка.

440. $IV\gamma_3$. *Обоснованное отвращение к бесполезным страданиям.* Такое чувство свойственно сильным и энергичным людям, которые знают, к чему они стремятся, и способны остановиться на позиции, достижение которой считают полезным. Термины «полезно» и «бесполезно» субъективны: они отражают чувство людей, которые используют эти термины. В отдельных случаях это чувство может иметь объективную пользу; но в огромном множестве случаев его польза сомнительна, и социология пока недостаточно развита, чтобы быть способной устанавливать это.

441. $IV\delta$. *Принятие на себя зла ради блага других.* Из отношений внутри общности и семьи у людей и животных рождается более или менее сильное чувство взаимной индивидуальной поддержки, проявляющееся в готовности

пострадать ради благополучия других, во взаимопомощи и совместной защите.

- 442.** Эти чувства побуждают как к совершению некоторых поступков, так и к одобрению тех, кто их совершают. Таким образом, эти чувства опосредованным образом воздействуют на индивида, отчего им часто движет, среди прочего, и стремление получить одобрение или избежать осуждения со стороны других людей.
- 443.** IV δ_1 . *Готовность рисковать жизнью.* Люди рискуют жизнью и даже отдают ее из чувства социальной ответственности и, кроме того, ради получения одобрения со стороны других.
- 444.** IV δ_2 . *Готовность поделиться с другими своими благами.* В данном случае мы имеем дело с более слабой формой того же чувства, при которой отказывают себе только в некоторых благах. Примеры тому в избытке имеются в жизни как животных, так и людей.
- 445.** Данный остаток в комбинации с остатками класса II лежит в основе таких действий, как жертвоприношения, совершаемые по отношению к неодушевленным и одушевленным объектам, мертвым, богам. В более сложных феноменах к нему могут также прибавляться иные причины.
- 446.** При поверхностном взгляде может сложиться представление, что этот остаток встречается также у всех тех индивидов из господствующего класса, которые переходят на сторону подчиненного класса, однако это не так. Этих индивидов можно разделить по нескольким категориям.
1. Люди, которые становятся во главе подчиненного класса, чтобы извлечь для себя политические, финансовые и иные выгоды.
 2. Люди, которые следуют в направлении общего движения, чтобы соблюдались их интересы.
 3. Люди, которые искренне способствуют чему-то, поскольку они инстинктивно понимают, что благодаря этому получают для себя нечто большее.
 4. «Интеллигентные», неэнергичные, бестолковые, неосведомленные люди, которые принимают всерьез декламации представителей вышеназванных категорий; но их доля незначительна.
 5. Редкие энергичные, толковые, образованные люди, которые защищают социальные доктрины и концепцию солидарности, руководствуясь стремлением поделиться с другими частью своих благ и привилегий. Стремление добиться признания со стороны других никоим образом не умаляет значимости чувств, которые проявляются в остатках данного рода (см. § 442, 452 и далее).

- 447.** IV ϵ . *Чувства иерархии.* Чувства иерархии присутствуют как у низших, так и у высших, они наблюдаются уже у животных и довольно широко распространены в человеческих обществах; даже похоже на то, что общества, достигшие достаточной сложности, не смогли бы продолжать существовать без таких чувств. Иерархия трансформируется, но всегда сохраняется даже в тех обществах, которые внешне провозглашают равенство индивидов. В них складывается нечто похожее на современные феодальные отношения, при которых вассальная зависимость нисходит от высших политиканов к самым низшим, как это видно, например, во Франции и Италии. В общую с чувствами иерархии группу можно поставить чувство почтительности индивида в отношении той общности, к которой он принадлежит, а также его желание добиться в ней признания и уважения.
- 448.** Все виды социального устройства, основанные на иерархии, такие, как клиентела в Риме, средневековые цеховые гильдии, феодальный строй, монархии и т. д., сохраняются и поддерживаются отчасти благодаря чувствам взаимной привязанности. Только когда такое устройство приближается к тому, чтобы исчезнуть и освободить место для нового, оно перестает поддерживаться спонтанно и продолжает существовать в принудительном порядке, исключительно или преимущественно благодаря силе. Нет сомнений, однако, в том, что сила присутствует всегда.
- 449.** IV ϵ_1 . *Чувства высших.* Это чувства покровительства и благосклонности; часто к ним добавляются чувства господства, превосходства и надменность. Последние из названных чувств могут уживаться с чувством мнимого смирения, что просматривается в религиозных корпорациях и среди аскетов.
- 450.** IV ϵ_2 . *Чувства низших.* Это чувства зависимости, привязанности, уважения, почтения и страха. Они составляют необходимое условие для формирования стай животных и для образования человеческих сообществ, их наличие необходимо для приручения животных. Даже среди анархистов есть руководители, хотя они себя так не называют; немало анархистов признают также авторитет целителей и врачей, которые часто оказываются шарлатанами. Проявления чувства авторитета очень многочисленны и разнообразны. Авторитет признают в том, кто обладает некоторыми реальными или мнимыми чертами превосходства. Это может быть старец, эксперт, ученый, силач, дворянин, монарх, священник, женщина, даже незамужняя женщина, политикан, шарлатан и т. д.
- 451.** В силу сохранения абстракций (см. § 411) чувство авторитета может в большей или меньшей мере отделяться от конкретного человека

и переноситься на реальный или мнимый признак авторитета. На этом основана выгода от сохранения престижа, видимости превосходства для носителя авторитета. Расхождение может стать полным, и чувство авторитета может оказаться обращенным на неодушевленные объекты, как, например, испытываемое многими чувство благоговения к тому, о чем написано или сообщается в печати (см. § 545). Этот остаток проявляется и в таких феноменах, как фетишизм, поклонение реликвиям и т. д.

452. IV_{ε3}. *Потребность заручиться одобрением коллектива.* Это один из тех случаев, когда наиболее заметно отличие между чувством и остатком, т. е. его манифестацией. Чувства социальности, проявляющиеся в остатках разных видов, анализ которых мы сейчас проводим, почти всегда сопровождаются чувством необходимости снискать одобрение других, и оттого столь сильным оказывается его воздействие на человеческие объединения. Но это чувство не всегда проявляется через соответствующий остаток, поскольку оно действует незаметно, скрытым образом, часто без внешнего выражения. Такое отмечается, например, среди искренних аскетов.
453. Напротив, этот остаток порой прикрыт другими остатками. Когда кто-то совершает что-то или воздерживается от совершения чего-то, утверждая: «Это хорошо, или плохо», не ясно, какой смысл имеет его высказывание. То есть, или оно означает: «Это одобряется или порицается коллективом», или же — «Это соответствует или противоречит моему чувству». Могут действовать одновременно оба варианта, и тогда одобрение или осуждение коллектива усиливает чувство, которое уже присутствует у индивида (см. § 74).
454. Важную роль такого чувства следует отметить и в тех случаях, когда индивидом не движет или не полностью движет чувство, соответствующее рассматриваемому остатку, но он полностью или отчасти руководствуется стремлением заслужить похвалу или избежать осуждения коллектива. Если даже оно не воздействует на индивидов непосредственно, то оно все же влияет на них опосредованным образом через одобрение или осуждение со стороны других индивидов, имеющих достаточные возможности добиться того, чтобы это чувство оказывалось сильным в коллективе. Даже совершенно лицемерный аскет демонстрирует значимость аскетизма в коллективе, мнение которого для него существенно, поскольку лицемерие оказывается полезным и возникает только потому, что аскетизм вызывает одобрение и восхищение со стороны этого коллектива. Если бы коллектив был безразличен к аскетизму, то ему не было бы смысла лицемерить.

455. IV ζ . *Аскетизм*. Ядро таких феноменов составляет отдельный род наблюдаемых только у людей чувств, побуждающих их страдать, воздерживаться от удовольствий без какой бы то ни было полезной цели, поступать наперекор инстинкту поиска приятного и уклонения от неприятностей.
456. Встречаются случаи, когда индивид выполняет епитимью в надежде, что она будет принята Богом и обеспечит отпущение его грехов. Остатком здесь могло бы быть религиозное чувство, а его логическим следствием — епитимья. Однако во многих других случаях неизменная часть — это отказ от жизненных благ, а изменчивая часть — обоснование епитимьи. Это отмечается у аскетов древнего Египта, киников, буддистов, эссенов, марабутов и мусульманских дервишей, встречается также среди «добродетельных доминиканцев» — наших современников.
457. В конкретных феноменах такого рода, так же как и во всех социальных феноменах, присутствуют комплексы остатков. Кроме чистого остатка аскетизма у аскета имеется ряд других. Это могут быть: остаток высокомерия и чувства собственного превосходства (класс V), которое испытывают именно те, кем восхищаются (см. § 453); религиозный остаток; остаток единообразия, побуждающий его навязывать свой аскетизм другим; остаток реальной или мнимой полезности; или остаток индивидуальной целостности (класс V), побуждающий очищаться от грехов; остаток IV ϵ_3 , который проявляется у лицемерных аскетов; остаток инстинкта комбинаций (класс I).
458. Акты аскетизма имеют в своей основе остатки, связанные с социальной жизнью, они продолжают совершаться даже тогда, когда перестают быть полезными. Эти акты становятся более интенсивными, чем тогда, когда они были полезными. Остаток аскетизма следует поэтому поместить среди остатков, связанных с социальностью, часто он представляет собой гипертрофию чувств именно этого класса.
459. Последнее обстоятельство позволяет понять, почему аскеты часто оказываются очень эгоистичными. Аскетизм, когда он непомерно развивается, поглощает все инстинкты социальности индивида, и в нем ничего не остается, чтобы проявлять расположение к другим людям и порой даже к собственной семье.
460. Поскольку ядро аскетизма — это гипертрофия некоторых инстинктов социальности, вокруг него возникают и иные манифестации, уже чуждые социальности. Воздержание от вещей, полезных для других (от одежды, пищи и т. д.), влечет за собой подражание бесполезным и даже комичным действиям, вроде подражания столпникам, или приводит к явлениям,

откровенно вредным для общества, например антигигиеничность многих аскетов.

461. *Класс V. Целостность индивида и его зависимостей.* В его состав входят чувства, которые касаются целостности индивида и его зависимостей, следовательно, он в некотором смысле дополняет предыдущий класс. Защита своего имущества и забота о его приумножении — две операции, которые часто соединяются; они плохо отличимы, в них переплетаются защита целостности и развитие личности. Совокупность чувств, именуемых «интересами», включает чувства совершенно аналогичного характера, которым соответствуют остатки данного класса. Они были бы предметом обсуждения в данном разделе, если бы большое их значение для социального равновесия не навело нас на то, чтобы рассмотреть их отдельно от остатков.

462. *Vα. Чувства, противостоящие нарушениям социального равновесия.* Индивид страдает, когда нарушено, или предполагается, что нарушено реальное или идеальное (воображаемое) равновесие, даже если на самом деле он не претерпевает никакого урона в связи с этим нарушением, а иногда даже выигрывает.

463. Когда имеется состояние социального равновесия, то при его нарушении рождаются силы, направленные на его восстановление (см. § 821 и далее). Прежде всего такими силами являются чувства, связанные с остатками рассматриваемого рода. В пассивном отношении они дают нам возможность ощутить отклонение от равновесия, а в активном отношении побуждают нас устранять вызывающие такое отклонение причины и, следовательно, преобразуются в чувства из рода *Vδ* (см. § 491). Чувства, возникающие при нарушении социального равновесия, индивиды данного общества почти всегда испытывают в специфической форме неприятного, болезненного нарушения их целостности, пребывавшей в состоянии равновесия. Обычно такие чувства вместе с другими остатками входят в состав тех категорий, которые довольно неопределенно выражаются словами «справедливо» и «несправедливо». Говоря: «Это несправедливо», человек выражает, что задеты его чувства, которые он обычно испытывает, находясь в состоянии социального равновесия.

Чувства ненависти, особенно если их испытывают представители одной общности в отношении другой, одной нации в отношении другой и т. д., входят в состав чувств данного рода. Часто объект ненависти имеет второстепенное значение, главной оказывается потребность ненавидеть, т. е. активно и энергично противодействовать некоторому нарушению состояния равновесия. Иной раз, хотя и редко, чувства расположения также могут оказаться смешанными с чувствами ненависти.

464. Составляющие социального равновесия трудно различимы, особенно когда успехи в развитии социальных наук невелики; это значит, что чувство, реагирующее на нарушения этого равновесия, одинаково в случаях нарушения как несущественных, так и очень существенных его сторон. Женщина, одетая как мужчина, и сегодня <1910-е годы> шокирует публику среди так называемых цивилизованных народов в такой же мере, как и намного более серьезные нарушения общественного порядка.
465. Если бы такого чувства не существовало, то всякое начавшееся в отношении социального равновесия нарушение, даже очень слабое, не встретило бы никакого или почти никакого противодействия до тех пор, пока оно, нарастая, не затронуло бы непосредственные интересы большого количества людей и не привело к мощному сопротивлению. В определенных пропорциях это происходит в любом обществе, но такие пропорции минимизируются именно потому, что включается амортизирующее действие чувства, направленного против нарушения равновесия, каким бы ни было число индивидов, которые от этих нарушений страдают, и поэтому социальное равновесие становится более стабильным.
466. При добавлении к этому остатку остатков класса II (сохранение агрегатов) получают смешанные остатки большого социального значения, соответствующие сильным и жизненно важным чувствам, подразумеваемым, например, в крайне расплывчатом термине «идеал справедливости». По существу им неосознанно выражается чувство полезности, которое предполагает, что противодействие нарушениям социального порядка не должно быть пропорциональным количеству пострадавших индивидов, но должно быть интенсивным независимо от их количества.
467. *Vβ. Чувство равенства у низших.* Такое чувство часто является защитой целостности индивида, принадлежащего к низшему классу, а также мотивом для подъема в высший класс. Это происходит помимо осознания различия между действительной и мнимой целью со стороны испытывающего данное чувство индивида. Он говорит об интересе своего социального класса вместо собственного личного интереса только потому, что это самый распространенный способ его выражения.
468. Из специфических особенностей этого чувства берут начало ярко выраженные тенденции, которые кажутся противоречивыми. С одной стороны, проявляется тенденция увлечь максимально возможное количество лиц теми выгодами и преимуществами, которых индивид добивается для себя; с другой — действует тенденция по возможности сокращать их количество. Противоречие исчезнет, если мы учтем еще одну тенденцию,

которая состоит, во-первых, в привлечении всех тех, чья деятельность могла бы стать эффективной для достижения этих целей, чье участие обеспечивало бы отдачу, превышающую издержки; во-вторых, в исключении тех, чье участие могло быть неэффективным или малоэффективным, чья отдача не покрывала бы издержки.

469. Другое мнимое противоречие заключается в том, что низшие хотят добиться равенства с высшими, однако, после того как они добились этого, не допускают, чтобы последние оставались равными им: требования равенства всегда являются требованиями особых привилегий. Противоречие исчезает именно в тот момент, когда учитывается, что это требование равенства представляет собой лишь завуалированный способ получения привилегий. Примеры мы встретим в изобилии во все века и во всех населенных частях Земли.
470. Чувство, которое очень некстати названо «чувством равенства», оказывается чрезвычайно мобилизующим, бодрящим и сильным именно потому, что не соответствует своему названию. Оно связано не с абстракцией, как считают некоторые наивные «интеллектуалы», а с непосредственными интересами тех, кто стремится избавиться от неблагоприятных для них видов неравенства и установить другие его виды, которые были бы предпочтительны для них.
471. *Уγ. Восстановление целостности при помощи действий, направленных на тех субъектов, которые подверглись изменению.* Если целостность <индивида> оказалась нарушена каким-либо образом, то люди стремятся, если это возможно, ее восстановить или добиться возмещения урона от испытанного нарушения. К роду <остатков>, который мы сейчас рассматриваем, принадлежат очищения, часто проводившиеся в древних обществах и еще сегодня совершаемые дикарями и варварами, но уже почти или вовсе не встречаемые у цивилизованных народов.
472. Невозможно сделать так, чтобы совсем не стало того, что уже произошло, но можно одной силой противопоставить другую, равную по величине и противоположную по направлению, чтобы уравновесить и аннулировать ее действие. Можно скомпенсировать одно действие другим действием, которое снимет вызванные первым действием ощущения. Можно вытереть и обсушить человека, если он промок, согреть его, если он замерз, очистить от грязи, если испачкался. По причине сохранения абстракций эти материальные операции распространяют на интеллектуальные и нравственные качества человека и приводят к появлению множества самых различных действий.

473. Целостность может быть нарушена как основательно, так и незначительно, а ее воссоздание может представлять собой восстановление индивида или просто действие, компенсирующее нанесенный человеку ущерб. Колдун, <насылая порчу>, нарушает целостность жертвы, однако это нарушение не становится несмываемым пятном, как это происходит при убийстве. В общем случае, особенно при довольно существенных нарушениях, восстановление нацелено на возвращение индивида в его начальное состояние.

474. Представленное таким образом пятно может быть рассмотрено как материальное следствие определенных действий, которое поэтому может быть материально снято другими действиями. Или, с добавлением других остатков и посредством дериваций, пятно может зависеть от определенных условий, среди которых довольно часто оказывается намерение самого индивида удалить его (или других идентичных, аналогичных условий).

475. Целесообразно провести некоторые разграничения и рассмотреть эти феномены.

- a.* В аспекте особенностей индивидов или вещей, реальных или воображаемых, которые в них участвуют; это будет объективный аспект.
- b.* В аспекте чувств тех личностей, которые включаются в деятельность по восстановлению целостности; это субъективный аспект.

476. a. *Объективный аспект.* Необходимы дальнейшие разграничения.

1. *Субъекты, которые страдают от нарушения.* Здесь также имеются различные аспекты.

Природа субъектов. Субъектами могут быть реальные существа и вещи: люди и животные, деревья и растения, неживые предметы, здания, города, территории, общности. Субъектами могут также оказаться воображаемые вещи.

Расширение в пространстве. Нечистота распространяется от загрязненного индивида к тому, кто имел с ним контакты. Она передается от родителей к детям, переходит от индивида на его общность, переносится на животных и на неживые предметы. Когда семья рассматривается как социальное целое, всякое нарушение целостности одного отдельного ее члена отражается на всей семье в пространственном и во временном аспекте. В наказаниях, которым подвергается вся семья за преступление, совершенное одним из ее членов, присутствует логическое действие, поскольку при этом стремятся воздействовать на чувство, которое, как полагают, этот индивид стал испытывать благодаря своим ближайшим родственникам, в этом наказании обнаруживается

остаток, побуждающий рассматривать семью как единое целое, как социальную единицу. Эти коллективные наказания исчезают именно тогда, когда такой единицей становится отдельный индивид, как теперь в Европе, однако они сохраняются в Китае, где семья выступает как единое целое. Если у мужчины нет ни сыновей, ни дочерей, то целостность семьи нарушена (дочери не принимаются в расчет, если семья содержится мужчинами). Необходимо восстановить такую целостность. Следовательно, имеются различные предписания, разрешающие мужу жены, страдающей бесплодием, взять другую женщину, бросив первую жену или даже оставив ее у себя. Если муж умер, а сына не было, то на этот случай имеются предписания эпиклера^{*} у древних греков, левирата^{**} у израильтян и т. п.

Распространение на животных, на неодушевленные предметы, на абстрактных или воображаемых существ. Сохранение агрегатов приводит к тому, что на такие объекты переносится практика, которая имеет место в отношении человека. Нет недостатка и в обратном переносе. Все эти объекты и абстрактные образования могут рассматриваться как индивидуумы, как отдельно действующие единицы и претерпевать нарушения целостности.

Распространение во времени. Когда нарушение в материальном смысле устраняется при совершении восстанавливающего действия, то имплицитно подразумевается, что субъект остается одним и тем же, поскольку оба эти действия следуют одно за другим (см. § 409). Если человек покался в совершенном проступке, то это подразумевает его единство как согрешившего и раскаивавшегося индивида. В иных случаях нарушение и восстановление распространяются на предков или на потомков. Здесь находится источник представлений о первородном грехе. Другое распространение во времени переходит границы земной жизни, и тогда появляются феномены метемпсихоза, нирваны, вознагражденных или наказанных душ, искупления и т. д.

2. *Нарушение.* Оно может быть реальным или воображаемым, материальным или мысленно представляемым, в отношении него сохраняют свое значение предыдущие суждения о различных видах его распространения.

Способ передачи нарушения. Это может быть контакт, или результат некоторых взаимоотношений между субъектами, например общее происхождение, или действие с реальным, или воображаемым последствием

* Обычай, по которому, если в семье не было сыновей, то после смерти отца наследница-дочь должна была выйти замуж за старейшего родственника по отцовской линии.

** Обычай, по которому вдова обязана или имеет право выйти замуж за брата своего мужа.

и т. д. Представление о реальных способах передачи переносится на воображаемые способы посредством сохранения агрегатов.

3. *Средства, которыми совершается нарушение, и средства, которыми осуществляется восстановление.* Эти средства также могут быть как реальными, так и воображаемыми. Включаются в действие остатки комбинаций, создавая большое разнообразие практик, эффективных для совершения нарушения целостности, а нередко и для ее восстановления. К этим средствам надо отнести магические действия и многие религиозные практики. Следует обратить внимание на то, что выбор средств может быть важным в отношении социальной полезности. В случаях эпидемии люди античности очищались обильными омовениями, а люди средневековья — крестным ходом и покаяниями, оставаясь при этом грязными. Это были различные формы проявления одного и того же чувства, однако первая форма могла быть людям полезна, вторая же была бесполезной, а чаще всего вредной.

477. Для восстановления целостности <субъекта> могут использоваться исключительно материальные средства, как если бы пятно оказывалось естественным, или же только этические и интеллектуальные, или, как это обычно и происходит, и те и другие одновременно. Часто внешне это выглядит в виде эволюции, в ходе которой к средствам материальным прибавились моральные и духовные принципы, при этом последние в конце концов начинают доминировать, а первые становятся просто символами. Но было бы ошибкой полагать, что такими символами они были всегда. Вода удаляет пятна материальной грязи; люди предположили, что она способна также удалять моральные пятна. К этому добавляется кое-что еще, как материального, так и вербального плана, в соответствии с многочисленными комбинациями, порождаемыми остатками класса I. Кровь, сера и другие вещества также использовались в обрядах очищения. Примечательно расширительное понимание идеи очищения, благодаря которому считают, что всемирный потоп стал очищением Земли.

478. Переход от реального нарушения к воображаемому часто совершается незаметно, и нередко его не удается зафиксировать даже сегодня с привлечением современной науки. Можно поискать источник принятия на веру воображаемых случаев путем наблюдения реальных случаев, так как порой такая связь действительно может существовать. Но в целом с наличием такого отношения нельзя согласиться, поскольку известные факты показывают, что человеческое познание следовало по пути от воображаемых знаний к логико-экспериментальным знаниям, но не наоборот. Предписания людей античности содержат сведения как о действительно

эффективных средствах, так и о средствах, эффективность которых оказывается мнимой. Безусловно, люди не начинали познание с установления реальных средств, чтобы затем распространять свои представления об их эффективности на мнимые средства, но узнавали о тех и других одновременно, а порой начинали со вторых, а затем переходили к первым.

479. Реальные случаи способствовали рождению того широко распространенного безотчетного убеждения, которое позволяло принять воображаемые случаи наряду с реальными. Затем оно укреплялось как с наблюдением реальных случаев, так и с принятием предполагаемых эффектов от влияния воображаемых случаев, а также благодаря некоторым инстинктам отвращения к определенным вещам, источники которых неизвестны и которые отмечаются как у людей, так и у животных. Затем ко всему этому широко присоединялись деривации, что увеличивало сложность конкретных феноменов.

480. *b. Субъективный аспект.* В аспекте чувств тех индивидов, которые стремятся к целостности, различаются: чувство индивидуальной целостности и собственных зависимостей, наряду с уже отмеченными способами распространения (см. § 466); чувство, что эту целостность можно восстановить, если она нарушена; чувства, которые побуждают обращаться к определенным средствам для достижения данной цели.

481. Многообразие этих чувств возрастает с переходом от первой группы к третьей.

Группа первая. Чувство нарушения целостности вначале ощущается смутно и неясно. Затем постепенно выделяются различные виды целостности: материальная, нравственная, политическая целостность, целостность человека, животного, неодушевленных вещей и т. д.; они образуют основу для возникновения различных теорий. В отношении причин нарушения целостности вначале имеет место такая же нечеткость; затем начинают различать, заключалась ли причина нарушения целостности в действиях индивида, у которого эта целостность нарушилась, или же это нарушение было вызвано действиями кого-то другого. Еще позже, с добавлением некоторой доли метафизики, люди отделяют умышленное нарушение от неумышленного нарушения. Другое важное разграничение касается разделения на перманентные и кратковременные нарушения.

482. Во второй группе чувств первоначально также есть неясность и неопределенность, и в отношении восстановления целостности — те же разграничения. Один предел — это когда восстановление целостности осуществляется при помощи внешних механических действий, совершаемых в том числе и без уведомления того индивида, чья целостность должна

быть восстановлена; другой предел — восстановление целостности, совершаемое исключительно благодаря внутренним добровольным действиям индивида. Между этими границами располагаются промежуточные случаи, наиболее частые среди цивилизованных народов.

- 483.** Третья группа. Побуждающее к выбору средств чувство соответствует остаткам комбинаций (класс I), которые дают множество разных средств, еще более увеличивающееся за счет дериваций. Иной раз присутствует чувство, подсказывающее, что должно быть средство, хотя нет возможности определить, в чем оно состоит, и доверяются при этом чему-нибудь неопределенному; или принимаются использовать сразу несколько средств в надежде на то, что среди них окажется то, которое как раз и подойдет.
- 484.** Для социального равновесия большое значение имеет чувство нарушения целостности и чувство, что эта целостность может быть восстановлена. Здесь малозначимо, каким именно образом осуществляется восстановление.
- 485.** К остаткам сохранения целостности наиболее близки, настолько, что они порой соединяются, остатки, при которых людям, животным, предметам для обеспечения некоторой воображаемой целостности приписывают наличие таких качеств, которыми они не обладают. В этом случае нет реального восстановления после нарушения. Здесь создается иллюзия и приписывается совершенство тому, что было несовершенным.
- 486.** V_{γ_1} . *Реальные субъекты.* Чувство целостности у людей является одним из самых сильных; оно происходит из инстинкта сохранения жизни, но распространяется далеко за его пределы. Нарушение целостности часто ощущается инстинктивно и дает начало огромному количеству конкретных феноменов.
- 487.** То, что называют «угрызениями совести», есть выражение представления о нарушении целостности. Тот, кто привык соблюдать определенные нормы, нарушив их, испытывает из-за одного только этого факта неприятное ощущение, словно что-то убыло, утратилось в его существовании. Чтобы избавиться от этого неприятного состояния, он стремится восстановить свою прежнюю целостность. Практики, направленные на то, чтобы избежать последствий от нарушения табу, демонстрируют данный феномен в его достаточно простой форме.
- 488.** V_{γ_2} . *Воображаемые или абстрактные субъекты.* Этот род образуют соединения остатков из рассмотренной выше группы с остатками

сохранения агрегатов. В некоторых случаях первая группа остатков полностью доминирует, в других она представляет собой только довольно значительную часть. Сохранение абстракции $\Pi\delta$ приводит к тому, что она персонализируется, но ее целостность может быть нарушена, и тогда любой глубоко прочувствовавший абстракцию индивид ощущает удар, наносимый по ее целостности. Он воспринимает эту целостность как относящуюся не только к нему одному, но и к общности. Поэтому к отмеченному выше роду остатков добавляются остатки $IV\beta$.

- 489.** В конкретном феномене обычно содержатся следующие элементы. Во-первых, в нем имеются остатки сохранения агрегатов, позволяющие рассматривать абстрактного или воображаемого субъекта в качестве реального. Во-вторых, требуется наличие какого-нибудь реального или воображаемого факта, на основе которого верят или предполагают, что была нарушена целостность данного субъекта. В-третьих, подключаются остатки восстановления целостности, чтобы побудить к действиям, компенсирующим предполагаемое нарушение. В-четвертых, добавляются остатки, противостоящие нарушению социального равновесия. Деривации преобразуют воображаемые субъекты и воображаемые действия в реальные, и взамен чувств, выраженных остатками, выдвигаются логические и псевдоэкспериментальные дедукции.
- 490.** Этим объясняются наказания, которым у многих народов подвергают за оскорбление господствующей религии, нравов, обычаев, всякого рода абстракций; вера в очищение душ после смерти и т. д.
- 491.** $V\delta$. *Восстановление целостности с помощью действий, направленных на тех, кто ее нарушил.* Есть чувство, которое побуждает животное и человека наносить ответный удар тому, кто на них напал, давать сдачи. Они испытывают чувство, что их целостность нарушена и не восстановится, если не совершить определенные ответные действия по отношению к агрессору. Чувства данного типа приводят к мести, к дуэли, и т. д.
- 492.** $V\delta_1$. *Реальный нарушитель.* Это наиболее важный род, даже почти единственный среди тех, которые следовало бы рассмотреть. Нарушение порой наносит ущерб всей общности, даже если оно коснулось только одного из ее членов, на основе этого у ее членов рождается потребность в восстановлении целостности общности, которая толкает их на ответные действия, направленные против нарушителя. Отсюда берут начало долг отмщения и право на искупление кровью, встречающиеся у варварских и полуварварских народов. Также и цивилизованные правительства нашего времени используют случаи оскорбления своих граждан за пределами страны как предлог, чтобы прибегнуть к актам возмездия; здесь

имеет место логическое действие. И многие склонны поощрять такое стремление, поддерживать его энергичными аргументами, исходя из того же чувства, которое в былые времена требовало исполнять долг мести.

- 493.** У того, кто был отвергнут общностью, уже от одного этого нарушается целостность, и такое нарушение может ощущаться настолько сильно, что становится равносильным самому суровому наказанию. Также и в случаях, когда дело не доходит до исключения, одно только объявление о том, что у индивида больше нет целостности, может стать эквивалентным наказанию, наложенному с применением силы.
- 494.** Это позволяет объяснить, почему при некоторых примитивных формах юрисдикции выносились приговоры без какой-либо санкции и встречались такие приговоры, для исполнения которых не требовалось участия публичной власти. Косвенным образом санкция может воздействовать и при таких судебных приговорах, которые не содержат ее в прямой форме, поскольку этот приговор нарушает целостность осуждаемого человека, который вследствие этого уже не может оставаться в равном положении с другими людьми, до этого равными ему. Однако необходимо отметить, что такой результат побочный; главным оказывается объявление авторитетными людьми о нарушении целостности.
- 495.** Из этого чувства, которое одному нарушению целостности требует противопоставить другое аналогичное нарушение, исходит огромное количество установлений и распоряжений, фиксирующих, каким по виду и по силе должно быть ответное компенсирующее нарушение. В количественном аспекте мы, проделав долгий путь от простейших правил установления адекватной меры наказания за причиненное зло, приходим к мудреной, если не комичной, «дозиметрии» (как ее назвал Энрико Ферри) уголовного кодекса Дзанарделли. Здесь не место все это обсуждать. Это сложный феномен, в нем имеется нижний слой различных остатков, прикрываемый более и менее сложными деривациями.
- 496.** *Vδ₂. Воображаемый или абстрактный нарушитель.* Этот остаток отчетливо проявляется у людей, когда они рассердились на своего фетиша, обиделись на какого-нибудь святого, духа или бога. Если бы в этом был смысл, можно было бы привести огромное количество примеров. Мы кратко обобщим их следующим образом. Сначала люди ведут себя по отношению к воображаемому существу так, словно это реальное существо. Они его хвалят и осуждают, прославляют и хулят. Они договариваются с ним и обещают его одаривать, если оно им станет помогать. Они грозятся относиться к нему плохо, если оно не предотвратит неприятности. Они почитают его образ, если им довольны, пренебрегают

им и презирают его, если недовольны. Затем эти простые мысленные ассоциации и последующие нелогические действия объясняют и обосновывают, используя деривации. Воображаемое существо может рассматриваться в качестве всегда доброго; тогда договор с ним принимает форму простого обещания приносить дары в знак признательности. Например, таковы договор, который римляне заключали с Юпитером, чтобы он им дал победу, и обещание современных католиков принести дар собору св. Антония в Падуе, если будет вновь найдена какая-нибудь утерянная вещь. Воображаемое существо может быть расценено как временами доброе, временами злое; в таком случае стараются отнестись к нему так, чтобы оно было добрым. Оно может расцениваться преимущественно или исключительно как злое, и тогда стараются успокоить его хорошим обхождением и наказать плохим отношением. Наконец, оно может восприниматься главным образом как злое существо, каким стал у христиан дьявол, и тогда плохое отношение является единственным, чего он заслуживает. Таким образом, от простых мысленных ассоциаций постепенно переходят к замысловатой и утонченной теологии; но по существу прикрытые деривациями остатки одни и те же.

497. Павсаний (III. XV. 8) упоминает о статуе Афродиты с оковами на ногах и сообщает о двух традициях⁴⁵. Согласно первой, царь Спарты Тиндарей распорядился выполнить статую именно так, чтобы аллегорически показать, что жены должны быть верными своим мужьям; согласно второй, — чтобы <этими оковами> отомстить Афродите за то, что она склонила его дочерей, Елену и Клитеместру, к плохим поступкам. Павсаний утверждает, что было бы глупо полагать, что таким способом можно отомстить богине. Не особенно доверяя преданию, Арриан⁴⁶ передает молву о том, что Александр Македонский настолько сильно переживал смерть Гефестиона, что распорядился сравнять с землей храм Асклепия*, мстя богу за то, что тот не спас его друга. Светоний⁴⁷ рассказывает, что после смерти Германика массы народа забрасывали камнями храмы и опрокидывали алтари богов. Эти чувства кажутся странными, однако их аналоги встречаются и в наши дни, и не только среди простого народа, который обижается, если чудо св. Януария запаздывает и его засохшая кровь долго не вскипает, но и среди людей образованных.

⁴⁵ Павсаний. Описание Эллады. Т. 1—2. М.: АСТ; Ладомир, 2002. С. 226—227.

⁴⁶ Arriano. Anabasi di Alessandro. VII. 14. [Арриан. Поход Александра. М.: МИФ, 1993. С. 233.]

* Эскулапа в латинской литературе.

⁴⁷ Svetonio. Caligola. 5. [Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Издательство «Правда», 1991. С. 142.]

498. *Класс VI. Сексуальный остаток.* Простое сексуальное влечение, хотя и сильное в человеческом роде, рассматривается здесь не потому, что оно приводит к соединению полов, но потому, что порождает рассуждения и теории. Только это и дает основание обратиться к сексуальным связям. Этот остаток встречается в очень многих феноменах, часто скрытым образом, особенно среди современных народов.
499. В греко-латинской античности половой акт рассматривался как удовлетворение потребности, наравне с потребностями пить, есть, украшать себя и т. д. На все эти потребности в античности смотрели одинаково, осуждая в целом неумеренность, часто также изысканность в их удовлетворении. Впоследствии, к концу Римской империи, под действием еще недостаточно проясненных причин, сексуальные акты стали значительно сильнее занимать умы людей, отношение к ним приняло религиозные формы и часто выражалось в проявлении религиозного ужаса. Поразительно то, что сегодня <1910-е годы> среди цивилизованных народов такое табу <на секс> стало последней религией, встречающей поддержку со стороны светской власти.
500. В наших расах три табу воздержания проходят через века и располагаются по нарастанию интенсивности так: умеренность в мясной пище, умеренность в вине, умеренность во всем, что связано с сексуальными отношениями. Умеренность в потреблении мяса можно проследить по источникам от Пифагора. Плутарх оставил нам две речи, чтобы отвратить людей от приема мясной пищи, у Порфирия имеется целый трактат в поддержку такого воздержания*. Христиане его рекомендовали и предписывали в различных формах. Наконец мы имеем современных вегетарианцев. В античности встречается много рассуждений об умеренности в питии вина, но было мало или даже вовсе не было призывов к полному воздержанию. Ранние христиане рекомендовали умеренное потребление вина и мяса, а также полное воздержание от них, иногда для выполнения епитимьи, но более всего для того, чтобы подавить побуждения к плотскому греху; на этот счет есть множество предписаний Святых Отцов. Впрочем, Католическая Церковь, которая всегда придерживалась золотой середины, хотя и предписывала воздержание от мясной пищи в определенные дни, разрешала пить вино, проявляя себя намного более либеральной, чем некоторые наши современные псевдоученые и антиалкогольные

* Парето имеет в виду сочинение Порфирия «О воздержании от употребления в пищу одушевленных существ». См.: Aeliani de natura animalium varia historia, epistolae et fragmenta. Porphyrii philosophi de abstinentia et de antro nympharum. Philonis Byzantii de septem orbis spectaculis / Recognovit adnotatione critica et indicibus instruxit R. Hercher. P.: Didot, 1858.

секты, которые воспроизводят деяния религиозных фанатиков. Воздержание от любовно-чувственных удовольствий и от всего, что даже отдаленно может напоминать их, отмечено, по крайней мере теоретически, у первых христиан, и теперь, по-прежнему теоретически, вновь приводит к фанатизму патологической стыдливости.

501. Остатки в этих феноменах сложные. Они состоят минимум из трех частей.

1. Остаток комбинаций, благодаря которому секта побуждает себя находить какой-нибудь признак, отделяющий ее от простонародья. Это наименее существенная часть. Но к этому часто присоединяется остаток целостности индивида, т. е. надменность, желание выделяться, вызывать восхищение.
2. Остаток аскетизма, с дополняющим его чувством зависти к тем, кто пользуется запретными благами.
3. Потребность проявлять во внешних действиях собственную аскетическую веру (класс III).

502. Случаи религиозной экзальтации имеют место в отношении трех названных выше табу. Религиозную форму соблюдения табу в отношении мяса можно наблюдать в Индии, но она не встречается в других странах. Для табу в отношении вина можно найти некоторые случаи кое-где и среди наших современников. Феномен табу в отношении секса широко представлен как в прошлом, так и в наше время.

Что касается табу на потребление мяса и вина, то действительно, имеются страны, где они в основном соблюдаются; т. е. в самом деле существуют общности, воздерживающиеся от мяса и горячительных напитков. Впрочем, по этим напиткам воздержание порой оказывается показным, как в наше время в Турции. Относительно сексуального табу имеются небольшие отличия в содержательном плане, заметные отличия отмечаются только по форме. В мусульманских странах проституция запрещена, но там ее место заняло не только внебрачное сожитие, но и еще худшие практики. Она также была запрещена и в наших краях во времена, когда нравы были далеко не лучше, чем теперь. Это один из тех случаев, когда сила чувств делает почти неизменным содержание, позволяя изменять только форму. Контраст настолько велик, что то и дело приходится встречаться с парадоксом: где мораль и законы строже осуждают за безнравственность, там последняя оказывается выше. Многие факты говорят о том, что так и происходит во многих Североамериканских штатах; но мы не можем из этих частных случаев вывести общее правило.

Сексуальный остаток содержится не только в тех идеях и представлениях,

503. Сексуальный остаток содержится не только в тех идеях и представлениях, которые нацелены на половую связь или на пробуждение приятных

воспоминаний о ней. Он также присутствует в идеях и представлениях, выражающих осуждение, отвращение и негодование по отношению к ней. Это может показаться странным, однако многие факты свидетельствуют, что идея целомудрия, если она доминирует в сознании, также может содержать сексуальный остаток. Так, многие стали относить образ целомудрия к одинокой Венере.

- 504.** Сексуальный остаток может существовать при самых невинных и целомудренных отношениях, и было бы явной ошибкой полагать, что там, где существует этот остаток, непременно присутствуют и отношения чувственной любви. Имеются многочисленные примеры женщин, которые под властью сильной религиозной страсти следовали за мужчинами и испытывали к ним сильные чувства, лишенные всякого намека на чувственное влечение. Это можно было видеть во время так называемого пробуждения Уэльса в 1904 г., когда Ивен Робертс был удостоен нежного почитания со стороны женщин, которое оставалось самым чистым. Такие факты должны нас предостеречь от того, чтобы мы не доверяли с легкостью тем обвинениям, которые поочередно выдвигаются на этот счет противниками. Например, говорили о том, что графиня Матильда испытывала к папе Григорию VII скорее чувства возлюбленной, чем дочери, что, на наш взгляд, маловероятно.
- 505.** Кроме того, существование сексуального остатка как в целомудренных, так и в непристойных речах и сочинениях уведомляет нас о том, что в отношении побуждения к актам чувственной любви может быть, а может и не быть разницы между целомудренными и непристойными рассуждениями и текстами. Это зависит от индивидов: одни приходят к актам физиологической любви легче от целомудренных, другие же, напротив, от непристойных речей и сочинений. Говорили — и возможно, — это так и было, — что «Верный пастух» Гварини побудил больше женщин к любовным утехам, чем «Декамерон» Боккаччо.
- 506.** Сексуальный остаток присутствует в великом множестве произведений художественной литературы; трудно представить себе без него драмы, комедии, поэзию, романы. Современные знатоки отделяют, не вполне понятно посредством какого критерия, литературу «моральную» от «аморальной», и часто это не что иное, как лицемерие тех, кого шокируют не сами вещи, а их имена, кто делает и не говорит об этом. Во всяком случае, если даже не оказывается невозможным делом написание романа, комедии, драмы без любовной фабулы, чтобы такие произведения нравились публике, они являются такими же редкими, как белые вороны; это демонстрирует большую силу сексуальных остатков, без которых невозможно обойтись в литературных произведениях. Много публики

собирают слушания судебных процессов по любовным делам; она тем более жадно их слушает, чем больше непристойных фактов обсуждается. Среди этой публики нет недостатка в мужчинах, и тем более в женщинах, которые в других местах неустанно выступают в защиту морали и осуждают безнравственность.

507. Уже не раз мне приходилось отмечать, что сексуальные остатки проявляются в феноменах, подобных тем, какие называют религиозными, и они, следовательно, образуют некий комплекс, которому следует уделить внимание при рассмотрении данного класса. Мы можем добавить, что сексуальная религия имеет, как и другие религии, свои догмы, своих верующих, еретиков и атеистов. Об этом мы часто упоминали, но поскольку такое мнение идет вразрез с общепринятым, не будет лишним добавить другие доказательства к тем, что уже давались.

508. У античных римлян почти все нелогические действия в их повседневной жизни благодаря остаткам сохранения агрегатов дали начало воззрениям, ставшим затем представлениями о малых богах. Эти боги имели отношение ко всем аспектам жизнедеятельности человека от зачатия до смерти. Если расположить богов по порядку, распределив по категориям, то станет заметно, что у современных римлян есть определенные пробелы, или умолчания отдельных богов и аспектов, тогда как у древних римлян отмечается непрерывность.

Первая категория. Боги совершения актов бракосочетания: Юнона Юга (Пронуба) соединяет в браке; Югатин, отвечает за брачный союз; Афференда — богиня приданого; Домидук ведет невесту к дому жениха; Домитий вводит невесту в дом жениха; Мантурна следит, чтобы невеста осталась в доме жениха; Унксия заведует смазыванием дверей в доме новобрачных; Цинксия присутствует при развязывании пояса невесты; Виргиниенсия присутствует при развязывании брачного пояса у новобрачной, отвечает за целомудрие супруги. Современные люди открыто обсуждают все это, высказываются свободно и даже с удовольствием; по поводу ни одного из этих актов теперь не существует фетишистских концепций. Но определенные замалчивания возникают относительно следующей категории богов и цикла жизни.

Вторая категория. Божества, ведающие исполнением брака. Они многочисленны, как и боги, относящиеся к другим аспектам жизнедеятельности человека; для древних римлян данный вид фетишизма не отличался от других видов; у современных народов сохранился только один этот вид и отпали остальные. Помимо образовавшихся замалчиваний есть и действия, свободно обсуждаемые современными людьми: боги и богини родов составляют переходную категорию.

Третья категория. Боги, которые ведают родами: Юнона Люцина — покровительница родов, призываемая роженицей; Диеспитер руководит беременностью и родами; Канделифера отвечает за освещение при родах (поддерживает горение свечей); две родовспомогательницы, карменты, Прорса (Антеворта) помогает при правильных родах, а Постворта — при неправильных; Эгерия помогает разрешиться от бремени; и Нумерия.

Четвертая категория. Боги, к которым взывают после родов: Интерцидона охраняет родильниц от Сильвана; Вагитан открывает уста новорожденного для первого крика; Кунина — покровительница колыбели ребенка. Всего десять божеств.

Пятая категория. Боги, сопровождающие человека в детстве: Потина учит пить; Эдука учит детей есть.

Шестая категория. Божества отрочества, их двадцать шесть. Затем следуют многочисленные боги и богини, сопровождающие человека во всех житейских делах до конца его жизни, когда приходят богиня похорон Либитина и богиня погребального плача Нения.

509. Замалчивания возникают у Отцов Церкви по чисто религиозным соображениям, и пока это так, они остаются вне обсуждения для любого, кто придерживается экспериментальной области, поэтому он может рассуждать о религиозных феноменах только исключительно с внешней стороны, как о социальных фактах.

510. Именно в этой связи надо отметить, что когда утихла борьба с язычеством, религиозный характер умолчаний, казалось, стал совершенно необходимым для христианской веры, между тем в ходе той борьбы сексуальную религию использовали для укрепления христианства и доказательства его истинности. Мысль св. Августина и других явно была такой: «Языческая религия неверна, поскольку она непристойна». Это показывает, насколько сильны были чувства сексуальной религии, если к ним могли взывать как к арбитрам, и насколько некорректно уверение в том, что христианская религия принесла в мир культ целомудрия. Напротив, именно этот культ, независимо от того, каким он был, искренним или лицемерным, сильно помогал триумфу христианской религии. Достаточно прочесть Отцов Церкви, чтобы без малейших сомнений заметить, что при защите своих дериваций они рассчитывали на чувства, содействующие целомудрию и противостоящие тем сексуальным влечениям, которые встречались не только у язычников, но и у христиан. Эти чувства использовались для овладения сознанием того, кто еще отклонял <христианские> догмы, и при попытке убедить его в том, чтобы он принял эту религию, которая так хорошо выражает его чувства.

Данный случай не покажется новым читателю после множества примеров, приведенных для доказательства, что деривации следуют за чувствами,

а не наоборот — что они не предваряют чувства, хотя и могут затем усилить их. Случай, когда сексуальные чувства привлекаются для оценки религий и религиозных сект, далеко не единственный, имеется множество ему подобных. Последователи самых разных религий и сект непрерывно обвиняют друг друга в развращенности и в безнравственности. О братских трапезах христиан язычники отзывались как о разгульных пиршествах с непристойными отношениями мужчин и женщин, а ортодоксальные христиане повторяли это же обвинение в отношении собраний еретиков. Обвинение в безнравственности и в моральном разложении использовали протестанты как мощное оружие в борьбе с католическим духовенством; верующие христиане вместе обращали это оружие против атеистов, и было время, когда слова «либерал» и «развратник»* звучали как синонимы. Философы XVIII в. тоже часто пользовались им. Оно не заржавело и по-прежнему во Франции и Италии остается основным, если не единственным оружием в борьбе против католической религии.

- 511.** Мы не будем выяснять, верны или ложны эти обвинения, следует только отметить: если они выдвигались столь часто и в течение стольких веков, то это неоспоримое доказательство необычайной силы <сексуальных> чувств в наших обществах, что, впрочем, подтверждают многие другие факты.
- 512.** Культ гениталий существовал во многих странах; это не должно нас удивлять, учитывая, что он составлял часть общего фетишизма там, где еще не возникло тех замалчиваний, о которых упоминалось в § 508. В греко-латинской античности мы встречаем фаллический культ не только в Греции, изобилующей фантазией, но и в строгом и грубом Риме, где он отнюдь не был порождением упадка, но выступал как фетишизм, переживший другие, угасшие виды фетишизма. Побеждающее христианство еще застало его в полной силе и не смогло полностью погасить. Напротив, он продолжался на протяжении всего Средневековья. Во времена наивысшего подъема христианской веры непристойные фигуры не переставали ваять даже в соборах; порой они появлялись на миниатюрах в священных книгах. Христианские святые также наследовали функции прежних богов, и Церковь немного смогла добиться в искоренении всех этих непристойностей.
- 513.** Обычно сохраняются остатки, между тем как деривации меняются; наблюдаемые сегодня замалчивания в тех областях, где у древних римлян

* В итальянском языке термины имеют один корень: «liberale» и «libertino» соответственно.

отмечалось непрерывное следование, стремятся объяснять, выдвигая модные, псевдонаучные аргументы, представляя при этом нелогические действия как логические. Утверждают, что преследования в отношении еретиков, не признававших замалчиваний христианства, которых не существовало для античных римлян, были необходимы, чтобы выросла сильная, здоровая и энергичная молодежь. Но разве не была такой молодежь античного Рима, покорившая все Средиземноморье? Разве слабыми были солдаты Цезаря, побеждавшие галлов и даже легионы Помпея? Можно ли допустить, что сенатор Беранже сведущ в военных делах более Цезаря? Утверждают, что преследования еретиков были необходимы для спасения семейных добродетелей. Можно подумать, что эти добродетели редко отмечались у античных римлян и мало ценились ими, когда изображение фаллоса использовалось в качестве защиты от колдовских чар детьми, взрослыми мужчинами и, наконец, триумфаторами. Заявляют, что таким образом оберегали целомудрие женщин. Можно подумать, что римские матроны в лучшие времена Римской республики были менее целомудренными, чем современные женщины в Соединенных Штатах Америки, где безраздельно господствует сексуальное лицемерие.

- 514.** Более скромн ничуть не лучший аргумент, с помощью которого оправдывают замалчивания некоторых вопросов стремлением избежать изображения неприглядных и непристойных вещей. Но намного отвратительнее был бы разлагающийся труп с копошащимися червями, и все же о нем можно рассуждать свободно и нет необходимости обозначать труп, гниение и червей латинскими или греческими терминами. Таким образом, ясно, что появление этого замалчивания вызвано действием какого-то иного чувства, а не одного только отвращения к непристойностям.
- 515.** Античные римляне без возмущения читали стихи Горация, в которых некоторые части женского тела обозначались с использованием их подлинных наименований; но не потерпели бы ни антипатриотизма, ни антимилитаризма. Среди современных римлян многие проявляют толерантность в отношении этих чувств, но поднимают отчаянный шум, добиваясь, чтобы наказали того, кто пишет подобно Горацию. Первосвященник Каиафа, выслушав Иисуса, защищавшего свои религиозные чувства, разодрал на себе одежды «*scidit vestimenti sua*», говоря: «Ты богохульствуешь!» Подобно ему Р. Беранже, первосвященник наших защитников добродетели, прозванный современниками «отцом целомудрия», впадает в гнев только при мысли о том, что Регина Баде выходит на сцену в слишком коротком платье. Мусульмане испытывают отвращение к свинине и ни за что не стали бы ее пробовать, и в то же время свободно рассуждают о любовном совокуплении; наши добродетельные особы

испытывают или делают вид, что испытывают ужас при таких рассуждениях, однако спокойно употребляют в пищу свиное мясо.

- 516.** Как благоговение, так и ненависть по отношению к некоторой вещи могут быть в равной мере проявлениями религиозных чувств, объектом которых данная вещь выступает; это исключается только при безразличии (см. § 372); следовательно, отмеченное выше замалчивание <запрет на обсуждение каких-то вещей> оказывается скорее формой, чем содержанием. Как негр, который злится на своего фетиша, так и католик, который хулит своего святого, демонстрируют этим свою религиозность; ее нет у человека, проявляющего безразличие и к фетишу, и к святому.
- 517.** Никакого удивления не должно, следовательно, вызывать то, что сексуальное влечение очень часто оборачивалось ненавистью к половому акту, а у христианских святых перерастало в ненависть к женщине. В их инвективах часто обнаруживается смесь чувства элементарного аскетизма с чувством неудовлетворенной сексуальной потребности. Оно может становиться настолько интенсивным, что вызывает галлюцинации; и тогда христианин убеждается, что дьявол его искушает, чтобы довести до развратного греха. Этот дьявол действительно существует в сознании мужчины, но лучше, чем заклинания, его изгоняют объятья женщины.
- 518.** Примечательно, что христианская религия, особенно католическая, осуждая любовные отношения, заимствовала от них множество метафор, и они используются для демонстрации веры. Не будем распространяться о Церкви — невесте Христа. Опустим интерпретации эротизма «Песни Песней», согласно которым эта любовная песня, довольно грубая и глупая, стала свадебной песней Церкви — невесты Христа. Но ведь и монахини зовутся невестами Господа, посвящают ему свою девственность, пылают любовью, в которой соединены божественные и мирские элементы. Достаточно того, что Святые Отцы не могут рассуждать более или менее длительное время, не воспылав, хотя бы метафорически, любовью; призрак женщины все время одолевает их умы, он изгоняется, но всякий раз возвращается.
- 519.** Сравним их произведения с «Воспоминаниями о Сократе» Ксенофонта. Для него любовь к женщине — это физическая потребность наряду со многими иными; ее удовлетворение не осуждается, и только злоупотребление рассматривается как вредное. Этот автор уделяет ей мало внимания, так же как и остальным; они не отягощают его ум. Напротив, сознание святых отцов она угнетает как кошмар и вызывает у них чувства, подобные тем, какие испытывал Данте при мысли об адской жажде.

- 520.** Народ, у которого сексуальные отношения оказались бы абсолютно запрещены, быстро бы исчез, если бы только он не обновлялся, как эссены, за счет привлечения сторонников из других народов. Следовательно, религия, которая желает стать широко распространенной или универсальной, если только она не стремится к исчезновению своих последователей или рода человеческого, в силу необходимости должна признавать сексуальные отношения, ограничиваясь их упорядочиванием. Апостол Павел, пожалуй, об этом не думал, когда советовал вступать в брак только для того, чтобы избежать совершения тяжкого греха — разврата. Эти соображения <о продлении рода человеческого> не были, однако, чуждыми установке, принятой Церковью в данном вопросе, когда ее социальное могущество значительно возросло, когда она надеялась стать верховным регулятором человеческого общества. Мелкие еретические секты могли ликвидировать сделанную апостолом уступку, полностью осудить любые сексуальные связи; кто-то для большей надежности мог бы также пойти до рекомендации или предписания кастрации. Но католическая церковь стала придерживаться золотой середины, постановив, что замужество — это все же похвальное состояние, хотя и менее ценное, чем девственность. Далее следовали различные точки зрения относительно последующих вступлений в брак, разрешаемых без одобрения или осуждаемых, относительно разводов и по многим иным вопросам, но здесь мы не станем распространяться об этом.
- 521.** Однако все христиане, если исключить единичные и не вполне достоверные случаи еретических сект, соглашаются с апостолом Павлом, что разврат является одним из тяжких грехов. В этом суждении, разделяемом также немалым числом неверующих и современных атеистов, явно прослеживается сексуальный остаток, который устойчиво сохраняется также при смене прикрывающих его религиозных дериваций.
- 522.** Было ли такое осуждение плотского греха достаточно эффективным, чтобы в принципе предотвращать его? В этом есть основания сомневаться, если непредвзято читать историю, отыскивая в ней то, что происходило, а не то, что хотелось бы усмотреть. От первых лет существования христианства и до нашего времени всюду слышны сетования на плохие нравы христиан. Даже если мы введем существенную поправку на строгость цензоров и допустим, что зло изображалось намного более значительным, чем было на самом деле, то все равно не может такого быть, чтобы все эти высказывания не имели под собой реальной основы. И к тому же, помимо таких свидетельств, имеются и факты; допустим также, что они были отчасти измышлениями, но разве возможно, чтобы все они были выдуманы? Чтобы это принять, пришлось бы также ставить под сомнение любой исторический факт, считающийся неоспоримым. Сальвиан

противопоставлял порокам римлян добродетели варваров. Если он сообщал правду, то, надо полагать, такая ситуация длилась короткое время, поскольку уже в следующий век «История франков» св. Григория Турского представляет нам варваров жестокими, кровожадными, алчными до денег и сладострастными. В наши дни почитатели Средневековья никак не хотят признать, что тогда господствовали жестокость и дурные нравы, и изобретают всякого рода софизмы, чтобы уйти от очевидных фактов.

523. Помимо литературных сочинений, эпизоды из исторических хроник и другие документы с самого начала позволяют нам с уверенностью утверждать, что в Средние века нравы не были более целомудренными, чем в наши дни. Напротив, они были более испорченными. Некоторые авторы нашего времени отвергают испорченность нравов духовенства в качестве доказательства общей испорченности нравов того времени и винят в этом религию, «католическое идолопоклонство» и «папизм», как выражались реформаторы; но это еще один софизм, который опровергают факты. Аморализм в рядах клира не превосходил, а скорее наоборот, оказывался ниже общего аморализма, и если одни епископы были развращены в такой же мере, как многие феодальные бароны, то другие епископы подавали примеры добродетели, труднодостижимой среди мирян. Часто в тех случаях, когда в средневековых хрониках отмечаются факты падения нравов клира, ясно видно, что среди мирян подобные нравы восприняли бы как привычное явление, и они вызвали возмущение только потому, что относились к священнослужителям. Слишком много потребовалось бы сообщать, даже если представить только малую долю многочисленных фактов, свидетельствующих о проявлении испорченных нравов в поступках и высказываниях людей Средневековья. Приведение всех таких примеров малополезно, о них забывают, оказавшись во власти сектантских чувств. Наличие плохих нравов доказывают также и решения соборов, монархов, коммун, всякого рода властей, направленные против безнравственности, поскольку многократно не запрещается то, чего не существует. Денежные сборы с проституток, введенные во многих местах, свидетельствуют, что их численность была немалой, иначе эта мера не приносила бы дохода или такой доход был бы ничтожным. Имеются сведения по судебным делам, связанным с проявлениями садизма по отношению к животным, и немало скота при этом гибло. Можно было бы собрать библиотеку о проявлениях безнравственности крестоносцев; даже если эти свидетельства преувеличены, не может такого быть, чтобы они были выдумками от начала до конца.

524. Среди догм сексуальной религии нашего времени есть одна — что проституция представляет собой абсолютное зло, — которая не может обсуждаться, как и любая иная религиозная догма. Но в экспериментальном

аспекте остается вопрос, является или не является проституция профессией, наиболее соответствующей природе некоторых женщин, которым она нравится более других профессий, какими они могли бы заняться, и в соответствии с ответом на этот вопрос выяснить, полезна ли она в известных пределах всему обществу. Верующие этой религии не приводят никаких доказательств в отношении решения данной проблемы в желательном для них направлении; необходимо верить их утверждениям, как в свое время верили в существование Юпитера — высшего и величайшего бога. Сакральная проституция была у многих народов. Тривиальная проституция имела место у всех цивилизованных народов и во все времена. Она существовала среди еврейского народа, избранного Богом, и не отсутствовала среди язычников. Античные римляне и греки рассматривали куртизанок как женщин, избравших профессию, хотя и более низкую, чем другие, но все же необходимую. Проституция выжила и в дальнейшем, христианство ее не устранило, она есть и сегодня и, вероятно, сохранится в будущем вопреки гневу некоторых наших современников, более целомудренных в теории, чем на практике.

525. Из творений св. Иеронима можно узнать, что и в его время было немало священников, подобных шеголеватым служителям церкви XVIII в., как было немало женщин, подобных нашим сексуальным реформаторшам-модницам, которые из одержимости идеей нравственной чистоты не могут выкинуть из головы мысли о проституции. Один из законов Кодекса Феодосия⁴⁸ запрещал духовным лицам и тем, кому следовало быть «целомудренными», приходить в дом к вдовам и воспитанницам и свободно принимать их у себя под религиозным предлогом. Другой закон⁴⁹ запрещал им содержать женщин во избежание скандальных историй. Подобные распоряжения встречаются в других законодательных актах, а также в капитуляриях Карла Великого⁵⁰. Нет необходимости приводить здесь свидетельства той длительной войны, которую в Средние века вели папы с сожительствующим клиром. Если предположить, что такие связи с женщинами являлись для клира испорченностью, то окажется, что это зло давнее. Еще в III в. св. Киприан писал Помпонию: «Мы прочли, возлюбленный брат, присланное тобою чрез брата Пихония письмо, в нем ты просишь написать тебе: что мы думаем о тех девах, которыя, решившись оставаться в своем состоянии и ненарушимо хранить

⁴⁸ Theodosiani Codex. XVI. 2. 20.

⁴⁹ Ibid. 2. 44. Ann. 420.

⁵⁰ Capitularium. Кн. VII. 376, 452; Additio tertia. 117. [Monumenta Germanie Historica. Legum sec Capitularia Regum Francorum. Tomus I / ed. A. Boretius. Hanover, 1882. Libro VII. 376, 452.]

целомудрие, возлежали, как оказалось потом, на одном ложе с мужчинами (в числе их ты указываешь на одного диакона), и которые, сознавшись в этом, утверждают, что остались непорочными?» Святой, опираясь на цитаты из Библии, осуждает такие нравы: «Поэтому-то должно воспретить девам жить в одном доме с мужчинами, не говорю вместе спать, но и даже жить вместе... И как тяжко падают от того многие, как много дев, к величайшему прискорбию нашему, мы видим сделавшихся преступными от таких соблазнительных и пагубных связей. ...Если же не хотят или не могут так оставаться, то пусть лучше вступают в брак, чем заслуживают огонь адский своими преступлениями»⁵¹. Такого лучшего выхода не было у тех замужних женщин и вдов, которые слишком часто посещали священников⁵². На это могут возразить, что все такого рода покаяния не отвечают истине, поскольку в них преувеличено зло, чтобы достичь добра. Но может ли быть так, чтобы св. Киприан выдумал письмо Помпония, на которое он отвечает? Чтобы также были выдуманы решения церковных соборов и другие многочисленные документы, которые подтверждают сожительства женщин с представителями клира? Чтобы защищаться от этого, не надо фальшиво умалчивать такие улики; достаточно заметить, что нравы духовных лиц не были хуже, но, пожалуй, были даже лучше общих нравов того времени. Безусловно, были папы, которые мало беспокоились о поддержании сексуальной нравственности, но не менее очевидно, что были также папы, которые стремились ее внедрять всеми имеющимися средствами. Наконец, с большим трудом им удалось добиться прекращения публичных скандалов; но, в сущности, достигнуто было немного.

Обратим внимание, насколько сильными были духовные, моральные и материальные средства, которыми располагала Церковь, и насколько ничтожными оказались результаты их применения; сразу видно, какая большая сила содержится в сексуальных остатках и как смешны пигмеи, которые в наше время мечтают их обуздать.

⁵¹ *Cipriano. Ad Pomponium, de virginibus.* [Творения св. Киприана, епископа Карфагенского. Том первый: Письма. Киев, 1861. С. 23.]

⁵² *Eusebius Hieronimus. Lettre XVII. A Eustochium, Éloge de la verginité // Saint Jérôme (Eusebius Hieronimus). Lettres. Vol. 1. P.: Belles lettres, 1949. P. 345–404.* [На рус. яз. см.: *Иероним. О сохранении девственности.* СПб., 1997.]

526. Всякий раз, когда мы сосредоточиваем внимание на способах сокрытия, подмены, объяснения людьми действительного характера их действий, мы непременно находим *деривации*. И поскольку они содержатся в рассуждениях, посредством которых были созданы и приняты некоторые теории, это исследование будет также посвящено рассмотрению субъективного аспекта теорий, указанного в § 12.

Люди поддаются убеждению главным образом через чувства (остатки); следовательно, деривации обретают силу скорее из них, чем из логико-экспериментальных аргументов. В дериватах ядро образуется одним или более остатками, а вокруг него группируются другие, вторичные остатки. Однажды сформированный агрегат удерживается как единое целое той мощной силой, которую представляет собой человеческая потребность в логических или псевдологических построениях, проявляющаяся в остатках группы Iε.

От этих остатков, соединяющихся с другими остатками, берут обычно свое начало деривации.

527. Деривации могут быть рассмотрены:

- a) в логическом аспекте (исследование, которое относится к работам по логике);
- b) в аспекте экспериментальной реальности (см. гл. 3, 4, 5);
- c) в аспекте социальной полезности (см. гл. 9);
- d) в субъективном аспекте относительно их убеждающей силы.

Обращая внимание на субъективный характер объяснений некоторых действий и идей, которые выражены в деривациях, обращая также внимание на убеждающую силу этих объяснений, мы, исходя из их специфических особенностей, выведем критерий для нашей классификации дериваций. Где не существует объяснений, там отсутствуют также и деривации, но как только люди прибегают или пытаются прибегнуть к объяснениям, сразу же появляются деривации. Их нет у животного, поскольку оно не мыслит и совершает только инстинктивные действия (см. § 350). Человек же, поскольку он, напротив, испытывает потребность в осмыслении и стремится строить завесу над своими инстинктами и чувствами, имеет хотя бы зародыш дериваций, так же как у него всегда присутствуют остатки. И те, и другие встречаются всякий раз, когда мы изучаем теории и рассуждения, которые не являются полностью логико-экспериментальными. Так, в главе 3 (см. § 110) нам встретился самый

простой тип деривации, т. е. чистое предписание, не мотивируемое и не доказываемое. Оно используется ребенком и невежественным человеком при тавтологии: «Так делают потому, что делают так», в которой выражены остатки социальности, поскольку это по существу означает: «Я так поступаю, или другие так поступают потому, что в нашем коллективе принято поступать так». Несколько более сложна деривация, нацеленная на придание смысла этой манере поведения: «Так поступают потому, что так надо поступать». Эти высказывания являются простыми утверждениями; они составят класс I <дериваций>. Но уже в последней деривации проглядывает неопределенная и загадочная сущность — долг. Это первый признак, указывающий на общий процесс расширения дериваций, которые под разными именами разрастаются благодаря включению в действие различного рода чувств. Кроме того, люди не удовлетворяются одними только этими именами, они хотят иметь что-нибудь более конкретное и стремятся каким-нибудь образом объяснить, почему они их использовали. Что же представляет собой этот долг? От самых наивных ответов людей из простонародья переходят к мудреным, но ничуть не лучшим в логико-экспериментальном отношении, теориям метафизиков. Первый шаг делается при ссылке на авторитетность упомянутых воззрений внутри общности, на авторитет некоторых людей; затем с новыми добавлениями ссылаются на авторитет сверхъестественных существ или персонификаций, которые чувствуют и действуют так же как люди. Такие деривации образуют класс II. Рассуждение получает иные линии развития, становится более утонченным, более абстрактным, когда в него вносятся интерпретации чувств, абстрактных сущностей, интерпретации желаний сверхъестественных существ; это может создать длиннейшую цепь логических или псевдологических дедукций и породить теории, принимающие внешний облик научных, как это происходит с метафизическими и теологическими теориями. Здесь мы имеем дело с деривациями класса III. Остается еще класс, в котором содержатся преимущественно вербальные доказательства, и это будет класс IV: в нем имеют место объяснения лишь по форме, которые люди стремятся считать объяснениями по существу. В дальнейшем (см. § 536) мы увидим, как эти классы будут распределены по родам, и будем подробно их исследовать, но для начала нам необходимо добавить некоторые общие соображения по поводу дериваций и дериватов.

- 528.** Конкретные теории, посвященные социальной тематике, содержат и остатки, и деривации. Остатки представляют собой манифестации чувств. Деривации состоят из логических суждений, софизмов, манифестаций чувств, используемых при выстраивании дериваций. Деривации являются манифестацией человеческой потребности думать. Если бы эта потребность удовлетворялась только логико-экспериментальными суждениями, тогда

не было бы дериваций, а были бы только логико-экспериментальные теории; напротив, она удовлетворяется иначе — в псевдоэкспериментальных суждениях, в вызывающих чувства словах, в пустых, несвязанных речах, и отсюда рождаются деривации. Они отсутствуют, следовательно, в двух предельных случаях: при чисто инстинктивных действиях и в строгих логико-экспериментальных науках, и встречаются в промежуточных случаях.

529. Человек, принимающий деривацию или отвергающий ее, полагает, что делает это исходя из логико-экспериментальных оснований. Он не подозревает, что, напротив, обычно он движим чувствами, и что согласованность или столкновение двух дериваций представляют собой согласованность или столкновение остатков. Принимаясь за изучение общественных явлений, он останавливается на проявлениях деятельности, т. е. на деривациях, и не доходит до ее причин, т. е. до остатков. При этом история социальных институтов оказывалась историей дериваций, а зачастую просто пустословием; история религий — историей теологий; история нравов — историей этических теорий; история политических институтов — историей политических теорий. Кроме того, поскольку метафизика снабдила все эти теории абсолютными элементами, из которых она при помощи чистой логики надеялась получить не менее абсолютные выводы, история таких теорий становилась историей девиаций (отклонений) от идеальных типов, возникающих в сознании создателя теории. В наше время некоторые люди стали догадываться, что такой путь уводит от реальности, и чтобы возвратиться к ней, они сменили такие рассуждения на исследование «начал». Так, не заметив этого, они просто сменили одну метафизику другой и стали объяснять более известные вещи менее известными; доступные непосредственному наблюдению факты они заменили фантазиями, которые при обращении к слишком давним временам нет возможности проверить. К этому они стали добавлять такие принципы, как уникальность эволюции, которые выходят полностью за границы опыта.

530. Хотя деривациям обычно придается реальная значимость и они рассматриваются как непосредственно влияющие на установление социального равновесия, мы придаем им значение только как проявлениям и индикаторам иных сил, которые реально воздействуют на установление социального равновесия. До сих пор в социальных науках часто появляются теории, сформированные из остатков и дериваций, с практической целью убедить людей действовать определенным образом, считающимся полезным для общества. Данная работа, напротив, является попыткой перенесения этих наук исключительно в логико-экспериментальную область, без всякой цели, сводящейся к непосредственной практической

пользе, с единственным намерением — познать единообразия социальных фактов (см. § 60). Кто пишет книгу, чтобы побудить людей поступать определенным образом, тот должен обязательно прибегать к деривациям, поскольку они представляют собой тот язык, пользуясь которым, нетрудно обратиться к чувствам людей и, следовательно, иметь возможность изменить их действия. Кто же, напротив, стремится только к проведению логико-экспериментального исследования, тот должен строго воздерживаться от использования дериваций, которые для него выступают объектом изучения, но никогда не должны быть средством убеждения.

531. Желая доказать нечто почти всегда имеет цель построения деривации, но она часто незаметна тому, кто принимает его вывод. Когда целью является оправдание некоторой нормы, то ее стараются связать с определенными остатками (при стремлении удовлетворить потребность в логическом толковании, которая имеется у тех, кого требуется убеждать, это будут более или менее логичные рассуждения); или с другими остатками (при стремлении воздействовать в первую очередь на чувства).

532. Такие операции, располагаемые в соответствии с их значимостью, могут быть обозначены следующим образом: цель — исходные остатки — деривация. Графическая иллюстрация позволит лучше понять этот феномен. Пусть B представляет собой ту цель, к которой идут, двигаясь от остатков R' , R'' , R''' ... при помощи дериваций $R'rB$, $R'tB$, $R'vB$... Например, в этических теориях целью будет предписание, запрещающее убивать другого человека. Можно достичь ее благодаря самой простой деривации: это табу на пролитие крови. Можно исходить из остатка — персонифицированного бога, и достигать цели благодаря использованию множества различного рода дериваций. Можно исходить из остатка метафизического, остатка социальной или личной полезности и любого другого подобного им остатка.

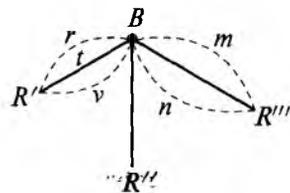

Рис. 12

533. Эти рассуждения подводят нас к важным выводам, касающимся логики чувств, уже упоминавшейся в § 188.

Во-первых, разрушение основного остатка, от которого начинается движение деривации, если он не заменен другим, приводит также к исчезновению цели (см. § 651 и далее). Это обычно и происходит, когда рассуждения выстраивают в соответствии с логикой и на основе экспериментальных посылок, т. е. при научных рассуждениях. Впрочем, даже

в таком случае порой может сохраняться прежний вывод после замены ошибочных посылок. Напротив, при ненаучных рассуждениях случай, когда отброшенные послылки заменяются другими послылками, один остаток заменяется другими остатками, вполне типичен; исключителен случай, когда такая замена не совершается. Между этими крайними случаями располагаются переходные ситуации: разрушение того остатка, от которого идет деривация, не ведет к полному исчезновению цели, но ослабляет, притупляет ее. Например, в Индии те местные жители, которые принимают христианство, утрачивают прежнюю мораль, связанную с их старой религией, но не приобретают морали новой религии (см. § 655).

Во-вторых, при научных рассуждениях, если оказывается, что вывод логически не следует из посылок, то он отбрасывается. При рассуждениях ненаучных, напротив, если рушится одна форма деривации, тут же рождается другая ее форма; если признается пустым рассуждение, которое соединяло остаток с выводом (с целью), то чаще всего результатом оказывается замена прежней отвергнутой деривации на новую деривацию. Это происходит потому, что остаток и цель имеют первостепенное значение; деривация же часто и во многом — второстепенное. Например, у различных христианских сект имеются доктрины о благих делах и предопределении, которые в логическом аспекте совершенно разные и иной раз противоположны, но эти секты никак не различаются в плане практической морали. Когда китаец, мусульманин, кальвинист, католик, кантианец, гегельянец и материалист в равной мере воздерживаются от воровства, каждый из них дает этому действию различное объяснение: деривации связывают общий остаток, существующий у всех, с выводом, также разделяемым всеми. Создав новую деривацию и разрушив одну из тех, что существовали ранее, практически ничего не достигнут, и результат останется тем же самым.

В-третьих, в научных рассуждениях самые сильные выводы получают, логически строго выводя их из тех посылок, экспериментальная проверка которых проводится с максимальной тщательностью. В рассуждениях ненаучных самые сильные выводы определяются каким-то одним очень сильным остатком, без дериваций. Кроме того, есть выводы, получаемые из сильного остатка с добавлением наряду с деривациями и менее сильных остатков. По мере того как удлиняется путь от остатка к заключению, когда рассуждения при этом в соответствии с логикой подменяются остатками, ослабевает сила вывода, воздействующая в этом случае лишь на отдельных людей науки. Простые, необразованные люди убеждаются в истинности христианского учения не благодаря утонченным теологическим толкованиям и изысканиям. Их воздействие оказывается только опосредованным: происходит распространение на уже сделанные выводы авторитета, подтверждением которого становятся восторги тех, кто

этих изысканий не понял. То же самое происходит в наши дни в отношении «Капитала» Маркса. Очень немногие немецкие социалисты его читали; среди них редки, как белые вороны, те, кому удалось его понять, но содержащиеся в книге утонченные и загадочные толкования восхитили их с чисто внешней стороны и придали ей авторитет. Такое восхищение определяет форму деривации, но не остаток и не выводы, присущие как марксистам, так и немарксистам. Этот остаток и эти выводы существовали до появления книги; они будут существовать и тогда, когда ее забудут.

В-четвертых, в логическом аспекте два противоречащих друг другу высказывания не могут быть совместимы; в аспекте ненаучных дериваций два высказывания, которые предстают как противоречащие одно другому, могут сосуществовать у одного и того же индивида, в одной и той же голове. Например, выступают как противоречащие одно другому утверждения: «Нельзя убивать» и «Можно убивать»; «Недопустимо присваивать себе то, что принадлежит другим» и «Допустимо присваивать себе то, что принадлежит другим»; «Следует прощать оскорбления» и «Не следует прощать оскорблений». Но они могут одновременно приниматься одним и тем же индивидом благодаря введению интерпретаций и различий, позволяющих оправдывать имеющееся противоречие. Аналогично этому мы имеем следующее: если в логическом аспекте A равно B , то отсюда строго следует, что B равно A ; но такой вывод не будет иметь необходимого характера в рассуждениях, относящихся к деривациям.

534. Кроме дериваций, образованных группой основных остатков и группой побочных остатков, имеются еще просто соединения нескольких остатков или групп остатков, которые формируют только новую группу остатков. Кроме того, есть выводы, логические или считающиеся таковыми, полученные на основе учета индивидуального или коллективного интереса, но они входят в класс научных дедукций, которые мы здесь не исследуем.

535. Обоснование дериваций часто отличается от тех соображений, которые обеспечивают их принятие. Но иногда отмечаются совпадения; например, предписание обосновывается таким аргументом, как авторитет и принимается благодаря воздействию остатка авторитета. Порой они оказываются совершенно разными. Например, тот, кто доказывает что-либо, используя двоякий смысл термина, не говорит: «Мое доказательство убедительно благодаря обману, основанному на двусмысленности термина»; между тем тот, кто принимает деривацию, ничего не подозревая об этом, вводится в заблуждение таким рассуждением.

536. Осуществим классификацию дериваций:

Класс I. Утверждение (см. § 537–548).

Iα. Экспериментальные и воображаемые факты (см. § 538–542).

Iβ. Чувства (см. § 543–547).

Iγ. Смесь фактов и чувств (см. § 548).

Класс II. Авторитет (см. § 549–562).

IIα. Авторитет одного человека и более (см. § 550–551).

IIβ. Авторитет традиций, обычаев и нравов (см. § 552–557).

IIγ. Авторитет божественного существа или персонификации (см. § 558–562).

Класс III. Согласие с чувствами или принципами (см. § 563–596).

IIIα. Чувства (см. § 564–569).

IIIβ. Индивидуальный интерес (см. § 570–580).

IIIγ. Коллективный интерес (см. § 581, 582).

IIIδ. Юридические сущности (см. § 583).

IIIε. Метафизические сущности (см. § 584–589).

IIIζ. Сверхъестественные сущности (см. § 590–596).

Класс IV. Вербальные доказательства (см. § 597–631).

IVα. Неопределенный термин для обозначения реальной вещи и неопределенная вещь, соответствующая термину (см. § 603–605).

IVβ. Термин, обозначающий некую вещь и порождающий побочные чувства; или побочные чувства, которые приводят к выбору термина (см. § 606, 607).

IVγ. Термин, имеющий несколько смыслов, и разные вещи, обозначенные одним общим термином (см. § 608–620).

IVδ. Метафоры, аллегории, аналогии (см. § 621–630).

IVε. Термины сомнительные, неопределенные, которым не соответствует ничего конкретного (см. § 631).

537. *Класс I. Утверждение.* Этот класс охватывает простые сообщения о факте, утверждения о согласии с чувствами, которые выражаются не просто как утверждения, но возводятся в абсолют, даются как аксиомы и в доктринерской манере. Утверждения могут представлять собой простые сообщения и указывать на экспериментальные единообразия, но часто они выражаются так, что остается неясным, передают ли они только экспериментальные факты, выражают ли они чувства, или же в них есть и то и другое. Во многих случаях можно с некоторой вероятностью узнать об их составе. Рассмотрим в качестве примера набор сентенций, высказанных Публием Сиром. Четыре первых изречения относятся к роду Iα: «Мы, люди, равны пред смертью»; «Жди от другого того, что ты сам ему сделал когда-то»; «Кто тебя любит, тот слезами смоем гнев»; «Кто спорит с пьяным, тот воюет с отсутствующим». Далее появляется сентенция, относящаяся к роду Iβ: «Лучше не замечать обиду, чем мстить за нее».

Следуют четыре сентенции из рода $I\alpha$, затем снова дается сентенция из рода $I\beta$: «Кто допускает непристойности со своей женой, тот прелюбодействует». Наконец, следует сентенция из рода $I\gamma$: «Все спрашивают: “Богат ли он?” и никто не спросит: “Хорош ли он?”». Здесь дается утверждение о факте $I\alpha$ и выражается осуждение в отношении этого факта $I\beta$. Обратимся к сентенциям Менандра: «Всему свое время» — это сентенция из рода $I\alpha$; «Сам не делай постыдных вещей и не учи им других» — сентенция из рода $I\beta$; «Умение молчать украшает любую женщину» — сентенция из рода $I\gamma$.

- 538.** $I\alpha$. *Экспериментальные и воображаемые факты.* Утверждение может быть подчинено опыту, и в таком случае оно принадлежит к логико-экспериментальному знанию и не относится к деривациям. Но оно может также существовать само по себе благодаря внутреннему источнику, придающему ему силу независимо от опыта, и в таком случае это деривация.
- 539.** Когда на основе одного или более фактов получают выражение единообразия, то добавляемый для деривации остаток будет остатком постоянства отношений между естественными фактами (см. § 414). Это будет научной процедурой, если только учитывается, что выявленное таким путем единообразие никоим образом не имеет абсолютного характера. Это будет ненаучной деривацией, относящейся к роду $I\beta$, когда остатку постоянства естественных «законов» придается абсолютный характер или каким угодно иным способом в утверждении совершается отрыв от опыта.
- 540.** Простое утверждение обладает слабой демонстративной силой или даже вовсе не имеет ее, но порой оно имеет большую убедительность. Поэтому мы рассматриваем такое утверждение здесь и встречали его немного ранее при исследовании того, как нелогические действия принимают облик логических (см. гл. 3), между тем как простые утверждения не встречались при изучении метафизических теорий (см. гл. 4). Впрочем, чистое и простое утверждение используется редко, и особенно цивилизованными народами; почти всегда в него в качестве добавления вносится какая-нибудь деривация, либо зародыш деривации.
- 541.** И напротив, часто встречается усиливающее, подчеркивающее утверждение, которое добавляется к другим деривациям в восклицательной форме. В Библии Бог через Моисея отдает распоряжения своему избранному народу и всякий раз добавляет, словно ради усиления их значимости: «Я господь, Бог ваш». В наше время стали частыми утверждения о том, что некое мероприятие отвечает прогрессу и демократии, что оно очень гуманное и подготавливает наступление еще большего гуманизма. Подобного рода утверждение — это еще не совсем деривация, но это уже

способ вызвать определенные чувства; когда утверждение многократно повторяют, оно обретает собственную силу, становится побуждением к действиям, приобретает характер деривации.

542. Простое утверждение присутствует также в упоминавшемся ранее табу без санкции (см. § 108); оно содержится и во многих сложных деривациях; редко бывает, чтобы конкретная деривация вовсе не содержала простых утверждений. Произвольное утверждение обычно располагается между экспериментальными утверждениями; оно проникает незаметно в ходе рассуждения, маскируется под экспериментальное и присваивает себе согласие, достигнутое в отношении других утверждений, среди которых оно разместилось.
543. *1β. Чувства.* Утверждение может являться способом косвенного выражения некоторых чувств и быть принятым как их «объяснение» теми, в ком такие чувства имеются. Следовательно, оно здесь оказывается только проявлением действия формирующих деривацию побочных остатков.
544. Когда от индивидуального чувства получают некоторое единообразие или предписание, добавочным, побочным остатком в деривации является чувство, превращающее субъективные факты в нечто объективное (остатки рода ПС). Часто к нему затем добавляются и остатки социальности (класс IV). Кто-то читает стихи и восклицает: «Прекрасно!» Если бы он сказал: «Мне кажется, они прекрасны», то констатировал бы субъективный факт; напротив, такой формой высказывания он трансформирует субъективный факт в объективный. Кроме того, его слушатель приходит к мысли: то, что он *называет* прекрасным, *должно* производить прекрасное впечатление, и здесь подключается воздействие остатка социальности. Именно поэтому люди чаще всего разделяют вкусы, характерные для коллектива, в котором они живут.
545. Утверждение принимают, воспринимают с доверием благодаря влиянию разного рода чувств, которые оно вызывает у слушателей, и таким путем они обретают видимость «объяснения». Оно имеет значимость, поскольку выражено в поучительной манере, с уверенностью, в изысканной литературной форме. Лучше его передать в стихах, чем выразить в прозе; лучше издать в печатном виде, чем написать от руки; лучше опубликовать в книге, чем в газете; и лучше опубликовать в газете, чем передать устно, и т. д. (см. § 451).
546. Встречаются три группы причин, определяющих ценность утверждения. Первая группа. Имеется неясное чувство, что тот, кто такими способами

выразил свое утверждение, должен быть прав. Деривация сведена к минимуму и относится именно к тому классу, который сейчас рассматривается. Вторая группа. Имеется представление, что эти выбранные способы являются авторитетными. Деривация здесь немного более развитая и относится к классу II (см. § 549 и далее). Третья группа. Имеется более или менее неопределенное представление, что этот авторитет оправдан и имеет свои основания. Деривация еще принадлежит к классу II (см. § 550), но может получать дальнейшее развитие вплоть до появления логического рассуждения. Чтобы дважды не повторять одно и то же, мы обсудим здесь все три названные группы.

Абстрактно можно предположить, что чувства, относящиеся к третьей группе, берут свое начало от чувств, относящихся ко второй группе, и что и те и другие исходят из чувств первой группы, т. е. вначале доказывают, что некоторые обстоятельства подтверждают авторитет, далее он принимается в целом, наконец, уже независимо от этого авторитета люди испытывают почтение к тем формам, в которых он выражается. Порой, действительно, может оказаться именно так; но в реальных ситуациях все три группы причин часто не зависят друг от друга, существуют автономно, и когда имеется связь между второй и третьей группами, она имеет направленность, противоположную представленной выше. Во многих случаях тот, кто принимает утверждение, выраженное в упомянутых формах, не утруждает себя долгими раздумьями и рассуждениями; например, он говорит: «Я прочитал об этом в моей газете», и для него данный аргумент выступает в качестве доказательства реальности того, о чем он прочел. Это деривация из рассматриваемого сейчас рода Iβ. Она существует только тогда, когда чувство доверия к печатному или письменному материалу эксплицитно служит для подтверждения и оправдания согласия, выраженного по отношению к тому, что было опубликовано или написано. Если это чувство, напротив, выражается без того, чтобы на его основе делались подобные выводы, например, когда печатный или рукописный текст рассматривается как фетиш или амулет, то он становится объектом почитания и в таком случае имеется только остаток, о котором мы уже сообщали (см. § 451). Такое наблюдение следует обобщить: чувство выражается в остатке; но если оно затем служит объяснением, обоснованием, доказательством, то это уже деривация. Отметим также, что когда человек усваивает мнения, выраженные в прочитанной им газете, то в этом случае имеется немало других дериваций помимо той, о которой здесь идет речь, как и других остатков. Среди них присутствуют также остатки социальности, поскольку газета выражает, или считается, что выражает мнение того коллектива, к которому принадлежит читатель. В других случаях на него воздействует представление об авторитете (см. § 451), добавляющее либо не добавляющее нечто к прежним его воззрениям. Наконец, в очень редких случаях добавляется чувство

обоснованности авторитета (см. § 547); но обычно люди вначале ощущают чувство авторитета, и затем уже начинают искать для него подтверждения.

- 547.** В логико-экспериментальном аспекте большая уверенность, с которой выражается утверждение, может быть указанием, хотя бы отдаленным, на то, что его не ставят под сомнение. Когда оно выражается на латинском языке, если не вызубрено и не повторяется, подобно попугаю, оно свидетельствует об определенной эрудированности автора, которая может подтверждать его легитимный авторитет. В целом, когда высказывания выражаются в необычной форме, это нередко вводит слушателей в заблуждение, внушая им, что они исходят от людей, лучше других способных познавать действительность. В случае появления такого высказывания в печати — в газете или книге, можно заметить, что необычное утверждение, заявленное публично, легче оспаривать, чем скрытно передаваемое из уст в уста. Поэтому, когда за ним не следует опровержения, считается, что в первом случае утверждение имеет более высокую вероятность соответствовать действительности, чем во втором. Но довольно редко люди исходят из такого рода оценок, когда не логико-экспериментальные доводы, но чувства побуждают их с доверием отнестись к утверждениям, переданным упомянутыми способами.
- 548.** $I\gamma$. <Смесь фактов и чувств>. Выделенные абстрактно рода $I\alpha$ и $I\beta$ в реальности почти всегда комбинируются, сочетаются и образуют данный род. Тот, кто приводит объяснение, может, хотя это бывает редко, сам не испытывать чувство, к которому прибегает при объяснении; но тот, кто это объяснение принимает, обычно такое чувство испытывает, иначе он бы не заявлял о своем согласии. Поэтому большинство встречающихся в конкретных случаях дериваций класса I относится к роду $I\gamma$, и выражения фактов и чувств в них настолько тесно соединяются, что нелегко бывает их разделить. Часто к этому добавляются чувства авторитета и иные подобные им чувства.
- 549.** *Класс II. Авторитет.* Здесь имеет место определенный способ доказательства и определенное средство убеждения. О первом мы уже говорили (см. § 245 и далее); теперь поговорим о втором. К этому классу принадлежат различные деривации. Они наиболее простые после выше рассмотренных дериваций. Так же как и при многих других деривациях, к их формированию причастны остатки сохранения агрегатов. К остаткам $II\zeta$, которые обеспечивают реальное воплощение чувств, добавляются остатки из других групп, например, остатки авторитета ушедшего из жизни отца или прародителей $II\beta$, традиции $II\alpha$, сохранения единообразий $II\epsilon$

и т. д. И наконец, остатки класса I обычно удлиняют деривации и усложняют их.

- 550.** П α . *Авторитет одного человека и более.* Предельным является случай исключительно логических дериваций. Характерно, что суждение человека сведущего в таких вещах имеет более высокую вероятность получить опытное подтверждение, чем суждение человека несведущего и с малым опытом. Такие логико-экспериментальные суждения мы здесь не рассматриваем. Но при других видах дериваций компетентность индивида не является экспериментальной; она выведена из ложных или даже только воображаемых признаков. Мы меньше отдаляемся от логико-экспериментального случая, когда предполагаем наличие авторитета с более или менее высокой вероятностью на основе признаков, которые могут оказаться истинными или ложными (см. § 547), и когда за счет сохранения агрегатов компетентность распространяется за границы той области, где она подтвердилась экспериментально. Во все времена остается актуальным изречение «*Ne sutor ultra crepidam*»*

Остаток благоговения (см. § 450) часто способствует приданию весомости тому, о чем утверждалось. Он может иметь много градаций: можно только восхищаться, а можно и боготворить. При деривации это может делаться в любой форме, но на высших ступенях чаще всего это совершается в форме авторитета или традиции, передаваемых устно или письменно.

- 551.** Остаток авторитета проявляется также в приемах, которые используются для того, чтобы этот авторитет подорвать, как это можно увидеть в единообразии, проявляющемся при полемике в областях теологии, морали, политики.

В логико-экспериментальном аспекте истинность суждения «*A равно B*» не зависит от моральных качеств того, кто его высказывает. Если бы обнаружилось, что Евклид был убийцей, вором, худшим из всех живших когда-либо людей, это не аннулировало бы доказательств его геометрии.

Иначе обстоит дело в аспекте авторитета, если суждение «*A равно B*» принимается только благодаря авторитету того, кто его высказывает, то ослабление его авторитета наносит урон также доказательству того, что *A* равно *B*. Уловка многих полемистов заключается именно в попытке перенесения суждений из области логико-экспериментальной в область, где господствует авторитет.

- 552.** П β . *Авторитет традиций, обычаев и нравов.* Этот авторитет может выражаться устно, письменно, анонимно, относиться как к реальной личности,

* Сапожник, (судя) не выше сапога (*лат.*).

так и к персонажу из легенды. В таких деривациях особую роль играют остатки сохранения агрегатов, благодаря которым в прошлом «мудрость предков», а сегодня «традиции партии» приобретают собственное и независимое существование. Деривации, относящиеся к авторитету традиции, очень многочисленны. Нет такой страны, нации, такого отдельно взятого общества, где не было бы традиций; следовательно, они имеют большое значение во всех областях социальной жизни. Объяснять традицией тот или иной поступок оказывается очень легко, поскольку среди множества легенд, какие уже существуют либо при удобном случае могут быть созданы, без труда найдется такая, которая благодаря более или менее отдаленному подобию, более или менее неопределенному согласию с чувствами подойдет для «объяснения» этого поступка.

553. Обычай порой не отличается от традиции. Во многих случаях тот, кто следует обычаю, не может дать этому никакой иной мотивировки, кроме того, что «так поступают».
554. Основной традиции могут быть независимые остатки, и, если они оказываются достаточно сильными, это делает общество ригидным, побуждает его к отвержению почти всего нового. Но часто традиции — это только деривации, и в таком случае общество может более или менее существенно обновляться, по сути, оно может вступать в противоречие с традициями и только по форме сохранять им верность. Это происходит во многих христианских сектах.
555. Деривации, как мы часто видели, в основном отличаются пластичностью; это особенно касается тех, которые связаны с авторитетом традиции. Можно извлекать все, что угодно, например, из книги, в которой переданы традиции. Греки находили все у Гомера; латиняне — у Вергилия; итальянцы очень многое находят у Данте. Что касается Библии и Евангелия, то нам пришлось бы долго представлять множество самых различных, порой противоречащих друг другу учений, созданных на основе этих книг. Естественно, что каждая секта убеждена: именно она дает им «истинную» интерпретацию и с презрением отвергает все другие. Но эта «истинность» не имеет ничего общего с экспериментальной истинностью; здесь нет ни одного критерия, позволяющего выяснить, кто прав. В этой тяжбе имеются адвокаты, но нет судей (см. § 14).
556. До тех пор пока традиция используется только для построения деривации, ее критика, если не брать исключительных случаев, оказывает слабое влияние на социальное равновесие; если оно и не равно нулю, то, несомненно, невелико.

557. Почитаемые книги нередко обретают в итоге чудодейственную силу, что может приводить к их обожествлению, как это произошло с Библией, с <<Энеидой>> Вергилия и иными подобного рода книгами.
558. П γ . *Авторитет божественного существа или персонификации.* Если обратиться к сути, то деривации данного рода следовало бы отнести к предыдущей группе, поскольку о воле божественного существа или персонификации может быть известно только от людей или из традиции; но в отношении формы сверхъестественное вмешательство представляет собой весьма существенный момент, чтобы мы для него выделили отдельный род. «Вмешательство божества» порождает деривации трех родов. Во-первых, когда воля божества предполагается известной, человек может подчиниться ей просто из почтения, не уточняя и не вдаваясь в детали, считая мотивом своих действий только божью волю или добавляя к этому соображение о том, что необходимо ее уважать и чтить. Это будет рассматриваемый сейчас род. Во-вторых, человек может подчиниться этой воле из-за страха перед наказанием, которое настигает нарушителя. Здесь присутствует индивидуальный интерес, и действия являются логическим следствием, получаемым из исходных посылок. Такие деривации принадлежат к роду Ш β ; или же к роду Ш γ если индивидуальный интерес заменяется или дополняется коллективным интересом. В-третьих, человек может сообразовывать свои действия с предполагаемой волей божества из любви к этому божеству. Он может стремиться к тому, чтобы его поступки совпадали с чувствами божества, поскольку это похвально и достойно вне зависимости от результатов. Здесь берут свое начало деривации из рода Ш ζ .
559. Как неоднократно отмечалось, в процессе анализа мы абстрактно отделяем то, что соединено в синтезе конкретного. Реальные деривации, в которых фигурирует сверхъестественная сущность, очень часто сочетают в себе особенности отмеченных выше групп первого и второго рода, причем они порой настолько переплетаются, что их трудно отделить. К ним часто добавляются компоненты третьего рода, но это переход к метафизике, что особенно проявляется у резонеров. Многие индивиды испытывают к сверхъестественному существу смешанные чувства почтения, страха и любви, которые они сами не смогли бы разложить на более простые элементы. Споры в Католической Церкви о раскаянии и покаянии связаны с упомянутыми здесь разновидностями дериваций.
560. В этих трех группах дериваций следует обратить внимание на способы, при помощи которых, как полагают, можно узнавать о воле божьей или о согласии с предполагаемыми чувствами божественного существа. Такие способы очень просты в случае первых двух групп, за отдельными

исключениями; в третьей группе они намного сложнее. Античные предсказания были связаны с выяснением воли богов.

- 561.** Абстрактная сущность порой может дать основание для возникновения дериваций, относящихся к божеству, когда за счет остатков сохранения агрегатов начинается бесконечное приближение к нему: это, можно сказать, божество в процессе формирования.
- 562.** Деривация, призывающая следовать воображаемой воле или воображаемым чувствам сверхъестественного существа, тем эффективнее в плане убеждения, чем более силен остаток, соответствующий этому существу. То, как человек представляет себе способ познания этой воли — вопрос второстепенный; нет недостатка в средствах и уловках, позволяющих согласовать ее с тем, что наиболее важно для взывающих к ней людей. Часто люди верят, что они поступают определенным образом, подчиняясь воле сверхъестественных существ, тогда как в действительности, напротив, они предполагают присутствие такой воли именно потому, что поступают таким образом. «Это угодно Богу» — кричали крестonosцы, которые на самом деле были движимы инстинктом странствования, похожим на аналогичный порыв древних германцев, жадной приключений, стремлением к новизне, невыносимостью упорядоченной жизни, алчностью. Если бы ласточки рассуждали, то они также могли бы сказать, что перелетают из одного края в другой два раза в год, подчиняясь божьей воле. В наше время чтобы следовать законам «Прогресса», «Науки», «Истины», некоторые личности присваивают себе блага других людей, или содействуют тем, кто их присваивает; но в действительности ими движет самое естественное желание самим завладеть благами и преимуществами или снискать расположение тех, кто их уже присвоил. Сегодня на олимпе «Прогресса» обосновалось новое божество, которое получило имя «жизненные интересы» и стало ведать международными отношениями. Во времена варварства один народ начинал войну с другим народом, грабил его, вымогал деньги без особых рассуждений; в наши времена это все еще делают, но только во имя «жизненных интересов», и это, как утверждают, явное улучшение < нравов >. Тому, кто не сведущ в этой области, разбой европейских стран в Китае покажется, пожалуй, мало отличающимся от действий Аттилы в Римской империи; но тот, кто овладел казуистикой дериваций, сразу заметит огромную разницу между этими двумя случаями. В настоящее время «жизненные интересы» не отстаивают отдельные разбойники-одиночки, которые довольствуются более старым божеством и в оправдание своих действий просто говорят, что желают «жить так, как живут».
- 563.** *Класс III. Согласие с чувствами или принципами.* Само согласие часто имеется только с чувствами тех, кто строит деривацию, и тех, кто ее

принимает, между тем оно предстает как согласие с чувствами всех, большинства, честных людей и т. д. Затем эти чувства отделяются от субъекта, который их испытывает, и формируются принципы.

- 564.** *III α . Чувства.* Согласие с чувствами малого или большого числа людей. Эти деривации мы уже обсуждали (см. § 250 и далее), а именно — в связи с экспериментальной реальностью; остается добавить некоторые соображения относительно принимаемых ими форм.
- 565.** Согласие с чувствами может проявляться тремя способами, похожими на те, что были представлены при рассмотрении подчинения авторитету (см. § 558). Во-первых, человек может согласовывать свои действия с реальными или предполагаемыми чувствами других людей или абстрактного разума из простого почтения к мнению большинства или ученых людей, проводников этого разума. Это деривации рода III α . Во-вторых, человек может так поступать из страха перед последствиями, пагубными для него и для других, и тогда это деривации, относящиеся к родам III β , III γ , III δ . Наконец, человек может побуждаться к согласованию своих поступков с упомянутыми чувствами или, в крайнем случае, с «императивом», действующим благодаря его особым и таинственным качествам, загадочной силой. Так образуются еще два рода дериваций — III ϵ , III ζ . Среди остатков, действующих при образовании деривации, существенную роль играют остатки социальности (класс IV).
- 566.** К рассматриваемому роду III α относится также согласие с чувствами создателя деривации, который рассуждает исходя не из объективных отношений, но из простого согласия с чувствами и широко использует остатки инстинкта комбинаций (класс I). Достаточно того, что *A* имеет отдаленную или фантастическую аналогию с *B*, чтобы *A* использовалось для «объяснения» *B* в смутной согласии с неясными чувствами. Когда присутствует некоторая детерминация и чувства выражены в метафизической форме, мы имеем деривации из рода III ϵ . Часто деривации, образованные в согласии с чувствами, приобретают только вербальную форму, согласие устанавливается между чувствами, вызванными некоторыми словами; тогда они попадают в класс IV.
- 567.** Конкретные случаи часто содержат три группы дериваций, отмеченные в § 565; но вторая из них, очень важная для божественной персонификации, часто едва заметна или совершенно исчезает в деривациях, которые находятся в согласии с чувствами и, особенно, в деривациях метафизических. Во многих деривациях, находящихся в соответствии с чувствами, присутствует группа остатков класса IV, связанных с социальностью, т. е. чувство почтения индивида по отношению к коллективу, стремление

к подражанию и т. п. Именно в этом прочном агрегате заключена сила, направляющая людей к принятию рассуждений, основанных на консенсусе многих или всех людей (см. § 250 и далее). Здесь нам надлежит заниматься в основном вопросом о соответствии чувств, которые, как полагают, воздействуют сами по себе III α .

568. Согласие чувств часто бывает выражено само по себе, без определенного отношения к объективной реальности. В метафизике приходится искать эту определенную форму, которая часто выражается утверждением об идентичности согласия с идеями и согласия с объективными вещами, которые этим идеям соответствуют (см. § 252, 253). Можно выразить мысль о такой идентичности, сказав, что «если некое представление существует в сознании всех людей, или большинства людей, или абстрактного существа, то оно непременно отвечает чему-то объективно реальному». Часто эта идентичность только подразумевается, и при наличии остатка не возникает та вербальная форма, которой бы такой остаток II ζ соответствовал; порой в разных формах она выражается как самоочевидное и аксиоматическое положение, и такая манера особенно свойственна метафизикам. Порой еще пытаются доказывать данное положение, удлиняя этим деривацию: например, утверждают: то, что существует в сознании любого человека, было внесено Богом и, следовательно, должно непременно соответствовать чему-то объективно реальному. Эта манера особенно присуща теологам, хотя она используется и другими. Кроме того, имеется прекрасная теория *реминисценции**, нет недостатка в отношении других метафизических теорий такого же рода, включая и позитивистские теории Г. Спенсера.

569. Почти во всех конкретных деривациях присутствует деривация всеобщего консенсуса, консенсуса большинства, людей честных и мудрых, человеческого духа, истинного разума, консенсуса с мнением уравновешенного, благоразумного человека и т. д. Очень часто она присутствует неявно; нередко она скрывается под разными формами. Например, ее выражают в безличной форме: «считается», «понятно», «полагают» и т. д., или взывают к имени — «такую-то вещь именуют так», т. е. придается этой вещи то имя, которое соответствует некоторым чувствам создателя деривации. Пословицы, поговорки, универсальные сентенции, приводимые в качестве подтверждения, также обычно скрывают реальный или воображаемый консенсус большинства.

570. III β . *Индивидуальный интерес.* Если требуется побудить индивида осуществить действие A, которого сам он спонтанно не стал бы совершать,

* *Reminiscenza* (итал.) — смутное воспоминание.

то могут быть задействованы различные средства, и только некоторые из них относятся к деривациям.

571. К деривациям не относятся следующие способы побуждения к действию. Первый случай, когда индивид не знает о том, что для него было бы полезно сделать *A*, и ему указывают на это. В этом и состоит задача опыта, профессионального мастерства, науки. Например, опыт учит создавать и хранить запасы при изобилии, чтобы затем противостоять дефициту; производственные навыки — как добыть железо и сделать из него плуг; знания — как достичь определенной цели. Второй случай, когда к совершению *A* индивид принуждается внешней и реальной силой, за счет эффективных санкций. Гражданские и уголовные законы как раз и устанавливают действующие санкции. Простые обычаи и традиции также содержат санкцию, которая состоит в порицании нарушителя и проявляется во враждебности и неприязни к нему со стороны коллектива. В третьем случае совершение *A* предписывается собственной природой индивида, поэтому, не совершив этого, он испытывает угрызения совести и нравственные муки.

572. К деривациям, напротив, принадлежат следующие способы. Четвертый случай, когда только утверждают, хотя в действительности это не так, что совершение *A* окажется полезным индивиду и не принесет ему вреда. Этот способ соответствует первому, однако выводы не являются логико-экспериментальными. Здесь табу дается со спонтанной, внутренней санкцией. В этих деривациях главным образом задействованы те же остатки, что и при деривациях класса I (утверждение) и класса II (авторитет). Пятый случай, когда указание совершать действие *A* или не совершать его задается индивиду внешней силой с использованием санкций, хотя эта сила или санкция, или и то и другое, вещи нереальные. Данный способ соответствует второму, но там и внешняя сила и санкция были вполне реальными. В шестом случае уверяют, будучи не в состоянии доказать, что индивид станет испытывать угрызения совести и ему будет неприятно, если он совершит или не совершит действие *A*. Такой способ соответствует третьему случаю. Все эти деривации очень важны в человеческих сообществах, поскольку в них прежде всего стремятся устранить возможное противоречие между индивидуальным и коллективным интересом. Одно из средств, наиболее широко используемых для этой цели, как раз и заключается в согласовании обоих интересов при помощи дериваций. При этом утверждается, что эти интересы идентичны — индивид, радующийся о благе своего коллектива, заботится также и о собственном благе (см. § 733—766). Отмеченная идентификация интересов достигается спонтанно благодаря четвертому или шестому способу, или, через вмешательство нереальной внешней силы, благодаря пятому способу.

к подражанию и т. п. Именно в этом прочном агрегате заключена сила, направляющая людей к принятию рассуждений, основанных на консенсусе многих или всех людей (см. § 250 и далее). Здесь нам надлежит заниматься в основном вопросом о соответствии чувств, которые, как полагают, воздействуют сами по себе IIIα.

568. Согласие чувств часто бывает выражено само по себе, без определенного отношения к объективной реальности. В метафизике приходится искать эту определенную форму, которая часто выражается утверждением об идентичности согласия с идеями и согласия с объективными вещами, которые этим идеям соответствуют (см. § 252, 253). Можно выразить мысль о такой идентичности, сказав, что «если некое представление существует в сознании всех людей, или большинства людей, или абстрактного существа, то оно непременно отвечает чему-то объективно реальному». Часто эта идентичность только подразумевается, и при наличии остатка не возникает та вербальная форма, которой бы такой остаток IIζ соответствовал; порой в разных формах она выражается как самоочевидное и аксиоматическое положение, и такая манера особенно свойственна метафизикам. Порой еще пытаются доказывать данное положение, удлиняя этим деривацию: например, утверждают: то, что существует в сознании любого человека, было внесено Богом и, следовательно, должно непременно соответствовать чему-то объективно реальному. Эта манера особенно присуща теологам, хотя она используется и другими. Кроме того, имеется прекрасная теория *реминисценции**, нет недостатка в отношении других метафизических теорий такого же рода, включая и позитивистские теории Г. Спенсера.

569. Почти во всех конкретных деривациях присутствует деривация всеобщего консенсуса, консенсуса большинства, людей честных и мудрых, человеческого духа, истинного разума, консенсуса с мнением уравновешенного, благоразумного человека и т. д. Очень часто она присутствует неявно; нередко она скрывается под разными формами. Например, ее выражают в безличной форме: «считается», «понятно», «полагают» и т. д., или зывают к имени — «такую-то вещь именуют так», т. е. придается этой вещи то имя, которое соответствует некоторым чувствам создателя деривации. Пословицы, поговорки, универсальные сентенции, приводимые в качестве подтверждения, также обычно скрывают реальный или воображаемый консенсус большинства.

570. IIIβ. *Индивидуальный интерес.* Если требуется побудить индивида осуществить действие A, которого сам он спонтанно не стал бы совершать,

* *Reminiscenza* (итал.) — смутное воспоминание.

то могут быть задействованы различные средства, и только некоторые из них относятся к деривациям.

571. К деривациям не относятся следующие способы побуждения к действию. Первый случай, когда индивид не знает о том, что для него было бы полезно сделать *A*, и ему указывают на это. В этом и состоит задача опыта, профессионального мастерства, науки. Например, опыт учит создавать и хранить запасы при изобилии, чтобы затем противостоять дефициту; производственные навыки — как добыть железо и сделать из него плуг; знания — как достичь определенной цели. Второй случай, когда к совершению *A* индивид принуждается внешней и реальной силой, за счет эффективных санкций. Гражданские и уголовные законы как раз и устанавливают действующие санкции. Простые обычаи и традиции также содержат санкцию, которая состоит в порицании нарушителя и проявляется во враждебности и неприязни к нему со стороны коллектива. В третьем случае совершение *A* предписывается собственной природой индивида, поэтому, не совершив этого, он испытывает угрызения совести и нравственные муки.

572. К деривациям, напротив, принадлежат следующие способы. Четвертый случай, когда только утверждают, хотя в действительности это не так, что совершение *A* окажется полезным индивиду и не принесет ему вреда. Этот способ соответствует первому, однако выводы не являются логико-экспериментальными. Здесь табу дается со спонтанной, внутренней санкцией. В этих деривациях главным образом задействованы те же остатки, что и при деривациях класса I (утверждение) и класса II (авторитет). Пятый случай, когда указание совершать действие *A* или не совершать его задается индивиду внешней силой с использованием санкций, хотя эта сила или санкция, или и то и другое, вещи нереальные. Данный способ соответствует второму, но там и внешняя сила и санкция были вполне реальными. В шестом случае уверяют, будучи не в состоянии доказать, что индивид станет испытывать угрызения совести и ему будет неприятно, если он совершит или не совершит действие *A*. Такой способ соответствует третьему случаю. Все эти деривации очень важны в человеческих сообществах, поскольку в них прежде всего стремятся устранить возможное противоречие между индивидуальным и коллективным интересом. Одно из средств, наиболее широко используемых для этой цели, как раз и заключается в согласовании обоих интересов при помощи дериваций. При этом утверждается, что эти интересы идентичны — индивид, радеющий о благе своего коллектива, заботится также и о собственном благе (см. § 733–766). Отмеченная идентификация интересов достигается спонтанно благодаря четвертому или шестому способу, или, через вмешательство нереальной внешней силы, благодаря пятому способу.

- 573.** В главе 3 (см. § 110 и далее) дана классификация предписаний и санкций в связи с приданием нелогическим действиям вида логических действий (см. § 527). Соотнесем эти классификации. Классы, выделенные в главе 3, были обозначены как *a*, *b*, *c*, *d*. В *a* доказательства нет; следовательно, класс *a* исключен из числа дериваций; он оказывается среди остатков. В *b* доказательство есть, но дается сокращенно. Если и поскольку оно может быть реконструировано, то тогда *b* входит в разряд дериваций, только если речь идет о псевдоэкспериментальном доказательстве; в таком случае оно соответствует четвертому, или также шестому способу. Если доказательство является логико-экспериментальным, то *b* соответствует первому, а также третьему способу. В *c* санкция вполне реальна, она осуществляется реальной силой; следовательно, перед нами случай, относящийся ко второму способу. В *d* либо сила, либо санкция, либо и то и другое не являются реальными; следовательно, этот класс соответствует пятому способу. Теперь рассмотрим четвертый, пятый и шестой способы подробнее.
- 574.** *Четвертый способ <придания индивидуального интереса действию>. Псевдоэкспериментальное доказательство.* К нему относится табу с санкцией; про табу без санкции уже шла речь (см. § 107 и далее). Считается бесспорным, что нарушение табу вызовет пагубные последствия, сходные с теми, какие постигают того, кто нарушает предписание не пить ядовитое зелье. В том и в другом случае существуют средства, позволяющие избежать таких последствий. Для табу последствия и средства оказываются псевдоэкспериментальными (четвертый способ); тогда как в случае предписания в отношении яда они экспериментальные (первый способ).
- 575.** Рейнах считает, что библейское предписание почитать отца и мать представляет собой табу (в сущности, в простейшей форме оно и было таким): «Не оскорбляй (не бей и т. д.) своего отца и свою мать, иначе ты умрешь». Здесь сообщается самопроизвольное следствие такого действия. Точно так же, согласно Рейнаху, прикосновение ко Гробу Господнему имело своим самопроизвольным следствием смерть. Когда Уцца умер оттого, что дотронулся до этого гроба, «не Всевышний сразил невинного Уццу; сам Уцца допустил неосторожность, аналогичную неосторожности человека, который дотронулся до электрического провода и умер от удара током»⁵³.
- 576.** С одной стороны, такого рода табу оказывается очень сильным, поскольку оно сразу и непосредственно приводит в действие остатки комбинаций (см. § 533, п. 3). Действительно, распространение подобных табу отмечалось не только в давние, но и в более приближенные к нам времена.

⁵³ Reinach S. Cultes, mythes et religions. T. 1. P., 1905. P. 6, 4.

С другой стороны, четкие санкции табу изложены так, что могут быть опровергнуты наблюдением; следовательно, при регулярном использовании наблюдения и логики такие табу должны были трансформироваться. Вначале они становились неопределеннее и тем самым защищались от опровержения в отношении санкции, а затем они раздваивались. С одной стороны, санкция переносилась в сверхъестественный мир, что в большей мере устраивало простонародье, чем образованных людей. С другой — вокруг нее напускались такие облака метафизики, что она становилась непостижимой и в результате этого — неопровержимой, так как никто не может опровергнуть существование неведомого.

577. Табу и предписания со сверхъестественными санкциями, так же как и теории, которые с помощью разного рода софизмов приводят к исчезновению индивидуального интереса, мы будем рассматривать в дальнейшем (см. § 728 и далее). Здесь исследуются только деривации, отличающиеся такой явно выраженной особенностью, как сведение к принципу индивидуального интереса действий, которые не выглядят зависящими от него.
578. В качестве типичного примера рассмотрим рассуждение, встречающееся в очень многих деривациях, так называемый софизм по поводу распределения добра и зла. Допустим, в составе коллектива имеется индивид, совершающий действие *A*, вредное для всего коллектива. Требуется доказать, что для соблюдения его личного интереса ему полезно воздержаться от такого действия. Тогда отмечают, что этот индивид, являясь частью коллектива, получит свою долю от вреда, наносимого всем, и делают вывод о том, что если он такое действие совершает, то только по незнанию. Отсюда делается более общий вывод, что ошибки людей относительно того, что для них составляет добро, являются источником всяческого зла.
579. Софистичность этого умозаключения состоит, во-первых, в исключении из рассмотрения количественной оценки пользы и вреда, в предположении, что *все* люди поступают так или что *все* они поступают иначе; между тем есть случаи, когда одни поступают так, а другие — иначе. Во-вторых, в непринятии в расчет этого соображения, а в экстремальном варианте — в учете только пользы или только вреда. Допустим, что *все* воздержались бы от действия *A*, и при этом всякий индивид, поскольку он является частью коллектива, имел бы некоторую пользу. Если теперь все, кроме единственного индивида, продолжат воздерживаться от действия *A*, то коллектив теряет очень мало, тогда как этот индивид, совершив *A*, получит для себя гораздо больше пользы, чем урона как для представителя коллектива. Ошибочность такого умозаключения распознается не сразу, это связано с остатком, который чаще всего присутствует в аргументации

имплицитно и порождает первую половину ошибки. То есть предполагается, но не высказывается, что все поступают так же как и рассматриваемый индивид; в таком случае издержки распределяются, а прямая прибыль, большая ее часть по крайней мере, элиминируется. Ответ свелся бы к тому, что тот, кто совершает действие *A*, вовсе не желает, чтобы другие поступали таким же образом; но этого ответа нельзя дать, не оскорбив чувство равенства. Представим себе, к примеру, поведение вора. Мы желаем убедить его в том, что воровство противоречит его индивидуальному интересу; поэтому укажем ему, что вред, приносимый обществу из-за наличия краж, отчасти выпадает и на его долю. Это расходы на содержание полиции, судов, тюрем и т. д., убытки, связанные с обеспечением надежной охраны. Безусловно, если бы никто не воровал, то общество имело бы от этого пользу, которая передалась бы каждой из его частей. Но вор может ответить, во-первых, что его непосредственная польза от воровства превышает опосредованный вред для него как части общества, особенно если учесть то обстоятельство, что его воздержание от воровства не приведет к тому, что и другие станут также от него воздерживаться. Во-вторых, что действительно, если бы все или многие воровали, то с высокой вероятностью опосредованный вред во многих случаях превысил бы непосредственную пользу, но он вовсе не желает, чтобы воровали все; напротив, он хотел бы, чтобы все были честными, он был единственным вором.

580. С этой деривацией имеет сходство еще одна, которой некоторое время назад пользовалась для защиты солидарности. Говорили, что все люди взаимозависимы; более того, для придания большей силы аргументации отмечалась взаимосвязь всех живых существ: животные зависят от растений, растения — от минералов. Отсюда делался вывод, что каждый человек, поскольку он зависим от других людей, не сможет достичь собственного блага, если не станет поступать на благо других людей. Перечисление неполное. Кроме зависимости такого рода, когда *A* достигает собственного блага, обеспечивая благо *B*, *C*..., имеется также зависимость, когда *A* добивается собственного блага, действуя во вред *B*, *C*... как, например, волк, поедающий овец, или рабовладелец, использующий труд рабов. Рассмотренное рассуждение настолько наивно, что не может приниматься никем, кроме тех, кто уже убежден в этом.

581. IIIγ. *Коллективный интерес.* Если такой интерес реален и индивид логически четко совершает действия по его реализации, то деривации нет и перед нами просто логические действия, направленные на достижение цели. Некоторые остатки (класс IV) побуждают его совершать их. Но часто объективная цель отличается от субъективной цели (см. § 63), и тогда перед нами нелогические действия, для оправдания которых прибегают

к деривациям. Такая практика очень широко используется теми, кто желает добиться чего-нибудь, притворяясь, что требует этого не для себя, а для коллектива. Некоторые политиканы хотят добиться для себя того, чего они требует ради партии, ради страны, ради отечества; некоторые рабочие стремятся улучшить свое положение, но требуют этого ради «пролетариев» и «рабочего класса». Некоторые промышленники стремятся получить льготы от правительства для своего предприятия, но добиваются их ради развития промышленности вообще, ради тех, кто занят в сфере производства. Немногим более полувека назад «спекулянты» (см. § 953) оказались настолько предусмотрительными, что стали добиваться от государственной власти все более значительных преимуществ, требуя их во имя интереса трудящихся, а также «общественного интереса».

582. Этот род дериваций настолько известен, что к нему обычно сводят все другие. Полагают, явным или неявным образом, что тот, кто высказывает неверные суждения, скорее всего неискренен и что, если бы он был искренним, то придерживался бы верных суждений. Это не соответствует реальности, как можно хорошо увидеть на примере многих важных дериваций, представленных в этой главе.

583. *Шб. Юридические сущности.* Живущий в цивилизованном обществе человек приобретает опыт в установлении некоторых моральных и юридических отношений, которые непрестанно дают образцы его жизни, закрепляются в его сознании и в итоге становятся частью его интеллектуального бытия. Затем, за счет сохранения агрегатов, склонности к абсолютизации всего относительного, он обобщает <эти сущности>, вынося за границы, в которых они применимы. Руководствуясь знанием некоторых случаев и обстоятельств, к которым они подходили, он прилагает их к любому случаю и обстоятельству, и отсюда рождаются концепции абсолютной морали и абсолютного права. Таким образом, предполагают, что такие отношения, появившиеся и изменявшиеся вместе с данным обществом, существовали до возникновения общества как такового и, более того, дали ему начало. Так создаются теории «общественного договора», «социального контракта», «солидарности», с добавлением теорий «общественного долга», «мира благодаря праву» и иных. Не довольствуясь этим, он порой распространяет юридические и моральные отношения, существующие среди людей, на животных, на живых существ вообще и даже на неодушевленные объекты; считает, что воздействие, которое иногда оказывает на людей живое слово, распространяется также на вещи. Отсюда рождается представление о волшебных кармах, и слово становится мощным средством воздействия на вещи, оказывается способным даже перемещать или останавливать звезды. В этих случаях

участвуют остатки $I\beta_1$, посредством которых некоторые аналогии, действительные или мнимые, побуждают нас распространять свойства одного объекта на другой. Сущность <такой операции> задается сохранением агрегатов; форма определяется деривациями, с помощью которых стараются придать таким нелогическим действиям облик логических. Обычно в конкретных феноменах имеется смесь разного рода нелогических действий, дериваций и логических действий, которые нацелены на извлечение определенной пользы из совершаемых нелогических действий. Перед нами инстинкт (остаток) сохранения агрегатов, в силу которого люди распространяют юридические отношения на случаи, когда они совершенно неуместны, и находятся желающие использовать это для достижения собственных целей; но очевидно, что это было бы невозможно, если бы указанного инстинкта не существовало. Хитрецы пользуются средствами, которые им попадают под руку: в Средние века это были процессы в отношении мертвых и животных, сегодня это декламации о «солидарности», завтра не будет недостатка в других приемах.

584. *IIIε. Метафизические сущности.* В этих деривациях ведется поиск согласования с некоторыми сущностями, посторонними по отношению к экспериментальной области. По существу, здесь действует согласование чувств, комбинация остатков; но за формой дериваций всегда скрыты метафизические сущности, находящиеся вне опыта, но не являющиеся сверхъестественными. Для создания дериваций <такого вида> используются главным образом остатки $II\delta$, $II\epsilon$, $II\theta$, к которым в частных случаях обычно добавляются другие остатки. В логико-экспериментальном аспекте эти деривации мало отличаются или вовсе не отличаются от тех, которые оперируют персонифицированными божествами.

585. Метафизические деривации особо подходят и используются образованными людьми; простонародье, по крайней мере в наших странах, склонно возвращаться от этих абстракций к персонификациям. Разумеется, было бы абсурдным полагать, что кто-нибудь из наших современников представляет себе Солидарность в облике прекрасной женщины, как афиняне когда-то воспринимали богиню Афину; и все же для нашего простонародья Солидарность, Прогресс, Человечество, Демократия не относятся к классу простых абстракций, подобных геометрической плоскости, химическому средству, светящемуся эфиру; они располагаются в значительно более высоких сферах, оказываясь всемогущими сущностями, которые приносят благо человеческому роду.

586. Эта деривация присутствует во всех рассуждениях, когда апеллируют к Разуму, Истинному разуму, Природе, Цели человеческого бытия и другим аналогичным Целям, к Благу, Высшему Благу, Справедливости,

Истине, Добру, а сегодня особенно — к Науке, Демократии, Солидарности, Человечеству и т. д. Все эти наименования указывают только на неясные, смутные чувства.

587. Метафизические сущности могут быть едва заметными; они проявляются в ослабленной форме при определенных согласованиях чувств исключительно для придания им интеллектуальной окраски. Это часто имеет место в объяснениях нравов и обычаев. Например, приветствуют солнце, боготворят его, восхищаются им, поскольку оно — первоисточник жизни на земле. Когда-то полагали, что можно продлить жизнь, принеся в жертву детей, как будто жизнь является флюидом, передаваемым от одного живого существа другому. Исходя из такой же идеи, мужчина преклонного возраста в надежде восстановить силы ложится спать с молодой женщиной. Сходства, часто мнимые, воображаемые, трансформируются в метафизические сущности и используются для объяснения фактов, но чаще — для придания видимости логики остаткам инстинкта комбинаций (класс I).
588. Метафизическое понятие используется как нечто само собой разумеющееся; и в этом случае перед нами деривации, очень близкие тем, что основаны на согласии чувств (см. § 568), причем настолько, что их можно легко спутать друг с другом. Примечательный пример: метафизики опровергают логико-экспериментальную науку с помощью принципов, которые она отвергает как ошибочные, и любой ценой стремятся отыскать абсолют в ее рассуждениях, которые неоднократно объявлялись ею относительными. Они называют «недалекими» тех, кому полученное образование не позволяет следовать в область их фантазмагорий. Действительно, их «знание» не содержит пробелов, между тем как вся экспериментальная наука представляет собой пробелы. Они привели «неопровержимый» аргумент, состоящий в том, что для получения необходимых следствий надо исходить из принципа, возвышающегося над опытом. Кажется невероятным, но еще встречаются такие недалекие люди, которые не могут понять, что экспериментальная наука не содержит, не ищет и не стремится получать необходимые следствия (см. § 386), что она отвергает любой абсолют, выражающий подобное понимание необходимого, что она ищет следствия, справедливые только в заданных временных и пространственных границах. Теперь эти ученые мужи сделали еще одну важную находку, о которой изо всех сил шумит разрастающаяся крикливая стая их сторонников-пропагандистов. В отношении экспериментальных дедукций, сделанных на основе некоторого весьма ограниченного числа фактов, они выдвигают возражение — мол, не были проверены все факты — и заключают более или менее явным образом, что такие дедукции не носят необходимого характера, т. е. не являются всеобщими,

универсальными. Они ломаются в открытую дверь, потому что именно это и утверждают последователи экспериментальной науки. Она находится в непрерывном становлении именно потому, что каждый раз обнаруживаются новые факты и, следовательно, в любой день может произойти то, что потребует кардинально изменить или совершенно отбросить выводы, сделанные на основе ранее известных фактов. Таким был до сих пор процесс развития всех опытных наук, и ничто не указывает на то, что теперь он начинает меняться.

- 589.** Более того, сегодня нельзя получить универсальные выводы, так как нам неизвестно о фактах Q , R , которые будут обнаружены завтра; и может оказаться, что не будет даже ставиться задача получить общие выводы из тех фактов A , B , C ..., P , которые нам известны, но будут предприняты попытки распределить их по различным категориям, на основе одних частных выводов — для категории A , B , C и других частных выводов — для категории D , E , F , и т. д. Такая общая процедура представляет собой начало проведения любой научной классификации.

Если бы, после того как мы выбрали и объединили факты A , B , C , поскольку они имеют общее свойство X , мы высказали суждение, что эти факты отличаются данным свойством, то стали бы рассуждать по кругу. Но такие утверждения, как следующее: «Существует некоторое количество фактов, в которых проявляется свойство X ; где имеется свойство X , там присутствует также свойство Y », являются, собственно, теоремами. Например, мы отбираем животных, которые вскармливают потомство молоком, и называем их млекопитающими. Мы стали бы рассуждать по кругу, если бы говорили: «Млекопитающие вскармливают потомство молоком». Но утверждение: «Существует достаточно большое количество животных, которые вскармливают молоком свое потомство; животные, вскармливающие потомство молоком, являются теплокровными», — это уже теорема. Все это предельно ясно и элементарно, но забывается, не учитывается, игнорируется только из уважения к деривации, в которой присутствует, пусть и неявно, принцип абсолюта, и под давлением соответствующих этой деривации чувств. Метафизик, привыкший рассуждать по определенному шаблону, не способен понять рассуждения совершенно иного рода; он переводит их на собственный язык, искажая, деформируя высказывания, сделанные на чужом и неведомом для него языке экспериментальных наук. Он, бедняга, полагает, что приверженцы экспериментальных теорий игнорируют мудрости метафизики.

- 590.** III. *Сверхъестественные сущности.* В изложении теории, в ее письменном виде может быть как больше, так и меньше описаний экспериментальных фактов, но сама теория содержится в выводах, получаемых из исходных посылок — реальных или воображаемых. Является теория

логико-экспериментальной или нет — это в объективном отношении во все не вопрос о том, больше или меньше дается описаний фактов. Мы можем ничего не знать о том, что происходит вне экспериментальной области, и поэтому проблема, насколько близка или удалена теория от опыта, объективно не существует. Но эта проблема может появиться в связи с чувствами: можно исследовать, насколько отдаленными от экспериментальной реальности выглядят те или иные теории. Ответы будут разными в зависимости от того, какие люди их дают. Для начала можно разделить их на три группы: *А* — те, кто в этом исследовании строго придерживаются логико-экспериментального метода. *В* — те, кто к нему прибегают редко, а то и вовсе его не используют. Кроме того, следует учесть, что некоторые материалы содержат объяснения только одного рода; здесь мы ведем речь о таких материалах, в которых содержатся объяснения как экспериментальные, так и неэкспериментальные.

Группой *А* мы не занимаемся, т. е. оставляем в стороне тех малочисленных ученых, которые ясно отличают экспериментальное знание от неэкспериментального. Для них деление теорий в отношении экспериментального содержания оказывается простым: логико-экспериментальные теории и теории, не являющиеся логико-экспериментальными.

Группу *В* надо разбить по подгруппам в соответствии с тем, насколько широко, предусмотрительно, разумно и осмысленно применяется логико-экспериментальный метод.

Подгруппа *а*. Сегодня, как и в недавнем прошлом, образованные люди, которые более или менее владеют логико-экспериментальными методами, и те, на кого повлиял их авторитет, полагают, что персонификации отстоят от логико-экспериментальной области намного дальше, чем абстракции. Этому способствует также неразбериха, что неосознанно или намеренно создается в отношении абстракций и экспериментальных принципов. Следовательно, для этой группы людей экспериментальное содержание предстает как убывающее в следующем порядке: экспериментальные факты; псевдоэкспериментальные принципы; абстракции, основанные на чувствах, а также метафизические абстракции; персонификации, божества. Далее производятся наращивания, как, например, у гегельянцев, которые все сводят к третьей позиции; но последователей таких доктрин всегда немного, даже очень мало, большинству они просто непонятны. Мистерии метафизики протекают наравне с мистериями любой иной религии.

Подгруппа *б*. Для тех невежественных людей, которые не признают авторитета людей образованных, персонификации представляются располагающимися значительно ближе к реальности, чем любая абстракция. Нет необходимости в большой работе воображения, чтобы наделять другие существа волей и мыслями, обычно наблюдаемыми у человека. Гораздо легче представить себе Минерву, чем абстрактный Разум, проще

понять Бога Десяти заповедей, чем Категорический императив. Порядок следования относительно экспериментального содержания материала здесь, соответственно, иной: экспериментальные факты; псевдоэкспериментальные принципы; персонификации, божества; абстракции, основанные на чувствах, и метафизические абстракции. Здесь также создаются мистиками, теологами и иными деятелями свои наращивания. Они сводят все перечисленное к единственному элементу — к божеству. Приверженцев этих доктрин намного больше, чем чистых метафизиков; впрочем, среди цивилизованных народов их доля среди населения очень незначительна.

Подгруппа *c*. Наконец, для людей, не поддающихся воздействию теологических, метафизических, околонучных спекуляций, которые явно или неявно их отвергают, или, во всяком случае, оставляют без внимания, значимыми остаются только: экспериментальные факты и псевдоэкспериментальные принципы. Эти две категории материала смешиваются в гомогенную массу, когда, например, соединяются вместе средства экспериментальные и магические. И в этом случае возникают наращения в виде фетишизма и аналогичных ему верований. Имеется немало людей, которые смогли или могут усваивать эти воззрения, не считая их доктринами.

- 591.** Известно, что эволюция не следует только в одном направлении; поэтому гипотеза о народе, переходившем из состояния *c* в состояние *b*, а затем в состояние *a*, не отвечала бы действительности. Но для того, чтобы узнать реальное положение дел, можно начать с такой гипотезы и дополнить ее в дальнейшем соображениями, которые приблизят нас к реальности. Таким образом, если в порядке гипотезы предположить, что народ последовательно проходит три состояния: *c*, *b*, *a*, то из сказанного следует, что масса нелогических действий на стадии *c* и их простейших объяснений постепенно должно приводить к объяснениям при помощи персонификации, а затем, благодаря появлению абстракций, — вызывать возникновение метафизических объяснений. На этом пункте придется остановиться, если мы хотим рассматривать всю совокупность населения; поскольку до сих пор никогда не бывало, чтобы все население, или хотя бы его значительная часть давала исключительно логико-экспериментальные объяснения, т. е. достигла состояния *A*, постольку не следует предполагать, что это когда-нибудь произойдет. Напротив, рассматривая ограниченное, даже очень малое количество образованных людей, можно отметить, что в наше время некоторые люди приближаются к этому состоянию *A*; и вполне вероятно, хотя и нет способа это доказать, что в будущем большинство людей полностью достигнут такого состояния.

Другое следствие из проведенных рассуждений такое: чтобы быть понятыми большинством, даже образованными людьми, следует рассуждать

на языке, соответствующем состояниям a , b , так как язык, свойственный состоянию A , и не может быть им понятен.

592. Описанная гипотетическая ситуация отдалена от реальной по следующим позициям: во-первых, мы отделяли материалы, которые допускают различного рода объяснения, от материалов, которые их не допускают. В реальности они перемешаны и передвигаются малыми незаметными шагами от одного края к другому. Во-вторых, при указании состояний a , b , c мы заменили непрерывные изменения прерывистыми. В действительности имеется бесконечное количество промежуточных положений. Впрочем, в этом нет большой беды, так как почти всегда приходится прибегать к такой процедуре, когда нет возможности обратиться к использованию математики. В-третьих, гораздо существеннее ошибка возникает от того, что народ рассматривается как однородная масса, тогда как он, напротив, неоднороден. Из того, что состояние одного класса влияет на состояние другого, вовсе не следует, что эти два состояния надо объединять в одно. Деление на образованных и необразованных людей представляет собой достаточно грубое упрощение; на самом деле классов, которые следовало бы рассмотреть, намного больше.

Чтобы рассуждения предстали в более наглядном виде, обратимся к рис. 13. Пусть $A, B, C, D...$ — различные страты населения. Определенная эволюция переводит страту A в точку m ; это воздействует на B , помимо общего действия эволюции, и переводит эту страту в точку n . Соппротивление со стороны B , в свою очередь, воздействует на A , вследствие чего

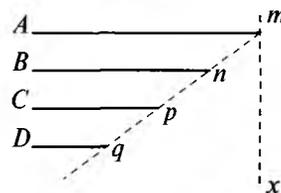

Рис. 13

ее положение m определяется не только общим направлением и ходом эволюции, но и сопротивлением ее движению со стороны B . Это же можно отметить, рассматривая большее количество страт $A, B, C...$ вместо рассмотренных двух. В итоге положение населения будет определяться линией $m, n, p, q...$, проходящей через точки $m, n, p, q...$, в которые придут различные страты благодаря общему действию эволюции, воздействиям друг на друга и ответным реакциям на такие воздействия. Если бы вместо многих страт рассматривалась только одна, например страта A , то общим результатом эволюции было бы единое, одинаковое для всех положение населения, очерчиваемое линией mx , которое может сильно отличаться от реального положения $m, n, p...$ В-четвертых, еще значительнее ошибка появляется при рассмотрении единственной эволюции, тогда как их несколько, единообразно прогрессирующей в определенном направлении эволюции, тогда как она обычно имеет волнообразный характер. В-пятых, следует помнить, что нельзя путать эволюцию дериваций с общей эволюцией общества, которая помимо этого охватывает также эволюцию

логики-экспериментальных наук, остатков, воздействие чувств, интересов и т. д. Поскольку в данной главе говорится исключительно о деривациях, то можно не опасаться этой ошибки, но в нее легко впасть, если четко не отличать логические действия от нелогических.

593. Другая ошибка, очень существенная и широко распространенная, особенно в наше время, состоит в предположении, что деривации персонификаций намного дальше отходят от экспериментальной реальности, чем метафизические деривации, между тем как отличаются они только формой. По существу, выражается одно и то же представление в строках из поэмы Гомера: «Свершается воля Зевса»⁵⁴ и в утверждении многих наших современников: «Свершается то, что предписывает Прогресс». Персонифицированы ли Прогресс, Солидарность, Высшая Человечность и т. д. — это малосущественно в аспекте экспериментальной сущности.
594. Что касается формы деривации, то в этом отношении персонификация более далеко отходит от метафизической абстракции, когда полагают, что такая воля выражена через откровение, передана посредством традиции или иными псевдоэкспериментальными способами. Это и есть то, что формирует деривации рода Пγ; между тем как, напротив, проявляется тенденция к их сближению при поиске способов согласования тех и других с определенными реалиями. Такого рода деривации в немалом количестве входят в состав теологических и метафизических построений.
595. Примечателен способ, используемый для определения божьей воли, с которой людям следует согласовывать собственные действия. Он заключается в предположении, что Бог, скорее всего, поступает так, как поступает здравомыслящий человек, и желает того же, чего желает такой человек. В итоге божья воля исчезает из выводов, где остается только воля этого здравомыслящего, или считающегося таковым, человека. Это еще один случай того общего способа рассуждения, при котором из выводов элиминируется неэкспериментальный термин *X* (см. § 188). То же случается при обращении к откровению, содержащемуся в текстах Священного Писания: если интерпретация достаточно обширная, аллегорическая и т. д., она оканчивается элиминацией неэкспериментальной части и, по существу, согласие устанавливается только с чувствами толкователя. Во всех таких случаях проявляется потребность в том, чтобы вместо простого утверждения давалась деривация. В логики-экспериментальном отношении простое утверждение, собственно говоря, имеет такое же или даже большее значение, чем интерпретация, поскольку оно

⁵⁴ *Omero. Iliade. I. 5 e passim.* [Гомер. Илиада. Одиссея / Библиотека всемирной литературы. Серия первая. М.: Художественная литература, 1967. С. 23.]

не может быть оспорено; но здесь действуют остатки $I\epsilon$, т. е. потребность в логических или псевдологических толкованиях.

596. Обычно с помощью подобных дериваций всегда можно одинаково хорошо доказать утверждения и *pro*, и *contra*. Принцип, согласно которому считается, что Бог поступает так, как поступил бы умный и здравомыслящий человек, используется как при доказательстве «истинности» положений Священного Писания, так и при доказательстве их «ложности». Нет особой необходимости добавлять, что в логико-экспериментальном отношении ни то, ни другое доказательство не имеет абсолютно никакой ценности. Так же как в чисто логическом отношении, оставив в стороне всякий опыт, нельзя согласовать идею о всеведущем Боге с представлением о том, что человек способен судить о его делах. Если необразованный, невежественный человек не в состоянии понять, что делает ученый в лаборатории, если немалое число других людей, необязательно необразованных, не могут судить о его деятельности, то тщетны претензии, чтобы мы, с нашими скудными знаниями, судили о делах того, у кого они во много раз обширнее. Эти суждения относительно персонификаций имеют в качестве обязательной исходной посылки наличие хотя бы смутного образа того, кто их создает.
597. *Класс IV. Вербальные доказательства.* Этот класс образован вербальными деривациями, полученными благодаря использованию неопределенных по значению, сомнительных, двусмысленных терминов, не соответствующих реальности. В самом широком смысле данный класс должен был бы охватить почти все деривации; но его следует ограничить только такими деривациями, вербальный характер которых наиболее сильно выражен и превалирует над всеми остальными их особенностями. В этом классе надлежит поместить логические софизмы в силу их формы, поскольку они служат для удовлетворения человеческой потребности рассуждать логически (остатки $I\epsilon$). Но эта сторона почти всегда является второстепенной и не определяет мнение того, кто принимает деривацию. Его позиция, напротив, определяется другим, намного более значимым, а именно — чувствами, подсказанными рассуждением. Эти логические софизмы обычно вводят в заблуждение только тех, кто уже расположен к тому, чтобы его ввели в заблуждение. Или, лучше сказать, здесь нет заведомого обмана: и автор рассуждения, и воспринимающий его индивид находятся в обоюдном согласии благодаря взаимному соответствию чувств; деривация нередко принимает внешний облик логического софизма.
598. При вербальных доказательствах остатками, наиболее активно используемыми при осуществлении деривации, являются остатки $II\zeta$, которые

придают реальное содержание абстракции, имеющей имя, и наоборот, допускают, что имени непременно должна соответствовать некая вещь. Далее, действуют другие остатки класса II; часто также и остатки I γ , которые таинственным образом соединяют имена с вещами; наконец, включаются еще и другие остатки в отдельных случаях. Остатки указывают на желание достичь цели, а стремление к ней реализуется при помощи различных приемов и ухищрений, которые язык с готовностью предоставляет в распоряжение.

599. Как мы неоднократно отмечали, термины обыденного языка чаще всего не соответствуют четко определяемым вещам; следовательно, любое рассуждение с применением этих терминов подвержено опасности стать вербальной деривацией. Такая вероятность минимальна для научных рассуждений, поскольку в них всегда даны вещи, а используемые по отношению к ним термины представляют собой простые их обозначения, подобные этикеткам; она возрастает при деривациях, в которых термины лишаются упомянутого свойства, и становится еще выше в метафизических построениях, которые почти всегда обладают свойствами вербальных дериваций.

600. Использование в силлогизме одного слова в различных значениях может привести к тому, что этот силлогизм будет иметь более трех терминов и, следовательно, станет ложным. Очень часто неопределенность среднего термина приводит к ошибочности всего силлогизма. От простой игры слов, не принимаемой всерьез, переходят в другую крайность — к рассуждениям, которые кажутся глубокими именно благодаря их неясности и неопределенности. Допустим, что имеется такое умозаключение: «*A* есть *X*; *X* есть *B*; следовательно, *A* есть *B*». Если *X* имеет два значения, то их нельзя путать друг с другом, например, *riccio di capelli* и *riccio animale** (в данном примере это будет просто шутка). Если *X* обозначает достаточно большой и неопределенный агрегат чувств, то в суждении «*A* есть *X*» могут превалировать одни чувства, а в суждении «*X* есть *B*» — другие. Следовательно, *X* в действительности раздваивается, но люди об этом не догадываются и восхищаются рассуждением (см. § 616). Например, если *X* — это Природа, Истинный разум, Добро или другая подобная сущность, то можно быть почти уверенными, если не сказать — совсем уверенными в том, что перед нами рассуждение именно такого рода. Пример: «Хорошо жить в согласии с Природой; Природа не предполагает наличия собственности; Следовательно, хорошо жить без

* Локон волос и ёж (*итал.*). В русском языке в качестве аналога можно привести косу — как способ убранства длинных волос и косу — как сельскохозяйственное орудие для кошения травы.

собственности». В первом суждении из этого смешанного агрегата чувств, выраженных термином Природа, порождаются чувства, благодаря которым то, что соответствует нашей склонности (*отвечает природе*), отделяется от всего, что мы вынуждены делать (что нам чуждо и враждебно), и чувство согласуется с суждением: «Хорошо живут в согласии с Природой». Во втором суждении проявляются чувства, которые отделяют то, что создает человек (т. е. искусственное), от того, что существует независимо от действий человека (т. е. естественное); при этом тот, кто руководствуется чувством, соглашается, что собственность — это не продукт Природы, что Природа ее не приемлет. Из этих двух суждений затем логически следует, что хорошо жить без собственности; и если такое суждение к тому же было принято человеком, не любящим думать, только на основе чувств, то он считает это суждение замечательным и совершенным во всех отношениях. Оно действительно оказывается таким в том смысле, что отвечает всем желаниям того, кто его принимает, включая и стремление видеть логическое обрамление для какой-либо деривации (см. § 383, 615).

- 601.** В конкретных случаях деривации класса IV, которые разделим теперь по родам, используются совместно и часто добавляются к другим деривациям. Не следует забывать, что конкретные деривации можно разбивать на простые деривации только в абстракции.
- 602.** В родах, относящихся к классу IV, деривации выступают в двух формах: в первом случае идут от вещи к термину; во втором — от термина к вещи, действительной или воображаемой. Реально эти две формы часто переплетаются, и после перехода от вещи к термину может совершаться возврат от термина к другой вещи. Такова суть очень многих рассуждений. Как мы отметили в § 44, можно выйти за пределы логико-экспериментальной области как при использовании терминов, которые соответствуют сущностям вне нее, так и с применением терминов нестрогих, неопределенных, которые плохо соответствуют экспериментальным вещам, и поэтому в деривациях используются те, и другие. В главе 5 нам уже встречались многие вербальные деривации; в § 282 рассматривалось, как переходят от вещи к имени и от имени к вещи, а в последующих параграфах показаны возникающие из-за этого ошибки, т. е. расхождения между деривациями и реальностью. Теории, согласно которым можно на основе этимологии вывести свойства вещи из ее имени (см. § 290), как раз и являются теми вербальными деривациями, в которых идут от имени к вещи. К этой прямой этимологической операции добавляется другая, обратная операция, при которой вещам приписывают некоторые свойства только на основании их имен. Все рассуждения, сделанные по этому поводу в главе 5, здесь непременно будут учитываться и дополняться.

603. IVα. *Неопределенный термин для обозначения реальной вещи и неопределенная вещь, соответствующая термину.* Данный род настолько широко распространен, что редко отмечается его отсутствие в конкретных деривациях. Поэтому о нем уже много говорилось, придется часто обращаться к нему и в дальнейшем. Здесь ограничимся рассмотрением одного типичного случая.
604. Знаменитый софизм, известный под именем «сорит» <или «куча»>*, заставил ломать голову многих исследователей в области логики. У тебя есть одно хлебное зерно; добавь к нему еще одно, затем еще одно, у тебя не будет кучи зерен. Добавь к ним еще одно зерно, кучи не получишь. Продолжая бесконечно долго прибавлять по зерну, ты придешь к выводу, что любое, сколько угодно большое количество зерен не является кучей. Софизм часто выражают в обратной форме, т. е. из кучи каждый раз берут по одному зерну и доказывают этим, что последнее оставшееся зерно будет представлять собой кучу. К тому же роду относится софизм о человеке, у которого выдергивают из головы один за другим все волосы, и при этом его нельзя назвать лысым до тех пор, пока на его голове остается хотя бы один волос. Цицерон хорошо объяснил, что этот софизм может быть обобщен: «Не только в отношении кучи зерна, от которой происходит наименование <софизма сорит>, но и в отношении любой иной вещи, будь то богатство и бедность, свет и тьма, великое и малое, длинное и короткое, широкое и узкое, если мы поставим вопрос о незаметных увеличениях или уменьшениях, то у нас не будет ответа»⁵⁵.
605. Философам, которые не смогли найти ошибку в этом софизме, помешала их приверженность метафизическому рассуждению. Они не могли признать ее, не признав одновременно, что все их рассуждения были ошибочными. В самом деле, ошибка сорита заключается в использовании терминов, порождающих неясные, неопределенные чувства, которым не соответствует ничего определенного, объективного, т. е. таких терминов, как много и мало, большое и малое, тяжелое и легкое и т. д. Если бы метафизик случайно это признал, то он ощутил бы, что это противоречит его самым лучшим рассуждениям, что к тому же классу, в который вошли приведенные выше термины, относятся и другие: хороший и плохой, прекрасный и ужасный, честный и нечестный, справедливый и несправедливый, моральный и аморальный и т. д. (см. § 384). Ответ, который следовало бы дать в отношении парадокса «сорит» таков: «Определите

* Софизм — цепь силлогизмов, в которой опущены некоторые посредствующие посылки; софизм «сорит» в древнегреческой философии — доказательство невозможности установить, сколько зерен образуют кучу.

⁵⁵ *Cicerone. Academicae quaestiones. II. 29. 92.*

нам, что вы понимаете под термином “куча” (или “груда”, и т. п.), и я Вам отвечу. Если, например, Вы скажете, что кучу образует тысяча зерен, то в тот момент, когда мы дойдем до 999 и Вы добавите к ним еще одно зерно, я скажу: “Вот теперь куча!” Но если Вы не желаете четко определять термины, которые стремитесь использовать в своих рассуждениях, то я не желаю отвечать. Тому, кто хочет получить ответ, надлежит ясно сформулировать вопрос». Такой же ответ следует дать и тем экономистам, которые еще и сегодня продолжают поиск причины стоимости: «Скажите нам, милостивые господа, что конкретно и точно обозначает эта самая стоимость, сообщите нам, как и почему должна быть одна причина ее, и тогда мы вам ответим». Конечно, в обычном разговорном языке термин «стоимость» имеет вполне очевидный смысл, так же как и термин «куча». К сожалению, эти смыслы одинаково неопределенные и, следовательно, не подходят для научных рассуждений. Оттого наш обыденный язык соглашается без каких-либо уточнений, что может быть только *одна-единственная причина стоимости*. Пользуясь таким языком, можно отметить, что *стоимость* имеет не *одну* «причину», а множество. Еще лучше было бы сказать так: стоимость зависит от бесконечного множества факторов.

606. IVβ. Термин, обозначающий некую вещь и порождающий побочные чувства; или побочные чувства, которые приводят к выбору термина. Этот род дериваций играет большую роль в судебном красноречии и в политике. Он очень эффективен для убеждения, тем более что чувства, подсказанные здесь самими терминами, проникают к тем, кто их слушают, незаметно них самих. Например, сохранение приверженности своей вере называют стойкостью, если эта вера ортодоксальная, и упрямством или упорством, если она еретическая. В 1908 г. друзья русского правительства называли исполнением приговора акт предания смерти революционера и убийством акт предания смерти высокопоставленного чиновника революционерами. Враги правительства меняли термины местами: первый акт становился убийством, а второй — исполнением приговора. Аналогичная замена совершается также с терминами «экспроприация» и «ограбление». В период Итальянско-турецкой войны 1912 г. в Италии называли информаторами тех арабов, которые сообщали итальянцам сведения о положении турецкой стороны; тех же, которые передавали подобные сведения с итальянской стороны в турецкий лагерь, напротив, именовали шпионами. Сегодня тот, кто хочет оказать содействие чему-нибудь, должен называть это нечто современным, демократичным, гуманным; будет еще лучше, если он назовет его в высшей степени гуманным и прогрессивным. Под таким артиллерийским огнем мало кто устоит.

607. Казус, происшедший с термином «свобода», довольно комичен. Теперь он зачастую означает нечто прямо противоположное тому, что означал

пятьдесят лет назад; но чувства, которые он порождает, остаются теми же, т. е. они указывают на состояние вещей, благоприятное для того, кто их использует и принимает. Если Пьер докучает Полю, то последний называет свободой избавление себя от его пут; но если потом он сам, в свою очередь, станет докучать Пьеру, то назовет свободой стягивание пут; в обоих случаях слово «свобода» порождает в Поле чувства, приятные для него.

Во Франции и в Италии прежние «либералы» настойчиво добивались того, чтобы индивиду было разрешено трудиться по собственному усмотрению, и с сарказмом обличали «деспотизм королей и духовенства», принуждавших его не работать в выходные и в праздничные дни. Теперь все изменилось. «Либеральная» доктрина требует введения принудительного отдыха в день Воскресения, который, чтобы порадовать антиклерикалов, называется днем еженедельного отдыха. Ультралибералы требуют учреждения государственных инспекторов, которым надлежит пресекать попытки граждан трудиться в такие дни, даже если они запираются в своих жилищах. Чтобы обосновать правомочность таких мер, они прибегают к остаткам из рода $IV\beta_2$; говорят, что разрешение индивиду работать в такие дни нарушает свободу тех, кто не желают работать в эти дни, и, следовательно, ему предписано пребывать в праздности во имя свободы. Любители метафизики добавляют, что так «государство устанавливает свободу». Термин «свобода», используемый в этой деривации, имеет три смысла.

Первый — неопределенный смысл абстрактной персонификации.

Второй — определенный смысл, каковым является право делать или не делать что-либо. Это право разделяется и принимает два смысла.

2a. Право, которое имеет конкретный индивид.

2b. Право, которое имеют другие, иначе детерминированные индивиды.

Часто эти два права вступают в противоречие, и, следовательно, мера, защищающая одного индивида, наносит ущерб другому. В деривации используются все указанные смыслы для того, чтобы приписать первому смыслу то, что относится к двум последним. Порой, чтобы двусмысленность стала незаметной, к термину «свобода» в первом значении добавляют какой-нибудь эпитет (см. § 609). В исследуемой деривации к первому смыслу можно направлять все, что относится к смыслу 2b, и сказать, что данная мера (запрет на работу в воскресенье) защищает свободу. Но с таким же основанием к первому смыслу можно было бы приравнять все, что относится к смыслу 2a, и утверждать, что данная мера нарушает свободу. Реальный конфликт нельзя разрешить ни при той, ни при другой деривации. Он разрешается только путем изучения того, чему следует отдать предпочтение ради достижения данной цели: превалированию смысла 2a над 2b или наоборот. Тем самым совершился бы переход от дериваций к логико-экспериментальным рассуждениям.

608. IV γ . Термин, имеющий несколько смыслов, и разные вещи, обозначенные одним общим термином. Эта деривация применяется либо непосредственно для того, чтобы сначала придать высказыванию один смысл, а затем использовать его в ином смысле, либо — опосредованным образом — для того, чтобы устранить противоречие между двумя высказываниями путем раздвоения смысла одного и более терминов. Помимо этого, она применяется для удлинения простого утверждения (см. § 537 и далее), что придает ему видимость логического рассуждения. Вместо того чтобы сказать кратко: *A* есть *B*, говорят: *A* есть *X*, и затем неявно, намеками, через соответствие чувствам, или явно утверждают, что *X* есть *B*, и этим «доказывают», что *A* есть *B*. В логическом плане этот окольный путь ничем не лучше более короткого прямого пути (см. § 314); однако в этом случае отдается дань уважения чувствам и удовлетворяется потребность в псевдологических построениях.

К этому роду относится немало софизмов, в которых средний термин раздваивается, имеет двоякий смысл, и другие, также довольно многочисленные софизмы, в которых термин последовательно получает два значения, из-за чего рассуждения идут по замкнутому кругу. Очень часто встречается такой тип рассуждений: утверждается, что все *A* имеют мнение *B*. При этом *A* получает неопределенный, нечеткий смысл, отвечающий чувствам слушателей; следовательно, слушатели ничего другого и не требуют. Но если кто-нибудь скажет: «Определите мне *A*», то ответ, более или менее запутанным и завуалированным образом, имплицитно сведется в итоге к тому, что *A* — это люди, имеющие мнение *B*, что придает *A* новое значение. Так рассуждение сведется к высказыванию, что люди, имеющие мнение *B*, имеют мнение *B*. Мы уже приводили много примеров тому (см. § 250 и далее).

609. Один из широко практикуемых способов раздвоения терминов состоит в добавлении к ним некоторых эпитетов, например таких, как истинный, правильный, справедливый, честный, благородный и т. д. Так, истинное *A* отделяется от простого *A*, и дело может дойти до их противопоставления. Этим способом, например, снимают отмеченное в § 607 противоречие, связанное с использованием термина «свобода»: отличают «истинную свободу» от простой свободы, и порой первая оказывается прямой противоположностью по отношению ко второй. Работать, когда это тебе нравится — простая свобода; работать, когда это нравится другим — истинная свобода. Пить вино, когда захочется — это простая свобода, и царь даровал ее финнам; но запрет выпить даже каплю вина — это истинная свобода, которой либеральный сейм Финляндии щедро одарил бы своих подданных, если бы этому не помешал деспотизм царя.

Так, утверждают, что разум приводит к определенному выводу *B*, о том, что существует, например, Бог или солидарность. Атеист или

противник солидарности возразит: «Меня разум не приводит к такому выводу». Им в ответ скажут: «Это потому, что вы не обращаетесь к истинному разуму». Но как отличить истинный разум от разума неистинного? Очень просто: истинный разум верит в Бога или в солидарность.

В прошлом утверждали клерикалы, и сегодня повторяют либералы, что следует предоставлять «свободу добра», а не «зла», «свободу истинную», но не «ложную». Излишне к этому добавлять: что для одних людей выступает как «хорошее» и «истинное», то для других оказывается «плохим» и «ложным». Термины «истинное» и «ложное» имеют столько значений, сколько существует партий, но только при деривации $IV\beta$ им предпочитают эквиваленты: соответственно «то, чему я верю», и «то, чему не верю».

- 610.** Деривации из рода $IV\gamma$ обычно приводят в действие остатки класса II. Представления и чувства, порожденные в нас при восприятии данного термина, сохраняются и при добавлении к нему эпитета; они даже могут быть усилены благодаря соответствующему подбору эпитетов.
- 611.** В теоретических деривациях содержательный смысл существительного «истина» часто совершает колебания между двумя пределами. С одной стороны, это означает, что термин соответствует фактам, и порой именуется «экспериментальной истиной» и «исторической истиной»; с другой стороны, это означает, что термин отвечает определенным чувствам, согласуется с верой. Между этими двумя полюсами имеется бесчисленное множество промежуточных смыслов. Согласие с фактами может быть результатом научных наблюдений, экспериментов, критических исторических исследований, а может оказаться результатом воздействия фактов на сознание одного или более человек (см. § 277), результатом влияния вызванных им чувств. Здесь мы также обнаруживаем промежуточные ступени. С одной стороны, это трезвый скептицизм ученого-естествоиспытателя или историка, который корректирует определенные впечатления, сопоставляя их с другими впечатлениями и, следовательно, стремится к тому, чтобы они как можно лучше отвечали фактам. С другой стороны, это настолько сильная вера, что ее никак не могут поколебать никакие факты. Эта вера всегда деформирует такие впечатления и ощущения при необходимости приведения их в соответствии с нею.
- 612.** Термин «высшее благо», а также просто «благо» имеет бесчисленное количество смыслов, каждый философ определяет его по-своему. Обычно имеется ядро из неких приятных чувств, которые остаются после удаления чувств неприятных или только считающихся таковыми. На одном

полюсе находятся только чувства — положительные эмоции и впечатления, имеющие значение в данный момент; затем учитываются будущие радости и огорчения; далее накладывается воздействие на индивида других людей, вступающих в отношения с ним; потом сам индивид противостоит тем чувствам, радостям и огорчениям, которые к нему приходят за счет некоторых остатков, особенно остатков класса II и класса IV. Эти чувства в какой-то момент становятся в нем доминирующими, и возникают сопровождающие их положительные эмоции и впечатления; вслед за этим они исчезают, почти все либо все; наконец, мы подходим к другой предельной точке континуума, когда любое приятное чувство вытесняется, переносится в будущую жизнь, переходит, в конце концов, в трансцендентную сферу, за пределы экспериментальной области.

613. До этого момента индивид рассматривался со стороны; но сам он, в глубине души почти никогда не воспринимает вещи таким образом. Прежде всего, как и отношении любых чувств вообще, там, где ищем глубоко разработанные теории, у индивида нет ничего, кроме смутных, неопределенных или лишь едва описанных словами чувств. Это относится не только к простым людям, но и к образованным и даже к очень эрудированным. Следовательно, если комментаторы и толкователи в силу своих причуд пытаются выявить у автора общее представление, объединяющую идею, то это у них не получается. Этому не следует удивляться и усматривать причину в их неспособности или скудоумии, поскольку часто они ищут то, чего нет (см. § 221, первый аспект). К тому же, как мы неоднократно отмечали, индивид, стремящийся выразить свои чувства в четкой и логически ясной форме, обычно оказывается склонным придавать абсолютное значение тому, что оказывается лишь относительным, превращать в объективное то, что является только субъективным. Поэтому тот, в ком присутствует один из множества агрегатов отмеченных выше чувств, не станет выражать свое состояние простым образом, но выскажется о нем как о чем-то абсолютном и объективном; не скажет: «Для меня или, по-моему, это “высшее благо”», но, скорее всего, скажет: «Это “высшее благо”» и станет использовать деривации, чтобы это доказать.

614. Ядро чувств, отвечающих различным смыслам, которые метафизики и теологи придают понятию «истина», образуется прежде всего из тех воззрений, которые не вызывают противоречий в умах тех, кто использует одно из имен, указывающих на эти смыслы. Следовательно, спонтанно приравниваются значения слов «хорошее» и «истинное», что происходит именно благодаря тому, что агрегаты соответствующих чувств не противоречат друг другу в сознании того, кто использует эти слова. В силу близких причин это уподобление может быть распространено

на то, что называют *прекрасным*. Если некий человек находит что-либо «хорошим» и «истинным», то почему бы ему не расценить это также и как «прекрасное»? И поскольку все это существует в сознании данного человека, особенно когда он является метафизиком или теологом, то это же, по его мнению, должно существовать и в сознании всех людей, а те, кто, к несчастью, не соглашаются с идеями метафизика или теолога, разумеется, недостойны того, чтобы их считали людьми. Отсюда сразу напрашивается вывод, что все люди с ним согласны, и это приумножает силу и блеск его выдающихся теорий. Однако эти лучшие люди затем расходятся во взглядах, из-за чего в былые времена они друг друга преследовали, отправляли в тюрьмы, порой сжигали на кострах, но сейчас, став мягче и снисходительнее, они довольствуются взаимными перебранками.

615. Кроме того, есть одна прекрасная сущность, именуемая Природой, которая вместе с прилагательным «естественный», а также с «естественным состоянием» играет немалую роль в деривациях. Даже те, кто используют данные слова, не знают, что же они означают. В повседневной жизни человек встречается со многими вещами, враждебными по отношению к нему, которые наносят ему ущерб или только создают неприятности. Это происходит в некоторых обстоятельствах, которые он считает искусственными, таких, например, как наличие оружия у разбойников, уловки воров, всеисилие богатых и власть имущих и т. д. Если устранить эти обстоятельства, то останется ядро, которое мы назовем естественным для противопоставления его элиминированным искусственным порождениям. Это ядро непременно должно быть прекрасным, поскольку мы отделили и устранили все, что оказывалось плохим (см. § 600). В самом деле, давайте внимательно посмотрим, как рассуждают все эти авторы — метафизики, теологи, последователи физиократов, приверженцы Руссо и похожих на него мечтателей. Они ведь не говорят: «Вот состояние, которое мы назовем естественным; наблюдения таких-то людей, которые его видели и изучали, позволили нам узнать о некоторых его свойствах и особенностях». Напротив, они исходят из теперешнего состояния и элиминируют в нем все то, что представляется плохим, а то, что остается, называют естественным. Более того, Руссо, до сих пор почитаемый и обожаемый многими людьми, простодушно признается, что факты его не интересуют. Но все же он обращал на них больше внимания, чем тот св. отец, который, восхваляя прекрасное устройство, данное от Бога Природе, принимается рассуждать, что в ней все маленькие твари живут в мире и согласии⁵⁶. Неужели он никогда не видел пауков, которые поедают мух; птиц, которые поедают пауков; не наблюдал пчелиный рой?

⁵⁶ Clemente is Romani ad Corinthos quae dicuntur epistolae // Patrum apostolicorum opera. Leipzig, 1876. XX. S. 10.

Разве он не читал Вергилия?⁵⁷ Но, с другой стороны, ничто не может быть приятнее, чем способ рассуждений тех, кто высмеивают «католические суеверия», но с почтением принимают суеверия людей, верных идеям Руссо.

616. Такую деривацию можно представить в следующем виде. Надо доказать, что A равно B . Сначала доказывают, что A равно X , поскольку чувства, порождаемые от A и от X , согласуются друг с другом, и стараются выбрать X максимально неопределенный, чтобы вызываемые им чувства согласовывались с теми, которые порождаются A , а также с теми, которые порождаются B . Таким путем устанавливается равенство между X и B . Но поскольку уже было показано, что A равно X , получается, что A также равно и B , что и требовалось доказать. Данное рассуждение подобно рассмотренному раньше в § 188 и далее, при помощи которого доказывают равенство A и B , удаляя X , находящийся вне экспериментальной области. Так же как и в других случаях, введение неопределенного термина, которому плохо соответствуют реальные вещи, приводит к сходным результатам, как и при включении термина, соответствующего сущности, оказывающейся полностью за пределами экспериментальной области (см. § 44, 600). Великолепным примером <этих дериваций> будет случай применения термина «солидарность», когда X (солидарность—факт), по признанию самих авторов подобного рассуждения, является противоположностью B (солидарность—должному). Тогда высказывание о том, что A равно X (между людьми существует солидарность как факт), служит для доказательства того, что A равно B (необходимо, чтобы между людьми существовала солидарность как долг или обязанность).

С точки зрения формальной логики такие рассуждения с использованием неопределенного термина X являются силлогизмами с более чем тремя терминами. Средний термин X именно благодаря его неопределенности оказывается таким многозначным, что часто невозможно даже точно установить, сколько значений он принимает. Если X находится вне экспериментальной области, то кроме упомянутого источника ошибки, существующей почти всегда <см. § 600>, она кроется в большей и в меньшей посылках силлогизма, которые лишены смысла, поскольку устанавливают отношения между экспериментальными фактами и неэкспериментальными сущностями.

617. Среди дериваций из рода IV γ имеется предельный случай простых словесных совпадений. Например, в 1148 г. в Реймс на церковный собор

⁵⁷ *Virgilio. Georgiche. IV. 72–75 есс. [Вергилий Публий Марон. Буколики. Георгики. Энеида / Библиотека всемирной литературы. М.: Художественная литература, 1971. С. 108.]*

«был доставлен один бретонец по имени Eon de l'Etoile, почти неграмотный человек, который утверждал, что он сын Божий и судья над живыми и мертвыми, и это он вывел из грубого сходства <на слух> своего имени с латинским словом "eum"* в концовке заклития для изгнания злых духов: "Per eum qui indicaturus est" и в молитвах: "Per eumdem" Такое воображаемое основание, несмотря на абсурдность, обеспечило ему возможность смущать многих невежественных людей на окраинах Франции, т. е. в Бретани и в Гаскони»⁵⁸. Двусмысленность терминов и суждений представляет собой отличное средство для объяснения высказываний оракулов и пророчеств, а когда к этому добавляются метафоры IVδ и аллегории IVε, то из них можно выводить все, что угодно. От рассуждений такого рода, претендующих на то, чтобы их воспринимали всерьез, мы постепенно переходим к простым шуткам, как, например, ответ на вопрос о том, можно ли жить в безопасности от врагов: «Domine stes securus» можно понимать также в противоположном смысле — «Domi ne stes securus»**.

618. Примечательный пример дериваций рода IVγ содержится в объяснениях термина «демоны», которые даются в двух направлениях: от вещи к слову и от слова к вещи.
619. *От вещи к слову.* Греки обозначали термином δαίμονες <демоны> воображаемые вещи, изменяющиеся в зависимости от времени и авторов. У Гомера слово δαίμων часто чередуется со словом θεός, точнее говоря, с понятием о действии высших сил. Утверждалось, хотя остается в этом сомнение, что часто так обозначался плохой поступок. У Гесиода словом δαίμονες обозначались существа, природа которых была переходной между богами и людьми, но у него они всегда были добрыми существами. В дальнейшем эта промежуточная разновидность существ была разделена на добрых и злых демонов. Господа философы решили вмешаться в эту дискуссию. Поскольку их этическое чувство было оскорблено тем, что народная религия приписывала богам как хорошие, так и плохие поступки, они, чтобы отделаться от неприятностей, возникающих из-за плохих поступков, решили, что неплохо было бы подарить их демонам⁵⁹. Сходная

* *Eum* (лат.) — винительный падеж единственного числа указательного местоимения «is» — «этот».

⁵⁸ *Fleury C. Histoire ecclésiastique. T. 1–20. P., 1750–1758. T. 14. Livre 69. P. 619–620.*

** Такое двойственное восприятие возможно на слух, когда слово *Domine* (Господь, Бог) разделяется на слово *domi* (дом) и отрицательную частицу *ne*. При этом смысл меняется на противоположный: или «Господь сохранит», или «И дом не сохранит».

⁵⁹ *Plutarc. De defectu oraculorum. XV // Plutarchi Eiusdem scripta moralia / Ed. by F. Dübner. P.: Didot. P. 417.*

деривация отделяет Истинный разум, который все делает во благо, от простого разума, который порой впадает в грех. Это тема плохих поступков. Ее затем стали развивать многие авторы, сотворившие демонов в высшей степени злых.

620. *От слова к вещи.* Христиане встречались с использованием этого термина *δαίμονες* и, из добрых побуждений или же намеренно смешав его старый и новый смыслы, пришли к выводу, что по признанию самих язычников их боги были злыми колдунами. Таким путем деривация достигала желаемой для христиан цели, которые и в лагере противников отыскивали свидетельства и доказательства в защиту своей теологии. Поскольку великий Платон в диалоге «Пир» рассказал несколько нелепых сказок о демонах, Минуций Феликс особенно позаботился о том, чтобы не пренебрегали этой сокровищницей⁶⁰. Опираясь на авторитет Платона, он доказывал, что демоны оживляли статуи богов. Лактанций также считал демонов богами язычников. Обращаясь к язычникам, он предлагал им: «Если же язычники считают, что нам верить нельзя, пусть поверят Гомеру, который того великого Юпитера <Зевса> присоединил к демонам, а также другим поэтам и философам, которые используют имя то демонов, то богов, в чем-то оказываясь правыми, в чем-то нет»⁶¹. Татиан тоже делает из Зевса главу демонов⁶². Возможно, что он и прав, но поскольку боги и демоны в равной мере непознаваемы, у экспериментальной науки отсутствует средство выяснить, верно или неверно то, что утверждает Татиан.

621. *IVб. Метафоры, аллегории, аналогии.* Как простые объяснения и как средства, позволяющие представить нечто еще неизвестное, метафоры и аналогии могут применяться в научных целях при переходе от известного к неизвестному, но они не имеют совершенно никакой научной ценности, если используются как доказательства. Из того, что одна вещь *A* в некоторых отношениях проявляет сходство или имеет аналогию с другой вещью *B*, вовсе не следует, что все свойства и признаки *A* будут встречаться у *B*, так же как не следует, что еще некая произвольно взятая черта непременно будет одной из особых черт, на основе которых появляется аналогия.

622. Существуют как непосредственные, так и опосредованные способы применения метафор и аналогий. Как пример первых способов можно

⁶⁰ *Minucio Felice. Octavius. 26–27.*

⁶¹ *Lattanzio. Divinae institutiones. IV. 27. 15. [Лактанций. Божественные установления. Кн. I–VII / пер. с лат., вступ. ст., комментарии и указатель В. М. Тюленева. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2007. С. 295.]*

⁶² См.: *Taziano. Oratio ad Graecos. Leipzig, 1888. 8. [Татиан. Речь против эллинов // Сочинения древних христианских апологетов. СПб., 1895.]*

рассмотреть следующую ситуацию: вещи *A* и *B* имеют общее свойство *P*, и в этом отношении *A* аналогично *B* и метафорически может рассматриваться как эквивалент *B*. Но *B* обладает также свойством *Q*, которого нет у *A*; на основании равенства между *A* и *B* заключают, что *A* все же обладает свойством *Q*. Это наиболее широко распространенное применение рассуждения на основе аналогии, поскольку ошибку оказывается труднее выявить, когда стремятся не отделять *P* от *Q* и не замечать, что только на основании наличия общего свойства *P* было заявлено о равенстве между *A* и *B*. Как пример опосредованных способов можно привести следующий вариант: вещь *A* аналогична *B* в отношении свойства *P*, общего для них обоих; в свою очередь, вещь *B* аналогична *C* в отношении общего для них свойства *Q*, которого нет у *A*. Далее рассуждают так: вещь *A* равна *B*, *B* равно *C*, следовательно, *A* равно *C*. Такой способ используют не так часто, поскольку здесь легко распознается софизм. Чтобы скрыть его, необходимо как можно тщательнее избавляться от всякого подобия рассуждения на основе логики и использовать вместо этого деривацию, которая убеждает с помощью побочных чувств, навеянных некоторыми терминами IVβ.

Деривации, содержащие метафоры, аллегории, аналогии, очень часто используются метафизиками и теологами.

623. Мы уже изучали метафорические объяснения в основном ради выяснения того, можно ли и как вернуться от них к фактам, из которых они происходят (см. гл. 5); сейчас мы рассматриваем их преимущественно как средство получения некоторых желаемых выводов. Различные народы имеют свою почитаемую или священную книгу, такую, как поэмы Гомера — у греков, Коран — у мусульман, Библия — у иудеев и христиан, которую можно понимать буквально и относительно которой рано или поздно стремятся установить, есть ли у нее иной смысл кроме буквального. Можно поставить цель отыскать такой смысл, как это порой делают эрудиты; но чаще всего имеется определенная, заранее заданная цель, когда стремятся не установить, что сказано в книге, а согласовать ее содержание с априорно вводимой концепцией. Иными словами, ведется поиск интерпретации, деривации, чтобы согласовать две независимые вещи: текст и ту концепцию, которую они желают обосновать (см. § 532, 552).

624. Если бы существовала какая-то норма, позволяющая определить, какой символ, какая аллегория должны обязательно представлять соответствующее выражение *A*, то символические и аллегорические интерпретации, не будучи верными, т. е. не отвечая фактам, были бы по крайней мере чем-то детерминированным. Напротив, этого как раз нет; интерпретатор по своему усмотрению выбирает символ и аллегория, часто по

отдаленным, наивным, абсурдным признакам сходства, и, следовательно, интерпретация становится совершенно произвольной, недетерминированной. Это теперь вполне становится ясно, например, для аллегорических объяснений, данных в отношении гомеровской поэзии; сегодня никто не воспринимает их всерьез. Однако необычайной силой обладают чувства, побуждающие людей принимать некоторые деривации. В наши дни теологи-модернисты возрождают аллегорические деривации в отношении Евангелия и находят себе сторонников, которых это приводит в восхищение.

Обычно мы не оппонируем тому, кто на основе веры убежден в правильности некоторой интерпретации. Только когда он вступит в нашу область и станет доказывать истинность своей интерпретации с привлечением логико-экспериментальных аргументов, мы оценим их исходя из норм логико-экспериментальных наук.

Также мы не дискутируем о том, какую социальную полезность могут иметь некоторые интерпретации, даже если они абсурдны по части формальной логики и опыта, однако стоит рассмотреть эту полезность для некоторых отдельных случаев, и этим мы займемся в главе 9. Одни аллегории и метафоры могут противопоставляться другим аллегориям и метафорам; одни ненаучные суждения и умозаключения часто одерживают верх над другими ненаучными суждениями и умозаключениями; то, что в логико-экспериментальном отношении является пустым словопрением, при пропаганде доктрины может оказаться очень эффективным благодаря вызываемым за счет этого чувствам.

625. У некоторых писателей аллегория нередко вводится спонтанным образом; ее вводят без всякого умысла, из потребности украсить повествование; но чаще она используется в целях согласования одних теорий с другими, теории с фактами и т. д.

626. Присутствующая у людей потребность упражнять и развивать свое умение рассуждать и стремиться к тому, чтобы в рассуждении имелась логика (остатки $I\epsilon$), приводит к тому, что они, обратив внимание на какой-нибудь термин T , желают его объяснить, т. е. вывести из него более или менее логичную деривацию. От T один автор переходит к неким вещам A , которые являются воображаемыми; другой автор — к вещам B , также воображаемым; остальные авторы используют иные деривации. Вещи A , B , выведенные из T , порой имеют некоторое сходство, которое может быть значительным. При знании только A и B у нас остается сомнение в том, то ли B образовано от A или путем копирования части A (или

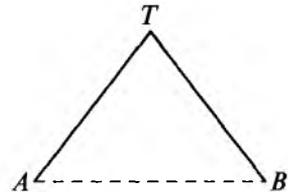

Рис. 14

наоборот), то ли *A* и *B* независимы друг от друга, но происходят от одного *T*. Встречаются примеры и того и другого, следовательно, априорно установить это невозможно: необходимо обратиться к наблюдению фактов и найти один из путей *AT*, *TB*, *AB*. Иногда могут использоваться все вместе. Феномены такого рода встречаются при исследовании источников, используемых автором; сегодня в них присутствует немало гаданий, и многие из этих исследований имеют довольно шаткие основания.

627. Если *A* предшествует *B*, то многие авторы непременно полагают, что *B* представляет собой имитацию *A*. В некоторых случаях (см. § 307 и далее) такой вывод может оказаться абсолютно ошибочным; следовательно, чтобы установить зависимость *B* от *A*, кроме предшествования *A* необходимо иметь и другие факты, располагать иными наблюдениями.

628. Аллегории представляют собой продукт человеческой фантазии и имеют определенное сходство, поскольку произведены людьми одной расы, родственной расы, а иногда любой расы.

Например, рассказы о сотворении мира у разных народов оказались близкими оттого, что зарождались по образцу появления на свет живых существ, которое они имели перед глазами. Следовательно, спонтанно и без взаимного копирования появились представления о существах мужского и женского пола, о мужском и женском началах, которые, соединяясь, создали все вещи. Часто и легко мир с его существами представлялся рожденным из яйца, эти существа и начала оказывались борющимися, любящими, ненавидящими, наслаждающимися, страдающими. В отдельных случаях один из таких рассказов мог, по крайней мере отчасти, оказаться скопированным с другого рассказа; но они могли также оказаться похожими и без имитации.

Верующие станут утверждать, что это сходство отражает один-единственный факт, переданный различным образом, что не исключено; но этот вопрос выходит за пределы экспериментальной области, и, следовательно, нет никаких оснований рассматривать его.

629. Аллегории и метафоры обычно включены в процесс создания легенд; но было бы неверным делать отсюда вывод о том, что легенда — это непременно простая аллегория, и тем более полагать, что это именно та аллегория, которая кажется правдоподобной в нашем воображении. Кроме аллегорий и метафор легенды содержат исторический или псевдоисторический, художественно-романтический элемент, порой они не лишены моментов имитации и реминисценции.

630. Эта мания истолковывать как аллегории все рассказы, которые считаются лежащими за пределами реального, не имеет экспериментальной

базы. Напротив, немало примеров явно демонстрируют обратное, когда авторы искренне верят, что сообщают о реальных фактах, когда рассказывают о чудесах. Метафоры, которые можно встретить в рассказе, вводятся самим автором зачастую не намеренно, а неосознанно; и даже когда они вводятся намеренно, то добавляются к фактам вовсе не для того, чтобы с их помощью изменить представления о действительной или предполагаемой реальности.

631. IV ϵ . *Термины сомнительные, неопределенные, которым не соответствует ничего конкретного.* Это предельный случай устной деривации, который представляет собой игру созвучными словами. Отдельные люди используют такие деривации исключительно для простонародья, поскольку людей необразованных озадачивает и поражает странность, необычность слов, и они внемлют, открыв рот, предполагая, что за этим скрыты неведомые тайны. Но большее число авторов, использующих красиво звучащие термины, относится к тем метафизикам, которые, предаваясь словесной игре, в итоге начинают усматривать за словами реальные вещи. От античности и до наших дней читатель найдет в изобилии такие примеры, когда дело доходит до потока слов, лишенных смысла и связи. Эти потоки то разливаются, как реки в половодье, то спадают и входят в узкие берега; во всяком случае, они продолжают литься; это говорит о том, что с их помощью удовлетворяется человеческая потребность, такая же, как потребность в песнях, в поэзии, в сказках. Каждая эпоха имеет свои модные термины. Например, сегодня <1913> в Италии излишне часто используют слово «supergate» (превзойти), а также производные слова — «превосходящие» и «превосходство». Что именно выражается с их помощью, неизвестно, но, несомненно, нечто необычайное. Как, в самом деле, ответить тому, кто в ходе дискуссии возразит, что твоя теория превзойдена, или, раз ты не любишь красивые и пустые речи, то это из-за «пробелов» в твоём образовании? «Не соответствующим» называли учение бедного Галилея и вполне совершенными — познания несравненно Лудовико дель Коломбе (которые другие могли бы назвать невежеством). Не меньшего почтения заслуживает культура Антонио Рокко, которому Галилей сказал: «Представьте свою точку зрения с использованием математических понятий, иначе я, профессор математики, понявший, о чем писали Евклид, Аполлоний, Архимед, Птолемей и многие другие великие авторы, не могу ничего сказать о ней»⁶³. Какой «пробел» в знаниях Галилея! Поблагодарим бога метафизики за то, что еще не «превзошли» теорему о квадрате гипотенузы, иначе мы бы простились с евклидовой геометрией! Модные термины употребляются только в хорошем смысле:

⁶³ Galilei G. Le Postille alle esercitazioni di Antonio Rocco / La edizione nazionale delle opere di Galileo Galilei. 12 vols. Firenze: Barbera, 1890–1909. Vol. 7.

«живое», «динамичное», «одушевленное», в противоположность плохому смыслу терминов: «мертвое», «статичное», «механическое». Наряду с другими неологизмами, от последнего термина был образован глагол «механизировать» (*mecanizzare*). Чем ты сможешь ответить тому, кто возразит тебе, что твоя история «мертвая», тогда как его история «живая»? Или, что ты «механизируешь в застое» то, что он «одушевляет и делает динамичным»? Если ты способен это понять, то поймешь и следующее: «Учитывая мелкую дрожь летучей мыши, храбро отклонившейся от летнего солнцестояния, дабы поухаживать за небылицами, коим с помощью пешки удалось сделать шах и мат благодаря злым обидам светобоящихся ночных птиц, обитающих в римском климате с распятием на коне, самостоятельно натягивая арбалет, истец имел полное право проконопатить галион, который надувала служанка, — одна нога здесь, другая там, — выдавая ему, отличающемуся совестью неподкупною, в виде возмещения столько же чечевичных семечек, сколько шерстинок у восемнадцати коров, и такое же точно количество — мастеру хитрого плетенья...»*

Аристофан, пародируя Еврипида, в комедии «Лягушки» утверждает, что в любой из его стихов в качестве концовки можно встроить фразу «Потерял бутылочку»**. Когда слова лишены конкретного смысла, их можно встроить в любое рассуждение.

* Этот набор слов является частью судебного постановления, принятого Пантагрюэлем после всестороннего рассмотрения тяжбы двух вельмож. Приведено здесь по примеру французского издания «Трактата...» Парето вместо итальянского абсурдистского стишка, русский аналог которого подобрать не удалось. См.: Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль // Библиотека всемирной литературы. М.: Художественная литература, 1973. С. 207.

** См.: Аристофан. Лисистрата. Комедии / пер. с древнегреч. Харьков: Фолио, 2001. С. 390–391.

СВОЙСТВА ОСТАТКОВ И ДЕРИВАЦИЙ

632. Даны некоторые остатки и некоторые деривации. Возникают два рода проблем: как действуют эти остатки и деривации и как связаны их действия с социальной полезностью. Вульгарный эмпиризм не различает или плохо различает такие проблемы; при научном анализе их следует разделять.

633. Для дальнейших исследований будет полезным разделить деривацию на две части, т. е. выделить теорему или псевдотеорему, которая венчает деривацию, и ее демонстрацию или псевдодемонстрацию. Первую часть обозначим как *деривацию в собственном смысле*, а вторую — как *манифестацию*.

При анализе *деривации в собственном смысле* в качестве ее основы обнаруживаем: потребность логически оформлять все, что человек чувствует, далее остатки инстинкта комбинаций (класс I), которые вызываются этой потребностью, а также остатки всех остальных классов, которые используются как средства убеждения. Анализируя *манифестации*, мы добиваемся до основания остатков, к которым добавляются деривации в собственном смысле и разного рода соображения. Кроме того, в конкретном случае вокруг главного остатка располагаются дополнительные.

634. Уже отмечалось, что часто ради краткости мы используем слово «остатки», указывая при этом также на выраженные ими чувства. Когда мы говорим: «Остатки представляют собой один из элементов, которые определяют социальное равновесие», то подразумеваем: «Чувства выраженные остатками, являются одним из элементов, находящихся в отношении реципрокной детерминации с социальным равновесием». Однако не следует придавать статус объективного существования (см. § 61) остаткам или чувствам. В реальности наблюдаются только люди, пребывающие в состоянии, выраженном посредством того, что мы называем чувствами. Поэтому следовало бы сказать так: «Состояния людей, выраженные чувствами, которые проявляются в остатках». Но даже такое построение высказывания не было бы строгим и точным: что скрывается за абстракциями «состояния людей», «психические состояния» и иными подобными им? Нам надо было бы сказать: «Действия людей являются одним из элементов, находящихся в отношении взаимной детерминации с социальным равновесием; среди этих действий имеются некоторые манифестации, которым дается имя остатков; они тесно связаны с другими действиями. При этом, зная остатки, можно также, в заданных

обстоятельствах, узнать и действия; следовательно, можно сказать, что остатки являются одним из элементов, находящихся в отношении взаимной детерминации с социальным равновесием». Чтобы не быть педантами, сократим рассуждение до такого вида, в каком оно приводилось ранее, определив один раз значения терминов.

Деривации также выражают чувства. Непосредственно они выражают чувства, соответствующие тем остаткам, из которых исходят деривации. Опосредованно деривации выражают чувства через остатки, которые используются в деривации. Однако говорить о деривациях вместо остатков, которые они выражают, значит неизбежно впасть в серьезные заблуждения, и мы будем воздерживаться от такой подмены всякий раз, когда возможно хоть какое-нибудь сомнение относительно смысла высказывания.

Поскольку этот вопрос очень существенный, следует дать некоторые дополнительные пояснения. Например, когда мы наблюдаем, как в разных ситуациях курица защищает своих цыплят, то конспектируем свои наблюдения прошлых фактов, предвидения будущих фактов и наше представление о единообразии, обобщая, что «курица защищает своих цыплят», что чувство побуждает ее защищать их, что такая защита является результатом данного психического состояния. Также и при наблюдении разных случаев, когда люди погибают за родину, мы обобщаем наблюдения прошлых фактов, предвидения фактов, возможных в будущем, а также наше представление о единообразии и переносим свои заключения на многих индивидов. При этом мы утверждаем, что «многие или некоторые люди погибают за родину», что в них есть некоторое чувство, побуждающее их приносить себя в жертву во имя нее, что такая жертва есть результат данного психического состояния. Такого рода суждения встречаются настолько часто, что они приняли соответствующую грамматическую форму: итальянец выражает их изыскательным наклонением; грек использует аорист <особую форму прошедшего времени>. Людям свойственны некоторые поступки, в связи с использованием языка не наблюдаемые у животных. Когда люди погибают за родину, они произносят, например, слова: «*dulce et decorum est pro patria mori*»*. Мы утверждаем, что так они выражают определенное чувство, определенное психическое состояние и т. д. Но это утверждение не вполне строгое, поскольку таких фраз, которые, как мы считаем, выражают это чувство (лучше будет сказать — комплекс чувств), психическое состояние и т. д., оказывается немало, и они многообразны. Отделяя в таких высказываниях неизменную часть от части изменяющейся, варьирующей, мы обнаруживаем остатки и деривации и говорим, что остаток выражает данное чувство, данное

* Сладостно и почетно умереть за родину (*лат.*).

психическое состояние и т. д. Однако так мы добавляем к фактам кое-что еще: экспериментальное наблюдение нам показывает только факты, совпадающие в действиях людей, жертвовавших собой во благо отечества и произносивших некоторые слова и изречения. Эту ситуацию мы выражаем с помощью следующих предложений, вначале близких к реальности, затем все более отдаляющихся от нее.

1. В наблюдаемом ряде актов принесения в жертву своей жизни во благо родины и произнесения высказываний, поощряющих такие поступки, побуждающих людей к ним, имеется нечто общее, что мы называем остатком.
2. Люди жертвуют своей жизнью во имя родины и охвачены *чувством* (выраженным остатками), которое *побуждает* их к этим действиям. Отрыв от реальности происходит из-за термина «чувство», не отличающегося строгостью, а также из-за того, что о единообразии сообщается без упоминания его условий, и, наконец, в связи с тем, что всегда предполагают наличие чувства, побуждающего к действиям, и это может стать основанием для возражений.
3. Вместо того чтобы сказать: «...и охвачены чувством», говорится: «...потому что они охвачены чувством». Термин «потому что» отдаляет нас от реальности, указывая причинно-следственное отношение, хотя мы с полной определенностью не знаем, существует ли оно.
4. Люди *верят*, что они обязаны жертвовать собой во благо родины, и *поэтому* они совершают такие акты самопожертвования. Здесь отклонение от реальности оказывается еще сильнее, эти акты считаются следствием веры, а нелогические действия подменяются логическими действиями.

Последний вариант высказывания широко распространен, но он легко вызывает ошибки, даже если мы помним о том, что он является лишь формой передачи, надстроенной над первым способом. Второй способ использовать можно, но при этом необходимо помнить, что для наибольшей строгости всегда следует опираться на первый способ. Мы его уже использовали и будем широко применять и далее, особенно в той форме, которая соединяет друг с другом действия и остатки. Третий способ также применим, но при этом всегда необходимо действовать с осторожностью, ссылаться на первый способ и не строить логические выводы из наличия термина «потому что». Слова «чувства», «остатки» подходят для применения в социологии, подобно применению в механике понятия силы. Но чтобы их использование не приводило к ошибкам, нам всегда надо иметь в виду ту реальность, которой они соответствуют.

635. *Остатки вообще.* До сих пор мы рассматривали остатки в абстракции, отделив от конкретных индивидов, к которым они относятся, независимо

от интенсивности выраженных ими чувств и количества тех индивидов, среди которых они встречаются. Теперь эти обстоятельства необходимо будет учитывать.

Что касается интенсивности, то надо различать: интенсивность, при- сущую остатку, и интенсивность, обусловленную большей или меньшей склонностью индивида к энергичным действиям. Тот, у кого имеется ин- стинкт комбинаций, но кто пассивен и вял, в результате осуществит меньше комбинаций, чем тот, у кого этот инстинкт присутствует в мень- шей степени, но кто активен.

636. Распределение остатков необходимо будет ис- следовать. *В статике*: распределение остатков в данном обществе и распределение остатков в различных стратах этого общества. *В динами- ке*: каким образом, хотя бы приблизительно, остатки изменятся во времени как у индивидов одной социальной страты, так и в совокупности разных страт; как возникает каждый из этих двух феноменов.

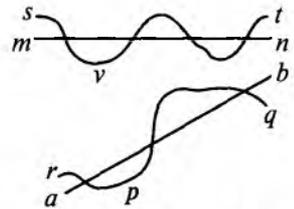

Рис. 15

637. Обратим внимание (см. § 1015), что во всех социальных процессах почти стабильный феномен предстает не в виде прямой линии *mn*, но в виде волнообразной кривой *svt*. Феномен, интенсивность которого увеличивается, передается не как прямая линия *ab*, но как кривая *rpg*. Прямые ли- нии представляют усредненное изменение того феномена, который мы вскоре будем изучать (см. § 643).

638. *Распределение и изменение <остатков> в обществе как целом.* Какие бы причины ни определяли характер общества: раса, климат, географическое положение, плодородие земель, возможная экономическая эф- фективность и т. п., нас здесь интересуют исторически данные общества только как факты, и мы не намерены изучать их истоки. В этих историче- ски данных обществах мы наблюдаем феномены, которые по содержа- нию изменяются мало, между тем как их формы меняются весьма суще- ственно; так, например, происходит с различными религиями, формами правления, магическими и псевдонаучными суевериями и т. д. На пер- вый взгляд может показаться, что заметный прирост развитие экспери- ментального знания, совершавшееся с древних времен до наших дней, должен был привести к усилению остатков класса I и вытеснению остат- ков класса II. Такой прирост, несомненно, происходит, но он не так зна- чителен, как это кажется. Комбинации экспериментального знания в ос- новном захватили область, которую до этого уже занимали комбинации эмпиризма, магии, теологии, метафизики. Но простые комбинации,

посторонние и чуждые для научного опыта, отнюдь не уходят из жизни общества; напротив, они по-прежнему цветут пышным цветом в сферах политики и социальной организации. Следовательно, тот род остатков $I\delta$, который в основном соответствует им, претерпел мало изменений. В целом класс I остатков изменился намного меньше двух указанных родов этого класса $\langle I\gamma$ и $I\varepsilon \rangle$.

639. В классе II род остатков $II\beta$ претерпевал значительное уменьшение с течением времени; но и в этом случае происходила компенсация благодаря приращению остатков других родов этого класса. Вначале почитались боги греко-латинского политеизма, потом их сменили христианские святые и небожители, затем «религиозность» приросла протестантизмом, далее проявили себя различные конкурирующие друг с другом религии XIX в.: позитивистская, гуманистическая, социалистическая, либеральная, либерально-христианская, толстовство, спиритизм и др. Класс II как целое почти или даже вовсе не изменился, между тем как существенно изменились отдельные группы, входящие в него.

640. Так же обстоит дело с остатками класса III. Если акты христианского культа среди некоторых современных народов заметно ослабли, то это в значительной мере восполнилось культами многих новых социальных святых, прежде всего культом Народа и Государства. «Шествия» и «манifestации» пришли на смену религиозным процессиям, а пророческий энтузиазм сменился другими, самыми разными видами энтузиазма на любой вкус.

В результате также и в этом случае меняется больше форма, чем сущность, особенно если рассматривать их в комплексе.

641. В отношении остатков класса IV можно было бы предположить, что произошло их сильное увеличение, параллельно с большим уменьшением остатков класса V. Но изменилась только форма. То чувство субординации, которое когда-то проявлялось в низших классах по отношению к высшим, сегодня проявляется в подчинении к партийным и профсоюзным руководителям, к различным «организаторам», а в высших классах оно выражается в подчинении «Народу». Новый феодальный порядок политиканов и синдикатов отчасти воспроизводит прежний, особенно в отношении привилегий. Потребность в единообразии, когда-то проявлявшаяся в религии, сегодня встречается в экономических, социальных, гуманистических, сексуальных теориях.

Если сопоставить феодального сеньора с современным богачом, то чувство целостности индивида заметно ослабло. Но, несомненно, этот спад чувства целостности компенсируется возрастанием его в некоторых

слоях простонародья и не похоже, чтобы оно спало среди уголовников. Следовательно, прирост остатков произошел также и в классе V.

642. Остатки сексуальности (класс VI) являются, пожалуй, наиболее стабильными. Меняются завесы, которыми они скрыты, и лицемерие, которое они вызывают, но, как выясняется, по существу они не претерпевают заметного ослабления (см. § 522).

643. В целом для данного общества можно установить шкалу изменений, нарастающих с переходом от первой к последней ступени ряда.

1. Классы остатков.
2. Рода этих классов.
3. Деривации.

График позволит лучше представить отношения между классами и родами остатков. Изменения во времени одного из классов остатков представлены кривой MNP ; изменения для отдельных родов изображены также кривыми $mnpq, rsvt$. Волны для классов остатков оказываются меньшими по амплитуде, чем для многих родов остатков. Усредненный ход изменений состояния класса, когда, например, происходит нарастание, изображается прямой линией AB ; для тех родов, среди которых отчасти идет нарастание, отчасти происходит убывание, это усредненное изменение представлено прямыми ab, xy . Изменение, изображенное прямой AB , намного меньше изменений, которые изображаются прямыми ab, xy . Во всей совокупности остатков данного класса происходит компенсация, и при этом совершается более слабое изменение, усредненный ход которого представлен прямой AB , так же как амплитуда волн у кривой MNP оказывается меньшей.

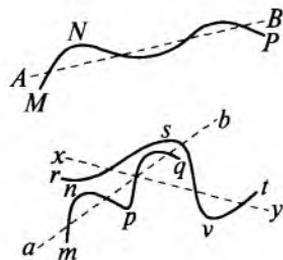

Рис. 16

Вообще, такой волнообразный ход изменений порождает трудности при изучении социальных феноменов, которые могут оказаться очень значительными, когда следует выяснить, как развиваются такие феномены, и отвлечься от случайных, временных, второстепенных вариаций. Например, тот, кто сравнивал бы положение r с положением s , возможно, пришел бы к заключению, что рассматриваемый феномен проявляет рост интенсивности, между тем как линия xy , напротив, свидетельствует о том, что в среднем происходит ее спад. Сравнивая положение s с положением v , он установил бы, что для этого феномена характерен намного более интенсивный спад, чем он в действительности происходит в среднем, как показывает линия xy . Когда феномен можно измерить и есть наблюдения за достаточно продолжительное время, то не особенно трудно преодолеть это затруднение; при помощи интерполяции можно

определить линию x_u , вблизи которой совершает колебания этот феномен и, следовательно, узнать усредненный, общий его ход. Это сделать гораздо сложнее, когда отсутствуют или оказываются просто невозможными точные измерения феномена, когда вместо использования точных и определенных математических методов мы вынуждены прибегать к методам более или менее произвольным, исходя из индивидуальных чувств и, возможно, фантастических оценок. Поэтому данные, основанные на чувственном восприятии, необходимо подвергать критическому анализу и не следует уклоняться от проведения возможной верификации.

644. Тот факт, что внутри данного общества классы остатков мало изменяются или вовсе не изменяются в течение некоторого времени, означает, что остатки могут не различаться в различных обществах. Один из таких случаев мы исследовали в главе 2.

645. Чтобы не предварять результаты проводимого в данной главе исследования, ранее использовалась иная терминология. В § 83 говорилось: «Очень важным является психическое состояние, которое приводит к установлению и поддержанию некоторых связей между ощущениями или фактами посредством других ощущений $P, Q, R...$ ». Теперь мы скажем, что поддержание таких отношений является сохранением агрегатов, как это было показано в главе 5. В § 85 обсуждалась сила X , которая соединяет ощущения $P, Q, R...$; теперь мы будем называть ее силой, сохраняющей агрегаты остатков, определяющей интенсивность сохранения агрегатов. Сила Y (см. § 85), которая ведет к обновлению, соответствует остаткам класса I (инстинкт комбинаций).

Изучение различий между обществами Спарты, Афин, Рима, Англии, Франции оказывается не чем иным, как изучением отличий, которые наблюдаются в этих обществах между интенсивностью чувств, соответствующих остаткам класса I, и интенсивностью чувств, соответствующих остаткам класса II. Примечательно, что те же выводы, к каким мы сейчас пришли благодаря теории остатков, были до этого получены непосредственно путем изучения фактов, помимо какой-либо общей теории.

646. Теперь, когда у нас такая теория имеется, мы можем вновь обратиться к этой теме и представить выводы в более общей форме. Например, в главе 2 мы писали (см. § 85): «Допустим, что у двух народов величины Y одинаковы, тогда как величины X различны. В отношении инноваций тот народ, у которого сила X мала, представляет собой *tabula rasa* для отношений $P, Q, R...$ и они легко могут заменяться новыми отношениями. Народ, у которого сила X велика, напротив, стремится, насколько возможно, сохранять такие связи, изменяя значение $P, Q, R...$ ». Теперь мы скажем: «Допустим, что у двух народов остатки класса I (инстинкт комбинаций) имеют

одинаковую силу, а остатки класса II (сохранение агрегатов) неодинаковую силу. Для проведения инноваций народ, у которого остатки класса II отличаются меньшей силой, представляет собой *tabula rasa* в отношении содержания и наименований агрегатов *P, Q, R...*, заменяет их другими агрегатами и вводит для них иные наименования. Напротив, тот народ, у которого эти остатки имеют большую силу, даже при изменении содержания агрегатов *P, Q, R...* стремится, насколько возможно, оставить прежние имена, изменив подходящим образом соответствующие деривации, и пытается, прибегая даже к софизмам, использовать идентичные имена в отношении разных вещей». Добавим, что это происходит именно потому, что деривации в целом более легко меняются, чем остатки, и здесь, как и везде, движение совершается по линии наименьшего сопротивления.

Пропорции в распределении различных классов остатков у разных народов являются, пожалуй, наилучшими показателями их социального состояния.

- 647.** *Распределение и изменение остатков в разных стратах одного общества.* В разных стратах одного и того же общества остатки распределяются по-разному и отличаются различной силой. Суеверия и боязнь новизны более всего проявлялись среди низших классов, которые, как известно, оказались в римском обществе последними среди тех, кто сохраняли верность старой религии, за которой именно поэтому закрепилось имя язычества. У них наиболее распространены и наиболее сильны остатки классов II и III; менее сильны остатки класса V.

Выделив в обществе две страты — высшую и низшую, мы окажемся ближе к реальности, чем при рассмотрении его как однородного. Мы еще более приблизимся к ней, если выделим в обществе значительно большее число страт (см. § 791 и далее).

- 648.** *Связи между остатками и условиями жизни.* Полезные классификации остатков можно основать на различиях занятий людей. Такие занятия известны с глубокой древности. Во все периоды истории, как правило, делались наблюдения в отношении крестьян, торговцев, военных, судей и т. д. и отмечалось, что преобладание тех или иных чувств меняется в зависимости от рода занятий. О том же говорит и теория, именуемая экономическим материализмом; но только вместо констатации зависимости от экономического положения следовало бы говорить о взаимосвязи и к единственной причинно-следственной связи добавить многие переплетающиеся между собой связи.

К этим наблюдениям можно присоединить также наблюдения относительно влияния на свойства людей географических условий, климата и, быть может, особенностей их питания, если прав Бокль.

Мы не намерены утверждать, что жизнь в определенном социальном классе формирует у индивидов конкретные остатки, или что некоторые имеющиеся у данных индивидов остатки обеспечивают их принадлежность к определенному классу, или что оба этих эффекта проявляются одновременно. Мы рассмотрим это в следующей главе, а сейчас ограничимся описанием тех видов единообразия, которые проявляются в распределении остатков в различных социальных классах.

- 649.** Хотя многие факты на этот счет не отличаются достаточной точностью, мы с некоторой вероятностью можем сохранять в отношении различных социальных страт представленную в § 643 шкалу нарастания изменений.
1. Классы остатков.
 2. Рода этих классов.
 3. Деривации.

Но изменчивость для отдельных социальных страт оказывается выше, чем для всего общества, поскольку в обществе в целом имеет место взаимная компенсация изменений, происходящих по отдельным стратам. Кроме того, некоторые социальные группы, состоящие из малого количества индивидов, порой совершают сильные и внезапные изменения, тогда как среди огромного большинства людей изменения оказываются слабыми и медленными. В высших классах с большей легкостью, чем в низших, меняются стили одежды, чувства и пристрастия, а также формы их выражения. Часто эти изменения не выходят за границы высших классов, поскольку они исчезают до того момента, когда могли бы восприняться низшими классами.

- 650.** К сожалению, история позволяет нам лучше узнать душевные состояния, чувства, нравы, характерные для малого числа представителей высших страт, но не состояния, чувства и нравы, распространенные среди большей части общества, и было бы ошибкой распространять данные о высших стратах на всех. Также необходимо учитывать, что циркуляция между классами привносит в высший класс более или менее быструю сменяемость индивидов, и не следует смешивать это изменение состава индивидов с изменением чувств индивидов. Например, в некотором закрытом классе X могут изменяться чувства и их проявления; но если класс X является открытым, наряду с этим происходит изменение его состава. Такое изменение, в свою очередь, зависит от того, велика или мала скорость циркуляции.

- 651.** *Реципрокное действие остатков и дериваций.* Остатки могут воздействовать: на другие остатки; на деривации. Последние также могут воздействовать: на остатки; на другие деривации.

Теперь мы рассмотрим эти действия более обстоятельно, не исследуя, как они связаны с полезностью для индивида и для общества.

Что касается воздействия остатков на деривации, то мы уже говорили, что первые сильно воздействуют на вторые, тогда как воздействие вторых на первые слабое. Особый случай, а именно колебания дериваций, соответствующие колебаниям остатков, мы рассмотрим позже (см. § 1015).

- 652.** *Воздействие остатков на остатки.* Остатки a, b, c , которые соответствуют одному и тому же комплексу чувств — P , согласуются друг с другом, т. е. не особенно расходятся и не приводят к явным противоречиям. Но они могут расходиться и вступать в противоречие с остатками m, n, r , которые соответствуют другому комплексу чувств — Q . Деривации, в которых такие остатки проявляются, могут плохо согласовываться и даже явно не соответствовать друг другу. Иные из таких не согласующихся дериваций связаны с извлечением пользы от воздействия на разных людей, обладающих разными остатками. Один и тот же человек может отстаивать «право общества совершать действие против индивида», чтобы отобрать что-либо из принадлежащей ему собственности, и может также настаивать на «праве индивида» ограждать себя «от общества», позволяющим защитить преступника.
- 653.** *Несогласующиеся остатки и их деривации.* Рассмотрим различные группы остатков, каждая из которых соответствует определенным комплексам чувств. Мы увидим, что взаимное действие таких групп, когда они диссоциируют друг с другом, обычно бывает слабым или его вовсе нет. Оно обнаруживается только среди образованных людей, предпринимающих софистические попытки примирить деривации, основанные на таких группах остатков, но это совершенно не волнует людей необразованных.
- 654.** Индивид, как правило, не стремится согласовать несогласованные деривации, он довольствуется тем, чтобы они были согласованы с остатками, которые соответствуют его чувствам. Только небольшое число людей, испытывающих потребность в соблюдении логики, побуждают себя изощряться в нахождении способов взаимосогласования дериваций. Именно поэтому при изучении «хода мыслей» того или иного автора или политического деятеля часто выясняется, что его идеи не составляют единого целого, а напротив, содержат противоречивые воззрения.
- 655.** *Реципрокное действие остатков, соответствующих одному общему для них комплексу чувств.* Оно может осуществляться тремя различными способами. Пусть P представляет собой психическую склонность, соответствующую комплексу чувств, выраженных остатками a, b, c, d .

Эти чувства могут иметь различную интенсивность, или, говоря эллиптически*, остатки обладают различной интенсивностью (см. § 634).

Первый способ. Если увеличивает или уменьшает интенсивность общий источник P , то увеличивают или, соответственно, уменьшают ее и остатки a, b, c . Увеличение или уменьшение интенсивности со стороны группы остатков

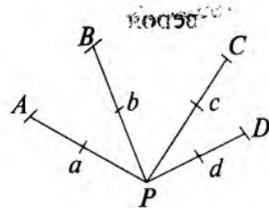

Рис. 17

a способно воздействовать на P , приводя к увеличению или к уменьшению его интенсивности; в таком случае усиление или ослабление интенсивности a приводит к усилению или к ослаблению ее для групп b, c . Для очень большого коллектива такой эффект обычно проявляется медленно и малозаметно, поскольку весь класс остатков, как мы видели, меняется медленно и слабо. Быстрым и сильным это изменение может оказаться для отдельно взятого индивида. Например, в Индии было отмечено, что принявшие христианскую веру коренные жители утрачивали приверженность к прежней морали, сформированной благодаря их старой религии, но не приобретали мораль, связанную с новой религией. У них оказались разрушенными некоторые остатки a , и поэтому произошло ослабление остатков всей группы: b, c, d .

Второй способ. Одна группа остатков может возрастать за счет других групп того же класса и приводить, следовательно, к новому распределению между a, b, c , при неизменном P . Пример тому — инстинкт комбинаций, который может реализовываться в различных, и в новых в том числе, видах комбинаций.

Разные возможности реализуются при соединении первого и второго способа <действия остатков>. Например, a возрастает, что приводит к возрастанию P и, как следствие, также к возрастанию b и c ; но рост a достигается также за счет b и c ; следовательно, b сможет в совокупности возрастать, только если его прирост, обусловленный увеличением P , превысит его убывание, обусловленное возрастанием a , тогда как другая группа остатков, c , сможет уменьшаться, если спад не будет компенсирован приростом.

Третий способ. Может происходить также непосредственное воздействие со стороны a на b и c , без посредничества P . Не всегда легко его выявить; часто такое воздействие может быть интерпретировано как операция, относящаяся к первому способу; но некоторые факты ясно свидетельствуют о том, что существует взаимозависимость остатков a, b, c . Например, это относится к известному случаю разбойников — ревностных католиков и к иным аналогичным случаям. С определенной долей

* См. прим. к § 110.

вероятности можно сказать, что прямое воздействие, когда оно имеет место, в первую очередь проявляется среди остатков из одного общего рода. Например, тот, кто верит многим сказкам, легко отнесется с доверием еще к одной сказке. Это напоминает прямое воздействие; хотя вера в отношении многих сказок может представлять собой проявление такого психического состояния, при котором новая сказка может легко восприниматься как правда.

- 656.** *Воздействие дериваций на остатки.* Деривации, так же <как и остатки>, являются манифестациями чувств, и, следовательно, их воздействие на остатки схоже с воздействием остатков класса III и рода Iε на другие остатки. Только благодаря такому воздействию деривации имеют значительную эффективность в детерминации социального равновесия; в то же время они малоэффективны или вовсе неэффективны в том, чтобы удовлетворять потребность человека в соблюдении логики.
- 657.** В целом деривация принимается потому, что она в ясной форме выражает идеи, которые уже смутно присутствуют в сознании людей; кроме того, она усиливает также чувства, которые таким образом находят путь к своему выражению. Последний феномен чаще всего вторичен по отношению к первому.
- 658.** В логико-экспериментальном аспекте единственным средством действительного опровержения утверждения *A* является доказательство его ложности. Для логических действий это достигается путем соблюдения логики и обращения к наблюдению. Но если это утверждение касается чувств и нелогических действий, при совершении которых ни в малейшей мере не принимаются в расчет экспериментальные доводы и наблюдения, то одна абсурдная деривация может опровергать другую абсурдную деривацию, одно чувство — противостоять другому чувству.
- 659.** Умалчивание также может нейтрализовать высказывание *A*. Это удастся, когда индивид остается в неведении, поскольку чувства, облаченные в мысли, нарастают сильнее, чем остающиеся вне внимания. Таким образом, если деривация соответствует сильным чувствам, то ее победоносное опровержение в логико-экспериментальном аспекте скорее укрепит ее, чем нанесет урон. Точно так же частое повторение деривации даже при отсутствии у нее какой-либо логико-экспериментальной значимости становится эффективнее самого блестящего логико-экспериментального доказательства. Такое доказательство обращено к разуму, и самое большее, что оно может дать, это привести к изменению дериваций при слабом воздействии на чувства; деривация же, напротив, воздействует именно на чувства и меняет остатки.

- 660.** Но замалчивание, так же как опровержение и преследование, имеет еще один, опосредованный эффект. Если оно распространяется на важный и многочисленный класс действий и сильных чувств, то из-за этого не удовлетворяются чувства, соответствующие классу III остатков и остаткам $I\epsilon$, при этом воздержание увеличивает потребность в их удовлетворении. Это обнаруживается и в двух аспектах действия дериваций, обозначенных в § 657. У индивидов, вынуждаемых к молчанию, накапливаются чувства, прорывающиеся при первой возможности, которая может возникнуть именно благодаря созданию некоторых дериваций; и поэтому они принимаются с большой благосклонностью, и если их однажды приняли, то это придает чувствам новую силу и энергию.
- 661.** Таким образом, перед нами два эффекта: непосредственный и опосредованный (см. § 687), и определение их результирующей — вопрос количественный. В одной предельной точке континуума непосредственное действие по своей силе во много раз превосходит опосредованное действие; затем происходит постепенное усиление второго и ослабление первого действия, и мы подходим к противоположной предельной точке, где опосредованное действие оказывается во много раз сильнее непосредственного действия. В первой точке располагаются меры, при которых охватывают малое число фактов и не вызывают сильных чувств; во второй — меры противоположного характера. В дальнейшем будут особо рассмотрены меры, которые подходят для достижения цели, т. е., виртуальные движения (см. § 678 и далее); а также воздействие этих мер в различных социальных стратах (см. § 791 и далее).
- 662.** Хороший пример воздействия на людей дериваций в наше время представляют собой крупные газеты. Элементарное наблюдение показывает, что газеты оказывают немалое влияние на людей; но это влияние происходит не из убедительности публикуемых в них рассуждений и вовсе не из логико-экспериментальной ценности приводимых аргументов, поскольку в данном отношении они несерьезные и наивные. Их убеждающая сила исходит скорее от умения воздействовать на остатки при помощи дериваций. Остатки, на которые оказывается воздействие, уже имеются у людей, что и определяет пределы влиятельности газеты, которая не может идти против остатков, но может воспользоваться ими в своих целях. Как исключение, и это самое большее, что она может сделать, — это породить новый остаток или восстановить какой-нибудь из тех, которые, казалось бы, исчезли.
- 663.** Часто мы воображаем, что деривации преобразовались в остатки, тогда как совершилось обратное, т. е. остатки проявились в деривациях (см. § 657, 660). Такой ошибке содействовало то, что, зная о многих

социальных феноменах из литературы, мы приписываем ей роль источника некоторых воззрений. Иногда это и в самом деле может иметь место, но чаще всего происходит обратное явление, т. е. существующие в людях чувства вызывают рождение, рост и распространение такой литературы. И если под действием остатков авторитета IV_{ε_2} люди склонны поверить этому в отношении произведений знаменитых литераторов, то они просто не задумываются над тем, что во многих случаях такие авторы не были создателями чувств читающей публики, но эти чувства принесли им славу.

Это следует иметь в виду при выявлении главной стороны в изучаемом феномене (см. § 657), поскольку исходящее от авторов воздействие также дает свой эффект, но он вторичен по сравнению с первым.

- 664.** Другая причина ошибки, заключающейся в придании слишком большого значения деривации в отношении ее влияния на условия социального равновесия, состоит в том, что некоторым концепциям, принципам, догмам придается статус объективного существования и затем это сопровождается рассуждениями об их якобы самостоятельном действии, независимом от остатков. Эту иллюзию порождает мощное воздействие остатков сохранения агрегатов (класс II). Подобно тому как в былые времена ход истории объясняли вмешательством богов, теперь его интерпретируют на основе принципов и теорий.
- 665.** *Воздействие дериваций на деривации.* Такого воздействия мы уже касались ранее и отмечали, что если деривации некоторого типа становятся модными, то они воспроизводятся в огромном количестве. Здесь действуют остатки социальности. Кроме того, если некто вследствие высокой интенсивности чувств в каком-то случае не замечает изъянов в рассуждении, то он легко может их не заметить и в других случаях, когда уже не будет отвлечен силой чувств. Этому содействует создание дериваций, похожих на ту, что использовалась в первом случае. Добавим, что поскольку имитировать намного проще, чем создавать, многие имеют обыкновение повторять заимствованные у других людей фразы, формы выражения, рассуждения.
- 666.** Мы видели (см. § 653–654), что среди образованных людей, привыкших к тонким и длинным рассуждениям, предпринимаются попытки устранить противоречия между деривациями, которые могут в ходе их появляться. Когда одна из обсуждаемых дериваций принимается, то находится кто-нибудь, кто начинает выводить от нее логические следствия, которые все дальше отходят от остатков этой деривации и, следовательно, от реальности. Если мы, например, обозначим как A некоторые чувства или остатки и обозначим как S соответствующую им деривацию, то когда

это соответствие не нарушается, S есть способ передачи реального факта и отходит от него только по форме. Однако полученная из S логическая дедукция C может далеко отойти от A также и в содержательном отношении (см. § 835). Это проявляется в различных формах.

1. *Недостаток точности и определенности.* Деривация S совершенно лишена определенности, согласуется неопределенным образом с некоторыми чувствами и не может служить основой какого бы то ни было строгого рассуждения (см. § 333).
2. *Недостаток соответствия.* Даже если имеет место соответствие между S и A , оно никогда не бывает полным; следовательно, полученные на основе S дедукции не имеют отношения к A .
3. *Сложность чувств.* Группа чувств A никогда не бывает вполне определенной. Следовательно, мы имеем не только неполное соответствие между ядром, т. е. отличающейся определенностью частью группы A и S , но и совершенное отсутствие соответствия между неопределенной частью группы A и S .
4. *Взаимозависимость групп чувств.* Группа A не является независимой от других групп M, P, Q . В самом индивиде они живут в определенном согласии, которое нарушается из-за логических следствий <см. § 745>. Например, во многих христианах сосуществуют чувство A , под влиянием которого они прощают обиды, и чувство M , защищающее честь и включающее желание отомстить. Это согласие чувств было бы нарушено, если из A и M выводить логические следствия.
5. *Соответствие между теорией и социальными фактами.* Если бы в каждом индивиде соответствие между A и S было полным, то оно оказывалось бы не менее полным в общности, состоящей из этих индивидов, и тогда из S можно было бы логическим путем вывести действия этой общности. Но известно, что этого нет, и что основанные на таком допущении рассуждения уводят, в той или иной мере, от реальной картины. Ошибка эта появляется не в ходе рассуждений, но из исходных посылок, которые нас отдаляют от реальности. Также ошибочна оценка социальной значимости остатка по соответствию реальности тех дедукций, которые были получены на его основе; их значимость, напротив, полностью определяется их соответствием тем чувствам, которые каждый остаток выражает.

Проблемы, которые возникают в связи с пятой формой, представляют собой часть более общей проблематики, к которой мы теперь перейдем.

667. *Отношения остатков и дериваций к другим социальным фактам.* Если бы остатки, так же как принципы экспериментальных наук, являлись выражениями фактов, если бы деривации обладали логической строгостью,

то соответствие получаемых выводов опыту было бы полным и совершенным; если бы остатки и деривации выбирались случайным образом, то их согласованность встречалась бы крайне редко. Но, как показывает каждодневный опыт, в жизни обе отмеченные крайности не встречаются. Если бы социальная жизнь строилась только по принципам экспериментального знания или только на случайном выборе остатков и дериваций, то все общества разрушились бы; таким образом, остатки и деривации должны занимать промежуточное положение между этими двумя пределами. Следует обратить внимание, что находящийся в разладе с опытом остаток может подкорректироваться деривацией, находящейся в разладе с логикой; это возможно потому, что, совершая нелогические действия под влиянием инстинкта, человеческие существа приближаются именно к экспериментальным фактам (см. § 674).

668. Здесь возникает вопрос о том, чем детерминированы формы живых существ и формы обществ. Несомненно, что они возникли не случайно, зависят от условий, в которых существуют животные и общества; но мы не знаем, какова эта зависимость. Очевидно, что эти формы и эти остатки не могут находиться в слишком явном противоречии с условиями, в которых они появились, и потому в дарвиновском решении вопроса детерминированности имеется своя доля правды (см. § 335, 885). Не могут жить на суше те представители животного мира, у которых есть только жабры; люди, обладающие только антиобщественными инстинктами, не смогли бы существовать в обществе. Наряду с этим существует определенная адаптация форм жизни к условиям жизни. Дарвиновское решение ориентировано на то, что адаптация должна быть полной и достигать совершенных форм, именно в этом состоит его ошибка*. Животный и растительный мир представлен формами, адаптированными отчасти, хотя порой встречается превосходная, удивительная адаптация форм к условиям жизни. Народы также обладают инстинктами, приблизительно адаптированными к их образу жизни. Обращаю внимание, что все это только взаимоотношение между двумя вещами, поскольку совершенно не зафиксировано, что одна из них непременно является следствием другой. Так, лев живет добычей, и он обладает сильными средствами, позволяющими поймать жертву. Однако мы не утверждаем, что он живет охотой, потому что имеет такие средства, или что он имеет такие средства, потому что живет охотой. Воинственный народ обладает воинственными инстинктами, однако мы не говорим, что он воинствен

* Дарвину приписывается мысль, свойственная интеллектуальному течению — социальному дарвинизму, названному по имени этого ученого скорее по стечению обстоятельств, чем по преемственности идей.

потому, что имеет такие инстинкты, или что он имеет такие инстинкты, поскольку он воинственный.

669. Теперь в общих чертах намечается решение нашей проблемы. Суждения об обществе не слишком отдалены от реальности, потому что к ней достаточно близки остатки, из которых возникают деривации, и остатки, которые содействуют созданию дериваций. Если первые из этих остатков приближены к реальности, и если деривации являются достаточно логичными, то получаются следствия, которые обычно не отходят далеко от реальности. Но если первые из таких остатков не отличаются близостью к реальности, то вторые остатки настраивают на применение софистических дериваций, благодаря которым осуществляется корректировка, обеспечивающая перемещение в сторону реальности.

670. По поводу соответствия между остатками и другими социальными фактами мы можем повторить то, что говорилось на этот счет в отношении дериваций (см. § 666).

1. Некоторые остатки очень плохо соответствуют тем фактам, от которых зависит социальное устройство, они совершенно не могут обеспечить соответствие логико-экспериментальным принципам, выведенным из этих фактов.
2. Те же остатки, которые до некоторой степени соответствуют фактам, определяющим социальное устройство, и примерно соответствуют полученным из этих фактов логико-экспериментальным принципам, не могут находиться в полном соответствии с этими фактами совершенно лишены необходимой для установления таких принципов точности и определенности.

В отношении дериваций мы отмечаем, что обычно они выходят за пределы реальности в том направлении, на которое они ориентированы; они редко остаются в области реальных явлений. Это происходит в силу следующих причин.

Во-первых. Когда чувства начинают доходить до некоторого предела, деривации имеют тенденцию трансформироваться в идеалы и мифы.

Во-вторых. Чтобы деривация лучше воспринималась и сильнее запечатлевалась в сознании, ее выражают кратко, в нескольких словах, без ограничений, оговорок и исключений, которые подвели бы ее ближе к реальности.

В-третьих. Чтобы побудить людей к действию, деривация должна содержать простые принципы, выходящие за границы реальности. Если мы рассмотрим такие нормы, как «Не убий», «Возлюби ближнего своего как самого себя», то выявим отмеченную особенность. Для того чтобы вернуться от деривации в область реального, почти всегда необходимо делать определенные оговорки.

Но если люди в процессе действий в соответствии с деривациями приближаются к реальности, каким-то образом должна проводиться корректировка расхождений между деривациями и реальностью. Эта корректировка достигается путем противопоставления и наложения множества дериваций, распространенных в обществе (см. § 839). Наиболее простой, но наименее часто используемый способ состоит в наложении двух дериваций *A* и *B*, которые обе уводят от реальности, но одна — в одном, а другая — в другом, противоположном направлении. При их наложении происходит большее приближение к реальности, чем в случае, когда они выступают порознь. В качестве *A* может выступать деривация «Возлюби ближнего своего как самого себя», а в качестве *B* — та, которая говорит о долге мщения. Более сложен и шире распространен случай наложения нескольких дериваций *A*, *B*, *C*, которые в отношении друг друга не являются диаметрально противоположными, и когда результат их наложения все же ближе к реальности, чем каждая из них в отдельности. Например, это относится к деривациям о правах людей, о патриотическом эгоизме, о независимости правосудия, о государственном интересе и т. д., которые встречаются почти у всех цивилизованных народов.

- 671.** *Влияние расхождений между остатками и логико-экспериментальными принципами на получаемые выводы.* Предположим, что мы рассуждаем в соответствии с логико-экспериментальным методом и принимаем в качестве исходных посылок некоторые остатки *a*; так мы придем к выводам *c*. Если бы мы стали рассуждать таким же образом, но исходили бы из строго экспериментальных принципов *A*, то пришли бы к выводам *C*. Чтобы узнать, как соотносятся выводы *c* и *C*, необходимо установить, в каком отношении находятся остатки *a* и принципы *A*. Допустим, что *a*, или те суждения, которые в них выражены, совпадают с *A* только в некоторых пределах. Если такие пределы известны, то ясно, что получаемые из *a* выводы будут верными в этих пределах. Если пределы неизвестны, то выводы будут соответствовать фактам только до тех пор, пока рассуждение не особенно заметно выходит за те границы, в которых исходные положения верны. Это очень мало, но это немного лучше, чем ничего.

Там, где еще недостает научного знания, приходит на помощь эмпиризм; он пока занимает и, пожалуй, еще долго будет занимать обширное место в социальных областях знания и часто выправляет изъяны исходных посылок (см. § 667). Те, кто не позволяют себе уступить воздействию остатков и дериваций и являются практичными людьми, часто приходят к результатам, которые не особенно расходятся с опытом.

- 672.** Утверждения, которые не являются простым обобщением опыта, как экспериментальные принципы, следует назвать «ложными». Если так

обозначается утверждение, которое совершенно не отвечает фактам, то нет сомнений в том, что при использовании его в качестве исходной посылки получаемые из него логические выводы окажутся ошибочными и также не будут соответствовать фактам. Но этим же термином «ложный» обозначается также неверное объяснение реального факта, и в таком случае из него в некоторых границах могут быть получены *истинные*, т. е. согласующиеся с фактами выводы. Например, на основе ложного объяснения: «Природа боится пустоты» могут быть сделаны выводы, подтверждаемые опытом.

673. Рассуждая упрощенно, можно утверждать, что из дериваций, которые имеются в данном обществе, могут получаться подтверждаемые опытом выводы, если только: во-первых, в отношении этих дериваций вводится оговорка, что они обычно не приводят к той цели, на которую ориентированы (см. § 670); во-вторых, рассуждения не слишком расходятся с положением дел в обществе; в-третьих, рассуждение, которое имеет в качестве исходной посылки остатки, соответствующие таким деривациям, не превышает допустимого порога логических нарушений, иными словами, рассуждение, построенное на деривациях, только внешне выглядит логичным, в действительности оно скорее согласуется со связанными с остатками чувствами, чем с элементарной логикой.

674. В логико-экспериментальных науках, если манифестации согласуются с фактами, то принципы, следствием которых эти манифестации являются, будут соответствовать фактам. Напротив, при рассуждениях с использованием дериваций принципы, логическими следствиями которых являются манифестации, могут совершенно расходиться фактами.

Следовательно, мы можем утверждать, что в подобных случаях рассуждение в полном соответствии с логикой приводит к расходящимся с фактами выводам в гораздо большей мере, чем при рассуждениях, отличающихся серьезными изъянами в отношении логики и явными софизмами.

675. Люди, в том числе и хорошие специалисты в определенных областях, во все времена противопоставляли теорию и практику и признавали полезность и необходимость практики для других областей знания. Подобные утверждения являются деривациями, в которых выражаются следующие факты.

Во-первых, когда теория исходит из строго научных положений, она абстрагирует феномен, который в действительности связан с другими феноменами.

Во-вторых, когда теория исходит из эмпирических положений, верных только в некоторых границах, по ходу рассуждений люди склонны выходить за эти границы, даже не замечая этого.

В-третьих, когда теория исходит из дериваций, то, поскольку им обычно недостает определенности и точности, ее положения уже не могут стать исходными пунктами для строгого рассуждения.

В-четвертых, когда плохо или вовсе не известны границы, за которыми деривации перестают быть истинными положениями, если даже не становятся вовсе ложными. Все трудности, упомянутые или иные, аналогичные, приводят к тому, что человек практического склада, движимый остатками, нередко приходит к выводам, которые согласуются с фактами намного лучше, чем выводы чистого теоретика, рассуждающего по правилам логики.

- 676.** Здесь достаточно ясно видно противоречие между знанием и действием. Чтобы знать, необходима только логико-экспериментальная наука; чтобы действовать, намного важнее руководствоваться чувствами. Отсюда следует и другой важный результат: для разрешения этого противоречия эффективно деление общности на две части, когда одна часть, где превалирует знание, руководит и направляет другую часть, в которой превалируют чувства. В итоге действия становятся хорошо управляемыми и сильными. Эти выводы очень важны для социологии.

Люди практического склада часто стремятся дать некую теорию своих действий, но она, как правило, значит мало или вообще ничего. Такие люди умеют действовать, но не могут объяснить, *почему* они так действуют. Их теоретизации почти всегда являются деривациями, не имеющими отношения к логико-экспериментальным теориям.

Контраст между практикой и теорией порой принимает форму полного отвержения последней. Нередко утверждают, что необходимо выбрать «правильное средство», или что предписания (деривации) следует интерпретировать в соответствии с их «духом», а не с буквой; это часто означает, что их следует интерпретировать в направлении, предпочтительном для того, кто проводит наблюдение.

- 677.** *Неопределенные деривации и как они оказываются адаптированными к некоторым целям.* Деривации обычно выходят за границы реальности. В случае мифов людей это не беспокоит; но если дело касается псевдо-экспериментальных дериваций, они стараются различными способами согласовать их с реальностью. Одним из таких способов, часто используемым и эффективным, является содержательная неопределенность выражающих деривацию терминов; тогда легко удастся, осуществив их софистическую интерпретацию, адаптировать деривацию к реальности. Изучение феноменов францисканства, толстовства, пацифизма,

гуманизма, культ добродетели дает наглядные примеры того, как люди стараются избежать логических следствий следования некоторым принципам.

678. Мероприятия, направленные на достижение цели. Предыдущие рассуждения относились к реальным движениям; теперь мы переходим к изучению проблемы, относящейся к виртуальным движениям. Рассмотрим, какие феномены проявились бы, если бы изменились остатки или деривации. Здесь представлены отдельно некоторые группы остатков и дериваций, т. е. исследуется только часть изучаемого феномена, но в следующей главе это будет сделано более глубоко с учетом всех воздействующих на общество элементов, что приблизит к его пониманию в целом. Опираясь на выполненные исследования (см. § 651–666) в отношении взаимных влияний остатков и дериваций, постараемся узнать, какими должны быть действия ради достижения цели.

679. Рассмотрим комплекс чувств P , из которого исходят остатки, или, лучше сказать, группы остатков a, b, c (см. рис. 18). От одного из них (a), посредством демонстраций или дериваций в собственном смысле (см. § 633) — m, n, p получают манифестации (см. § 633) или доктрины — r, s, t ; то же можно повторить и для других групп — b, c . Вместо одного комплекса чувств нам на самом деле следовало бы рассматривать большее число чувств, все действия которых ощущаются то по отдельности, то в комбинации с другими группами остатков; но такое исследование синтезирующего характера можно провести и с обозначенными здесь элементами.

680. Выделим случаи, которые относятся к виртуальным движениям.

Первый случай (наиболее простой) — когда устраняется a . Устранение a влечет за собой исчезновение манифестаций r, s, t ; но если наряду с a имеются аналогичные группы остатков, то после ее устранения аналогичные манифестации сохраняются. Кроме того, ослабление или исчезновение группы a может быть скомпенсировано усилением или рождением других остатков этого же класса, что мы уже отметили (см. § 655), когда вели речь об изменениях всей совокупности остатков одного класса, которые оказываются меньшими, чем изменения отдельных родов и видов остатков.

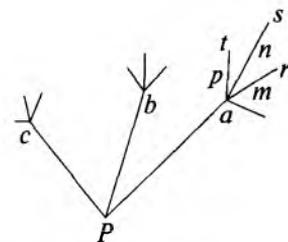

Рис. 18

681. Второй случай. Если ликвидируются или изменяются одна или более дериваций в собственном смысле m, n, p , то сущность феномена не меняется. Такие деривации создаются очень легко, и если исчезает одна

из них, на ее месте появляется другая. В первом приближении мы отметили, что деривации, как в собственном смысле, так и их манифестации, оказывают вторичное, менее существенное и порой очень кратковременное действие по сравнению с остатками. Но все же их действие не равно нулю, и во втором приближении его необходимо рассмотреть, что мы теперь можем сделать.

- 682.** Третий случай. Если изменяются или разрушаются одна или более манифестаций r , s , то мы должны рассматривать обе части феномена. Согласно тому, что было сказано относительно взаимного воздействия остатков и манифестаций, основным, определяющим является влияние остатков a на манифестации r , s , которое побуждает весь класс остатков (класс III) к действию, тогда как устранение r приводит только к исчезновению r . И наоборот, если бы некая внешняя сила вынудила осуществить r , то такая акция привело бы только к появлению r .
- 683.** Это, несомненно, основная часть феномена. Действительно, тот, в ком присутствует религиозная вера, испытывает потребность в совершении культовых актов; напротив, принуждение к совершению культовых актов в отношении человека, который не имеет религиозных чувств, не порождает в нем таких чувств.
- 684.** Другая часть феномена, хотя она вторичная, — это ответное действие r на a : спонтанные манифестации некоторых чувств вызывают усиление этих чувств (см. § 657). Мы добавляем слово «спонтанные», потому что когда они таковыми не являются, они имеют похожий, но намного более слабый эффект. Более существен, особенно в некоторых случаях, будет эффект, имеющий обратную направленность, выступающий как ответная реакция на насилие, которому подвергается индивид. Итак, если некоторые манифестации r были спонтанным образом подавлены, то за этим может последовать ослабление чувств, соответствующих a . Тот же результат достигается в некоторых случаях при использовании сатиры, поскольку смех — это оружие, часто оказывающееся эффективным для ослабления остатков «сохранения агрегатов». Когда же, напротив, манифестации насильственно устранены, то обычно соответствующие им чувства, если они были сильными, в результате ответной реакции на такое подавление укрепляются; если же они были недостаточно сильными, то могут надолго ослабеть (см. § 661). В общем, применение силы всегда более эффективно для противодействия стремлению представить в комичном виде некоторые манифестации, чем для их внедрения. Более действенна по сравнению с непосредственной защитой манифестаций

опосредованная поддержка некоторых остатков класса II, позволяющая воспрепятствовать нападкам на эти манифестации (см. § 695).

- 685.** Причина усиления устойчивых чувств состоит в том, что на деле не была уничтожена манифестация r , удалось только воспрепятствовать ее публичному распространению, а созданные препятствия, не давая проявиться чувствам, лишь укрепили их. Если бы, напротив, такое подавление манифестации произошло и достигло бы внутреннего индивидуального сознания, то это всегда ослабило бы остатки a в большей или меньшей степени.
- 686.** Этим объясняются случаи, о которых упоминалось ранее (см. § 658–661). Если в логико-экспериментальных науках эффективным опровержением утверждения A является демонстрация его ложности (см. § 658) то это происходит потому, что манифестация r , построенная на основе такого утверждения, уничтожается и потому, что ее не поддерживают чувства a , которые бы ей соответствовали и отличались значительной силой. Если ученый действительно принимает A под влиянием самолюбия или иных чувств, а не на основании экспериментальной значимости A то такой феномен развивается не так, как это было показано выше. Там где присутствуют нелогические действия и чувства, опровержение не может лишить его силы, не подорвав тех чувств, которые оно выражает; иначе оно от этого только усилится (см. § 659).
- 687.** Эффект от опровержения и преследования, который мы охарактеризовали как опосредованный (см. § 660), — это эффект противодействия манифестации; он включает две части (см. § 657), т. е. манифестацию уже существовавших чувств и идей, которые соответствуют a , и эффект, связанный с деривацией в собственном смысле (см. § 660).
- 688.** Чувства, названные сильными и присущие некоторой совокупности населения или социального класса, могут быть внутренне свойственны людям: либо потому, что такие чувства вызывались многочисленными обстоятельствами, либо потому, что они присущи многим индивидам. Обратная картина касается тех чувств, которые были названы слабыми. Поэтому в § 661 мы учитывали не только внутреннюю силу чувств но и наличие более или менее большого числа фактов, и имели в виду тех индивидов, к которым эти процессы относятся.
- 689.** Когда внешнее подавление или устранение r укрепляет a , в результате усиливаются также s и t ; т. е. в некоторых случаях разрушение или ослабление манифестации r приводит к возрастанию s и t . Этот эффект похож

на другой — на компенсацию, происходящую между группами остатков. Порой происходит одновременно и то, и другое.

690. В аспекте виртуальных движений большое значение имеют выводы, получаемые из сделанных выше наблюдений.

Вывод α . Допустим, правительству требуется устранить некоторую группу остатков a , тогда ему необходимо уничтожить по возможности всех индивидов, которые являются носителями таких остатков. Так поступала в Испании инквизиция; этого не смогло сделать Римское государство в отношении христианства.

691. Уничтожение остатков a может быть спонтанным; но тогда вместо виртуальных движений мы имеем реальные движения. Факты, особенно сильно затронувшие население, вызывают значительное изменение чувств современников; однако на последующие поколения, знающие об этом только по преданиям, эти факты оказывают более слабое впечатление. Таким образом, можно сказать, что здесь исчезают индивиды, у которых были остатки группы a .

692. Сходные феномены возникают в случаях, когда вместо того, чтобы совсем исчезнуть, индивиды с такими чувствами появляются вновь. Это наблюдалось в античном Риме, где поработанные народы передавали свои чувства и свои деривации.

693. Многие люди полагают, что для того, чтобы уничтожить a , достаточно изменить воспитание. Это было бы возможно, если бы воспитательные меры оказывали воздействие в течение всей жизни; в противном случае их действительность оказывается незначительной или равной нулю. Мы не утверждаем, что влияние воспитания равно нулю, но всего лишь имеем в виду, что оно только часть многочисленных воздействий на человека, совокупный результат которых проявляется в его действиях.

694. *Вывод β .* Чтобы подействовать на a , правительства обычно воздействуют на манифестации r , s . Это делается не столько на основе логического заключения, сколько под влиянием нелогического действия чувств, затронутых этими манифестациями. Используемая при этом деривация чаще всего оказывается такой: «Вместе с r проявляются те чувства, которые вредны обществу; следовательно, надо подавлять r ». К этому не добавляется: «...потому что с подавлением r уничтожатся проявляющиеся при этом чувства», что явилось бы слабой частью в рассуждении.

695. Внушительное количество фактов свидетельствует о малой эффективности попыток оказать влияние на остаток через воздействие на манифестации.

Достаточно вспомнить о бесплодной борьбе Бисмарка с социалистами и немецкими католиками (движение которых получило название «Kulturkampf») и о тщетности усилий «добродетельных доминиканцев», которые полагают, что, разрушив манифестации <доктрины>, они смогут уничтожить остатки <чувства>.

696. Многие действия, подпадающие под статьи уголовного кодекса, представляют собой манифестации того же рода. Конечно, кражи и убийства — это уже не теоретические манифестации, но и они не совершаются помимо чувств, без их проявления; именно поэтому в них обнаруживаются некоторые из описанных выше характеристик.

Во-первых, в той мере, в какой нелогические действия входят в эти факты, они остаются вне рационального осмысления. Именно поэтому угроза наказания имеет малую эффективность в удержании людей от особо тяжких преступлений, а также преступлений, совершаемых под влиянием аффекта, поскольку, за редкими исключениями, они имеют истоки в сильных чувствах, подталкивающих к нелогическим действиям. При менее тяжких преступлениях чувства не настолько глубоко захватывают людей, и, следовательно, становится более значимой логическая часть: угроза наказания более эффективна в борьбе с правонарушениями, за совершение которых взимается штраф, чем для предотвращения убийств.

Во-вторых, основная причина преступлений, если не учитывать отдельных, всегда имеющихся исключений, заключается в существовании некоторых чувств *a*. Теория врожденной преступности добавляет, что эти чувства есть в индивиде от рождения. Может быть, отчасти это справедливо; но трудно с этим согласиться для всех случаев, поскольку комплекс факторов места и времени, иных обстоятельств, в которых жил индивид, несомненно, изменяют хотя бы некоторые из чувств, имевшихся от рождения. Но в отличие от теории, названной теорией «ответственности», которая все сводит к логическим действиям, теория врожденной преступности предстает почти как истина, противоположная заблуждению.

В-третьих, в социальных науках мало сомнений вызывает тот факт, что на исправление преступника, особенно в отношении наиболее тяжких преступлений, влияние наказания до сих пор оказывалось весьма ничтожным, если, как нередко происходит, оно, напротив, не усиливало в нем преступных наклонностей. Это происходит в соответствии с общим законом, согласно которому насильственное подавление манифестаций любой группы чувств часто малоэффективно для ослабления их интенсивности, а порой оно, напротив, только усиливает их. Многие попытки устранения этого изъяна в уголовном законодательстве не достигали особого успеха; то малое, или, правильнее сказать, ничтожно малое, что достигнуто, как раз и вызвано воздействием на чувства *a*.

697. В-четвертых, единственным средством, действенность которого проявилась в снижении преступности, было устранение самих преступников, т. е. средство аналогичное тому, о котором мы упоминали в выводе α (см. § 690).

В-пятых, общее состояние чувств населения, несомненно, влияет на преступность; у одних народов широко распространено воровство; у других — ростовщичество; у третьих чаще случаются убийства и т. д. Это означает, что группы чувств a , b различны в зависимости от народа, места, времени, и что часто происходят компенсации между разными группами чувств.

698. В-шестых, следовательно, ошибочны все рассуждения, в которых на основании неэффективности наказания с точки зрения приоритета логических действий делается вывод о его неэффективности вообще. Например, ошибочным будет высказывание: «Смертная казнь неэффективна, потому что она непосредственно, на уровне логики не удерживает человека от совершения убийства». Ее эффективность иная. Прежде всего, ясно, что если убийцу устраняют, то это избавляет общество хотя бы от части индивидов, склонных совершать убийства. Кроме того, казнь косвенным образом воздействует на людей, усиливая в них чувство ужаса перед преступлением. Это трудно отрицать, если мы обратим внимание на действенность норм чести, которые не предусматривают санкций в виде непосредственного наказания, но благодаря присутствию чувств, соответствующих этим нормам, формируют такую ситуацию, при которой большинство людей избегает нарушения этих норм. Так, на Сицилии местный житель редко нарушает закон *omertà* — закон круговой поруки, поскольку получает от рождения или приобретает чувства, которые способствуют его соблюдению; а наказание, предусмотренное, традицией для его нарушителей, поддерживает или усиливает такие чувства.

В-седьмых, теологические суждения, метафизические суждения о морали и иные подобные им вещи, поскольку они являются простыми деривациями, или манифестациями дериваций, имеют малую эффективность или даже совершенно неэффективны в отношении снижения преступности. Но поскольку в них выражаются чувства, они, возможно, и дают некоторый эффект, обусловленный, главным образом, именно этим обстоятельством. Следовательно, за исключением упомянутого опосредованного действия, с их помощью достигается очень немного, а то и вовсе ничего. Но то немногое, что они способны дать, происходит благодаря ответному действию дериваций на те чувства, из которых они берут начало, и затем уже на уровень преступности. Здесь перед нами частный случай общего закона, обнаруженного в действиях остатков и дериваций.

699. Вывод γ . Однако когда мы исследуем эффекты, вызванные изменением a , то имеем дело с частным случаем действия остатков, соответствующих одному и тому же комплексу чувств (см. § 655). Те правительства, которые каким-либо образом воздействуют на остатки a , не ведая об этом, воздействуют и на другие остатки этого же класса. Иногда они об этом знают и во имя обеспечения государственного интереса защищают доминирующую религию. Ради обоснования своих действий наряду с представлением нелогических действий в качестве логических эти правительства используют некоторое рассуждение, чтобы показать, что поддержка остатков одного рода оказывается поддержкой также и остаткам других родов, зависящих от некоторых совокупностей чувств. Распространенный вариант подобного рода деривации таков: «Религиозный человек обладает теми чувствами, которые бы я желал видеть у добропорядочных граждан; следовательно, надо направить всех к принятию религии X , которую я буду устанавливать и защищать». Не будем обсуждать вопрос об эффективности такой защиты, обычно проводимой в отношении религиозных манифестаций, поскольку мы его только что рассмотрели; на некоторое время мы допустим, что она возможна, и пойдем далее.

Соответствующее вышеупомянутой деривации логико-экспериментальное умозаключение таково: «Религиозный человек обладает теми чувствами, которые я желал бы видеть у добропорядочных граждан; однако можно быть религиозным, обладая только чувствами, свойственными данной религии; следовательно, надо сказать так, чтобы у граждан были чувства, имеющие отношение именно к этой религии». Средний термин такого силлогизма совершенно расходится с опытом.

700. Вывод δ . Наконец, можно пожелать удалить некоторую манифестацию r , сохранив другие манифестации — s , t ; или ввести r , но так, чтобы не было ни s , ни t . Сделать это почти всегда бывает очень непросто, часто невозможно. Чтобы люди действительно осуществляли неизменные действия r , необходимо наличие чувств, соответствующих остаткам a , следствием которых является r . Если люди имеют такие остатки, то вместе с r появятся t , s ; если же таких остатков у них нет, то не будет также и r , но при этом не возникнут ни s , ни t .

701. Допустим, что желательно упразднить наказания r за преступления, которые представляют собой ереси различных религий, и сохранить намного более суровые наказания s , t за кражи и убийства. Это не является невозможным делом, как о том свидетельствует пример античного Рима; но осуществить это будет достаточно трудно, потому что на протяжении многих веков ничего подобного не происходило в Европе среди народов, которые именуют цивилизованными. Действительно, среди них наблюдалось, что там, где r почти или полностью исчезло, значительно ослабли

также *s* и *t*. Такой эффект произошел вследствие того, что группа остатков *a*, от которых зависят наказания, изменилась, и это привело к возрастанию чувств сострадания к преступникам, которые нарушают действующие в обществе нормы. Кроме того, получили развитие интересы, направленные против определенных религий, чем объясняется более значительное смягчение наказаний за преступления против веры, чем наказаний за другие преступления. Например, после падения во Франции Второй империи интересы республиканцев оказались противоположны интересам католиков. В результате были отменены наказания за оскорбления католической религии и вообще христианской религии. Империя на словах выступала поборницей сексуальной религии; поэтому Республика дозволила большие свободы также и в этой сфере; хотя позже, когда о действиях Империи стали забывать, наступила некоторая обратная реакция.

702. В пространственном аспекте отмечаются эффекты, аналогичные тем, о которых сообщалось выше во временном аспекте. Во Франции полностью отменены наказания за преступления, относящиеся к оскорблениям христианской религии, тогда как в Англии сохраняются некоторые остаточные наказания за оскорбление христианской веры. За преступления, представляющие собой сексуальную ересь, в Англии преследуют и наказывают значительно более сурово, чем во Франции. Аналогичные отличия наблюдаются относительно нарушений общепринятых обычаев, к которым во Франции проявляют большее снисхождение, чем в Англии. Такие факты оказываются следствием того, что люди рассуждают, основываясь не на методах логико-экспериментальных наук, а главным образом на чувствах (см. § 333).

703. *Трудности законотворчества.* Для начала нам надо их выявить, решая не только поставленную здесь частную задачу (см. § 678), но и другую, более общую проблему, относящуюся к выяснению косвенных результатов преобразований. Иными словами, надо выяснить расклад социальных сил (см. § 839). Чтобы подойти к решению, предположим, что законодатель стал бы рассуждать в соответствии с методами логико-экспериментальных наук, что пока незаметно даже в частных случаях. Быть может, когда-нибудь социология, прогрессируя, поможет ему в этом.

704. Чтобы провести принятый закон в жизнь, потребуется воздействовать на интересы и чувства и при этом использовать деривации, которые значительно отличаются от холодных и бесстрастных логико-экспериментальных рассуждений. Однако следует учесть, что при изменении интересов и чувств, осуществляемом ради достижения определенной цели, могут быть получены также другие результаты, не являющиеся целью

такой акции; следовательно, надо учитывать все в целом и предвидеть, какой в итоге окажется общая социальная полезность.

705. Чтобы быть эффективными в плане побуждения людей к действию, деривации и социальные доктрины выходят за пределы реальности, а точнее, выраженные в них чувства принимают форму мифов⁶⁴. Несомненно, как уже отмечалось, социальную значимость таких доктрин следует измерять не по формам мифов, являющихся всего лишь средствами, но по совокупному действию, т. е. по чувствам, которые они выражают.

706. Поясним эту мысль с помощью наглядной, хотя и несколько упрощенной иллюстрации (см. рис. 19). Отбросим случаи, когда человек полагает, что следует в одном направлении, но на самом деле движется в другую сторону (см. § 709), и рассмотрим случаи, когда он хотя бы отчасти перемещается в том направлении, куда стремится. Допустим, индивид находится

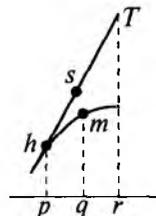

Рис. 19

в точке h , где он имеет некоторую полезность ph , и его стремятся направить в точку m , где он будет иметь более значительную полезность qm . Чтобы он туда переместился, его ориентируют на точку T , расположенную достаточно далеко на линии hT , касательной к кривой его движения hm , где он имел бы огромную, совершенно фантастическую полезность rT . Итак, происходит то же, что и с материальной точкой, движущейся вдоль линии hm под действием тангенциальной силы hT : индивид стремится к T , но удерживается узами практики и обстоятельств. Вместо движения по касательной hT он перемещается по кривой hm и в итоге оказывается в пункте m , куда он никогда бы не попал, если бы его движение не вызывалось тангенциальной силой hT .

707. Очевидно, что для определения условий, при которых находится индивид в точке m , не требуется интересоваться T . Величина rT может быть совершенно произвольной, фантастической, она имеет малое значение, тогда как величина mq — конкретная, реальная. Единственная имеющаяся между ними связь — это тот факт, что движение и в направлении T , и в направлении m сопровождается возрастанием полезности ph .

708. Существо, совершающее только нелогические действия, перемещается из точки h в точку m , не осознавая этого. Человек, движущийся по hm под действием инстинкта, интересов или иных сходных причин,

⁶⁴ Sorel G. Reflexions sur la violence. P., 1906. P. 164–167. [Сорель Ж. Размышления о насилии. М.: Польза, 1907.]

будучи логически мыслящим существом, стремится узнать, *почему* он движется по направлению hm , и благодаря работе фантазии воображает цель T . Затем воображаемый объект T благодаря сохранению агрегатов обретает для него чувственную ценность и помимо иных причин побуждает его идти по пути hm . Кроме того, он воздействует и на других индивидов, которые находят такие же чувства в том обществе, где они живут, иначе люди не имели бы никаких мотивов, даже самых ничтожных, двигаться в этом направлении. В качестве объяснения, которое удовлетворяет стремление рассуждать более или менее логично, цель T сказывается мало или вовсе не сказывается на побуждении людей к действию. Как и любая деривация, T в качестве объяснения имеет ограниченную ценность, т. е. деривация отвечает действительности настолько, насколько направление кривой hm может приближенно совпасть с направлением касательной к ней hs .

709. Порой феномен может реализовываться иначе, чем было показано на рис. 19. Индивид желал бы переместиться в направлении hT , чтобы увеличить полезность, которая у него имеется, но он, напротив, переместится из точки h в точку f (см. рис. 20), где значение полезности fv оказывается меньше первоначального значения ph . Это происходит, когда деривации совершенно не соответствуют реальности, т. е. когда направление кривой hf ни на малейшем ее отрезке даже приблизительно не совпадает с направлением hT .

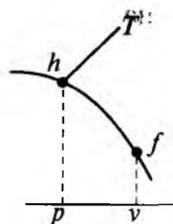

Рис. 20

Кроме того, стремление идти к T часто в действительности уводит в ином направлении. Точка h , изображенная в горизонтальной проекции (см. рис. 21), приходит в движение под действием приложенной к ней силы в направлении hT , но встречает некоторые препятствия (предрассудки, чувства, интересы и т. д.), которые заставляют ее двигаться по линии $chfg$. Следовательно, под действием силы hT она не движется в сторону T и приходит в точку f . В дальнейшем мы исследуем аналогичные феномены (см. § 889).

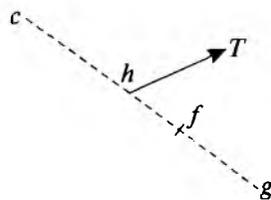

Рис. 21

710. Мы рассмотрели сейчас то, что может происходить; остается узнать, что обычно происходит в действительности. Как свидетельствуют наблюдаемые факты, в различных обществах должно иметься немало случаев, когда события развиваются аналогично тому, как это было показано на рис. 19 в § 706, т. е. при движении в направлении к цели T , выраженной теологическими, метафизическими и другими деривациями

такого же рода, люди должны заботиться о своей пользе и добиваться большего благополучия для себя и для общества и переходить в точку *m*. Объясняется это тем, что если бы почти все случаи соответствовали варианту, приведенному на рис. 20 в § 709, т. е. если бы люди чаще всего в ущерб себе переходили в точку *f*, то общества должны были бы все время клониться к упадку. Но этого не происходит, и следовательно, остается исключить такую гипотезу.

711. Заметим, что если, устремившись к воображаемой цели, люди порой и достигают иную, благоприятную для них цель, это не означает, что так происходит всегда. Остается нерешенным вопрос о том, когда и в каких пределах такие цели совпадают при наличии соответствующих обстоятельств места и времени, в которых рассматривается данный феномен. Мы также не знаем, когда и до каких пределов оказывается полезной замена идеальной цели целью реальной. Пока мы обратим внимание на более широкий круг вопросов.

712. *Идеальные цели и их отношения с иными социальными фактами.* Предположим, что имеется общество, в котором индивиды действуют, отчасти ориентируясь на некие идеальные принципы *T*, соблюдая некоторые идеальные нормы и, соответственно, совершая нелогические действия, которые для наблюдателя предстают как следствие вышеупомянутых принципов и норм. Мы исследуем особенности действий, которые при этом совершаются, их результаты и то, в каком отношении они могут находиться к разным видам полезности (см. § 862 и далее). При этом надлежит решать следующие проблемы.

Первая проблема. Каковы факты на самом деле?

Вторая проблема. Как они видятся тем, кто их изучает и, прежде всего, создателям теорий и доктрин?

Решения этих проблем в значительной части даются ими эксплицитно. Но у большинства людей они заданы имплицитно, т. е. люди, не представляя их в явном виде, действуют так, словно они ими руководствуются. Чтобы не смешивать логические и нелогические действия, лучше будет сказать об этом иначе: действия этих людей таковы, что желающий найти в них логический принцип придет к одному из представленных <авторами доктрин> решений. Но это будет принцип, выведенный из действий людей тем, кто их наблюдает, но не принцип, исходя из которого действующий индивид сознательно, логическим образом строит свои действия.

Третья проблема. Насколько полезно для индивида, обществ и т. д. (см. § 862 и далее) то обстоятельство, что люди представляют себе факты именно таким образом? При рассмотрении в качестве цели *T* веры в факты эта проблема соответствует первой проблеме.

Четвертая проблема. Как виделось людям и, в частности, создателям доктрин отношение между полезностью и тем способом, каким люди интерпретировали факты?

Рассмотрим вначале первую и вторую проблемы по следующим темам исследования.

I. Цель T (см. § 713):

I_1 — первая проблема (см. § 713);

I_2 — вторая проблема (см. § 713).

II. Отношения между T и m (см. § 714–722):

II_1 — первая проблема (см. § 714–716);

II_2 — вторая проблема (см. § 717–722):

II_2a — T и m совпадают или, по крайней мере, заметно сближаются (см. § 717, 718);

II_2b — цели T и полезность m совершенно отличаются и априорно несовместимы (см. § 719–722):

$II_2b\alpha$ — рассматриваются только некоторые цели T (см. § 720);

$II_2b\beta$ — воображаемые цели T очевидно противостоят полезности m (см. § 721);

$II_2b\gamma$ — переходные случаи (см. § 722).

III. Каким образом T в качестве результата соединяется с некоторыми причинами (см. § 723, 724):

III_1 — первая проблема (см. § 723);

III_2 — вторая проблема (см. § 724).

IV. Характер путей, которые приводят к цели T (см. § 725, 726):

IV_1 — первая проблема (см. § 725);

IV_2 — вторая проблема (см. § 726).

713. I. Цель T . Поскольку цель действия лежит за пределами опыта, из исследования будут исключены логико-экспериментальные цели, к которым приходят благодаря научным и профессионально-производственным знаниям.

I_1 . У животных T выступает просто как инстинктивная реакция; что бывает также в отдельных редких случаях и у людей, однако обычно у них T выражается хотя бы в виде остатка или *дериваций-манифестаций* (см. § 633) благодаря стремлению рассуждать. Кроме того, следует отделить цель $T(\alpha)$, которая у человека возникает спонтанно, от цели $T(\beta)$, которую другие люди стремятся ему подсказать, и показать контраст между пользой для себя и пользой для других или для коллектива.

I_2 . Люди, которые сосредоточивали внимание на целях T , в целом принимали их как абсолютные или хотя бы как экспериментальные принципы, придавая воображаемым принципам форму

чего-то реального. Это происходило как благодаря существованию остатков сохранения агрегатов, на основе которых были сформированы цели T , способные приобретать абсолютный характер, так и ради достижения практической пользы, когда было полезно применить при убеждении ту силу, которую придает принципам их абсолютизация или их воображаемая реальность. Оба мотива сохраняются до наших дней, второй из них обретает теперь еще большую силу, поскольку возрос авторитет научных знаний благодаря прогрессу наук, когда теории находят реальные подтверждения. Можно предвидеть, что и в дальнейшем целям T будет по-прежнему придаваться абсолютный характер, что воображаемые цели T будут рассматриваться в качестве реальных целей и что, если не изменятся известные нам условия, общество не сможет существовать без таких целей (см. § 866).

714. II. *Отношения между целью, T , и точкой, t , в которую в действительности приходят индивиды, и различными видами полезности.* II₁. Если быть лаконичным, то о решении объективной проблемы можно сказать так: стремление к воображаемой цели T , чтобы достичь реальную цель t , представляет собой нередко необходимое, но всегда несовершенное средство достижения такой цели. Прав будет тот, кто скажет, что замена воображаемой цели T на экспериментальную цель избавила бы людей от напрасной траты сил и, следовательно, принесла бы большую пользу обществу. Но для того чтобы это стало возможным, необходимо устранение некоторых связей (см. § 51), которые часто встречаются в реальных случаях.

715. Вообще, имплицитно это признается также теми людьми, которые стремятся заменить воображаемые цели реальными целями. Но чаще всего они сводят все связи к одной-единственной — к невежеству. Однако не только невежественные люди, но, например, и многие ученые, достигшие блестящих успехов в естественных науках, где они всегда или почти всегда исходят из логико-экспериментальных принципов, забывают о них в отношении социальных наук. Что касается большинства населения, то здесь наблюдается скорее чередование разных вариантов теологии и метафизики, чем их преодоление (см. § 1015).

716. Таким образом, стремление к некоторым воображаемым целям T было, есть и будет, по крайней мере в ближайшем будущем, очень полезным для человеческих обществ (см. § 741). Но это не отменяет того, что ориентация на некоторые воображаемые цели, как теологические, так и метафизические, оказывалась, оказывается и будет оказываться вредной

для общества (см. § 741, рис. 20). Часто бывает так, что некоторые цели T , T' , T'' , отличаются в аспекте дериваций, но оказываются идентичными или почти идентичными в аспекте социальной полезности (см. § 655, 699). Но для того чтобы об этом можно было рассуждать, необходимо определить, о каких целях идет речь, и посмотреть, в каких отношениях находятся они с другими социальными фактами; притом определить как в качественном, так и в количественном отношении (см. § 885 и далее). Кроме того, надлежит установить пропорцию между ориентацией на вообразаемые цели и ориентацией на цели экспериментальные, которые более существенны для социальной полезности. Наконец, необходимо учесть наличие различных социальных классов, поскольку общество неоднородно, как мы увидим в дальнейшем.

717. Π_2 . Обратимся к сути тех доктрин, которые соотносят T с m , а затем вернемся к изучению формы.

Π_2a . T и m совпадают или по крайней мере заметно сближаются. Это достигается двумя способами. Первый способ. Полагают, что стремиться к идеальной цели — это лучший способ достичь пользы для себя и для других: нацеливаются на T и достигает m . Второй способ. Полагают, что нацеливаются на идеальную цель, между тем как по существу ведут поиск пользы для себя или для других: стремятся к m и призывают к T . В одном частном случае (см. § 728 и далее) мы увидим, насколько это бывает неопределенным.

Первый способ сближения T и m . Такие доктрины наиболее многочисленны и важны. В них делается попытка убедить индивида поставить перед собой цель, которая приносит пользу другим или обществу. Обозначим через T_1 эгоистическую цель, приносящую индивиду пользу m_1 ; а через T_2 — альтруистическую цель, которая принесла бы другим людям или обществу пользу m_2 . Очень многие этические доктрины отличает стремление смешивать друг с другом T_1 , T_2 , m_1 , m_2 . Различные варианты «утилитарной морали» отличает стремление убедить индивида, который не забывает о собственной пользе m_1 , что она будет обеспечена при стремлении к T_2 и при достижении m_2 . Другие виды морали, относящиеся к сферам теологии и метафизики, в первую очередь устанавливают цель T_2 , часто смешанную с T_1 , и к ним присоединяют m_1 и m_2 . В теологических вариантах морали для соединения T_2 с m_1 прибегают к санкциям сверхъестественного существа; в ее метафизических вариантах для этого используется какой-нибудь категорический императив, что менее эффективно (см. § 720, 746).

718. Второй способ сближения T и m . Эгоист действует сознательно, когда стремится к m , призывая при этом к T ; и напротив, многие искренне

пытаются согласовать заботу о собственном благе с остатками социальной (класс IV) и продемонстрировать радение о благе других, прикрыть эгоизм идеалами⁶⁵. Кроме того, красотой идеала T стремятся воспользоваться и те, кто почти или вовсе не думают о достижении цели m . Многие достойные люди, теоретики по теологическим, этическим и социальным вопросам, более или менее бескорыстно предлагают теории, пригодные для данной цели.

719. Π_2b . Цели, T , и полезность, m , совершенно отличаются и априорно несовместимы. О целях T общего характера говорится только для вида, при этом имеются в виду частные цели T .

⁶⁵ Деятнадцатый век дал пышную поросль таких дериваций, выросших на противоречиях между рабочими и «капиталистами», которые на самом деле являются «предпринимателями». По существу, этот феномен представляет собой обычный спор между двумя контрагентами в экономической области: каждый стремится обеспечить больше выгод для своей стороны (цели m), но для вида говорит, и многие этому верят, что стремится к идеальным целям T . Предприниматели не строят особо скрупулезно свои рассуждения на этот счет: они уверяют в том, что проявляют заботу о благополучии рабочих, что «легитимное» вознаграждение должны получать и те, кто благодаря своему умению осуществлять комбинации позволяют предприятию процветать; они говорят о пользе экономической свободы (вспоминая о ней при установлении платы за труд и забывая, когда речь заходит об установлении цен на производимые продукты). Для защиты рабочих «интеллектуалы» предложили немало изощренных теорий, которые принимаются рабочими со слепой верой и без особого их понимания. От социалистических утопий до марксизма, а также демократического и социалистического радикализма все эти доктрины облачают в разнообразные и довольно пестрые одеяния очень простую концепцию: «мы желаем обладать большей частью экономического продукта». Но сказать об этом прямо — значит ослабить ту силу, которая исходит от стремления к идеалу, и потерять поддержку со стороны людей, которых приманивает великолепие целей T . В деривациях обычно проводится апелляция к чувствам. Заявления рабочих будут названы «отстаиванием требований», чтобы показать, что те требуют только то, что им причитается по праву; для этого будут применены остатки класса V. Также оказываются пригодными и остатки $I\epsilon$, и поэтому создаются теории о «полном продукте труда», о «прибавочной стоимости», о необходимости обеспечения «большей справедливости в мире» и т. д. Они становятся все более пространными, усложненными, к целям, которые требуется достичь, присоединяется все больше идеальных целей. Благодаря этому рабочие в XIX в. существенно улучшили свою участь. Что же касается всей нации, то здесь намного труднее решить вопрос о том, была ли выгодна для нее подобная деятельность. Представляется более вероятным, что была, но чтобы это доказать, необходимо в синтезе рассмотреть проблему экономической и социальной эволюции, что мы сможем осуществить только в следующей главе.

720. $\Pi_2 b \alpha$. *Рассматриваются только некоторые цели T* . Автор доктрины вообще не задумывается о полезности t , либо придает ей мало значения. Так появляются теологические, метафизические, аскетические виды морали, которые предписывают в абсолютной форме, абстрагируясь от пользы, каким образом должен поступать человек. Порой в них также может фигурировать и воображаемая полезность t , но этот случай не следует путать с теми, которые относятся к классу I, поскольку там t представляет собой реальную полезность.
721. $\Pi_2 b \beta$. *Воображаемые цели, T , очевидно противостоят полезности, t* . В этот разряд входят чисто аскетические доктрины, которые являются самоцелью, отстраняются от любой полезности, даже от самых насущных земных интересов. Сюда входят пессимистические доктрины, которые отрицают возможность достижения счастья. Их авторы выражаются так, словно они рассуждают обо всех воображаемых целях, но они, по существу, ориентированы только на определенные цели, которыми стремятся заменить другие, столь же воображаемые цели.
722. $\Pi_2 b \gamma$. *Переходные случаи*. Априорно T и t не отделяются друг от друга, но рассматриваются как отдельные феномены, между которыми могут быть самые разные отношения. Если эти феномены являются экспериментальными, то перед нами чисто логико-экспериментальное решение, т. е. решение Π_1 . Если эти отношения выходят за пределы опыта или заданы априорно, то мы имеем различные деривации. Среди этих доктрин наиболее значимы те, которые делят воображаемые цели на два класса: Th — цель, которая всегда полезна и отвечает религиозной вере создателя доктрины; Tk — вредная цель. Авторы доктрин не проводят такого деления; для них только цели Th являются истинными, реальными, тогда как Tk — это ложные, несуществующие цели; следовательно, цели Th занимают место T , и из-за этого данный случай часто можно спутать с предыдущими. Такие феномены наблюдаются главным образом в условиях, когда одна религия вытесняет другие религии: например, борьба христианства с язычеством; материализма, позитивизма и доктрины «прогресса» с различными «религиями».
723. III. *Каким образом цель T , в качестве результата соединяется, с некоторыми причинами*.

Π_1 . Мы уже встречали один из этих способов, заключающийся в попытке соединения достижения цели с обеспечением полезности <см. § 706>. Однако он не единственный, поскольку цели и интересы могут соединяться друг с другом иначе, помимо отождествления, но кроме этого интересы людей могут ориентироваться на определенные цели благодаря страстям и чувствам. В качестве средства соединения целей с решением других задач

подходят и разного рода убеждения, от простых выдумок до тонкой диалектики и принуждения, от проявления социальной враждебности до применения уголовных законов. Убеждающая сила, как мы неоднократно отмечали, исходит не от дериваций, а от тех остатков и интересов, которые эти деривации приводят в действие. Необычайно сильны остатки сохранения агрегатов и остатки социальности, которые как сами по себе, так и вместе с другими остатками порождают множество новых сущностей, которыми человеческие существа заселяют божественные, метафизические, социальные олимпы. Затем эти сущности связываются с целями-идеалами T . Именно это происходит в теологической и метафизической морали, а также в морали, основанной на уважении к традиции, преклонении перед мудростью предков, благоговении перед его сиятельством «прогрессом» и т. д. В разных вариантах морали аскетизма ведущая роль принадлежит социальным остаткам $IV\zeta$. В действительности многие цели T , которые выражают нормы жизни, оказываются не выбранными, а заданными. Они если не по форме, то по сути являются порождением того общества, в котором действуют, а вовсе не результатом теоретических изысканий. Следовательно, T не ищется, T задано; ищется то, как и с чем его связать (см. § 271). Та цель, стремиться к которой необходимо убедить индивида, мало меняется во времени; несколько заметнее меняются остатки, с которыми она связана; значительно сильнее меняются деривации и псевдонаучные рассуждения.

724. III_2 . Вообще говоря, если в доктринах цели не выступают сами по себе в качестве абсолюта, то они рассматриваются в качестве следствия каких-то теологических или метафизических принципов, или выражением чьего-то интереса. В результате получаем различные варианты морали, истоки которых мы уже видели, когда изучали отношения между целью-идеалом T и полезностью, реально достигаемой точкой m (см. § 713). Что касается характера их отношений, то он, безусловно, считается логико-экспериментальным, и поэтому изложение цели T предстает как формулировка теоремы. Поразительно, но в этой формулировке присутствует то, что уже было в сознании тех, кто стремился отыскать такую теорему, и более того, было во мнениях того коллектива, к которому они принадлежали. Напротив, когда доказывается, что некоторая цель T не является логическим следствием экспериментальных или «рациональных» принципов, то считается также доказанным, что эта цель вредна, как и те цели, которые не нравятся моралисту или же противоречат этике его коллектива. При этом они объявляются противоречащими опыту и здравому смыслу.

725. IV . *Характер путей, которые ведут к цели T .*

IV_1 . Это вопрос, собственно, уже прояснен при изучении дериваций. Вначале мы установили (см. § 99 и далее), какими путями люди

стремятся представить свои нелогические действия, совершаемые в стремлении к цели T в качестве логических. Именно это порой и делается явным, но чаще неявным образом при смешивании идеальной цели T с реально достигнутой целью t : логические действия направляют к t ; если они также направлены к T , то при условии единой логики, нельзя отличить T от t . Другие пути будут выявлены при исследовании дериваций как частных случаев среди общих фактов. Другие похожие случаи будут рассмотрены (см. §732).

726. IV_2 . Мы не станем останавливаться здесь на рассмотрении того, как учитывались эти пути в доктринах, поскольку уже не раз отмечали, что деривации и псевдонаучные суждения порой считаются логико-экспериментальными, и что, являясь ошибочными в научном отношении, нередко могут обеспечить социальную полезность.

727. Теперь перейдем к отмеченным в § 712 третьей и четвертой проблемам.

Третья проблема. *Насколько полезно для индивида, обществ и т. д. то обстоятельство, что люди представляют себе факты именно таким образом.* Вначале нам следует рассмотреть проблему II_1 , обозначенную в § 712. Повторяю, что ее решение будет получено на основе всей совокупности проведенных исследований, которые будут подробно представлены в следующей главе; здесь мы ограничимся тем, что обозначим его. Это решение требует рассмотрения доктрин не самих по себе, в отрыве от индивидов, которые их придерживаются и распространяют, но с учетом отношения к ним со стороны таких индивидов, а также роли, которую эти индивиды играют в обществе. Это всегда интуитивно осознавали эмпирики, а сейчас это априорно отвергается теологией «равенства». Пользуясь терминами повседневного языка, не отличающимися достаточной определенностью и точностью и, следовательно, способными приводить к ошибкам, скажем: то, что люди воспринимают ложные доктрины в качестве истинных, может оказаться полезным. Мы подойдем ближе к реальности, если, используя более строгие выражения, скажем: то, что люди воспринимают в качестве соответствующих реальности и отвечающих опыту те доктрины, которые на деле таковыми не являются, может оказаться полезным. Это утверждение идет вразрез с мнениями большинства, но отвечает фактам.

Четвертая проблема. *Вопрос о том, как виделось людям и, в частности, создателям доктрин отношение между полезностью и тем способом, каким люди интерпретировали факты.* Как мы отмечали, эмпирики порой смутно угадывали решение, достаточно близкое к тому, которое было обозначено выше и дается в логико-экспериментальных науках; и только очень немногие теоретики проявили здесь некоторую прозорливость, а большинство

выбрало решения, соответствующие решению Π_2a . Большинство теоретиков смешивают «истинность» и «полезность», утверждая, что видеть факты в их *истинном* свете всегда полезно как для самих индивидов, так и для общностей. Если под «истинностью» при этом понимается соответствие с опытом, то такое утверждение ошибочно, о чем хорошо знают эмпирики. Если же, напротив, что обычно и происходит, под «истинностью» понимается согласованность с нечеткими и туманными концепциями автора, то такое утверждение может как приближаться к опыту, так и полностью расходиться с ним. Это зависит от того, приближается или отдаляется от опыта представление полезности в этих нечетких концепциях (см. § 671 и далее). К «истинности» могут добавляться и другие цели, которые смешиваются с полезностью, среди них часто оказывается «справедливость». Утверждают, например, что полезным может быть только то, что является истинным, справедливым, нравственным и т. д. Кроме того, теология «равенства», ставшая ныне частью теологии Прогресса, с ужасом отвергает ту полезность, которую индивиды получали бы от разных учений, ориентируясь на разные цели в зависимости от своих социальных потребностей.

На других, менее существенных решениях нет необходимости останавливаться, пока у нас нет четких представлений о разных видах полезности (см. § 862 и далее); мы вернемся к этой теме в следующей главе. Однако для лучшего понимания представленных общетеоретических положений, имеющих большое значение для социологии, целесообразно рассмотреть один частный случай.

- 728.** *Отношение между соблюдением норм религии и морали и достижением собственного счастья.* Во все времена люди стремились выяснить, смогут ли достичь счастья индивид и общность, если будут следовать таким нормам и правилам. Данная проблема является частной по отношению к предыдущим проблемам прежде всего потому, что в ней не исследуются отношения в целом; здесь только выясняется, достижимо ли счастье. Следовательно, исключаются теологические и метафизические решения из группы Π_2b (см. § 712), при которых долг рассматривался бы абстрактно, в отрыве от полезности, и учитываются только те решения, в которых принимается во внимание хотя бы какая-то полезность, реальная или мнимая. Кроме того, поскольку цели T в ракурсе общих проблем включают отнюдь не только соблюдение норм религии и морали, они зачастую предлагаются в виде совета, предписываются верой или диктуются сильными чувствами; следовательно, они охватывают и иные принятые в обществе правила, которые берут начало от традиции либо от чего-нибудь похожего на нее, от сентиментальных, идеальных, мифических и прочих подобного же рода целей. Наконец, полезность предстает здесь и как особая форма счастья.

729. Чтобы решить частную проблему достижения счастья, следует придать большую строгость и четкость сформулированным положениям. Можно закрыть глаза на неопределенность таких терминов, как «религия» и «мораль», поскольку это не имеет существенного значения в отношении сути нашей проблемы. Суть ее не изменится, если речь будет идти о соблюдении определенных правил, которые можно назвать как угодно. Но в ее формулировке присутствуют две нечеткие и вызывающие сомнения компоненты, мимо которых пройти нельзя, поскольку это важно. Первая нечеткость касается смысла терминов «счастье» и «несчастье». Мы увидим, что такая нечеткость устраивает того, кто хотел бы решить данную проблему в определенном русле (см. § 734). Вторая нечеткость касается субъекта действия и тех, кому выпадает счастье или кого постигает несчастье. Здесь необходимо сделать уточнения.

Во-первых, действие и его результат могут быть соединены с одним и тем же человеком или с одной и той же группой людей, т. е. вопрос может быть поставлен так: «Будет ли непременно счастливым человек, который строго соблюдает нормы морали и религии, и будет ли обязательно несчастлив тот, кто их нарушает?» Или так: «Если люди, составляющие один коллектив, станут соблюдать (или нарушать) установленные правила, окажутся ли они от этого счастливыми (или несчастными)?»

Во-вторых, может случиться, что от соблюдения или нарушения норм одними людьми будут благоденствовать или страдать совсем другие люди. На практике в основном встречаются случаи, когда один человек соблюдает либо нарушает некоторые нормы, а его потомки, или его сограждане, или вообще другие люди, принадлежащие к некоторой общности, благоденствуют либо страдают в результате действий этого человека.

730. Давать утвердительные (позитивные) ответы на вопросы, возникающие, когда выясняют, действительно ли люди, следуя нормам религии, морали, традиции оказываются счастливыми и приносят ли они счастье тем, кто для них близок, обычно оказывается полезным обществу. Такое наблюдение выводит нас на третью проблему (см. § 712), но чтобы строить рассуждение с научной строгостью, следует четко отделять ее от первой и второй проблем, которыми мы сейчас займемся. Обыденные рассуждения, основанные главным образом на соответствии чувствам, не проводят такого разграничения и поэтому в них положительные ответы на этот вопрос встречаются чаще, чем отрицательные, и считаются достойными похвалы, тогда как отрицательные ответы и ответы, выражающие сомнения, воспринимаются с осуждением.

731. Заметим, что если дать утвердительные ответы на вопросы, сформулированные в первом из упомянутых в § 729 случаев, то во втором случае

ответы окажутся частично отрицательными и наоборот. В самом деле, если принять, что человек может благоденствовать или страдать исключительно из-за того, что совершил он сам, т. е. в зависимости от того, соблюдает он некоторые предписания или нарушает их, то в таком случае он уже не может испытывать радость или страдать из-за того, что совершили другие. Это настолько простые и очевидные вещи, что, придерживаясь строгой логики, нельзя понять, как они могут не учитываться или забываться. Но чувства оттесняют логику и не дают человеку осознать принципы, из которых должны логически следовать его действия. Эти принципы осознаются только внешним наблюдателем, в то время как для действующего субъекта (см. § 712) они остаются неявными.

732. Прежде всего мы представим классификацию решений, которые принимаются по приведенным выше вопросам.

Позитивные решения (см. § 733–766).

Частные случаи общей теории Π_2a :

A. *Вербальные решения* (см. § 733–738)

*A*₁. *Апелляция к принципам* (см. § 734).

*A*₂. *Изменение смысла предписаний и норм с переходом от их объективного понимания к субъективному* (см. § 735, 736).

*A*₃. *Казуистика; интерпретация предписаний и норм* (см. § 737, 738).

B. *Объективные решения.* *Счастье и несчастье, понятые в обыденном смысле* (см. § 739–742)

*B*₁. *Утверждения о полном соответствии и согласии* (см. § 743–748).

Для устранения исключений:

*B*₂. *Счастье и несчастье переносят в пространстве и во времени* (см. § 749–758).

Частные случаи общей теории $\Pi_2b\alpha$:

*B*₃. *Счастье и несчастье выносятся за пределы реального мира* (см. § 759–762).

*B*₄. *Не удается подобрать интерпретацию: пути Господни неисповедимы* (см. § 763–766).

Негативные решения (см. § 767–769).

Частный случай общей теории $\Pi_2b\beta$.

C. *Абсолютное отвержение. Пессимизм* (см. § 767, 768).

Частный случай общей теории I_1 или $\Pi_2b\gamma$:

D. *Условное отвержение.* *Две различные ситуации, имеющие некоторые общие черты* (см. § 769).

Решения *B*₁ и *C* основаны на принятии во внимание каждым <индивидом> только одной группы остатков; решения *A*, *B*₂, *B*₃, *B*₄ отталкиваются от стремления согласовать противоречащие друг другу деривации, отражающие остатки различных групп. Род *D* наряду с переходными

решениями предыдущих видов включает также научное решение, нацеленное только на простой поиск единообразия. Рассмотрим теперь эти решения по отдельности.

733. *А. Вербальные решения.* Они принадлежат к обширному классу вербальных дериваций, которые мы рассматривали в главе 7; здесь следует рассмотреть частные случаи ранее представленного общего феномена.

734. *А₁. Апелляция к принципам.* Аргументация строится таким образом, чтобы благодаря неточности терминов обыденного языка (см. § 729) термину «счастье» придавалось значение состояния, которое возникает при следовании определенным принципам. После того как это условие введено, становится очевидным, что если какой-то человек счастлив, то это непременно будет тот самый человек, который таким принципам следует; кто соблюдает эти принципы, тот и счастлив. Это же можно повторить по поводу коллектива, общности, государства.

735. *А₂. Изменение смысла предписаний и норм с переходом от их объективного понимания к субъективному.* В данном варианте тавтология возникает из-за изменения смысла предписаний. Действительно, при рассмотрении только тех норм, которые индивид соблюдает с удовольствием, можно с полной уверенностью утверждать, что он испытывает радость, когда соблюдает их. Например, если подойти объективно, то любые мучения — это, в общем, несчастье для того, кому суждено их испытать. Однако если рассмотреть данную ситуацию в субъективном отношении, т. е. как ее воспринимал христианский мученик, то окажется, что он мог воспринимать страдания за веру как счастье.

Когда отмечают, что тот, кто поступает плохо, не может быть счастливым, поскольку его преследуют муки совести, подразумевают, что этот человек способен на это. Однако нередко многие индивиды очень слабо ощущают, а то и вовсе не ощущают угрызения совести; следовательно, для них почти или совсем не существует опасности страдать от них. В сущности, большинство людей, стремящихся реформировать общество, полагают, что оно будет состоять в основном из индивидов, наделенных теми чувствами и воззрениями, которые реформаторам было бы приятно в них увидеть, и только при этом условии они смогут пообещать сделать этих людей счастливыми.

736. Сила воздействия предписаний, характерная для данного общества в данное время, определяется в первую очередь тем, что они разделяются

большим числом входящих в него индивидов, и тем, что нарушитель таких предписаний испытывает мучительные чувства и встречается с трудностями. Эти предписания выражают, хотя и не вполне четко, только имеющиеся в обществе остатки; следовательно, нет смысла выяснять, нравится ли большинству индивидов, составляющих это общество, следовать им и вызывает ли в них неудовольствие нарушение таких предписаний. Если бы было иначе, то не проявлялись бы у большинства индивидов именно такие остатки; они не были бы распространены в данном обществе. Надо решать совсем иную проблему. В аспекте индивидуального удовлетворения, офелимости, следует выяснить, какую эффективность будут иметь предписания в отношении тех, у кого отсутствуют остатки, выраженные в этих предписаниях, и выяснить, как их станут воспринимать противники, которые испытают удовольствие или неудовольствие не прямо, но опосредованно. В аспекте полезности надо исследовать, полезно ли соблюдение таких предписаний для индивида, коллектива, нации в том смысле, который стремятся придать термину «*полезность*»; например, в смысле материального процветания, если оно рассматривается как полезное. Когда животному не дают следовать его инстинкту, оно чувствует себя плохо, хотя его физическое состояние в результате этого может и улучшиться. Если политический деятель нарушает некую норму, принятую в его обществе, то он может испытывать дискомфорт, а результаты его действий могут оказаться как вредными для общества, так и полезными для него. Такие случаи надлежит изучать.

737. *Аз. Казуистика; интерпретация предписаний и норм.* К казуистике и интерпретациям прибегают именно для того, чтобы избежать упомянутых мучительных чувств, заменить их приятными чувствами, рождающимися при соблюдении предписаний, и в то же время чтобы извлечь пользу из нарушения этих норм. Они необходимы также для того, чтобы сделать уступки некоторым чувствам, чтобы, по крайней мере чисто внешне, придерживаться логических следствий из дериваций. Соответствующими интерпретациями достигается также выгода, порой малая, порой большая, состоящая в том, чтобы оставаться самим собой и поступать с пользой для себя, а для тех, кого можно ввести в заблуждение софизмами, выглядеть строгим блюстителем общественной морали и чести. Доверчивые люди нередко ждут только повода, чтобы их в чем-то уверили. Это может делаться намеренно, но иногда — вполне естественно и без умысла. Сквозь казуистику, используемую правительствами и государствами для оправдания какого-либо собственного действия, часто проступает «*salus populi suprema lex esto*»*. Если бы это утверждалось прямо и без

* Благо народа да будет высшим законом (*лат.*).

оговорок, то мы имели бы просто хорошую логическую мотивировку, что позволило бы видеть в ней одно из решений D . Но поскольку <представители власти> не хотят при этом задевать чувства людей, придерживающихся позитивных решений <см. § 729>, они пытаются совместить несовместимые вещи — решения утверждающие с отвергающими (D). Однако люди, обвиняющие или упрекающие правительства и государства в нарушении некоторых норм, довольно редко сами ясно показывают, какого решения они придерживаются. Отрицая, что «*salus populi*» приведет к нарушению норм, они выбирают одно из позитивных решений. Или, принимая негативное решение D и отвергая «*salus populi*», они, несмотря на угрозу пагубных последствий и даже крайнего разорения своей страны, следуют предписаниям, диктуемым принятием одного из метафизических или теологических решений (см. § 7, 8), и при этом хотят, чтобы в стране соблюдались нормы. Или, отвергая решение D , они видят «*salus populi*» в следовании какому-либо из решений: A_2, B_2, B_3 . Они пытаются убеждать в своей правоте на основе простого и неопределенного согласия чувств.

Благодаря основательному использованию казуистики и интерпретаций можно утверждать, что следование некоторым предписаниям и нормам всегда принесет материальное процветание индивидам, общностям, государствам и человечеству. Например, обобщенно исповедуется необходимость всегда выполнять данные обещания; но затем, в частных случаях, если оказывается полезным не делать этого, то не бывает недостатка в благовидных предложениях для того, чтобы избавиться от этой обязанности.

738. Постепенно перейдем от случаев, когда интерпретация дается вполне искренне, к случаям, когда она используется злонамеренно. И таких случаев великое множество; если они лучше просматриваются в поступках античных людей, чем наших современников, то скорее всего потому, что первые были менее лицемерными, чем вторые.
739. *В. Объективные решения.* Риторические и философские пустословия отчасти являются порождением изысканности; в практической жизни требуются иные рассуждения, люди прежде всего хотят знать, как им следует поступать для достижения *счастья* в вульгарном смысле материального благосостояния. Следовательно, им требуются ответы на объективно возникающие при этом вопросы. Простонародье мало интересуется знанием о том, откуда и как появились нормы; для него достаточно того, что эти нормы в обществе есть, были когда-то приняты и теперь признаются и соблюдаются. При противодействии нарушениям таких норм в первую очередь вступает в действие чувство, противостоящее нарушению социального равновесия (остатки группы α из класса IV). Это чувство

проступает в наиболее ранних библейских документах, вообще характерно для начала любой цивилизации. Оно почти в чистом виде проявляется во мнении, что нарушение табу всегда приводит к пагубным последствиям. Кроме того, такое чувство встречается в воззрении: справедливое — это то, что отвечает закону. Это означает, по сути, обязательность для каждого проявлять почтение ко всему, что соответствует закону, в целях сохранения существующего социального равновесия. Проникновение рассуждения в данную область сдерживается силой чувств, защищающих действующие нормы, а также социальной полезностью этих норм; в результате рассуждение оставляет логику и опыт, проявляет склонность прибегать к софизмам и таким образом накладывается на чувства, не слишком задевая их. Смесь, которая при этом образуется, неоднородна, и от этого возникают необычайные противоречия, которые всегда существуют в таких рассуждениях. Это уже отмечалось при исследовании деривации (см. § 576 и далее). Затем вокруг такого ядра располагаются и другие остатки, такие, как остатки ζ и η из класса II.

740. Объективные решения именно вследствие их характера легко вступают в противоречие с фактами. Простой человек, который не придает особого значения теориям, принимает также противоречивые объективные решения и не особенно обеспокоен этим. Люди, которые привыкли к логическим исследованиям, а именно, мыслители и теоретики, хотят знать, откуда пришли те нормы, которые соблюдаются и не игнорируются в обществе. Обычно они приписывают появлению этих норм воображаемые причины, при этом испытывают внутреннее беспокойство, досаду от наличия некоторых противоречий между теориями и фактами или между различными теориями и, насколько возможно, стремятся устранить, сгладить или скрыть эти противоречия. Чаще всего они не отказываются полностью от объективных решений, особенно если такие решения имеют оптимистический характер, но изучают их и дают им соответствующие интерпретации, чтобы устранить или хотя бы объяснить явные крайности, аномалии и нелепости. Это и есть тот особый случай использования дериваций, который мы уже обсуждали (см. § 653, 654). Так, имеются виды объективных решений B_2 , B_3 , B_4 , которые поначалу идут от экспериментальной области, но затем полностью выходят за ее пределы. Причина, на основании которой можно предвидеть, что в данном стабильном обществе чаще всего встретятся остатки, которые способствуют его сохранению, позволяет предвидеть также, что в этом обществе будут приниматься в основном утвердительные позитивные решения по поставленной проблеме <см. § 730>. Они будут быстрее приниматься и лучше распространяться, чем другие решения. В то же время люди, которые испытывают потребность в логических или псевдологических построениях, будут

всеми возможными способами, прибегая к тонким уловкам и хитроумным софизмам, устранять слишком явные противоречия между этими решениями и практикой. Действительно, именно это и происходит. Мы видели, как в деривациях проявляется стремление смещать благо индивида с благом коллектива, чтобы побудить индивида действовать во благо коллектива и уверить его, что при этом он заботится и о собственном благе, даже если на самом деле это не так. В таких случаях данное решение полезно для общества, и в то же время оно ошибочно в экспериментальном отношении.

- 741.** Рассмотрим кратко решения по третьей и четвертой проблемам, в общем виде обозначенным в § 727. Наиболее многочисленные и сильные в обществе остатки не могут полностью противодействовать его сохранению, поскольку тогда общество распалось бы и перестало существовать; необходимо, чтобы они хотя бы отчасти способствовали сохранению общества, что как раз и подтверждается наблюдением. Следовательно, для общества полезно, чтобы ни эти остатки, ни предписания (деривации), в которых они находят свое выражение, не наносили ему вреда и не ослабляли его. Этого добиться оказывается легче, если индивид убежден, верит и воображает себе, что, соблюдая такие предписания, принимая такие деривации, он при этом проявляет заботу о собственном благе. Если рассуждать обобщенно, значительно упрощая реальное положение дел и не учитывая многочисленных исключений, то можно сказать, что обществу полезно, когда у большинства не входящих в правящий класс граждан третья проблема находит решение, при котором факты предстают не такими, каковы они в действительности, а такими, какими они выглядят при ориентации человека на идеальные цели. Если перейти от общего случая к настоящему более частному случаю, то окажется, что для общества полезно, если упомянутые индивиды спонтанно принимают, соблюдают и ценят предписания того общества, в котором они живут. Среди них почетное место занимают предписания, которые неопределенным образом называются «моралью» и «религией», или, точнее, «религиями», если этим именем кроме инстинкта сохранения агрегатов обозначить многие другие аналогичные инстинкты. Отсюда берет начало величайшая действительность и мощь двух сил — моральных и религиозных, которые служат во благо общества; без них не может существовать ни одно общество, а их ослабление обычно совпадает с упадком общества. Следовательно, не ошибались люди, с древнейших времен придававшие очень большое значение «морали» и «религии», под которыми обычно понимались их вполне определенные существовавшие тогда формы. Между тем только единицы прозорливых людей распространяли это признание значимости конкретных форм морали и религии на «мораль» и «религию» вообще и приблизили к реальности настолько, что эти явления предстали

перед ними (имплицитно или эксплицитно) как проявления <поведения на основе> сохранения определенных агрегатов и некоторых нелогических действий. Но поскольку эти люди более или менее далеко отстояли от реальности, не следует утверждать, что в своих рассуждениях о «моральных» и «религиозных», а тем более о частных вопросах морали или религии, они порой не обманывались и не наносили обществу вред при желании сделать добро. Они заблуждались почти всегда, когда желали обосновать принятое ими решение четвертой проблемы, прибегая к ошибочным, чаще всего воображаемым, фантастическим мотивам. Но в конце концов здесь речь идет о простой теоретической ошибке, которая мало существенна, поскольку, какими бы ни были мотивы, результат остается. Напротив, был крайне велик и продолжает оставаться таковым вред от ранее отмеченной ошибки, которая состояла в отождествлении морали и религии вообще с отдельной (единичной) моралью и религией, когда деривациям придавалось особое значение, которое следовало бы придавать только остаткам. Это совершалось, когда приверженцы таких теорий находили поле для применения своих сил, затрачивали немало энергии и достигали ничтожных результатов, часто причиняя при этом людям огромные и напрасные страдания. Когда затем приверженцы упомянутых теорий встречали сопротивление, среди их противников рождалась ошибочная идея, что на любое сохранение агрегатов, на любого рода нелогические действия можно распространять возражения, которые справедливо высказывались в адрес тех, кто пытался навязать другим определенную деривацию, берущую начало от сохранения определенных агрегатов. Если определенное постоянство агрегатов Q полезно обществу и если оно проявляется с деривациями A, B, C, D , то обычно этому обществу идет во вред попытка навязывать ему только одну определенную деривацию A , исключая другие — деривации — B, C . Между тем для общества полезно, если люди примут наиболее приемлемые для них деривации, показывая тем самым, что они предпочитают остаток Q — единственную, или почти единственную, важную для них вещь.

742. Негативные решения часто представляют собой капризные проявления пессимизма, как выражение настроений униженных людей, потерпевших поражения в жизненных баталиях; они с трудом становятся общепринятыми. Научные решения, которые не выражают чувств, но рождаются из наблюдений фактов, негативными бывают очень редко; когда они появляются, мало оказывается тех, кто понимает их правильно; как раз это и произошло с научной частью рассуждений нашего Макиавелли (см. § 748). Оптимистические и пессимистические решения могут сосуществовать, поскольку, как мы не раз видели, противоречивые остатки могут сосуществовать или последовательно сменять друг друга во

времени у одного и того же индивида. Люди из простонародья не обращают внимания на эти противоречия, люди образованные стараются устранить их, и отсюда возникают наши различия в решениях.

- 743.** *В₁. Утверждения о полном соответствии и согласии.* Мы не знаем, утверждал ли когда-нибудь кто-либо прямо и явно о полном согласии со всеми следствиями, всеми выводами, которые можно получить из такого решения. ИмPLICITно оно присутствует в утилитаристской морали; в других доктринах оно выражается обобщенно, словно это абстрактная теория, без последующего особо скрупулезного изучения его необходимых следствий. Очень часто такие доктрины являются лишь выражениями бурных чувств, когда желаемое выдается за действительное при намерении сделать что-либо во благо индивида или общества; или же это делается исходя из твердой веры в некоторые сущности и принципы, полностью находящиеся вне экспериментальной области. Часто и даже почти всегда форма этих доктрин лишена определенности, хотя они, если их принимать буквально, выглядят как утверждающие о чем-то вполне определенном. Двусмысленность и неоднозначность используемых понятий, многочисленность исключений, разные интерпретации — все это нацелено на то, чтобы показать: это предписание самое лучшее и способствует благу того, кто его соблюдает.

С давних времен и до наших дней существуют теории, в которых утверждается, что нарушения норм морали и религии влекут за собой земное несчастье, а их соблюдение приводит к счастью, также земному. Один примечательный их вид, который был назван утилитаристской этикой, отличается тем, что согласно такой теории мораль — это всего лишь выражение справедливого расчета на полезность, в то время как нечестный поступок — это результат ошибочного суждения о полезности. Таковую совершенную гармонию между моральностью и полезностью не удалось бы получить никакими иными способами, кроме такого строго логического согласования выводов с исходными посылками силлогизма. Эти теории, с виду кажущиеся научными, построены на деривациях, о которых мы уже говорили (см. § 577 и далее). Они находят поддержку и становятся популярными, когда в обществе проявляется стремление сделать человеческую жизнь полностью рациональной и, следовательно, люди обращаются к теологиям Разума, Науки, Прогресса.

- 744.** В других теологиях и вообще в доктринах, которые не отвергают идеальную часть, имеются теории, отличные от предыдущих. В них не элиминируются метафизические и теологические признаки, а напротив, на них делается преимущественный акцент. В целом, если обратить внимание только на основные общие для таких теорий линии, то они отличаются следующими особенностями.

Во-первых. Наказание нарушителя часто занимает в них главное место, а воздаяние тому, кто соблюдает нормы, отходит на второй план. Вероятно, это связано с тем, что в человеческой жизни более многочисленны и более ощутимы проявления зла, нежели добра.

Во-вторых. Обычно смешиваются воедино два рода проблем, обозначенных в § 729. Можно было бы строго утверждать следующее: кто поступает в соответствии с нормами морали и религии и при этом добивается собственного счастья, тот не сможет нанести вред людям, занятым своими заботами, как бы они ни были связаны с его делами. Но такие утверждения встречаются редко, чаще всего это подразумевают, обычно неявно и в расплывчатой форме. Очень часто о наказаниях и поощрениях говорится без разъяснения, относятся ли они только к совершившему плохой или хороший поступок индивиду, или же распространяются и на других людей. В отношении самого этого индивида они не забывают воспользоваться уловкой и отодвинуть на неопределенное время наступление последствий от его действий. Здесь не раскрывается, есть ли у них намерение прибегнуть к исключениям группы B_2 .

В-третьих. Следует отметить, что, строго говоря, расплывчатость имеет место и при определении совершаемого этим индивидом действия и характера наказания или поощрения по прошествии некоторого периода времени. Так, неявным образом предполагается, что индивид в последующее время остается тем же. В материальном отношении это не так, но если признается наличие некоторой метафизической основы, которая именуется душой или как угодно еще и которая сохраняется, в то время как тело претерпевает изменения, то можно допустить единство и тождественность индивида. В противном случае, чтобы рассуждать логически, следовало бы сказать, в каком смысле понимается это единство.

В-четвертых. Тем теориям, которые здесь обсуждаются, свойственно наличие ряда существенных противоречий, о которых говорилось в § 740. В них сначала выдвигаются одни положения, затем явно или неявно утверждается нечто прямо противоположное. Вначале утверждается, что каждый человек претерпевает страдания или получает удовольствие только благодаря собственным действиям, а затем спустя некоторое время считается, что он может страдать и наслаждаться из-за действий других людей. Часто противоречие, хотя оно явное, никого не беспокоит. Действительно, так же как индивид мыслится остающимся одним и тем же в разные моменты времени, часто и семья, и некая общность, нация, человечество в целом трактуются ими как единичное и единое образование; благодаря остаткам сохранения агрегатов они сводят все к единому объекту. В давние времена многие люди не могли спрашивать о том, допустимо ли рассматривать семью как единое образование в плане поощрений и наказаний. Но и сегодня у большинства людей даже не возникает вопроса, допустимо ли с той же целью рассматривать как единый

и неизменный во времени тот материальный агрегат, который называется индивидом (см. § 752).

745. Во многих исследуемых нами здесь теориях такие проблемы не учитываются, и в утверждениях, что каждый страдает и благоденствует в соответствии со своими действиями, остается неопределенным значение слова «каждый». Затем, когда предпринимается попытка зафиксировать это значение, появляются теории, которые мы рассмотрим в группе B_2 и в последующих группах. В них необычайно велик дефицит четкости и логики, что, как уже не раз отмечалось, легко объясняется противоречиями между остатками, существующими в одном и том же индивиде, и его желанием устранять такие противоречия, по крайней мере для вида.
746. Представления о наказании и поощрении за поступки наряду с псевдоэкспериментальной формой содержат в себе две другие концепции, часто сливающиеся в одну, — метафизическую и религиозную. В метафизической форме, которая сегодня чаще всего скрывается под псевдоэкспериментальными облачениями, кара и поощрение непременно следуют после совершения поступка, правда, без того, чтобы было ясно, почему и за что. В религиозной форме, напротив, все совершается по воле божества. Но такое вмешательство открывает поле для произвола со стороны последнего, поскольку божество не ограничивается тем, чтобы быть лишь более или менее строгим блюстителем морали. Оно действует в том числе и в собственных интересах, мстя за нанесенные оскорбления и за проявленное неуважение к себе часто более сурово, чем за нарушение моральных норм.
747. Когда религиозное чувство оказывается сильным, эти представления не считают предосудительными; когда оно ослабевает и, напротив, нарастают чувства благожелательности и сострадания к ближним, люди стараются уменьшить, порой даже аннулировать проявления мстительности со стороны божества. Так, утверждают, что та или иная религия более «прогрессивна», более «совершенна», когда ее божества в большей мере заняты моралью и не обращают внимания на остальное; но они не замечают, что при таком поведении божеств религия начинает утрачиваться, чтобы смешаться с метафизикой.
748. Перейдем к обсуждению второй темы, намеченной в § 729, т. е. случая, когда тот, кто выполняет или нарушает нормы, и тот, кто в результате такого действия имеет пользу или вред, — это не один и тот же человек. Порой авторы доктрин совершенно обходят проблему соответствия этого факта счастью или несчастью индивидов, либо только намекают

на подразумеваемое решение. В наше время это делается, в частности, применительно к отношениям между правящими и управляемыми, причем чаще всего принимается в той или иной мере один из следующих двух тезисов: либо правящие должны следовать существующим нормам; обо всем остальном им нечего беспокоиться, как и не следует решать проблему о последствиях; либо правящие могут ради обеспечения общественного блага нарушать такие нормы; это принимается без особого обсуждения, порой, однако, утверждается даже обратное. Так или иначе, избегают необходимости решать, каково отношение между действиями и последствиями. Тот, кто объективно рассматривает факты, кто не желает намеренно закрывать глаза и в том случае, когда все ясно видно, должен все же признать, что правители, которые делают свои нации процветающими, не являются совестливыми моралистами. Но такой теоретик предпочитает замалчивать или оправдывать то, что явно заметно, и возлагать вину на «испорченные» нравы. Тем самым он навлекает на себя упреки в безнравственности со стороны общественности, так же как это случилось с Макиавелли только из-за того, что он представил единообразия, полностью подтверждаемые историей (см. § 1047). Его обвиняли также в том, что он якобы компилировал из Аристотеля и других авторов; между тем он просто совпал во взглядах с теми, кто описывали реалии. Это показывает, насколько нелегко людям провести научный анализ. Большинство не в состоянии отделить друг от друга два совершенно разных вида исследования. Первым из них является изучение *реальных движений*, т. е. фактов и отношений между ними. Реальны ли факты, о которых сообщается у Макиавелли? Реальны или нет отношения между фактами, которые он отмечает? Пожалуй, это мало волнует большинство авторов, как тех, которые на него нападают, так и тех, которые его защищают. Все их внимание обращено на второй вид исследования — на изучение *виртуальных движений*, т. е. мер, необходимых для достижения определенной цели. Авторы, нападавшие на Макиавелли, обвиняли его в том, что он предлагал государям становиться тиранами; авторы, оправдывавшие его, отвечали, что он только показывал, каким образом может быть достигнута такая цель, но не рекомендовал к ней идти. Обвинение и оправдание можно рассматривать совместно, но при этом совершенно не затрагивается вопрос: «Как узнать, каким образом в некоторых гипотетических случаях стали бы развиваться события и действия?» Отметим, что Макиавелли, как человек практического склада ума, стремился рассуждать на примере конкретной ситуации, которая являлась, таким образом, частным случаем общей проблемы. Он написал работу «Государь», но мог бы по той же модели написать книгу «Республика». Он даже отчасти это сделал в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» и, если бы он жил в наше время, то смог бы распространить свои исследования на парламентские режимы. Он изучал, какие средства будут самыми

подходящими и удобными для того, чтобы правители сохраняли власть; он исследовал два гипотетических варианта: случай нового государя и случай наследного государя. Таким же образом он мог бы провести аналогичные исследования в отношении иных политических режимов и расширить исследования для другой цели — для изучения того, какие средства наиболее подойдут для достижения экономической, военной, политической мощи и т. д. Так, от исследованного им конкретного (частного) случая он смог бы подняться до общего случая виртуальных движений, который теперь как раз и является предметом социологии. Этого нельзя было сделать в его время и тем более во времена, когда жил его единственный великий предшественник Аристотель, поскольку тогда еще не родились социальные науки. Поэтому нас изумляет величие ума Аристотеля, а также Макиавелли, которые при всем их несовершенстве в частных моментах, обусловленном знаниями того времени, поднялись до таких высот. Но особенно изумляет невежество некоторых наших современников, которые, оказываясь не в состоянии понять значение исследованных Макиавелли проблем, в возражениях предлагают сентиментальную этическую болтовню и со смешной самонадеянностью считают себя знатоками в области политических и социальных наук.

749. *B₂. Счастье и несчастье переносят в пространстве и во времени.* Некоторый индивид совершает действие *M*, за которым, как утверждают, должен последовать факт *P*. Но *P* может быть и случайным результатом, и очевидно, что чем более продолжительным будет временной интервал после совершения *M*, до появления *P*, тем выше окажется вероятность того, что это произойдет просто случайным образом. Более того, если временной интервал очень велик, то появление *P* становится настолько вероятным, что о нем можно говорить как достоверном. Если люди, стремящиеся отгадать выигрышные номера лотерейных билетов, вместо указания результата вполне конкретного розыгрыша возьмут период времени, равный веку, то они могут быть почти уверенными или, можно даже сказать, просто уверенными, что их предсказания осуществятся. Аналогично этому, если время, в течение которого должно сбыться предсказание, будет долгим или неопределенным, то можно не бояться разоблачения, уверяя, что если люди поступили плохо, то рано или поздно их постигнет кара, а если они поступили хорошо, то будут за это вознаграждены. История ни одного народа ни за многолетний, ни за многовековой периоды не содержала только хорошие или только плохие события; следовательно, если не вводить временные рамки, то всегда можно отыскать требуемое наказание или вознаграждение.

Примечателен один способ отдаления во времени и в пространстве последствий хороших или плохих событий, которые происходят с людьми теперь. Так, утверждают, что если несчастье постигает хорошего

человека, то это оборачивается ему на пользу, поскольку служит исправлению какого-нибудь его порока или недостатка, или побуждает других людей избавляться от их недостатков. Гораздо реже, когда счастливое событие совершается с нехорошим человеком, говорят, что это пойдет ему во вред, поскольку ослепление удачей приведет его к беде или будет способствовать распространению среди остальных людей презрения к мирским благам, показывая, что этим благам радуются только дурные люди.

750. Ограниченная продолжительность человеческой жизни делает менее вероятным для человека отыскать среди тех или иных народов желаемое соответствие во времени между человеческими поступками и их последствиями. Но все же непросто встретить человека, у которого в течение всей жизни все обстояло бы хорошо или все плохо; следовательно, также и в этом случае нет недостатка в возможностях для нахождения искомого соответствия между совершенным деянием и наказанием или поощрением за него. Поэтому существует немало теорий, в которых для одного и того же индивида искупление отодвигается во времени, и теорий, в которых утверждается, что совершающееся в отношении человека зло служит для его исправления и спустя некоторое время обернется для него благом. Того, кто сегодня говорит: «Ожидайте будущего, чтобы увидеть — за проступком последует кара, а за благое дело воздастся», конечно, нельзя сегодня же опровергнуть через опыт, поскольку о будущем не ведаем ни мы, ни он. Но если выдвигаемая им теория имеет общий характер, если она относится и к прошлому, как это обычно и происходит, то в таком случае сегодня надо ответить на вопрос о карах и о наградах, выпавших до кончины тем людям, о жизни которых имеются сведения; когда мы выполним такое исследование, то не увидим, что подобная теория подтверждается опытом. Такой проверки избегают те, кто позволяет себе руководствоваться чувствами; и этот случай аналогичен, например, вере в то, что у потомства пьющих вино людей утрачивается способность вскармливать детей. Если бы это отвечало истине, то в винодельческих районах не удалось бы отыскать ни одной женщины, вскормившей ребенка своим молоком.

751. Еще легче найти какое-либо зло или добро, относимое к определенному действию, если мы расширим круг нашего исследования и перейдем от отдельно взятого индивида к другим индивидам. Могучие остатки побуждают людей рассматривать семью как единое целое, и данное обстоятельство можно использовать для того, чтобы среди потомков некоторого человека обнаруживать тех, кого настигла кара или вознаградила судьба за совершенные им поступки. Положительный результат при таких поисках гарантирован: разве не найдутся, если охватить несколько веков,

среди потомков того или иного человека людей преуспевающих и неудачников?

752. «Ответственность» за проступки, как и «награда» за благодеяния, может переходить не только на потомков, но и распространяться на более или менее большие коллективы. Среди людей античности было широко признано мнение, что вина человека ложится и на всех его сограждан. Рим умел извлекать выгоду из плохих действий некоторых консулов, но не создал теорию по поводу этого. Авторы тех времен не проявляли щепетильности, когда утверждали, что детей следует карать за вину отца, поскольку семья для них выступала как единое целое, объединенное вокруг отца семейства. Так же точно, когда они рассуждали о городе, пострадавшем от плохих действий одного из его граждан, они рассматривали город как единое целое. В обоих случаях кара, постигающая целое за вину одной из его частей, считалась «справедливой», так же как «справедливо» наказание в отношении всего тела индивида за преступное действие, совершенное его рукой. В этом рассмотрении целого как единого заключен основной остаток (сохранение целостности агрегатов) и только побочно, во вторую очередь, используются деривации, с помощью которых стараются согласовать наказание или вознаграждение всего агрегата с виной или заслугой отдельно взятого индивида. Кроме того, то, что мы называем «виной», отчасти уподобляется пятну, нарушающему целостность индивида, его семьи или общности, в которую он входит. Следовательно, спонтанно рождается представление, что такую целостность следует восстанавливать не только в отношении данного индивида, но и его семьи, а также различных общностей (см. § 476).
753. Среди множества дериваций, о которых сообщалось, есть одна достойная внимания, в которой утверждается, что город справедливо подвергается наказанию, поскольку он смог бы избежать кары, наказав виновного. Многие факты делают очевидной искусственность такой деривации. Часто наказание обрушивалось на город или общность раньше, чем в нем (в ней) становилось известно о преступлении и о виновном; следовательно, люди в этом случае не успевали бы покарать непосредственных виновников или еще каким-то образом искупить вину.
754. Если народ пострадал от плохих действий своего короля, то для народа, напротив, окажутся благом его хорошие действия. Гесиод⁶⁶ описывает счастье тех народов, которые находились под властью справедливого

⁶⁶ *Esiodo. Opera et dies.* 260–261. [*Гесиод. Работы и дни // Эллинические поэты в переводах В. В. Вересаева. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. С. 149.*]

правителя, и несчастье тех, кем правил несправедливый правитель. Он смешивает одну точку зрения, согласно которой действия правителя могут выступать наказанием и вознаграждением для народа, с другой — экспериментальной, согласно которой в зависимости от того, плохим или хорошим является правление, подданным живется плохо или хорошо.

755. Те общности, которые страдают по вине одной из своих частей, обозначаются более или менее произвольно. Простая и даже случайная компания нехороших людей могла бы нанести им вред. В экспериментальной области аналогичные вещи также можно встретить во многих случаях; например, тот, кто неосторожно действует на пороховом складе, может вызвать гибель всех, кто в нем находится. Полагают, что подобное явление происходит и в иных случаях, когда уже нет возможности дать экспериментальное подтверждение. Диагор находился на корабле во время шторма и был обвинен его спутниками в том, что он стал причиной общего несчастья. В ответ он указал на другие корабли, которые шли тем же курсом и также были в опасности из-за бури, и спросил у своих обвинителей: «Неужели они считают, что и в тех кораблях везут по Диагору?»⁶⁷. Ответ, убедительный для многих, на самом деле не столь убедителен. Если атеизм Диагора мог повредить его попутчикам, то в равной мере приемлемым окажется мнение, что он нанес вред и всем тем, кто плыли и на других кораблях близко от него. Это лишь вопрос о большем или меньшем вреде, о расширении или сужении пространства, на которое повлияло навлекавшее шторм святотатство Диагора.

756. Зависть богов (*φθόρος θεῶν*) не позволяла человеку быть счастливым в течение всей жизни и распространялась как на его потомство, так и на его общность. Странно, что Плутарх⁶⁸, осуждающий Геродота за веру в наличие такой зависти, сам затем приводит пример из жизни Эмилия Павла⁶⁹. Здесь, так же как и в других сходных случаях, воздействуют остатки класса II. Эмилий Павел и его дети рассматриваются им как единый агрегат, который не должен быть счастлив во всем и потому одну из его частей поразил удар судьбы.

⁶⁷ *Cicerone. De natura deorum. III. 37.* [Цицерон Марк Туллий. Философские трактаты. М.: Наука, 1985. С. 188.]

⁶⁸ *Plutarco. De Herodoti malignitate. XV // Plutarchi Eiusdem scripta moralia / Ed. by F. Dübner. P.: Didot, 1868. P. 853.*

⁶⁹ *Plutarco. Aemilius Paulus // Plutarch. Les vies des hommes illustres. 3-e éd. P., 1880. 36.* [Плутарх. Эмилий Павел // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. Т. 1. СПб.: Кристалл, 2001. С. 458–459.]

757. Современные теоретики порицают древние предрассудки, согласно которым пороки и прегрешения отца негативно влияли на сына. Они не замечают, что в нашем обществе проявляется феномен, близкий к этим предрассудкам в том смысле, что теперь стали полагать, что пороки отца позволяют освободить сына от вины. Для современного преступника залогом удачи становится наличие среди своих предков или родственников уголовника, сумасшедшего или алкоголика, поскольку это обеспечивает большую снисходительность к нему на судебном процессе и порой даже освобождает от наказания. Метафизическое доказательство, при помощи которого сын осуждался за плохие деяния своего отца, сохраняет силу, так же как принимается доказательство, благодаря которому по тем же причинам виновного оправдывают или почти оправдывают. Но сегодня еще один способ позволяет спасти его от тюрьмы: «вина» за преступные действия перекладывается с преступника на «общество», поскольку считается, что оно не позаботилось о том, чтобы сделать его счастливым. Связанные с этой практикой издержки оплачиваются затем уже не обществом, а одной из его частей, избранной случайным образом, т. е. несчастными жертвами преступлений, о которых никто не беспокоится.

758. Концепцию солидарности, на основании которой хорошие люди разделяют кару, которую навлекают плохие люди, также можно обнаружить в истории начиная с древних времен. Она стала затем основной концепцией католицизма. Брунетьер, чтобы конкурировать с поборниками солидарности и с социалистами, часто настаивает на этом пункте.

759. *Вз. Счастье и несчастье выносят за пределы реального мира.* С точки зрения формальной логики такие решения неоспоримы. Как мы говорили и не раз повторяли, экспериментальная наука не может заниматься тем, что выходит за границы экспериментальной области; на ее границах оканчивается ее компетенция.

760. Именно здесь мы напомним, почему чисто экспериментальный материал не может выступать обоснованием утверждения, согласно которому сверхъестественные кары и награды были выдуманы теми, кто хотел их использовать для обуздания людей. Идея о существовании таких кар и наград появилась независимо от какого-либо заранее имевшегося намерения. Они являются частью тех остатков сохранения агрегатов, благодаря которым считается, что человеческая личность остается жить после смерти индивидуума. Затем их стали использовать в собственных интересах люди практики, как они пользовались иными распространенными в обществе чувствами. Теоретики также их использовали при решении своих проблем, выражая их в литературных, метафизических,

псевдонаучных формах, но они оформляли уже имевшийся материал, а не изобретали его, чтобы воспользоваться в собственных целях, подобно практикам.

761. В других сходных интерпретациях вместо того, чтобы отбросить следствия, полученные от действия в воображаемом мире, ограничиваются перенесением их в область возможного. Например, говорят: «Некто счастлив, но он мог бы быть еще счастливее; кто-то другой несчастлив, но так он, возможно, избежал еще большего несчастья». Возможное — это неопределенная область, и таким способом можно доказывать все, что угодно. Во все времена с помощью такой аргументации создавались изящные риторические построения.
762. В подобном сочинительстве нет недостатка и в наше время. Когда ярым борцам с алкоголизмом приводят примеры людей, которые потребляли вина и иные алкогольные напитки и все-таки сохранили до преклонного возраста и здоровье, и интеллект, они отвечают: «Если бы эти люди воздерживались от спиртного, то прожили бы еще дольше и имели бы еще больше физических и интеллектуальных сил». Один такой индивид из числа «добродетельных доминиканцев» в ходе конференции заявил: «Ссылаются на выдающихся государственных деятелей, которые не отличались святостью; на замечательных полководцев, которые не проявляли целомудрия; допустим, это так, но если бы они обладали целомудрием, то достигли бы еще большего». Кто прибегает к подобному пустословию, забывает о том, что задача представить доказательства по праву ложится на того, кто высказал такое утверждение, и что, уповая на возможное, легко допустить ошибку.
763. *В₄. Не удастся подобрать интерпретацию: пути Господни неисповедимы.* Можно просто утверждать, что нельзя знать, почему некоторое действие приводит к определенным последствиям, и не беспокоиться о том, «справедливы» они или «несправедливы». Таков, пожалуй, вывод, сделанный в Книге Иова, и такова, согласно Маймониду⁷⁰, доктрина ашаритов* Тому, кто ничего не утверждает, ничем возразить. Так, ничем нельзя возразить на высказывание того, кто признает, что не ведает путей Господних, лишь бы его высказывания не нарушали логики. Часто, однако, она не соблюдается. Автор начинает демонстрировать свое прекрасное знание «путей Господних», и только когда выдвинутые возражения

⁷⁰ *Maimonidem. Le guide de égarés / Trad. di S. Munk. P., 1856.*

* Последователей арабского богослова Ашари (873/874–935/941), основателя мусульманской ортодоксальной теологии.

загоняют его в угол, он изрекает, что пути эти неисповедимы. Типичный пример тому дан в рассуждениях св. Августина⁷¹, такого рода примеры нередко встречаются у теологов и у иных мыслителей.

764. Тот, кто утверждает, что не знает, на знание чего он претендует, обычно не замечает противоречия, поскольку здесь господствует чувство. Он, в сущности, рассуждает так: «*A* непременно есть *B*». Если этого не наблюдается, я не могу сказать, почему это так, но от этого не слабеет моя вера в то, что «*A* — это непременно *B*». При такой форме высказываний экспериментальная наука не может ничего поколебать, поскольку при наличии веры ее ничто не способно разрушить. Однако часто форма, по крайней мере имплицитно, оказывается иной и приближается к следующему типу: «*A* есть *B*. Если такое отношение фиксируется при наблюдении, то само наблюдение — иллюзия, поскольку в реальности, каким-то неведомым мне образом, *A* есть *B*». Здесь *A* и *B* лежат в плоскости опыта; и приведенное высказывание входит в логико-экспериментальную область. Логико-экспериментальная наука не позволяет принимать, что *A* есть *B*, если наблюдение показывает, что *A* не есть *B*; и не имеет значения, может или не может кто-то определить причину этого факта.
765. И в этом случае вовсе не теоретиками были изобретены эти неисповедимые «пути Господни». Они обнаружили среди масс это чувство, связанное с остатками класса II, и поскольку эти остатки оказались сильными, своим манифестациям они придали им подходящие формы.
766. Очень близким к решениям данного рода оказывается метафизическое решение, например категорический императив Канта, который выдвигает концепцию долга и при этом не говорит, что случится с теми, кто откажется исполнить этот долг и будет над ним смеяться. Здесь нет недостатка в обычных противоречиях, потому что при этом утверждается все, что автору хотелось бы навязать другим, и умалчивается все, что может стать ответом на возражения. Форма рассуждений в этом случае такая: «Надо сделать *A*, поскольку оно является следствием *B*». — «Но почему тогда следует сделать *B*?» — «Потому, что оно является следствием *C*». И т. д. вплоть до вопроса: «Почему следует сделать *P*?». Тогда отвечают, приводя какой-нибудь категорический императив. Этими метафизическими решениями обычно пользуются теоретики. Людей практического склада и простонародье данные решения интересуют мало.

⁷¹ *Augustin A. Contra adversarios iegis et profetarum. I. 21. 45; De civitate dei. XX. 2. [Августин Бл. Аврелий. О граде Божиим. В 22 кн. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Т. 4. Кн. 18–22. С. 165–166.]*

767. *С. Абсолютное отвержение. Пессимизм.* Эти решения малозначимы в отношении социального равновесия, поскольку они никогда не имеют популярности в массах и распространены только среди литераторов и философов. Они важны как проявления психического состояния некоторых индивидов. В моменты отчаяния и уныния многие люди повторяют изречение Брута: «Добродетель, ты всего лишь имя». Многие люди с восторгом читают пессимистические произведения Леопарди, так же как многим нравится слушать прекрасную трагедию, но это не оказывает существенного влияния на их действия.
768. Часто пессимизм рождает стремление к наслаждению материальными благами. Многие литераторы высказывают идею: «Мы радуемся благам жизни, пока живы; после смерти не будет никаких радостей». В России с окончанием войны с Японией возникло мощное революционное движение; люди преисполнились светлых надежд на прекрасное будущее. Революция подавлена, надежды исчезли. Наступила пора уныния с тенденцией предаваться материальным наслаждениям.
769. *Д. Условное отвержение. Две различные ситуации, имеющие некоторые общие черты.* Если читатель внимательно ознакомился с приведенными фактами, к которым можно было бы добавить множество иных, то он уже отметил для себя научное решение проблем, поставленных в § 712 и 728. Что касается первой проблемы, то строгое следование существующим в коллективе нормам имеет некоторые следствия, благоприятные для коллектива, для действующего индивида или для индивида и для коллектива одновременно, а также и неблагоприятные для них (см. § 866 и далее). Обычно первые более существенны, чем вторые. Те и другие могут быть познаны только путем изучения для каждого отдельно взятого случая. Что касается второй проблемы, то отчасти хорошо, что имеется вера, что следование существующим в коллективе нормам всегда благоприятно для индивида и для коллектива, ибо благодаря этому они не впадают в сомнения и не оспаривают такие нормы. Правда, отчасти это может оказаться для индивида вредным, но обычно полезные эффекты превосходят эффекты вредные. Для того чтобы знать об их соотношении, необходимо проводить анализ в каждом конкретном случае.

Возвращаясь к общим проблемам, поставленным в § 712, мы можем дословно повторить все, что было сказано раньше, заменяя только существующие в коллективе остатки и их следствия на нормы. Далее нам следует обратить внимание на иные решения по данным проблемам, которые дают теологи и метафизики. Что касается первой проблемы, то теологии религий, именуемых позитивными, а также метафизика приходят к тому, что действия в согласии с имеющимися остатками приемлемы, что в соответствии с получаемыми на их основе следствиями они могут

дать только «хорошие, правильные и полезные» результаты. Напротив, в теологиях святого Разума и Прогресса утверждается, что действия согласно остаткам, которые они считают «предрассудками», а также их следствия могут привести только к «плохим и пагубным» результатам. Логико-экспериментальная наука обычно не принимает ни те, ни другие догматические утверждения, она всякий раз проводит проверку посредством опыта — единственного, что позволяет узнать о пользе и о вреде определенных способов поведения.

770. Проведенное исследование дает нам хороший пример экспериментальной скудости некоторых доктрин, отличающихся большой социальной полезностью. Более двух тысячелетий моралисты изучают связь между строгим соблюдением норм морали и последующим счастьем или несчастьем для индивидов и для общностей. Однако они не смогли, мы уж не говорим — найти отвечающую фактам теорию, но хотя бы четко дать самые общие положения в терминах, не выходящих за пределы экспериментального мира. Они до бесконечности повторяют одно и то же; некоторая теория исчезает, затем она возрождается, снова исчезает, и эта чередка не имеет ни перерывов, ни окончания (см. § 258). Также и сегодня как историки, так и представители других социальных наук, когда они намереваются оценить действия людей в соответствии с «моралью», то при этом воздерживаются от того, чтобы сказать (что как раз было бы необходимо), какого решения по упомянутым выше проблемам они придерживаются. Они имплицитно имеют в виду какое-то решение, завуалированное чувствами, что позволяет его менять, когда это им удобно, и часто последовательно используют два или более противоречащих друг другу решения. Нетрудно понять, насколько малую логико-экспериментальную ценность будут иметь выводы, полученные таким путем от явно не высказанных, неопределенных, нечетких, туманных посылок. Такие выводы принимаются благодаря их соответствию чувствам, а не по каким-либо иным причинам. Полемика вокруг них — всего лишь словопрения. Если мы сравним этику Аристотеля с современными видами этики, то сразу окажется, что отличия между ними несравнимо меньшие, чем отличия между физикой Аристотеля и современной физикой. Почему это так? Вовсе не из-за различной широты ума людей, занимающихся естественными науками, и людей, занимающихся этикой, поскольку часто один и тот же автор, например Аристотель, работал и в той, и в другой области знания. Это не объясняется различной степенью сложности исследований, тем, что физика, химия, биология и иные естественные науки более просты для исследования, чем этика. Сократ, правда, рассматривал этику как более сложную дисциплину, и такое наблюдение верное, если рассуждения основаны на чувстве. Чем объясняется то, что физика, химия и иные подобные им науки до XV в. не прогрессировали

в большей мере, чем этика? Почему до этих времен не работала гипотеза о большей простоте их изучения? Они были на одном уровне с этикой, если даже не шли позади нее, пока в них использовался тот же, что и в этике, теологический и метафизический метод, или метод чувственного познания. Они вырвались вперед и стали быстро прогрессировать, как только отбросили такие методы и перешли к использованию экспериментального метода. С чем связано отличие в методах? Может быть, это дело случая; но тогда почему в течение многих лет подобное состояние сохраняется и продолжается? Афиняне были настроены в равной мере против Анаксагора, который говорил, что Солнце — это раскаленный камень, и против Сократа, исповедовавшего не вполне приемлемую для них мораль; в более близкие к нам времена равным образом осуждались и «ошибки» Коперника, воспроизведенные Галилеем, и моральные «ошибки» еретиков. Почему теперь предоставлена свобода в отношении первых «ошибок», тогда как вторые осуждаются, по крайней мере общественным мнением, а отчасти и официальными властями? Очевидно, что такие различные эффекты выступают показателем действия также различных сил. Среди них в первую очередь выявляется полезность экспериментальных исследований, признаваемая и принимаемая даже простыми, необразованными людьми, между тем как в этике исследования почти всегда меняли жизнь к худшему, разрушали основы социальной жизни. Следовательно, мы имеем доказательство и контрдоказательство тех последствий, которые возникают, когда экспериментальная истинность и социальная полезность совпадают либо расходятся.

771. *Распространение остатков.* Если у определенных индивидов, входящих в общность, изменяются некоторые остатки, то это изменение может распространяться в ней непосредственно, путем имитации. Но такой случай трудно отличить от другого, когда распространение осуществляется косвенным образом при изменении определенных обстоятельств, которые вызывают изменения остатков вначале у некоторых индивидов, а затем постепенно меняют их и у других людей. Нетрудно, однако, признать, что второй случай встречается чаще первого, поскольку изменения остатков сочетаются с изменением экономических, политических и иных обстоятельств.

772. *Распространение дериваций.* Здесь происходит нечто аналогичное. Поскольку остатки являются одним из тех основных факторов, которые определяют деривации, возможны три случая: распространение посредством имитации или иным прямым путем; распространение через изменение остатков, соответствующих деривациям; распространение благодаря иным обстоятельствам, которые воздействуют на общности.

Следует учесть, что один и тот же остаток A может иметь много дериваций S, S', S'' (см. § 838) и выбор между ними может совершаться в силу разных причин, порой весьма ничтожных, таких, как каприз, мода и т. д. Это относится и к разным манифестациям определенных остатков и чувств. Например, известно, что временами входит в моду некоторая форма самоубийства, в которой проявляется чувство усталости от жизни.

773. Отсюда следует, и в этом проявляется принципиальное отличие дериваций от остатков, что имитация играет значительную роль в распространении форм дериваций и некоторых иных манифестаций остатков. Все, кто говорят на одном и том же языке, выражают одни и те же чувства в основном посредством близких понятий. Также и все, кто живут в некоторой общей среде и подвергаются ее многочисленным воздействиям, склонны проявлять одинаковые чувства в основном в сходных формах. Сходство распространяется на деривации и манифестации различных остатков. Допустим что остатку A соответствуют деривации S, S', S'' ; остатку B — деривации T, T', T'' ; остатку C — деривации U, U', U'' и т. д. Кроме того, предположим, что S, T, U в каком-то отношении являются близкими, имеют общую природу, что точно так же обстоит с S', T', U' ; равным образом — с S'', T'', U'' и т. д. Если оказывается, что благодаря некоторым обстоятельствам, пусть даже и незначительным, будет выбрано S для проявления действия остатка A , то с огромной легкостью для проявления B будет выбрано T , а чтобы проявить C , будет выбрано U и т. д. Это будут всевозможные термины из серий, подобных S, T, U . При иных обстоятельствах, в иное время будут выбраны термины из серии, подобной S', T', U' ; то же самое для других серий. Именно это наблюдается в действительности: в одно время в моде теологические деривации S, T, U , в другое они сменяются на метафизические деривации S', T', U' ; порой, но не часто, использовалась серия *позитивистских* дериваций, или серия дериваций дарвинизма, посредством которых объяснялись всевозможные феномены. Вдобавок к ним использовались некоторые иные деривации. Конкретные феномены являются комплексными; в них более или менее большое место занимает имитация, но фигурируют все же и многие обстоятельства (см. § 665).

Марксизм дал бесчисленное множество дериваций, подобных S'', T'', U'' . В них всякий социальный феномен объяснялся «капитализмом». Здесь имитация очевидна. Эти деривации выражают некоторые остатки, каковые зависят в первую очередь от экономических и социальных обстоятельств; но их могли бы выражать так же хорошо и другие деривации, и выбор S'', T'', U'' производится главным образом путем имитации.

774. Это следует учитывать при попытке перейти от дериваций к остаткам. Имеются большие социальные течения, вызывающие общие изменения

в деривациях, между тем как остатки остаются прежними. Мы дали много примеров проявления такого феномена. В один век это могут быть деривации S, T, U ; в другой — деривации S', T', U' . С виду представляется, что между ними существует большое различие, между тем как, по существу, в разные времена одинаковые или почти одинаковые остатки проявляют себя в различных формах.

775. Такие феномены — лишь частный случай других, более общих феноменов, которые отмечаются, когда религиозные, этические, метафизические, мифологические деривации адаптируются к жизненным обстоятельствам. Теории не могут быть полностью оторванными от практики; необходимо определенное прилаживание их друг к другу, которое осуществляется через последовательность действий и реакций. Как мы видели, вопреки общему мнению большинства моралистов, литераторов, псевдоученых, влияние со стороны практики на теории в социальной области оказывается намного сильнее, чем влияние теорий на практику: не практика подстраивается к теориям, скорее, имеет место обратное. Следует подчеркнуть, что мы не отрицаем, о чем не раз говорили, что имеется воздействие теорий на практику; мы утверждаем, и это совсем не одно и то же, что оно обычно гораздо меньше, чем воздействие практики на теории. Следовательно, рассмотрение воздействий практики на теории дает нам первое приближение к конкретному феномену, чего, напротив, нельзя сказать о рассмотрении влияния теорий на практику. Отсюда, как следствие, видна бесполезность многих работ, посвященных изучению политических и социальных феноменов, а также некоторых трудов, относящихся к области экономики.
776. *Интересы.* Индивиды и коллективы побуждаются инстинктом и разумом к овладению материальными благами, полезными или только приятными в их жизни, стремятся завоевать признание и славу. Комплекс подобных импульсов к действию, которые можно назвать интересами, играет очень большую роль в установлении социального равновесия.
777. *Экономический феномен.* Значительная часть исследований упомянутого комплекса осуществляется экономической наукой. В ее область нам пришлось бы делать экскурс, если бы в этой науке уже не было важных работ, на которые достаточно будет сослаться; теперь же мы ограничимся краткими сведениями об ее отношениях с остальными частями социологии.
778. *Чистая экономическая теория.* Как чистое право получает свои выводы из некоторых принципов, так и чистая экономическая теория получает

их из некоторых гипотез; и та, и другая науки распространяют свои следствия на конкретные феномены, поскольку они играют решающую роль

779. Допустим, что есть некоторые существа с аппетитами или вкусами, которые стремятся их удовлетворять и при этом встречаются с определенными препятствиями. Что произойдет? Чистая экономическая теория дает ответы на этот вопрос. Это очень обширная область знаний ввиду немалых различий вкусов и необычайно большого разнообразия препятствий. Результаты, которых она достигает, составляют неотъемлемую часть социологии, являющуюся для нее достаточно значимой. Но это только часть, которая в определенных случаях может оказаться и небольшой, ничтожной и которая, по крайней мере, должна сочетаться с другими частями, чтобы представить конкретные феномены.

780. *Прикладная экономика.* От рациональной механики совершается переход к прикладной механике, путем включения в рассмотрение конкретных феноменов. Точно так же переходят от чистой экономической теории к прикладной экономике. Например, рациональная механика дает теорию идеального рычага; прикладная механика учит тому, как создать конкретный рычаг; чистая экономическая теория позволяет узнать функции денег в экономике; прикладная экономика дает сведения о существующих и ранее существовавших денежных системах, об их трансформациях и т. д. Таким образом, мы ближе подходим к конкретному феномену, но еще не достигаем его. Прикладная механика учит тому, как работают отдельные механизмы паровой машины, но именно в термодинамике надлежит объяснить, каким образом она функционирует; после этого нам следует перейти к другим аспектам ее рассмотрения, включая и экономические, прежде чем принять решение о выборе конкретной машины, необходимой для использования в качестве двигателя. Прикладная экономика дает обширные сведения о характере денежных систем, об их истории, но чтобы знать, как они действовали и почему они существовали, необходимо принять во внимание и другие сведения. Мы не намерены углубляться в геологию и металлургию, которые должны просветить нас на предмет того, каким образом были добыты цветные металлы. Однако если мы ограничимся рассмотрением только социальных сил, нам еще останется установить, как и почему одни правительства производят эмиссию необеспеченных денег, тогда как другие правительства этого не делают; как и почему в настоящее время сосуществуют монометаллизм твердых английских золотых денег, биметаллизм слабых французских денег, монометаллизм китайских серебряных денег, обращение бумажных денег в Италии и в иных странах; почему некоторые теории денег рождаются, умирают, вновь рождаются и т. д., пребывая

в вечном движении. Заметим, что мы намеренно выбрали именно тот феномен, в котором превалирует экономическая сторона; в иных случаях дистанция между теорией и практикой оказывается большей. Чистая экономическая теория объясняет нам, что таможенный протекционизм порождает такой «непосредственный» его результат (опасайтесь введения таких ограждающих мер), как разрушение богатств. Прикладная экономика такой вывод подтверждает, но ни та, ни другая область знаний не смогут сообщить, почему сосуществуют английская система свободной торговли, американский и германский протекционизм, всевозможные другие разновидности протекционизма, отличающиеся по интенсивности и способам осуществления. Более того, мы, к сожалению, не узнаем, отчего английское процветание прирастало при свободном обмене, тогда как германское развилось при протекционизме (см. § 938 и последующие).

781. Люди, которые, с одной стороны, слышали об экономических теориях, доказывающих, что протекционизм имеет своим результатом разрушение богатств, а с другой — видели процветание некоторых стран, где действовал протекционизм, не могли разобраться, в чем дело. Поскольку они не знали реальных причин данного противоречия, они измышляли его мнимые причины. Некоторые называли экономические теории ошибочными, хотя даже не могли толком их понять; кое-кто шел дальше и высказывал мнение, что напрасна и ошибочна любая социальная теория, ...за исключением его собственной; кое-кто копировал Дон Кихота, который мог приготовить бальзам, превосходный для заживления ран рыцарей, но вредный для оруженосцев, и извлекал на свет какую-нибудь *национальную экономию*, удобную для него и для его друзей. Некоторые, кому не удавалось понять смысл того, что было в действительности, фантазировали о том, что должно было бы существовать; некоторые покидали ненадежную экономическую почву и уходили в этику и метафизику; некоторые блуждали различными иными тропами, но все они были одинаково далеки от единственного пути, ведущего к цели, т. е. от экспериментального исследования социальных феноменов, влияющих на экономический феномен и вызывающих его изменение.

782. Путь, который, по крайней мере отчасти, был проложен классическими экономистами, можно обрисовать в нескольких словах, сказав, что их познание было нацелено на изучение не только того, что есть, но и того, что должно быть: объективное изучение фактов они отчасти подменяли проповедями и наставлениями. Такая деятельность приводила к отходу в сторону *религии*, вместо того чтобы оставаться исключительно в экспериментальной области. Для первых экономистов это было простительно: во времена Адама Смита и Ж. Б. Сея трудно было действовать иначе.

Тогда казалось, что вся цивилизация претерпевает материальное и интеллектуальное обновление: в прошлом были нищета, невежество, предрассудки; в будущем должны прийти процветание, знание, рациональные действия. Новая религия очаровывала людей, овладевала их умами: святое Научное Знание ввергало в адскую пучину нелогические действия, оставляя на Олимпе место только для логики и святейшего Разума. К таким мотивам общего характера у других исследователей были добавлены частные мотивы. Поскольку экономическая наука в один миг сделала гигантский шаг, сравнимый с теми, что были сделаны физикой и химией, представлялось естественным, что аналогия непременно должна иметь продолжение. Представлялось, что только невежество могло позволить сохранять старые экономические, физические и химические фантазии перед лицом появления новых теорий; что прежние экономические учения должны были исчезнуть перед лицом новых, так же как теория флогистона исчезла при появлении соответствующих теорий. Поэтому основная задача экономистов состояла в том, чтобы рассеивать такое невежество, раскрывая и проповедуя истину. Такая точка зрения вроде бы получила великолепное экспериментальное подтверждение в блестящих успехах Лиги Кобдена. Тогда можно было бы сказать, что сделанные предвидения подтверждаются: мудрое красноречие Кобдена и его друзей рассеяло мрак невежества, победило и полностью разгромило протекционизм и утвердило свободный обмен в торговле, в результате чего Англия получила затем невероятное процветание. Казалось, повсюду, где возникали лиги, взявшие за образец Лигу Кобдена, весь экономический строй должен был обновиться в направлении, желательном для экономистов <выступавших за свободу торговых обменов>. Однако ни одна из этих лиг не добилась результатов, даже отдаленно напоминающих достижения Лиги Кобдена. Немного позже этот факт надеялись объяснить трудностями, возникающими в ходе просвещения невежественных людей; но сейчас такое объяснение больше не проходит; в самом деле, стало ясно, что эти невежды не учатся, поскольку не хотят учиться. Обвиняли также политиканов, коварным образом вводящих людей в заблуждение; это в значительной мере отвечает фактам. Однако осталось объяснить, как и почему политиканы обрели такое влияние; в этом как раз и заключается социологическая проблема, доминирующая в экономической проблеме.

- 783.** Классические экономисты думали над тем, что должно было быть, они определяли это с помощью логики и нескольких принципов, и поскольку логика и эти принципы считались применимыми повсюду на земном шаре, они находили законы, которые имели столь же широкую сферу действия. Однако поскольку их выводы расходились с фактами, следовало отыскать ошибку. Обычно полагали, что ее надо искать в исходных посылах и в теоретических выкладках; и то, и другое объявлялось

ошибочным, тогда как они просто были неполными; их пожелали полностью отвергнуть, в то время как их следовало только дополнить.

- 784.** Вообразим себе геометра, который открывает теорему о квадрате гипотенузы. Он по праву делает вывод, что прямоугольный треугольник с катетами длиной в три и четыре метра будет иметь гипотенузу длиной в пять метров. Затем он желает проверить на практике полученные теоретические результаты и говорит: «Как бы ни предполагалось измерять три стороны такого треугольника, всегда будут получаться упомянутые значения». В Париже один наблюдатель решает проверить это. Он берет шпагат и, не натянув его должным образом, измеряет два катета, из которых один по длине оказывается равным трем метрам, другой — четырьмя метрами. Затем он изо всех сил натягивает шпагат и обнаруживает, что гипотенуза составляет 4,60 метра. В Лондоне второй наблюдатель поступает способом обратным по отношению к действиям первого и обнаруживает, что при катетах три и четыре метра гипотенуза имеет длину 5,40 метра. Результаты теории здесь не совпадают с фактами; чтобы такое соответствие восстановить, надо просто дополнить геометрическую теорию рассмотрением способов измерения длины отрезков прямых линий. Такое рассмотрение сможет привести к появлению различных теорий, которые вместе с геометрической теорией позволят объяснять и предвидеть факты, подобные тем, что отмечались в Париже и Лондоне.
- 785.** Напротив, неожиданно появляются некие персоны, которые для восстановления соответствия фактам решительно отрицают существование геометрии, отвергают теорему о квадрате гипотенузы, поскольку она была получена при «злоупотреблении» дедуктивным методом и без должного учета этики, имеющей для людей такое большое значение. Соответственно, даже если они признают возможное наличие подобной теоремы, они отрицают, что она остается одной и той же в Париже и Лондоне; они провозглашают, что намерены заменить «универсальную» геометрию на всевозможные «национальные» геометрии, которые отличаются по странам; они заключают, что, вместо того чтобы заниматься геометрической теорией, следует просто писать «историю» всех практических измерений прямоугольных треугольников. Если какой-то мальчишка, измеряя стороны одного такого треугольника, вытрет нос и ошибется в подсчете сантиметров, они сразу начнут писать трактаты об «этике» вытирания носа, сообщая о том, какой цвет, рыжий или черный, имели его волосы, и приводя иные аналогичные сведения. Такова картина, несколько утрированная, многих работ «исторической школы» в области политической экономии.
- 786.** Эта дисциплина некоторое время имела блестящий успех в силу причин, не имеющих отношения к логико-экспериментальной науке. Это была

реакция национальных чувств, направленная против космополитических чувств. В целом это было усиление чувств, выраженных остатками сохранения агрегатов (класс II), в ответ на подъем чувств, выраженных остатками инстинкта комбинаций (класс I). Этическая составляющая реакции чувств, выраженных остатками класса II, дала начало катедер-социализму, отвечавшему чаяниям некоторых буржуазных националистов, не желавших переходить к космополитическим доктринам Маркса. Но <историческая школа> оказала влияние и на развитие логико-экспериментальной науки, хотя она и находилась вне опыта: возражая классическим экономистам, ее представители впадали в другую ошибку, отличную от ошибки классической экономической теории, и в итоге им пришлось признать обе ошибки. Непосредственно, в связи с этическими наклонностями этих исследователей их построения были в меньшей мере экспериментальным знанием по сравнению с представителями классической школы. Но опосредованно, в связи с их упованиями на историю, их достаточно строгие построения понемногу рыхлялись, выводились за границы опыта и разрастались в сферах метафизики.

787. Маркс также считал, что приближается к реальности, когда отверг прежние теории стоимости и заменил одну распространенную в то время и весьма несовершенную теорию стоимости на другую, еще менее совершенную, которая представляла собой неудачную копию с теории стоимости Рикардо, причем значительно ухудшенную. Своей теорией прибавочной стоимости он внес в политэкономия этические рассуждения, которые не имели никакого отношения к делу; его социологическая работа оказалась выполненной значительно лучше. Он также способствовал слову этико-гуманистического каркаса классической экономической науки, приспособленного для интересов буржуазии; его концепция «классовой борьбы» показала абсолютную необходимость добавления новых концепций к тем, которые были представлены в экономической науке, чтобы ближе подойти к познанию конкретного феномена. Этика Маркса несколько не лучше буржуазной этики, просто она иная. Этого достаточно для того, чтобы встать на путь признания ошибочности и той, и другой.

788. Во многих других случаях, приводить которые пришлось бы слишком долго, также проявлялась необходимость добавления новых подходов с тем, чтобы приблизиться к пониманию конкретного феномена. Среди таких теорий примечательна одна, рассуждения которой построены на неопределенности значения термина «стоимость». Здесь ошибочна не столько цель, сколько средство; этот способ является настолько

опосредованным и направляет на такой окольный, тернистый и обрывистый путь, что следуя по нему невозможно достичь цели. Это похоже на то, как если бы кто-то вздумал начать изучение всей латинской грамматики с союза «et». Все пути ведут в Рим, но этот путь — окольный, крайне извилистый и едва ли практически осуществимый.

Некоторые экономисты, видя, что их наука дает довольно отдаленные от реальности результаты, догадываются о необходимости совершенствовать теорию, но ошибаются при выборе пути к достижению этой цели. Они упорствуют в стремлении извлечь все необходимое для того, чтобы приблизиться к пониманию конкретного феномена только на основе своей науки. Напротив, необходимо прибегать к помощи других наук не в связи с частными деталями, а в связи с существом экономической проблемы. Они пытаются изменять, порой разрушать, вместо того чтобы добавлять. Поэтому они напоминают белку, крутящую колесо, когда до бесконечности твердят о стоимости, капитале, прибыли с капитала и т. д. В сотый раз они повторяют вещи, уже давно ставшие банальными, и отыскивают какой-нибудь новый «принцип», чтобы предложить «лучшую» экономическую теорию. К несчастью, лишь немногие рассматривали как лучшую ту теорию, которая наиболее соответствует фактам. Большая часть их, напротив, стремится понимать под ней ту, которая наилучшим образом согласуется с их чувствами. Но даже в случае немногих поиски также оказывались тщетными, по крайней мере до настоящего времени. Не следует особо торопиться с поиском экономических принципов, до тех пор пока наука не окажется более продвинутой, скорее следует соединять результаты экономической науки с результатами других социальных наук. Многих это не беспокоит, поскольку это долгое и утомительное исследование, требующее обширных знаний фактов. Напротив, писать всякую ерунду о принципах можно, имея лишь немного воображения, бумагу, ручку и чернильницу.

- 789.** Чтобы решать проблемы, подобные поставленным в § 780, помимо экономического феномена необходимо рассматривать социальный феномен в целом, поскольку экономический феномен является всего лишь частью его. Совокупное состояние страны X можно, очевидно, разложить на два: на ее экономическое состояние A и неэкономическое состояние B . Допустим, что от экономического состояния A совершился переход к состоянию A' . Достаточно ли знания об этом переходе для того, чтобы знать о совокупном состоянии X' , которое последует за таким изменением, при условии, что A и B не зависят друг от друга, что можно изменять A , не изменив при этом B , и наоборот. Если, напротив, это недопустимо, то мы не можем согласиться с тем, что для полного знания X' достаточно знать A' : для этого следует также знать и то, чем становится B , т. е. знать

B' , чего нельзя получить, если неизвестен характер взаимосвязи между A и B .

Некоторые экономисты рассуждали не аналитически, но огрубленно конкретно, т. е. так, словно A и B являются независимыми, и верили, что они могут изучать A , не обращая внимания на B . Этого нельзя вменить в вину тем, кто создавал данную науку, потому что необходимо изучать проблемы по порядку и обособленное изучение действия со стороны части A является необходимым подготовительным этапом к изучению совокупного действия A и B . Большая заслуга приверженцев материалистической интерпретации истории состоит в том, что они установили зависимость между A и B , но они ошиблись, когда представили данную зависимость отношением, где A выступает причиной B . Также и здесь: перед тем как искать реальную форму зависимости между A и B , следовало бы узнать, существует ли она. Теперь, когда прогресс знаний позволил яснее представить характер зависимости между A и B , больше не заслуживают снисхождения те экономисты, которые упорно стремятся придать ей форму, не соответствующую действительности. Здесь мы должны изучать совокупный общественный феномен в комплексе, т. е. с учетом взаимозависимости A и B в ее реальной форме, что мы осуществим в следующей главе.

790. Много было сделано в исследованиях экономического феномена. Полученных результатов достаточно для того, чтобы составить представление об этой особой части социального феномена, рассматриваемой обособленно от других. При использовании того, что было получено экономической наукой, следует элиминировать все, что прямо или косвенно обращено к этике. Иначе нельзя, поскольку авторы, не рассмотрев особо данный вопрос, начинают принимать и использовать неопределенные выражения, из которых можно, как мы видели, выводить все, что угодно. Таким образом, мы исключим все, что выступает в виде советов, упреков и наставлений, позволяющих побуждать людей к некоторым практическим действиям, поскольку эти явления не относятся к науке, которую мы должны стремиться отделить от всего этого, если не желаем подвергать себя опасности впасть в грубые ошибки.

791. *Неоднородность общества и циркуляция между его различными частями.* Мы многократно сталкивались с неоднородностью общества и еще остановимся на ней подробно, когда перейдем к изучению условий социального равновесия. Необходимо, следовательно, наметить путь и предварительно рассмотреть обозначенную тему.

Неоднородность общества и циркуляцию между его различными частями можно было бы рассматривать обособленно; но поскольку в реальности соответствующие феномены соединены, целесообразно изучать их совместно, чтобы избежать повторов. Нравится это некоторым

теоретикам или нет, но фактически человеческое общество не является однородным, люди отличаются друг от друга физически, нравственно, интеллектуально. Здесь ставится задача изучать реальные феномены, поэтому следует учитывать данный факт. Однако надо принимать во внимание и другой факт: что социальные классы не являются полностью изолированными даже там, где существуют касты, и что у современных наций цивилизованного мира происходит интенсивная циркуляция между различными классами. Невозможно исследовать всесторонне в полном смысле этого слова различия между крайне многочисленными социальными группами и тем более — все многообразие того, как они соединяются между собой. Следовательно, как всегда, когда нет возможности добиться многого, надо ограничиться немногим и упростить проблему, чтобы сделать ее более доступной для обсуждения. Это будет первый шаг на пути, по которому смогут пойти другие. В данном случае эта проблема анализируется только в связи с социальным равновесием при предельно допустимом уменьшении количества групп и видов циркуляции и совместном рассмотрении тех феноменов, которые проявляются в некоторых отношениях аналогичным образом.

792. *Элиты и их циркуляция.* Начнем с того, что дадим как можно более точное теоретическое определение этого феномена, а затем перейдем к практическим соображениям, которые позволят внести коррективы в это определение первого приближения. Вопрос о том, хороши или плохи, полезны или вредны, достойны или предосудительны различные характеристики людей, пока не рассматривается. Внимание обращается только на степень выраженности различных качеств, т. е. на вопрос о том, слабо, средне или сильно они проявляются, или, если сказать точнее, какой показатель может быть установлен применительно к любому человеку, рассматриваемому в отношении степени проявления в нем такого качества.

Итак, предположим, что в любой сфере человеческой деятельности каждому индивиду присваивается некий индекс, показатель его способностей, наподобие экзаменационных оценок. Например, самому лучшему профессиональному специалисту дается десять баллов; тому, кто не сумел найти ни одного клиента, выставляется один балл, чтобы можно было выставить ноль баллов тому, кто является полным идиотом. Тому, кто сумел заработать миллионы, какими угодно способами, хорошими или плохими, дается десять баллов; кто зарабатывает тысячи лир — шесть баллов; кто едва не умирает от голода — один балл; кто был помещен в дом призрения для нищих — ноль баллов. Политически проявившей себя женщине, которая, как Аспасия при Перикле, Ментенон при Людовике XIV, Помпадур при Людовике XV, сумела вызвать к себе любовь могущественного человека и приняла участие в управлении государственными делами, можно определить какой-нибудь высокий балл,

к примеру, восемь или девять; продажной женщине, которая удовлетворяла только чувственные потребности этих людей и никак не влияла на управление, — ноль баллов. Опытному мошеннику, который обманывал людей и находил способ избежать уголовного преследования, можно выставить восемь, девять или десять баллов с учетом количества обманутых им простаков и суммы выуженных у них денег. Бедняге, который уташил из трактира столовый прибор и к тому же был сразу пойман карабинерами, мы выставим один балл. Такому поэту, как Кардуччи, мы поставим восемь или десять баллов, в зависимости от вкусов; а неумелым рифмоплетам, от которых публика начинает разбегаться, только услышав пение их сонетов, — ноль баллов. Для шахматистов можно разработать более четкие показатели, связав их с тем, сколько партий и какие именно партии они выиграли, и так далее в отношении всех сфер человеческой деятельности.

Отметим, что здесь речь идет о фактическом, а не потенциальном состоянии. Если на экзамене по английскому языку экзаменуемый скажет: «Если бы я захотел, то я мог бы прекрасно знать английский язык, но я его не знаю, поскольку не было желания его учить», то экзаменатор ответит: «Почему он не знает английского языка, это для меня не имеет абсолютно никакого значения; он его не знает, и я ставлю ему ноль». Также и тому, кто скажет: «Этот человек не ворует, и не потому, что он не смог бы делать этого, а потому, что он человек честный и порядочный», мы ответим: «Прекрасно, за это мы его похвалим, но как вору мы ему поставим ноль».

Есть люди, почитающие Наполеона I как бога, и есть ненавидящие его как последнего злодея. Кто прав? Мы не собираемся решать этот вопрос, поскольку исходим из совершенно иных оснований. Каким бы человеком Наполеон I ни был, хорошим или плохим, он, несомненно, не был глупым человеком и не являлся малозначительной личностью, какими оказываются миллионы людей. Он обладал исключительными качествами, и этого достаточно для того, чтобы установить для него высокий балл безо всякого стремления предварительно давать оценку его качествам в этическом плане или оценивать их социальную полезность.

В данном случае надо обратиться, как обычно, к научному анализу, при котором выделяются объекты, исследуемые последовательно, один за другим. При этом всю последовательность данных с непрерывными вариациями значений потребуются заменить на крупные классы, так же как выделяют выдержавших и проваливших экзамен или как разделяют по возрасту детей, молодых, стариков.

Введем класс, в который будут входить те, кто имеют наиболее высокие показатели в своей области деятельности. Назовем его «элитой». При этом подразумевается, что нет четких границ, отделяющих его от остальной части населения, как не могут быть четкими границы, отделяющие

годы юности от зрелых лет. Вопрос о полезности такого подхода здесь не ставится.

793. В целях осуществления исследования социального равновесия, которое будет проведено в следующей главе, выделенный класс следует еще раз разделить на две части, т. е. на тех, кто прямо или косвенно играют важную роль в политическом управлении и составляют класс правящей элиты. И на остальных, которые относятся к другой части класса, не являющейся правящей элитой.

Например, знаменитый гроссмейстер явно входит в элиту, но не менее очевидно, что его заслуги как шахматиста не открывают ему путь к участию в государственном управлении. Следовательно, если это не следует из наличия у него иных качеств, то он не принадлежит к классу правящей элиты. Любовницы абсолютных монархов часто входят в элиту по причинам красоты своих форм или благодаря своим интеллектуальным способностям, но только некоторые среди них — те, которые наряду с этим обладали особым талантом в политике, принимали участие в политическом управлении.

Следовательно, мы имеем две страты, два слоя населения:

- 1) низшая страта, т. е. класс, не являющийся элитой (здесь его возможное влияние на управление не рассматривается);
- 2) высшая страта, класс избранных, т. е. элита, состоящая в свою очередь, из двух частей: правящей элиты и неправящей.

794. В действительности не существует таких экзаменов, которые определяли бы любому индивиду его место в этих классах. Люди довольствуются применением иных методов. Они используют этикетки, или ярлыки, с помощью которых им более или менее удается осуществить эту цель. Подобные этикетки существуют также и там, где есть экзамены. Например, этикетка «адвокат» обозначает человека, который должен знать юриспруденцию и часто ее действительно знает, но иной раз среди них встречаются и не сведущие в праве. Аналогичным образом в правящей элите имеются свои ярлыки, сообщающие о занятии человеком далеко не низких политических позиций — к примеру, министры, сенаторы, депутаты, начальники департаментов министерств, председатели апелляционных судов, генералы, полковники и т. д. К сожалению, и здесь имеются исключения, т. е. те, кто сумели занять эти должности при отсутствии качеств, отвечающих полученному ярлыку.

Таких исключений в этой среде намного больше, чем среди адвокатов, врачей, инженеров и вообще тех, кто добились богатства благодаря профессиональному мастерству или проявили себя в музыке, литературе и т. п. Помимо прочего, во всех упомянутых выше областях человеческой деятельности отличительный ярлык добывает себе сам претендент

непосредственно, в то время как в элите часть ярлыков наследуется. Это относится, например, к ярлыкам, сообщающим о наличии богатства. В былые времена среди части правящей элиты они нередко передавались по наследству, да и сейчас остались наследственные ярлыки суверенов (монархов). Но если их наследственная передача исчезла в прямой форме, то она в значительной мере сохранилась в опосредованных формах. Наследник крупного состояния в некоторых странах легко назначается сенатором и может обеспечить себе избрание в депутаты, заплатив для этого избирателям и манипулируя их действиями. Если необходимо, то для этого он представит себя засучившим рукава демократом, социалистом или анархистом. Богатства, родство и личные связи помогают также во многих иных случаях; все это позволяет получить ярлык, свидетельствующий о принадлежности к элите вообще и к классу правящей элиты, в частности, и тому, кто не должен был бы его иметь.

- 795.** Там, где социальной единицей является семья, принадлежащий главе семьи ярлык распространяется и на ее членов. Кто в древнем Риме становился императором, тот, как правило, вводил своих вольноотпущенников в высший класс, а нередко и в правящую элиту. Впрочем, некоторые или даже многие из приобщенных к участию в политическом управлении вольноотпущенников обладали качествами, хорошими или плохими, благодаря которым они вполне оправдывали свой, полученный от милостей цезаря ярлык. В наших обществах социальной единицей является индивид, но места, которые индивиды занимают в обществе, приносят пользу также для их жен, детей, родственников, друзей.
- 796.** Если бы все девиации от выделенного типа были малозначительными, ими можно было бы пренебречь, как на практике ими пренебрегают в случаях, когда для исполнения должностных функций предписывается наличие диплома. Известно, что некоторые лица, у которых есть диплом, обладают им незаслуженно, но в конце концов опыт показывает, что в совокупности это обстоятельство можно не учитывать. Еще можно было бы, по крайней мере в некоторых отношениях, пренебречь девиациями там, где все остается почти неизменным, т. е. если почти не меняется или вовсе не меняется пропорция между классом в целом и людьми, обладающими ярлыком, сообщающим о принадлежности к нему, но не имеющими соответствующих качеств. Напротив, реальные случаи в наших обществах отличаются от этих двух крайностей. Девиации слишком распространены, что не позволяет ими пренебречь; их численность меняется, и отсюда происходит появление феноменов, которые имеют большое значение для социального равновесия и которые, следовательно, требуют отдельного изучения. Этому феномену для

частного случая, когда рассматриваются только две группы — класс избранных (элита) и класс остальных (не элита), можно дать название «циркуляция элит».

797. В заключение следует, во-первых, посмотреть, какова для одной и той же группы пропорция между ее общей численностью и количеством тех, кто принадлежат к ней номинально; во-вторых, определить для нескольких различных групп, как осуществляется переход из одной группы в другую, какова интенсивность этого движения, т. е. скорость циркуляции.
798. Скорость циркуляции следует рассматривать не только в абсолютном выражении, но и относительно спроса и предложения определенных элементов. Например, страна, которая все время пребывает в состоянии мира, нуждается в малом числе военных в составе правящего класса, и их производство может оказаться превышающим необходимое. Но когда страна находится в состоянии длительной войны, требуется много военных, и если их производство останется на прежнем уровне, что и раньше, то оно может оказаться недостаточным по сравнению с потребностями. Попутно отметим, что такая недостаточность явилась одной из причин разрушения многих аристократий.
799. Не следует смешивать друг с другом состояние *de jure* и состояние *de facto*. Для социального равновесия важным оказывается только последнее состояние, или почти только оно одно. Имеется множество примеров тех каст, которые официально считаются закрытыми, но внутри которых фактически происходят инфильтрации, часто довольно сильные. В то же время, что толку оттого, что каста официально открыта, если отсутствуют фактические условия, которые позволили бы войти в нее? Если любой, кто оказался богатым, входит в правящий класс, но никто не в состоянии разбогатеть, то это та же ситуация, как если бы закон вводил сильные препятствия к вхождению в него. Феномен такого рода отмечен в конце существования Римской империи: кто становился богатым, тот входил в сословие куриалов, но очень немногие становились богатыми.
- Теоретически можно рассматривать любое количество групп, но на практике в силу необходимости приходится ограничиваться самыми важными из них. Можно продвинуться вперед через последовательные аппроксимации, переходя от простого к сложному.

800. *Высший класс и низший класс вообще.* Самое малое, что можно сделать — это выделить в обществе две страты: высшую, к которой обычно принадлежат правящие, и низшую, к которой относятся управляемые. Этот факт

настолько очевиден, что во все времена бросается в глаза даже малоопытному наблюдателю, так же как и факт циркуляции индивидов между двумя стратами. Уже Платон знал о ее существовании и хотел искусственно-го осуществления ее регуляции. Многие рассуждали о «новых людях», о «парвеню», им было посвящено немало литературных изысканий. Теперь придадим более строгую форму тому, что ранее рассмотрели бегло. Уже указывалось (см. § 647 и далее) на отличия в распределении остатков по разным социальным группам, прежде всего в высшем и в низшем классе. Такая социальная неоднородность — это факт, к признанию которого ведет любое в минимальной степени внимательное наблюдение.

801. Изменения в остатках класса I и класса II, которые совершаются в социальных стратах, необычайно важны в детерминации равновесия. Обыденное наблюдение позволяет заметить проявление их в особой форме, т. е. в виде смены в высшей страте тех чувств, которые называют религиозными. Было отмечено, что в одни времена эти чувства ослаблялись, в другие — усиливались, и эти волны соответствовали значительным социальным изменениям. Можно описать этот феномен в более четкой форме, сказав, что в высшей страте остатки класса II понемногу ослабевают до тех пор, пока через какое-то время не начинается их нарастание. Это наступает приток выходцев из низшей страты.

802. К концу Римской республики высшие классы отличались достаточно слабыми религиозными чувствами. Они значительно усилились после вхождения в высшие классы людей из низших классов: чужеземцев, вольноотпущенников и иных людей из числа тех, кого Римская империя вбирала в себя. Новый сильный прирост этих чувств имел место во времена поздней империи, когда управление перешло к бюрократии, пришедшей из низших классов и военного плебса. То было время, когда превалирование остатков класса II проявилось вместе с упадком литературы, искусства, наук и с нашествием восточных религий, прежде всего христианства.

803. Протестантская реформация XVI в., Английская революция времен Кромвеля и Французская революция 1789 г. — это те большие религиозные разливы, которые, рождаясь в низших классах, затопляли скептицизм, преобладавший в высших классах. Соединенные Штаты Америки наших дней, где очень интенсивно движение, поднимающее вверх индивидов из низших классов, дают нам пример народа, в среде которого очень сильны остатки класса II. В нем в изобилии рождаются странные религии, идущие вразрез со всяким научным чувством, что характерно для «христианской науки»; выдвигаются лицемерные законы, чтобы

предписать моральные нормы, подобные распространенным в средневековой Европе.

- 804.** В высшей страте общества, в его элите номинально присутствуют агрегаты, которые порой не определены четко и именуются аристократиями. В определенных случаях наибольшее количество принадлежащих к таким аристократиям лиц действительно обладают качествами, позволяющими пребывать в них; в других случаях — напротив, имеется значительное число лиц, не обладающих такими качествами. Они могут быть более или менее заметно представлены в правящей элите, или могут исключаться из ее рядов.
- 805.** Вначале военные, религиозные, торговые аристократии и плутократии, кроме редких исключений, которые здесь не принимаются во внимание, должны были, безусловно, составлять часть элиты, а порой составляли всю ее целиком. Увенчанный победами военный, преуспевший торговец, обогатившийся плутократа, несомненно, стали, каждый на свой манер, выше простых людей. Итак, их ярлык соответствовал реальным качествам, но впоследствии со временем появлялся разрыв, довольно существенный, а иной раз и очень значительный. Между тем некоторые аристократии, вначале представлявшие собой большую часть правящей элиты, в конце концов стали составлять только небольшой ее элемент, это особенно касалось военной элиты.
- 806.** Аристократии не сохраняются. Какими бы ни были причины, неоспоримо, что спустя некоторое время они исчезают. История — это кладбище аристократий. Афиняне являлись аристократией по отношению к остальной части населения — к метекам и рабам, но они исчезли, не оставив потомства. Исчезли различные аристократии древнего Рима. Исчезли аристократии варваров. Где теперь во Франции имеются потомки завоевателей франков? Генеалогии английских лордов очень точные: крайне малое число семей уходит корнями к сподвижникам Вильгельма Завоевателя. В Германии нынешняя аристократия в основном произошла от вассалов древних сеньоров. Население европейских стран необычайно приросло за несколько последних столетий. Ясно, что аристократии не приросли в той же пропорции.
- 807.** Некоторые аристократии движутся к упадку не только по численности, но и в качественном отношении. Ослабевает их энергия; меняются пропорции между теми остатками, которые помогли им прийти к власти и позволили сохранять ее. Об этом более детально будет сказано позже (в § 917 и далее). Правящий класс восстанавливается не только в отношении численности, но и, что более важно, в отношении качества за счет

семей из низших классов, которые вносят в него энергию и те пропорции остатков, которые ему необходимы, чтобы сохранять власть. Этот класс восстанавливается также благодаря выходу из него наиболее деградировавших членов.

- 808.** Где одно из этих движений прекращается или, еще хуже, где прекращаются оба этих движения, там правящая часть устремляется к своей гибели, которая нередко влечет за собой гибель всей нации. Мощная причина нарушения равновесия — это аккумуляция лучших элементов в низших классах и, наоборот, худших элементов в высших классах. Если бы аристократии в человеческом обществе, подобно хорошо отобранному путем селекции породам животных, долгое время могли воспроизводиться примерно с теми же качествами, история рода человеческого была бы совершенно иной.
- 809.** В результате циркуляции элит класс правящей элиты находится в состоянии непрерывной и медленной трансформации. Он переменчив, как река, и сегодня не тот, каким был вчера. Время от времени наблюдаются внезапные и сильные нарушения, подобные разливам рек, затем новая правящая элита переходит в состояние медленных изменений; вернувшись в свои берега река вновь плавно несет воды.
- 810.** Революции происходят оттого, что из-за замедления циркуляции элит или по другой причине в высших классах накапливаются элементы плохого качества. Такие элементы больше не содержат остатков, пригодных для того, чтобы сохранить власть, они избегают применения силы, между тем как в низших стратах увеличивается численность элементов с более высокими качествами, обладающих нужными для осуществления управления остатками, и эти элементы готовы прибегнуть к силе.
- 811.** В ходе революций индивиды из низших страт обычно оказываются под началом некоторых индивидов из высших страт, поскольку у них есть интеллектуальные качества, полезные для того, чтобы подготовиться к битве. Но в то же время в высших стратах имеется дефицит остатков, которые как раз и привносят индивиды из низших страт.
- 812.** Насильственные изменения совершаются рывками, и поэтому результат не следует здесь непосредственно за причиной. Если правящий класс или господствующая нация в течение долгого времени сохраняли господство благодаря силе и сумели обогатиться, то они могут его поддерживать в течение некоторого времени и без применения силы. Они могут оплачивать золотом мир со своими противниками, жертвуя честью и достоинством ради достижения тех полезных целей, которые составляют, однако,

определенный капитал. Поначалу власть удерживается благодаря уступкам, и появляется ошибочное представление, что это может длиться до бесконечности. Так Римская империя времен упадка покупала у варваров мир за счет денег и утраты чести. Так во Франции Людовик XVI, растратив за короткий срок дедовское наследие любви, уважения и почти религиозного благоговения перед монархией, постоянно уступая, стал королем революции. Так английская аристократия во второй половине XIX в. продлевала свое господство вплоть до наступления своего упадка, отмеченного появлением в начале XX столетия Билля о парламенте <от 19 августа 1911 г.>.

ОБЩАЯ ФОРМА ОБЩЕСТВА

- 813.** *Элементы.* Можно выделить следующие группы <элементов>. Во-первых, земля, климат, флора, фауна, географическое положение, наличие минералов и т. д. Во-вторых, воздействия на данное общество других обществ, либо внешних по отношению к нему в пространстве, либо предшествующих ему во времени. В-третьих, внутренние элементы: раса, остатки (или выраженные в них чувства), влечения, интересы, установки на осмысление и наблюдение, состояние знаний и т. д.
- 814.** Большинство элементов взаимосвязаны. Кроме того, в число элементов общества надо включить силы, направленные на противодействие распаду общества, обеспечивающие ему сохранение. Именно поэтому, когда один элемент выступает в некоторой форме, детерминированной другими элементами, он, в свою очередь, оказывает ответное действие на эти элементы, которые следует также рассматривать как находящиеся с ним в отношении взаимозависимости. Нечто подобное наблюдается в отношении организмов живых существ. Так, форма органов определяет образ жизни, который, со своей стороны, также воздействует на органы (см. § 841).
- 815.** Чтобы полностью определить социальную форму, следовало бы поначалу выявить все эти многообразные элементы, а затем узнать, каково их воздействие в количественном отношении; иными словами, установить индексы для этих элементов и их воздействий, а затем определить связи между ними. И наконец, следовало бы выявить все детерминирующие форму общества условия и выразить их численно в уравнениях. Количество таких уравнений должно быть равным количеству неизвестных, и эти неизвестные должны быть исчерпывающе детерминированными в этих уравнениях.

Но осталась бы практическая трудность решения этих уравнений. Она настолько велика, что ее вполне можно назвать непреодолимой, если иметь намерение рассматривать проблему во всей ее полноте. В своем «Учебнике политической экономии» (см. гл. 3 § 217–218 Учебника) я уже отмечал эту трудность при исследовании экономических явлений, которые составляют лишь малую часть социальных явлений. Итак, в аспекте полного и общего решения относительно положения равновесия или иной проблемы аналогичного характера знание таких уравнений ничем бы не помогло. Оно, напротив, было бы очень полезно при решении

частных проблем, как это было доказано в случае чистой экономической теории. Даже несовершенное знание этих уравнений позволило бы нам иметь хотя бы некоторое представление о решениях следующих проблем. Во-первых, позволило бы узнать определенные свойства социальной системы, как это удалось при рассмотрении экономической системы. Во-вторых, узнать вариации определенных элементов, максимально приближенных к той реальной точке, для которой уравнения более или менее известны. Это, по сути, и есть те проблемы, которые мы собираемся решать в этой главе. Точного знания таких уравнений у нас нет, и мы используем то знание, которым располагаем, — знание о природе этих уравнений и установленных в них взаимоотношениях элементов социальной системы.

- 816.** Полное исследование социальных форм потребовало бы рассмотрения хотя бы наиболее существенных элементов, которые детерминируют их, пренебрегая элементами, воздействие которых можно считать второстепенным. Но такое исследование в настоящее время провести невозможно; к счастью, немалое число элементов воздействует на склонности и чувства людей и, следовательно, их можно учесть косвенно, рассмотрев остатки.
- 817.** Воздействия элементов из первой группы, упоминаемых в § 813, т. е. земли, климата и т. д., безусловно, являются очень важными, но исследования, проводившиеся в данном направлении, пока не привели к плодотворным результатам. Здесь мы не станем непосредственно заниматься изучением этих влияний; учтем их опосредованно, приняв как данность остатки, склонности и интересы людей, зависящие от воздействия этих факторов.
- 818.** Ограничим наше рассмотрение народами Европы и средиземноморского региона и оставим в стороне еще не решенные проблемы, относящиеся к расам. При этом необходимо учитывать влияния иных народов на каждый из рассматриваемых народов, поскольку жители данного региона от них не изолированы. Но военная, политическая, интеллектуальная, экономическая и иная сила, посредством которой эти влияния осуществлялись, зависит от таких элементов, как чувства, интересы, знания; следовательно, причины и силу таких влияний можно, хотя бы отчасти, вывести из этих элементов.
- 819.** Каким бы большим или малым ни было число рассматриваемых элементов, мы предполагаем, что они образуют некую систему, которую назовем «социальной системой» и станем изучать ее структуру и свойства. Эта система со временем меняет форму и характер; следовательно, если мы

говорим «социальная система», то подразумеваем, что ее надо рассматривать как в определенный момент ее существования, так в перспективе последующих трансформаций, которым она подвергнется за определенный промежуток времени. Так, когда кто-то упоминает Солнечную систему, то он имеет в виду, что эта система рассматривается как в некоторый определенный момент, так и в последующие моменты, охватывающие более или менее значительный интервал времени.

820. *Состояние равновесия.* Во-первых, если стремиться рассуждать достаточно строго, то следует установить то состояние социальной системы, при котором она будет рассматриваться, поскольку форма всегда изменчива. Реальное состояние системы, статическое или динамическое, детерминировано ее условиями. Допустим, что ее форма была искусственно изменена (см. § 52); тут же последует ответная реакция, направленная на приведение измененной формы в начальное состояние или, лучше сказать, в то состояние, с которого начиналось реальное изменение. Если бы этого не происходило, то данная форма и ее изменения не были бы детерминированы, оказывались бы игрой случая.

821. Можно воспользоваться этим обстоятельством, чтобы определить то состояние, которое мы хотим рассмотреть. Для начала обозначим его буквой X . Это состояние таково, говорим мы, что если бы в него было искусственно внесено некоторое изменение, отличающееся от того, какому <социальная форма> подверглась в действительности, то тогда сразу же последовала бы ответная реакция, направленная на возвращение к ее реально зафиксированному состоянию. Благодаря этому состояние X строго определено.

822. Оно всякий раз изменяется, и потому нельзя рассмотреть его во всех мельчайших подробностях, да такая цель в данном случае не ставится. Например, чтобы учесть элемент плодородия некоторого поля, не надо каждую минуту, каждый час, каждый день или даже каждый месяц наблюдать за тем, как растут посеянные на этом поле семена; достаточно обратить внимание только на тот годовой продукт, который соберут с этого поля. Чтобы учесть элемент патриотизма, не надо проследивать жизнь каждого отдельного солдата, все его движения с того дня, как он был призван в армию, и до той минуты, когда он был убит; достаточно отметить совокупный факт гибели определенного числа людей. Равным образом можно пренебречь тем обстоятельством, что стрелка часов движется скачками, и просто измерять по ней время, словно она перемещается равномерно. Итак, рассмотрим последовательность сменяющихся друг друга состояний X_1, X_2, X_3 , которые достигаются по завершении некоторых интервалов времени. На границе этих интервалов происходит

приход <системы> к тем состояниям, которые мы отобрали для наблюдения, в этом состоянии каждый из элементов завершил свое действие.

Возьмем просто пример из чистой экономической теории. Допустим, что некий индивид в единицу времени, например каждый день, меняет хлеб на вино. Вначале количество вина у него равно нулю. Он осуществляет обмен, пока у него не окажется некоторое количество вина (см. рис. 22). Ot — ось времени; $ab = bc = cd = de \dots$ — единичные интервалы времени; Oq — ось, выражающая количество вина.

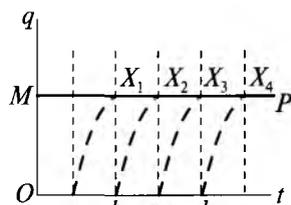

Рис. 22

В начале первого единичного интервала времени у индивида нет вина, и он находится в точке a . В конце первого интервала времени у него имеется количество вина bX_1 , и он оказывается в точке X_1 . Каждый день повторяется та же операция и на исходе каждого дня, или каждого единичного интервала времени, этот индивид оказывается в точках X_1, X_2, X_3 . Все эти точки располагаются на линии MP , которая проходит параллельно линии Ot на расстоянии, равном тому количеству вина, которое индивид получает при бартерном обмене. Линия MP именуется линией равновесия, и в целом ее расположение определяется уравнениями чистой экономической теории. Она может быть не параллельна оси Ot , поскольку не обязательно каждый день эта операция будет осуществляться идентичным образом. Линия MP может оказаться, например, такой, как на рис. 23. Здесь $ab = bc = cd \dots$ — по-прежнему единичные интервалы времени, но в начале этих интервалов индивид находится в точках a, s, r, d, u , а в конце их — в точках X_1, X_2, X_3, X_4, X_5 . Эта линия MX_1, X_2, X_3, X_4, X_5 по-прежнему именуется линией равновесия.

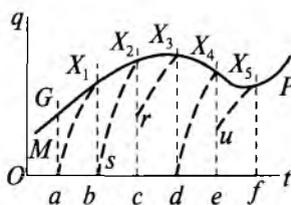

Рис. 23

Когда говорят, что чистая экономическая теория предлагает теорию экономического равновесия, это означает, что она показывает, как из положений a, s, r, d, u были достигнуты конечные положения X_1, X_2, X_3, X_4, X_5 , и ничего более.

Теперь рассмотрим обобщенный случай. На приведенном рис. 23 ab, bc, cd больше не равны друг другу, но представляют разные интервалы времени, взятые нами для изучения феномена в конце каждого такого интервала, когда рассматриваемый элемент уже завершил свое действие. Точки a, s, r, d, u и представляют собой состояния индивида в начале этого действия; X_1, X_2, X_3 — состояния индивида, когда оно совершилось. Линия MX_1, X_2, X_3, X_4, X_5 именуется линией состояния X (см. § 829).

823. Это определение идентично тому, которое было дано в § 821, хотя отличается по форме. В самом деле, если изначально исходить из данного

сейчас определения состояния X_1 , то очевидно, что после завершения действия любого элемента общество не может само принять форму, отличающуюся от формы X_1 . А если эта форма будет искусственно изменена, то общество сразу станет стремиться возвратиться в прежнее состояние. В противном случае его форма не определялась бы только его элементами, как предполагалось вначале.

В итоге, если общество достигло некоторой точки X_1 (см. рис. 24), двигаясь по линии aX_1 так, что в точке X_1 завершилось действие элементов, которое является предметом рассмотрения, и если общество затем искусственно будет смещено в сторону от точки X_1 , то такое возможно, во-первых, перемещением в такие точки, как l или n , которые лежат вне линии

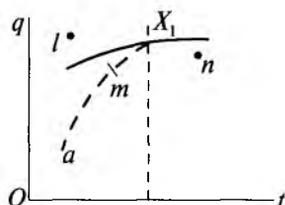

Рис. 24

aX_1 ; во-вторых, перемещением в точку m на линии aX_1 . В первом случае общество должно проявить тенденцию к возвращению в X_1 ; если бы это было не так, то его состояние не было бы полностью детерминировано рассматриваемыми элементами, как мы предположили. Во втором случае гипотеза противоречила бы принятому допущению о том, что действие элементов уже завершено; поскольку только в точке X_1 действие завершено, тогда как в точке m оно не завершено. В этой точке рассматриваемые элементы еще действуют и перемещают общество из m в X_1 . Далее, исходя из данного в § 821 определения понятно, что если, напротив, общество искусственно будет сдвинуто из состояния X_1 , то оно будет стремиться возвратиться в это состояние. Это означает, что, как и в первом из приведенных случаев, общество было смещено в точки l, n , в которых его состояние не детерминировалось рассматриваемыми элементами, или в точку m , где действие этих элементов еще не завершилось. Если бы вместо того, чтобы последовательно достигать точек X_1, X_2, X_3 , система непрерывно перемещалась бы по линии X_1, X_2, X_3 , то ничего не потребовалось бы менять в данных ранее определениях. Следует только сказать о том, что если бы эта система искусственно сместилась в сторону от линии X_1, X_2 , то она бы тотчас проявила тенденцию к возврату на нее. И если элементы завершают свое действие, когда обеспечивают следование по такой линии, то это самое действие не будет завершено до тех пор, пока система не выйдет на рассматриваемую линию.

824. Таким образом, в нашем распоряжении имеется четкое и строгое определение, именно такое, о каком шла речь в § 50, где говорилось о намерении обозначить состояние, которое будет рассматриваться. Чтобы лучше представить его, воспользуемся аналогиями, как используют сферу, когда стремятся дать представление о форме Земли. Начнем с аналогии, относящейся к конкретному феномену. Пусть состояние X на начало исследования

подобно состоянию реки, тогда состояния X_1 , X_2 подобны состояниям этой же реки, например, через день. Река не стабильна, она течет, и потому любое изменение, связанное с ее формой и характером ее течения, приводит к ответной реакции, направленной на восстановление начального состояния.

825. Перейдем теперь к абстрактной аналогии, которая уже отмечалась в § 50. Рассматриваемое нами состояние X аналогично состоянию динамического равновесия в физической системе. Состояния X_1 , X_2 аналогичны последовательно наступающим положениям равновесия такой системы. Можно также представить, что состояние X аналогично состоянию равновесия в живом организме.
826. Поищем аналогии в области, более близкой к интересующей нас социальной сфере. Состояния X_1 , X_2 , X_3 аналогичны тем, которые чистая экономическая теория рассматривает в экономической системе; аналогия здесь настолько близкая, что состояния этой системы могут рассматриваться как частные случаи общих состояний социальной системы.
827. Отметим еще одну аналогию, которую нельзя упустить, если стремиться постичь исследуемый предмет. Состояние X аналогично тому, которое в кинетической теории газов именуется *статистическим* равновесием. Чтобы это понять, рассмотрим частный случай: например, потребление сигар определенного качества в некоторой стране. Допустим, что состояния X_1 , X_2 , X_3 представляют собой годовое потребление этих сигар. Предположим для начала, что все эти количества почти одинаковые; скажем, что потребление сигар не изменяется. При этом вовсе не утверждается, что потребление каждого отдельно взятого индивида неизменно; напротив, хорошо известно, что оно меняется очень сильно, но все изменения почти полностью взаимно компенсируются, поэтому результирующая изменений равна нулю. Разумеется, не исключен случай, когда многие из этих отклонений <от среднего потребления> окажутся одинаково направленными, и тогда результирующая не будет близка нулю, но такой случай имеет настолько малую вероятность, что нет необходимости его рассматривать. Именно это имеется в виду, когда утверждается, что потребление неизменно. Но если, напротив, вероятность отклонений не будет ничтожно малой, то надо будет наблюдать колебания около постоянной величины потребления, которые будут подчинены вероятностному закону. Теперь, если предположить, что X_1 , X_2 , X_3 будут выражать возрастание потребления, то надо повторить весь ход рассуждения. Так, общий рост потребления вовсе не означает, что увеличится потребление каждого индивида; напротив, хорошо известно, что индивидуальные потребления сильно расходятся, но мы рассуждаем о статистическом

равновесии, при котором отдельные вариации взаимокompенсируются, и в итоге получается рост совокупного потребления. Этот результат может иметь настолько высокую вероятность, что не будет отмечаться колебаний, связанных с вероятностными процессами, иными словами, их вероятность не настолько велика, чтобы они происходили. Наконец, в ходе подготовки к изучению таких частных случаев будет легче понять общий смысл состояний X_1 , X_2 , X_3 , когда потребление будет меняться каким-нибудь иным образом.

- 828.** Распространив на всю социальную систему рассуждения, сделанные применительно к системе, охватывающей потребителей некоторого количества сигар, мы получим ясное представление о той аналогии, которая имелась в виду для состояний X_1 , X_2 , X_3 ...
- 829.** Мы могли бы и далее обозначать буквами X , X_1 , X_2 те социальные состояния, которые собираемся рассматривать (см. § 48); но быть может, читатель предпочтет иметь вместо этих обозначений определенное наименование. Придерживаясь аналогии с механикой, назовем состояния X , X_1 , X_2 «состояниями равновесия»; но будем помнить, что смысл этого термина должен быть взят только из определений, данных в § 821 и 822, принимая во внимание и все то, что отмечалось в § 827.
- 830.** Итак, мы упростили нашу задачу, ограничив рассмотрение определенным количеством последовательных состояний вместо бесчисленных и незаметных изменений, которые приводят к ним. Надо также попытаться упростить рассмотрение взаимозависимостей и элементов.
- 831.** *Устройство социальной системы.* Экономическая система может быть представлена как образованная из неких молекул, движимых вкусами и наталкивающихся на ограничения из-за препятствий, возникающих на пути к достижению экономических благ. Социальная система намного сложнее; даже упрощая ее, насколько это возможно, чтобы не впасть в грубые ошибки, надо ее рассматривать хотя бы как соединения некоторых молекул <индивидов>, которые являются носителями остатков, дериваций, интересов, склонностей и т. д. и которые под влиянием многочисленных связей совершают логические и нелогические действия. В экономической системе нелогическая часть полностью переносится в область вкусов и не принимается во внимание, поскольку предполагается, что вкусы заданы. Можно поставить вопрос о том, нельзя ли сделать это также в случае социальной системы: принять остатки как фактически данные, отбросить благодаря этому нелогическую часть и изучать логические действия, которые берут свое начало от таких остатков. Так получилась бы наука, похожая на чистую экономическую теорию, а также

на прикладную экономику. Но, к сожалению, сходство кончается, когда речь заходит о соответствии действительности. От реальности не очень далеко отстоит гипотеза о том, что люди ради удовлетворения своих вкусов и желаний совершают экономические действия, которые в порядке усреднения могут рассматриваться в качестве логических. Таким образом, следствия из такой гипотезы раскрывают общие формы исследуемого феномена, они редко и незначительно не соответствуют реальности, за исключением отдельных случаев, среди которых наиболее важен случай накоплений. Напротив, значительно расходится с реальностью гипотеза о том, что люди получают логические выводы из остатков и затем поступают согласно этим выводам; в поведении, основанном на остатках, они намного чаще обращаются к деривациям, чем к строго логическим рассуждениям. Итак, кто пожелал бы предсказывать такое поведение людей на основе такого рода логических доводов, тот совсем далеко отошел бы от реальности. Остатки — это не только источник действий, подобно вкусам; помимо этого они оказывают влияние на все поведение с самого начала; этот факт становится очевидным в связи с заменой логических рассуждений деривациями. Наука, которая исходила бы из гипотезы, что из наличных остатков выводятся логические следствия, представила бы лишь некую общую форму <социального> феномена, имеющую минимальный или вовсе никакого отношения к реальности. Тогда эта наука была бы чем-то похожим на неевклидову геометрию или геометрию четырехмерного пространства. Чтобы не уйти от реальности, надо обратиться к опыту и на его основе выявить не только основные остатки, но и различные способы, посредством которых эти остатки детерминируют поведение людей.

832. Обратимся к молекулам социальной системы, т. е. к индивидам, у которых есть некоторые чувства, проявляющиеся в остатках, для краткости будем обозначать их просто остатками. Можно сказать, что в индивидах всегда есть смеси из разных групп остатков, аналогичные встречающимся в природе смесям химических соединений; при этом группы остатков аналогичны химическим соединениям. В предыдущей главе уже рассматривался характер таких смесей и групп и было отмечено, что некоторые из них почти независимые, другие зависимые, отчего приращение одной из них компенсируется убылью других и наоборот. Далее будут представлены новые виды зависимости (см. § 840). Эти смеси и эти группы, будь то зависимые или независимые, следует теперь отнести к числу элементов социального равновесия.

833. Остатки проявляют себя в деривациях, которые оказываются индикаторами воздействующих на социальные молекулы сил. Мы разделили их на две категории (см. § 633, 679): на деривации в собственном смысле

и на манифестации, которые их актуализируют. Здесь они рассматриваются совместно, чтобы составить обобщенное представление.

- 834.** Вопреки распространенному мнению о том, что деривациям и особенно деривациям в собственном смысле, т. е. теориям, принадлежит ведущая роль в образовании социальной формы, мы в ходе длительных исследований установили, что деривации сами по себе почти не влияют на нее, и внешне это незаметно, поскольку они — только проявления выражаемых в них остатков. Чтобы обрести заметную эффективность, сами деривации должны быть трансформированы в чувства (см. § 656), что не так легко сделать.
- 835.** В отношении дериваций главным является тот факт, что они не строго соответствуют остаткам, от которых получили свое начало (см. § 667 и далее, § 674 и далее). Из этого факта вытекают основные трудности, с которыми мы встречаемся при построении социальной науки, поскольку нам известны только деривации и порой нет ясности в том, как от них перейти к остаткам, из которых они возникли. Таких трудностей не возникло бы, если бы деривации обладали качествами, которые имеют логико-экспериментальные теории (см. § 667 и 674). Добавим, что в деривациях обращение ко многим принципам происходит не эксплицитно, а имплицитно. Именно поэтому они отличаются нечеткостью (см. § 770). Неопределенность выше у дериваций в собственном смысле, чем у манифестаций, но все же она присутствует и здесь. Чтобы в какой-то мере возместить этот изъян, следует собирать большое количество дериваций, принадлежащих к одной общей тематике, отыскивать в них неизменную составляющую и отделять ее от меняющихся частей.
- 836.** Даже тогда, когда имеется хотя бы приблизительное соответствие между деривацией и остатком, деривация обычно отходит от соответствия выраженным таким остатком чувств и от реальности (см. § 670). Деривация означает тот предел, которого достигает остаток, очень часто она содержит воображаемую компоненту, которая указывает на цель, очень далекую от той, какая была бы в случае, если бы деривация строго выражала остаток (см. § 706). Если воображаемая компонента затем нарастает и развивается, то появляются мифы, религии, этические, теологические, метафизические, социальные теории. Это случается особенно в тех случаях, когда соответствующие деривациям чувства интенсивны, и с тем большей легкостью, чем эта интенсивность выше.
- 837.** Поэтому, если на место вещи поставить ее проявление, то можно сказать, что люди побуждаются к энергичному действию такими деривациями. Если, однако, такое суждение будет понято дословно, то его смысл

окажется далеким от истины, поэтому его следует заменить другим: люди побуждаются к энергичному действию благодаря чувствам, выраженным в таких деривациях (см. § 705). Во многих случаях безразлично, какое суждение используется, первое или второе. Таковы, прежде всего, случаи, когда отмечается соответствие между поведением и этими деривациями: если существует соответствие между поведением и этим содержанием, которое проявляется в деривациях, то оно имеется также между самими поведенческими актами и деривациями и наоборот. В других случаях использование первого суждения вместо второго может вызвать грубые ошибки, особенно если люди, желая изменить поведение, верят, что они добьются этого за счет изменения дериваций. Смена обозначения совершенно не меняет то, чему соответствует поведение; тем более она не изменит характера этого поведения (см. § 694).

838. Когда от дериваций надо добраться до остатков, следует помнить, что один и тот же остаток B может иметь множество легко заменимых дериваций T, T', T'' , (см. § 772). Отсюда следует, во-первых, если в одном обществе появляется деривация T , а в другом — деривация T' , то из этого нельзя делать вывод, что у этих двух обществ имелись соответствующие им различные остатки. Напротив, они могут иметь один и тот же общий остаток B (см. § 772). Во-вторых, малую или даже нулевую эффективность в плане изменения социальной формы имеет замена T на T' , поскольку такая замена не изменит остатков B , которые в намного большей степени, чем деривации, детерминируют эту форму (см. § 694). В-третьих, может иметь, однако, значение, примет или, наоборот, не примет в расчет такую замену тот человек, которому надо действовать, или же он останется индифферентным к ней не в связи с воззрениями, а в связи с чувствами, которые они выражают (см. § 698). В-четвертых, среди дериваций T, T', T'' могут быть и противоречащие друг другу деривации. <В логике> два суждения, если они окажутся противоречащими друг другу, аннулируют друг друга. Не так обстоит дело с двумя противоречивыми деривациями, которые могут сосуществовать и при этом даже усиливать друг друга. Чтобы снять противоречие и осуществить согласование, часто подключаются другие деривации. Данный феномен имеет второстепенное значение, поскольку люди находят и с легкостью соглашаются полученные таким образом софистические деривации. Они испытывают определенную потребность в логике, но удовлетворяют ее псевдологическими суждениями. Следовательно, сама по себе логико-экспериментальная ценность дериваций T, T', T'' обычно мало связана с эффективностью их воздействия на равновесие.

839. *Композиция остатков и дериваций.* Мы рассмотрели изолированные группы остатков; теперь рассмотрим, как они действуют совместно

с деривациями. Представим себе общество, на которое воздействуют некоторые чувства, которые соответствуют группам остатков A, B, C , выраженным деривациями a, b, c . Пусть α, β, γ — количественные значения интенсивности действия отдельных групп, а S, T, U — соответствующие деривации, теории, мифы и т. д. Итак, социальная система будет находиться в равновесии под действием сил α, β, γ , направленных приблизительно к деривациям S, T, U , с учетом препятствий.

- 840.** Выскажем следующие положения. Во-первых, нельзя, как это обычно делают, судить изолированно о воздействии любой группы остатков или об изменении интенсивности воздействия такой группы. Если интенсивность <одной группы> изменяется, то для сохранения равновесия обычно необходимо, чтобы последовали изменения в других группах. Данный тип зависимости отличен от того, о котором упоминалось в § 832; следовательно, мы им дадим разные названия. Мы назовем «первым типом взаимозависимости» непосредственную зависимость между различными группами остатков, а «вторым типом взаимозависимости» — опосредованную зависимость, вытекающую из условия сохранения равновесия или из иных аналогичных условий. Во-вторых, реальное движение совершается в соответствии с тем, какова результирующая действия сил α, β, γ , и оно не соответствует той результирующей, которая получилась бы, если бы осуществлялось воображаемое действие дериваций S, T, U . В-третьих, деривации позволяют узнать направление, в котором некоторые движения имеют тенденцию совершаться (см. § 839), но оно, как правило, оказывается вовсе не тем, какое получится при строгой интерпретации деривации, как если бы она была логико-экспериментальным суждением. В самом деле, уже отмечалось, что противоречащие друг другу деривации могут сосуществовать, например такие: A равно B ; B не равно A (скажем, меньше A). Хотя в логическом отношении они противоречат друг другу, но как деривации они выражают одну и ту же мысль, т. е. что A стремится доминировать над B . В них используется первая форма утверждения, чтобы ослабить сопротивление со стороны тех, кто, не будучи расположенными к B , не хотели бы допустить, чтобы B было под властью A ; вторая форма используется, чтобы побудить к действиям тех, кто расположены к A . В-четвертых, если социальная система не движется в направлении, обозначенном остатками A , которым соответствует сила α , это обычно происходит не из-за прямого противодействия по отношению к A и даже не потому, что оспорена соответствующая деривация S , но потому, что от движения в соответствии с A произошло отклонение из-за воздействия остатков B, C . В большей мере, чем на воздействие любого единичного остатка, следует обращать внимание на влияние различных классов остатков по причине их способности оставаться по сути своей фактически постоянными (см. § 889 и далее).

841. Чтобы лучше понять разницу между взаимозависимостями первого и второго типа, представим себе некое конкретно взятое общество. Его существование само по себе факт; имеются также факты, совершающиеся внутри этого общества. Если рассматривать одновременно и факт существования общества, и факты внутри него, то можно сказать, что вторые факты взаимозависимые (см. § 923) (взаимозависимость первого типа), и что помимо этого они взаимосвязаны с первым фактом (взаимозависимость второго типа). Кроме того, можно сказать, что факт существования общества следует из фактов, наблюдаемых внутри него, иными словами, что они детерминируют социальное равновесие. И более того, что если факт существования общества дан, то факты, появляющиеся в нем, больше не являются совершенно произвольными; они должны удовлетворять определенным условиям. То есть при наличии равновесия не будут совершенно произвольными те факты, которые его детерминируют.

Рассмотрим некоторые примеры. Склонность римлян к формализму в практической жизни оказывала свое воздействие, порождая, поддерживая и укрепляя такой же формализм в религии, правовой сфере, политике и наоборот. Здесь перед нами взаимозависимость первого типа. Напротив, вторая взаимозависимость заключается в стремлении римлян сохранить свободу и независимость, которое поддерживалось посредством политического формализма, позволявшего избегать опасности анархии. Именно так и было до конца Республики. Тогда исчезла склонность к политическому формализму (прежде всего потому, что римляне замещались людьми иных национальностей), стремление к свободе и независимости также ослабло, и они приняли деспотизм Империи как наименьшее зло. Если бы эта тенденция не ослабла, то римское общество распалось бы либо в результате внутренних волнений и смут, либо в результате иностранных завоеваний (что произошло в Польше). Здесь нет непосредственной взаимозависимости между остатками класса II (стремлением к политическому формализму) и остатками класса V (стремлением к независимости), которая была бы взаимозависимостью первого типа. В этом случае взаимозависимость опосредованная. Она вытекает из факта, что в те времена и в тех обстоятельствах у римского общества не было такого положения равновесия, при котором показатель склонности к независимости (остатки целостности индивида) оставался бы на неизменном уровне, тогда как показатель политического формализма (остатки устойчивости агрегатов) уменьшался бы. Это взаимозависимость второго типа.

842. Из того, какова взаимозависимость второго типа, очевидно, что ее последствия часто проявляются намного медленнее последствий от взаимозависимости первого типа, поскольку необходимо, чтобы вначале совершилось смещение равновесия и затем отзвуки этого отразились

на других остатках. Кроме того, при социальных движениях ритмического характера взаимозависимость второго типа будет по той же причине выражена сильнее взаимозависимости первого рода (см. § 643).

843. Учет взаимозависимости может проводиться разными способами. Во-первых, можно рассматривать только причинно-следственные связи и совершенно не учитывать данную взаимозависимость. Во-вторых, когда, напротив, она учитывается, возможны следующие варианты: *2a*. Причинно-следственные связи еще рассматриваются, но при этом стараются также учитывать взаимозависимость и обращают внимание на действия и реакции на них, а также на другие связи; *2b*. Можно исходить непосредственно из гипотезы о взаимозависимости. Чтобы воспользоваться наилучшим методом — *2b*, необходимо суметь установить для каждого из взаимозависимых элементов некоторый показатель их корреляции и затем средствами математической логики детерминировать эти показатели через систему уравнений. Это возможно в чистой экономической науке, но этого нельзя сделать, по крайней мере в настоящее время, в социологии, где мы, следовательно, вынуждены применять менее совершенные способы (см. § 923 и далее).

844. Поскольку мы используем здесь обыденный язык вместо математического, не было бы, пожалуй, лишним привести простейший пример метода *2a*, который иллюстрирует его отношение к методу *2b*. Пусть имеются две величины x и y , которые находятся во взаимозависимости. Если использовать математический язык, то, следуя методу *2b*, утверждаем, что существует уравнение с двумя переменными x и y и ничего другого не требуется. При употреблении обыденного языка мы должны следовать методу *2a* и утверждать, что хотя x *детерминирован* со стороны y , он *оказывает ответное воздействие* на y таким образом, что y также является зависимым от x . Когда используются уравнения, такой способ иногда приводит к тем же результатам, что и способ *2b*, но иногда этого не происходит. Следовательно, надо быть всегда осторожным при использовании способа *2a* вместо способа *2b* и в каждом отдельном случае исследовать результаты таких замен.

845. Предположим, но только в порядке гипотезы, что могут быть установлены некоторые показатели для чувств — x_1, x_2 , другие для экономических условий — y_1, y_2 , третьи для обычаев, законов, религий — z_1, z_2 , четвертые для интеллектуального, научного развития, состояния технических знаний и т. д. — u_1, u_2 . Воспользовавшись математическим языком, скажем, что состояние X , обозначенное в § 821, детерминировано несколькими уравнениями, число которых равно числу неизвестных $x_1, x_2, y_1, y_2,$

z_1, z_2, u_1, u_2 , и т. д. Аналогичным образом детерминированы состояния X_1, X_2, X_3 , обозначенные в § 822.

846. Кроме того, относительно динамики системы можно сказать, что таким же образом детерминировано ее движение, которое при неизменных обстоятельствах, обозначенных параметрами уравнений, последовательно приводит систему в положения X_1, X_2, X_3 . Если бы обстоятельства изменились, движение тоже изменилось бы. Ее положения были бы X_1, X'_2, X'_3 (см. рис. 25).

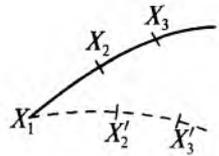

Рис. 25

847. Допустим, задано определенное число неизвестных. Это предполагает равное им число уравнений. Например, некоторым данным чувствам соответствуют показатели x_1, x_2 . Тогда движение через точки X_1, X_2, X_3 было бы тем самым, которое произошло бы, если бы эти чувства оставались постоянными, тогда как движение X_1, X'_2, X'_3 было бы движением, которое произошло бы, если бы они изменились.
848. Если удалить несколько уравнений в системе, детерминирующей равновесие и движение, то равное число неизвестных останется недетерминированными, и мы сможем рассматривать виртуальные движения, т. е. сможем варьировать значениями некоторых параметров и детерминировать другие параметры. В этом проявится взаимозависимость элементов.
849. На обыденном языке можно сказать, что все рассмотренные элементы детерминируют состояние равновесия (см. § 823), что имеются некоторые связи (см. § 51) и что если гипотетически устранить некоторые из них, то можно будет рассматривать гипотетические изменения в общества (виртуальные движения). Чтобы лучше понять эту взаимозависимость, очевидную при ее выражении на математическом языке, можно добавить, что чувства *зависят* от экономических условий, так же как последние зависят от чувств, и что аналогичные зависимости имеются для других элементов.
850. Изучение фактов позволяет пойти дальше таких общих соображений. Средствами математического языка можно показать, что переменные во всех уравнениях <равновесия> фигурируют по-разному, или, точнее, их нельзя привести к одинаковому аналитическому выражению даже в порядке приближения.

- 851.** Сначала отметим, что группы <условий, детерминирующих социальное равновесие> различаются по степени изменчивости. В одной группе изменения настолько малы, что в приближении и в течение не слишком долгого периода времени она может считаться неизменной (географическое положение, климат, почвы и т. д.). Величины в такой группе можно отнести, в порядке аппроксимации, к группе констант. Другую группу составляют мало меняющиеся переменные (классы остатков); их можно считать константными в течение короткого периода времени, но в более длительной перспективе необходимо учитывать, что они меняются. Еще одна группа — это заметно меняющиеся переменные (интеллектуальные знания). Наконец, последняя группа — максимально изменчивые переменные (деривации).
- 852.** Далее следует обратить внимание, что уравнения, которые определяют равновесие, можно, опять-таки в порядке аппроксимации, разделить на две группы таким образом, чтобы можно было пренебречь взаимозависимостью с другими группами. Имеются хорошие примеры такой ситуации в чистой экономической теории. В ней можно получить уравнения, в которых фигурируют только две переменные, и в таком случае можно сказать, что одна из них детерминирована другой.
- 853.** На обыденном языке скажем, что при определении <точки> равновесия одни элементы могут рассматриваться как постоянные для достаточно долгого времени, другие — как постоянные в течение менее продолжительного, но все же не короткого периода времени, другие — как изменчивые и т. д. Добавим, что, хотя бы в первом приближении, взаимозависимость может учитываться только по некоторым группам элементов, в предположении, что остальные группы независимые. Когда одна из этих групп сведется к двум элементам, один из которых можно назвать практически постоянным, то такой элемент можно представить как причину, а другой — как следствие.
- 854.** Например, если гипотетически отделить от других элементов географическое положение Афин и торговый расцвет города во времена Перикла, то можно сказать, что первый элемент является причиной, а второй — следствием. Но такая группа образована по нашему усмотрению. Если эти два элемента связаны неразрывно, то пока не меняется первый элемент, будет неизменен и второй; когда же во втором элементе что-то меняется, то это означает, что он не зависит исключительно от первого. Иными словами, он не является *следствием* данной *причины*.
- 855.** Другой пример. Если для античного Рима сформировать группу элементов, в состав которой войдут нравы, экономическое благосостояние

и политическое процветание, и если принять в качестве гипотезы, что нравы в период Пунических войн были лучше, чем в конце Республики, кроме этого, принять еще одну гипотезу, что нравы являются постоянной частью по сравнению с благосостоянием и процветанием, то можно вместе со множеством других авторов считать, что хорошие нравы явились причиной процветания Рима. Но те же самые, а также иные авторы утверждают, что процветание Рима стало причиной падения нравов. В обыденном значении, придаваемом термину «причина», это высказывание противоречит предыдущему. Они могут оказаться совместимыми, если, отбросив причинно-следственную связь, вести речь только о взаимозависимости. В такой форме отношение между нравами и процветанием народа можно выразить иначе, сказав, что хорошие нравы приводят к процветанию, которое оказывает ответное воздействие на нравы и ухудшает их. Ни данное утверждение, ни предшествовавшее ему не соответствуют фактам, но здесь мы не станем заниматься этим вопросом.

856. Легко понять, как вместо группы из двух элементов можно было бы рассматривать группу с большим их числом, и затем разные группы, каждая из которых состоит из нескольких элементов. Это единственный доступный на данный момент способ получить приближенные решения, которые будут уточняться с увеличением числа рассматриваемых элементов и групп (см. § 923 и далее).

857. *Свойства социальной системы.* Среди свойств, какими может обладать социальная система, имеется одно легко различимое, которое называют полезностью или процветанием. Это свойство необходимо строго определить и некоторым образом соотносить с реалиями, представить в количественных показателях, если мы хотим включить его в число условий, детерминирующих социальное равновесие.

858. Если обратиться к явлениям, именуемым экономическим процветанием, нравственным, интеллектуальным, военным и политическим потенциалом, или процветанием и потенциалом конкретной страны, то очевидно, что они способны нарастать и ослабевать. Хотя у нас нет способа, который позволил бы дать вполне определенные количественные выражения этим состояниям <общества>, у нас все-таки всегда имеется недалекое от истины представление о чем здесь идет речь.

859. Чтобы получить более определенное представление <о таких состояниях общества>, следует указывать, в соответствии с какими нормами, оказывающимися в чем-то произвольными, автор намеревается выявлять

сущности, которые он хочет определить. Чистая экономическая теория позволила сделать это, когда в качестве нормы было предложено удовлетворение индивида, о котором может судить только он сам. Так была определена экономическая полезность, или офелимость. Но если ставить целью исследование того, что было бы полезнее всего для индивида, лишив его самого права решать этот вопрос, нужно будет найти других, кто бы мог это установить.

- 860.** *Полезность.* Необходимо, следовательно, зафиксировать нормы, в соответствии с которыми возможно определить то предельное состояние, к которому, как предполагается, приближается индивид или общность. Допустим, что введен числовой показатель различных состояний общности, которые в большей или в меньшей мере приближаются к предельному. При этом состоянию, более близкому к предельному, будет соответствовать более высокое значение показателя, чем показатель наиболее удаленного от него состояния. Далее можно сказать, что это показатели состояния X . Чтобы дать для X наименование, обратимся к аналогичному феномену. Когда люди знают (или считают, что знают), что некоторое состояние будет «во благо» индивиду или общности, они говорят, что будет «полезным» достичь его, и полезность считается тем выше, чем люди ближе к данному состоянию. Следовательно, по аналогии мы будем называть полезностью обозначенную выше сущность X .
- 861.** Заметим, что полезность X может в каких-то случаях совпадать с полезностью в смысле, придаваемом этому понятию в обыденном языке, но иногда она может иметь и противоположное значение. Если, например, в качестве предельного состояния взять материальное процветание, то эти две сущности будут мало отличаться друг от друга; если же мы возьмем в качестве него полный аскетизм, то наша полезность будет полностью отлична от той, к которой устремлен практичный человек. Было бы, пожалуй, лучше ввести для ясности новый термин, но мы воздержимся от этого, чтобы не злоупотреблять неологизмами.
- 862.** Даже когда мы рассматриваем вполне определенную полезность, одну из многих, которая связана с определенной целью, например с материальным благосостоянием, возникает ряд видов полезности в зависимости от того, идет ли речь об индивиду, некоей общности, непосредственной полезности или о полезности, получаемой опосредованным образом. Итак, ограничиваясь только самыми необходимыми градациями, следует учесть следующие подгруппы:
- a.* Полезность в отношении индивида:
 - a_1 — непосредственная полезность;

- a_2 — опосредованная полезность, достигаемая с участием общности;
- a_3 — полезность в отношении индивида в связи с полезностью в отношении других.
- b . Полезность в отношении данной общности:
 - b_1 — непосредственная полезность, рассматриваемая для одной общности в отрыве от других общностей;
 - b_2 — опосредованная полезность, полученная с учетом влияния других общностей;
 - b_3 — полезность в отношении общности, получаемая в связи с полезностью в отношении других общностей;

Эти <варианты> полезности, весьма далекие от согласованности, часто явно противоречат друг другу, но многие по различным мотивам, порой эксплицитно, но нередко имплицитно имеют обыкновение соединять все эти полезности воедино.

- 863.** Оставаясь в логико-экспериментальной области, можно рассмотреть различные виды полезности двумя способами: во-первых, исходя из того, как представляет себе полезность один из членов общности; во-вторых, исходя из того, как ее видит человек посторонний или один из членов общности, стремящийся дать объективное суждение. Например, тот, кто очень сильно ощущает непосредственную полезность, a_1 , и плохо или вовсе не ощущает опосредованную полезность, a_2 , просто не станет считаться с другими — он будет стремиться только к собственному благу, не заботясь о согражданах. Между тем тот, кто объективно оценивает действия этого индивида, увидит, что он жертвует интересами общности ради своей выгоды.
- 864.** Каждая из подгрупп, обозначенных в § 862, может быть рассмотрена в зависимости от времени: применительно к настоящему и к будущему. Противоречие между этими видами полезности оказывается не меньшим, чем между всеми остальными ее видами; не менее велико и различие в понимании полезности у тех, кто движим чувствами, и у тех, кто о ней судит объективно.
- 865.** *Совокупная полезность.* Применительно ко всем трем приведенным в § 862 группам полезности (как в отношении индивида, так и в отношении общности) отметим следующее: если бы мы могли рассчитать показатели по каждой из них, то имели бы возможность рассчитать общую или совокупную полезность и в отношении индивида, и в отношении общности путем простого суммирования значений все показателей.
- 866.** *Максимум полезности в отношении индивида или общности.* Когда полезность в вышеупомянутом смысле имеет числовое выражение, может

оказаться так, что в некотором состоянии оно будет более высоким, чем в других близких к нему состояниях, т. е. оно будет максимальным. Проблемы такого рода угадываются на практике интуитивно, хотя и смутно. Одной из них мы уже занимались, исследуя полезность, которую мог бы получить индивид благодаря следованию некоторым существующим в обществе нормам (см. § 728) или, в более обобщенном виде, при стремлении к некоторым идеальным целям (см. § 712).

- 867.** Когда рассматривают определенный род полезности для некоторого индивида, располагают показателями отдельных полезностей и показателем совокупной полезности, которую имеет индивид в данных обстоятельствах. Если при изменении обстоятельств показатель его совокупной полезности после возрастания переходит к убыванию, это значит, что есть точка максимума. Таким образом, проблемы, уже поставленные в качественном отношении (см. § 712, 728), оказываются количественными и сводятся к проблемам максимума. Вместо того чтобы изучать, например, вопрос о том, достигнет ли человек счастья, если он будет следовать некоторым нормам, надо исследовать, возрастает ли и насколько возрастает его офелимость, каким образом и когда она достигнет максимума.
- 868.** Если состояние индивида зависит от обстоятельства, которое может характеризоваться показателями с переменными значениями, и если в каждом таком случае можно установить значение показателя совокупной полезности индивида (или общности, рассматриваемой подобно индивиду как одно целое), то можно будет узнать, где данная полезность достигнет максимума.
- 869.** Если повторить такую операцию в отношении всех обстоятельств, от которых зависит социальное равновесие, когда заданы связи, то в нашем распоряжении будет немало значений показателей, среди которых можно выбрать одно, превышающее по величине все близкие к нему показатели. Ему будет соответствовать максимум полезности, с учетом всего только что сказанного.
- 870.** Полезности у отдельно взятых индивидов не являются качественно однородными, что не позволяет их сравнивать и суммировать, а также суммой полезностей индивидов обозначать полезность общности, которую они составляют. Следовательно, необходимо найти способ их соотнесения.
- 871.** *Максимум офелимости для общности в политической экономии.* Эта проблема в политической экономии уже решена. В этой науке можно определить равновесие при условии, что каждый индивид достигает максимума офелимости. Связи могут быть даны таким образом, что

равновесие будет полностью детерминировано. Допустим, что такая полная детерминация перестанет существовать из-за устранения какой-либо связи. Тогда равновесие окажется возможным в бесконечном числе точек, где достигают максимума индивидуальные офелимности. В первом случае были возможны только движения, которые приводят к детерминированной точке равновесия; во втором оказываются возможными также иные движения. Они принадлежат к двум разным группам: в группе I движения таковы, что они полезны для одних индивидов, но при этом вредны для других; в группе Q движения приносят пользу или же вред всем индивидам. Точки P определяют, приравнивая к нулю некоторую сумму гомогенных количественных показателей, которые зависят от гетерогенных офелимностей⁷².

872. В экономическом аспекте дело обстоит так: когда общность достигает точки Q , от которой она может двигаться дальше, увеличивая пользу всех индивидов, то в таком случае имеет смысл продолжать движение до тех пор, пока это будет полезно всем. Дойдя до точки P , за которой увеличения полезности для всех уже нет, надо остановиться, чтобы прибегнуть не к экономическим, а к этическим рассмотрениям социальной полезности и узнать, каким индивидам надо помогать, жертвуя при этом интересами других индивидов. Такая точка P будет, следовательно, аналогична той точке, в которой достигается максимум индивидуальной офелимности. Следовательно, она будет названа так: точка максимума офелимности для общности.

873. Рассмотрим общность, состоящую из двух индивидов A и B . От некоторой точки P можно перейти в точку s , где офелимность индивида A увеличится на пять пунктов, а офелимность индивида B уменьшится на два пункта. Также можно переместиться в точку t , где офелимность индивида A возрастет на два пункта, а офелимность индивида B понизится на один пункт. Нельзя знать, в какой из этих двух точек s или t офелимность этой общности окажется выше или ниже, пока не выбран способ сравнения офелимности индивидов A и B . Именно потому, что это гетерогенные величины и их невозможно сравнивать, не существует максимума офелимности этой общности; между тем как максимум офелимности для этой общности может существовать, поскольку он не зависит ни от какого сравнения офелимности разных индивидов.

874. *Максимум полезности для общности в социологии.* Всякий индивид, поступающий логично, стремится достичь максимума индивидуальной

⁷² Pareto V. Il massimo di utilità per una collettività in sociologia // Giornale degli Economisti. 1913. Vol. 46. Aprile. P. 338–341.

полезности (см. § 867). Допустим, что устранена часть из тех связей, которые устанавливает официальная власть, без замены их другими. В таком случае становится возможным бесчисленное количество положений равновесия, которые отвечают вышеупомянутым условиям индивидуальных максимумов. Власти вмешиваются для того, чтобы вводить одни и снимать другие связи. Допустим, что власти поступают в соответствии с логикой с целью достижения некоторой полезности; им нужно на основании некоторых критериев сравнивать разные полезности. Когда сажают в тюрьму вора и сравнивают, к примеру, испытываемые им мучения с полезностью этого акта для добропорядочных людей, то считают, что эта польза перевешивает такой вред. Но власти проводят такие операции грубым, примитивным образом, тогда как в чистой экономической теории они строго рассчитываются. При этом гетерогенные величины делают гомогенными путем введения определенных коэффициентов. После чего становится возможным суммировать итоговые величины и определять точки типа *P*.

- 875.** При помощи неопределенных и неточных выражений именно на это обычно и указывают, когда говорят: государственная власть должна оставаться там, где ее действия не приносят «пользы» всей общности, она не должна приносить обществу «напрасных» страданий, требовать от него больших жертв ради малой «выгоды» и т. д.
- 876.** В чистой экономической теории нельзя рассматривать общность как одно лицо; в социологии ее можно рассматривать если и не как одно лицо, то по крайней мере как целое. Не существует такой вещи, как офелимость общности; полезность же общности более или менее можно представить. Поэтому в чистой экономической теории речь идет только о максимуме офелимости для общности, между тем как в социологии необходимо отличать максимум полезности для общности и максимум полезности общности.
- 877.** Рассмотрим, например, рост численности населения. Если надо заботиться о полезности общности, прежде всего в плане укрепления военного и политического могущества, то окажется полезным доведение численности населения до достаточно высокого предела при дальнейшем превышении которого народ впадет в нищету, а нация придет в состояние упадка. Если же мысль обращена к максимуму полезности для общности, то предельная точка окажется намного ниже. Потребуется выяснить, в каких пропорциях разные социальные классы воспользовались бы таким ростом военного и политического могущества, и в каких различных пропорциях они заплатили за него своими жертвами. Когда пролетарии говорят, что они не хотят иметь много детей, которые только

приумножают силу и доходы правящих классов, они рассуждают в отношении максимума полезности для общности. Здесь малосущественно, какие деривации они используют — деривации религии, социализма или пацифизма; следует посмотреть на то, что за ними стоит. Правящие классы часто отвечают на этот вопрос, путая проблему максимума общности с проблемой максимума для общности. Они также стараются свести проблему к исследованию максимума индивидуальной полезности, пытаясь убедить управляемые классы в том, что имеет место косвенная полезность, которая, если ее надлежащим образом учитывать, оборачивает требуемые от этих классов жертвы им на пользу. Такое и в самом деле иногда бывает, но не всегда; во многих случаях, даже при всестороннем учете каждой опосредованной полезности выявятся не выгоды, но жертвы со стороны управляемых классов. В действительности только нелогические действия могут в этих случаях привести к тому, что управляемые классы, забыв о максимуме индивидуальной полезности, способствуют приближению к максимуму полезности общности, или просто правящего класса, и это часто интуитивно осознавали и его представители.

878. Представим себе общность, поставленную перед единственным выбором: либо быть очень богатой при высоком неравенстве доходов между составляющими ее группами, либо быть бедной при почти равных доходах. Поиск максимума полезности общности может приблизить эту общность к первому состоянию, тогда как поиск максимума полезности для общности может ее приблизить ко второму состоянию. Мы говорим *может*, поскольку результат будет зависеть от коэффициентов, используемых для того, чтобы сделать гомогенными гетерогенные полезности различных социальных классов. Сторонник идеи «сверхчеловека» установит почти нулевой коэффициент для полезности низших классов и получит точку равновесия, очень близкую к первому состоянию; сторонник идеи равенства установит высокий коэффициент для полезности низших классов и получит точку равновесия, очень близкую ко второму состоянию. Нет никакого иного критерия, кроме чувств, в выборе между тем и другим предпочтением.

879. Имеется теория (пока мы не выясняем, в какой мере она соответствует фактам), согласно которой рабство было необходимым условием общественного прогресса, поскольку, как в ней утверждается, оно позволило определенному числу людей жить праздно и, следовательно, заниматься интеллектуальными исследованиями. Допустим на минуту, что это так. Тот, кто хочет решать проблему максимума полезности рода человеческого и обращает внимание только на полезность этого рода, выскажет суждение, что рабство было «полезно». Тот, кто намерен решать такую же проблему, но обращает внимание только на полезность

по отношению к обращенным в рабство людям, выскажет суждение, что рабство было вредным, отвлекаясь в этот момент от некоторых опосредованных влияний. Нельзя спрашивать о том, кто из них прав, а кто ошибается, поскольку эти понятия здесь бессмысленны до тех пор, пока не выбран критерий проведения сравнения между тем и другим суждением.

880. Из этого надо сделать вывод, но не о том, что невозможно решение проблем, которые одновременно касаются различных и гетерогенных полезностей, а о том, что для их рассмотрения необходимо принятие некоторой гипотезы, чтобы такие полезности стали сравнимыми. Когда такой гипотезы нет, что часто и случается, обсуждение этих проблем становится пустым и бесполезным занятием. Это просто деривация, прикрывающая некие чувства, на которые мы только и должны обращать внимание, не особенно заботясь об их внешних одеяниях.

881. Даже когда полезность отдельно взятого индивида не противостоит полезности общности, точки максимума первой и второй полезности также обычно не совпадают. Вернемся на минуту к случаю, специально рассмотренному в § 728 и далее. Пусть для определенного индивида точка A является пределом, означющим строжайшее соблюдение любого имеющегося

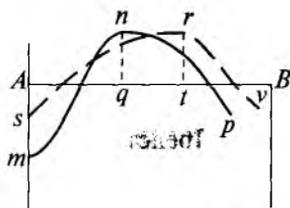

Рис. 26

в обществе предписания. Пусть точка B является другим пределом, выражающим нарушение предписаний, которые не признаются безупречными. Пусть m, n, p — кривая полезности индивида, который вначале испытывает некоторый ущерб в точке A , далее получает некоторую пользу, которая достигает максимума в точке n , а затем, при дальнейшем движении, спадает вплоть до ее утраты в точке B . Аналогично s, r, v — кривая полезности, получаемой обществом благодаря тому, что рассматриваемый индивид более или менее соблюдает предписания. Такая полезность имеет максимум в точке r . В точке q , между A и B , имеется максимум полезности qn для индивида; в точке t , также между A и B , имеется максимум полезности tr общности, полученный при рассмотрении действий данного индивида.

882. Вместо отдельно взятого индивида можно было бы рассмотреть нескольких индивидов, кривая полезности которых близка mnp . В этом случае кривой полезности общности, частью которой они являются, будет srv — кривая, которая получится с учетом действий этих индивидов. Вместо обычных нарушений принятых в обществе правил, рассмотрим их трансформацию и инновации, которые в этом обществе совершаются. Во многих случаях t располагается к B значительно ближе, чем к q ; т. е. обществу оказывается полезнее, чтобы в нем происходили

более значительные инновации по сравнению с теми, которые обеспечивают максимум полезности некоторым его индивидам. Например, индивиды, уже ставшие богатыми и могущественными, часто могут мало выиграть от инновации, между тем как общество может иметь от нее немалую пользу. Кроме того, для индивидов, которые любят жить спокойной жизнью, t оказывается к B намного ближе, чем q , т. е. любая инновация, которая может оказаться полезной для общества, для них была бы неприятной и тягостной. Напротив, для «спекулянтов» t будет находиться намного дальше от B , чем q , т. е. они склонны к более активным инновациям, по сравнению с инновациями, полезными для общества. Если рассмотреть с этой точки зрения категории индивидов, то станет ясно, что их действия могут привести к взаимной компенсации: каждый тянет в нужную ему сторону, но в итоге достигается положение, близкое к точке t , в которой отмечается максимум полезности общества.

- 883.** *Остатки и деривации в связи с полезностью.* Мы рассмотрели (см. § 868) абстрактно некоторые факторы, способные воздействовать на социальное равновесие. Теперь мы осуществим конкретизацию, прежде всего исследуя остатки и деривации. Аналогичный в качественном отношении сюжет рассматривался при изучении действий, совершаемых для достижения цели (см. § 678); виртуальные движения изучались тогда обобщенно, преимущественно в аспекте достижения цели и только вскользь в связи с полезностью; теперь подошла очередь заняться полезностью.
- 884.** Допустим, что имеются два предельных типа абстрактного общества: общество, в котором действуют исключительно чувства, без рассуждений, и общество, в котором действуют только логико-экспериментальные рассуждения. Обращаясь к рис. 19 из § 706, мы скажем, что в первом случае индивиды движутся от h к t инстинктивно, не ставя перед собой никакой идеальной цели, T , поэтому здесь отсутствует касательная hT . Во втором случае индивиды также не имеют в виду высокой цели (идеала) T , они двигаются из h в t только на основе рассуждений; и здесь опять нет касательной ht , поскольку любая подобная линия превратилась бы в дугу кривой ht .
- 885.** В случае первого типа форма общества детерминирована, если заданы чувства и внешние обстоятельства, в которых общество находится; или, если известны только обстоятельства, а чувства рассматриваются как детерминированные обстоятельствами.
- 886.** В случае второго типа заданы внешние обстоятельства, форма общества не детерминирована; необходимо указать, к какой цели должно привести

<общество> использование логико-экспериментального рассуждения. Такого общества, где бы господствовал только «разум», нет и не может быть, к огорчению гуманистов и позитивистов, поскольку тогда оставались бы неизвестными исходные данные в задаче, которую призваны решать логико-экспериментальные рассуждения (см. § 713; 714–716). Здесь вновь проявляется неопределенность представления о полезности: воззрения различных индивидов о собственном благе и о благе других в принципе гетерогенные, и нет способа сведения их к единому мнению (см. § 860).

887. Человеческое общество занимает место в промежутке между двумя представленными выше типами. Его форма детерминирована не только внешними обстоятельствами, но и чувствами, интересами, а опосредованным образом и деривациями, которые выражают, а порой и укрепляют чувства и интересы. Логико-экспериментальные рассуждения имеют большое значение в случаях, когда цель задана и ведется поиск подходящих для ее достижения средств, как это может происходить в ремеслах, индустрии и науках. В политике они могут быть востребованными со стороны отдельно взятых индивидов как искусство управления, а не для построения науки, поскольку цель здесь не детерминирована. Даже если такая цель и есть, она открыто не проявляется. Следовательно, в организации общества научные знания играют малую роль, позволяя чувствам превалировать над разумом и осмысленными рассуждениями. Некоторые люди умеют пользоваться этим обстоятельством в собственных интересах, временами извлекая соответствующим образом пользу из эмпирических и отчасти логико-экспериментальных рассуждений.

888. Почти все рассуждения, используемые в обсуждении социальных вопросов, являются деривациями. Часто наиболее значительная их часть представлена неявно (см. § 712). При изучении этой части, т. е. при попытке выяснить, на каких принципах могли основываться полученные выводы, можно во многих случаях прийти к знанию чувств и интересов, обеспечивающих принятие венчающих деривацию выводов.

889. *Состав полезностей, остатков, дериваций.* Мы продолжаем то, о чем вели речь в § 839, где рассматривалось совместное действие остатков и дериваций. Для пояснения абстрактных рассуждений используем рис. 27.

Допустим, что состояние индивида <в текущий момент времени> представлено точкой h на некоторой поверхности. <На верхней части рис. 27 обозначено положение точки h

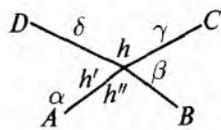
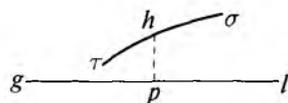

Рис. 27

в вертикальной плоскости>. Ордината этой точки, представленной также в горизонтальной плоскости <нижняя часть рисунка>, есть индекс офелимности, которую индивид имеет. Положение индивида в горизонтальной плоскости представлено, следовательно, точкой h . Если через точку h провести вертикальную плоскость, то на ее пересечении с горизонтальной плоскостью получим прямую линию gl , а на ее пересечении с поверхностью <состояний индивида> получим кривую линию $тσ$, ордината которой ph является индексом полезности, которая достается индивиду (см. § 706). В точке h происходит наложение сил, действующих в направлениях A и B с интенсивностью α и β , как было отмечено в § 839. Эта точка должна все время располагаться на той поверхности, которую мы предположили и которая детерминирована связями.

890. Рассмотрим вместо офелимности индивида полезность общности и предположим, что для этого подойдет рис. 27, на котором точка h соответствует максимуму полезности этой общности. Возможно, что на прямой линии hA найдется точка h' , в которой полезность общности окажется выше, чем в h ; из этого достаточно естественно появляется мысль, что хорошо было бы повысить интенсивность α и тем самым перевести общность в точку h' .

891. Но если бы равновесие было возможно в h' , то уже не отвечала бы реальности гипотеза о том, что h является точкой максимума полезности общности. Согласно этой гипотезе, равновесие невозможно ни в одной иной точке, близкой к h , где была бы более высока полезность общности; следовательно, это невозможно в точке h' ; приращение α переместит тогда точку равновесия не в h' , а в h'' , где полезность общности будет меньшей. Так происходит потому, что возрастание интенсивности α имеет следствием изменение β , γ , и здесь проявляется второй тип взаимозависимости остатков (см. § 840). Это рассуждение можно повторить в абстрактном виде, и оно справедливо для обобщенного случая полезности, зависящей от остатков.

892. Рассмотрим деривации, продолжив в генерализованном виде рассуждение, которое в § 706 относилось к частному случаю. Воспроизведем рис. 27 из § 889 и добавим к нему деривации S , T , U , V , которые побуждают людей, движимых силами α , β , γ , к действиям, направленным к A , B , C . Предполагается, что вертикальное сечение проходит через hBT (см. рис. 28). Сила β , которая действует по линии hB , исходит от нацеленности людей на воображаемую цель T .

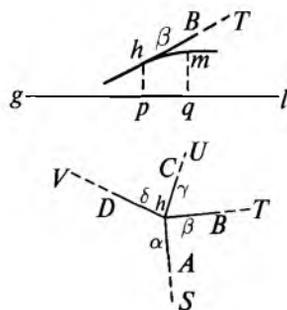

Рис. 28

Если бы воздействовала только она одна, то она бы переместила индивида в точку m . Но если равновесие достигнуто в точке h , это означает, что эффект действия этой силы β компенсирован или аннулирован действием других сил. Это очень часто происходит, если h является точкой максимума полезности или какой-либо иной значимой точкой, только бы она была точкой равновесия.

893. Повторим, учитывая при рассмотрении полезности, сделанные в § 840 замечания.

Во-первых, если имеется основание верить, что воздействие B , если бы не было других, привело бы к возрастанию полезности, то из этого вовсе не следовало бы, что оно, встречаясь с противостоянием других остатков и подчиняясь ограничениям, по-прежнему имело бы результатом возрастание полезности.

Во-вторых, изменение полезности зависит от действия результирующей сил, проявляющихся в остатках; оно не зависит от воображаемой результирующей наложения дериваций, даже если его можно мысленно представить. Реальная результирующая в этом случае иная: она указывает направление, в котором движутся индивиды в обществе, где существуют рассматриваемые деривации, и это направление будет намного ближе к реальному движению общества, чем подсказываемое любой отдельно рассматриваемой деривацией (см. § 670). Так же обстоит дело с полезностью. Это происходит в тех обществах, где действия людей в большей мере обращены на реальные объекты, чем на объекты фантастические, и где возрастает благосостояние.

В-третьих, не следует придавать большое значение тому, что деривация, выходящая за границы реальности, указывает на фантастическую цель и что она может, следовательно, оказаться пагубной. Деривация обозначает только направление, тенденцию какого-то движения, а не конечный пункт этого движения индивида. Пока он не достиг этого пункта, полезность может прирастать; потом она стала бы убывать, затем перешла бы во вредность, если бы индивид продвинулся дальше по направлению, указанному деривацией.

В-четвертых, пусть A, B, C — некоторые остатки, принадлежащие к общему классу I; P, Q, R — другие остатки из класса II; пусть X — результирующая остатков A, B, C из класса I, а Y — результирующая остатков P, Q, R класса II и т. д. <см. рис. 29>. Пусть, наконец, Ω является общей результирующей для сил X, Y , детерминирующей реальное движение и, следовательно, полезность. Если нет полезности, или вредности, которая исходила бы от остатков A , рассматриваемых так, словно присутствуют только они

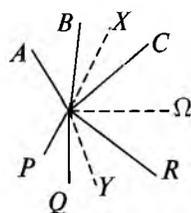

Рис. 29

и ничего более, то это связано не с тем, что A не действует, и тем более не с тем, что энергично оспаривается та деривация, которая соответствует A . Это происходит благодаря противодействию со стороны B, C, P, Q . Кроме того, в силу свойств комплекса остатков A, B , который остается практически константным, A может очень сильно уменьшаться и даже исчезать, без того чтобы сильно изменялась X и, следовательно, без того чтобы заметно изменились результирующая Ω и приобретенная благодаря ей полезность. Изменения Ω и полезности познаются гораздо лучше, если внимание обращается на изменения X, Y , чем на изменения какой-нибудь одной группы из A, B, P, Q ...

894. Таким же образом можно отнести к теме полезности замечания, которые уже были сделаны в § 838 в отношении различных дериваций T, T', T'' , которые соответствуют одному и тому же остатку B .

Во-первых, поскольку именно остатки оказывают наиболее сильное воздействие на равновесие, почти ничего нельзя заключить относительно полезности из существования одной из этих разных дериваций T, T', T'' .

Во-вторых, замена T на T' влияет мало или вовсе не влияет на изменение полезности.

В-третьих, но может помочь тот факт, что действующий индивид, напротив, станет считать необычайно полезной деривацию T , которая им принята, и вредными другие деривации (или, лучше сказать, для него могут оказаться полезными проявляющиеся таким образом чувства). В самом деле, если не учитывать немногих аскетов, люди с трудом могут различить полезность от всего, что считают «хорошим». Следовательно, если они станут считать «хорошей» деривацию T , то они ее сочтут также и «полезной»; если же этого не случится, то данное обстоятельство послужит основанием не особенно доверять такой деривации. Все то, что в такой вере является воображаемым и вредным, затем исправляется иными верованиями, также существующими в обществе (см. § 670, 893).

В-четвертых, если в логико-экспериментальном аспекте одна деривация благодаря ее внутренним свойствам выглядит лучше других в отношении способности увеличить полезность, то отсюда нельзя делать предположение, что так и произойдет в действительности. Может оказаться и так, что одна деривация будет соответствовать менее полезным чувствам, чем чувства, которым соответствует другая деривация, по своей сути менее полезная. Все представленные сейчас рассуждения противоречат обыденному мнению, но опыт указывает на их соответствие фактам.

895. Из всего изложенного также следует, что проблема полезности является количественной, а не качественной, как обычно это полагают. Надо исследовать, в каких пропорциях следствия из некоторой деривации S (см. рис. 28) или из содержащегося в ней принципа при комбинации

их со следствиями из других дериваций T , U , V могли бы быть полезными обществу, а не выяснять (как обычно делается), полезна или вредна для общества деривация S . Проблема сама по себе бессмысленная. Деривации, как правило, невозможно рассматривать в количественном отношении по причине, которую мы не раз отмечали, их ориентации на абсолют (см. § 670). Когда деривация провозглашает тот или иной принцип, то почти всегда имплицитно в ней есть предположение, что к нему следует устремляться абсолютно, без каких-либо оговорок и ограничений.

Будет полезно к высказанным общим положениям добавить примеры частных случаев.

- 896.** *Применение силы в обществе.* В целом общества существуют благодаря тому, что у большинства людей, входящих в их состав, живы и сильны чувства, соответствующие остаткам социальности (класс IV). Но в то же время есть и индивиды, у которых хотя бы часть этих чувств ослабевает и может даже исчезнуть. Отсюда следуют два очень существенных и на первый взгляд противоположных эффекта: один угрожает распадом общества, тогда как другой обеспечивает подъем уровня его цивилизованности. По существу, это всегда движение, но оно может совершаться в разных направлениях.
- 897.** Очевидно, что если бы потребность в единообразии ($IV\beta$) была у всех индивидов данного общества настолько сильной, что удерживала бы каждого из них от любого нарушения единообразий, имеющихся в том обществе, в котором он живет, то такое общество не имело бы внутренних причин для распада. Однако тогда в нем не было бы и стимулов для изменений — будь то в сторону увеличения или уменьшения полезности индивидов или общества. И наоборот, если бы необходимость в единообразии отсутствовала, то общество бы не существовало. Каждый индивид поступал бы по-своему, как львы и тигры, хищные птицы и некоторые другие животные. Общества, которые продолжают существовать и изменяться, занимают, следовательно, некое промежуточное положение между этими двумя пределами.
- 898.** Можно мысленно представить гомогенное общество, в котором потребность в единообразии была бы одной и той же у всех индивидов и соответствовала бы отмеченному выше промежуточному состоянию, но наблюдение показывает, что это не свойственно человеческим обществам. Они отличаются значительной неоднородностью. Упомянутое промежуточное состояние имеет место потому, что у одних индивидов потребность в единообразии очень сильная, у других умеренная, у третьих почти полностью отсутствует, есть также некоторая средняя потребность, не для

каждого отдельно взятого индивида, а для общности, которая охватывает их всех. Можно добавить к этому как констатацию факта, что число индивидов, у которых потребность в единообразии превосходит среднюю потребность, соответствующую среднему состоянию общества, намного превышает число тех, у кого такая потребность ниже средней, и несравнимо выше числа тех, у кого ее вообще нет.

899. Для читателя, который до этого момента внимательно следил за ходом изложения, нет необходимости добавлять, что после того, как зафиксированы результаты от воздействия большей или меньшей силы чувств единообразия, можно сразу предвидеть появление двух теологий. Одна из них освящает неподвижность единообразия, реального или мнимого, тогда как другая освящает движение само по себе в любом направлении; именно это и произошло в действительности. Таким образом, промежуточное состояние общества обычно достигается в результате наложения действия многих сил, среди которых проявляются две отмеченные здесь категории, направленные на достижение различных воображаемых целей и соответствующие остаткам из разных классов (см. § 892 и далее).

900. Вопрос о том, следует ли применять силу в обществе, — бессмысленный, поскольку силу применяют как те, кто хотят сохранить некоторые единообразия, так и те, кто стремятся их нарушить.

901. Также не имеет особого смысла вопрос о том, надлежит ли обществу использовать силы для укрепления существующих единообразий или же ее надо применять для их разрушения, поскольку необходимо различать вариации единообразий и видеть, какие из них полезны, а какие вредны обществу. Но этого недостаточно. Необходимо также выяснить, насколько значительна польза от некоторого вводимого единообразия, компенсирует ли она вред от применения силы при его установлении прежде чем вводить его, или окажется ли вред от некоторого <другого> единообразия настолько значительным, что превысит вред от применения силы для его разрушения (см. § 921). При этом не следует недоучитывать величайший вред анархии, которая явится результатом частого применения силы при ликвидации существующих единообразий, так же как нельзя недоучитывать пользу от сохранения некоторых единообразий, придающих силу и стабильность социальному порядку. Следовательно, чтобы решить вопрос о применении силы, недостаточно решения вопроса о полезности вообще относительно некоторых порядков; необходим взвешенный учет всей пользы и всего вреда, как прямого, так и косвенного. Такой путь направляет на решение научной проблемы; он может отличаться и часто действительно отличается от пути, который ведет

к увеличению общественной полезности. Следовательно, по такому пути целесообразно следовать всем, кто должен решать только научную проблему, а также, но лишь отчасти, некоторым представителям правящего класса. Если же иметь в виду проблему общественной полезности, то, напротив, целесообразным часто оказывается, чтобы те, кто находятся у власти и должны действовать, в зависимости от конкретных обстоятельств принимали одну из теологий, а именно: или предписывающую сохранение существующих единообразий, или убеждающую в необходимости их менять.

902. Вместе с другими теоретическими трудностями такие рассуждения позволяют объяснить, почему найденные решения общей проблемы, как правило, не могут или почти не могут быть использованы практически. Решение частных проблем с их помощью оказывается более успешным. Частные проблемы, относящиеся к определенному месту и времени, встречаются при своем решении меньшие теоретические трудности, поскольку в практике имплицитно учитываются многие обстоятельства, которые в теории невозможно эксплицитно оценить до тех пор, пока она не достигла высокого уровня развития. Здесь не место ни изучать историю применения силы с древнейших времен до наших дней, ни исследовать отдельные детали. Ограничимся уже сказанным и попытаемся отыскать формулу, которая содержала бы достаточно огрубленное обобщение наблюдаемым фактам. Если бы мы рассуждали о недавнем прошлом, то должны были бы охватить как нарушения норм интеллектуального единообразия, так и нарушения материального плана. Еще не так давно и те и другие <нарушения> оценивались примерно одинаково, порой первые нарушения считались более серьезными и тяжкими, чем вторые, но сегодня, за некоторыми исключениями, соотношение их важности сменилось на обратное. Теперь стало меньше норм по соблюдению интеллектуальных единообразий, которые власти стремились бы вводить принудительно. Следовательно, эти нормы лучше рассматривать отдельно от норм материального характера. Итак, обращая особое внимание на нарушения норм материального характера у современных цивилизованных народов, мы видим, что в целом применение силы для пресечения таких нарушений допускается тем с большей легкостью, чем в большей мере эти нарушения могут рассматриваться <властями> в качестве единичных аномалий, имеющих целью достижение индивидуальных выгод и преимуществ. Но готовность прощать нарушение норм утрачивалось по мере того, как оно становится коллективным действием, ориентированным на получение коллективных выгод, особенно в случае, если оно нацелено на смену действующих норм некоторыми нормами общего характера.

903. При изучении отношения взаимозависимости между способами применения силы и иными социальными фактами мы имеем, как правило, дело с последовательностью действий и ответных реакций, в которых применение силы предстает порой как причина, а порой — как следствие.

904. В отношении правящего класса будут рассмотрены главным образом пять групп фактов.

1. Небольшое число граждан, стремящихся к насилию, способно навязать свою волю тем из стоящих у власти людям, которые не готовы к отражению насилия посредством ответного, равного ему насилия. Если правящие руководствуются в основном гуманистическими чувствами и не склонны применять силу, то желанный для провоцирующей насилие группы граждан результат достигается очень легко. Если же, напротив, стоящие у власти не применяют силу потому, что лучшим решением считают использование иных средств, то часто получается результат, изложенный в следующем пункте.
2. Чтобы воспрепятствовать насилию или противостоять ему, правящий класс использует хитрость, обман, подкуп. Со временем такого рода действия оказывают сильное влияние на селекцию правящего класса (см. § 947). Тот, кто лучше владеет искусством ослабления противников путем их подкупа, кто умеет посредством хитрости и обмана спасти то, что казалось уже потерянным перед лицом силы, оказывается наилучшим среди правящих. Тот, кто предпринимает слабые попытки сопротивления и при этом не умеет пригибать спину в нужный момент, оказывается наихудшим среди правящих и может оставаться в их рядах только в случае, если этот изъян восполняется иными его выдающимися качествами.
3. Таким образом, в правящем классе происходит прирост остатков, относящихся к инстинкту комбинаций (класс I) при одновременном ослаблении остатков сохранения агрегатов (класс II). Это связано с тем, что первые остатки помогают именно тогда, когда взамен открытому сопротивлению требуется умение выкручиваться и находить хитроумные комбинации, в то время как вторые склоняют именно к открытому сопротивлению, а сильное чувство сохранения агрегатов лишает <правлящий класс> гибкости.
4. Замыслы правящего класса во временном отношении не очень устремлены вперед. Преобладание инстинктов комбинаций и ослабление инстинктов сохранения агрегатов приводит к тому, что правящий класс преимущественно довольствуется настоящим и мало беспокоится о будущем. Индивид во многом превалирует здесь над семьей, отдельный гражданин — над общностью и нацией.

5. Подобные явления отчасти свойственны и международным отношениям: войны становятся главным образом экономическими; проявляется стремление не конфликтовать с сильными и нападать только на слабых. Эти войны можно рассматривать преимущественно как спекуляцию (см. § 1010). Часто к подобным войнам неосознанно подталкивают страну те <представители правящего класса>, которые порождают экономические конфликты и при этом надеются, что экономические войны никогда не перерастут в вооруженные столкновения; такие конфликты зачастую навязываются народам, не являющимся передовыми. Такое развитие обусловлено доминированием остатков класса I.

905. При рассмотрении управляемого, подчиненного класса мы имеем дело со следующими отношениями, отчасти соответствующими представленным выше группам фактов.

1. Если в управляемом классе имеется некоторое количество индивидов, склонных к применению силы, и если у них есть предводители, способные вести их за собой, то правящий класс часто лишается власти и его место занимает другой класс. Это достигается легко, когда правящий класс более всего преисполнен гуманных чувств, и еще легче, если он не может ассимилировать лучшие элементы, рождающиеся в классе управляемых. Гуманная аристократия, если она закрыта или мало открыта, создает наибольшую нестабильность.
2. Труднее отстранить от власти тот правящий класс, который умеет прибегнуть к хитрости, обману, подкупу. Это особенно трудно сделать, когда ему удалось ассимилировать немало индивидов из класса управляемых, которые овладели данными приемами и <если бы не присоединились к правящему классу> могли бы стать предводителями управляемых, готовыми применить насилие. Управляемый класс при этом остается без руководства, без умений, пребывает в дезорганизованном состоянии и почти всегда не способен к осуществлению чего-либо устойчивого.
3. Таким образом, в управляемом классе немного ослабевают остатки инстинктов комбинаций. Но это явление несопоставимо с возрастанием таких остатков в правящем классе. Поскольку господствующий класс имеет значительно меньшую численность, он существеннее меняется по своим качествам, когда в него вносятся или из него удаляется некоторое ограниченное число индивидов; между тем внесение или удаление такого же количества едва заметно изменяет свойство совокупности с достаточно большим количеством элементов. Кроме того, в управляемом классе остается немало индивидов с инстинктами комбинаций, которые не находят

применения в политике и близких к ней видах деятельности, используются только в областях, не связанных с политикой. Это обстоятельство делает общества стабильными, поскольку правящему классу достаточно ввести в свой состав некоторое незначительное число таких индивидов, чтобы управляемый класс лишился лидеров. Кроме того, если этот процесс продолжается долго, нарастает различие в характере двух классов: в первом начинают преобладать инстинкты комбинаций, во втором — инстинкты сохранения агрегатов; когда же это различие становится слишком значительным, происходят революции.

4. Они часто приводят к власти новый правящий класс, у которого сильны инстинкты сохранения агрегатов; следовательно, к своим стремлениям пользоваться благами сегодня этот новый правящий класс добавляет идеальные цели, достижение которых намечено на неопределенное будущее — скептицизм отчасти сменяет веру.
5. Эти соображения в определенной мере следовало бы распространить на межнациональные отношения. Если у какого-то народа инстинкты комбинаций возрастут свыше некоторого порога по отношению к инстинктам сохранения агрегатов, то он легко может быть побежден в войне с другим народом, у которого такого превышения не произошло. Сила воздействия идеала, ведущего к победе, отмечается как в гражданских, так и во внешних войнах. Кто утрачивает навык в применении силы и привыкает рассматривать войну как операцию в терминах финансовых затрат и выгод, тот легко соглашается покупать мир. Такая операция сама по себе может быть и хорошей, поскольку война могла бы обойтись дороже той цены, которую надлежит выплачивать за сохранение мира. Опыт свидетельствует, однако, что если взглянуть на эту операцию шире, с учетом того, что неизбежно последует за ней, то оказывается, что это путь к гибели. Очень редко отмеченное выше преобладание инстинктов комбинаций наблюдается у всего населения; обычно оно свойственно высшим слоям и редко, а то и вовсе не встречается среди низших и более многочисленных слоев. Следовательно, когда вспыхивает война, <высшему классу> остается только изумляться той энергии, которую проявляет простонародье и которую при рассмотрении только высших слоев предугадать было невозможно. Иногда, как это произошло в случае с Карфагеном, такой энергии масс недостаточно для спасения отечества, поскольку война оказалась плохо подготовлена и плохо велась правящими классами этой страны, но была хорошо подготовлена и хорошо велась правящими классами страны-противника. В других случаях, например в войнах Французской революции, народной энергии оказалось вполне достаточно для спасения

отечества. Несмотря на то что война была плохо подготовлена правящими классами этой страны, она была подготовлена еще хуже и еще хуже велась правящими классами вражеских стран. Низшим слоям общества это дало возможность отстранить от власти свой правящий класс и сменить его другим, обладающим большей энергией и более высокой концентрацией инстинктов сохранения агрегатов. Иной раз бывает и так, как, например, в Германии после поражения под Йеной: народная энергия распространяется в высшие классы и толкает их к действию, которое может быть эффективным, поскольку умелое руководство соединяется со страстной верой.

906. Все это явления основные, но к ним добавляется немало вторичных. Так, когда правящий класс не умеет, не желает, не может применить силу для пресечения нарушений единообразия в частной жизни, это возмещается проявлениями анархии со стороны части управляемого класса. Хорошо известно из истории, что частная месть <вендетта, суды Линча> то исчезает, то возникает вновь в соответствии колебаниями официальной власти между применением и отказом от применения силы в борьбе с преступностью. Отмечено также, что там, где деятельность государственной власти ослабевает, появляются малые государства внутри большого государства и малые общества внутри большого общества. Сходным образом там, где перестает работать государственное правосудие, его сменяет частный и сектантский суд, и наоборот. В международных отношениях под мишурой гуманистических и этических декламаций скрывается только сила. Китайцы считали себя (возможно, и в самом деле были) выше японцев по уровню культуры, но им не доставало военной силы, дефицита которой не было у японцев благодаря сохранению пережитков феодального «варварства». Китайцев атаковали европейские орды, действия которых напоминали, как хорошо сказал Жорж Сорель, бесчинства испанских *конквистадоров* в Америке. Бедные китайцы после убийств и грабежей, совершавшихся европейцами в их стране, были вынуждены еще выплачивать контрибуцию, тогда как японцы, одержав победу над русскими, стали пользоваться уважением во всем мире.
907. Обычно все эти факты предстают в завуалированном деривациями виде. С одной стороны, имеются теории, всегда, во всех случаях осуждающие насилие, которое применяется правящим классом; с другой — встречаются теории, которые порицают использование насилия управляемыми классом.
908. В первых теориях, когда не особенно сильно ощущается необходимость в логической аргументации, прибегают к простым чувствам благоговения

по отношению к обладающим властью людям, а посредством абстракций вроде понятия «государство» обращаются к чувствам осуждения по отношению к тем, кто пытается нарушить или разрушить установленный порядок. Когда считается полезным удовлетворять человеческую потребность в логике, то прибегают к смешению двух совершенно разных вещей: смешивают действие того, кто нарушает единообразие исключительно ради своей выгоды, с действием того, кто делает это во имя коллективного интереса и для замены данного единообразия на другое. Таким способом стремятся распространить на второе действие осуждение, которое, вообще говоря, касается только первого действия. В наше время появляются рассуждения, которые исходят из теологии прогресса. Некоторые наши правительства имели революционные истоки. Как тогда, не отрекаясь от своих корней, они могут осуждать революции, которые могут быть предприняты против них? Они принимают превентивные меры путем установления нового божественного права: восстание против прежних правящих верхов было легитимным, поскольку они опирались на силу; теперь восстание против современных правительств нелегитимно, поскольку их действия основаны на «разуме». Или так: восстание легитимно против короля и олигархий, но не против «народа». Или еще: можно поднять восстание в странах, где не существует всеобщего избирательного права; но оно больше недопустимо там, где такая панацея имеется. И еще вариант аргументации: восстание становится ненужным и, следовательно, преступным во всех странах, где «народ» может выразить свою «волю». Наконец, чтобы не забыть немного обрадовать господ метафизиков: восстание не может допускаться там, где существует «правовое государство». Пусть читатель меня простит, если я не стану определять эту замечательную сущность; но сколько бы ни проводить исследований, для меня она остается и в самом деле неведомой. Любые исследования я предпочту попыткам описывать химеру.

909. Как обычно, эти деривации всегда лишены определенного смысла. Все правительства применяют силу, и все они уверяют, что опираются на разум и здравый смысл. На самом деле, как при всеобщем избирательном праве, так и без него, всегда правит олигархия, и она умеет преподнести свою волю как выражение «воли народа».

910. По существу, такие деривации выражают главным образом чувства тех, кто, добравшись до власти, желают удержать ее, но также передают общее ощущение, что социальная стабильность полезна. Если бы общность, малая или большая, как только ее не удовлетворят некоторые нормы, принятые обществом, частью которого эта общность является, прибегала к оружию, чтобы их ликвидировать, то общество распалось бы. Социальная стабильность настолько полезна, что ради ее сохранения стоит

прибегать к помощи идеальных целей (см. § 714, 711), различных теологий, среди которых может оказаться и теология всеобщего избирательного права, и смириться с тем, что придется претерпеть из-за этого некоторый реальный ущерб. Чтобы было полезно нарушить стабильность, надо, чтобы этот ущерб оказался очень большим. Необходимо также, чтобы имелись люди, которые эффективно руководствовались бы не скептическими научными рассуждениями, а сильными чувствами, выражаемыми в форме идеалов. Такие чувства могут быть полезными и в некоторых пределах в самом деле оказываются полезными, сколь ни абсурдны в научном отношении <выражающие эти чувства> теории «божественного права» или права короля, олигархий, «народа», «большинства», политических ассамблей и других подобного же рода прав.

- 911.** Теории, поощряющие применение силы управляемыми, почти всегда соединяются с теориями, осуждающими ее применение правящими. Редкие фантазеры и мечтатели осуждают применение силы вообще, но такие теории не имеют никакого влияния, ибо только способствуют ослаблению сопротивления правящих, создавая свободное поле для насилия управляемых. В свете сказанного мы можем ограничиться рассмотрением теорий именно в такой <комбинированной> форме.
- 912.** Нет необходимости в большом числе теорий, чтобы побудить к сопротивлению или к применению силы тех, кто являются или считают себя угнетенными. Следовательно, деривации преимущественно направлены на убеждение людей, занимающих в конфликте нейтральную позицию, чтобы они осудили сопротивление правящих, сделали его менее сильным и даже стали отговаривать самих правящих от оказания сопротивления. Эти идеи, помимо прочего, могут сейчас пользоваться успехом у тех, кто опустились до филантропии и гуманизма. Порой можно прибегать к помощи людей нейтральных и ослаблять сопротивление правящих благодаря использованию также дериваций любой искренне исповедуемой ими религии. Но поскольку в деривациях с легкостью употребляются аргументы как «за», так и «против», это средство малоэффективно, если не выступает просто в качестве прикрытия интересов.
- 913.** В наше время, когда конфликты в основном оказываются экономическими, правительство обвиняют во «вмешательстве» в экономические споры, когда оно стремится защитить хозяев или штрейкбрехеров от насилия забастовщиков. Если полицейские не позволяют себя избивать и поэтому применяют оружие, говорят, что им недостает самообладания, что они «импульсивны, неврастеничны». Решения судов оспариваются как «классовые решения», во всяком случае, расцениваются как слишком жесткие. В конце концов, добиваются того, чтобы амнистия предала

забвению всякое воспоминание о конфликтах такого рода. Можно было бы ожидать, что поскольку интересы штрейкбрехеров и хозяев прямо противоположны интересам забастовщиков, то они использовали бы и противоположные деривации. Однако такого либо не бывает, либо если и случается, то в мягкой форме. Что касается штрейкбрехеров, то причина этого состоит в том, что им вообще свойственно малодушие; они не имеют опоры в идеалах, почти стыдятся своего дела — выполняют свою работу, не осмеливаясь открыто сказать об этом. Что касается хозяев, то многие из них являются «спекулянтами» и надеются возместить урон от забастовки с помощью правительства и за счет средств потребителей и вкладчиков. Их споры с забастовщиками являются спорами соучастников при разделе добычи. Забастовщики, которые входят в состав народа, обладающего в изобилии остатками класса II, имеют не только интересы, но и идеалы. Хозяева-«спекулянты», которые входят в состав класса, разбогатевшего при помощи комбинаций, напротив, обладают в изобилии остатками класса I и, следовательно, имеют главным образом корыстные интересы и вовсе не имеют или почти не имеют идеалов. Они тратят время на более прибыльные операции, чем построение теорий. Среди них немало демагогов-плутократов, которые отлично умеют извлечь выгоду из забастовки, которая, казалось бы, направлена против них.

914. Далее, имеются общие соображения, используемые как во внутренних, так и в международных конфликтах, выражающиеся в призывах сострадать мучениям, вызванным применением силы. При этом внимание совершенно отвлечено от тех побудительных причин, по которым она применялась, и от пользы или вреда, которые порождает ее применение или неприменение. Иногда в них дополнительно проявляется особое уважение или, по крайней мере сочувствие к «пролетариату», который никогда не может совершить зла, или утверждается, что его можно простить, если даже он и совершает зло. В былые времена подобные высказывания, соответствующие аналогичным чувствам, использовались во благо королевского, теократического и аристократического правления.

915. Примечательно, поскольку это соответствует сентиментальной природе дериваций, что теории, лучшие в логико-экспериментальном аспекте, не принимаются в расчет. Например, в Средние века лучшим аргументом в поддержку клерикальной власти в спорах с властью императора, короля и баронов мог бы стать тезис, что она представляла собой почти единственный противовес их власти, почти единственную защиту интеллектуальной деятельности, науки и культуры от их невежественной и грубой силы. К такому аргументу, однако, не прибегали или почти не прибегали, и люди предпочитали полагаться на деривации, извлеченные из Божественного Откровения или из Священного Писания. Сегодня

владельцам предприятий, которые извлекают пользу из экономического протекционизма и проявляют большое негодование по поводу того, что забастовщики стремятся избавиться от конкуренции со стороны штрейкбрехеров, не задают вопрос: «Почему вы не хотите позволить другим делать то, что делаете сами, почему для вас хороша свободная конкуренция между рабочими и плоха конкуренция между хозяевами?»

- 916.** Можно возразить, что насилие при защите интересов хозяев является законным, а насилие забастовщиков по отношению к штрейкбрехерам незаконное. Так, вопрос о полезности насилия трансформировался в вопрос о полезности способов его осуществления, и это существенно. Узаконенное насилие представляет собой следствие действующих в обществе норм, и его применение обычно дает больше пользы и меньше вреда, чем применение частного насилия, направленного на разрушение этих норм. Заметим, что забастовщики могли бы на это ответить, и порой действительно отвечают, что используют нелегальное насилие потому, что им недоступны легальные формы. Если бы закон путем легального насилия заставил противоположную сторону обеспечить для них то, чего они добиваются, они не нуждались бы в обращении к нелегальному насилию. Эту же аргументацию можно применить во многих иных случаях. Кто применяет нелегальное насилие, тот был бы всегда рад его признанию как легального насилия.
- 917.** Тема этим не исчерпывается, и сейчас мы переходим к наиболее важному ее пункту. Оставим в стороне частные моменты и рассмотрим вопрос в общем плане. Спор ведется, собственно говоря, о выборе между хитростью <изворотливостью ума> и силой. Чтобы его разрешить в том смысле, что никогда, даже в исключительных случаях, не бывает полезным противопоставление силы и хитрости, необходимо доказать, что во всех без исключения случаях использование первой не может быть полезнее обращения ко второй (см. § 1006). Предположим, что в некоторой стране имеется правящий класс *A*, который из всех слоев населения вбирает в себя лучшие по способности прибегать к хитрости элементы. При таких обстоятельствах управляемый класс *B* остается лишенным в значительной мере таких элементов, и поэтому у него мало или вообще нет надежд на победу над частью *A*, пока эта борьба ведется при помощи ума и хитрости. Если бы хитрость и ум <правлящего класса> дополнить силой, то господство части *A* было бы вечным: «Затем, что там, где властен разум, слитый/ Со злобной волей и громадой сил,/ Там для людей нет никакой защиты» (*Ад. XXXI. 55–57*)*. Но это случается лишь с немногими. Среди

* Данте А. Новая жизнь. Божественная комедия / пер. с итал. Е. Лозинского. М.: Художественная литература, 1967. С. 208.

тех, кто полагаются на хитрость, мало способных к насилию, как и наоборот. Следовательно, накопление в части *A* тех людей, которые более других умеют прибегать к хитрости, имеет следствием накопление в части *B* людей, более склонных к насилию. Если этот процесс продолжается достаточно долго, то равновесие <в обществе> становится нестабильным, поскольку класс *A* обладает хитростью, но ему недостает смелости применить силу, а также самой силы, в то время как у класса *B* есть, конечно, и сила, и смелость ее применить, но недостает умения применить эти преимущества. Если затем у *B* появятся обладающие таким умением лидеры (и история нас учит, что обычно ими становятся недовольные из *A*), у *B* будет все необходимое, чтобы победить и свергнуть власть *A*. Бесчисленные примеры чему встречаются в истории с древнейших времен до наших дней.

918. Необходимо отметить, что такой переворот особо полезен для общества, когда правящий класс все более впадает в гуманизм, и менее полезен, когда этот класс состоит из индивидов, все более ориентирующихся на использование комбинаций вместо применения силы, особенно если это приводит, пусть даже опосредованно, к материальному процветанию общества.
919. Тот, кто судит поверхностно, возможно, сосредоточит все внимание только на сопровождающих переворот кровопролитиях и грабежах, не задаваясь вопросом, не являются ли они проявлениями (несомненно, весьма прискорбным) тех социальных сил и чувств, которые, напротив, очень полезны. Если кто-то скажет, что такие кровопролития и грабежи, хотя они и не могут не вызывать осуждения, являются признаком того, что совершающие их люди заслуживают получения власти на благо обществу, выскажет парадокс, поскольку не существует причинно-следственной связи и даже непосредственной и необходимой взаимозависимости между этими бедствиями и общественной пользой. В этом парадоксе есть, однако, зерно истины, поскольку кровавые побоища и грабежи представляют собой внешний признак, симптом прихода сильных и смелых людей на смену людям слабым и трусливым.
920. Если кто-нибудь станет убеждать, что изменение всегда приносит вред и что стабильность — это высшее благо, то ему придется доказать, что либо человеческому обществу было бы полезнее всего оставаться в состоянии варварства, либо переход от варварства к нынешнему цивилизованному состоянию произошел (или же смог бы произойти) без войн и революций (см. § 54). Второе утверждение настолько противоречит фактам, в чем убеждает история, что было бы абсурдным даже его обсуждать. Первое утверждение, напротив, можно было бы отстаивать, придавая особый

смысл понятию «полезность» и доверяя теориям, прославляющим прелесть «естественного состояния». Тот, кто не хочет этого делать, не станет принимать и первое утверждение; следовательно, он будет вынужден на основании фактов и логики признать, что войны и революции порой бывают полезными; впрочем, это не означает, что так происходит всегда. Если это признается в отношении прошлого, то нет оснований полагать, что нечто подобное не произойдет в будущем.

- 921.** Как обычно, перейдем из области качественного рассмотрения, где господствуют деривации, в количественную область логико-экспериментальных знаний. Нельзя утверждать отвлеченно как о том, что стабильность всегда полезна, так и о том, что всегда полезно изменение. Следует исследовать каждый случай отдельно, оценивать пользу и вред и смотреть, что превалирует, — первая над второй или наоборот.
- 922.** При этом спонтанно возникает вопрос: почему одни правительства применяли силу, а другие — нет? Понятно, что за сделанным сейчас шагом к объяснению рассматриваемых феноменов должны последовать другие шаги. Кроме того, ясно также, что нельзя признать точным ответ, будто правительство пало, поскольку оно не применяло силу. Так как если бы факты ее неприменения зависели от других фактов, то последние и стали бы, собственно говоря, причиной этих феноменов, а факт неприменения силы являлся бы мнимой причиной. Эти факты также могли бы, в свою очередь, зависеть, по крайней мере отчасти, от недостаточного применения силы, и, следовательно, описанное выше отношение между ними как отношение причины и следствия необходимо рассматривать в более широком контексте отношений взаимозависимости. Но это еще не все. Если верно, что правительства, которые не умеют или не могут применять силу, теряют власть, то также верно, что ни одно правительство не удерживается у власти, если будет использовать исключительно силу (см. § 966). Из всего сказанного ясно, что мы рассмотрели только одну сторону проблемы и, следовательно, необходимо расширить область исследований и изучить феномены в более широком плане. Приступим к этому теперь.
- 923.** *Циклы взаимозависимости.* Рассмотрим совокупность элементов, от которых зависит социальное равновесие, и постараемся учесть если не все, то хотя бы наиболее важные (см. § 856, 844). При рассмотрении взаимозависимости элементов вместо метода *2a* мы обратимся к методу *2b*, описанному в § 843, с учетом препятствий и трудностей, упомянутых в § 844.
- 924.** В § 841 мы выделили две категории фактов, а именно: факт существования общества и факты, которые совершались в данном обществе, или

элементы, из которых следует существование этого общества. Разобьем вторую категорию фактов на группы, затем выделим среди них элементы, которые принадлежат к одной и той же группе, и исследуем их влияние на элементы других категорий как изолированно (непосредственное воздействие), так и вместе с другими элементами из той же категории (опосредованное воздействие).

- 925.** Рассмотрим взаимозависимость категорий. Для краткости обозначим буквами следующие элементы: a — остатки; b — интересы; c — деривации; d — социальная неоднородность и циркуляция.
- 926.** Итак, мы скажем, что, во-первых (I), a воздействует на b, c, d ; во-вторых (II), b воздействует на a, c, d ; в-третьих (III), c воздействует на a, b, d ; в-четвертых (IV), d воздействует на a, b, c . Комбинация I представляет собой существенную часть социального феномена. Это интуитивно угадывалось, хотя и несовершенным образом, в теориях, в которых в основу общества ставилась этика и факты подчинялись «концепциям». Комбинация II, также довольно существенная, была зафиксирована приверженцами «исторического материализма», которые впали, однако, в ошибку, поскольку не принимали в расчет другие комбинации и рассматривали часть как целое. Комбинация III известна нам благодаря художественной литературе. Ей придается намного большее значение, чем она имеет в действительности и по сравнению со всеми остальными. Комбинация IV, отмеченная еще Платоном и Аристотелем, к которой привлечено особое внимание сегодня, представляет собой также немаловажный феномен.
- 927.** Действия и реакции на них беспрестанно следуют друг за другом; следовательно, при вариациях a при комбинации I изменяются также и другие элементы — b, c, d («непосредственные воздействия»). При этом благодаря другим комбинациям изменение b, c, d приводит, в свою очередь, к изменению a , которое затем сказывается на комбинации I и вновь приводит к изменению a, b, c, d («опосредованные воздействия»). Затем происходит переплетение эффектов влияния нескольких комбинаций. В дальнейшем будет приведен пример такого влияния (см. § 1029 и далее). Конкретное состояние равновесия, которое наблюдается в обществе, представляет собой результат всех взаимовлияний, т. е. всех действий и реакций; следовательно, оно отлично от теоретического состояния равновесия, получаемого при учете одного или нескольких элементов a, b, c, d вместо всех.
- 928.** Рассмотрим частный случай — таможенный протекционизм в промышленности, осуществляемый посредством установления импортных

пошлин, который относится к категории *b*. Математическая экономия, представляющая собой знание, относящееся к данной категории, позволила доказать, что введение протекционизма в целом имеет своим непосредственным результатом разрушение благосостояния. Для многих экономистов протекционизм — это зло, но для принятия такого суждения требуется изучить опосредованные, и не только экономические, но и социальные, результаты введения протекционистских мер. Что касается экономических результатов, то протекционизм при передаче определенной суммы богатств от части сообщества *A* другой его части *B* истребляет некоторую долю *q* от этой суммы богатств. Данная операция окажется экономически вредной для сообщества в целом, если при новом распределении материальных благ их производство не возрастет на величину, превышающую *q*. При этом надо различать динамические эффекты, возникающие через короткий период времени после введения протекционизма, и статические эффекты, которые проявляются через длительный период времени. Кроме того, следует различать эффекты, возникающие в легко расширяемых производствах, эффекты, проявляющиеся в индустрии в целом, и эффекты, складывающиеся на трудно увеличиваемых производствах, таких, как аграрное.

929. Динамический эффект более значим для промышленников, чем для земледельцев. Когда вводится протекционизм, промышленники, которые уже владеют попадающими под защитительные меры предприятиями, и промышленники, способные предвидеть ситуацию и предусмотрительно получить протекцию, пользуются временной монополией, которая закончится только тогда, когда новые промышленники составят конкуренцию прежним. Но для того чтобы это произошло, необходимо некоторое время, часто немалое. Для аграриев — напротив, новые конкуренты представляют меньшую опасность; следовательно, для них динамический эффект мало отличается от эффекта статического. Кроме того, протекционизм может дать жизнь новым видам производства; следовательно, он также может привести к росту если не доходов, то числа промышленников. Такое может случиться и в сельском хозяйстве, но в гораздо меньших масштабах: протекционизм в этой отрасли приводит лишь к замене одной сельскохозяйственной культуры другой. Статический эффект, напротив, менее проявляется в отношении доходов промышленников, чем в отношении доходов аграриев; он увеличивает их доходы, тогда как конкуренция аннулирует доходы временных монополий промышленников. Именно поэтому протекционизм в промышленности обычно уничтожает больше богатств, чем протекционизм в аграрной сфере; в последнем случае спасаются от истребления новые доходы, и дело сводится к простому переливу средств.

930. Рассмотрим непосредственные эффекты по отношению к другим категориям (см. § 927). Комбинация II: наиболее значительное воздействие отмечается по отношению к d , т. е. во влиянии на социальную неоднородность. Динамические эффекты от введения промышленного протекционизма обеспечивают обогащение не только тем, у кого имеются технические знания и инженерный талант, но в первую очередь тем, кто наловчился проводить финансовые комбинации или обладают хитростью, которая позволяет добиться расположения политиканов, предоставляющих протекционистские льготы. Некоторые из таких людей, особо наделенные такими качествами, становятся богатыми и влиятельными и управляют страной. Это же происходит и с политиканами, умеющими в удобную минуту продавать льготы при введении протекционизма. Такие индивиды отличаются интенсивными остатками класса I; значительно более слабыми оказываются в них остатки класса II. Люди же, у которых твердость характера и личное достоинство превалируют над технической изобретательностью и (или) финансовой находчивостью, а также те, кто не обладают отмеченными выше дарованиями и не способны проявлять хитрость, оказываются в проигрыше и несут убытки. Поскольку они не получают никаких выгод от протекционизма, именно на них падают связанные с ним расходы. Статические эффекты от промышленного протекционизма не идентичны, но аналогичны динамическим эффектам, поскольку, если обогащаются численно небольшие группы людей, то они открывают дорогу для деятельности индивидов, наделенных изобретательностью и хитростью. Этим они увеличивают численность занятой в промышленности части населения, часто за счет сельского населения. Кратко это можно выразить так. Если бы при формировании правящего класса использовались результаты упомянутых в § 792 экзаменов, то превосходство в баллах имели бы те, в ком много остатков класса I, у кого они особенно интенсивны и кто может ими пользоваться, чтобы собрать плоды от протекционизма. Меньшую оценку в баллах получили бы те, у кого мало представлены и слабо выражены остатки класса I, а также те, кто даже при большом их количестве и значительной их силе не умеют использовать их в подходящий момент. Таким образом, промышленный протекционизм содействует приращению остатков класса I в правящих верхах. Кроме того, циркуляция становится при этом более интенсивной. В стране, где мало промышленных предприятий, индивид, от рождения щедро наделенный инстинктами комбинаций, встретит значительно меньше возможностей для их использования по сравнению с тем, кто родился в индустриальной стране, где постоянно создаются новые предприятия. Умение добиваться льгот от протекционизма создает обширное поле деятельности именно тем, у кого имеются такие способности, даже если они их не реализуют непосредственно в промышленной деятельности. Продолжая проведенную в § 792 аналогию,

можно отметить, что экзамены по выявлению людей с большим количеством остатков класса I становятся более частыми и охватывают все большее число кандидатов.

- 931.** Интенсивные эффекты в отношении категории *a*, т. е. в отношении остатков, здесь почти не проявляются также и потому, что остатки меняются медленно (см. § 1008). Напротив, существенны эффекты в отношении категории *c*, т. е. в деривациях, и отмечается широкое распространение защищающих протекционизм экономических теорий. Многие из них можно приравнять к тем посвящениям и сонетам, которые в былые времена преподносили богатым сеньорам, чтобы добиться от них определенной финансовой поддержки.
- 932.** Комбинация III. Деривации влияют мало или вообще не влияют на остатки, слабо влияют на интересы и немного сильнее — на социальную неоднородность *d*, поскольку в любом обществе преуспевшие в восхвалении могущественных особ люди могут проникнуть в управляющий класс. Шмоллер не попал бы, наверное, в Пруссии в Палату господ <прусского парламента>, если бы он был сторонником свободы экономических обменов. Английские фритредеры, напротив, встречают благосклонное отношение со стороны правительства, которое именуется «либеральным». Таким образом, перед нами опосредованные воздействия, не относящиеся к рассматриваемым нами здесь категориям. Интересы *b* оказали воздействие на деривации *c*, а они влияют на социальную неоднородность *d*.
- 933.** Комбинация IV. Здесь вновь обнаруживаются важные эффекты, которые в меньшей мере проявляются во влиянии неоднородности на остатки (в связи с их достаточно высокой стабильностью); и в большей мере — во влиянии на интересы.
- 934.** Впрочем, и при обобщенном рассмотрении комбинации IV нельзя пренебрегать косвенным воздействием интересов на остатки; оно может оказаться и значительным, если осуществлялось на протяжении многих лет. У нации, проявляющей необычайную заботу о соблюдении своих экономических интересов, происходит экзальтация чувств, соответствующих инстинкту комбинаций, и при этом подавляются чувства, соответствующие сохранению агрегатов; в этих классах остатков изменяются способы и прежде всего формы, в которых остатки выражаются, т. е. деривации. Совершенство вместо прошлого соотносится с будущим; бог Прогресс восходит на Олимп. Гуманизм торжествует, поскольку отныне соблюдение интересов лучше обеспечивается посредством обмана, чем

силы; становится правилом обхождение препятствий, а не преодоление их благодаря приложению усилий. При долговременном продолжении подобной практики характер людей мельчает, а хитрость господствует во всех своих формах.

935. Обращаясь вновь к частному случаю — к протекционизму, отметим, что когда интересы, обусловленные его проведением, вовлекли в правящий класс людей с большим запасом остатков класса I, такие люди, в свою очередь, начали влиять на интересы и побуждали всю нацию к экономической деятельности и к индустриализму. Данный феномен настолько поразителен, что не ускользает от взгляда даже поверхностных наблюдателей, а у тех, чей взор был замутнен ошибочными теориями, он часто обозначался как рост «капитализма» в современных обществах. Затем при помощи типичного рассуждения «post hoc ergo propter hoc»* этот рост капитализма выдавался за причину ослабления нравственных чувств (сохранение агрегатов).
936. В отмеченном сейчас феномене прослеживается опосредованное воздействие: интересы оказывают влияние на неоднородность, а она, в свою очередь, затем влияет на интересы, и, таким образом, через последовательность действий и ответных реакций устанавливается равновесие, при котором более интенсивными становятся экономическое производство и циркуляция элит, и существенным образом меняется состав правящего класса.
937. Рост экономического производства может стать настолько значительным, что превысит количество благ, истребляемых вследствие протекционизма. Тогда в целом может быть обеспечен прирост, а не уменьшение благ; следовательно, экономическое процветание страны может, хотя и не всегда, возрастать и при промышленном протекционизме.
938. Отмечу, что это опосредованное действие, связанное с влиянием промышленного протекционизма на социальную неоднородность и циркуляцию элит, затем, в свою очередь, оказывает ответное влияние на экономику страны. Поэтому если в этой цепи взаимовлияний исчезнет первое звено и останется второе <см. § 936>, то результат последует тот же самый. Поэтому если бы протекционизм иным способом влиял на социальную неоднородность и на циркуляцию элит, то и результат был бы иным. Именно так обычно и происходит при аграрном протекционизме. Следовательно, оставаясь в той точке цикла, в которой мы теперь

* После этого, следовательно, по причине этого (*лат.*).

находимся, можно сказать, что возможен опосредованный результат в виде роста экономического благосостояния как при промышленном протекционизме, так и при свободном обмене, который покрывает издержки аграрного протекционизма. Последний случай в самых общих чертах представлен событиями в Англии во времена Лиги Кобдена. Отмена аграрного протекционизма оказала сильное действие; намного меньшим был эффект от устранения промышленного протекционизма, поскольку в то время английская промышленность занимала первое место в мире; следовательно, результаты были связаны преимущественно с первым из упомянутых мероприятий. Более того, в Англии того времени классовая циркуляция уже была и стала еще интенсивнее под воздействием политических мер. Напротив, когда Германия ввела протекционизм, эта циркуляция была медленной и осуществлялась в основном в силу отнюдь не экономических причин. Аграрный протекционизм мало мог повлиять, либо вовсе не влиял на циркуляцию, которая медленно протекала уже сама по себе; между тем как промышленный протекционизм необычайно стимулировал ее и, следовательно, полученные результаты были, главным образом, результатами его введения. В Англии также отмечались эффекты, связанные с отменой аграрного протекционизма, и страна все более приближалась к состоянию демагогического индустриализма, который не может возобладать в Германии до тех пор, пока силен и крепок класс юнкеров, благополучие которого поддерживается сельскохозяйственными покровительственными пошлинами.

В Италии после образования нового королевства протекционизм в сфере финансов и государственных предприятий уже оказал на социальную неоднородность воздействие, сравнимое с рассмотренным влиянием промышленного протекционизма в других странах. Когда же он был введен и в Италии, во многом в сочетании с аграрным протекционизмом, то имел опосредованное и малосущественное влияние, за исключением, пожалуй, Северной Италии; в то время как в Южной Италии почти исключительное влияние оказывал аграрный протекционизм. Поэтому опосредованные результаты были в общей совокупности изменений почти неразличимы. Наглядным экономическим результатом стало разрушение материальных благ. Оно открыто просматривалось, пока не оказалось завуалировано успехами свойственного для всех цивилизованных народов подъема общего благосостояния.

- 939.** Знание причин этих различных экономических эффектов не может быть получено в рамках только политической экономии. Необходимо сочетать политэкономический анализ с привлечением другой научной дисциплины, которая имеет большую степень общности. Она сможет показать, как сбрасываются чары с дериваций, на основе которых выстраиваются

ошибочные теории, а также многочисленность и многообразие сил, реально влияющих на эти феномены, которые хотя и выглядят как строго экономические по своим проявлениям, но фактически зависят от других социальных явлений.

- 940.** Таковы очерченные в грубых штрихах первые контуры экономического феномена. Чтобы обозначить контуры второго, более детального плана, нужно сделать еще многое. Здесь, однако, не место для проведения таких исследований (см. § 951 и далее, § 1000 и далее). Пока же следует приступить к устранению недоработки, связанной с тем, что мы останавливались до сих пор только на одной точке цикла, между тем как необходимо продолжить и рассмотреть иные опосредованные эффекты.
- 941.** Если бы этому не противодействовала никакая сила, то цикл упомянутых действий и ответных реакций продолжался бы бесконечно долго, и экономический протекционизм с его эффектами все время бы нарастал. Именно это наблюдалось у многих народов в XIX в., но, в то же время зарождались и развивались противодействующие такому движению силы. Не останавливаясь на частном случае протекционизма и рассуждая более обобщенно, можно обнаружить эти контрсилы в изменениях <состава> элит, а также в смене обстоятельств, которые делают возможным циклическое движение (см. § 945). Когда в элите меняется пропорция остатков класса I и класса II, как нам показывает история, движения в одном направлении не совершаются бесконечно долго, рано или поздно они сменяют направление на противоположное. Часто это происходит в результате войн, как было в связи с римским завоеванием Греции, где в большом избытии имелись остатки класса I, между тем как в Риме в то время <среди его граждан> преобладали остатки класса II. Кроме того, движения, противоположные по отношению к ходу событий, который отмечался на протяжении довольно длительного времени, часто возникали благодаря внутренним революциям: примечательный пример этому дает смена Римской республики на Римскую империю, которая, по существу, явилась социальной революцией и в большой мере изменила пропорции остатков в правящем классе. Оба рассмотренных эффекта изменений можно обобщить и отметить, что там, где не возникает один из них, имеет место другой, аналогично тому, как спелые фрукты либо срываются рукой человека, либо сами падают на землю — в любом случае они не остаются висеть на деревьях. Упомянутая причина — изменения элиты — одна из главных, определяющих волнообразную форму, которую принимает данный феномен; позднее он будет рассмотрен подробнее (см. § 1001, 1029 и далее) на примечательных примерах.

- 942.** У многих народов промышленный протекционизм наблюдается в сочетании с аграрным протекционизмом; и сейчас в Европе не встретишь их по одному. Поскольку обе разновидности приводят, хотя бы отчасти, к противоположным результатам, мы видим, как под впечатлением этих фактов эмпирики почти инстинктивно стремятся найти некий средний путь. В целом, промышленный протекционизм и аналогичные действия в защиту аграрной отрасли сочетаются друг с другом в разных соотношениях и приводят к формированию в правящем классе различных пропорций между остатками класса I и класса II с разными результатами, которые следуют из данного обстоятельства (см. § 947).
- 943.** Все, что мы говорили выше, распространяется на любые защитные меры. Например, поддержка военных классов, которая осуществляется, когда богатства, почести, власть люди приобретают в основном за счет войны, как и ранее рассмотренный экономический протекционизм воздействует на социальную неоднородность, но иным образом — через усиление остатков класса II у правящих классов она повышает интенсивность циркуляции, позволяя возвышаться тем <индивидам из подчиненных классов>, у которых имеются воинственные инстинкты, а поскольку остатки изменяются мало, такая протекция приводит к увеличению интенсивности остатков класса II <в высших классах>. Значительны, хотя и не в такой мере, как в случае экономического протекционизма, также и влияния на деривации: здесь они в меньшей степени влияют на социальную неоднородность и несколько больше воздействуют на остатки. Наконец, обратив внимание на комбинацию IV, заметим, что протекция в отношении военных интересов побуждает общность к занятиям военного характера, что опять оказывается результатом опосредованным.
- 944.** В этом случае также рождаются силы, противоположные силам рассматриваемого цикла. С одной стороны, частые войны приводят в правящий класс людей, охваченных воинственными чувствами, с другой — они же их истребляют. В итоге правящий класс может как обогащаться, так и обедняться в отношении присутствия в нем воинственных элементов и, следовательно, в нем в большей или в меньшей степени могут поддерживаться соответствующие им остатки (класс II). В нынешние времена война требует интенсивного экономического производства, а его подготовка мало содействует увеличению в правящем классе числа воинственных элементов; в то же время война способствует проникновению в него промышленных и коммерческих элементов.
- 945.** Что касается обстоятельств, делающих возможными рассматриваемые циклы (см. § 941), то для военного цикла необходимо наличие богатых народов, которых можно завоевать в целях эксплуатации. Для

индустриального цикла желательны наличие народов, мало прогрессирующих в экономическом отношении, что позволяет <богатым нациям> эксплуатировать их благодаря превосходству в развитии промышленного производства. Индустриализм для своего роста нуждается также в людях, создающих накопления средств, и в то же время он, как правило, побуждает тратить все заработанное (см. § 948). В целом можно отметить, что во все времена движение военного цикла вызывало гораздо более сильные противоречия, чем движение индустриального цикла. В самом деле, для индустриального цикла в некоторых пределах характерна самодостаточность: производители благ одновременно выступают их потребителями; когда возрастает благосостояние бедных народов, эксплуатируемых народами богатых стран, увеличивается также их потребление, следовательно, это оказывается выгодным для промышленно развитых народов. Связанный с этим вред проявится позднее, когда бедные нации сумеют приблизиться к богатым по уровню благосостояния. Что касается ослабления чувств, побуждающих к созданию накоплений, то такого результата не приходится ожидать скоро, поскольку остатки изменяются медленно; следовательно, нескоро истощается эксплуатируемый материал, необходимый для <цикла> индустриального развития. Напротив, богатые народы, необходимые для осуществления военного цикла, могут исчезнуть. Тогда воинственный народ погибнет, впадая в потребление, если только, как в древнем Риме, завоевания не перестанут быть единственным средством обеспечения материального благополучия, и если ему станут способствовать также торговля и производственная деятельность.

946. Рассмотрим обобщенно случай столкновения народов, у которых совершается один из этих циклов, с народами, у которых осуществляется другой цикл. В таком случае в зависимости от стадии развития может прерваться тот или другой цикл. Так, современные индустриально развитые народы побеждают и господствуют над варварами и полуварварами, еще оставшимися в состоянии военного развития. Напротив, Древний Рим покорил наиболее передовые народы средиземноморского бассейна, а Римская империя, в свою очередь, была завоевана варварами. Среди нынешних цивилизованных народов есть незначительные отличия в стадиях того или иного совершаемого ими цикла, поэтому сила, которая рождается из неравенства их состояний, хотя бы и заметного, не приводит к перевесу ни одного из них.

947. Преваляирование главным образом промышленных и коммерческих интересов пополняет правящий класс ловкими и хитрыми людьми со множеством инстинктов комбинаций и обедняет его в отношении гордых и твердых людей со множеством инстинктов сохранения агрегатов (см. § 904). Такое может, однако, происходить и по иным причинам. Рассмотрев

в целом представленную в § 926 комбинацию IV, можно заключить, что если бы управление в обществе осуществлялось только с использованием изворотливости, хитрости и комбинаций, то господство класса, в котором помимо этого в немалой степени присутствуют остатки класса I, оказалось бы очень долгим. Однако, чтобы управлять, необходима также сила (см. § 902), и постепенно, по мере того как среди правящего класса усиливаются остатки класса I и ослабевают остатки класса II, они становятся менее склонными к применению силы. В результате равновесие становится нестабильным и совершаются революции. Например, протестантская революция против <религиозного скептицизма> высших классов Возрождения и революция, совершенная французским народом против своего правящего класса в 1789 г. <см. § 803>. Они удаются по причинам, отчасти аналогичным тем, благодаря которым грубому и не отличавшемуся особой культурой Риму удалось завоевать цивилизованную Грецию. Исключением, подтверждающим правило, является Венеция, которая долго продержалась с ее политическим устройством, поскольку венецианская аристократия умела поддерживать чувства сохранения агрегатов, необходимые для применения силы. Народ, у которого превалируют остатки класса II, вносит их в правящий класс как за счет инфильтрации (циркуляция элит), так и скачками, через революции (см. § 1029 и далее).

948. Среди современных цивилизованных народов, где со все нарастающей интенсивностью разворачивается промышленный цикл, имеется потребность в больших количествах накоплений среди прочего еще и потому, что их правительства властвуют с помощью золота, а не силы. Но почтительное накопительство лучше соответствует остаткам класса II, чем остаткам класса I. Люди авантюрного типа, которые все время ищут новые комбинации, мало заботятся о сбережении. Следовательно, правящему классу необходим слой людей иного типа, т. е. бережливых. Французский правящий класс находит сбережения прежде всего у женщин своей страны, у которых пока преобладают остатки класса II и которые создают накопления, идущие на нужды Франции и за ее пределы (см. § 1002). Если правящий класс не находит сбережений в собственной стране, ему приходится искать их вне ее, как это случилось с Соединенными Штатами Америки, где широкое применение нашли европейские накопления.

949. Превалирование остатков класса I — это не только превалирование интересов, но применительно к состоянию социальных наук — это превалирование дериваций, интеллектуальных религий, ненаучных рассуждений, намного более далеких от реальности, чем нелогические действия эмпирика. Разумеется, «интеллектуалы» могут оказаться в отдалении от правительства даже и там, где в правящем классе преобладают остатки

комбинаций, как это было в Венеции. Но это очень редкий случай, поскольку в такой ситуации правящий класс все же склонен пользоваться трудами «интеллектуалов». Между тем их отвергают представители правящего класса, у которых преобладают остатки класса II, т. е. так называемые предрассудки.

950. Мы представили (см. § 792 и далее) общую классификацию социального расслоения <по деятельностным качествам индивидов и их участию в управлении> и упомянули (см. § 805) о ее связях с классификацией аристократий. Тема не исчерпана, что позволяет рассматривать ее во многих иных ракурсах, среди которых достаточно важный — экономический.

951. Под именем «капиталисты» обычно объединяют и предпринимателей, и людей, получающий доход от недвижимости и накоплений. На самом деле между этими двумя группами в экономическом и социальном аспектах не меньше противоречий, чем между «капиталистами» и «пролетариями». В экономическом плане предпринимателю полезно, чтобы процент за использование кредитов и иных капиталов, взятых у кредиторов в качестве ссуды, был минимален; кредиторам же полезно, чтобы он был максимален. Предпринимателю полезно удорожание того товара, который производит он, его мало беспокоит удорожание других товаров, если оно компенсируется прибылью от его производства; между тем все эти случаи удорожания оказываются вредными для простого обладателя денежных средств. Предпринимателю мало вредят налоговые и акцизные сборы, взимаемые с производимого им товара; порой они даже оказываются для него полезными, ослабляя конкуренцию. Они всегда вредны для потребителя, который имеет доход от собственных сбережений. Обычно предприниматель почти всегда может взвалить на потребителя наибольшую долю расходов, вызванных высокими налогами; простой обладатель сбережений — почти никогда. Подобным образом удорожание рабочей силы часто только в малой мере наносит ущерб предпринимателю, а именно — в отношении выполнения действующих контрактов, но оно может быть компенсировано повышением цен на продукцию, производимую по новым контрактам. Напротив, простой обладатель сбережений несет из-за повышения цен убытки, которые ничем не может компенсировать. Следовательно, в данном случае у предпринимателей и их рабочих имеется общий интерес, который противостоит интересу простых владельцев сбережений. То же можно сказать в отношении предпринимателей и рабочих тех отраслей промышленности, которые имеют выгоду от таможенного протекционизма. Аграрный таможенный протекционизм часто приводит к обратным результатам, и, следовательно, против него настроены промышленные рабочие, которые более импульсивны. Между тем аграрный протекционизм

одобряют наиболее проницательные предприниматели, поскольку они рассматривают его как средство, позволяющее поддержать промышленный протекционизм.

Не меньшие противоречия наблюдаются в социальном аспекте. Места среди предпринимателей занимают те, в ком хорошо развит инстинкт комбинаций, необходимый для достижения желанного успеха в данной профессиональной области, тогда как среди простых обладателей сбережений остаются те, в ком превалируют остатки класса II. Следовательно, предприниматели — это в основном люди авантюрного склада, которые стремятся к новизне как в экономической, так и в социальной сфере, не испытывают никакого дискомфорта от движений, нарушающих привычный ритм жизни. Из них они надеются извлечь пользу для себя. Простые владельцы сбережений — это, напротив, чаще всего люди тихие и робкие, которые всегда настороже, как зайцы. Они мало чего ждут от новых <нарушающих привычную жизнь> движений и сильно их опасаются, поскольку по своему печальному опыту знают, что почти всегда с ними связаны вынужденные затраты. Стремление к авантюрной и расточительной жизни или склонность к спокойной, ориентированной на экономию жизни, а также храбрость, трусость, страсть к игре, алчность, способность к выполнению некоторых физических упражнений или тяга к определенным видам умственной деятельности и т. д. — все эти людские качества могут некоторым образом меняться под влиянием внешних обстоятельств. Однако нет сомнений в том, что это индивидуальные черты характера, на которые интеллектуальные занятия влияют мало либо вовсе не влияют.

952. Чтобы иметь более точную классификацию, отнесем к категории *S* тех лиц, чьи доходы в основном переменчивы и зависят от способности находить источники заработка. То есть всех, кто прямым или косвенным образом прибегают к спекуляции, стараются при помощи разного рода хитроумных приемов увеличить доходы, используя обстоятельства. В основном это будут предприниматели, владельцы акций промышленных и торговых компаний, владельцы домов и земельных угодий, используемых в качестве объектов спекуляций. Это будут биржевые спекулянты и банкиры, предоставляющие ссуды государству, промышленным и торговым объединениям; все подчиненные им лица — адвокаты, инженеры, политики, рабочие, служащие, которые имеют выгоду от упомянутых спекуляций.

К другой категории — *R* — отнесем лиц, имеющих стабильные или почти стабильные доходы, которые ни прямо, ни косвенно не прибегают к спекуляциям, не повышают доходов посредством изобретения всякого рода хитроумных комбинаций. Это — обладатели сбережений, размещенных в сберегательных кассах, банках или вложенных в личное имущество.

Это — пенсионеры, держатели облигаций государственных займов и ценных бумаг различных акционерных и иных обществ с устойчивым процентом, владельцы домов и земель, которые не проводят с ними спекуляций, а также крестьяне, рабочие и служащие, которые не находятся в зависимом положении от спекулянтов.

953. Чтобы избежать неудобного употребления букв, назовем лиц категории S «спекулянтами», а лиц категории R — «рантье». Они являются сосредоточением экономических и социальных контрастов, аналогичных тем, которые были отмечены у предпринимателей и простых обладателей сбережений (см. § 951). У первой категории преобладают остатки класса I, у второй — остатки класса II. Легко понять, каким образом это происходит: тот, кто имеет заметные способности к совершению экономических комбинаций, не довольствуется фиксированным доходом, а стремится заработать больше и, если встречает благоприятные обстоятельства, перемещается в первую категорию. Эти категории людей выполняют в обществе различные по своей полезности функции: S — основная причина изменений, экономического и социального прогресса; R — элемент, обеспечивающий стабильность и устраняющий опасности от рискованных движений S . Общество, в котором абсолютным образом доминируют индивиды категории R , остается застывшим, как бы кристаллизуется; обществу, где доминируют индивиды категории S , недостает стабильности, оно находится в состоянии неустойчивого равновесия, которое легко может быть нарушено из-за внутреннего или внешнего случайного нарушения.

954. Те пропорции, в которых S и R присутствуют в правящем классе, соответствуют различным видам цивилизаций и составляют наиболее существенные характеристики, которые надо принимать во внимание при рассмотрении социальной неоднородности. Если вновь обратиться к рассмотренному выше циклу (см. § 930), можно сказать, что в современных демократических странах промышленный протекционизм увеличивает в правящем классе долю лиц категории S . Это, в свою очередь, приводит к росту протекционизма, и процесс этот продолжался бы бесконечно, если бы не появлялись противодействующие ему силы (см. § 941).

955. *Политическое устройство.* Этот социальный феномен находится в тесной связи с феноменом правящего класса, а также в отношении взаимозависимости с другими социальными феноменами.

956. Обычно существуют теории диаметрально противоположного плана: политические теории, придающие значение форме и совершенно

игнорирующие содержание, и экономические теории, которые мало либо вовсе не принимают во внимание как форму, так и содержание.

- 957.** Тому, кто придает особое значение форме, надлежит решить вопрос: «Какова наилучшая форма политического устройства?» Но этот вопрос лишен смысла, если не уточняется, применительно к какому обществу эта форма определяется, и на какие виды полезности, индивидуальной и общественной, указывает расплывчатый термин «наилучшая» (см. § 862). Хотя это иногда интуитивно улавливается, рассмотрение форм политического устройства давало основание для появления бесконечных дериваций, которые венчались различными мифами. Эти мифы и деривации сами по себе не представляют никакого значения с логико-экспериментальной точки зрения, но как проявления чувств они имеют очень большое значение, поскольку оказывают сильное воздействие на поведение людей. Отмеченное отсутствие экспериментальной значимости <мифов и дериваций> не влияет на возможность рассмотрения их в аспекте полезности, поскольку такой аспект и не подразумевается в чисто логико-экспериментальном утверждении (см. § 888). Рассмотрение форм политического устройства относится к области специальной социологии; здесь мы касаемся их только с целью выяснения основы соответствующих дериваций и связей различных типов состава правящего класса с другими социальными феноменами.
- 958.** Как всегда, мы наталкиваемся на препятствие, связанное с терминологией. Каково значение термина «демократия»? Если мы ограничимся изучением фактов, которые охвачены этим словом, то увидим, что, например, у современных цивилизованных народов есть стремление к форме правления, при которой полномочия по выработке и введению в действие законов принадлежат некоей ассамблее, избираемой большей или меньшей частью граждан. Более того, отмечается тенденция и к расширению властных полномочий таких ассамблей, и к увеличению количества избирателей, участвующих в выборах.
- 959.** При наличии почти одинаковых форм правления у цивилизованных народов они по-разному понимают содержание явления, обозначаемого одним и тем же именем. Например, избираемые народом законодательные ассамблеи обладают разными властными полномочиями: от Национального собрания во Франции, которое как высший орган власти наделено наиболее широкими властными полномочиями, до Государственной Думы в России и Выборных <префектуральных> собраний в Японии, которые имеют очень ограниченную власть.

- 960.** Отбросив выдумку о «народном представительстве» и присмотревшись к сути, мы, за исключением немногих кратковременных эпизодов, заметим, что везде есть те или иные формы господства малочисленного правящего класса, который удерживается у власти отчасти с помощью силы, отчасти благодаря достижению определенного консенсуса с намного более многочисленным управляемым классом. Различия в основном касаются: относительно содержания — пропорций между силой и консенсусом, а относительно формы — способов, какими применяется сила и достигается консенсус.
- 961.** Если бы консенсус был единодушным, то в применении силы не было бы необходимости (см. § 896). Этот предельный вариант никогда не встречался; но известны конкретные случаи противоположной предельной ситуации, когда деспот удерживает свою власть с помощью вооруженной силы в противостоянии враждебному населению; или же когда иностранное государство держит в подчинении сопротивляющийся народ. Причину того, что равновесие в первом случае гораздо менее стабильно, чем во втором, следует искать в преобладании различных остатков. У наемной охраны нет остатков, существенно отличающихся от тех, какие есть у подвластного народа, поэтому им недостает веры, которая укрепляла бы их силу и в то же время сдерживала ее применение. Следовательно, такие наемники либо легко служат власти ради ее прихотей, как это делали преторианцы, янычары, мамелюки, либо перестают защищать деспота от народа. Напротив, народ-завоеватель обычно имеет нравы и обычаи, а иногда также язык и религию иные, чем у подвластного народа; следовательно, их остатки различаются. У завоевателей присутствует вера, необходимая для применения силы, но у подвластного народа нет недостатка в такой вере, когда он сопротивляется угнетателям. Этим объясняется, почему со временем такое равновесие может быть нарушено.
- 962.** Именно поэтому народы-завоеватели стараются ассимилировать покоренные народы; если им это удастся, то тем самым они, несомненно, наилучшим образом упрочивают свое господство; но часто они терпят неудачу, потому что для этой цели пытаются при помощи насилия изменить остатки покоренных народов, вместо того чтобы воспользоваться их остатками.
- 963.** Мы уже не раз отмечали, что деятельность правительств тем эффективнее, чем лучше они умеют использовать существующие остатки (см. § 695); она тем менее эффективна, чем более они несведущи в этом отношении; в целом она неэффективна и напрасна тогда, когда направлена на изменение остатков насильственным способом. Почти все

рассуждения о том, что благоприятствует и что не благоприятствует успеху тех или иных действий правительства, исходят из этого принципа.

964. То обстоятельство, что ради достижения некоторой цели используются преобладающие в обществе чувства, само по себе не является ни полезным, ни вредным для него. Польза и вред зависят от цели: если она благоприятна для общества, то мы имеем пользу, если же ее достижение наносит обществу ущерб, то мы имеем вред. Не следует также утверждать, что, когда правящий класс устремляется к выгодной для него цели, не беспокоясь, чем это обернется для подчиненного класса, то это непременно приносит последнему вред. Имелось немало случаев, когда правящий класс, преследуя только собственную выгоду, при этом действовал также на благо управляемого класса. Использование остатков, которые существуют в обществе, — это только средство; важны результаты, к которым оно приводит.

965. Наряду с остатками к средствам управления следует отнести также интересы, которые порой являются единственно возможным способом изменения остатков. Однако надо иметь в виду, что чистые интересы, не завуалированные чувствами, представляют собой сильное средство воздействия на тех, в ком преобладают остатки класса I, т. е. на многих представителей правящего класса, но малоэффективны при воздействии на тех, в ком преобладают остатки класса II, т. е. на большинство представителей подчиненного класса. Сильно огрубляя, в общем виде можно отметить, что правящий класс более отчетливо осознает свои действительные интересы, поскольку сознание его представителей в меньшей степени затуманено чувствами, тогда как управляемый класс имеет менее отчетливое представление о собственных интересах, поскольку они скрыты от него плотной завесой чувств. Отсюда следует, что правящий класс может вводить в заблуждение управляемый класс ради своих собственных интересов, которые, впрочем, не обязательно противоположны интересам управляемого класса, часто они даже смыкаются с ними, так что в конечном счете этот обман может оказаться выгодным и управляемому классу.

966. На протяжении всей истории, начиная с древнейших царств и кончая нынешними демократическими режимами, консенсус и сила в различном сочетании использовались как средства управления.

967. Как деривации изменяются значительно сильнее проявляющихся в них остатков, так и формы использования силы и консенсуса намного изменчивее тех чувств и интересов, благодаря которым эти формы возникают. Различия в пропорциональном соотношении использования силы и консенсуса зависят во многом от различий в пропорциональном соотношении чувств и интересов. Отмеченная параллель между деривациями

и формами правления простирается дальше: те и другие менее существенно влияют на социальное равновесие, чем чувства и интересы, которые лежат в их основе, но такое влияние все-таки присутствует.

968. Правящий класс имеется всегда, даже при деспоте, но предстает он в различных формах. При абсолютизме высшим носителем власти выступает только суверен; при так называемых демократических формах им оказывается только парламент, но за кулисами стоят те, кто играют важную роль в реальном управлении. Если порой они и склоняют голову перед прихотями суверенов и парламентами, то потом они вновь возвращаются к своей упорной нескончаемой работе, добываясь более значительных результатов. В некоторых случаях суверены и парламента даже не ведают о том, кто и что побудило их к действию. Еще меньше замечает это суверенный народ, который верит, что действует по собственной воле, но следует при этом воле тех, кто руководят ими. Иной раз это помогало улучшить социальную жизнь и принять необходимые меры для надлежащей защиты отечества; но очень часто это служило только интересам правящих, которые заботятся о собственной выгоде и выгоде своих сторонников. Среди дериваций, используемых <правлящим классом> при демонстрации полезности своих действий для нации, следует отметить одну, согласно которой народ якобы лучше разбирается в общих вопросах, чем в частных. В действительности все обстоит как раз наоборот, поскольку достаточно немного побеседовать с малообразованными индивидами, чтобы увидеть, что они лучше разбираются в специальных, обычно конкретных, вопросах, чем в вопросах общих и, как правило, отвлеченных. Но постановка отвлеченных вопросов ценна для правящих тем, что их рассмотрение дает возможность — независимо от того, каким бы ни оказалось исходящее от народа решение, — использовать его результаты так, как это им выгодно.

969. Правящий класс неоднороден; в нем самом имеется правительство — более узкий класс избранных, один лидер или какой-то комитет, совет и т. п., который на практике господствует. Иногда этот факт очевиден, например, в случае эфоров* в Спарте, Совета десяти** в Венеции, фаворитов абсолютных монархов, заправил парламента. А иногда частично сокрыт, например, закрытый клуб «Caucus»*** в Англии, convention****

* Коллегия высших должностных лиц, наблюдений.

** Орган исполнительной власти.

*** Название происходит от греч. *kaukos* — чаша для питья. Место частных встреч партийных лидеров для предварительных переговоров.

**** Практика регулярных встреч региональных представителей политических партий для выработки решений.

в Соединенных Штатах, клики «спекулянтов», действующие во Франции и в Италии. Тенденция персонифицировать абстракции и даже придавать им статус объективной реальности приводит к тому, что многие люди представляют себе правящий класс как одно лицо или как конкретное единое целое с общей волей, устремленной к достижению некоторого результата с помощью логических средств и с использованием продуманных планов. В действительности правящие классы, как и другие социальные группы, осуществляют и логические, и нелогические действия, и в большей степени движимы сложившимся социальным порядком, чем осознанной волей индивидуумов; именно сложившийся порядок иной раз и заставляет их идти в определенном направлении, даже если они этого не желают. «Спекулянты» — это люди, которые заботятся о собственных делах. Имея сильные остатки класса I, они их используют, чтобы получить больше денег, следуя, как и все люди, по пути наименьшего сопротивления. Каждый такой человек преследует собственные цели, и хотя в действительности этого нет, внешне все выглядит так, словно они действуют на основе общего согласия. Но порой случалось так, что эти люди, подталкиваемые силами сложившегося порядка, частью которого они сами являлись, шли против своей воли в направлении, требуемом этим порядком. Пятьдесят лет назад «спекулянты» совершенно не ведали о положении дел сегодняшнего дня, к которому привела их деятельность. Прделанный ими путь складывался из бесконечного числа мелких действий, каждое из которых было детерминировано ображениями выгоды в текущий момент. То же можно сказать о всех социальных феноменах. Они появились в результате действия определенных сил в сочетании с некоторыми связями и препятствиями. Когда мы утверждаем, например, что сейчас наши «спекулянты» подготавливают войну и все более увеличивают военные расходы, мы вовсе не собираемся утверждать, что это делается ими осознанно; совсем наоборот. Они готовят войну путем непрерывного увеличения государственных расходов, вызывают экономические конфликты, потому что усматривают в этом прямую выгоду для себя; но эта причина, хотя и существенна, не является основной. Есть другая, более существенная причина, а именно — использование чувств патриотизма, которые имеются у населения, в качестве средства управления. Кроме того, «спекулянты» различных стран находятся в состоянии конкуренции и нуждаются в оружии, чтобы добиваться уступок от соперников. Есть и другие подобные причины; все они побуждают наращивать вооружения без всякого продуманного замысла. В то же время спекулянты с избытком остатков класса I все же предчувствуют, что если начнется большая и страшная война, то среди возможных вариантов есть и такой, при котором им придется уступить свое место людям с преобладанием остатков класса II. Поэтому они против такой войны, но охотно принимают малые колониальные войны, которые

можно проводить без всякой опасности для себя. Именно такие интересы и чувства, а не какое-то преднамеренное и заранее продуманное решение определяют их деятельность, которая, следовательно, может привести как к желаемому, так и к вовсе неожиданному для них результату. Может случиться, что однажды разразится назревавшая и нежелательная война; она окажется следствием предшествовавшей деятельности «спекулянтов», которого они никогда не желали ни прежде, ни теперь. Сходным образом «спекулянты» античного Рима готовили падение Республики и восшествие на престол Цезаря и Августа, не ведая об этом и никоим образом не желая достижения такой цели⁷³. В этом случае, как и в отношении других элементов социального порядка, надо четко разводить аспекты этической и социальной полезности. «Спекулянты», если исходить из социальной полезности, не должны осуждаться за то, что они совершают действия, порицаемые одной из принятых этических норм; но также их не следует оправдывать с какой бы то ни было этической точки зрения за то, что они оказались полезными в социальном отношении. Также необходимо помнить: чтобы узнать и оценить такую полезность, требуется решить количественную, а не качественную проблему, т. е. определить пропорциональное соотношение, в котором находится число «спекулянтов» к числу индивидов с сильными остатками класса II как во всей совокупности населения, так и в правящем классе. Например, в наше время необычайное развитие экономического производства, распространение цивилизованного мира на все новые страны, значительный прирост достатка у гражданского населения в значительной мере определяются деятельностью «спекулянтов»; но они смогли сделать это потому, что вышли из населения, обладавшего многочисленными и сильными остатками класса II. Сомнительно и даже маловероятно, что подобные блага могли бы появиться у населения в целом и даже в правящем классе, если бы сильно уменьшились остатки класса II (см. § 947 и 988).

970. Чтобы удержаться у власти, правящий класс использует индивидов из управляемого класса; их можно разделить на две категории согласно тем двум основным способам, посредством которых такая власть обеспечивает самосохранение (см. § 966). К первой категории принадлежат те, кто используют силу (наемные убийцы, солдаты, агенты полиции и т. д.), ко второй относятся те, кто используют искусство убеждения и хитрость (политическая клиентела) в <Древнем Риме>. В существовании этих двух категорий людей никогда не было недостатка; меняется их пропорциональное соотношение, причем видимость отличается от действительного

⁷³ Это было написано до начала мировой войны.

соотношения. Один экстремальный случай — римские преторианцы, в нем главным инструментом и, более того, видимым всем орудием управления была вооруженная сила. Другой экстремальный случай отмечен в Соединенных Штатах Америки, где главным инструментом управления, хотя и менее очевидным, стали политические клиентелы. Эти силы действуют различными способами. Основной из них наименее заметен: правительство соблюдает интересы «спекулянтов», но это не выражается в виде договоренности. Другие способы более известны, они менее важны с социальной точки зрения, но более существенны с этической. Среди них — подкуп избирателей, выборщиков, правительственных деятелей, журналистов и т. д. Такие способы использовались во все времена, они являются, собственно говоря, следствием правления класса, который стремится управлять страной за счет хитрости, и, следовательно, любые попытки сдерживать ее остаются тщетными. Наши демократии во Франции, Италии, Англии, США все более превращаются в режимы, управляемые демагогическими плутократами, и возможно, так они приближаются к некоторой радикальной трансформации, которые не раз случались в прошлом.

971. Как применение прямой силы, так и обеспечение договоренностей нуждаются в затратах, за исключением, например, почестей и неденежных поощрений, которые может даровать правительство. Итак, недостаточно желая воспользоваться этими средствами, необходимо также обладать соответствующими возможностями. Это зависит отчасти от производства материальных благ, которое, в свою очередь, не бывает независимым от способа использования вооруженной силы и клиентелы. Проблема, следовательно, комплексная и должна рассматриваться синтетически (см. § 977). В аналитическом аспекте можно отметить, что во многих случаях военные менее ценны, чем клиентелы, но в некоторых иных случаях они значительно больше способствуют производству материальных благ, и это следует учитывать в синтезе (см. § 977).

972. «Демократическое» развитие тесно связано со все более широким использованием способа управления, ориентированного на хитрость и на использование клиентелы, в противоположность применению силы. Именно это наблюдалось в конце Римской республики, когда шла борьба в ходе выбора между этими двумя способами, и победила сила вместе с победой Империи. Сегодня «демократическое» устройство многих стран можно определить в некоторых аспектах как своего рода экономический феодализм, когда в качестве средства управления используется преимущественно хитрость политической клиентелы, тогда как средневековый военный феодализм использовал главным образом военную силу вассалов. Режим, при котором «народ» непосредственно выражал бы

свою «волю», даже если допустить, что эта «волю» у него есть, и выражал бы ее без участия клиентелы, клик, разбойных группировок, — такая организация общества возможна только в благих пожеланиях теоретиков и не встречается в реальном мире.

- 973.** Эти феномены, уже замеченные многими, были охарактеризованы как «вырождение демократии», но никто не может ответить, от какого такого совершенного или хотя бы просто приличного государства демократия отклонилась и «переродилась». Можно только сказать: когда демократия была альтернативой, была в оппозиции, она не имела такого количества грязных пятен, как в настоящее время; но эта черта присуща почти всем оппозиционным партиям, которым недостает если не желания, то силы и власти для совершения злых дел.
- 974.** Отметим, что изъяны разных политических режимов могут быть различными, но в целом ни один строй в данном отношении не отличается от остальных коренным образом.
- 975.** Партии имеют обыкновение рассматривать эти факты в этическом аспекте, что позволяет произвести наибольшее впечатление на народ и извлечь от этого пользу в борьбе с иными партиями.
- 976.** Но если посмотреть на такие факты отвлеченно, очистить их, насколько возможно, от частных связей, предпочтений, идеалов и т. д., то можно увидеть: какой бы ни была форма, стоящие у власти люди стремятся удерживаться на занятых ими позициях и злоупотреблять своим положением ради получения личных преимуществ. Порой они перестают отделять общие блага от частных, почти всегда смешивая личную выгоду с пользой нации. Отсюда вытекает следующее. Во-первых, в данном аспекте нет большой разницы между формами правления. Различия имеются в сущности, т. е. в чувствах, превалирующих у населения. Где население более или менее честное, там и правительство оказывается более или менее порядочным и честным. Во-вторых, использование власти и злоупотребления в ее применении станут тем значительнее, чем шире будет вмешательство правительства в частные дела, увеличивающее возможность для злоупотреблений. В-третьих, правящий класс старается присваивать то, что имеют другие, и не только ради собственной выгоды, но и для приобретения к полученным благам тех представителей управляемого класса, которые защищают господство его верхушки с помощью либо силы, либо хитрости. В-четвертых, ни патроны, ни клиенты чаще всего не осознают, что нарушают действующие в обществе моральные правила. Если даже они осознают это, то легко прощают себе эти нарушения под предлогом, что, скорее всего, немалое число других людей поступили бы на их месте так же как они. Это делается под предлогом, что цель оправдывает

средства; цель, состоящая в сохранении власти, оказывается для них наилучшей. Более того, она настолько хороша, что некоторые из них вполне искренне смешивают ее с другой целью — с радением о благе отечества. Могут также встречаться люди, которые полагают, что они защищают честь, нравственность, общественное благо, тогда как своими действиями они, напротив, покрывают и защищают зло, совершаемое в стремлении к наживе. В-пятых, управленческая машина в любых случаях потребляет некоторое количество благ. Это количество зависит не только от общего объема материальных ценностей, полученных на частных предприятиях, в деятельность которых вмешивается правительство, но также и от количества средств, необходимых правящему классу для удержания власти. Следовательно, оно связано с пропорциональным соотношением остатков класса I и класса II в правящей и управляемой частях населения.

977. Рассмотрим теперь различные части правящего класса. Среди них можно выделить две категории: *A* — люди, которые решительно устремляются к идеальным целям, следуют некоторым собственным строгим правилам поведения. *B* — люди, которые стремятся в первую очередь к обеспечению собственного благополучия и благополучия своих клиентов. Они делятся на *B α* — людей, которые довольствуются тем, что пользуются властью и почестями и предоставляют своим клиентам возможность получать материальные выгоды; и *B β* — людей, которые для себя и своих клиентов добиваются материальных выгод, в особенности денег. Люди категории *A* именуются «честными» сторонниками их партии и «фанатиками» и «сектантами» — ее противниками; люди категории *B α* обычно считаются честными со стороны их друзей; враги с безразличием относятся к их честности; людей категории *B β* , когда обнаруживаются их пороки, именуют «нечестными» все, однако друзья таких людей стремятся не позволить выявить их пороки и при случае способны отрицать их наличие, даже когда они видны явно, как при свете дня. Обычно категория *B α* более ценна для страны, чем категория *B β* , поскольку благодаря созданию внешнего лоска благопристойности они делают возможными разного рода операции, направленные на изъятие благ, принадлежащих другим людям, чтобы ими смогли воспользоваться политические клиенты. Некоторые заботятся также о том, чтобы обогатить свои семьи. Пропорции обозначенных здесь категорий в значительной мере зависят от пропорций остатков класса I и класса II. Среди категории *A* преобладают остатки класса II, среди *B* — остатки класса I, поэтому *B* наиболее пригодны для управления. Когда они приходят к власти, *A* для них оказываются своего рода балластом, который служит для придания партии облика благопристойности и респектабельности; но для этого довольно хорошо служат и *B α* . Они являются тем товаром, который имеется далеко не в избытке, и поэтому на них существует очень большой спрос

со стороны партий (см. § 991). Относительные пропорции остатков класса I и класса II в клиентеле, в людях партии, которые не входят в ее правящую верхушку, среди избирателей соответствуют, хотя и не идентичны, пропорциям остатков в верхушке правящей партии и вообще в правящих кругах. Только партия, изобилующая остатками класса II, может выбрать в руководство многих индивидов категории *A*. Но, не осознавая этого, она все же избирает туда индивидов категории *B*, поскольку они хитры и предусмотрительны, являются мастерами в искусстве проведения комбинаций, легко вводят в заблуждение наивных избирателей, у которых в немалом количестве имеются остатки класса II.

В политической организации наших обществ следует выделить два больших класса партий: I — партии, которые сменяют друг друга как правящие; когда одна из них стоит у власти, другие находятся в оппозиции. II — непримиримые партии, которые не попадают в правительство. Из сказанного следует, что в партиях I будет минимум представителей категории *A* и максимум *B*; обратная ситуация — в партиях II. Такое распределение обусловлено главным образом нынешним политическим устройством. За немногими исключениями депутатами становятся те, кто заплатили, пожаловали или пообещали кому-то щедрые милости; министрами становятся те, кто не скупился на обещания депутатам и сумели уверить их, что избранник позаботится об их благе и о благе политической клиентелы. Но для этого мало быть лишенным честности. Требуется также утонченная ловкость, чтобы суметь изыскивать в экономической области комбинации экономического протекционизма, оказывать услуги банкам, трестам, монополиям, провести налоговые реформы и т. д. Также необходимы умение распределять награды и знаки отличия в определенных кругах, способность оказывать давление на суды и т. д., быть полезными тем, кто поддерживают власть. Именно поэтому нынешние режимы все более приближаются к демагогической плутократии. Различные партии часто обвиняют друг друга в нечестности. Все они имеют своих приверженцев в категории *A* и *B*; что касается пропорций, то, безусловно, встречаются случаи, когда *A* преобладают и, следовательно, партия может быть названа «честной»; но во многих случаях, собственно говоря, невозможно установить, есть ли большие отличия в пропорциях *A* и *B* в составе разных правящих партий. Можно только сказать, что категории *A* в них довольно немного. В низших классах населения остатки класса II пока что имеются в значительном количестве; следовательно, правительства и политики, хотя ими и движут материальные интересы, должны хотя бы делать вид, что преследуют идеальные цели и прикрываться завесой благородства и честности. Когда кто-нибудь пойман с поличным, противники поднимают шум, чтобы оттеснить соперников, хотя сами намерены после прихода к власти заниматься тем же. Правящая партия, к которой принадлежал такой человек, поначалу пытается

его защищать, но если это оказывается невозможным, она выбрасывает его за борт, как в бурю сбрасывают с корабля балласт. Население приходит в возбуждение, считая необычайным то, что совершенно ordinarily; оно никак не принимает во внимание, что этот факт обусловлен особенностью сложившихся отношений.

978. Если мы хотим получить представление об экономических результатах различных способов правления (см. § 971), необходимо будет убрать с пути все используемые в связи с этим деривации, среди которых наиболее существенной является убеждение, что правительство удовлетворяет «потребности общества» (деривация типа IVγ). Ввиду сложности этого феномена проанализируем только наиболее существенные его стороны. Прежде всего надо учесть влияние <разных способов правления — с использованием силы или договоренностей> на экономическое и общественное благосостояние, на защиту от внешней агрессии, на обеспечение общественной безопасности, осуществление справедливого и скорого правосудия, проведение некоторых общественных работ и исполнение многих иных функций правительства. Но менее, если не более, важны воздействия этих способов на циркуляцию элит, а также то стимулирование или подавление, которое опосредованным образом испытывает национальная экономика от <практикуемых> способов правления. Необходимо обратить внимание, что очень часто правители, стремясь к определенным целям, достигают иных, для них неожиданных, результатов. Например, те, кто для обеспечения доходов своей клиентелы вводят таможенный протекционизм, получают результат, содействующий циркуляции элит, о котором они и не помышляли. В этическом отношении то или иное мероприятие можно оценивать отдельно от других; но этого нельзя делать в аспекте полезности: здесь необходимо посмотреть в целом, как такое начинание изменит равновесие. Мероприятие, предсудительное в этическом плане, может оказаться хорошим с точки зрения социальной полезности. И наоборот: то, что хорошо в этическом аспекте, может оказаться нежелательным в аспекте социальной полезности. С такой точки зрения полезно, чтобы управляемая часть населения полагала, что этическая ценность мероприятия идентична его социальной полезности.

979. Чтобы представить некоторую общую концепцию относительно принятого исследования <циркуляции элит>, обратим внимание на некоторые типы правительств, с которыми нас знакомит история.

Тип первый. *Правительства, которые используют главным образом материальную силу, а также религиозные или иные, аналогичные религиозным чувства.* Например, это правительства греческих полисов во времена «тиранов» Спарты; правительства Рима времен Августа и Тиберия;

правительства Венецианской республики в последние века ее существования; правительства многих европейских государств XVIII в. Им соответствует правящий класс, в котором остатки класса II превалируют по отношению к остаткам класса I; циркуляция элит в целом происходит медленно. Это дешевые правительства, но они не стимулируют экономическое производство, поскольку по своей природе избегают новизны и не поощряют через циркуляцию элит тех, в ком наиболее силен инстинкт экономических комбинаций. Если, однако, такой инстинкт продолжительное время удерживается среди населения, то в такой стране возможно умеренное экономическое процветание (Рим ранней империи), только бы правительства не ставили препятствий осуществлению комбинаций. Но с течением времени такие препятствия обычно появляются, поскольку идеалом правительств такого рода является нация, застывшая в своих институтах (Спарта, Рим поздней империи и Венеция периода упадка). Такие режимы могут обогащаться за счет завоеваний (Спарта, Рим), но поскольку подобным образом не создаются новые богатства, данное обогащение неизбежно оказывается временным и непрочным (Спарта, Рим). Кроме того, как это следует из истории, эти режимы перерождались в правления вооруженной толпы (преторианцы, янычары), способные только растрачивать богатство.

980. Тип второй. *Правительства, которые используют главным образом ловкость и хитрость.*

2а. Если ловкость и хитрость используются преимущественно для оказания воздействий на чувства, то мы имеем в некотором смысле теократические правительства, теперь совершенно исчезнувшие в наших странах. Возможно, к ним можно было бы отнести царства Греции и Италии периода ранней античности, но их история слишком мало известна, чтобы можно было утверждать это с уверенностью.

2б. Если ловкость и хитрость в первую очередь обращена к воздействию на интересы, что, впрочем, не означает полного непринятия во внимание чувств, то мы имеем такие правительства, как правление демагогов в Афинах, римской аристократии в различные эпохи Республики, различные республики в Средние века. Наконец, сюда же относится необычайно важный тип правительства — правление «спекулянтов» нашего времени.

981. Правительства этого типа располагают правящим классом, в котором остатки класса I превалируют над остатками класса II. Поэтому ему необходимо обладать выраженным в высокой степени инстинктом комбинаций, не сдерживаемым излишней щепетильностью и совестью,

чтобы за счет ловкости и хитрости можно было эффективно воздействовать как на интересы, так и на чувства. Циркуляция элит при подтипе *2a* обычно осуществляется медленно; она идет быстро, порой стремительно при подтипе *2b* и достигает максимума в правительстве теперешних «спекулянтов». Правительства подтипа *2a* обычно оказываются недорогими, но они также малопродуктивны: в большей степени, чем иные правительства, они усыпляют население и лишают его всякого стимула заниматься экономическим производством. Не прибегая в значительных масштабах к силе, они не могут восполнить завоеваниями недостаток подобного производства; напротив, они становятся легкой добычей соседей, которые умеют применять силу; следовательно, они исчезают в связи либо с таким завоеванием, либо с внутренним упадком. Правительства подтипа *2b* оказываются дорогими, нередко даже очень дорогими, но они производительны, и иногда даже очень. Следовательно, при них может осуществляться подъем производства, который обеспечивает стране значительное процветание. Но этот прирост при увеличении расходов может и снизиться, а при определенных условиях даже смениться дефицитом. Эти режимы могут вырождаться в невоинственные и хитрые правительства, которые легко свергаются через насилие, изнутри или извне. Так произошло со многими демократическими правительствами греческих полисов; это также было одним из факторов, обусловивших падение Римской и Венецианской республик.

982. В реальности встречаются комбинации этих различных типов, при этом превалируют характерные особенности порой одного, порой другого. Правительства, у которых наряду со значительным количеством элементов первого типа имеется немало элементов, соответствующих типу *2b*, могут существовать долго, сохраняя устойчивость благодаря силе, без снижения экономического благосостояния. К такому смешанному типу приближается ранняя Римская империя. Они сталкиваются с опасностью вырождения <элементов> первого типа и, кроме того, с опасностью, что у них сильно уменьшится доля элементов типа *2b*. Те правительства, у которых при малом количестве качеств типа *2b* имеется немало элементов первого типа, могут долго сохраняться, поскольку они все-таки обладают определенной силой для защиты и при этом достигают значительного экономического благосостояния. Они сталкиваются с опасностью вырождения элементов типа *2b* и с последовательным сокращением элементов первого типа, из-за чего они почти неизбежно столкнутся с угрозой иностранного вторжения (разрушение Карфагена, римские завоевания Греции).

983. Смесь элементов первого типа и типа *2b* может быть у правительства, которое в основном использует силу во внешних отношениях и ловкость

с хитростью во внутренних делах. К такому <смешанному> типу приближается правительство римской аристократии лучших времен Республики.

- 984.** *Экономические периоды.* Ритмичные движения одной группы элементов отражаются на состоянии других элементов, таким путем они вызывают движение всего комплекса групп. Среди таких действий и ответных реакций примечательны взаимодействия группы экономических элементов с другими группами.
- 985.** Экономическое состояние страны можно оценивать качественным образом на основании мнений авторов относительно увеличения или сокращения ее богатств. Этот способ крайне несовершенен, но он единственный, каким мы располагаем при рассмотрении давнего прошлого.
- 986.** Там, где существуют статистические данные в отношении экономических феноменов, пусть даже несовершенные, имеется средство для замены качественных оценок количественными показателями, которые всегда предпочтительнее, даже если используемый метод <их получения> несовершенен, поскольку они открывают путь к его совершенствованию благодаря улучшению статистики и более осмысленному ее применению.
- 987.** Ведется поиск различных комбинаций экономических показателей, чтобы представить ход общего экономического движения страны; но при таком поиске будет достигнуто немного или даже ничего до тех пор, пока наука не разовьется в достаточной мере. До этого времени следует придерживаться простых агрегатных показателей, подобных суммарному объему расчетов, осуществляемых в Англии через Clearing House*, и иных аналогичных показателей.
- 988.** Большое значение для изменения экономических условий страны имеет приток в нее драгоценных металлов и, в наше время, производство золота; поскольку все цивилизованные страны находятся теперь в тесных и обширных коммерческих связях, золото стало мировыми деньгами.
- И в прошлое, и в нынешнее время отмечалось немало совпадений между обилием монет из драгоценных металлов и экономическим и политическим процветанием страны, но при этом часто нет возможности хорошо распознать, что является здесь причиной, а что — следствием. Было

* Банковская расчетная палата.

бы серьезной ошибкой полагать, что приток монет из драгоценных металлов имеет необходимым следствием процветание страны.

989. Так, не следует считать, что увеличение производства золота является причиной наступления экономического процветания. Оно, безусловно, оказывало влияние на процветание через воздействие на цены, и еще в большей мере — на циркуляцию элит; но оно было также, безо всяких сомнений, и результатом такого процветания. В настоящее время золото больше не добывают преимущественно из наносных пород, как это было вначале в Калифорнии и Австралии; оно теперь добывается в основном из рудников, что требует дорогостоящих подземных работ и машин. Иначе говоря, добыча золота теперь возможна только при вложении значительных капиталов, и поэтому она зависит от того же экономического процветания, которое становится, таким образом, причиной, а не следствием, как это было поначалу. Отметим, кроме того, что добыча золота приводит к росту цен, а они, в свою очередь, вновь воздействуют на стоимость добычи золота, приводя к ее возрастанию. В настоящее время имеется много шахт с малым содержанием золота в руде, которые не могут разрабатываться при нынешней стоимости рабочей силы и оборудования, но которые можно будет эксплуатировать, как только эта стоимость упадет, пусть даже ненамного. Это же может произойти и на шахтах с богатой золотом рудой по мере постепенного ее истощения.
990. Рассмотрим теперь экономическое и социальное положение цивилизованных народов от начала XIX в. и до настоящего момента. Наиболее важные в данном случае комбинация II и комбинация IV (см. § 926). Обращаясь сначала к наиболее существенной стороне феномена, в первом приближении можно рассмотреть ограниченный цикл, в котором интересы b воздействуют на циркуляцию элит d , а последние оказывают ответное действие на первые. Трудно, пожалуй, даже невозможно отделить друг от друга обе части цикла, и, следовательно, его надлежит рассматривать как целое.
991. Тот, кто пожелал бы кратко, в нескольких словах, показать отличия социального состояния Франции перед Великой Французской революцией M от ее теперешнего состояния N , тот должен был бы сказать, что они состоят в первую очередь в превалировании в настоящий момент экономических интересов и в намного большей интенсивности циркуляции элит. Теперь внешняя политика государств является почти исключительно экономической (см. § 1014), и даже внутренняя политика выражается преимущественно в экономических конфликтах. Более того, за некоторыми оговорками и исключениями, касающимися Германии и Австрии, не только исчезли все препятствия для циркуляции элит, но она в самом

деле стала интенсивной и способствует экономическому процветанию. Сейчас почти все люди, в высокой степени наделенные остатками класса I (инстинкт комбинаций), имеют возможность применить свой интеллект в промышленности, в аграрной сфере, в коммерции, в осуществлении честных и нечестных финансовых операций, для обмана добропорядочных вкладчиков, получения разрешений на эксплуатацию менее изворотливых граждан. При проведении соответствующей политики таможного и иного протекционизма это удастся благодаря получению всевозможных преимуществ и льгот. Те, кто этим занимаются, уверены, что если судьба будет к ним благосклонна, то они не только обогатятся, но и получат власть, добьются почета и в итоге войдут в состав правящего класса. За редкими исключениями, какие отчасти отмечаются в Германии, лидерами названного класса становятся люди, умеющие лучше других учитывать и использовать экономические интересы правящего класса. Оплату своих услуг они получают иногда непосредственно сами в денежной форме, иногда косвенно в той же форме, но через членов их семей или через друзей, порой они довольствуются только властью и почестями, которые она влечет за собой, оставляя деньги своим приверженцам.

992. Нынешняя циркуляция элит приводит, следовательно, в правящий класс немало индивидов, разрушающих богатства, но еще большее число людей, создающих его. Факт заметного экономического роста и процветания цивилизованных народов подтверждает, что действия последних превалируют над действиями первых. Здесь не место для исследования вопроса, можно ли получить тот же эффект, сохранив средства, теряемые из-за существования финансовых, политических и прочих паразитов; в данном случае рассматриваются реальные, а не виртуальные процессы. Мы описываем только то, что реально происходило и происходит, и не хотим побуждать читателей ни к чему иному. Это замечание следует учитывать в отношении всего того, о чем будет идти речь в дальнейшем.

993. В периоды, когда быстро возрастает экономическое благосостояние (см. § 988) управлять страной гораздо легче, чем когда экономика переживает стагнацию. Тривиальным представляется наблюдение, что в отдаленном прошлом неурожаи и дефицит продовольствия порождали у подданных недовольство и легко толкали их к бунту; но и в более близкие к нам времена плохой урожай и сильное удорожание продуктов питания сыграли не последнюю роль в совершении Великой Французской революции. Не может быть, чтобы такие совпадения оказались всего лишь случайными; между феноменами, в которых обнаруживаются такие совпадения, должна иметься какая-то связь.

- 994.** Такая связь, очевидно, может изменяться, когда меняются социальные условия. Резкое удорожание продуктов питания побуждает народ к бунту, так же как голод заставляет волка выходить из леса, но связь между экономическими условиями и настроениями населения оказывается иной и более сложной у народов, развитых в экономическом отношении, каковыми являются современные народы.
- 995.** В этих случаях, как мы уже говорили (см. § 990), надо рассматривать в основном ограниченный цикл, в котором *b* воздействует на *d* и наоборот. В нескольких словах можно сказать, что современным правительствам, которые, чтобы удержаться, все менее используют силу и все более — довольно утонченную хитрость, крайне необходимо, чтобы экономическое процветание соответствовало их действиям и чтобы, помимо этого, вариации такого процветания были ощутимее. Также несомненно, что те правительства, которые использовали для этого главным образом силу, оказывались в опасности, когда чрезвычайно жестко проявлялись лишения и нищета, потому что в это случае их силе могла быть противопоставлена другая, еще бóльшая сила, порожденная отчаяньем. Но они могли быть спокойными до тех пор, пока изменения экономических условий не достигали такого предела. Напротив, даже одно и не слишком большое изменение этих условий часто сказывается на очень сложной и изменчивой организации управления тех правительств, которые при проведении экономических мероприятий полагаются главным образом на утонченное умение осуществлять экономические преобразования. Чтобы подтолкнуть подданных к бунту, необходимы экономические невзгоды и страдания, значительно превосходящие те, к каким может привести неверный выбор правительства. Следовательно, легко понять, что экономические колебания, не доводящие до такого предельного обнищания, могут совершаться при правительствах, полагавшихся главным образом на силу, вызывая намного менее значительные изменения социального и политического положения, чем при правительствах, широко прибегающих к хитрости и к умению осуществлять экономические комбинации.
- 996.** Современные правительства именно ради осуществления необходимых для них комбинаций имеют обыкновение расходовать в текущий момент суммы, превышающие поступления в бюджет. Они покрывают дефицит, делая новые займы, явные или скрытые, что дает возможность уже сегодня получать блага, а издержки переносить в будущее. Такое будущее отодвигается тем дальше, чем быстрее увеличивается экономическое благосостояние; поскольку благодаря этому возрастают поступления от взимания налогов, без введения новых, более тяжелых, экономия на будущих государственных расходах может, по крайней мере частично, покрывать дефицит прошлых бюджетов. Наши правительства понемногу

привыкают к такому положению дел, для них оно удобно и полезно; и теперь они делают ставку на будущие бюджетные поступления, которыми предполагается возместить перерасходы, осуществленные в настоящее время. Это совершается во многих странах и различными способами; среди них следует выделить появление особых или чрезвычайных бюджетов, которые утверждаются параллельно с общим или обычным бюджетом; правительство умудряется таким путем записать новые долги в ту же графу, что и поступления, или определять как должников некоторые государственные учреждения и представлять соответствующие их задолженности как кредит государства, которое выступает одновременно кредитором и должником. Таким путем удастся записать в актив те расходы, которые должны были бы фиксироваться как пассив. Когда затем, с помощью этих и других ухищрений, реальный дефицит оказывается превращенным в фиктивный профицит, хорошо оплаченным журналистам поручается огласить людям приятную новость о финансовом процветании, а если кто-то выражает сомнение в отношении подобных бухгалтерских игр, его обвиняют в «дискредитации страны».

997. Такие манипуляции не приводят к серьезным трудностям в периоды быстрого роста экономического благосостояния: естественные доходы бюджета покрывают прошлое плутовство, возлагают на будущее надежды по оздоровлению и улучшению финансов настоящего. Но трудности сразу возникают в периоды застоя, которые тем серьезнее, чем продолжительнее экономический спад. Нынешняя социальная организация такова, что, пожалуй, ни одно правительство не смогло бы остаться невредимым в такой опасный период, и произошли бы ужасные катастрофы, намного более мощные, чем те, о которых нам уже известно из истории.
998. Но оставим гипотетические предположения и, рассуждая только о реальных движениях, рассмотрим теперь одну из причин отмеченных в § 993 совпадений. Она заключается в том, что в периоды экономического застоя правительство должно требовать от управляемых более значительных жертв и вынуждено уменьшать вознаграждения, которые оно может позволять себе и своим сторонникам. Действительно: с одной стороны, ему надо расплачиваться за прошлые траты, совершавшиеся в расчете на увеличение доходов, которое теперь отсутствует, а с другой — если период стагнации затягивается, становится все труднее осуществлять расходы, обязуясь в будущем покрыть их.
999. Застой охватывает не только экономическую циркуляцию, но и циркуляцию элит. Недостает средств, поэтому ни естественным путем, благодаря

действиям существующих институтов, ни искусственным, при прямом вмешательстве правительства, не могут быть вознаграждены люди, наиболее способные к осуществлению экономических и политических комбинаций, от которых эти правительства зависят. Для правительства оказывается трудным делом укрощение противников из-за ограничения возможности откупиться. Даже если <у правительства> нет недостатка в лидерах, то их сторонники, оставшись на голодном пайке, отказываются следовать за ними.

1000. Теперь мы имеем возможность завершить исследования, начатые в § 951. Периоды быстрого повышения экономического благосостояния благоприятны для «спекулянтов», которые обогащаются и проникают в правящий класс, если еще не вошли в него. Между тем ситуация оказывается противоположной для тех, кто «пользуются рентой», имеют почти стабильные доходы: они их теряют либо из-за естественного повышения цен, либо оттого, что не могут выдержать конкуренцию со спекулянтами в приобретении благосклонности публики и политиканов. Обратные эффекты возникают в периоды экономического спада. Разумеется, все это верно, но лишь в общих чертах, поскольку некоторые частные случаи этого явления могут иметь свои отличия.

1001. Из этого следует, что когда периоды быстрого экономического процветания доминируют над периодами стагнации, в правящий класс проникает все больше «спекулянтов», которые привносят в него остатки класса I (см. § 904 и далее). В то же время в правящем классе уменьшается доля «рантье», которые имеют почти стабильные доходы и в целом обладают более сильными остатками класса II. Такое изменение строения правящего класса приводит к приобщению все большей массы людей к экономической деятельности и обеспечивает прирост экономического благосостояния до тех пор, пока новые силы не станут противодействовать данному движению (см. § 941 и далее). Обратное развитие событий отмечается, когда превалируют периоды стагнации или — тем более — экономического упадка. Примеры первых феноменов мы имеем у современных цивилизованных народов; примеры вторых феноменов встречались у народов Средиземноморья во времена упадка Римской империи вплоть до вторжений варваров, и в Средние века. Данные эффекты в отношении состава правящего класса отмечались не только в указанные выше периоды процветания и стагнации; о других периодах мы поговорим отдельно (см. § 1029 и далее).

1002. В цивилизованных обществах создатели сбережений выполняют очень важную функцию (см. § 948). Они подобны пчелам, которые собирают в улья мед. Это сравнение подходит также потому, что о них часто

можно сказать: «*Sic vos non vobis mellificatis, apes*»*. Следовательно, недалеко от истины оказывается утверждение, что цивилизованность народа прямо пропорциональна сумме тех сбережений, которыми он обладает или которые использует. Если поднимается экономическое благосостояние, то увеличивается также и объем сбережений, привлекаемых к использованию в производстве; если экономическая активность ослабевает, то уменьшается также и объем сбережений, направляемых в производство.

1003. Чтобы продолжить исследование в этом направлении, обратимся вновь к классификации из § 951, 952, где были рассмотрены две категории — *S* и *R*, которым мы только из соображений удобства (см. § 953) дали соответственно имена «спекулянтов» и «рантье». Создатели сбережений имеют в наличии столько средств, сколько им необходимо, чтобы жить, в подавляющей части они входят в класс *R*, т. е. пользующихся фиксированными доходами. Их характеры противоположны характерам индивидов из класса *S*, т. е. «спекулянтов» (см. § 953). Чаще всего это люди замкнутые, сдержанные, осторожные, застенчивые, избегающие, не обязательно опасных приключений, но даже любых, имеющих хоть малейший намек на ненадежность. Ими нетрудно руководить и при этом даже грабить тем, кто в удобный момент умеют извлечь пользу из чувств, соответствующих остаткам класса *II*, которые очень сильны в «рантье». «Спекулянты» — это обычно люди порывистые, склонные принимать новое, они готовы к экономическому действию, любят пускаться в опасные экономические авантюры и ищут их. С виду они всегда подчиняются более сильному, но действуют тайком. Они умеют обретать реальную власть, когда другие демонстрируют только видимость власти. Никакая неудача не приводит их в уныние; изгнанные из одного входа, они, как мухи, тут же возвращаются через другой. Если приближается ненастье, они пригибают голову под порывами ветра и дождя, но сразу выпрямляются, как только все стихает. С упорством, настойчивостью и утонченной хитростью при комбинациях (класс *I*) они преодолевают любые препятствия. Их мнения всегда соответствуют тому, что для них полезно на данный момент: вчера они консерваторы, сегодня демагоги, завтра станут анархистами, едва только анархисты приблизятся к власти. Они не могут быть целиком на стороне одного направления, поскольку для них полезно считаться друзьями всех партий, которые имеют некоторый вес. На сцене видно, как борются друг с другом разные «спекулянты»: католики и семиты, монархисты и республиканцы, либералы и социалисты, но за кулисами они жмут друг другу руки и с общего согласия приступают к тем начинаниям, которые могут принести им прибыль. Когда кто-то из них терпит крах, враги

* Так вы не для себя мед собираете, пчелы (*лат.*).

проявляют к нему милосердие, ожидая, что к ним, если с ними случится нечто подобное, тоже будет проявлено аналогичное почтение. Обе категории людей, о которых мы сейчас ведем речь, плохо умеют прибегать к силе и опасаются ее. Люди, которые прибегают к силе и не боятся ее применять, составляют третью категорию. Они легко обирают и грабят представителей первой категории, с большим трудом — представителей второй категории, которые, сегодня побежденные и разгромленные, завтра возрождаются и господствуют.

- 1004.** Самое очевидное подтверждение малодушия тех, кто пользуются стабильной рентой, представляет собой лакейская и глупая покорность, с которой они принимают конверсии государственных обязательств по облигациям. Поначалу можно было бы усомниться в уместности принятия или неприятия их; но теперь, при столь многочисленных примерах того, как после конверсии облигации падали в цене ниже номинала, надо быть интеллектуально слепым, чтобы надеяться на иной результат любой конверсии. Достаточно небольшой части этих людей мобилизоваться, чтобы подобные операции прекратились; но намного проще побудить стадо овец атаковать льва, чем добиться от этих людей энергичных действий. Так, во Франции в годы, предшествовавшие введению запрета на деятельность религиозных конгрегаций и отчуждению их имущества, было, вне всяких сомнений, известно, что рано или поздно дело дойдет до этого. Обладатели такого имущества не сумели осуществить никаких комбинаций, чтобы избежать неминуемых потерь. Напротив, со страстным стремлением владеть недвижимостью, или придать своему имуществу наилучшую форму для удобства его конфискации, они старались сделать свои потери как можно более значительными. Сходные вещи регулярно случаются со времен, когда был ограблен Дельфийский храм, вплоть до наших дней.

Это лишь частный случай другого, намного более общего явления: во всех обществах, какие только известны с давних исторических времен, у создателей и обладателей накоплений постоянно похищали плоды их экономии. В этом заключается главное объяснение того факта, что пустыми оказывались их надежды на сложные проценты по облигациям, выпущенным на достаточно продолжительный период времени, как и на получение своей доли, не такой уж малой, национального богатства. Помимо прямого грабежа, часто практикуемыми способами ограбления являются фальсификация и неконтролируемая эмиссия бумажных денег.

Поскольку это явление обычно⁷⁴, можно предположить, что в наших обществах право частной собственности существует не иначе, как в сочетании с его периодическими нарушениями. Этот аргумент мог

⁷⁴ Доказательства приводятся во французском издании «Трактата по общей социологии» (см. § 2316).

бы представлять собой сильный довод в пользу социализма, но он не используется, поскольку, как уже многократно отмечалось, при обсуждении социальных вопросов логико-экспериментальные рассуждения подменяются деривациями.

1005. Вследствие малодушия, свойственного владельцам сбережений, их воля слабо воздействует на экономическое развитие. Оно определяется общим объемом сбережений в намного большей мере, чем сопротивлением их собственников грабежу. Здесь, если обратиться к проведенной выше аналогии, мы имеем нечто похожее на то, как количество получаемого пчеловодом меда зависит от общего количества, собранного пчелами, а не от сопротивления, которое они могли бы оказать похитителями меда.

1006. В периоды экономической стагнации объем свободных сбережений возрастает. Так подготавливается следующий период быстрого экономического роста, когда уменьшается объем наличных сбережений и готовится новый период застоя, и т. д. до бесконечности.

На эти два вида колебаний накладываются колебания третьего вида, продолжительность которых намного больше и измеряется, вообще говоря, веками. Происходит так, что время от времени те элементы, которые умеют применять силу, хотят ее применять и у которых существуют мощные остатки сохранения агрегатов, свергают иго «спекулянтов» или иных категорий индивидов, опытных только в искусстве осуществления комбинаций. Так начинается новый период, в течение которого побежденные постепенно возвращаются к власти, чтобы затем вновь быть отстраненными от нее, и т. д. (см. § 1017).

1007. При исследовании таких феноменов следует помнить, что часто в одной и той же стране имеются две категории <индивидов>: одна — очень обширная, у которой отмечается эволюция, и другая — узкая или даже очень узкая, у которой способность применять силу остается неизменной. Типичный тому пример дает Римская империя. В то время как упомянутая эволюция совершалась там среди гражданского населения, ее не было среди узкой группы военных в легионах, которые сохраняли Империю за счет силы и поставляли для нее главу из своих рядов. В наше время нечто подобное, хотя в значительно меньших масштабах, можно наблюдать в Германской империи. Следует также быть внимательным и учитывать, что те лица, которых мы сейчас разделили по категориям, имеют друзей, клиентов, всевозможных зависимых людей, с которыми они порой сходятся, порой расходятся. Их необходимо принимать в расчет при оценках социального действия этих лиц. В наши дни очень большое значение имеют отношения между промышленниками и их рабочими, между

политиканами и бюрократией и иные отношения аналогичного характера (см. § 1013).

- 1008.** Расширим теперь тот ограниченный цикл, который изучался в § 930 и далее, когда рассматривались только интересы *b* и циркуляция элит *d*. <Рассмотрим также воздействие этих элементов на остатки *a* и на их деривации *c*.> Второе воздействие понять проще, поскольку о нем известно из литературы и многочисленных фактов. Иначе обстоит дело с первым воздействием, которое необходимо отыскивать по его манифестациям. Такое воздействие обычно считают более сильным, что не соответствует действительности. Например, совсем немного лет прошло с тех пор, когда можно было полагать, что цикл *bd—db* настолько изменил остатки *a* в том отношении, что в дальнейшем у людей не будет никаких иных чувств, кроме чувств рационализма и гуманизма. И вот теперь рождаются очень сильные националистические настроения; с меньшей интенсивностью, но все же в значительной мере присутствуют настроения империализма и синдикализма, вновь расцветают прежние религии, усиливаются увлечения оккультизмом, спиритизмом, проявляются метафизические чувства; сексуальная религия достигает крайних проявлений при комичном фанатизме. И, наконец, вера в старые и новые догмы проявляет себя во множестве форм. Таким образом, оказывается, что отмеченный цикл действительно гораздо больше повлиял на деривации, чем на остатки.
- 1009.** Но из этого вовсе не следует торопиться с заключением, что воздействие цикла *bd—db* на остатки *a* равно нулю. Надо только сделать вывод: хотя в этом цикле отмечаются мощные ритмические изменения, имеющие четко выраженные периоды с характерными отличиями, в отношении <изменения> остатков *a* эффекты намного слабее.
- 1010.** Цикл *bcd—dcb*... является важным. Легко понять, что деривации *c* адаптируются к изменившимся условиям циркуляции элит *d*; также на них оказывают влияние, хотя и в меньшей степени, изменения экономических условий; в данном аспекте деривации можно рассматривать как следствия этих причин. Постепенно, по мере того как господствующий класс насыщается элементами, у которых превалируют инстинкты комбинаций, он все более отказывается от реального и открытого применения силы, деривации подстраиваются под такие взгляды. Возникают и развиваются гуманизм и пацифизм; дискуссии ведутся так, словно весь мир способен руководствоваться логикой и разумом, тогда как все традиции держатся на обветшалых предрассудках. Просмотрите литературу: это было в Риме во времена Антонинов, в европейских странах конца XVIII в., особенно во Франции; затем вновь, со второй половины XIX в. эти особенности стали легко распознаваться.

1011. Порой отмечается параллельное развитие иной литературы, которая в основном описывает изменение пропорций в распределении прибылей среди правящего класса и его помощников: в Риме — между патрициями и плебеями, сенаторами и всадниками, чтобы иначе распределялись военная добыча и налоговые поступления из провинций; в европейских странах начала XX в. — между политиками и «спекулянтами», между промышленными магнатами и их рабочими, чтобы иначе распределялись прибыли от экономического протекционизма и поступления от налогов, собираемых с обладателей фиксированной ренты, мелких акционеров и создателей сбережений. Чем выше становятся совокупные поступления от таких перераспределений, тем более бурным оказывается сражение и тем больше разрастается та литература, в которой этот процесс описывается. В ней наглядно объясняется, насколько эти меры достойны и полезны или насколько они преступны и вредны тому или иному классу, в зависимости от спонтанных, либо щедро оплаченных предпочтений автора. Некоторые вполне искренние интеллектуалы и гуманисты, а также многие простодушные люди приходят в изумление, слушая столь чудесные доказательства, и начинают мечтать о мире, который изображается в таких сочинениях. Между тем «спекулянты», хотя они знают тщетность таких попыток, принимают их благосклонно, поскольку, пока остальные люди поглощены такими идеями и пребывают иллюзиях, они беспрепятственно совершают свои выгодные операции.

1012. В начале XIX в. правящий класс либо потому, что имел остатки класса II в количестве, значительно превышающем теперешнее, либо потому, что он не имел опыта, который к нему пришел позднее, не считал такие деривации безвредными и тем более полезными. Поэтому он преследовал и подавлял их, опираясь на закон. Затем он постепенно стал замечать, что они не являлись препятствием для приумножения его доходов; и наоборот, порой и даже часто им содействовали. Раньше богатые финансисты были почти все консерваторами; теперь они водят дружбу с интеллектуалами, ставшими революционерами, социалистами и даже анархистами. Наиболее ядовитые инвективы против «капитализма» печатаются при финансовой поддержке «капиталистов». Справедливости ради следует сказать, что пролетарии не имеют врагов ни в одной из партий: в книгах, газетах, театральных постановках, в ходе парламентских дебатов все состоятельные лица заявляют, что они беспокоятся исключительно о благе пролетариев. Но разве вся состоятельная и богатая буржуазия в наше время настолько стала заботиться о благе других, что не проявляет заботу о себе? Все возможно, но есть вещи, которые представляются маловероятными. Видимость, впрочем, отличается от реальности. Кажутся безумцами богатые люди, когда они платят деньги тем, кто проповедует, что они должны лишиться своего состояния, но они, напротив, очень

здравомыслящие люди; в то время как другие болтают, они приумножают свои богатства. Так, «спекулянты» выглядят лишившимися разума, проявляя благосклонность в отношении прогрессивного налога или принимая вводящий его закон. Между тем они, напротив, мыслят вполне здраво: в результате они смогут осуществлять операции, за счет которых ими будут получены доходы, значительно превышающие размер выплаченных налогов.

1013. Промышленники некоторое время назад также полагали, что любое повышение оплаты труда их рабочим приведет к уменьшению прибыли; но опыт научил их теперь, что это не так, и что могут одновременно увеличиваться и заработки рабочих, и доходы от производства. Повышение оплаты труда рабочих оплачивается рантье, мелкими акционерами и обладателями сбережений. Такое открытие было сделано поначалу промышленниками, имевшими выгоду от таможенного протекционизма. Им было бы, безусловно, приятнее получать всю прибыль, но они пришли к пониманию, что лучше обеспечат свои интересы, если поделятся с рабочими, и что если они потеряют часть своих доходов, чтобы вознаградить политиканов — раздатчиков протекционистской манны, они все равно останутся с неплохой прибылью. Поэтому теперь становится гораздо легче, чем прежде, улаживать забастовки, особенно в отраслях производства, попадающих в выгодные условия при таможенном протекционизме, а также на предприятиях, которые поставляют свою продукцию правительству; даже те, кто исполняют правительственные заказы, умеют воспользоваться забастовкой на пользу себе (см. § 913). Кто находчив и хитер, умеет обратиться к собственной выгоде и то, что, казалось, должно быть ему в ущерб.

1014. Находчивость и хитрость «спекулянтов» проявляется также в международной политике. Подготовка к войне стала для них выгодной по причине их участия в экономической деятельности, необходимой для поставки вооружений и возможности в этих распрях извлечь для себя пользу из националистических чувств. Но начало войны могло бы нанести вред их господству, поскольку на полях сражений более ценен воин, чем «спекулянт». Они бледнеют при мысли, что какой-нибудь увенчанный победами генерал сможет лишить их власти. Поэтому с помощью своих добрых друзей-интеллектуалов они всеми способами стараются убедить гражданское население, что отныне господство силы окончилось, что крупные войны стали невозможными благодаря появлению мощных средств уничтожения, что расходование больших средств на вооружение окажется достаточным и в дальнейшем не потребует вести войны. При осуществлении таких расходов они встречают конкуренцию со стороны других групп, поглощающих бюджетные средства, которые хотят, чтобы

они были направлены на «социальные реформы» или на иные подобные цели; с ними приходится вступать в сделку. Могущественные финансовые синдикаты со страниц своих газет то начинают проповедовать согласие и мир, превозносить чудеса международного права и расхваливать блага «мира благодаря праву», то побуждают к раздорам ради защиты «жизненных интересов» нации, сохранения «цивилизации» своего народа, отстаивания его «особых прав». Их выбор зависит от того, что более всего содействует совершению их хитроумных комбинаций. Народы более или менее потворствуют этим маневрам, что является примечательным примером дериваций и того, как одни и те же чувства могут служить различным целям. Но не всегда тот, кто порождает бурю, может затем унять ее по своему желанию, и для «спекулянтов» имеется опасность, что придет час, когда усиливающиеся раздоры выйдут за допустимые границы и окончатся нежелательной войной. Сегодня господствует хитрость, но это не значит, что завтра не станет господствовать сила, хотя бы на протяжении короткого периода времени.

- 1015.** *Колебания дериваций в соотношении с социальными колебаниями.* Этот феномен имеет большое значение. Как проявление воздействия идей и доктрин он предстает в контрастах между различными чувственными, теологическими, метафизическими деривациями и между деривациями и заключениями логико-экспериментальных наук. Создание их истории означало бы создание истории самой человеческой мысли. Как манифестация действующих в обществе сил данный феномен проявляется в контрасте между чувствами, соответствующими разным остаткам, прежде всего между чувствами, которые соответствуют остаткам класса I, и теми, которые соответствуют остаткам класса II; следовательно, он проявляется также в контрасте между логическими и нелогическими действиями. Поэтому самым обычным будет утверждение, что вся история человеческих обществ проходит под воздействием то одной, то другой формы. Нет ничего удивительного в том, что в индуктивной части проведенного исследования нам часто приходилось с ним встречаться. Примечательны два случая. Во-первых, при рассмотрении доктрин, которые выходят за пределы опыта, перед нами возникал вопрос, почему они настолько лично воздействуют на людей в форме чувственных, теологических, метафизических дериваций и в форме научных рассуждений (см. § 258 и далее). Мы уже наметили путь к ответу на него, однако оставили проведение дальнейших исследований для данной главы. Кроме того, при изучении дериваций мы затронули вопрос, как и почему некоторые из них, явно ложные, пустые и абсурдные в экспериментальном аспекте, веками продолжали существовать и воспроизводиться. Из этого факта следовало возражение против неадекватных характеристик в отношении особенностей таких дериваций: возникал вопрос, почему с давних времен люди

совершенно не замечали, что они ложны, пусты и абсурдны. В той части настоящего исследования мы не могли ни полностью обойти этот вопрос, чтобы идти далее, ни полностью ответить на него, поскольку нам недоставало сведений, которые были получены только в этой части; поэтому тогда вопрос был только затронут, а теперь следует завершить его рассмотрение. Между тем в ходе наших исследований вопрос этот приобрел все более обобщенный характер. Теперь он имеет форму вопроса о взаимосвязях между волнообразным движением остатков и волнообразным движением дериваций, а также между ними и другими социальными фактами, среди которых следует особо выделить экономические. Когда рассматриваются продолжительные периоды времени, пропорция остатков класса II по отношению к остаткам класса I может заметным образом варьировать, особенно в интеллектуальных слоях общества. Это важно в отношении дериваций.

- 1016.** Обозначенная проблема даже при ее рассмотрении в этих весьма широких рамках является только частным случаем более общей темы — волнообразной формы движения различных элементов, составляющих социальные феномены и взаимоотношения этих элементов и их волнообразных движений. Во все времена люди ощущали ритмическое, периодическое, колебательное, волнообразное движение социальных феноменов. Это ощущение они переводили на тот язык, которым пользовались, т. е. на эмпирический, теологический, метафизический, экспериментальный⁷⁵. Таким же образом во все времена люди имели определенные представления об изменениях в положении Земли и Солнца относительно друг друга и переводили их на соответствующий язык. Эти переводы не являются следствием того или иного представления, связь между ними заключается только в том, что они имеют общий источник — впечатление, произведенное определенными феноменами на сознание людей. Логико-экспериментальная теория социальных колебаний точно так же не является следствием эмпирических, теологических, метафизических теорий, как и астрономическая теория Ньютона не является следствием теории Пифагора или Платона. В жизни человека также присутствует чередование различных состояний; поэтому понятно ее сравнение с жизнью общества; соответственно имеется немало теорий подобного рода, среди которых наиболее существенна теория Дрейпера*. Хотя такие теории также берут начало от тех же фактов, какие ведут к появлению логико-экспериментальных теорий, оценка и использование фактов осуществляется в них иначе. Лудовико дель Коломбе, глупость которого приобрела большую

⁷⁵ См. франц. изд. «Трактата по общей социологии», § 2330 и примечания.

* Подробнее см. франц. изд. «Трактата по общей социологии», § 2341.

известность, бросился на борьбу с экспериментальной наукой Галилея. Сегодня больше не найдется его последователей в естественных науках, но они еще встречаются и пользуются успехом в науках социальных.

- 1017.** Обычно мелкие колебания не выглядят как зависимые; они оказываются теми мимолетными манифестациями, за которыми очень трудно и даже невозможно увидеть единообразия. В больших колебаниях гораздо проще проследить зависимости; они представляют собой устойчивые, долговременные манифестации, по которым порой удается установить закон (единообразие) как для обособленно рассматриваемого феномена, так и для феноменов, которые рассматриваются во взаимозависимости. Представление о наличии таких единообразий имелось с давних пор, но оно, как правило, было нечетким и довольно неполным. Когда, например, отмечали наличие соответствия между богатством страны и господствующими в ней нравами, не следовало бы делать ничего другого, кроме фиксации единообразий во взаимозависимых колебаниях; но тем не менее люди выходили за пределы опыта и вели пустые разглагольствования из области этики.

При изучении упомянутых единообразий допускается немало ошибок. Их можно разделить на два класса: *A* — ошибки, появляющиеся вследствие непринятия во внимание волнообразной формы феноменов; *B* — ошибки, возникающие при интерпретации этой волнообразной формы.

- 1018.** A_1 . Волны показывают наличие периодов в изменениях феномена, которые могут быть названы восходящими и нисходящими. Если они достаточно длительны, то у наблюдателей таких колебаний легко может сформироваться мнение, что движение должно продолжаться бесконечно долго в наблюдаемом в данный момент направлении или хотя бы завершиться неизменным состоянием без последующих движений в противоположную сторону (см. § 1032 и 1006).
- 1019.** A_2 . Эта ошибка ослабляется, однако не устраняется, когда предполагается наличие средней линии, по отношению к которой феномен совершает колебания, но считается, что она совпадет с линией одного из периодов нарастания феномена. Никогда или почти никогда не полагают, что она совпадет с линией периода убывания. В отношении этого, а также предыдущего обстоятельства дадим более обстоятельный анализ для одного особого случая (см. § 1031 и далее).
- 1020.** B_1 . Известно, что и в прошлом некий феномен проявлялся в форме колебаний, но имплицитно предполагают, что нормальным будет ход его развития, который благоприятен для общества, т. е. в направлении

постоянного увеличения благосостояния, или по крайней мере его неизменности. Случай перехода к еще более неблагоприятным ситуациям обычно исключается. Такие неблагоприятные колебания, когда их наличие не может отрицаться, считаются неправильными, второстепенными, случайными: каждое из них имеет только одну причину, которая может и должна быть устранена (см. § 54), и при этом должно исчезнуть и само колебание. Деривации в такой обобщенной форме непривычны; в другой, следующей за нею форме они, напротив, общеприняты. Причина этого заключается просто в склонности человека искать собственную пользу и избегать вреда.

- 1021.** *B₂*. Предполагают, что колебания можно разрознить путем сохранения благоприятных и устранения неблагоприятных, воздействуя на порождающие их причины. Почти все историки принимают, по крайней мере имплицитно, эту теорему; они немало усилий прилагают к тому, чтобы показать нам, как должны были бы поступать народы, чтобы всегда оставаться в благоприятном периоде и никогда не вступать в неблагоприятный. Также имеется немало экономистов, которые знают и благосклонно учат нас тому, как можно было бы избежать кризисов, обозначая этим понятием только нисходящие периоды колебаний. Все эти деривации часто используются в дискуссиях о социальном процветании (см. § 1074 и далее); они дороги многим авторам, наивно воображающим, что они проводят научную работу, когда сочиняют моральные, гуманистические и патриотические проповеди и наставления.
- 1022.** *B₃*. Только чтобы напомнить, так как нам уже приходилось много раз говорить об этом, отметим ошибку, состоящую в превращении взаимозависимости феноменов в причинно-следственные связи. В нашем случае предполагается, что колебания некоторого феномена якобы имеют только внутренние причины, не зависящие от колебаний других феноменов.
- 1023.** *B₄*. Именно при непринятии в расчет взаимозависимости и стремлении найти лежащую в основе колебаний некоторого феномена причину ее выискивают в теологии, метафизике или в общих рассуждениях, которые только с виду предстают как экспериментальные. Еврейские пророки находили причину нисходящих периодов, последовавших за процветанием Израиля, в гневе Бога; римляне были убеждены, что любое бедствие, от которого страдает их город, имело в качестве причины нарушение культа богов: нарушение (причину) надо было отыскать и предоставить богам адекватную компенсацию, чтобы вернуть процветание. Многие историки, включая современных, ведут поиск подобных причин и находят их в «падении нравов», «*auri sacra fames*»*, нарушении

* Проклятая жажда золота (*лат.*).

моральных, правовых или гуманистических установлений, в грехах олигархии, которая угнетает народ, в слишком большом неравенстве состояний, в капитализме и т. д. Деривации такого рода найдутся на любые вкусы.

1024. В действительности колебания разных частей, входящих в состав социального феномена, находятся в отношении взаимозависимости и представляют собой просто внешние манифестации изменений этих частей. Если кому-то предпочтительнее использование обманчивого термина «причина», то он может сказать, что нисходящий период является причиной последующего восходящего периода, и наоборот; но это следует понимать только в том смысле, что восходящий период неразрывным образом связан с нисходящим периодом, который ему предшествовал, и наоборот. Следовательно, говоря обобщенно: в целом различные периоды являются только манифестациями единого положения вещей, которое фиксируется наблюдением как последовательная смена одного периода другим, и эта последовательность есть не что иное, как экспериментальное единообразие. Существуют различные виды колебаний в зависимости от длительности. Они могут быть очень короткими, короткими, длительными, очень длительными. Как уже отмечалось (см. § 1017), очень короткие колебания обычно являются случайными в том смысле, что они лишь манифестации мимолетных (быстротечных) сил; колебания, которые совершаются в течение достаточно долгого времени, обычно указывают на действие устойчивых, продолжительных сил; очень длительные колебания из-за скудности наших знаний об очень давних временах и в связи с невозможностью предугадать будущее могут утратить характер колебаний и выступать для нас так, словно они представляют собой движение, всегда совершаемое в одном и том же направлении (см. § 1032).

1025. Вернемся теперь к частной проблеме, обозначенной в § 1015. Чтобы ее решить, рассмотрим силы, воздействующие на различные части социального феномена, взаимозависимость которых мы пытаемся установить. Эти силы следует разделить на два класса: силы, рождающиеся из противоречий теорий с действительностью, из более или менее удачного подлаживания (адаптации) первых ко второй; они проявляются в расхождениях между чувствами и результатами опыта. Этот аспект проблемы назовем «внутренним»; и силы, действующие в направлении изменения чувств; они берут начало из отношений, в которых находятся упомянутые чувства с иными факторами, такими, как экономическое, политическое состояние, циркуляция элит и т. д. Этот аспект проблемы назовем «внешним».

1026. *Внутренний аспект.* Рассмотрение данного аспекта мы уже начинали (см. § 258 и далее), нас к нему привело индуктивное исследование, и теперь мы его продолжим. С некоторого времени у многих индивидов остатки сохранения агрегатов (вещь *A* в § 258) утрачивают силу, а остатки инстинкта комбинаций укрепляются (в этот период, как мы отметили в § 258, приобретает доверие экспериментальная наука). Те выводы, к которым люди приходят под влиянием остатков сохранения агрегатов, все более расходятся с реальностью. Из этого делается заключение, что эти остатки суть «устарелые предрассудки», которые следует заменить остатками инстинкта комбинаций. <Полученные под влиянием остатков сохранения агрегатов выводы> осуждаются беспощадным образом и с точки зрения экспериментальной реальности, и с точки зрения индивидуальной или социальной полезности. При этом нелогические действия <людей> хотят заменить логическими действиями, которые должны диктоваться экспериментальной наукой, но на самом деле часто подсказываются псевдонаукой и вызываются деривациями, имеющими малую или нулевую экспериментальную значимость. Обычно это выражается в следующей деривации (или в иных, аналогичных ей): «Разум должен занять место веры, предрассудков». При этом также верят, что выраженное в такой деривации чувство «показывает», что «ложными» оказываются остатки сохранения агрегатов, а «верными» являются остатки инстинкта комбинаций. В иные времена, когда совершается обратное движение, когда остатки сохранения агрегатов приобретают новую силу, тогда как сила остатков инстинктов комбинаций уменьшается, наблюдаются противоположные явления. Остатки сохранения агрегатов, которые ослабли, могут оказываться полезными, нейтральными и вредными обществу. В первом случае деривации от инстинкта комбинаций, в которых отвергаются остатки класса II, выглядят полностью расходящимися с практикой, поскольку они ведут к приданию обществу тех форм, которые совершенно не соответствовали бы ему и могли бы вызвать даже его разрушение. Это скорее инстинктивно ощущают, чем обнаруживают посредством рассуждения. Затем начинается движение в направлении, противоположном по отношению к тому, какое было вызвано господством остатков класса I. Маятник движется в обратную сторону и доходит до другого крайнего положения. Поскольку получаемые на основе остатков класса I решения иногда оказываются в противоречии с реальностью, люди утверждают, что они всегда бывают такими, и рассматривают их как «ложные». Эту характеристику также начинают относить к самим принципам экспериментального рассуждения, в то время как в качестве «истинных» или, по крайней мере, «более высоких истин» воспринимаются принципы сохранения агрегатов. Эти чувства рождают немало дериваций. Одна из них гласит: в нас самих имеются идеи, воззрения, господствующие над опытом; «интуиция» должна сменить «разум», «сознание должно

отстоять свои права перед позитивистским эмпиризмом»; другая деривация утверждает: «идеализм должен занять место эмпиризма, позитивизма, естественных наук», что только идеализм является «истинной наукой». Считается несомненным и бесспорным, что идеализм, с его абсолютом, <как «истинная» наука> намного ближе к реальности, чем экспериментальная наука, которая всегда контингентна; существует даже мнение, что идеализм составляет саму «реальность», а экспериментальная наука, отождествляемая с псевдонаукой, образованной деривациями от остатков класса I, обманчива и вредна. В былые времена подобные мнения превалировали во всех областях человеческих знаний; сегодня они исчезли, или почти исчезли, в физических науках, где последним достойным внимания их примером стала «Философия природы» Гегеля, но они сохраняются в социальных науках. Из физических наук они были удалены благодаря успешному развитию экспериментальной науки, поскольку стали бесполезными; в социальных науках они продолжают существовать не только потому, что в них экспериментальное исследование еще очень несовершенно, но главным образом потому, что обладают большой социальной полезностью. В самом деле, во многих случаях следующие из остатков сохранения агрегатов и получаемые с помощью «интуиции» выводы более близки к реальности, чем выводы, следующие из остатков инстинкта комбинаций и образующие деривации псевдонауки, которая в области социальных знаний занимает место экспериментальной науки. Кроме того, во многих других случаях такие деривации представляются настолько вредными, что общество, если оно не хочет прийти в упадок или погибнуть, должно в силу необходимости их отвергнуть. Но последствия полного превалирования остатков класса II не менее пагубны, причем не только в области ремесел и в физических науках, где это вполне очевидно, но и в социальной области. Нетрудно видеть, что в социальной сфере без инстинкта комбинаций и применения экспериментального рассуждения никакой прогресс был бы немислим. Следовательно, невозможно остановиться даже при достижении той крайней точки, где доминируют остатки класса II, поскольку совершаются новые колебания, которые вновь уводят нас к другой крайней точке континуума, где господствуют остатки класса I. Так происходят бесконечные маятниковые колебания.

1027. Эти же явления можно описать иными способами, позволяющими выявить иные примечательные их аспекты. Ограничиваясь внешней стороной, можно сказать, что в истории период веры наступает после периода скептицизма, который, в свою очередь, последовал за другим периодом веры, а тот за другим периодом скептицизма, и т. д. Описание это неплохое, но могут ввести в заблуждение слова «вера» и «скептицизм», если мы станем связывать их с вполне определенной религией или с несколькими.

Следуя дальше, можно сказать, что общество опирается на сохранение агрегатов; стремление к их сохранению проявляется через остатки, которые с логико-экспериментальной точки зрения оказываются ошибочными, а порой и явно абсурдными. Следовательно, когда преобладает, хотя бы отчасти, точка зрения социальной полезности, в обществе инстинктивно или иначе принимаются такие доктрины, которые благоприятны для чувств сохранения агрегатов. Когда преобладает, хотя бы отчасти, логико-экспериментальная точка зрения, такие доктрины отвергаются и заменяются другими, которые внешне и очень редко по существу согласуются с логико-экспериментальной наукой. Так сознание людей совершает колебания между двумя точками континуума, и поскольку оно не может задержаться ни в той, ни в другой предельной точке, данное движение совершается до бесконечности. Было бы возможным его завершение по крайней мере среди части общества, образующей класс интеллектуальной элиты, если бы ее представители пожелали убедить себя в том, что вера может быть полезной обществу, несмотря на ее ошибочность и даже абсурдность в экспериментальном отношении (см. § 770). Те, кто наблюдают только социальные феномены или рассуждают о вере других, но не о собственной вере, могут иметь такое мнение. В самом деле, такие признаки прослеживаются среди ученых и более или менее явно обнаруживаются у государственных деятелей, которые руководствуются эмпиризмом. Но большинству людей, не являющихся ни учеными-естествоиспытателями, ни выдающимися государственными деятелями, которые не управляют, но которыми управляют, которые больше размышляют о своей вере, чем о вере других людей, очень трудно иметь такое мнение. Это связано как с их незнанием и невежеством, так и с тем, что существует явное противоречие в том, чтобы иметь веру, которая побуждала бы к интенсивным действиям, и при этом считать ее абсурдной. Это не исключает полностью, что такое может произойти; но то был бы поистине исключительный случай. Наконец, если мы хотим в нескольких словах выразить представленные выше соображения, то можно сказать, что «причина» таких колебаний в мнениях заключается не только в недостатке научных знаний, но в большей мере в смешивании двух разных вещей, т. е. социальной полезности какой-либо доктрины и ее соответствия опыту. Уже много раз нам приходилось отмечать масштабность такой ошибки и ее вред для исследования единообразий социальных фактов.

- 1028.** Отмеченное нами движение не существует для тех, кто избегают рассмотрения одного из этих крайних состояний. Очень многие индивиды живут в удовлетворении своей верой и нисколько не беспокоятся о том, чтобы согласовывать ее с логико-экспериментальной наукой. Другие, которых намного меньше, витают в облаках метафизики или псевдонауки, и их не беспокоят практические потребности жизни. Многие люди

находятся в промежуточных ситуациях и более или менее участвуют в колебательном движении.

1029. *Внешний аспект.* Представленные рассуждения имеют один недостаток, который может стать источником серьезных ошибок. Они побуждают имплицитно предполагать, что люди руководствуются логикой при выборе дериваций. Именно так можно было бы понять наши слова о том, что воодушевленные некоторыми чувствами люди воспринимают некоторые деривации как логические следствия своих чувств. Но так происходит только у очень незначительного числа людей, тогда как наибольшая их часть побуждается к усвоению остатков и к принятию дериваций непосредственно чувствами. Внутренний аспект, который был исследован выше <см. § 1026>, важен для теории <появления> доктрин; напротив, он далеко не так значим для теории социальных движений. Такие движения не являются следствиями доктрин; скорее имеет место обратная зависимость. Следовательно, чередование периодов веры и периодов скептицизма надо соотносить с другими фактами (см. § 1022, 1023).

1030. Начнем, как обычно, с того, что воспользуемся методом индукции. Феномен, который мы сейчас намерены исследовать, похож на феномен экономических колебаний (см. § 984 и далее). В нем наблюдаются колебания различной интенсивности. Оставим без внимания слабые и обратимся к сильным и даже к самым интенсивным колебаниям, чтобы иметь хотя бы приблизительное и ориентировочное представление о фактах. Рассмотрим колебания остатков у населения в целом; тогда колебания мнений в интеллектуальной его части — среди литераторов, философов и псевдочученых — уместны только как показатели. Сами по себе они ничего не значат; необходимо, чтобы их восприняли широкие массы населения, прежде чем они могли служить показателями народных чувств. Факт появления произведений Лукиана, который предстает как островок скептицизма среди океана верований, имеет почти нулевое значение, а произведения Вольтера, по причине их большой популярности, предстают как континент скептицизма, и, следовательно, этот факт заслуживает внимания как важный показатель. Все это — очень несовершенные средства, даже более несовершенные, чем те, которые могут использоваться при оценке экономических колебаний при нехватке точных статистических данных. Однако приходится довольствоваться этим, поскольку мы не можем найти ничего лучшего, по крайней мере в настоящий момент.

1031. Если взглянуть несколько издали на все явления такого рода, которые так регулярно происходили и повторяются с давнего прошлого до наших дней, то невозможно не согласиться с мыслью о том, что отмеченные

колебания закономерны и не исчезнут в скором времени. Что произойдет в отдаленном будущем, об этом нам пока неизвестно, но очень вероятно, что так долго сохраняющийся ход событий не изменится в ближайшем будущем.

1032. Ничто не доказывает (см. рис. 30), что такие колебания происходят относительно линии *ab*, соответствующей неизменному соотношению между остатками класса II и остатками класса I, что они не совершаются относительно линии *mp*, которая указывала бы на уменьшение такой пропорции. Напротив, очень многие факты побуждают нас полагать, что эта линия *mp* усредненным образом характеризует общий ход <социальных процессов>.

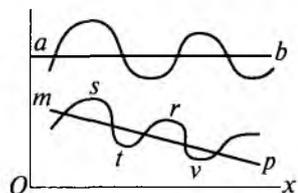

Рис. 30

Мы видели, что классы остатков меняются медленно, но не остаются неизменными. Следовательно, представленное движение по линии *mp* несколько не противоречит особенностям остатков. Более того, если сравнить состояние наших обществ с состоянием обществ периода греко-римской античности, то сразу станет очевидным, что во многих областях человеческой деятельности, таких, как ремесла, наука, экономическое производство, остатки класса I и выводы логико-экспериментальной науки оттеснили и ослабили остатки класса II. В политической и социальной деятельности это проявляется менее явно, и такой эффект здесь, возможно, выражен очень слабо, но это только часть человеческой деятельности. Рассматривая эту деятельность в совокупности, можно с уверенностью сделать вывод, что остатки класса I и полученные в логико-экспериментальной науке дедуктивные выводы расширили область, где они доминируют, что во многом обусловлено отличием наших обществ от обществ античных Греции и Рима.

1033. Следовательно, в общем, не будет ошибочным мнение, что теперь все большее значение в человеческой деятельности придается «разуму». К тому же оно находится в полном согласии с фактами. Но такое суждение является неопределенным, так же как и все другие суждения, в которых литературная форма подменяет научные теоремы, что легко приводит к ряду ошибок. Среди них достойны упоминания следующие.

1034. Ошибка первая. Ее можно отнести только к социальному комплексу, и она имеет разное значение в отношении разных частей этого комплекса. Ошибка состоит в распространении на политическую и социальную деятельность тех характерных черт, которые отмечаются в ремесле, науке и экономическом производстве.

Ошибка вторая. Она проявляется в принятии во внимание только усредненного хода колебаний и заключается в его отождествлении с реальным движением *strv*. Поскольку на людей более сильное впечатление производят факты, наблюдаемые здесь и сейчас, то те, кто находятся, например, на нисходящем участке линии *st*, воображают, что он соответствует усредненному ходу, и полагают, что остальная ее часть должна будет ниспадать до бесконечности, так же так это происходит на участке *st*, и что она никогда больше не будет нарастать, т. е. не предвидят последующего перехода к восходящему участку *tr*. Те же, кто находятся на восходящем участке *tr*, не предвидят нисходящего участка *rv*. Это происходит реже, что вызвано либо тем, что линия усреднения *tr* имеет направленность, которая не отвечает такому мнению и согласуется с первым мнением, либо тем, что второе мнение идет вразрез с теологией прогресса. Между тем первое мнение с ней согласуется, что выглядит более убедительным.

Третья ошибка того же рода, но в более слабом варианте, состоит в расчете на то, что ход усредненной линии близок характеру линии, которая в данный момент непосредственно наблюдается. Таким образом, тот, кто находится на нисходящем участке *rv*, склонен полагать, что средняя линия спадает намного быстрее, чем это происходит в действительности.

Ошибка четвертая, типичная, заключается в придании абсолютной формы временному и случайному феномену, зафиксированному в опыте. Этому сопутствует появление теологии и метафизики регресса, неизменности, прогресса; превозносится, прославляется и восхваляется мудрость предков, золотой век переносится в прошлое; восхваляется спокойная незыблемость догм некоторой религии, морали, политического и социального устройства; или опять почитаются священный прогресс и блага «эволюции» с переносом золотого века в будущее. Почти все авторы минувших веков считали бесспорным, что люди — их современники — пигмеи по сравнению с гигантами более давних времен. Сегодня немало авторов подменяют физику моралью и переворачивают термины. Они убеждены в том, что в моральном плане современные люди окажутся пигмеями по сравнению с гигантами в области морали — теми людьми, которые будут жить в далеком будущем, когда волк станет находиться в одной компании с овцами и «в мире будет немного больше справедливости». Таким образом, экспериментальные сегменты волн *strv* трансформируются в воображаемые сегменты, при этом они подвергаются настолько значительной деформации, что в конце концов порой совершенно или почти теряют связь с реальностью. Эти воображаемые сегменты определены прежде всего или хотя бы в самых общих чертах сегментами *strv*, которым они соответствуют. Мы как раз и провели изучение такого отношения, когда рассматривали то, что обозначили как «внешний аспект» (см. § 1029 и далее). Однако теории, передающие эти воображаемые

сегменты, влияют друг на друга, что мы отметили, когда рассматривали то, что обозначили как «внутренний аспект» (см. § 1026 и далее).

- 1035.** Показанные выше логико-экспериментальные ошибки порой могут быть полезными обществу; но здесь нам нечего добавить к тому, что уже было подробно высказано по этому поводу. Ограничиваясь только вопросом о соответствии теории фактам, мы видим, что научное изучение феноменов как раз и имеет своей целью избавление от таких ошибок и замену фантомов воображения результатами опыта. И то, и другое могут иметь нечто общее, но тому, кто стремится получить лучшее и более обширное знание естественных феноменов и не хочет подвергаться опасности впасть в заблуждение, следует доверять только результатам опыта, вновь и вновь корректируемым новыми наблюдениями.

СОЦИАЛЬНОЕ РАВНОВЕСИЕ В ИСТОРИИ

- 1036.** Мы неоднократно приходили к признанию того, что одним из основных определяющих социальное равновесие факторов являются пропорция остатков класса I и класса II у индивидов. В первом приближении эту пропорцию можно рассматривать путем сравнения:
- 1) между населением различных стран вообще, или между населением одной и той же страны, но в разные исторические периоды;
 - 2) между социальными классами и прежде всего между правящим классом и управляемым классом;
 - 3) в отношении циркуляции элит среди населения.
- 1037.** Прежде чем продолжить, следует предостеречь от двух ошибок. Первая состоит в рассмотрении пропорционального соотношения остатков в качестве причины, а социальных явлений — в качестве следствия. Мы достаточно часто предупреждали читателя об ошибке подмены отношения взаимозависимости причинно-следственным отношением, чтобы вновь к этому возвращаться.
- 1038.** Вторая ошибка заключается в рассмотрении отношений взаимозависимости как единственного условия определенной пропорции остатков <разных классов> и, хуже того, в рассмотрении его (пусть даже и необходимого) как условия одновременно необходимого и достаточного. Кроме того, при изучении взаимозависимости социальных явлений мы ограничиваемся в первом приближении остатками только класса I и класса II. Тем не менее очевидно, что надо также принимать в расчет действие и других остатков. Впрочем, некоторые остатки социальности, целостности индивида и т. д. имеют свои соответствия в остатках сохранения агрегатов; следовательно, опосредованным образом они учитываются при оценке остатков класса II.

Соотнесение пропорций в остатках различных классов с другими социальными феноменами имеет аналогию с выяснением в современной армии связи пропорции между количеством артиллерии и иных видов вооружения с вероятностью достижения победы. Во-первых, такое условие не единственное; требуется также выполнение многих иных условий. Несомненно, что войска должны быть обеспечены провиантом и боеприпасами. Далее, если это условие и может в некоторых случаях оказываться необходимым, оно никогда не будет достаточным. Недостаточно

иметь в надлежащей пропорции артиллерию и другие виды вооружений; их следует также умело использовать. Наконец, необходимо аналогичным образом принять в расчет и другие остатки, а не только остатки класса I и класса II, так же как в дивизионах надо позаботиться, чтобы наряду с артиллерией там были соответствующие лошади, хорошие солдаты, унтер-офицеры и офицеры, чтобы эти части были хорошо обеспечены боеприпасами и т. д. Недостаточно, чтобы в правящем классе имелись в соответствующей пропорции остатки класса I и класса II; необходимо также, чтобы они действовали должным образом. Ясно, например, что когда инстинкт комбинаций используется при магических действиях вместо его применения в экономической или военной практике, то он, прямо скажем, не служит ни для чего. Или когда он расходуется в салонных интригах, вместо того чтобы найти применение при осуществлении политических мероприятий, от него, собственно говоря, тоже мало пользы. Наконец, когда инстинкт сохранения агрегатов вырождается в аскетические, гуманистические и иные близкие чувства, то по результативности их можно будет сравнить с артиллерией, вооруженной пушками из дерева. Но когда в действующей армии применяются со средней маневренностью и приемлемыми способами различные виды оружия, то в дальнейшем выявляется эффективность соответствующих пропорций этих видов оружия. Когда остатки действуют способами, хоть как-то отвечающими обеспечению социального благосостояния, то со временем выявляется эффективность определенной пропорции между ними. Таковы положения, которые теперь следует проверить.

1039. Рассмотрим население различных стран в целом. По оси oz (см. рис. 31) нанесем значения показателей экономического, военного, политического процветания стран, а по оси ox — различные пропорции остатков класса I и класса II у населения этих стран, к каковым могут добавляться также остатки других классов. Нам будет нетрудно найти страны p , где мало остатков класса I по отношению к остаткам класса II; а также определить страны q , в которых, напротив, остатки класса I очень сильно преобладают над остатками класса II; наконец, обнаружить страны r , где пропорция этих остатков or окажется средней. Во многих случаях мы заметим, что величины благосостояния pa , qd меньше значений rb , и из этого сделаем вывод, что линия значений благосостояния с высокой вероятностью имеет некоторый максимум sc при пропорции остатков os . Эту пропорцию точно определить нельзя, но по крайней мере мы знаем, что она располагается в интервале между op и oq .

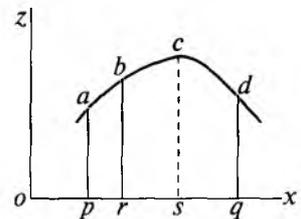

Рис. 31

1040. Если вместо сравнения различных стран сравнить разные по времени состояния одной и той же страны, то из общего рассмотрения пропорции остатков класса I и класса II мало что можно извлечь. Это связано с тем, что в общей совокупности населения остатки меняются медленно и, следовательно, связанные с различием таких пропорций эффекты могут быть скрыты за другими, более изменчивыми феноменами. Если же задуматься о характере пропорций основных остатков в правящем классе, то поскольку такие пропорции меняются порой достаточно быстро, можно отделить эффекты их воздействия от влияния других феноменов. Между тем, поскольку эти изменения тесно связаны с изменением циркуляции некоторых элит, чаще всего мы не можем установить ничего, кроме совокупных эффектов, не имея возможности приемлемым образом выделить части, относящиеся к изменению остатков и циркуляции элит.

1041. Кроме того, индекс социальной полезности зависит не только от пропорции остатков в правящем классе, но и от их пропорции в управляемом классе. Следовательно, этот феномен нам надо представить в трехмерном пространстве (см. рис. 32).

Плоскость xu берется как горизонтальная — это плоскость листа, на котором выполнен рисунок; ось oz берется как вертикальная, и поэтому она не показана на рис. 32, — это ось значений полезности. Лежащая в горизонтальной плоскости ось ox будет осью пропорции остатков в правящем классе, а ось ou — в управляемом классе. Допустим, что мы проводим различные вертикальные сечения hh' , kk' , ll' , параллельные плоскости xoz (см. рис. 33). В каждом из этих сечений мы найдем точки максимума c , c' , c'' и, сравнивая различные максимумы sc , $s'c'$, $s''c''$, найдем один из них c'' , который будет больше других. Он укажет нам, следовательно, наиболее подходящие пропорции остатков в правящем и в управляемом классах.

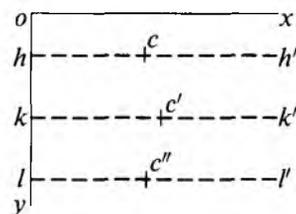

Рис. 32

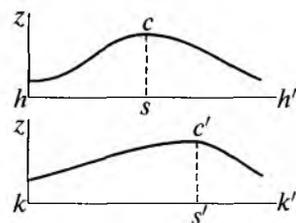

Рис. 33

1042. Античная Греция явилась лабораторией социальных и политических опытов, давшей богатые и достаточно обширные наблюдения. Поскольку в § 1039 мы уже обращались к явлениям взаимосвязи, приходят на ум примеры Спарты и Афин в отношении значений величин pa , qd на рис. 31. Достаточно хорошо известны факты доминирования остатков класса II в Спарте и остатков класса I в Афинах, поэтому мы не будем подробно об этом говорить; но стоит выявить, насколько эти два крайних

случая отдалены от максимума *sc.* Спарта не принимала инноваций, потому что в ней были слишком сильными остатки класса II; Афины принимали их тут же, но не умели извлечь из них пользу в полном объеме, так как в ней были очень сильными остатки класса I.

1043. Основная польза от чувств сохранения агрегатов заключается в сильном противодействии вредным наклонностям, вызванным преследованием индивидуального интереса и порывами страстей; основной ущерб от таких чувств — в побуждении к действиям, которые логически следуют из чувств, но приносят вред обществу. Чтобы исполнить первое <консервативное> назначение, необходимо, чтобы чувства сохранения агрегата обладали значительной силой. Когда они слишком ослабевают, они не могут противодействовать могучим интересам и сильным страстям и только вызывают вторые из названных эффектов, которые вредны для общества.

1044. Где чувства сохранения агрегатов не имеют достаточной силы, там люди легко поддаются порывам настоящего момента, проявляя мало заботы о будущем; под действием неумеренных appetitов легко забывают о высших интересах коллектива. Македоняне во всем подчинялись Филиппу, затем Александру; фиванцы следовали распоряжениям Эпаминонда, но затеяли против него судебный процесс, из которого, впрочем, он вышел победителем; афиняне мало церемонились со своими полководцами: они всячески их унижали, отдавали под суд, осуждали, необоснованно отстраняли от исполнения полномочий. Уроки прошлого никак не помогают в будущем, потому что чувства сохранения соответствующих агрегатов долго не удерживаются.

1045. Аналогичные феномены наблюдаются при сравнении Германии и Франции от периода Второй империи до нашего времени <1914>; первая в некотором отношении похожа на Македонию и Фивы, вторая — на Афины. Сила сохранения агрегатов заменяет недостаток логико-экспериментальных знаний, благодаря которым граждане могли бы понять, что индивид утрачивает также и опосредованную пользу для себя, когда он жертвует коллективной пользой сверх некоторого предела. Те граждане, которые готовили поражение при Херонее*, и те, которые способствовали капитуляции <французов> при Седане**, делали это во вред и себе лично.

* 338 г. до н. э. Решающая победа македонской армии в подчинении всей Греции Филиппу II.

** Сражение в франко-прусской войне 1–2 сентября 1870 г.

- 1046.** Такие феномены часто изучаются только в связи с формами правления — демократической, олигархической, монархической. При этом одни готовы возложить на афинскую демократию вину за все беды и неприятности Афин; другие, напротив, пытаются смыть с нее такие грехи. Несомненно, нельзя отрицать влияние форм правления на социальный феномен; но следует иметь в виду, что, во-первых, они хотя бы отчасти выступают следствием состояния умов и нравов жителей, которые, таким образом, намного существеннее обуславливают социальные феномены. Во-вторых, при одних и тех же формах правления наблюдаются совершенно разные феномены, и это ясно указывает на то, что для этого существуют более значимые причины, безотносительно к формам правления.
- 1047.** Как уже неоднократно отмечалось, факты прошлых времен и факты настоящего времени в их сопоставлении помогают в исследовании социальных единообразий. Факты настоящего времени, более известные в подробностях, позволяют нам лучше понимать факты прошлых времен; последние, напротив, когда они сходны в некоторых отношениях с фактами настоящего времени, подходят для подготовки индуктивного вывода, придающего этим отношениям значение единообразия, или закона.
- 1048.** Демократическое устройство Афин само по себе не было, как убеждают некоторые, причиной очевидных провалов, о которых свидетельствует история; но это устройство и эти провалы были следствием <превалирующих> чувств афинян и всей совокупности обстоятельств, в которых они находились. Сравнения между разными народами, а также между разными временами и обстоятельствами, в которых оказывался один и тот же народ, позволяют выявить влияния устойчивых сил, отделив их от действия сил временных и случайных. Среди них наиболее существенны силы, связанные с характером тех людей, которых фортуна наделила государственной властью. Франция дала нам три таких примечательных примера. Прежде всего это Империя, которая не заботится о национальной обороне и не решается обеспечить ее через принуждение страны к необходимым жертвам. Затем Республика, которая сразу после войны 1870 г. требует от страны таких жертв, и она легко идет на них. Наконец, Республика, которая после 1900 г. не осмеливается, не может требовать жертв от не подчиняющейся ей, строптивой страны. Если сравнивать Республику с предшествовавшей ей консервативной Республикой, то можно возлагать вину за развал на развитие демократии; но этот вывод не проходит, когда сравнение распространяется на Империю, в которой, хотя она не была демократическим устройством, поступали так же как в демократической Республике. Равным образом, если сравнивать только Империю и консервативную Республику, то можно, как это делали

многие, приписывать вину за катастрофу и за поражение в войне исключительно личной власти императора. Но такой вывод не может быть принят, если проводить сравнение между Империей и демократической Республикой, в которой уже нет личной власти императора, но присутствуют те же недостатки и слабости в военной области, какие <ранее> привели к поражению в войне 1870 г. Эти феномены, напротив, будет довольно легко объяснить, если обратить внимание на силу остатков класса II. Там, где они сильны и их интенсивность поддерживается прозорливым правительством, которое умеет их использовать, население охотно принимает бремя расходов на военный аппарат. Где они, напротив, слабы или ослаблены правительством, которое заботится только о соблюдении определенных материальных интересов <сегодняшнего дня>, не задумываясь о будущем, — там население отказывается брать на себя бремя затрат на национальную оборону. При внимательном изучении истории можно увидеть, что народы, которые шли к полному поражению и разорению, довольно редко имели недостаток в предостережениях и упреках, высказывшихся, чтобы отвести их от гибельного пути, и мало, ничтожно мало оказывалось правительств, настолько непредусмотрительных, чтобы этого не замечать. Итак, сила, которая необходима, чтобы подтолкнуть народы к обеспечению своей защиты, существовала; в зависимости от ее интенсивности она действовала более или менее эффективно, что определялось главным образом интенсивностью остатков класса II в правящем классе. Она встречала большее или меньшее сопротивление в зависимости от того, выше или ниже оказывалась в подчиненных классах интенсивность этих остатков. Римский народ победил народы Греции и Карфагена главным образом благодаря тому, что в нем были более интенсивными, чем в этих двух народах, чувства сохранения агрегатов, известные под именем любви к Родине, а также другие чувства, которые содействуют им и поддерживают их. В то же время в его правящем слое имелись в изобилии остатки класса I, за счет которых можно было использовать должным образом те остатки класса II, которые существовали в управляемом классе. Для небольших коллективов и общностей также имеется немало примеров полезности определенных комбинаций остатков класса I и класса II.

- 1049.** Но все это невозможно там, где остатки класса I значительно превалируют и где спекуляция, промышленность, банковское дело, торговля поглотили всех умных и способных к труду людей. Заметьте, что мы все время говорим «больше» или «меньше» в отношении пропорций между остатками класса I и остатками класса II не только в управляемом классе, но и в правящем классе, и что максимум политического и военного могущества не находится ни в той, ни в другой предельной точке.

- 1050.** После равновесия наций рассмотрим равновесие различных социальных слоев. Иными словами, исследуем примеры циркуляции элит. Это исследование следует начать с виртуальных движений, изучая то, как правящий класс мог бы защищать себя путем устранения индивидов, которые способны лишить его власти (см. § 690). Средства исключения индивидов, превосходящих представителей правящего класса по своим качествам настолько, что это может нанести ущерб его господству, являются, по существу, следующими.
- 1051.** *Смерть.* Самое надежное средство, но оно оказывается и самым пагубным для элиты. Ни одна человеческая раса и ни одна порода животных не смогут долго проводить подобный отбор, т. е. уничтожать лучших своих индивидов.
- 1052.** *Преследования, не доводимые до совершения смертной казни: тюремное заключение, финансовое разорение, отстранение от исполнения публичных должностей.* Это средство имеет довольно низкую эффективность; так появляются мученики, становящиеся намного более опасными, чем до преследований. Оно помогает мало или даже вовсе не помогает правящему классу и не очень вредит элите, рассматриваемой в целом (включая как правящую, так и неправящую элиту); напротив, такой способ <борьбы> может даже помочь <соперникам старой правящей элиты>, поскольку преследование повышает у низшей части <общества> ценность таких качеств, как активность и энергичность — свойства характера, которые часто отсутствуют в стареющей элите, а преследуемая часть может в итоге занять место <старого> правящего класса.
- 1053.** Отмеченный только что эффект, проявляющийся в распрях между двумя частями класса избранных, представляет собой частный случай более общего явления, очень часто отмечаемого в столкновениях между правящим и управляемым классами. Можно заметить, что сопротивление правящего класса эффективно только при условии, если он готов довести его до конца, применяя при необходимости силу и оружие, иначе оно не только неэффективно, но, напротив, может помочь и порой значительно помогает его противникам. Лучший пример этому дает Французская революция 1789 г., в ходе которой сопротивление со стороны королевской власти осуществлялось тогда, когда оно оказывалось полезно для наращивания сил ее противников, и прекращалось именно тогда, когда имела возможность их победить.
- 1054.** *Изгнание, остракизм.* Они достаточно эффективны. В современную эпоху изгнание (ссылка) является, пожалуй, единственным наказанием за политические преступления, которое приносит тому, кто его

применяет для защиты власти, больше пользы, чем вреда. Остракизм в Афинах не приносил ни большой пользы, ни большого вреда. Эти средства мало или совершенно не вредят развитию качеств элиты.

- 1055.** *Приглашение к вступлению в состав правящего класса для любого потенциально опасного для него индивида, при условии, что он согласен служить этому классу.* Следует обратить внимание на оговорку — ограничение: «при условии, что он согласен служить этому классу». Если бы ее не было, то это было бы простое описание циркуляции элит, той циркуляции, которая происходит именно тогда, когда посторонние, ранее не входившие в элиту элементы, проникая в нее, приносят свои взгляды, свои характерные черты, свои добродетели, свои предрассудки. Но когда, напротив, они меняют свой характер, превращаясь из врагов в союзников и слуг, мы имеем совершенно иной случай, в котором утрачивается сущностная сторона циркуляции.
- 1056.** Это средство применялось в самые разные времена и у многих народов; сегодня оно стало почти единственным, используемым демагогической плутократией, которая господствует в наших обществах. Оно оказалось самым эффективным для сохранения ее власти. Оно вредит элите, поскольку имеет своим результатом еще большее усиление таких инстинктов и склонностей, которые в ней уже имеются в избытке. Кроме того, вместе с коррупцией, которая неразрывно сопровождает этот процесс, подавляются люди с сильным характером, и это открывает путь тем, кто сумеет и захочет применить силу, чтобы сбросить иго господствующего класса.
- 1057.** Например, правящий класс при избытке в нем остатков класса II и недостатке остатков класса I нуждался бы в притоке новых элементов, у которых пропорции этих остатков были бы противоположными и которые смогли бы пройти в этот класс путем естественной циркуляции. Если же, напротив, правящий класс открыт только для людей, совпадающих по своему типу с основным его составом, или с усердием неофитов проявляющих даже больший консерватизм, чем его старые элементы, он увеличивает этим пагубное для него превалирование определенных остатков и потому движется к своей гибели. И наоборот, тот класс, который, как наша плутократия, имеет большой недостаток остатков класса II и большой избыток остатков класса I, нуждался бы в пополнении элементами с малым количеством остатков класса I и большим количеством остатков класса II. Напротив, открываясь только для тех, кто утрачивает веру и теряет совесть, чтобы добиться выгод, какими плутократия щедро делится с поступившими к ней на службу, <правлящий класс>

получает такие элементы, которые совершенно не помогают ему восстановить то, в чем он более всего нуждается. Действительно, плутократия отбирает у своих противников часть лидеров, которые для нее очень полезны; но она не приобретает ничего хорошего, чтобы приросла ее сила. До тех пор пока она может использовать хитрость и подкуп, вероятно, она будет оставаться победительницей; но она очень легко падет, если будут применены насилие и сила. Нечто подобное произошло в период упадка Римской империи.

1058. Когда в какой-либо стране классы, которые по какой-то причине долго оставались разделенными, внезапно перемешались, или, что бывает намного чаще, когда циркуляция элит, находившаяся в состоянии застоя, вдруг приобретает большую интенсивность, почти всегда наблюдается сильный интеллектуальный, экономический, политический подъем страны. Благодаря этому периоды перехода от олигархического к демократическому строю очень часто оказываются периодами процветания.

1059. Если бы причина такого процветания состояла в отличиях политического устройства, то оно должно было бы продолжаться до тех пор, пока существует новый строй, но этого не отмечается: процветание продолжается некоторое время, а затем сходит на нет. Афины после Перикла быстро пошли к упадку, между тем как их строй становился все более демократическим; дольше продлилось процветание Рима при Сципионах, но все же упадок проявился к концу Республики; процветание понемногу возвратилось при Империи, но затем началось движение к ее упадку. Франция Республики и Наполеона I становится Францией Карла X и Луи Филиппа. Наглядно эту ситуацию можно представить как две отдельные субстанции, которые при соединении вызывают брожение; оно начинается, едва только прекращается их раздельное состояние, но не может длиться до бесконечности.

1060. После проведенного выше описания данного факта его объяснение оказывается простым делом (см. рис. 34). В периоды времени ab циркуляция элит слабеет, и благосостояние снижается от величины am до величины bn , потому что правящий класс приходит в упадок. За короткий период времени bc следует революция или какое-либо иное событие, благодаря которому усиливается циркуляция элит, и значение показателя благосостояния стремительно поднимается с величины bn до величины cp ; но затем правящий класс вновь приходит в упадок, и значение этого показателя вновь снижается от cp до dq .

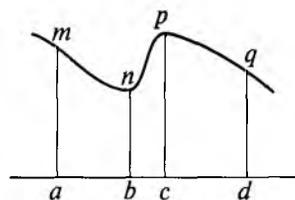

Рис. 34

1061. Ослабление, так же как и усиление циркуляции, может иметь и количественный, и качественный характер. В Афинах сочетались оба факта, поскольку афинские граждане образовывали закрытую или почти закрытую касту, в которую не имели доступа метеки, а военные заслуги мало способствовали проникновению в правящий класс. В Риме вольноотпущенники после прохождения нескольких поколений восстанавливали класс свободнорожденных граждан; но к концу Республики основным источником власти стали интриги и коррупция. С установлением Империи лучшие качества вновь обеспечивают доступ в правящий класс, но в нем с самого начала проявились новые и еще более опасные признаки упадка. Современная плутократия не создает препятствий для циркуляции в количественном отношении; именно поэтому процветание, которое она обеспечивает, продолжается дольше, но она исключает силу и энергию из тех черт характера, которые открывают доступ в правящий класс. Это станет, вероятно, одной из причин, по которым линия процветания pqr которая сейчас находится на нарастающем участке pq , в будущем перейдет на убывающий участок sr (см. рис. 35).

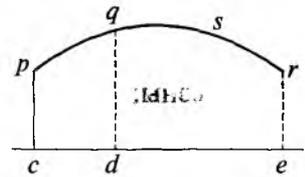

Рис. 35

1062. Пример Венеции, представленный подробно в «Трактате...» (см. § 2500 и далее), лучше всего подходит для понимания данной темы. Он также позволяет рассмотреть общий вопрос, а именно: полезно или нет покупать счастье на многие века, для многих поколений, ценой потери государственной независимости? Не ясно, как можно было бы решить этот вопрос, поскольку сравнение требуется проводить между двумя разнородными вариантами полезности. Подобная проблема встает во все времена, почти в любой стране. Она решается в том или в ином направлении в зависимости от того, какое значение придается актуальной и будущей полезности, является ценной польза ныне живущих людей или тех, которые придут после них, польза индивида или польза нации. Можно задать вопрос: нет ли возможности избежать этих крайностей и попытаться придерживаться среднего пути, который сочетал бы полезность нынешних поколений с полезностью будущих поколений? Решить этот новый вопрос оказывается вовсе не проще, чем предыдущий. Для начала следует заметить, что трудности сопоставления двух гетерогенных видов полезности, одна из которых относится к настоящему, а другая — к будущему, не снимаются, хотя и несколько уменьшаются. Ведь чтобы наметить средний путь, потребуется хотя бы согласовать эти различные типы полезности, и в зависимости от того, какой из этих двух типов окажется ближе чувствам <людей>, средний путь будет направляться в ту или в другую сторону. Также следует обратить внимание, что этот новый

вопрос переводит нас в более сложную область виртуальных движений, и чтобы на него ответить, потребуется решать другой сложный вопрос — о возможности исчезновения некоторых связей с добавлением других связей (см. § 54). Все эти трудности обычно не замечают люди, рассуждающие о социальных и политических проблемах, поскольку они решают эти проблемы не на основе опыта, но с опорой на собственные чувства и чувства других людей, совпадающие с их чувствами. Поэтому их рассуждения имеют мало общего с логико-экспериментальной наукой, либо ни в какой степени не напоминают ее. Они являются деривациями, которые сближаются с простыми манифестациями чувств, с метафизическими и теологическими теориями. Как таковые, они располагаются среди дериваций, которые мы уже обобщенно исследовали. Эти деривации совершают колебания. Во внешнем аспекте социальной полезности они имеют свои положительные и отрицательные стороны. Кроме того, их колебания подобны изменениям в области морали. Но эти колебания далеко не такие сильные по амплитуде, как колебания простых теорий, поскольку соображения социальной полезности не дают им слишком далеко отойти от того предела, когда предлагается жертвовать своими благами ради блага других людей, жертвовать благом индивида ради блага коллектива, благом нынешних людей ради блага будущих поколений. Чаще всего в таких рассуждениях проявляются чувства социальности (остатки класса IV), причем они оказываются намного интенсивнее, чем те же чувства, имевшиеся у авторов теорий, или у их последователей: <как деривации> они подобны одеяниям, которыми прикрыты эти чувства.

1063. Когда некоторое общество слабеет от дефицита остатков класса II, получившегося вследствие распространения гуманизма, поскольку уменьшается энергия, которая обеспечивает применение силы, то часто следует реакция, хотя бы в малой части этого общества. Но примечательно, что эта реакция, вместо того чтобы склонять к приращению остатков, придающих обществу силу, как должно было бы происходить, если бы это была реакция в соответствии с логикой, в основном укрепляет остатки, мало или вовсе не содействующие сохранению общества. Этим доказывается ее нелогический источник. Среди остатков, которые, как видим, набирают при этом силу, почти всегда имеются остатки сексуальной религии, которая наименее полезна для общества, и можно даже сказать, что она, напротив, вредна для него. Это легко объясняется с учетом того, что такие остатки достаточно интенсивны почти во всех людях, и что их усиление или ослабление может во многих случаях служить термометром, по которому можно судить об интенсивности остатков других классов, в том числе и полезных обществу. Происходит еще и следующее. При попытках укрыть под логическим покровом нелогические действия,

люди принимают знак за вещь и воображают, что, воздействуя на сексуальную религию, они окажут воздействие и на остатки, по отношению к которым она может служить только знаком. Эта ошибка распространена довольно широко, так, при других религиях кроме сексуальной религии она оказывается похожей на то, как если бы зимой кто-нибудь вообразил, что сумеет вызвать летнее тепло, добавив ртути в свой термометр, чтобы он показал требуемые градусы тепла.

1064. Следует обратить внимание на контингентность контактов и применения силы между народами, обладающими различными пропорциями остатков класса I и класса II. Если по какой-либо причине сила не используется, то народ, у которого пропорциональное соотношение остатков <класса I и класса II> заметно отличается от пропорции, которая обеспечила бы максимум силы при конфликтах, не подчиняется господству со стороны другого народа, у которого такая пропорция приближается к такому максимуму. Это же следует сказать и о различных социальных классах. Положение равновесия меняется в зависимости от того, большее или меньшее распространение получает <в обществе> применение силы.

1065. Если сегодня мы сравним население южной части Франции с населением ее северной части, то в пропорции между интенсивностью остатков класса I и класса II увидим нечто аналогичное (обращаю внимание: аналогичное, а не идентичное) тому, что существовало во времена альбигойских войн*. Поскольку в отношениях между этими двумя частями одной политической общности применение силы в настоящее время отсутствует, следует предположить, что <отношение этих двух регионов друг к другу> противоположно тому, которое сложилось во времена войн с альбигойцами. То есть Юг, где остатки класса I доминируют над другими остатками, станет господствовать над Севером, где, напротив, преобладают остатки класса II. Именно это и наблюдается. Много раз было отмечено, что в нынешнем правительстве Франции наибольшая часть министров и политиков оказались выходцами из ее южных районов. Там, где более действенна хитрость, остатки класса I особенно ценны, и напротив, их ценность намного ниже там, где более действенна сила. Обратное характерно для остатков класса II.

1066. Китай, почти свободный в течение долгих лет от воздействия внешней силы, смог просуществовать при очень низкой пропорции остатков

* 1209–1229 гг. — Крестовые подходы рыцарей северной Франции на южную Францию против ереси альбигойцев.

класса I, и теперь он, побуждаемый примером Японии, встает на путь обновления, т. е. приращения остатков класса I.

1067. Еще более поразителен, чем пример альбигойцев, пример итальянцев эпохи Возрождения. Уже к концу Средних веков Италия во всех областях человеческой деятельности настолько обогнала другие страны Европы, что остается непостижимым, почему она не создала вновь Римскую империю, а напротив, должна была страдать от новых нашествий варваров. По своим богатствам Италия превосходила любую другую страну: ее банкиры выдавали ссуды частным лицам и монархам, и названия «Lombard Street» и «Boulevard des Italiens» дошли до нашего времени как ископаемые останки, как свидетельства былых времен. Литература, искусство, ремесло, науки процветали в Италии, в то время как в других частях мира они еще пребывали в стадии младенчества. Итальянцы пересекали земной шар: Марко Поло посетил неведомые регионы Азии, Колумб открыл Америку, Америго Веспуччи дал ей имя. Венецианская дипломатия была первой в мире; Лоренцо Медичи в практической политике, Макиавелли в теоретической политике не имели себе равных. Король Франции Франциск I и король Испании Карл V соперничали друг с другом, предлагая Андреа Дория возглавить их флот; Пьеро Строцци был маршалом Франции, а Леоне и Филиппо Строцци честно служили во французской армии.

1068. Так почему же при стольких благоприятных обстоятельствах Италия, вместо того чтобы осуществлять завоевания, сама была завоевана? Сразу приходит ответ: поскольку была раздроблена. Но почему она была раздроблена? Разве не были также раздробленными Франция и Испания, и разве затем они не сформировали единое государственное целое; почему этого не произошло также и в Италии? По тем же причинам, по каким у Италии имелось столько преимуществ по части накопленных ею богатств, интеллектуального расцвета, знания тонкостей политического и военного искусства. Потому что в ней инстинкт комбинаций намного превосходил по значимости инстинкт сохранения агрегатов. Другие страны, в которых пропорция этих инстинктов меньше всего отклонялась от пропорции, которая обеспечивает максимум силы, непременно должны были победить и оккупировать Италию, если вступали с ней в контакт; так же как это произошло в случае с Римом в отношении Греции.

1069. Те беды, которые постигли Италию из-за дефицита инстинкта сохранения агрегатов, были, хотя бы отчасти, замечены Макиавелли, который, как орел, вознесся над множеством историков этического склада (см. § 748). Действительно, он использует термин «религия», но он обозначает

у него любую веру. Этот факт наряду с рассмотрением религии независимо от возможной внутренней истинности ее теологического содержания, как это уже делали Полибий, Страбон и другие, ясно свидетельствует, что Макиавелли имел в виду инстинкты, которые проявляются вместе с этими религиозными деривациями, т. е. остатки класса II. Как и у других авторов, в рассуждениях Макиавелли предполагается, что все действия людей являются полностью логическими и оказываются следствиями преобладающих в людях остатков. Но это не нарушает сути рассуждения в данном случае, поскольку выводы останутся теми же независимо от того, окажутся ли они деривациями, действующими прямым образом, или же они будут просто симптомами <влияния> остатков, из которых они происходят.

- 1070.** Он говорит об Италии: «Так как многие придерживаются мнения, будто благо городов Италии проистекает от римской Церкви, я хочу выдвинуть против этого мнения ряд необходимых для меня доводов. Приведу два из них, чрезвычайно сильных и, как мне представляется, неотразимых. Первый: дурные примеры папской курии лишили нашу страну всякого благочестия и всякой религии, что повлекло за собой бесконечные беспорядки, ибо там, где существует религия, предполагается всякое благо, там же, где ее нет, надо ждать обратного. Так вот мы, итальянцы, обязаны Церкви и священникам прежде всего тем, что остались без религии и погрязли во зле. Но мы обязаны им еще и гораздо бóльшим, и сие — вторая причина нашей гибели. Церковь держала и держит нашу страну раздробленной» (*Discorsi I. 12*)*.
- 1071.** Здесь Макиавелли останавливается на внешней стороне вещей. Если папство стремилось сохранять в Италии раздробленность, то почему итальянцы это допускали? Почему они вернули к себе папство после того, как оно было отправлено в Авиньон**, и не пожелали, чтобы оно осталось там, или не противодействовали тому, чтобы оно возвратилось и вновь досаждало им? Наверняка не по религиозным соображениям, ибо особой религиозности в них не было, но потому что присутствие папства в Риме содействовало проведению некоторых комбинаций, ибо в них остатки класса I доминировали над остатками класса II.
- 1072.** Реформация в Германии была реакцией той части народа, в которой преобладали остатки класса II, против другой его части, в которой

* *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // *Макиавелли Н.* Избранное / пер. с итал. М.: Рипол-Классик, 1998. С. 501.

** Папская курия находилась во Франции с 1309 по 1377 г.

преобладали остатки класса I; то была реакция германской силы и религиозности против итальянской гибкости ума, хитрости, рациональности. Поскольку тогда использовалась сила, победили первые, но если бы сила не применялась, могли бы победить вторые. Если бы средневековая Германская империя просуществовала до наших дней и включала Италию, то, пожалуй, итальянцы нашего времени управляли бы этой Империей подобно тому, как южные французы управляют Францией.

1073. *РИМ.* При изучении социальной эволюции Рима обычно приходится извлекать <сведения о ней> из-под <наслоения> всевозможных дериваций: этических, демократических, гуманистических и прочих, которыми они укрыты в исторических повествованиях. Мы не станем рассматривать здесь сексуальную теологию, о которой уже подробно велась речь и которая если и приводила к написанию множества глупостей, все же не стала виновницей грубых ошибок в римской истории.

1074. Обратимся к частному случаю уже отмеченных ошибок (см. § 1017 и далее). Все эти деривации имеют общую причину, состоящую в том, что из-за влияния чувств мы смотрим на факты как бы сквозь окрашенные стекла. Некоторые авторы стремятся быть беспристрастными и достигают этого в меру своих возможностей; перед их глазами слабо окрашенные стекла. Но большинство авторов смотрит сквозь сильно окрашенные стекла. Порой они используют их по своей воле и даже предпочитают добавлять некоторые определенные цвета, среди которых встречаются, как уже отмечалось ранее, религиозная и патриотическая окраска. По мнению некоторых немецких авторов и их имитаторов из других стран, патриотическая окраска никогда не должна отсутствовать. Кроме того, такие авторы имеют обыкновение отождествлять историю с описанием развития дорогой для них метафизической сущности, которую они называют Государством. Она родилась и провела детство в Риме, но стала совершенной только в современной Германской империи, что, по их словам, очевидно. Другая окраска, которую не замечают, хотя она редко отсутствует, возникает вследствие неявно выраженного убеждения, что любое «зло», о котором нам известно по историческим материалам, могло бы быть устранено благодаря принятию соответствующих мер (см. § 1020, 1021). Отсюда недалеко до мнения о том, что человеческое общество по своей природе должно было бы стать процветающим, счастливым, совершенным, если бы этот его нормальный, естественный ход не нарушался непредвиденными причинами, которые можно было бы устранить (см. § 54). Оно схоже с мнением о том, что в первородном грехе заключена причина человеческих несчастий, но только менее логично; поскольку первородный грех все еще сохраняет свое воздействие, отсюда нетрудно понять, почему вместе с ним продолжают существовать те несчастья и беды, которые являются его

следствием. Если бы все беды и несчастья общества вызывались причинами, которые можно было бы устранить (см. § 54), то непонятно, почему среди множества известных нам из истории обществ не обнаруживается хотя бы одно, которое сумело бы продемонстрировать непрерывное, непрекращающееся процветание. Точно так же можно было бы утверждать, что если возможно появление бессмертного человека, то необычайно странно, что все люди, о которых нам известно, до сих пор оказывались смертными. Действительно, нормальным развитием благосостояния человеческих обществ является такое развитие, ход которого изображается волнообразной кривой. Анормальным развитием, и настолько анормальным, что его примеров никогда не было засвидетельствовано, было бы такое, при котором отображающая уровень благосостояния линия была бы неизменной по форме, или постоянно нарастая, или постоянно убывая (см. § 1024).

1075. Когда, например, некоторые упомянутые ранее историки рассматривают упадок Римской республики, они принимают как аксиому, что непременно должна быть всего одна *причина* этого упадка, которую остается только найти в свершениях людей того времени, и что она должна быть совершенно иной, чем причина процветания Римской республики. Эти противоположные состояния непременно должны иметь противоположные *причины*. Им не приходит в голову, что эти последовательно сменяющие друг друга состояния, хотя и были противоположными, имеют общую причину и один и тот же источник (см. § 1024). Если некто намерен непременно использовать термин «причина», то при рассмотрении индивида он может сказать, что жизнь является причиной смерти, поскольку последняя, несомненно, следует за первой; при рассмотрении биологического вида он может сказать, что смерть является причиной жизни, поскольку до тех пор, пока существует вид, за смертью одних особей следует рождение других. Так же как рождение может быть названо общей причиной, или общим источником и жизни, и смерти, можно сказать, что и некоторые факты могут быть общей причиной и общим источником вначале процветания, а затем упадка некоторого человеческого общества, и наоборот. Это замечание совершенно не имеет целью убедить, что такое происходит во всех случаях; оно означает только, что так может оказаться в некоторых из них. Оно сделано с единственной целью — предупредить: <во избежание ошибки> надо отбрасывать всякое аксиоматическое решение проблемы и решать ее только путем экспериментальных исследований (см. § 1017 и далее).

1076. Другая ошибка, которой мы должны остерегаться, состоит в чрезмерном упрощении сверхсложных фактов. В общей форме эта ошибка часто скрыта за деривациями, содержащими персонификации, благодаря которым мы склонны рассматривать как одно лицо, имеющее простые

интересы и чувства, группу лиц, имеющих разнообразные и даже противоположные интересы и чувства (см. § 969). Например, при обсуждении действий Рима или Македонии мы не допустим ошибки, если такими наименованиями будем обозначать только итоговый результат взаимодействия различных сил, которые существовали в этих странах. Ошибка начинается, когда мы, забывая про разнообразие сил, полагаем, что подобно одному индивиду имелась единая воля у Рима или у Македонии. Мы знаем, что в Риме в 200 г. до н. э. одни римляне хотели, а другие не хотели войны с Македонией (см. § 1090). Можно сказать, не стремясь сообщить ничего кроме данного факта, что тогда Рим не захотел начать войну с Македонией. Если упрощенно представить участвовавшие в этом решении компоненты, то можно добавить, что сенат выдвинул предложение начать такую войну, а народ отверг его. Продолжая в том же направлении, можно отметить и другие компоненты. Но было бы невозможно полностью исключить всякий иной аналогичный способ выражения той ситуации, не впадая в смешной и мелочный педантизм. Нет ошибки, пока внимание обращается только на вещи, обозначенные этими именами; ошибка начинается с их персонификации, она возрастает с усилением персонификации и становится максимальной, когда персонификация оказывается полной. Рим не обладал единой волей по вопросу о войне с Македонией, которую мог бы иметь отдельный римлянин; не обладал такой единой волей и римский сенат; не имели ее ни спекулянты, которые имели интерес к такой войне, ни различные партии внутри обозначенных групп. Начав с Рима как целого и постепенно увеличивая число компонентов, мы будем приближаться к реальности, хотя и не сможем достичь ее полностью. Это будут различные аппроксимации. Мы не можем обходиться без их использования, и они не введут в заблуждение при условии, что мы принимаем их в качестве приближений и не выходим за пределы того, что они могут выразить. Аналогичная ошибка совершается в случае, когда хотя бы неявным образом предполагается, что одним и тем же именем в разные времена обозначалась одна и та же вещь. Например, имена «Сенат» и «Народ» остаются в римской истории, но полностью изменяется то, что они обозначают. Такая ошибка, допущенная некоторыми историками при изучении прошлого, была исправлена другими историками. Она гораздо менее опасна, поскольку не так коварна, как первая ошибка <персонификации>, встречающаяся в огромном количестве и в современных работах, где об Италии, Франции, Германии и т. д. рассуждают так, словно эти страны выступают как отдельные индивиды.

1077. Но здесь появляются два препятствия, о которых можно было бы сказать: «*Incidit in Scyllam cupiens vitare Charybdim*»*. Не прошло и одного века после

* Встречаешь Сциллу, желая избежать Харибды (лат.).

того, как стало проявляться стремление излагать историю, не вникая в частности, за исключением более или менее романтических и анекдотических случаев, которым отводилось немалое место. Сегодня, напротив, склонны собирать всякие мелкие подробности и бесконечно дискутировать на темы, не имеющие никакого значения. Это полезно при подготовке материалов, но не для использования их; такая деятельность напоминает труд рабочего, который вырезает камни, но не работу архитектора, который конструирует здание. Кто имеет в виду нахождение единообразий, должен обращаться к изучению деталей и частных, независимо от того, крупные они или мелкие, но в качестве средства, а не цели. Кроме того, необходимо оставить надежду на возможность сразу получить завершённую теорию, которая строится постепенно, и убедиться в том, что только последовательные аппроксимации позволят ближе подойти к желаемой цели. Вначале очерчивают главные линии феномена, затем обращают внимание на линии второго плана и т. д., внося вклад в непрерывное становление науки.

1078. Все эти линии являются идеальными, полученными путем абстракции, т. е. мы проводим исследование некоторых главных элементов конкретного феномена, который выступает под единым названием, хотя в действительности он состоит из многочисленных элементов. Так же как мы именуем глиной соединение многих химических веществ, а плодородным слоем почвы — соединением еще большего числа веществ. Этого не учитывали многие авторы — ни те, кто пространно толковали о борьбе между «республиканской свободой» и «имперским деспотизмом» в Риме, ни те, кто в давних спорах между патрициями и плебеями усматривали борьбу между аристократией и простонародьем, тогда как теперь стало вполне ясно, что это было соперничество между двумя аристократиями. В немного более поздние времена споры между сенаторами и всадниками вовсе не были простым феноменом, как его многие себе представляют. Чтобы это доказать, достаточно будет отметить, что сенаторы и всадники порой договаривались и действовали совместно на основе общих интересов, когда противостояли введению аграрных законов.

1079. Итак, постараемся получить в самых общих чертах первое представление об изучаемом явлении. Ранее мы установили, что как в отношении интересов, так и в отношении чувств большое значение имеют способы, какими люди обеспечивают себя самым необходимым для жизни, а также какими они обретают достаток, богатства, славу, власть. В первом приближении нам помогло деление людей на две группы (см. § 951). Теперь посмотрим, встретятся ли нам при дальнейшем следовании по этому

пути какие-либо единообразия. Если да, то мы продолжим этот путь; если нет, то вернемся обратно.

1080. Чтобы изучать различные элементы, для начала надо провести их классификацию. В циркуляции классов элит в Риме следует обратить внимание на следующие элементы:

А. Нормы и правила перехода из одного класса в другой.

А₁. Законные нормы перехода из одного класса в другой. В начальный период <римской> истории существовали жесткие законодательные препятствия в отношении циркуляции; распри между плебеями и патрициями были направлены на то, чтобы их устранить. Эти препятствия постепенно упразднялись для римских граждан и ослаблялись для вольноотпущенников; затем, к концу существования Империи, вновь появились закрытые или почти закрытые классы.

А₂. Эффективные движения по переходу из одного класса в другой. Они зависят главным образом от того, насколько легко можно приобрести богатства теми или иными способами. Возможности обогащения возросли к концу Республики и к началу Империи.

В. Свойства характера представителей новой элиты.

В₁. В этническом отношении. Вначале новыми элементами являются римляне, латиняне, италики; элита обновляется, не изменяя своего этнического состава. Но в конце в ней оказываются главным образом выходцы с востока; характер элиты полностью меняется. Следует рассмотреть меняющиеся по ходу истории пропорции, в которых устанавливалось соотношение городских и сельских жителей в составе государственного управления. Бело придавал, пожалуй, слишком большое значение таким пропорциям, но в его наблюдениях имеется доля правды. Но в то же время он принял характеризующий явление показатель за его суть. Имеет большое значение не столько сам материальный факт проживания в городе или в деревне, сколько различия в тех чувствах и интересах, которые выражаются посредством такого показателя; и потому, прежде всего, надо обращать внимание на эти чувства и интересы.

В₂. В отношении остатков класса I и класса II. Когда элита обновляется частично за счет новых богатых, когда сельскохозяйственные занятия уступают место финансовой или коммерческой деятельности, то в той части общества, которая управляет государством, усиливаются остатки класса I и ослабляются остатки класса II. Таким образом в Риме к концу Республики в правящем слое преобладали остатки класса I и был заметен дефицит остатков класса II; тогда как в управляемых слоях, особенно у людей, живущих вдали

от столицы, имелись в избытке остатки класса II. С установлением Империи начинается движение в противоположном направлении, в отношении господствующего слоя, который обогатился остатками класса II до такой степени, что оказался в этом отношении на одном уровне с управляемым слоем.

- В₃.** В отношении предрасположенности к применению силы и ее реального использования. Вначале гражданин не отличался от солдата; элита однородна в этом отношении, она способна применить силу и умеет это делать. Затем гражданин постепенно начинает отличаться от солдата по своим качествам; элита разделяется на две части: меньшая часть господствует, прежде всего на основе силы; большая часть элиты уже не может и не умеет применять силу.

1081. Эти феномены следуют один за другим, понемногу изменяясь со временем; но чтобы их описать, нам по необходимости приходится разбивать их на группы, отделять и разъединять то, что является единым и непрерывным. Уступая такой необходимости, мы рассматриваем временные периоды, которым только ради простоты изложения придаем четкие границы, так же как их можно ввести при рассмотрении периодов молодости, зрелости и старости в жизни человека, которые следуют, постепенно сменяя друг друга. Итак, это будут периоды:

I. От времен Второй Пунической войны до конца Республики.

II. От принципата Августа до правления Антонина Пия.

III. От Антонина Пия до Галлиена*.

Никогда не следует забывать о взаимозависимости различных частей социального целого, т. е. элементов *a*, *b*, *c*, *d*, указанных в § 926. Ранее мы обстоятельно описали эволюцию экономических организаций, что позволяет теперь ограничиться только краткими упоминаниями и обратить внимание на иные элементы.

1082. I. *От времен Второй Пунической войны до конца Республики.* Мы оставляем без внимания более давние времена, поскольку относящиеся к ним исторические и тем более хронологические данные слишком неточные. В выделенный временной интервал политическое, военное и финансовое могущество Рима нарастает и достигает максимума, так же как и проявления интеллектуальной деятельности; экономическая свобода довольно значительна.

- A₁.** Законодательные препятствия процессу циркуляции элит, вначале существенные, сводятся к нулю для граждан; сельские жители и горожане проявляют стремление к равенству. Потомки вольно-

* Соответственно: от 218 до 30 г. до н. э.; от 30 г. до н. э. до 139 г. н. э.; от 139 до 268 г.

отпущенников во втором поколении, а в виде исключения и в первом поколении, получают *ingenuitas** и доступ в элиту.

*A*₂. Действительно, война, торговая деятельность и, наконец, взимание налогов открывают множество источников обретения богатств. Циркуляция интенсивная, но при этом она не особенно стремительная, по крайней мере в целом. Это было нормой, хотя бывали и исключения в виде всевозможных привилегий, соответствующих времени, и оставалось нормой вплоть до падения Империи, что любая семья могла подниматься в своем социальном положении не иначе, как постепенно. Из раба человек становится вольноотпущенником, его потомки во втором поколении уже имеют *ingenuitas*; если они получают *magistratus*** , то могут вступить в сословие всадников, а затем их потомки уже обладают возможностью попасть в *nobilitas****. Такой человек, если, конечно, соблюдаются правила, может занять публичную должность только в соответствии с установленным порядком. Общее движение, вначале медленное, становится все более интенсивным к концу Республики, означавшему наступление времени анархии, когда нормам и правилам следовало плохо.

*B*₁. Вся, или почти вся элита состоит из коренных элементов. Однако к концу Республики совершаются крупные и быстрые изменения в составе и граждан, и элиты. Наконец, известно о том, как социальная война окончилась признанием римского гражданства в отношении части жителей италийских городов.

*B*₂. Некоторые из новых граждан происходили из крестьян и привносили в римский народ остатки класса II. Но большинство из них были осторожными и проницательными людьми, в изобилии обладавшими остатками класса I, потому что только такие индивиды могли изловчиться и в сложных условиях того времени добиться от влиятельных людей получения права на римское гражданство. Аналогичное наблюдение можно сделать и в отношении рабов, которые добивались свободы. Проведенное Дионисием Галикарнасским сравнение вольноотпущенников более ранних времен и его времени свидетельствует, что у вторых заметно преобладали остатки класса I. Доля таких остатков нарастала по отношению к остаткам класса II в правящем слое, который принимал в свои ряды все большее количество «спекулянтов». Необходимо четко отличать движение, создающее новых граждан, от движения, изменяющего элиту. В последнем движении так же следует выделять

* Статус рожденного от свободных родителей.

** Гражданские должности в Риме и военные в провинциях (*лат.*).

*** Знать.

разные стороны. В элите еще нет недостатка в воинственных индивидах; именно они после некоторых попыток, закончившихся неудачей, создадут Империю. «Спекулянты» составляют наибольшую часть элиты; они всегда поворачиваются в ту сторону, откуда идет попутный ветер, интригуют в форуме и покупают голоса в комициях, пока это может им помочь, меняют ориентацию с величайшей легкостью и помогают военным, если от них они могут получить некоторую выгоду. Мы их обнаруживаем главным образом среди всадников, но они встречаются и в других сословиях. Наконец, имеется определенная доля робких людей, часто честных, которые верят в эффективность противодействующих военной силе законов, и тем самым все более утрачивают собственную энергию и роют себе могилу. Из истории известно, что такие люди появляются главным образом в сословии сенаторов, среди которых встречаются, впрочем, и «спекулянты» (см. § 1076). В целом мы уже отмечали (см. § 1024), что одни и те же причины вначале приводят к расцвету, а затем ведут к упадку. Как при рождении ребенка можно приблизительно предугадать состояние, которое наступит с достижением им старческого возраста, так можно предвидеть, если известны обстоятельства, каким будет развитие таких аристократий, как спартанская и венецианская. Можно было бы предвидеть и развитие народов, которые жили относительно изолированно от других, например афинского и китайского, а также народов, чьи завоевания и спекуляции приносили новые элементы в господствующий слой, например, римского. Несколько слов, высказанных Флором, дают краткое обобщение ситуации в конце Республики⁷⁶; он был впечатлен бедами, доставшимися Риму от плутократии; но дело в том, что вначале плутократия была для Рима благом, а не бедствием. Полибий это наблюдал, он знал Рим в ту пору, когда еще то, что впоследствии привело к закату государства, обеспечивало возрастание его могущества и процветания. Он был поражен тем, что все население пристрастилось к экономическим и финансовым занятиям. По сути аналогичная ситуация несколько в иных формах отмечается сегодня среди цивилизованных народов. Полибий обратил внимание прежде всего на действия, которые поручались цензорам; среди них также фигурировало взимание налогов. Он заметил, что так или иначе все принимали участие в этих делах: «Так, одни за плату сами принимают что-либо от цензоров на откуп, другие идут в товарищи к ним, третьи являются поручителями за откупщиков,

⁷⁶ *Floro. Bellorum omnium annorum DCC Libri. III. 18.*

четвертые за них несут в государственную казну свое состояние <как обеспечение>» (VI. 17. 4)*. И вот родилось то, что однажды будет названо плутократией. Пока она слаба, она остается покорной и послушной; став сильной, она будет властвовать. Однако в период между тем и другим состоянием она даст Риму могущество и процветание. Люди, рассмотренные Полибием, злоупотребляли завоеваниями Рима, которые распространились на все страны Средиземноморского бассейна, а также на страны, еще не охваченные римским могуществом. Ко всем из них можно в той или иной мере отнести слова Цицерона, высказанные им о Галлии: «Вся Галлия наполнена капиталистами <торговцами, ростовщиками> из римских граждан, ни один сестерций в Галлии не может шевельнуться, не оставляя следа в кассовых книгах римских граждан»⁷⁷. Но именно тогда экономическое и финансовое процветание достигло наивысшей точки; оно сравнимо, при учете надлежащих пропорций, с процветанием современных цивилизованных народов начала XX в. Тогда, как и сейчас цены поднимались и роскошь возрастала. Очевидно, что необычайно важные интересы многочисленного класса «спекулянтов» составляли настолько мощную силу, что она одержала бы верх над государством, если бы не сдерживалась другой, такой же или почти такой же мощной силой (см. § 839 и далее). Во времена Полибия у политиков было еще достаточно хитрости. Он отмечает, что все дела, переданные в ведение цензоров, зависят от сената: «Словом, во многих случаях сенат имеет возможность причинить вред или пособить людям, имеющим отношение к общественному достоянию, ибо по всем поименованным делам нужно обращаться к сенату»**. Здесь перед нами предстает сила <сенат>, с которой независимо от того, наносит она ущерб или оказывается полезной, должна была считаться плутократия. Действия этой силы пока еще приносят республике пользу, т. е. ее полезные действия, перевешивают, и намного, вредные. Эта сила является препятствием, преодолев которое, коррупция и насилие получают свободу действий, пока не появится другая, более значительная сила, т. е. сила оружия, которая сумеет их

* *Полибий*. Всеобщая история. В 40 кн. Т. 2. Кн. VI–XXV. СПб.: Наука; Ювента, 1995. С. 17.

⁷⁷ *Цицерон Марк Туллий*. Речь за М. Фонтея // *Цицерон Марк Туллий*. Полное собрание речей в русском переводе / ред., введ. и примеч. О. Зелинского. В 2 т. Т. 1 (81–63 гг. до Р. Х.). СПб.: Издание А. Я. Либермана, 1901. С. 442.

** *Полибий*. Указ. соч. С. 17 (VI. 5–6).

обуздать. Люди, способные принести большую пользу или большой вред другим, подвергаются с их стороны непрерывным посягательствам с применением подкупа и насилия. Это наблюдается во все времена (см. § 974). Знание прошлого способствует лучшему пониманию настоящего, как и наоборот. Такая корпорация, как римский сенат, обладала немалой властью, была готова к соперничеству со всеми, кто стремились ее оттеснить и занять ее место. Кроме того, люди зависевшие от нее или от ее соперников, рано или поздно начинали понимать, что лучше было бы ни от кого не зависеть; и тогда плутократия стала стремиться к господству. Следовательно, вполне можно было предвидеть, что сенат не будет оставлен в состоянии мирного обладания властью, что коррупция и насилие будут изменять свою форму в зависимости от того, кто будет обладать властью, что они будут усиливаться по мере возрастания ожидаемых и полученных от власти наград. Полибий также охарактеризовал один из тех способов, какими сенат сохранял свою власть, т. е. имевшуюся у него привилегию — контроль над судопроизводством по частным и публичным судебным делам. Следовательно, легко можно было предвидеть, что вокруг такой привилегии должна была начаться борьба, и хорошо известно, что, действительно, так и произошло.

В₃. Элита в значительной части еще представляет собой военный класс, но уже начинается разделение военных и гражданских функций и должностей. Кроме того, армия, которая вначале формировалась главным образом из имущих граждан, у которых, следовательно, были сильны остатки класса II, проявляет тенденцию к тому, чтобы стать наемной, т. е. сборищем людей, являющихся орудиями начальников, у которых в избытке представлены остатки класса I.

1083. II. *От принципата Августа до правления Антонина Пия.* Мы все ближе подходим к максимуму, отмеченному в предыдущий период, но начинается упадок. Правление с помощью хитрости сменяется правлением на основе силы; больше не требуется подкупать комиции, поскольку они, лишившись силы, вскоре вовсе исчезнут; насилие в комициях сменяется насилием преторианцев. Но при Августе и Тиберии преторианцы еще послушны императору, они являются средством управления, они не господствуют. «Спекулянтов» держат в узде, они пока еще могут сделать много хорошего и мало плохого. Мы имеем период, аналогичный тому, который наблюдался, когда они обуздывались властью сената и влиянием сельских граждан. Так же как и старая, эта новая форма правления должна была пройти путь от процветания до упадка; при этом вновь должны были зародиться аналогичные феномены. Как предшествовавший период

демонстрировал и хорошие, и плохие стороны правления, использовавшего в качестве основного средства хитрость (остатки класса I), новый период продемонстрирует хорошие и плохие стороны правления, основанного главным образом на силе (остатки класса II).

- A₁. Начинает проявляться тенденция к кристаллизации. Имеется слой знати, состоящий из *ordo senatorius**, и склонный к закрытости *ordo equester*** . Эти феномены взаимосвязаны возрастанием остатков класса II. Увеличивается число граждан; дети вольноотпущенников получают статус *ingenuitas****. Естественно, что постепенно уменьшается ценность римского гражданства, оно предоставляется все более широкому кругу людей.
- A₂. Торговля и производство во времена поздней Империи продолжают пользоваться теми свободами, которые они имели при Республике, они по-прежнему предоставляют многим людям возможность накопить богатства; в этих сферах отчасти находит применение та энергия, которая ранее растрачивалась в распрях и спорах в комициях. Так же точно в наше время в Германии для хозяйственно-экономических занятий хотя бы в небольшой доле используется энергия, расходуемая в других странах на политические распри. Реальная циркуляция элиты по-прежнему остается значительной.
- B₁. Вторжение выходцев из других стран, которое началось уже в конце Республики, их проникновение не только в ряды римских граждан, но и в элиту становится все интенсивнее и все более размывает древнеримскую и даже италийскую кровь <родовые корни> народа, который все еще продолжает именоваться римским, и его лидеров. Иностранцы привносят в большом количестве остатки класса II. Появляется поросль, которая затем будет разрастаться вместе с вторжением восточных религий, культа Митры, с победой христианства.
- B₂. Способ, каким рабы добиваются свободы, изменяется не очень существенно; следовательно, продолжает осуществляться отбор людей, с наличием остатков класса I, но этот отбор совершается в общности, где имеются сильные остатки класса II. Если отбирать людей наиболее высокого роста среди низкорослого народа, то отобранные люди будут иметь намного меньший рост, чем в случае, если бы они отбирались среди народа, отличающегося гигантским ростом. Аналогичные соображения могут быть

* Сословие сенаторов (*лат.*).

** Сословие всадников (*лат.*).

*** См. прим.* на с. 427.

отнесены к элите. В нее попадают главным образом благодаря умению осуществлять «спекуляцию» и благодаря расположению императоров. Это создает тенденцию приращения в ней остатков класса I. Этническое начало, наоборот, привносит массу остатков класса II. Следовательно, в целом здесь поначалу отмечается лишь небольшое изменение в пропорции остатков, имеется определенный паритет между настоящим и прошлым; затем мало-помалу начинают превалировать остатки класса II. Правящий класс становится слоем служащих с присущей для такого типа людей узостью ума.

*B*₃. Разделение между гражданскими и военными функциями возрастает, хотя пока еще они не разведены полностью. Военный слой господствует благодаря императору; он является не элитой, лишь грубой силой. Элита становится все более и более штатской. Она не имеет, не хочет и не умеет применять силу.

1084. III. *От Антонина Пия до Галлиена.* Большое превалирование остатков класса II воздействует все сильнее. Политический, военный, экономический, интеллектуальный упадок Рима все более нарастает; экономические и социальные институты становятся все более жесткими. Варвары вторгаются в Империю.

*A*₁. Усиливается и завершается кристаллизация общества. Александр Север делает закрытыми корпорации искусств и ремесел <членов в городских советах>. Декурионат становится обременительной обязанностью (см. § 1140). Римское общество приближается к кастовому обществу.

*A*₂. Реальная циркуляция становится все слабее. Закрытость корпораций, истощение и обеднение Империи иссушают источники новых элементов для элиты, которая больше не получает никого, кроме малочисленных спекулянтов и фаворитов императоров. Деление на касты приобретает все в большей степени статус реальности и получает законодательное закрепление.

*B*₁. Теперь элита в основной массе состоит из элементов иностранного происхождения; таковыми оказываются и сами императоры.

*B*₂. С распространением «спекулянтов» и других им подобных элементов, которые мало подходят для обновления элиты, в ней ослабевают остатки класса I, и в то же время непомерно усиливаются остатки класса II, поскольку те немногие новые элементы, которые в нее проникают, в большинстве своем восточного происхождения и суверенные варвары.

*B*₃. Разделение между штатской элитой и исполнителями военных функций становится полным. Теперь элита похожа на стадо слабовольных и трусливых людей — подходящий объект для

завоевания варварами. Сходный феномен отмечался в Китае во времена татарского завоевания.

1085. Все эти особенности приобретают все более четкое выражение вплоть до падения Западной империи. Тогда варвары прекратили процесс кристаллизации (застывания) общества, и это стало главным благодеянием, которое они совершили. Еще более суеверные, чем те народы, которых они завоевывают, они усиливают остатки класса II там, где они уже имелись в огромном количестве, и, следовательно, в этом отношении они ускоряют разрушение общества. По своему невежеству они сломали государственную машину имперских институтов, которой они не были способны управлять, даже если бы пожелали ее сохранить. Так было посеяно семя новой цивилизации. В самом деле, с течением времени здесь и там появляются точки, где взаимосвязанным образом нарастают остатки класса I и развивается торговая активность, одно стимулирует другое и наоборот (см. § 1142). Сходным образом в иные времена зарождались Афины, Рим, другие античные, греческие и италийские города. Различие в обстоятельствах привело к разным формам такого развития, но по существу оно проходило одинаково. В странах, где, как в Провансе и в Италии, торговля, искусства, ремесла позволяли «спекулянтам» накапливать богатство и вступать в элиту, тем самым привнося в нее остатки класса I, от большой нехватки которых она страдала, вновь начинается политический, военный, финансовый и интеллектуальный подъем, и мы вступаем во времена коммун*.

1086. Необходимо поразмышлять об общем ходе подобных феноменов. Развитие общества, как мы уже это видели на многих примерах, имеет форму волнообразной кривой. В данном случае требуется повторить рассуждения, приведенные в § 1016–1025. Как обычно, мы должны обратиться к теориям, или к деривациям c (см. § 925), и к фактам, которые соответствуют a , b , d . Чтобы сделать рассуждения понятнее, совокупность этих фактов обозначим как s . Мы уже исследовали (см. § 923 и далее) общий феномен взаимозависимости этих элементов a <остатков>, b <интересов>, c <дериваций>, d <циркуляции> и циклы, которые при этом наблюдаются. Теперь обратимся к частному случаю волнообразного движения, протекающего во времени, и отношений взаимозависимости, характерных для этих волн.

Изучение сменяющих друг друга состояний в экономической и в социальной организации приводит к рассмотрению следующих друг за другом волн в категориях b <интересов> и d <циркуляции>. К этому можно

* Период (IX–XII вв.) роста городов как центров торговли и ремесел в феодальной Европе.

добавить волны в проявлении чувств a , которые, впрочем, как мы знаем, достигают заметного размаха только в течение достаточно длительного интервала времени. При такой оговорке можно сказать, что мы исследуем волны изменений комплекса s . Представления о состояниях, обозначенных s , и соответствующих им теориях, обозначенных c , более или менее смутно проступают в терминах «свобода торговли» или «протекционизм», «индивидуализм» или «этатизм», используемых в обычном языке. Два первых термина имеют достаточно определенное значение и более или менее строго могут использоваться в научном рассуждении. Последние два термина оказываются неопределенными, аналогично таким, как «религия», «мораль» и т. д. Чтобы их можно было применять, требуется по крайней мере уменьшить их неопределенность.

Во-первых, необходимо отделять факты от теорий. Кто верит, что все действия являются логическими, и воображает, что теории и деривации определяют действия человека, может без особых затруднений смешивать теории с фактами и не отличать теории (c) «индивидуализма» и «этатизма» от фактов a , b , d , которым они соответствуют. Не так обстоит дело для того, кто признает важность нелогических действий в социальных феноменах. Для него недопустимо, если он стремится рассуждать с некоторой экспериментальной строгостью, смешивать теории, т. е. c , с комплексом a , b , d , который мы обозначили как s . Мы отделили c от s , но этого недостаточно. С большей или меньшей строгостью можно установить, является ли некая теория «индивидуалистической» или «этатистской», можно также узнать, оказывается ли некая другая теория ближе к номинализму, чем к реализму; но намного сложнее узнать, каким фактам s соответствуют факты, именуемые «индивидуализмом» или «этатизмом». Стремиться достичь в этом точности и определенности будет столь же безнадежным делом, как и строго определить термины «религия», «мораль», «право» и т. д. Следовательно, нам надо идти иным путем при классификации состояний s . Можно добиться некоторой строгости, обратив внимание на силу связей, регулирующих действия индивидов: если она незначительная, то мы приближаемся к состоянию, именуемому «индивидуализмом»; если же она значительная, то мы приближаемся к состоянию, которое называют «этатизмом».

Далее, необходимо отличать экономические связи, которые относятся к b , от связей циркуляции элит, которые относятся к d . Связи этих типов могут оказаться слабыми, как это было в конце существования Римской республики и в начале Империи; или быть сильными, как это имело место во времена упадка Империи. Связи первого типа могут быть слабыми, а связи второго типа — сильными, как было во времена, последовавшие за вторжениями варваров. Наконец, могут быть значительными связи первого типа и крайне слабыми связи второго типа, что более или менее характерно для состояния, к которому теперь приблизились наши

общества. Аналогично тому, как это было сделано в § 1025, выделим «внутренний аспект» и «внешний аспект» как в отношении волн дериваций c , так и в отношении волн социальных фактов s . Первый аспект будет представлен, если отделить c от s и выяснить для каждой из этих категорий влияние восходящего периода на следующий за ним нисходящий период, а затем влияние последнего на следующий за ним восходящий период и т. д. Второй аспект будет представлен, если соединить c с s и рассмотреть взаимное влияние волн обеих этих категорий. Следовательно, мы должны изучить следующие аспекты.

I. Внутренний аспект.

I α . Деривации c .

I β . Комплекс социальных фактов s .

II. Внешний аспект.

II α . Воздействие c на s .

II β . Воздействие s на c .

II γ . Действие различных частей внутри c .

II δ . Действие различных частей внутри s .

Нет необходимости специально заниматься последней категорией, поскольку она является частью общего исследования форм общества. Рассмотрим остальные.

1087. I α . *Внутренний аспект дериваций.* До настоящего момента в социальных науках почти все создатели теорий исходили прежде всего из веры в какой-нибудь идеал. Следовательно, они принимали только те факты, которые представлялись им соответствующими избранному ими идеалу; а на факты, которые ему противоречили, они не особенно обращали внимание. Даже когда эти концепции имеют видимость экспериментальных теорий, они тяготеют к метафизике. Деривации относительно «индивидуализма» и «этагизма» могут быть отнесены к тому же роду, что и номинализм и реализм; и хотя такая аналогия довольно слаба применительно к деривациям о «свободе торговли» и «протекционизме», они тоже не слишком далеко отошли от метафизики. Таким образом, в данном отношении исследуемый нами случай близок к тому, о котором шла речь в § 1026 и далее, но между ними все же имеется существенное отличие. Оно состоит в том, что в настоящее время несоответствие между теорией и действительностью мало или вовсе не оказывает практического влияния. Следовательно, теперь стала менее существенной причина, которая в ранее представленном в § 1026 случае оказывала существенное влияние на детерминацию последующих периодов. Это произошло оттого, что если в области естественных наук очень трудно, почти невозможно избежать соприкосновения дериваций с экспериментальной реальностью, то в тех областях, которые охватывают социальные «науки», избежать соприкосновения с ней оказывается очень легко. Здесь теории

оценивают скорее исходя из их соответствия чувствам и интересам, чем из их соответствия экспериментальной реальности. Следовательно, можно сделать вывод, что в данном случае внутренний аспект с имеет малое значение.

1β. *Внутренний аспект комплекса социальных фактов.* В отличие от предыдущего, этот аспект очень существен. Период индивидуализма (когда связи слабые) подготавливает период «этатизма» (когда связи сильные) и наоборот. В первый период частная инициатива подготавливает тот материал, на основе которого жесткие институты государства будут использоваться во втором периоде. Во втором периоде возрастает вред от жесткого закрепления социального устройства, что подготавливает почву для нового упадка (см. § 1140 и далее), который сможет смениться прогрессом только при восстановлении гибкости и свободы действий частных лиц (см. § 1085). Опыт показывает, что эти волнообразные движения могут иметь различную амплитуду и длительность, и нам неизвестно ни одного цивилизованного народа, у которого не наблюдались бы такие колебания. Значит, представляется маловероятным, по крайней мере в наше время, что может существовать такое социальное состояние, при котором колебания полностью прекратятся. Общество, в котором имеют полную свободу действий индивиды, в изобилии наделенные остатками класса I, выглядит как дезорганизованное; кроме того, часть богатств, безусловно, растрачивается в нем от бесплодных усилий. Следовательно, когда в таком обществе начинается кристаллизация, оно выглядит не только лучше организованным, но и более благополучным и процветающим. Застывание римского общества в период поздней Империи инициировалось не только его правителями: его поддерживало и население, которое видело в этом процессе перспективы улучшения своего положения. Прочное прикрепление колона <мелкого арендатора> к его земле, ремесленника к его занятию, декуриона <избранного члена городского совета> к его курии не только помогало правительству, которое таким путем устанавливало лучшую и более выгодную для него организацию общества, но и нравилось правоведам и интеллектуалам, которых восхищал этот замечательный порядок. Такое закрепление устраивало земельных собственников, которые удерживали у себя колоннов, и корпорации, которые тем самым ограждались от ухода более расторопных и ловких работников в другие места, где им было легче создать себе богатство. Оно устраивало горожан, которых обирали декурионы. Эту ситуацию можно лучше понять, если посмотреть на некоторые современные факты, имеющие сходство с теми фактами. Процветание в наших странах — плод свободы экономической и социальной деятельности, даже относительной и неполной, которой в разные периоды XIX в. пользовались различные элементы их населения. Но теперь началась кристаллизация, точно так же как это происходило в Римском государстве; она желанна

различным группам населения, и во многих случаях им кажется, что она способствует их процветанию. Конечно, мы еще далеки от состояния, при котором рабочий был бы прочно связан со своей профессией; но профсоюзы рабочих, паспортные и иные ограничения на перемещение из одной страны в другую выводят нас на такой путь. Соединенные Штаты Америки, образованные благодаря эмиграции, которой они обязаны своим нынешним процветанием, теперь разными способами стараются оградить себя от эмигрантов, и то же самое делают другие страны, например Австралия. Профсоюзы рабочих, с одной стороны, склонны препятствовать предоставлению работы тем, кто не является их членами, а с другой — отнюдь не стремятся принимать в свои ряды любого. Правительства и муниципалитеты с каждым днем все более вмешиваются в экономические дела, к чему их подталкивает воля широких слоев населения и часто кажущаяся общественная выгода. В Италии введения закона о муниципализации коммунальных услуг в большей мере хотело население, чем правительство; оно предоставило народу такой закон, воспользовавшись им как оружием в предвыборной борьбе. Здесь напрашиваются другие аналогии, которые в дальнейшем, по-видимому, будет провести еще легче. Имперские власти в эпоху упадка Римской империи охотились за куриалами, чтобы вернуть их вновь к исполнению обременительных и неприятных обязанностей (см. § 1140). Власти демократической плутократии наших обществ начинают охоту если и не за самими богатыми людьми, то по крайней мере за их деньгами: налогоплательщики, чтобы избежать непомерных налогов, переводят за границу свои капиталы, а возмущенное правительство, от которого они зависят, стремится разными способами их наказывать. Поэтому были заключены срочные соглашения, которые вполне можно именовать сговором эксплуататоров, между правительствами демократической плутократии Франции и Англии, а первое из них пытается, пока безуспешно, добиться, чтобы швейцарское правительство помогало ему в охоте за налогоплательщиками. В наших обществах проявляется тенденция к тому, чтобы подавляющее большинство населения голосовало за налоги, которые оно не выплачивает, и чтобы они выпадали на долю крохотного меньшинства. Что касается эксплуататоров, то, несомненно, есть большое различие между теперешним положением дел у нас и ситуацией в Римской империи, где имперские власти определяли размер налогов, которые должны были платить богатые люди. Но это отличие выглядит менее существенным для эксплуатируемых <жертв>. Им не особенно важно, кто будет пользоваться их деньгами: приспешники императоров или приспешники демагогических плутократий. Впрочем, по правде говоря, легионы Александра Севера, хотя он и был очень щедрым по отношению к солдатам, поглощали намного меньше средств, чем избиратели партии

Ллойд Джорджа; к тому же первые хотя бы защищали страну, тогда как вторые не защищали ничего, кроме личных пристрастий.

Наконец, нетрудно увидеть, что мы движемся по линии, похожей на ту, по которой уже проследовало римское общество после создания Империи, когда оно, продемонстрировав период процветания, затем стало клониться к упадку. История никогда не повторяется, и маловероятно, если мы не верим в «желтую опасность», что грядущий новый период процветания придет в результате нового нашествия варваров. Более вероятно, что это произойдет в результате внутренней революции, которая передаст власть индивидам с избытком остатков класса II, умевшим, готовым и стремящимся применить силу. Но такие далекие от нас и неопределенные события скорее относятся к области фантазии, чем принадлежат к области экспериментальной науки.

Па. Внешний аспект. Воздействие с <дериваций> на s <комплекс социальных фактов>. Такое воздействие не исключается, но оно обычно малосущественно. Прежде всего следует отметить, что после своего возникновения из социального комплекса *s* деривации *c* оказывают обратное воздействие на <комплекс> *s* в сторону его укрепления. Выражая душевное состояние, деривации усиливают его интенсивность и действие, выражая также в достаточной мере чувства целостности (класс V), деривации *c* примиряют их с чувствами социальности (класс IV). Прикрывающая интересы завеса деривации не дает распознать их тем, у кого нет тех же интересов. Скрывающая жестокие действия теория «оправдывает» и примиряет их с распространенной в обществе моралью и вообще с остатками сохранения агрегатов (класс II), которые в нем имеются. Кроме того <такая теория> удовлетворяет испытываемую людьми потребность «объяснить» феномены (остатки $I\epsilon$) и таким путем отвлекает их от экспериментальных исследований, которые могли бы позволить им произвести некоторое, хотя бы ничтожное, изменение в <социальных условиях>. Приятные вымыслы удовлетворяют и успокаивают тех, кто стремится окупившись в мир идеалов и фантазий, забыть о бедах и безобразиях реальности. Они разоружают активных врагов существующего порядка и тем самым помогают поддерживать в целостности и неизменности *s*.

Пб. Внешний аспект. Воздействие s на c. Нетрудно заметить, что как волны дериваций *c*, которые формируют теории «свободы торговли» и «протекционизма», так и волны дериваций, которые формируют теории «индивидуализма» и «этатизма», почти повторяют форму волн комплекса *s*. Это позволяет заключить, что волны *c* соответствуют волнам *s*, поскольку скорее всего первые вызываются вторыми, чем наоборот: благоприятствующие свободному торговому обмену теории появляются тогда, когда циркуляция элит и интересы благоприятны для введения свободного обмена. Аналогично обстоит дело с протекционистскими теориями и теориями «индивидуализма» и «этатизма».

(см. § 928 и далее). Волны комплекса *s* являются, следовательно, основным феноменом, и значимость волн *c* почти целиком состоит в том, что они дают нам представление о волнах *s*.

Пγ. *Внешний аспект. Действие различных частей внутри с.* Использование логико-экспериментальных рассуждений, как это делается в эмпирических исследованиях, в практике и в науке, воздействует, если и не очень существенно, то хотя бы немного, на деривации, относящиеся к социальным вопросам, как на уровне индивидов, так и на уровне общностей. Натурфилософ Аристотель в своих рассуждениях по социальной проблематике ближе подходит к реальности, чем метафизик Платон. К ней очень близко подходит Макиавелли, привыкший рассуждать на базе эмпирической политики; по той же причине, от нее не отходит далеко Бисмарк и, по противоположной причине, от нее очень далеко отстоит человеколюбивый мечтатель, именовавший себя Наполеоном III. При изучении человеческих объединений Адам Смит и Жан Батист Сей оказались намного теснее связаны с экспериментальной реальностью, чем все их предшественники. Тем самым их теории показали, насколько быстрым и значительным был в то время прогресс естественных наук. Напротив, общие рассуждения исторической школы, наивное отрицание законов (единообразий) в социальных науках появляются там, где мистический культ государства и нездоровый патриотизм устраняют всякий контакт между прогрессирующими естественными науками и теми литературными занятиями, которые узурпировали имя социальных наук.

1088. Пока еще мы только очертили основные контуры развития в Риме комплекса *s*, состоящего из чувств, интересов, циркуляции элит, не принимая во внимание многие частности, которые не позволили бы нам представить синтетическое видение целого. Теперь стоит обратиться к рассмотрению хотя бы некоторых из них, чтобы иметь более полное и более четкое знание о <социальном развитии Рима>.

Об истоках появления римского сената нет сведений, поэтому у нас нет возможности останавливаться на этом вопросе. Вероятно, что, как сообщает предание, прерогатива назначения сенаторов вначале принадлежала царю, затем консулам. В исторические времена она перешла к цензорам (в 442 г. до н. э. в Риме), которые, когда проводили перепись, подтверждали статус уже внесенных в списки сенаторов и назначали новых. В этой процедуре было мало произвола, поскольку некоторых выборных должностных лиц регулярно вносили в список сената, согласно <итогам> переписи, следовавшей после окончания их полномочий. Численность таких лиц все время увеличивалась, пока существовала Республика. До тех пор, пока сенату принадлежала ведущая роль в управлении государством, т. е. приблизительно до времени Мария и Суллы, правящий класс можно рассматривать, огрубляя реальную картину, как класс

сенаторов. Вплоть до этого момента соединялось исполнение военных и гражданских должностей, среди которых не последнее место занимали и судебные должности. Занятие таких должностей осуществлялось только путем проведения народных выборов, а их исполнение было бесплатным. Эти и иные факторы, а также обычаи и нравы того времени приводили к тому, что правящий класс состоял из людей способных в военном деле, достаточно умных и опытных в административных вопросах, которые хорошо знали право и умели проводить комбинации, чтобы добиться расположения обеспеченной части народа. В этом сословии, следовательно, должна была иметь место определенная пропорция между остатками классов I и II. Она была в значительной мере аналогична той, которая существовала в Ареопаге в Афинах или в Палате лордов и Палате общин в Англии времен войн с Наполеоном I. Если мы обратим внимание на то, что внизу располагалась управляемая часть общества, в которой были сильны остатки класса II, но при этом в ней присутствовали также остатки класса I в достаточном для осуществления предлагавшихся правящим классом комбинаций количестве, то легко понять, почему максимум процветания пришелся на период от Второй Пунической войны до завоевания Греции и части Азии.

- 1089.** В Риме, от начала исторических времен, пожалуй, никогда не было недостатка в элементах богатства и спекуляции. Они опосредованным образом содействовали вхождению в правящий класс хотя бы потомков новых богатых. Но они не имели сильной власти вплоть до завоевания богатых греческих и азиатских регионов.
- 1090.** Примечательно, что в 200 г. до н. э. народ отверг предложение объявить войну царю Македонии. Ливий сообщает: «Люди, измученные бесконечной тяжелейшей войной, не могли даже и помыслить о новых тяготах и опасностях; отчасти же потому, что народный трибун Квинт Бебий пошел по издавна проторенному трибунами пути и обвинил сенаторов в том, что они затевают одну войну за другой, дабы народ никогда не мог насладиться миром» (XXXI. 6)*. За этими словами легко обнаруживается вечный конфликт между двумя классами граждан, которые были обозначены в § 953, т. е. между классом, характеризующимся почти неизменными доходами, и классом, отличающимся очень нестабильными доходами. Мелкие римские собственники разорялись из-за войны, если не принимали участия в спекуляциях, которые она порождала. Напротив, те, кто обирали провинции и спекулировали, становились богатыми. Между теми и другими возникал конфликт, о котором Ливий рассказывает так, словно это был конфликт между сенатом и народом (см. § 1076).

* *Ливий Тит.* История Рима от основания города. Т. III. М.: Наука, 1993. С. 8.

Он сам приводит этому подтверждение. Когда в 171 г. до н. э. была предложена третья Македонская война, для ее отвержения имелись еще более веские основания, чем в приведенном выше случае, однако народ принял ее без оппозиции. Многие люди устремились добровольно записываться в солдаты, «потому что видели, как разбогатели те воины, что служили в первую Македонскую войну и во время войны с Антиохом в Азии» (XLII. 32)*.

1091. Так постепенно менялись пропорции слоев в римском населении; количество и могущество тех людей, которые в ходе войн путем грабежей и спекуляции обеспечивали свои изменчивые доходы, непомерно увеличивалось. Городской плебс прибегал к их услугам благодаря общности интересов в деле сохранения такого общественного порядка. Он участвовал в этих предприятиях и самым непосредственным образом, и путем продажи голосов, и иными способами. К тому же часть сельского плебса, бросая свои земли, находила в военном промысле доходное занятие. Не было недостатка в поддержке и со стороны все более увеличивающегося множества клиентов. Тем временем истощалась та часть сельского плебса, которая жила благодаря возделыванию земель. Не «латифундии» погубили Италию, а скорее комплекс фактов, которые отчасти привели к появлению самих латифундий. Римские завоевательные войны тогда вызвали тот же результат, какой в наше время создали быстрое распространение промышленности и освоение все новых территорий в Америке, Азии, Африке. В наших странах значительно увеличилось и продолжает возрастать количество спекулянтов и их возможности. В деле сохранения нынешнего господства демагогической плутократии им помогают, благодаря общности интересов, те слои городского населения, которые прямо или косвенно, за счет политических интриг, участвуют в их авантюрах; но порой между ними возникают споры, которые решаются с помощью забастовок и иных способов. Спекулянтов поддерживает также та часть городского плебса, которая, бросив земельные наделы, устремилась в города, где их привлекает более легкий и лучше оплачиваемый труд. Эти порядки поддерживает немалое число буржуа, таких, как адвокаты, нотариусы, инженеры, врачи и т. д. Их содействие высоко оплачивается спекулянтами, для которых эти деньги составляют гроши: они проявляют по отношению к ним щедрость, подобно древним патронам по отношению к их клиентам. Тем временем все чаще слышатся сетования на пустующие земли в сельской местности, сокращается площадь, которую охватывают мелкие землевладения. Если бы у нас существовало рабство или колонат, то разрастались бы латифундии. Примечательно, что социалистический плебс отнюдь не борется с этим процессом. Напротив,

* *Ливий Тит.* Указ. соч. С. 441.

он разными способами проявляет себя как противник мелкой собственности даже в большей мере, чем испольщины. В провинции Эмилия-Романья не только забастовки, но и вооруженные конфликты происходят ради изменения в существующей системе собственности с тем, чтобы остались только собственники и наемные работники; это состояние аналогично <римским> латифундиям. Спекулянты, которые господствуют в современном Риме, как они господствовали в античном Риме в конце Республики, ничего не делают, как они ничего не делали прежде, чтобы противодействовать такой трансформации. Напротив, они благоприятствуют ей, как ей содействовали в древности, когда нуждались в голосах плебса. Этот современный феномен позволяет лучше понять аналогичный феномен в античном Риме. Он показывает, что латифундии оказывались во многих случаях следствием тех фактов, которые воспринимались в качестве их причины. Лучше сказать, что они находятся в отношении взаимозависимости.

1092. Авторы-моралисты принялись рассуждать и спорить о «коррупции», которая, как они полагают, была «следствием» возрастания богатства в Риме, и в этом они повторяют в бесчисленных вариациях то, что уже говорил Диодор Сицилийский⁷⁸. Он полагал, что богатства были сосредоточены в основном у тех, кто нажился благодаря «преступлениям» войны и вымогательствам, которые были ее следствием. В общем, эти декламации в отношении добродетельной бедности прошлого, противопоставляемой современному порочному богатству, прикрывают факт изменения пропорций между индивидами, живущими на фиксированные доходы и обладающими по преимуществу остатками класса II, и индивидами, имеющими изменчивые доходы и обладающими по преимуществу остатками класса I.
1093. Одни авторы сваливают вину на концентрацию богатств; другие — на латифундии (см. § 1091); третьи — на «капитализм» (см. § 718); четвертые ссылаются на развращенность римской «аристократии», угнетавшей добродетельный народ; пятые указывают на рабство — «позор» того времени. Находятся и такие, которые усматривают причину бед в недостатках политического устройства Рима. По мнению некоторых из них, если бы его конституция была более демократической, по мнению других, если в Риме был парламент, который предоставил бы подвластным народам представительство, и по мнению оставшихся, если бы политическое устройство Рима оказалось близким к совершенной организации Германской империи, то, несомненно, Риму было бы гарантировано очень

⁷⁸ *Sicilius Diodorus*. *Diodori Siculi Bibliothecae Quae Sopersunt*. P.: Ambrosio Firmin Didot, 1884. XXXVII. 2.

долгое, а возможно и вечное могущество и процветание. Эти сочинения могут доставить приятное чтение, подобно историческим романам Дюма, но они слишком далеки от реального развития событий.

1094. Факты же настолько неоспоримы, что они проглядывают из-под тех дериваций, которыми их прикрывают авторы. Например, вот что пишет Дюри: «Один век войн, грабежей и коррупции (это просто трансформация, вызванная появлением новых источников богатства: отрезок цикла *bd—db* (см. § 1008). — *В. П.*) уничтожил класс мелких собственников, которым Рим был обязан своей силой и свободой»⁷⁹. Как это он их уничтожил? Они сменили занятие; из слоя людей с почти фиксированными доходами они перешли в слой спекулянтов и их пособников. Ему следовало бы сказать, что такое процветание было обусловлено благоприятным соотношением этого слоя и другим слоем, в котором превалировали остатки класса I, и что эпоха процветания стала клониться к упадку, когда эта пропорция <остатков> сместилась в неблагоприятную сторону. Примечательно, что без особых изысканий это можно вывести из того, что этот автор сам пишет немного выше: «Чудеса всегда оказывались очень многочисленными и очень диковинными, т. е. и народ, и солдаты были крайне грубыми, легковерными (превалирование остатков класса II. — *В. П.*). Полководцы любили строить храмы, которые, подобно Семпронию Гракху, украшали памятными досками, повествующими об их подвигах, или картинами, изображающими их триумфы. Перед началом действий они совершали многочисленные жертвоприношения, но это делалось для того, чтобы сдержать, как Эмилий Павел, нетерпение солдат и выждать благоприятный момент. Они внимательно наблюдали за небесами перед проведением и в ходе комиций, но это делалось ими, чтобы оставить за собой возможность распустить собрание, *obnuntiatio*, если итоги голосования могли пойти вразрез с намерениями сената»⁸⁰.

1095. Далее он замечательно пишет: «Итак, с каждым днем потребности увеличивались, и также с каждым днем, по крайней мере для бедных, которые от завоеваний имели опасности, но не доходы, уменьшались средства для их удовлетворения»⁸¹. Таким образом, те, кого Дюри называет *бедными*, на деле были индивидами из класса с фиксированными доходами и оказались принудительно выброшенными в класс «спекулянтов» или их приспешников. Аналогичная ситуация наблюдается и в настоящее

⁷⁹ *Duruy V. Histoire des Romains, depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'invasion des Barbares. 7 vols. 1879–1885. Vol. 2. P.: Hachette, 1879. P. 283.*

⁸⁰ *Ibid.* P. 282.

⁸¹ *Ibid.* P. 283.

время. Появление выскочек и возможности быстрой наживы приводили в Риме к тем же последствиям, что и у всех народов и во все времена. Делум близок к истине, когда отмечает положение, сложившееся после завоевания средиземноморского региона незадолго до падения Республики⁸². И этот период позволяет провести некоторые аналогии с настоящим временем. Сравнение с Англией, которое проводит сам Делум следом за Гизо, полностью соответствует истине, и примечательно, что оно может быть продолжено вплоть до настоящего момента. Это была страна *сквайров*, мелких земельных собственников, которые спасли ее во время наполеоновских войн. В дальнейшем их представительство в правительстве постепенно уменьшалось, а доля «спекулянтов» в то же время возрастала и продолжает возрастать. Хорошо известно, что теперь <1913 г.> Асквит имеет в своем правящем большинстве немалое количество таких спекулянтов-миллионеров, которые наиболее громко аплодируют нападкам его партии против «богатых». Их баталии с лордами во многом напоминают битвы, которые происходили в Риме в последние годы Республики между всадниками и сенаторами.

- 1096.** Завоевание средиземноморского региона предоставило победителям источники больших доходов для тех, кто в высокой степени обладали искусством комбинаций. Вместе с деньгами, щедро растрачиваемыми в Риме, приобреталось право эксплуатировать провинции и этим восполнять чрезмерные расходы; это была типичная спекуляция, такая же, какой в наше время стала покупка у избирателей голосов и у представителей законодательной власти покровительственных пошлин с последующим обогащением.
- 1097.** Социальные явления тех давних и наших времен похожи по многим пунктам; но все же есть одно очень существенное отличие, которое объясняет, хотя бы отчасти, тот специфический характер, который приняло древнеримское государственное устройство с образованием Империи. Это отличие состоит в том, что пособниками римских «спекулянтов» были как гражданские, так и военные, причем военные в конце концов отмежевались от «спекулянтов» и выступили против них; теперь же пособники «спекулянтов» почти исключительно люди гражданские.
- 1098.** Многие не могли получить доступ к упомянутым выше источникам доходов. У них не было способностей, необходимых для таких комбинаций, но в избытке имелись энергия, смелость, остатки класса II. Они на более или менее длительное время приходили на службу к умным, отважным,

⁸² *Deloume A. Les manieurs d'argent à Rome jusqu'à d'Empire. 2-e éd. P.: Ernest Thorin, 1892. P. 45.*

удачливым лидерам и составляли войска Мария, Суллы, Цезаря, Антония, Октавиана. Если обратить внимание только на аграрную сферу, то можно заметить, что уже тогда сокращался римский средний класс; но недостающих земледельцев вначале подменяли профессиональные солдаты, затем италийские, греческие и восточные народы.

1099. Мы неоднократно отмечали, что слабой стороной правления «спекулянтов» является недостаток мужества, нежелание и неумение применять силу. Их правления, следовательно, обычно разрушаются людьми, которые знают как и могут применять силу, будь то внутренние или внешние враги. Эти правления рушатся вследствие гражданских или внешних войн. Что касается внутренних революций, то окончательной катастрофе часто предшествуют неудачные попытки восстаний, которые успешно подавляются.

1100. Те, кто исходят из представлений о человеческих действиях только как о логических действиях, оказываются вовлеченными в бесплодные попытки искать причину и следствия в каждом отдельном случае. Обычно причину усматривают в страданиях подчиненного класса, а поскольку эти страдания имеются всегда и различаются только по интенсивности, такая причина всегда легко находится. Если бы можно было принять утверждение, что попытки революции совершаются тем чаще и имеют тем большую вероятность победить, чем больше страдания, то весомость найденной причины напрямую определилась бы интенсивностью угнетения. Но на самом деле это не так⁸³. С самых давних времен наблюдалось, что восстания часто происходили тогда, когда условия жизни народа улучшались. У античных правителей даже существовала максима, что народы тем менее покорны, чем они более зажиточны; отчасти это верно, но не до конца. В противоположной теории утверждается, что правящий класс может сохранять свою власть, только проявляя заботу о благосостоянии управляемого класса; здесь тоже есть своя доля правды, но не более того. Странники такой теории, вероятно, приходят к ней, часто не сознавая этого, благодаря предпочтению одного из положительных решений, приведенных в § 732 и далее, т. е. из желания показать, что делающий добро будет непременно вознагражден за свои дела, или что это непременно станет правилом в будущем, даже если это не всегда бывало в прошлом.

⁸³ См. в «Трактате...» в § 2566 сравнение <крестьянского восстания 1358 г.> «Жакерия» с Французской революцией 1789 г. Можно было бы привести немало других примеров. Представления о том, что в 1789 г. французское дворянство было отстранено от власти потому, что плохо исполняло «свои обязанности», относятся к этической, но не к экспериментальной теории.

1101. По поводу результатов восстаний многие безоговорочно заявляют, что для подчиненного класса любое восстание (победившее или подавленное) вредно или по меньшей мере бесполезно. Они были бы правы, если бы этот факт можно было рассматривать отдельно от других фактов и в качестве логического действия; поскольку никто не будет отрицать, что для этого класса поражение вредно или по крайней мере бесполезно. Но в действительности дело обстоит иначе. Такие неудачные попытки восстаний следует рассматривать как проявления действия некоей силы, которая вначале бывает слабее противостоящих ей сил, но в конце концов она их превосходит их, поскольку наступает заключительная катастрофа. Может случиться, что неудачные попытки приведут к ослаблению этой силы, поскольку она встретит сильное противодействие, но это же противодействие может только увеличить ее интенсивность; все зависит от обстоятельств. Наконец, попытки восстания могут, и очень часто так и происходит, оказаться следствием интенсивности выраженной в них силы. В таком случае напрасно будет ожидать какого бы то ни было увеличения ее интенсивности до того, как наступит окончательная катастрофа, и ожидать, что такие бесплодные попытки не будут повторяться вновь и вновь.

1102. Нередко катастрофа наступает не столько потому, что проявляющаяся в неудачных попытках восстания сила возрастает так, что начинает превосходить силы, поддерживающие социальное равновесие, сколько потому, что своим ростом эта сила изменяет действие других сил. Прежде всего это касается вооруженных сил, которые либо перестают противодействовать революционным элементам, либо начинают действовать заодно с ними, либо революционные элементы проникают в армейскую среду и таким путем вызывают изменение социального строя. Такие случаи ниспровержения совершаются опосредованно, конечно, не прямо, под воздействием силы, проявляющейся в попытках осуществления восстания; но на этом основании восстание не перестает от нее зависеть.

1103. Еще хуже тех, кто рассматривают человеческое поведение как <строго> логическое, рассуждают люди, оценивающие попытки восстания исходя из норм законности, права, справедливости, этики, религии. Мы уже обсуждали аналогичные деривации (см. § 907 и далее). Остается только добавить некоторые соображения по поводу исследуемого теперь специального случая.

1104. Что касается законности, то, очевидно, что она нарушается не только при любом революционном акте или государственном перевороте, но и всяким иным действием, которое подготавливает свержение существующего строя. Следовательно, нет необходимости дискутировать

по этому поводу. Однако это соображение игнорируют как те, кто защищают определенный социальный порядок, так и те, кто стремятся его изменить. Защитники <порядка> пытаются опираться на чувства, которые склоняют оценивать как «преступное» любое действие, противоречащее законности; так, они не понимают или делают вид, что не понимают, что именно эту законность и желают изменить ее противники. Противники существующего социального порядка пытаются воспользоваться для его разрушения теми силами, которые в нем рождаются. Поэтому они стараются доказать, даже вопреки очевидности, что акты, являющиеся актами восстания, несомненно, «законны» и что, следовательно, не могут и не должны пресекаться защитниками данного порядка.

1105. Что касается принципов права, справедливости, этики и религии, то на них ссылаются потому, что не нашлось найти ничего другого, при этом покидают логико-экспериментальную область, а также потому, что у них есть одно важное достоинство: они подходят для доказательства всего, что пожелаешь. Принципы всех религий, за исключением господствующей демократической религии, теперь вышли из употребления. Остаются принципы права, справедливости, этики, которые по-прежнему живы и свежи и используются для рассмотрения не только внутригосударственных, но и международных конфликтов.

1106. Юридические принципы могут быть в большей или меньшей степени, и даже очень точными. Поэтому они позволяют получать выводы, вполне соответствующие реальности или по крайней мере не особенно оторванные от нее (см. § 670 и далее), если они применяются при рассмотрении споров между частными лицами в обществах, где эти принципы в целом приняты и где, следовательно, ими выражаются общие чувства <граждан>. Это условие уже не выполняется, когда одна часть населения восстает против другой, и вследствие этого исчезает само соответствие таких принципов реальности. В этом случае они уже не могут использоваться, если только им не придать абсолютного значения, что выведет их за пределы экспериментальной области. Это же следует сказать об их применении в международных конфликтах. Они смогут дать не противоречащие реальности выводы, если на них будут основываться при рассмотрении отношений тех народов, которые с ними согласны и у которых в этих принципах проявляются общие чувства. Но такое невозможно, когда отсутствуют указанное согласие и общность чувств. Этическим принципам также недостает определенности, и тот, кто в обсуждаемых здесь случаях обращается к ним, просто исследует связи фактов со своими чувствами, а вовсе не связи одних фактов с другими фактами, не экспериментальные единообразия. Но первую операцию осуществлять намного проще, чем вторую, и ее результаты в виде литературных трудов намного легче

воспринимаются читающей публикой; поэтому исследование чувств находит столь широкое применение в литературе.

1107. В истории упадка Римской республики встречается немало примеров попыток разрушить как сверху, так и снизу легальный порядок. Остановимся немного подробнее на одной из них, поскольку в ней прослеживаются аналогии с <действиями> многих современных революционеров, анархистов и т. д. Заговор Катилины вошел в историю как знаменательное событие. Описание, которое ему дал Саллюстий, выглядит как комичное преувеличение, едва ли допустимое даже в низкопробной драме. Он начинается с декламаций против жадности золота, жадности; затем переходит к осуждению тщеславия и просвещает нас в том, что тщеславие в меньшей мере, чем жадность, отдаляет от добродетели. Таким образом, он скорбит об утрате добродетели, негодует в отношении плохих нравов; наконец соизволяет вспомнить, что должен рассказать о заговоре Катилины, и после этого замечательного вступления ясно показывает, каковы были его причины: «В столь большой и столь развращенной гражданской общине Катилина (сделать это было совсем легко) окружил себя гнусностями и преступлениями, словно отрядами телохранителей»*.

1108. К счастью, имеются и другие повествования, в том числе изложение Аппиана. Будучи гораздо скуперее по красочности описания, оно представляется достаточно правдоподобным. О том, что как человек Катилина был так себе, говорится всеми авторами, и это выглядит вполне вероятным. Но равным образом возможно, что этот не очень-то порядочный человек не был расположен к тем утонченным хитростям, которые приводили к богатству и к власти других людей, отнюдь не более честных, чем он. Напротив, он обладал смелостью, которая не позволяла ему мириться с угнетением. Вокруг него собирались похожие на него люди. Если попытаться, может быть и с чрезмерной строгостью, отнести их всех к разряду преступников, то можно сказать, что их схватка с правящим классом была битвой воров-грабителей с опытными ворами-мошенниками. Этим объясняется, что Цезарь проявлял к ним благожелательность, которую люди обычно испытывают к сопернику тех, кого презирают еще более. Иными словами, Цезарь, который мало беспокоился о честности средств при достижении своих целей, решил воспользоваться услугами воров-грабителей, чтобы одолеть воров-мошенников и остаться единственным в римском мире властителем и обладателем несметных богатств.

* См.: *Саллюстий Гай Крисп. О заговоре Катилины. XIV. 1* / пер. с лат. В. О. Горенштейна // *Саллюстий. Сочинения. М.: Наука, 1981. С. 11.*

- 1109.** Аппиан сообщает нам, что Катилина выставил свою кандидатуру в консулы, но не был избран; т. е. он попытался бороться с помощью хитрости, но потерпел поражение, поскольку не обладал способностью проводить дела такого рода. «Сам Катилина с того времени совершенно отошел от государственной деятельности (так по аналогичным мотивам поступают непримиримые антипарламентарии нашего времени. — В. П.), так как, по его мнению, она не ведет быстро и верно к единой державию, но полна раздоров и интриг»⁸⁴. Это не было глупостью, как это хотел представить Саллюстий. Сам Цицерон рассказывает, что могила Катилины была убрана цветами, а при погребении ему оказывали почести.
- 1110.** Моралисты, которые стремятся из истории сделать роман, полагают, что они должны либо осуждать, либо оправдывать Катилину. Осуждающие видят в нем врага отечества; оправдывающие считают его другом «народа», стремившимся сбросить иго «олигархии». Кроме того, нет недостатка в придерживающихся золотой середины и заявляющих, что цель Катилины была хорошей, но плохими были применявшиеся им средства.
- 1111.** Факты намного сложнее этих поэтических измышлений. Катилина был, пожалуй, честолюбивым и свободным от щепетильности человеком, и в этом отношении он был похож на Мария, Суллу, Красса, Помпея, Цезаря, Октавиана и на многих других, которые в самом деле не слишком отличались разборчивостью в средствах. Он искал свой путь и, как это обычно происходит, выбрал его в направлении наименьшего сопротивления. Если бы он отличался большей политической ловкостью, то применял бы ее; он попытался сделать это, но потерпел неудачу и понял, что этот орешек ему не по зубам. Он был отважен, горд, бесстрашен и вспыльчив, готов применить силу и, пожалуй, не вполне осознанно, скорее интуитивно избрал свой путь — <путь силы> и следовал ему.
- 1112.** Он мог бы стать одним из тех многих малоизвестных бунтарей, которые почти не оставили следа в истории; по воле случая все эти многие другие оказались в той же ситуации, что и Катилина, поскольку в правящем классе Рима верховенствовали тогда «спекулянты». Но случай Катилины приобрел более широкие масштабы и был замечен в истории. Сближаются с Катилиной ветераны Суллы, которые в прошлом по своему происхождению были привычны применять силу и не обладали способностями политиканов к махинациям. К Катилине присоединились и другие сторонники — обедневшие и вставшие в долги люди, которые стремились

⁸⁴ *Appiano. De bellis civilibus. II. 2. [Аппиан Александрийский. Римская история / пер. с греч. С. А. Жебелева, О. О. Крюгера, Е. С. Голубцовой, Л. Л. Кофанова. М.: АСТ, Ладомир, 2002. С. 464.]*

путем насилия добиться лучшей участи. Среди них были также социальные изгои, которые поднимаются на поверхность при любой революции. Но тот факт, что таких людей, как Цезарь, также подозревали в том, что они заодно с заговорщиками, доказывает, что все же это были люди иного качества. Потерпев поражение от спекулянтов-политиканов, они жаждали открытой битвы, в которой надеялись победить главным образом благодаря силе, а не хитрости, твердости воли, а не гибкости ума.

- 1113.** Насколько тверда была их воля и насколько велика была их сила, говорит тот факт, что, несмотря на обещанную сенатом личную неприкосновенность и выплату двухсот сестерциев тем, кто разоблачит заговор, никто из них не изменил. И еще лучше об этом говорит то, как именно они пали в битве при Пистое. Все они рвались только вперед, в бой, и большинство их навсегда остались лежать на месте сражения.
- 1114.** Саллюстий отмечает (XXXIII. 1), что они подняли оружие не против отечества, но для защиты себя от ростовщиков, которые многих лишили отечества, чести и родового имени. По другую сторону стояли именно «спекулянты», т. е. люди из сословия всадников, которые защищали Цицерона, охраняли сенат и с оружием в руках угрожали Цезарю, мнимому сообщнику Катилины.
- 1115.** В то время в Риме, как в наше время во всей Европе, возрастание богатств делало жизнь все более дорогой. Поэтому тот, кто желал довольствоваться отцовским наследством, вскоре оказывался в стесненном положении, впадал в долги, разорялся. Возвышались и нередко даже становились богатыми только те, кто добивались новых доходов через политику и спекуляцию. Более трусливые, чем античные римляне, в наше время побежденные отчасти смиряются. Более отважные и гордые, чем современные граждане, римские побежденные, прежде чем покориться, решили попытать счастья при помощи оружия, которое часто разрывает непрочные, хотя и искусно выполненные сети хитрости.
- 1116.** Плутарх пишет: «К мятежу уже была готова вся Этрурия и многие области Предальпийской Галлии. Впрочем, на грани переворота находился и Рим — из-за огромного имущественного неравенства, которое там сформировалось (это обычная ошибка, повторяемая современными авторами, которые приписывают неравенству действие, обусловленное другими причинами. — В. П.). Самые знатные и высокие семьи разорялись, издержав все на театральные игры, пиры, постройки, и честолюбивые замыслы (они были неспособными к политической хитрости; способные к ней легко возмещали такие расходы за счет злоупотребления властью в провинциях, или обогащались, как Красс, посредством

спекуляций. — *В. П.*), и богатства стеклись в руки людей низкого происхождения и образа мыслей (к ловким политиканам, к людям, у которых сосредоточивались исключительно остатки комбинаций. — *В. П.*); так что любой смельчак легким толчком мог опрокинуть государство, уже разъеденное недугом изнутри»⁸⁵. То есть тот, кто этой хитрости осмелился бы противопоставить силу, мог надеяться на победу. Она не досталась Катилине, но ненадолго пришла к Цезарю, и стала окончательной для Августа.

1117. Наполеон III утверждает: «Цицерон полагал, что он истребил целую партию; но он ошибался: он сделал только тщетным заговор и отделил великое дело от безумцев (для данного автора это было безумство «демократии» в борьбе с «олигархией». — *В. П.*), которые наносили ему бесчестье; противозаконная смерть заговорщиков искупила их вину»⁸⁶. Так перед нами опять морализирующий роман. Ошибка Цицерона, как утверждает Наполеон III, заключалась в том, что он не стал придерживаться закона! Можно подумать, что его придерживались Цезарь и Август! Если нам непременно надо сказать об ошибке Цицерона, то это скорее глупая ошибка верящего, что красноречие, или, если угодно, разум и справедливость могут заменить силу.

1118. Заговор Катилины был только одной из многих попыток бунта, которые предшествовали заключительной катастрофе, то был один из случаев гражданских войн, которые свидетельствовали о конце Республики и отчасти являлись битвами между людьми, в которых преобладали остатки класса I, и в которых преобладали остатки класса II. Последние победили вместе с Августом, который, став императором, пытался, но тщетно, возродить религию, мораль и обычаи древних времен. И при поддержке военных в Римской империи установилась, хотя и ненадолго, стабильность.

1119. Победа, которая создала Империю, не была, впрочем, победой только силы, поскольку Цезарь и Август обильно добавили к ней хитрость, а Цезарь не испытывал недостатка в значительной поддержке со стороны плутократии. Заметим, что тогда, как и теперь, плутократия всегда склонялась к той стороне, которая, как ей представлялось, имела

⁸⁵ См.: *Plutarco. Cicerone. X. [Плутарх. Демосфен и Цицерон // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. Т. 3. СПб.: Издательский Дом «Кристалл», 2001. С. 227.]*

⁸⁶ *Napoleone III. Histoire de Jules César. P., 1864. Vol. 1. P. 339. [Наполеон III. История Юлия Цезаря / пер. с франц. М. М. Стасюлевича. В 2 т. СПб.: Издание книгопродавца-топографа М. О. Вольфа, 1865–1866. Т. 1. 1865. С. 377.]*

наибольшие шансы добиться успеха. Во Франции она льстила Наполеону III, осуществившему государственный переворот; затем, после 1870 г. избрала своим идолом Тьера; сегодня <в 1913 г.> она заискивает перед радикальными социалистами. Имелась бы выручка; вопрос о том, каким знаменем прикрыт товар, ее почти или вовсе не беспокоит. К концу Республики спекуляции, связанные с взиманием налогов, посредством которой эксплуатировали в провинциях, были самыми распространенными; но имелась и другая спекуляция, вполне современного типа, которая применялась в сфере экономического производства и смыкалась с политическими махинациями. Римская империя ослабила эту связь, и, к счастью для нее, основной стала экономическая спекуляция.

1120. Экономическая активность обеспечивала вхождение в высшие классы тех, кто обогащался. Так в правящий класс проникали индивиды из низов, приносявшие инстинкт комбинаций; но их продвижение было медленным, и таким образом было время, чтобы этот инстинкт закрепился в сочетании с инстинктом сохранения агрегатов. Устройство империи складывалось из различных и отделенных друг от друга социальных классов, в которых люди находились по праву наследования, а также в ходе <межклассовой> циркуляции, поднимаясь в более высокий класс или опускаясь в более низкий. Но, кроме исключений, в основном вызванных особой императорской милостью, возвышение не было быстрым, оно проходило постепенно, на протяжении нескольких поколений. Пока разбогатевшие люди *de facto* и *de jure* проникали в высший класс, пока класс, который принимал в свои ряды новых состоятельных членов, принимал хотя бы небольшое, но реальное участие в управлении, а не был только почетным классом, Империя экономически процветала, несмотря на постепенный спад воинской доблести у господствующего класса. Максимум процветания был достигнут вначале, когда гражданский класс создавал богатства, а военный класс обеспечивал охрану внутреннего порядка и защиту от внешних врагов. Затем Империя стала клониться к упадку, поскольку на ее границах уже не было богатых народов, которых можно было эксплуатировать благодаря военной силе, и поскольку внутри нее происходило застывание экономических институтов. Процесс в организации Империи после короткого периода процветания сменился, как это обычно бывает, экономическим упадком. Производство было тогда значительным. В силу упомянутых ранее причин (см. § 1087) оно развивается и расширяется тогда, когда начинается кристаллизация общества вслед за периодом, когда общество пребывало в состоянии свободы. Затраты на поддержание внутренней стабильности и на защиту границ Империи были в этот период минимальными, во всяком случае, они были гораздо ниже средств, попусту

растраченных демагогической плутократией в последние годы Республики. При Тиберии выплаты преторианцам, которые защищали и поддерживали правительство, — сущий пустяк по сравнению с тратами политиканов конца Республики на покупку голосов народа во время выборов (см. § 1096). Но такое положение вещей в ходе естественного развития должно было смениться в период упадка Империи (см. § 1075). Восходящий период тесно связан с нисходящим периодом (см. § 1024): юношеское процветание такого организма постепенно сменилось недугами старческого возраста. Застывание общества, продолжая нарастать, приводило к спаду производства (см. § 1140 и далее), в то же время увеличивалось разбазаривание богатства. Военная власть, обретая все большее господство над гражданской властью и изменяя ее характер и манеру поведения, делала нестабильным правление, которому она вначале придавала стабильность, ставя наглость и своеволие на место изначального подчинения <приказам> своих начальников. Так, военные власти эксплуатировали в своих интересах социальный порядок, порождая расточительство (см. § 1141), и в конце концов ослабление и разрушение охватили саму армию (см. § 1139).

1121. Главной основой Империи была армия; но вовсе не из нее происходила большая часть правящего класса. Легионы быстро создавали императоров, но не формировали в требуемом количестве администраторов-управленцев; более того, управленцев из военных было мало и, следовательно, этот источник обновления элиты был слаб. Правящий класс становился все в большей степени классом чиновников с присущими им достоинствами и недостатками, и в нем все более утрачивалась боевая энергия.

1122. В этом отношении примечателен факт, отмеченный после смерти Аврелиана. Легионы требовали от сената провозгласить императора, сенат не желал его выдвигать, легионы настаивали, и, таким образом, в течение шести месяцев Империя оставалась без императора. Наконец, сенат почти в принудительном порядке определил императоры <одного из своих членов>. Кого? Быть может, полководца? Или по крайней мере энергичного человека? Ничего подобного: семидесятипятилетнего старика*. В этом проявился недостаток инстинкта политических комбинаций в легионах и недостаток боевой энергии в сенате. Первый дефект может восполнить счастливый случай, когда выбор легионов падает на императора с сильными инстинктами политических комбинаций; при втором дефекте ничем нельзя было помочь, именно он по большей части вызвал сначала гибель правящего класса, а затем и всей Империи.

* Имеется в виду избрание в сентябре 275 г. сенатора Марка Клавдия Тацита.

- 1123.** История избрания Тацита показывает, что уже в те времена подобно эпидемии распространялась болезнь гуманизма, которая теперь вернулась и свирепствует в наших краях.
- 1124.** Исходя из предвзятых этических идей, направленных против богатства, против роскоши, против «капитала», большинство авторов сосредоточивают внимание только на этих обстоятельствах римской истории. Между тем в вопросах социального равновесия гораздо существеннее изменения в чувствах (остатках), преобладающих в правящем классе.
- 1125.** На начальном этапе существования Империи все-таки были признаки, свидетельствующие о циркуляции элит. Если таких признаков известно не так много, как нам хотелось бы, то причину этого следует искать в предубеждениях, что такие факты мало отвечали высокому предназначению истории; и поэтому только случайно до нас дошли свидетельства о них, как в случае с Руфом, о котором сообщает Тацит. Впрочем, признаков достаточно, чтобы составить представление об этом феномене. В этом Руфе уже обнаруживаются черты скрытой трусости новой элиты, о которой свидетельствуют и другие примеры. «О происхождении Курция Руфа, о котором некоторые передают, что он сын гладиатора, не стану утверждать ложного и стыжусь сказать правду. Достигнув зрелого возраста, он отправился в Африку вместе с квестором, которому досталась эта провинция; и вот, когда он как-то в полуденный час бродил в одиночестве по опустевшим портикам города Адрумета, ему предстало видение в образе женщины большего роста, нежели человеческий, и он услышал следующие слова: “В эту провинцию, Руф, ты вернешься проконсулом”. Окрыленный таким предсказанием, он по возвращении в Рим благодаря щедрой поддержке друзей и острому уму получил квестуру, а затем по избрании принцепса — и претуру, хотя его соперниками были знатные лица, причем Тиберий, набрасывая покров на его постыдное происхождение, заявил: “Руф, как мне кажется, родился от себя самого”. Дожив до глубокой старости, с высшими — отвратительно льстивый, с низшими — надменный, с равными — неуживчивый, он добился консульства, триумфальных отличий и, наконец, провинции Африки, прожив жизнь в соответствии с предсказанной ему судьбою»⁸⁷.
- 1126.** Петроний в сатире на нравы того времени вывел один вымышленный персонаж, который, несомненно, соответствовал действительности.

⁸⁷ Тацит. *Анналы*. XI. 21 // Тацит Корнелий. *Анналы*. Малые произведения. История / пер. с лат. М.: АСТ; Ладомир, 2001. С. 241–242.

Если мы отбросим порнографическую часть и уберем другие излишества, которыми он приправил свое произведение*, то получим тип, похожий на одного из современных экстравагантных миллиардеров. Посмотрите, как Трималхион добывает огромное состояние. Он загружает вином пять кораблей, чтобы отправить их в Рим. Они все потонули во время шторма, но он не теряет духа, снаряжает новые корабли, более крупные и надежные и с большей удачей. Он отправляет на них вино, свинину, бобы, благовония из Капуи, рабов. Так за один раз он зарабатывает десять миллионов сестерциев. Он продолжает торговать, все время с успехом, затем переходит к предоставлению ссуд вольноотпущенникам. Он намеревался отойти от дел, но его отговорил астролог. Разве не слышались вам рассуждения одного из наших плутократов, когда Трималхион обращаясь к приглашенным гостям, восклицает: «Верьте мне: асс** у тебя есть, и цена тебе асс. Имеешь, еще иметь будешь. Так-то и ваш друг: был лягушкой, стал царем». Он любит рассуждать о философии и литературе, где его познания оказываются почти на том же уровне, как и у наших нуворишей, которые полагают, что, добыв деньги, они все знают. Трималхион на пиру хвастает перед гостями драгоценностями своей жены и хочет, чтобы они знали их точный вес; аналогично поступают многие современные новоиспеченные миллионеры.

1127. Но жена Трималхиона в экономическом отношении намного выше жен представителей нашей плутократии, которые, становясь богатыми или просто достаточно зажиточными, с пренебрежением отказываются заниматься домашними делами, окружают себя роскошью и поглощают состояния и сбережения мужей. Напротив, добрая Фортуната усердно занимается домашним хозяйством и после разорения мужа подарила ему свои драгоценности. В этом отношении она совершенно отличается от многих жен нашей плутократии, которые незамедлительно потребовали бы развода, если бы муж не мог больше обеспечивать им привычную жизнь в роскоши.

1128. Трималхион не единственный разбогатевший персонаж. Там есть также сеvir*** Габинна, он же скульптор и каменотес, который тоже дарит своей жене дорогие ювелирные украшения. Имеется стряпчий Филерон,

* См.: *Петроний. Сатириконт* / пер. с лат. Б. Ярхо. 76–77 // *Ахилл Татий. Левкиппа и Клитофонт; Лонг. Дафнис и Хлоя; Петроний. Сатириконт; Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел*. М.: Библиотека всемирной литературы, 1961. С. 284–285.

** Мелкая римская монета.

*** На сеvиров возлагалась организация культа императоров в италийских колониях Рима.

который поднялся из нищеты и достиг большого богатства. Немало вольноотпущенников, приятелей Трималхиона со времен его рабства, также разбогатели. Итак, торговля, как в случае Трималхиона, ремесло, как у Габинны, и знания, как у Филерона, производили новых богачей. Их высмеивают, но сам этот смех подтверждает их существование. Марциал воспевае сапожника, который устроил в Болонье представление с гладиаторами, а также сукновальщика, который организовал аналогичное зрелище в Модене*.

1129. Ювенал тоже бьет своей сатирой по новым богачам. Даже если он дал волю поэтической фантазии и вывел объекты сатиры в гротескной форме, то не может быть, чтобы его обличения совершенно расходились с тем, о чем каждый имел представление и мог наблюдать тогда в Риме. Он упоминает о своем брадобрее, который сделался богатым. Отдельный факт еще не может выступать в качестве истины, но типичный случай — да.

1130. Наплыв в Рим чужеземцев также хорошо подмечен Ювеналом. «Стало быть, пусть ожидают трибуны, и пусть побеждают/ Деньги: Не должен же нам уступать в священном почете/ Тот, кто недавно был в Рим приведен с ногой набеленной» (I. 110–111). О прибывших в Рим греках Ювенал говорит: «Все это можно и нам похвалить, но им только вера» (III. 92–93). И далее: «Римлянам места нет, где уже воцарился какой-то/ Иль Протоген, иль Дифил, иль Гермарх» (III, 119–120); «Здесь богача из рабов провозажает сын благородных/ Тоже клиент...» (III. 130–131); «Перенесть не могу я, квириды,/ Греческий Рим! Пусть слой невелик осевших ахейцев,/ Но ведь давно уже Оронт сирийский стал Тибра притоком,/ Внес свой обычай, язык, самбуку с косыми струнами» (III. 60–66) (Он мог бы добавить: и религию. — В. П.). Несомненно, сильно преувеличиваются безобразия, но все же есть своя доля истины в том, что он сообщает о местах для всадников в театре: «“Уходи, — говорят, — коли стыд есть,/ Кресла очисти для всадников, раз у тебя не хватает/ Ценза” Пусть уж в театре сидят хоть сводников дети,/ Что рождены где-нибудь в непотребном доме; пускай там/ Хлопает модного сын глашатая вместе с юнцами,/ Коих учил борец или вождь гладиаторской школы» (III. 153–158).

* Имеются в виду две эпиграммы Марциала: «Ты гладиаторский бой, царек сапожников, Кердон,/ Ставишь, и грабит кинжал шила доход у тебя./ Пьян ты: тебе никогда не пришло бы в голову трезвым/ Собственной кожей своей, Кердон, за игры платить./ Прямо из кожи ты лез, но себе на носу заруби ты,/ Кердон, что шкуркой своей надо тебе дорожить» (III. 16).

«Кердон-сапожник давал в изящной Болонии игры,/ В Мутине дал сукновал. Где же трактирщик их даст?» (III. 59). См.: *Марциал Марк Валерий*. Эпиграммы / пер. с лат. Ф. Петровского. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. С. 78, 89.

Должно было быть немало выскочек в обществе, чтобы оно не воспринимало как глупую и нелепую ту сатиру, в которой говорится: «Родину брошу.../ Пускай останутся все те, кто черное делают белым,/ Те, что на откуп берут и храмы, и реки, и гавань,/ Чистят клоаки, тела мертвецов на костер выставляют,/ Или продажных рабов ведут под копые господина./ Эти-то вот трубачи, завсегдатаи бывшие разных/ Мелких арен, в городах известные всем как горланы, —/ Зрелище сами дают и по знаку условному черни,/ Ей угождая, любого убьют, а с игр возвратившись,/ Уличный нужник на откуп берут; скупили бы все уж!/ Именно этих людей Судьба ради шутки возводит/ С самых низов к делам большим и даже почетным» (III. 20–39)*.

- 1131.** Императоры своей милостью из ничего возвышали отдельных вольноотпущенников, удостаивали их высочайших почестей и оказывали им особое покровительство; Клавдий правил с их участием. Но число таких людей всегда было довольно ограниченным, и в основном они добивались высокого положения благодаря собственным заслугам в имперском и частном управлении. Сенека рассуждает о богатстве вольноотпущенников, а Тацит отмечает, что они заполняли правящий класс, несмотря на сопротивление наивных граждан. При Нероне в сенате заходила речь об уловках вольноотпущенников, «которые держали себя на равных с хозяевами»; сенаторы требовали поставить их на место. «Напротив, был дан ответ: “Подлежат каре лишь немногие провинившиеся и не подобает урезать в правах остальных; ведь людей этого звания множество. Из них в большинстве состоят трибы, декурии, из них набираются служащие у магистратов и жрецов, наконец, юродские когорты: и немало всадников, немало сенаторов ведет свою родословную не от кого другого, как от них; если обособить вольноотпущенников, станет очевидной малочисленность свободнорожденных...”». И Нерон вновь пишет в сенат: «Рассматривать дела обвиняемых своими патронами вольноотпущенников всякий раз по отдельности и не выносить общего постановления»⁸⁸. Нерон поддерживал и защищал новых людей, а Светоний показал, что ему хотелось бы править только с их участием⁸⁹.

- 1132.** Одновременно, война и обеднение истощали патрициат. Дион Кассий отмечает, что Август, чтобы восполнить урон, был вынужден создавать

* См. соответственно: *Ювенал. Сатиры* / пер. Д. С. Недовича и Ф. А. Петровского. М.; Л: Academia, 1937. С. 4, 16, 17, 15, 17, 14.

⁸⁸ *Тацит. Анналы*. XIII. 27 // Там же. С. 305.

⁸⁹ *Svetonio. Nero. 37. [Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей* / пер. с лат. М. Л. Гаспарова. Кн. 6 «Нерон». М.: Правда, 1991. С. 215.]

новых патрициев взамен многих погибших в гражданских войнах⁹⁰. Тацит также упоминает о появлении массы новых людей, которые из муниципий, из колоний и из провинций проникали в сенат⁹¹. Он рассказывает также, что Клавдий, несмотря на отвращение и протесты сенаторов, ввел в состав сената галлов⁹². И Веспасиану вновь пришлось восстанавливать сословие сенаторов и по численности и по качеству⁹³.

1133. Циркуляция, следовательно, просматривается совершенно явно; она происходила не только в Риме между низшим и высшим классом. Рабы прибывали в Рим из всех земель Империи и даже из стран, располагавшихся по ее границам. Те, в ком в большом количестве имелись остатки класса I, прежде всего греки и выходцы с востока, легко обретали свободу. Их потомки, опять же за счет превалирования остатков класса I, обогащались, поднимались по социальной иерархии, становились всадниками и сенаторами. Так вымывалась латинская и италийская кровь из правящего класса, а новый состав его в силу многих причин, не последней среди которых было, пожалуй, прежнее сервильное положение и азиатская трусость, был все менее склонен применять оружие.

1134. К этому его подталкивали сами императоры, которые опасались сильного правящего класса. Уже Дион Кассий⁹⁴ высказывает такую мысль в речи, возможно вымышленной, вложенной в уста Мецената в его советах Августу о форме правления. Последующие императоры внимательно занимались об этом, пока в конце концов Галлиен не дошел до запрета сенаторам посещать армейские лагеря. Но уже <Александр> Север покончил с обычаем брать преторианцев из Италии, Испании, Македонии и скандинавских стран, и набирал их из остальных частей Империи, даже самых варварских.

Развитие можно приблизительно представить таким образом: при Республике воинская служба — это реальная обязанность элиты; в начальный период Империи — это ее формальная обязанность, но реальная

⁹⁰ *Dionis Cassii Cocceiani. Historiarum Romanum quae supersunt / Ed. U. Ph. Boissevain. V. 1–5. Bertolini, 1895–1931. P. 693 (LII. 42). [Русский текст фрагмента в пер. Е. В. Федоровой (Кн. LII. 41–43) см. в: Черноусов Е. А. Очерки по истории римской империи 180–235 гг. Подготовка смуты III века. Харьков, 1911. С. I–XXVIII.]*

⁹¹ *Тацит. Анналы. III. 55 // Там же. С. 134.*

⁹² Там же. XI. 23. С. 243.

⁹³ *Svetonio. Vespasianus. 9. [Светоний Гай Транквилл. Кн. 8 «Божественный Веспасиан» // Указ. соч. С. 262.]*

⁹⁴ *Dionis Cassii. Op. cit. P. 670–692 (LII. 14–40).*

воинская служба не возбранялась; далее последовало полное удаление элиты из армии.

1135. Плиний Младший дает нам пример военной службы молодых всадников в переходный период — он проходил ее в бухгалтерии. При этом он хвалит Траяна за установленный порядок действительной воинской службы. Клавдий «ввел условную службу, названную “неуставной” <сверхштатной>, которую можно было отслуживать заочно и только по имени»⁹⁵.
1136. Август запретил сенаторам выезжать из Италии без его разрешения, исключение было сделано в отношении Сицилии и Нарбонской Галлии «по той причине, что народы были там безоружными и мирными»⁹⁶. Позднее сенаторам было запрещено появляться в Египте, и, чтобы их от этого удерживать, вводилась также религиозная санкция. При Александре Севере, согласно Боргези, и при Аврелиане, согласно Куну, управление в провинциях было разделено на две части, т. е. имелись *praeses** для гражданской администрации и *dux*** для военной администрации.
1137. Непрестанно усиливающееся разделение функций между военным и гражданским классами делало последний класс все менее боеспособным, не готовым к самозащите с оружием в руках. Когда Сеттимий Север пересек Италию вместе со своими легионами, города были охвачены террором, «ведь люди в Италии давно отвыкнув от оружия и войн, занимались земледелием и жили среди полного мира»⁹⁷. Таким образом, здесь мы имеем признаки ослабления или вообще отсутствия сопротивления последующим нашествиям варваров.
1138. И все же во времена Галлиена серьезная и грозная опасность вторжения варваров на миг, похоже, оживила мужество в населении. «Император Галлиен, пребывавший по другую сторону Альп, готовился к войне с германцами. Римский сенат, ввиду крайней опасности, вооружил всех военных, которые имелись в городе, и раздал оружие самым сильным мужчинам среди гражданского населения. Так он собрал значительно более крупные силы, чем в войске варваров, которые из опасения оказаться

⁹⁵ Светоний Гай Транквилл. Кн. 5 «Божественный Клавдий» // Указ. соч. С. 184.

⁹⁶ Dione Cassio. Op. cit. P. 694 (LII. 42).

* Наместник в провинции (лат.).

** Военачальник (лат.).

⁹⁷ Erodiano. II. 11. [Геродиан. История императорской власти после Марка / пер. с лат. А. И. Доватура; отв. ред. Л. П. Маринович. М.: РОССПЭН, 1986. С. 43.]

на виду, отошли от Рима»⁹⁸. Но военная олигархия, которая паразитировала и разоряла империю, быстро проникла в войско Галлиена. Из опасения, что власть перейдет к оптиматам, он запретил сенату участие в военных делах, а сенаторам посещение армии. Александр Север говорил: «у военных — свой круг деятельности, у образованных людей свой, и поэтому каждый должен делать то, что знает»⁹⁹. Аррий Менандр сообщает: «Поступление на военную службу такого лица, которому это возбраняется, является тяжким преступлением, и (кара за него) усиливается точно так же, как и при других деликтах, в зависимости от (присвоенного) достоинства и рода войск»* (Dig. XLIX. 16.1).

1139. Так армия Империи в итоге превратилась в сборище ни на что не пригодных людей, и более уместным стало обращаться к варварам, чтобы набрать солдат; а это означало приводить врагов в собственный дом. Вегетий хорошо описывает данный феномен: «Никогда длительность службы в войске не исправит недочета, допущенного при испытании новобранцев во время набора. И насколько мы знаем это и по опыту, и на исторических примерах, самые сильные поражения были нанесены везде и всюду тогда, когда вследствие долгого мира набор воинов производился без большой осмотрительности и все более достойные молодые люди шли работать в гражданских должностях. Иногда новобранцы, (поставить) которых предписано было владельцам крупных имений, по протекции или по умышленной небрежности отборщиков берутся на военную службу такие, которыми тяготятся сами хозяева»¹⁰⁰.

1140. Римское общество застывало. Всевозможные препятствия противодействовали как легальной, так и реальной циркуляции элит. Если порой в отношении какого-либо индивида они устранялись по милости императора, то в правящий класс зачастую пробивались люди мало достойные там находиться. Александр Север придал официальную юридическую

⁹⁸ *Zosimi. Corpus scriptorum historiae byzantinae. Editio emendata et copiosior, consilio V. G. Niebuhrii. C. F. Instituta, auctoritate Academiae Litterarum regiae Borussicae, Continuata. Vol. 28. Zosimus. Bonn: ed. Weber, 1837. P. 35 (I. 37).*

⁹⁹ *Лампридий Элий. Александр Север // Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. СПб.: Алетей, 2001. С. 172.*

* *Аррий Менандр. О военном деле // Дигесты Юстиниана / пер. с лат. МГУ им. М. В. Ломоносова (юрид. фак.); Российская Академия наук, Институт всеобщей истории РАН, Центр изучения римского права. М.: Статут, 2005. Т. 7. Полутом 2. Кн. XLVII—L. С. 314—315.*

¹⁰⁰ *Vegetius (Flavius) Renatus. De Re Militari. I. 7. [Вегетий Флавий Ренат. Краткое изложение военного дела // Греческие полиоркетик. Флавий Вегетий Ренат. СПб.: Алетей, 1996. С. 165.]*

форму тому, что, по-видимому, отчасти уже существовало, когда ввел корпорации искусств и ремесел. Затем такой порядок стал расти и укрепляться, приближаясь к системе, какую в наши дни, похоже, стремятся сформировать наряду с введением обязательных профсоюзов. Постепенно ремесленник оказался крепко привязан к своему ремеслу, земледелец — к своему участку земли, августалий — к своей корпорации, декурион — к своей курии. Все пытались освободиться и бежать, но на беглецов правительство вело охоту, и если их не спасала милость императора или могущественных людей, их возвращали к тем занятиям, к которым также навечно прикрепленными должны были оставаться и их потомки.

1141. Уменьшается производство богатств и вместе с этим возрастают траты вследствие введения множества обременительных налогов в отношении богатых людей. В это же время высшие классы уже перестали быть правящими классами, и принадлежность к ним давала больше почета, чем власти. Императоры выдвигались невежественной, коррумпированной, лишённой всякого представления о государственном управлении массой военных; отсутствовали революции со стороны невоенного, гражданского элемента, которые перемешали бы классы, вызвали бы новую циркуляцию элит и возвысили бы людей с обильным запасом остатков класса I. Монтескьё во многом справедливо сравнивает Римскую империю периода упадка с регентством в Алжире в его время. Но следует добавить, что Алжир не имел такой бюрократии, которая, как римская бюрократия периода упадка, иссушала бы любой источник активности и индивидуальной инициативы. Римское общество приходило в упадок в экономическом и в интеллектуальном отношении, получая при этом ущерб от глупой военной касты и трусливой и суеверной бюрократии.

1142. На Западе <Империи> нашествия варваров разломали это застывшее общество (см. § 1085 и далее), в которое они, наряду с анархией, вносили также немного гибкости и свободы (см. рис. 36).

Если провести прямую линию ac , где точка a — состояние корпораций в конце Римской империи, вертикаль ta характеризует ситуацию, в которой прикрепление людей к корпорациям очень прочное и напоминает средневековые гильдии, т. е. похожа на состояние в точке c (вертикаль pc), то упустим из виду реальную линию abc , поскольку при этом не будет учтена ситуация наибольшего ослабления корпоративных связей nb , которая сложилась при анархии, наступившей в результате нашествий варваров. Отождествление фактического состояния страны с состоянием ее законов содействует

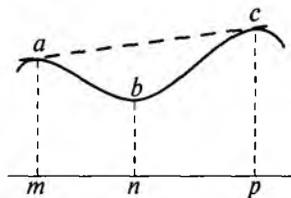

Рис. 36

совершению такой ошибки. Если в некотором обществе закон явным образом не предоставляет свободу, то считается, что в этом обществе ее нет и быть не может; между тем как, напротив, она прекрасно может существовать вследствие либо отсутствия законов, либо и это наиболее распространенный случай неисполнения, или плохого исполнения существующего закона. Так, застывание страны часто оказывается даже меньшим, чем оно может представляться из рассмотрения ее законов, поскольку они дают только очень грубое представление о реальном состоянии. Подкуп государственных чиновников во многих случаях являлся, однако, действенным средством от стесняющих законов, которые иначе были бы невыносимы.

- 1143.** В то время, когда Западная Римская империя была разрушена, в Восточной Римской империи наступило состояние застоя. Там можно было наблюдать все проявления заорганизованности общества, достигшей предела. Одна дошедшая до нас анекдотическая история позволит нам получить четкую картину времен Аттилы. Приск, который сопровождал Максимиана, направленного Феодосием к Аттиле в качестве посла, случайно встретил в лагере гуннов одного богатого и уважаемого грека, жившего среди скифов. Тот человек рассказал ему, как он, попав в ходе войны в плен к Аттиле и доставшись в качестве части добычи Онигисию, первому после Аттилы человеку у скифов, вернул себе свободу и приобрел богатство. «После того как он храбро сражался против римлян и акатиров, он отдал хозяину-варвару полученную на войне добычу и получил по законам скифов свободу. Он женился на женщине из варваров, от которой у него появились дети, стал сотрапезником Онигисия, и его жизнь там оказалась значительно лучше прежней. Так, тех, кто оказывались среди скифов, после войны ожидала спокойная жизнь. Каждый пользовался своими благами, никто никого не притеснял. Напротив, те, кто жили среди римлян, часто гибли во время войн, поскольку тиранами им запрещено самим братья за оружие и они вынуждены возлагать на других надежды на свое спасение. Тех же, кто обладал правом применять оружие, губила бездарность полководцев; они плохо вели войны. К тому же в мирное время налоги были еще тяжелее, чем лишения во время войн, множились беды из-за безжалостного взимания налогов и из-за притеснений со стороны всяческих злодеев, поскольку законы не для всех равны. Когда нарушитель закона богат, его преступление оставалось безнаказанным; когда же он беден, не умеет ловчить, он получал наказание в соответствии с законом, если только не уходил из жизни прежде, чем будет вынесен приговор, из-за затянутости и дороговизны судебного процесса. Воистину, возможно получить единственно только как милость то, что надлежит тебе получить по закону; в самом деле, ни один суд не предоставит защиту несправедливо пострадавшей стороне, если

не дать денег судьям и делопроизводителям»¹⁰¹. Приск в ответном слове восхвалял римских правителей; но примечательно, что именно его участие в посольстве доказывало трусость и коррупцию этого правления. Максимин был порядочным человеком, одним из тех людей, которыми во все времена пользуются правители, чтобы скрывать свои темные и бесчестные дела (см. § 977–991). Но вместе с ним прибыли Эдекон и Вигила, которые должны были подготовить интригу, чтобы убить Аттилу. Имперские правители умели организовывать дела всякого рода, включая убийство. Впрочем, на этот раз все закончилось не в их пользу. Аттила раскрыл козни и выслал послов, передав через них гордые слова их императору. Аттила велел напомнить императору Феодосию, что, выплатив ему, Аттиле, дань, Феодосий сделал себя его вассалом, и добавил: «Неправедно поступает тот, кто в отношении человека, который оказался лучше его и по воле судьбы стал над ним господином, порочит себя тайными кознями, подобно дурному рабу»¹⁰².

- 1144.** Среди огромного множества анекдотов достаточно привести один, чтобы показать, как при византийской *организации* общества люди попадали в правящий класс. Синесий, живший веком раньше грека, упомянутого в предыдущем анекдотическом случае, писал брату: «Очень похоже, что сводник Хи́ла был неизвестен многим относительно его славы в этом ремесле; так, даже комедиантка Андромаха, прекраснейшая из женщин нашего времени, оказалась в его сетях. Проведя юность в столь прекрасных занятиях, он решил, что в зрелые годы ему подобает прославиться в армии, думая, что это вполне согласуется с его прежним положением в обществе. Вскоре император поручил ему командование brave воинами — маркоманами. Они всегда представлялись отличными солдатами, а теперь, получив столь славного генерала, можно надеяться, они свершат чудеса»¹⁰³. Как же этот Хи́ла добился расположения императора? Благодаря помощи Джованни и Антиоха, которые, так же как и он, были негодными людьми. При подобных способах формирования правящего класса нетрудно понять, как постепенно Империя утратила свои провинции и в конце концов потеряла и столицу. Следует отметить, что этот феномен свойствен не только византийской бюрократии; он широко распространен и проявляется почти всегда в старческий период жизни бюрократий. Он отмечался и отмечается в Китае, в России и в других

¹⁰¹ *Prisco Panite*. *Fragmenta historicorum graecorum*. Frg. 8. [Приск Панийский. Сказание Приска Панийского / пер. Г. С. Дестуниса. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1860. Отрывок 8. С. 28–29.]

¹⁰² *Prisco Panite*. *Op. cit.* Frg. 9 [Там же. Отрывок 9. С. 38.]

¹⁰³ См.: *Sinesio*. *Epistolae*. *Epistola CX*.

странах. Таким образом, любое социальное устройство вначале достигает расцвета, а в конце пути приходит к гибели (см. § 1120).

- 1145.** Как многократно отмечалось, и в том числе в § 1087, волны дериваций следуют в соответствии с волнами социальных фактов. Поэтому, когда примерно век назад начался восходящий период свободы, осуждались жесткие и ограничительные порядки Византийской империи. Теперь же, когда мы находимся в периоде упадка свободы и укрепления организованности общества, этими порядками восхищаются, их одобряют, восхваляют и заявляют, что европейские народы должны быть очень признательны Византийской империи, что она спасла их от мусульманского вторжения. Они забывают, что сильные воители Западной Европы многократно сами могли победить и изгнать арабов и турок, и что раньше азиатских завоевателей они легко становились хозяевами Константинополя. Византия показывает, куда может привести тот отрезок кривой <развития>, по которому теперь начинают двигаться наши общества; все, кого восхищает такое будущее, непременно предрасположены восхищаться таким прошлым, и наоборот.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

I. Общая характеристика предмета исследования

I. Аргументы общего характера

Ia. Наблюдаемые в человеческом обществе факты для удобства их изучения мы делим на две категории:

M — манифестации действий или вербальные выражения инстинктов, чувств, склонностей, стремлений и т. д., интересов и логические или псевдологические следствия таких манифестаций;

N — все другие факты в том мире, в котором существуют человеческие общества.

Таким образом, категория *M* включает как логические, так и нелогические действия (см. гл. 2 наст. изд.). Все, что относится к нелогическим действиям, можно разбить еще на две подгруппы: на часть *d*, которая не приводит к возникновению вербальных манифестаций, и часть *c*, которая дает им начало (см. § 345–347, 634, 835 наст. изд.).

Такое разделение исключительно экспериментальное; простые категории фактов не соответствуют «внутреннему миру» и «внешнему миру» метафизиков.

Ib. Часть *c* в людях преобладает, поскольку они имеют обыкновение вербально выражать инстинкты, чувства и т. д. и находят удовольствие добавлять к этому логические и псевдологические построения. Однако зачастую эта часть остается вне внимания, обычно люди не думают, или не признают, что многие составляющие группы *c* являются лишь манифестациями инстинктов, влечений. Одна из целей данного труда состоит в снятии этих вуалей, скрывающих реальность (см. гл. 2–5). Часть *c* легко и спонтанно отделяется от фактов, являясь только их манифестацией, и выглядит как имеющая собственное существование (см. § 634). Она делится на две другие части:

a — мало изменяющуюся часть (остатки);

b — сильно изменяющуюся часть (деривации) (см. § 320–341; гл. 5–7).

Ic. Нам надлежит рассмотреть следующие отношения фактов категорий *M* и *N*:

α — взаимные отношения между *M* и *N*;

β — отношения *M* и *N* с теориями, доктринами, суждениями;

γ — отношения *M* и *N* с устройством человеческих обществ.

В первом приближении часть *M* во многих случаях, особенно при изучении теорий, можно свести к части *c* (см. гл. 2–5).

Id. α . *Взаимные отношения между M и N .* Между M и N , между различными частями M и N , между различными категориями фактов вообще есть определенная связь, которая не имеет характера полного соответствия. Всякое живое существо определенным образом адаптируется к миру, в котором оно живет, и как в материальных формах, так и в форме инстинктов, чувств и т. д. оно находится в определенной зависимости от этого мира. Например, инстинкт животных, которые живут охотой, находится в соответствии с существованием объекта их охоты (см. § 667, 668). Короче говоря, можно установить некоторые соответствия между группами фактов M и группами фактов N . Группу фактов c можно сравнить с туманностями, каждая из которых имеет ядро, окруженное облаком. Для некоторых туманностей имеется более или менее определенное соответствие между их ядром и фактами N ; однако его нет в отношении облака. Для других туманностей соответствия нет как для ядра, так и для облака (см. § 666). Иными словами, некоторые группы c сходны с плохой фотографией N (см. § 673 и пункт приложения III*f*), другие же имеют мало общего, либо ничего не имеют общего с N (см. гл. 8, 9).

Ie. Среди групп c , не имеющих ничего общего с N , есть такие, которые полностью соответствуют тому миру, именуемому сверхъестественным, метафизическим, одним словом — неэкспериментальному миру. Однако встречаются и такие группы c , в которых соответствие есть, но лишь частичное. Логико-экспериментальные науки не занимаются такими отношениями (см. пункты приложения II*g*, III*h*, III*i*).

If. β . *Отношения M и N с теориями.* Вместо M мы в первом приближении можем рассматривать c . При этом категория c может быть рассмотрена в двух аспектах:

c_1 — в отношении автора теории;

c_2 — в отношении других людей, с которыми связана его теория.

В c_1 и c_2 имеются общие части. Всякая теория зависит, безусловно, от c_1 ; различия между различными теориями берут начало от разнообразия такой зависимости и от различных способов, посредством которых учитывается c_2 и N (см. гл. 1, 3–5).

Ig. Наличие общей части в категориях c_1 и c_2 объясняет иллюзию того, кто, исходя из факта c_1 , верит, что он рассуждает безлично и, преодолевая случайное, достигает абсолюта.

Ih. γ . *Отношения M и N с устройством человеческих обществ.* В этом аспекте можно разделить M на две части, т. е.:

Ms — инстинкты, рассуждения и т. д. (остатки);

Mr — рассуждения (деривации).

В теории на одном экстремуме были бы сообщества, определяемые исключительно M и N ; таковы, вероятно, сообщества животных. На другом экстремуме оказались бы сообщества, определяемые только Mr и N , но такого рода общества на практике не существуют (см. § 886). Вера в то, что они могут существовать, — это одна из догм религии, которая обожествляет Разум или Науку. Человеческие общества занимают промежуточные ступени (см. § 887). Комплекс из M и N , насколько мы можем об этом судить, определяет общественное устройство (см. гл. 9).

И. Среди связей M и N с устройством обществ видное место занимают связи с различными видами полезности отдельных индивидов, коллективов, обществ, рода человеческого и т. д. Логико-экспериментальная наука может иметь знание только о фактах Ib ; не логико-экспериментальные науки имеют обыкновение *априорно* определять все эти отношения или некоторые их стороны. В не логико-экспериментальных исследованиях определенные виды полезности часто идентифицируют с одной из сущностей, которой дается имя «Истина» (см. гл. 8–10).

Ик. Человеческое общество неоднородно. Теология равенства отрицает эту неоднородность, как в былые времена христианская теология отрицала существование антиподов.

Логико-экспериментальная наука игнорирует такие теологии, когда изучает единообразия фактов, ими искаженных. Она занимается такими теологиями только для того, чтобы понять, как они появились и каким чувствам и наклонностям людей они соответствуют. В первом приближении можно рассматривать некие усредненные явления данного общества, но во втором приближении всегда необходимо учитывать его неоднородность; чтобы не удалиться слишком далеко от реальности, некоторые явления надо сразу рассматривать в связи с социальной неоднородностью. Чтобы изучать эту неоднородность, общество можно разделить на классы или сословия в соответствии с разными критериями. Эти классы или сословия необходимо изучать не только в статике, но также в динамике, что дает начало исследованию классово-циркуляции элит и циркуляции людей со строго (и нестрого) фиксированными и с изменчивыми доходами, а также других людей. Наконец, необходимо учитывать различные свойства этих классов, чтобы изучать форму и эволюцию социального комплекса (см. пункт Ip).

Ил. Человеческое общество рассматривается как система молекул (см. § 819), которые, находясь в пространстве и во времени, имеют определенные характеристики, связаны определенными узлами и находятся в определенных отношениях. Рассуждения (деривации), теории, верования, которые находятся в обиходе в таком агрегате, рассматриваются как проявления его состояния и исследуются как факты, наравне со всеми другими

социальными фактами (см. пункт Пe). Мы исследуем их единообразие и пытаемся подобраться к другим фактам, от которых они происходят. Мы никоим образом не намерены противопоставлять одну деривацию другой, одно верование — другому; нам нужно узнать, в какой связи в пространстве и во времени находятся верования и деривации как по отношению как друг к другу, так и к другим фактам.

Ит. Социальные феномены обычно имеют волнообразную форму <протекания их изменений>. Волны различаются по характеру и по интенсивности, следовательно, их можно группировать по разным категориям, которые выражают определенные периоды <жизнедеятельности> феноменов (см. гл. 10).

Ип. *Взаимозависимость <в пространстве>*. Молекулы социальной системы являются взаимозависимыми в пространстве и во времени. Взаимозависимость в пространстве выявляется во взаимных отношениях социальных феноменов. Пусть *A, B, C...* представляют собой различные стороны, на которые для удобства исследования полезно разбить сложный социальный феномен. Логико-экспериментальная наука, которая изучает *A*, например, экономическая наука, непосредственно учитывает взаимозависимости молекул в *A*. Сходным же образом поступают те логико-экспериментальные науки, которые изучают *B, C...* Далее, логико-экспериментальная наука, которая изучает комплекс *A, B*, или комплекс *A, B, C*, или *A, B, C, D...* должна учитывать взаимозависимость между *A* и *B*, или, соответственно, между *A, B, C* и т. д. Это означает, что логико-экспериментальная наука отделяет анализ от синтеза и осуществляет и тот и другой (см. пункт Пo); и еще, что наука, которая изучает *A*, не может дать полную теорию о конкретных феноменах, из которых, на первый взгляд, состоит *A* (см. пункт Пr). На самом деле *A* состоит только из абстракций в отношении таких феноменов, из которых были элиминированы все части, зависящие от *B, C, D...* Синтез, следующий за анализом, имеет целью возвращение этих частей на их прежние места. Те, кто в социальных науках следуют по пути не логико-экспериментальных наук, не в состоянии этого понять, поскольку они рассуждают больше о понятиях, чем о фактах, а понятия не намного проще фактов, но они намного более независимы <от фактов>. Поскольку эти авторы неспособны понимать реальность, то, когда изучающая *A* логико-экспериментальная теория не в состоянии объяснить какой-то конкретный феномен, одной из сторон которого является *A*, они заключают <на этом основании>, что такую науку надо отбросить; между тем ее надо лишь дополнять другими исследованиями (см. пункт Пs). Или, хуже того, они используют вербальную деривацию, в чем проявляется их величайшее незнание реальности: они уверяют, что экономические и социальные законы имеют исключения, и при этом не ведают, насколько смешна сама мысль о неединообразном единообразии (см. § 45, 676).

Ю. *Взаимозависимость <во времени>*. При рассмотрении феноменов во времени мы должны в дополнение ранее высказанным соображениям добавить следующее. Форма изменения социальных феноменов по существу имеет волнообразный вид (см. пункт *Im*). Для феномена *A* имеется последовательность волновых движений и аналогично — для феноменов *B*, *C*, *D* и т. д. Необходимо рассматривать:

1. Взаимозависимость волн *A*, а также волн *B*, *C*, *D*... отдельно для каждого феномена.
2. Взаимозависимость волн различных феноменов (см. § 1086). Последнее исследование более, чем первое, приближается к изучению взаимозависимости в пространстве (см. пункт *In*). Воздействие предшествующих волновых движений на последующие движения может быть выявлено при изучении эволюции <этого явления в целом>, если при этом используются методы, учитывающие волнообразную форму изменения феноменов (см. § 1120). Многие уклоняются от осуществления такого исследования, потому что ищут *причину* имеющихся в обществе бед с целью ее устранения (см. § 1075); или потому что вместо изучения фактов самих по себе они призывают к их изменению; или потому что они подменяют логико-экспериментальную историю этическими, теологическими и т. п. историями. В действительности в отношении чередования волн можно провести грубую аналогию с чередованием возрастных периодов в жизни человека (см. § 1075). Как рождение человека выступает началом молодости, а она, в свой черед, становится началом периода зрелости, которая затем становится началом старости и приближения к смерти, так и предшествовавшие периоды в развитии социальных феноменов могут рассматриваться в некотором отношении как «начало» последующих. И определенные факты могут способствовать вначале процветанию, а затем упадку (см. § 1075, 1120). Все это противоречит результатам теорий и интерпретаций истории не логико-экспериментального свойства, в которых из этики, метафизики или какой-либо теологии выводятся абсолютные суждения (см. пункт *Im*) относительно *ценности* фактов.

Юр. *Пропорции остатков в различных социальных слоях*. Если среди огромного множества элементов, связанных с социальными формами и их развитием, отбирать для исследования принципиально важные факты, то среди них оказывается пропорция остатков разного рода в различных социальных слоях и прежде всего пропорция между остатками класса I и остатками класса II в правящем и в управляемом слоях. История подтверждает, что первое огрубленное представление о феноменах будет получено, если внимание в первую очередь обращать на такие пропорции и, во вторую очередь, — на другие важные обстоятельства (см. гл. 9, 10).

II. Логико-экспериментальные и не логико-экспериментальные теории

(Когда не указано иное, под «опытом» понимается «опыт и наблюдение»)

IIa. Чтобы разрешить тяжбу, нужен судья (см. § 184). В логико-экспериментальных науках таким судьей выступает исключительно объективный опыт, из которого черпаются *доказательства* (см. § 14, 39). В не логико-экспериментальных науках могут иметься другие судьи, такие, как священные книги для верующих определенных религий, «сознание» для одних метафизиков, самонаблюдения для других метафизиков, «необходимые» принципы для третьих, и т. д. Очень часто не логико-экспериментальные науки в качестве судьи имеют согласие с чувствами (см. § 13, 23, 243). Добавляется рассмотрение полезности и случая, когда доктрина считается «истинной», потому что она «полезная».

IIb. Логико-экспериментальные теории, в которых допускается руководствоваться только фактами, строятся на основе суждений, описывающих экспериментальные единообразия, и на логических выводах из таких суждений. Не логико-экспериментальные теории доминируют над фактами и содержат суждения, которые к экспериментальным единообразиям добавляют нечто другое (см. § 15–16, 205).

IIc. Логико-экспериментальные науки выводят принципы из фактов, которым принципы всегда подчиняются. Не логико-экспериментальные науки априорно выдвигают некие принципы, от которых зависят факты (см. § 15, 127, 197, 271, 274, 275, 285, 386).

IIд. В логико-экспериментальных теориях рассуждают о фактах, т. е. о категориях c_2 и N из пункта *Ig*, при этом учитывается c_1 , что они рассматриваются как простые факты, но никогда как чувства, которые должны от фактов отделяться; в таких теориях занимаются исключительно сопоставлением одних фактов с другими. Все, что выходит за границы опыта, для них чуждо (см. гл. 4, 5); абстракции выражают не что иное, как общие для определенного числа фактов свойства. В не логико-экспериментальных теориях рассуждения проводятся с опорой на чувства c_1 автора (см. пункт *Ig*) и особенно — путем использования впечатления, производимого на людей некоторыми словами. В таких рассуждениях имеют дело не только с фактами, но и некими сущностями, выходящими за границы опыта (см. гл. 5, 6), и пытаются увязать факты с этими сущностями определенным образом. Абстракции в этих теориях представляют собой не просто компендиум определенных групп фактов, но наделяются статусом собственного и независимого существования. Различие между логико-экспериментальными и теми, которые не являются таковыми,

состоит, в частности, в том, что первые пытаются свести к нулю доминирование части c_1 (см. гл. 1); вторые, напротив, когда имплицитно, а когда и эксплицитно, в разной степени приписывают этой части c_1 исключительную и определяющую роль. На одном полюсе находятся теории, в которых стараются устранить влияние группы c_1 , чтобы заботиться только об изучении группы c_2 и N ; конечно, насколько это возможно, поскольку весьма сложно полностью удалить c_1 . На другом полюсе — теории, в которых доминирующее место занимают чувства, выраженные в c_1 ; опять же насколько это возможно, поскольку нельзя полностью игнорировать c_2 и N (см. § 325–326, 386, гл. 1, 3, 4).

Пе. Логико-экспериментальные науки исследуют встречаемые в обществе теории, доктрины, утверждения и т. д. как простые социальные факты (см. пункт *И*), даже если они не являются логико-экспериментальными или оказываются фантастическими, абсурдными и т. д. (см. § 10, 11, 40, 58, 179).

Пф. Хронологически не логико-экспериментальные науки предшествуют становлению логико-экспериментальных наук (см. § 369).

Пг. Область логико-экспериментальных теорий совершенно иная, чем область не логико-экспериментальных теорий; между этими областями нет никакого контакта. Изучение экспериментального мира не имеет ничего общего с изучением неэкспериментального мира. Каждая занимается исследованиями в своей области, и недопустимо, чтобы какая-то из них вторгалась в исследовательскую область другой (см. § 14, 28, 186, 189, 385).

Пх. Боги, обожествленные существа находятся вне экспериментальной реальности наравне с метафизическими и псевдоэкспериментальными абстракциями. Для логико-экспериментальной науки простая метафизическая абстракция значит не больше, чем абстракция обожествления. В аспекте приближения к экспериментальной реальности метафизические сущности и принципы имеют значение не большее, чем теологические принципы и, вообще, неэкспериментальные сущности и принципы. Одна религия не может быть в большей или меньшей степени научной по сравнению с другой религией (см. § 101, 146, 258, 311, 590, 666). Метафизика не является «более научной», более близкой к реальности, чем теология (см. § 147, 590, 593).

Пи. Логико-экспериментальная наука не может принимать теоремы, в которых выявляются отношения вещей, полностью или отчасти находящихся за пределами экспериментального мира (см. § 184). Аналогичным образом она не может, если отсутствует экспериментальная верификация,

принимать теоремы, которые устанавливают отношения только между вещами из экспериментального мира, но <эти корреляции> получены путем элиминирования неэкспериментальных сущностей (см. § 184, 188–190, 593, 616). Наконец, она также отвергает любое заключение, которое можно было бы извлечь из известного положения, что теоремы (проверяемы они или не проверяемы опытом) относительно существования или несуществования неких сущностей в экспериментальном мире исключаются (см. § 189, 199). Все эти положения являются следствиями из пункта Пг.

Пг*. Поскольку возможность провести сравнение логико-экспериментального исследования с не логико-экспериментальными исследованиями отсутствует, нельзя сказать, какое из них «лучше» или «хуже». С некоторой долей достоверности такое можно было бы сказать при необходимости достичь какой-то цели.

Пз. Логико-экспериментальные науки находятся в области относительного и контингентного; не логико-экспериментальные науки нацелены на абсолют. Первые не имеют «безусловных» и «необходимых» выводов (см. § 588), их выводы не являются «абсолютными». Выводы логико-экспериментальных наук являются вполне вероятными, вероятными в высокой степени; они всегда излагаются с указанием ограничений: пространственных и временных рамок, а также границ известного нам опыта (см. § 28). Вторые оперируют «безусловными», «необходимыми», «абсолютными» выводами, которые не включают ограничительных условий (см. § 15, 28, 175, 386, 414, 588, 589 и пункт Пр).

Пд. Логико-экспериментальные науки не имеют «безусловных» принципов. Не логико-экспериментальные науки имеют такие принципы и называют их «естественными» или «необходимыми», а также «законами» (которые отличаются от экспериментальных единообразий), теологическими и метафизическими аксиомами и т. д. (см. § 274, 414).

Пе. Деятели неэкспериментальных наук обычно не понимают контингентного характера логико-экспериментальных наук и рассуждают так, словно эти науки также нацелены на некий «абсолют», только несколько отличный от «абсолюта», принятого в не логико-экспериментальных науках. Следовательно, они воображают, что логико-экспериментальные науки имеют догмы; например, что «истину» можно познать только в опыте (см. § 42); или что экспериментальная «истина» качественно выше иных «истин»; что теоремы логико-экспериментальных наук имеют

* Пункт к пропущен автором как здесь, так и в следующем Приложении.

дело с «достоверностью», позволяющей нам знать «законы», а не просто экспериментальные единообразия; и что «всё» может быть объяснено «опытом» (детерминизм). Им невдомек, что сама форма этих утверждений указывает — они не могут принадлежать логико-экспериментальной науке, поскольку ее теоремы никак не могут признать в качестве абсолюта то, что содержится в термине «всё» (см. § 209—213, 386, 588).

Пр. Логико-экспериментальные теории находятся в постоянном *становлении*, они продвигаются вперед благодаря последовательным приближениям <к экспериментальной реальности>. В не логико-экспериментальных науках имеют обыкновение достигать одним разом такого состояния, на котором, как *кажется* их приверженцам, она должна была стать неизменной, хотя позже она фактически изменяется ее авторами и верными приверженцами (см. § 37, 38, 59, 333, 588).

Пг. Логико-экспериментальные науки отделяют анализ от синтеза (см. пункт *Ип*). Каждая из них, по сути, является аналитической, когда делит на различные части конкретное явление и изучает их изолированно. Синтез осуществляют, объединяя выводы некоторых из них (см. пункт *Ип*). Реальные движения всегда рассматриваются отдельно от виртуальных движений; изучение того, что есть, отделяется от изучения того, что должно быть (ради достижения некоторой цели). Теоретики в логико-экспериментальных науках склонны объединять и смешивать анализ и синтез, при этом они совершенно не осознают, что это разные вещи. Они не отличают, или плохо отличают реальные движения от виртуальных движений. Каждая из таких наук предполагает, что полностью знает определенные феномены; и когда опыт демонстрирует тщетность и самонадеянность такого мнения, прибегают к уловкам, зачастую наивным, например, к изменению смысла слов, или, хотя бы имплицитно, к притятию того, чего нет, но что *должно было бы* быть, или же в сознательном поиске того, что *должно* быть. Неэкспериментальный элемент заключен в термине «должно», используемом в качестве абсолюта, без указания экспериментальной цели (см. § 18—21, 130, 191, 201, 255, 296, 326, 328, 329, 384, 385, 559, 632, 782, 783, 939).

Пр. Экономическая наука не в состоянии сама по себе разработать теорию *стоимости, капитала, прибыли, протекционизма* и т. д., когда под этими терминами понимаются конкретные феномены. Необходимо дополнить ее результатами и выводами из иных наук (см. пункт *Ип*). Аналогично этому знание бухгалтерского учета само по себе не позволяет овладеть теорией конкретной коммерции; знание термодинамики само по себе не обеспечивает знания теории <функционирования> конкретных паровых машин, и т. д. (см. § 20, 788—790, 939).

- Ис.** В логико-экспериментальных науках синтез должен следовать за анализом. В отношении познания конкретного феномена из этого следует, что если одна из логико-экспериментальных наук не объясняет полностью некий феномен, то надо ее дополнять, подкрепляя ее другими теориями, но не отвергать ее и не пытаться скрытно завершить ее синтезом путем изменения значений используемых терминов или выхода рассуждений в не логико-экспериментальную область. Обычно такой путь выбирают для себя те, кто не привыкли рассуждать в соответствии с методами логико-экспериментальных наук, или те, кто привыкли к таким методам в естественных науках, но позволяют себе уступить влиянию чувств и интересов в экономических или в социальных науках (см. § 18–21, 783–790).
- Ит.** Логико-экспериментальные теории нацелены на совершенствование количественного метода; не логико-экспериментальные теории имеют обыкновение быть качественными (см. § 59, 843–856, 867, 895, 901, 1049).
- Иш.** Экспериментальная реальность и социальная полезность — это две абсолютно разные, а порой и противоположные вещи. В теоремах логико-экспериментальных наук имеется первая и может отсутствовать вторая. В теоремах не логико-экспериментальных наук обычно нет первой, но в них может содержаться вторая. В итоге та или иная теория может быть в соответствии с опытом и одновременно вредной обществу, или же она может расходиться с опытом, но быть полезной обществу.

III. Язык и определения

Язык

- IIIa.** Научный язык и обыденный язык (см. § 44–47, 96, 115, 164, 175, 327, 595, 958).
- IIIб.** В логико-экспериментальных науках стремятся сделать язык как можно более точным; в них термины оказываются тем лучше, чем они определеннее. В не логико-экспериментальных науках язык стараются оставить неопределенным, чтобы извлекать из этого пользу; здесь термины тем лучше, чем они неопределеннее (см. § 8, 40, 44, 82, 175, 198, 247, 272, 587–607, 631).
- IIIс.** В логико-экспериментальном аспекте любая дискуссия будет пустой, если используются термины, в отношении которых точно неизвестно, каким именно вещам они реально соответствуют (см. § 44, 48, 149; пункт IIIi).
- IIId.** В логико-экспериментальных науках никогда не спорят по поводу имен, спорят только в отношении вещей, обозначенных именами. Логико-экспериментальное рассуждение сохраняет целиком свою ценность, если используемые для обозначения вещей имена заменяются буквами алфавита или цифрами. Только бы вещи обозначались ими так, чтобы это не вызывало никаких сомнений и двусмысленностей, а то, каким символом они обозначены, мало или вовсе не имеет значения. Не логико-экспериментальные науки довольствуются именами; и тому, кто следует по такому пути, это подходит, поскольку имена, если даже они не обозначают совершенно невероятные и фантастические вещи, добавляют нечто неэкспериментальное к тем вещам, которые ими хотят обозначить. Такой добавкой зачастую оказываются чувства автора или других людей (см. пункт IIId). Споры в неэкспериментальных науках склоняются, следовательно, к тому, чтобы стать словопрениями; они теряют ценность и всякий смысл, если используемые для обозначения вещей термины окажутся замененными на буквы алфавита и цифры, поскольку эти буквы и цифры уже не станут вызывать чувства, как в случае использования имен (см. § 14, 44, 46, 48, 149, 197, 242, 274, 770).
- IIIe.** В логико-экспериментальных науках язык, поскольку он произвольный <условный> (см. пункт IIIr), несколько не влияет на вещи. В не логико-экспериментальных науках язык, обладая независимым от вещей существованием, может выглядеть более или менее влияющим на них, и он, безусловно, влияет (воздействует) на теории, которые созданы с его использованием. То и другое воздействие может быть очень незначительным, но затем постепенно оно доходит до предела, начиная с которого слова кажутся обладающими оккультной властью над вещами (магия), или

когда они служат для выстраивания теорий совершенно за пределами реальности (метафизика, теология) (см. § 86, 197, 282, 290, 295, 383, 603, 631).

- Шф.** Язык отражает внешние факты в лучшем случае как плохая фотография, а в худшем — как очень плохая или никудышная фотография. Кто рассуждает об именах, тот подобен тому, кто по таким фотографиям хотел бы получить точное знание об изображенных на них вещах (см. § 290, 666, 670).
- Шг.** Из обыденного языка кое-как можно извлечь что-то для построения теории, как из упомянутых выше фотографий кое-как можно извлечь нечто для представления о тех вещах, которые на них плохо отражены. Поскольку обыденный язык оказывается обычно синтетическим, при его использовании учитывают, хотя редко и довольно плохо, взаимозависимость феноменов. Это может быть полезным, если нет никакого иного, более хорошего средства (см. § 44, 45, 666).
- Шд.** Для построения теории из событий практической жизни можно извлечь больше, чем из обыденного языка. Именно потому, что добавление чувств (см. пункт Шд) — это важный элемент практических детерминаций (см. § 327, 328).
- Ше.** Последствия, вытекающие из неопределенности обыденного языка (см. § 96, 99, 145, 599, 600, 608, 677, 734, 745, 958).
- Шж.** Язык как манифестация нелогических действий (см. § 69; пункт Шж).
- Шз.** Поскольку логико-экспериментальные науки используют объективный и точный язык, никогда не следует понимать что-то, кроме того, что выражается этим языком; следует отбрасывать всякие добавки, которые склоняли бы к проявлению чувств. Поскольку не логико-экспериментальные науки отчасти используют субъективный язык, которому недостает точности, в них часто имеется в виду нечто, что выходит за границы того, что в нем выражается, или что отличается от строгого смысла; добавки или модификации, привносимые таким путем чувством, очень часто совпадают с добавками к вещам, которые намеревался ввести автор <неэкспериментальной теории>. Следовательно, очевидно, нестрогая интерпретация оказывается ближе к воззрению автора, чем строгая интерпретация <его теории> (см. § 23, 60, 82).

Определения

- Шл.** В логико-экспериментальных науках, когда вещь задана, то ее имя определяется произвольным образом (см. пункт Шл); в не логико-экспериментальных науках, когда имя задано, часто ищут ту вещь, которой такое имя должно соответствовать, или вещь, которой соответствуют чувства,

вызываемые таким именем. Если она не обнаруживается среди реальных вещей, то обращаются к вещам воображаемым (см. § 45, 48, 139, 271, 290).

- Шо.** Из предыдущего следует, что логико-экспериментальные науки, исключая случай невольных ошибок, оперируют терминами, соответствующими реальности. Между тем не логико-экспериментальные науки, напротив, содержат термины, которые по преднамеренному желанию того, кто их использует, или в соответствии с нормами, которых он придерживается, не соответствуют реалиям; часто они соответствуют только неопределенным, воображаемым вещам (см. § 44, 45, 82, 140, 175, 198, 241, 272).
- Шп.** В логико-экспериментальных науках определения являются простыми ярлыками, которые не служат ни для чего, кроме обозначения определенных вещей. В не логико-экспериментальных науках определения включают в себя неэкспериментальный элемент, который зачастую относится к чувству (см. § 48, 271, 274, 320, 356).
- Шq.** В не логико-экспериментальных науках определения являются произвольными, исключаящими какие-либо соображения удобства (см. пункт Шр). В них не должно содержаться ничего, что выражено в форме теоремы (см. § 150–157).
- Шр.** Требования к логико-экспериментальным определениям (см. § 156, 157).

IV. Указатель имен

Август

(63 до н. э. — 14 н. э.), римский император, до 27 г. до н. э. Октавиан
§ 969, 979, 1081, 1083, 1116—1119, 1132, 1134, 1136

Августин Аврелий

(354—430), св. Блаженный, христианский теолог и церковный деятель
§ 193, 221, 510, 763

Аврелиан

(214/215—275), римский император с 270
§ 1122, 1136

Александр Македонский

(356—323 до н. э.), царь Македонии с 336
§ 497, 1044

Александр Север

(208—235), римский император с 222
§ 1084, 1087, 1134, 1136, 1138, 1140

Анаксагор

(ок. 500—428 до н. э.), древнегреческий философ
§ 770

Антоний Марк

(ок. 83—30 до н. э.), римский полководец, сторонник Цезаря
§ 1098

Антонин Пий

(86—161), римский император с 138
§ 1081, 1083, 1084

Антонины,

династия римских императоров в 96—192
§ 1010

Аполлоний Пергский

(ок. 260 — ок. 170 до н. э.), древнегреческий математик, астроном, ученик Евклида
§ 631

Аппиан Александрийский

(? — 70-е годы II в.), греческий историк Древнего Рима
§ 1108, 1109

Ариосто Лудовико

(1474—1533), итальянский поэт и драматург
§ 132

Аристотель Стагирит

(384—322 до н. э.), древнегреческий философ
§ 245, 748, 770, 926, 1087

Аристофан

(ок. 445 — ок. 385 до н. э.), древнегреческий поэт-комедиограф
§ 237, 631

Арриан Флавий

(ок. 95—175), древнегреческий историк и писатель
§ 497

Архимед

(ок. 287—212 до н. э.), древнегреческий ученый
§ 631

Асквит, граф Оксфорд и Асквит Герберт Генри

(1852—1928), премьер-министр Великобритании в 1908—1916 гг., лидер Либеральной партии
§ 1095

Аспасия

(ок. 470 до н. э. — ?), афинская гетера, с 445 жена Перикла
§ 792

Аттила

(ок. 406—453), предводитель гуннов (434—453)
§ 562, 1143

Баде Регина,

французская актриса и танцовщица 1910-х годов
§ 515

Байе Альбер

(1880—1961), французский социолог, философ-моралист
§ 303

Бело Эмиль Жозеф

(1829—1886), французский историк
§ 1080

Беранже Рене

(1830—1915), французский политический деятель
§ 513, 515

- Бисмарк Отто фон Шенхаузен** (1815–1898), князь, первый рейхсканцлер Германской империи 1871–1890
§ 695, 1087
- Бланшар Эмиль** (1819–1900), французский зоолог, анатом
§ 66
- Боккаччо Джованни** (1313–1375), итальянский писатель, гуманист
§ 6, 60, 505
- Бокль Генри** (1821–1862), английский историк
§ 648
- Боргези Бартоломео** (1781–1860), итальянский археолог, нумизмат, собиратель римской эпиграфики <предположительно>
§ 1136
- Боссюэ Жак Бенинь** (1627–1704), французский писатель, епископ
§ 6
- Брут Марк Юний** (85–42 до н. э.), римский политический деятель
§ 767
- Брунетьер**
§ 758
- Вегетий Флавий Ренат Публий** (кон. IV — нач. V вв.), римский военный теоретик и историк
§ 1139
- Вергилий Марон Публий** (70–19 до н. э.), римский поэт
§ 245, 555, 557, 615
- Веспасиан** (9–79), римский император с 69
§ 1132
- Вестуччи Америго** (1454–1512), флорентийский мореплаватель
§ 1067
- Вильгельм I Завоеватель** (ок. 1027–1087), английский король с 1066
§ 806
- Вильгельм I** (1797–1888), прусский король с 1861, германский император с 1871
§ 71
- Вольтер Мари Франсуа Аруз** (1694–1778), французский писатель, философ-просветитель
§ 102, 1030
- Галилей Галилео** (1564–1642), итальянский ученый
§ 631, 770, 1016
- Галлиен** (218–268), римский император с 253
§ 1081, 1084, 1134, 1138
- Ганнибал** (247/246–183 до н. э.), карфагенский полководец
§ 377
- Гварини Баттиста** (1538–1612), итальянский поэт
§ 505
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих** (1770–1831), немецкий философ
§ 199, 1026
- Германик** (15 до н. э. — 19 н. э.), римский полководец
§ 497
- Герод, или Геронд** (III в. до н. э.), древнегреческий драматург-мимограф
§ 224, 237
- Геродот** (490/480–430/424 до н. э.), древнегреческий историк
§ 220, 309, 756
- Гесиод** (VIII–VII вв. до н. э.), древнегреческий поэт
§ 65, 71, 108, 135, 148, 283, 619, 754
- Гепфестион**, ближайший друг и соратник Александр Македонского.
§ 497
- Гизо Франсуа** (1787–1874), французский историк
§ 1095

Гиппарх

(? — 514 до н. э.) и *Гиппий* (? — 491 до н. э.), сыновья тирана Писистрата, соправители Афин (с 527)

§ 221

Гомер

(приблизительно VIII в. до н. э.), древнегреческий эпический поэт

§ 117, 555, 593, 619, 620, 623

Гораций Квинт Флакк

(65 до н. э. — VIII до н. э.), римский поэт

§ 515

Григорий VII

(1015/1020—1085), римский папа с 1073

§ 504

Григорий Турский

(ок. 540 — ок. 594), епископ Тура с 573

§ 522

Данте Алигьери

(1265—1321), итальянский поэт

§ 132, 289, 519, 555, 917

Дарвин Чарлз Роберт

(1809—1882), английский естествоиспытатель

§ 335, 668

Де Грееф Гийом

(1842—1924), бельгийский социолог

§ 6

Делум Антуан

(1836—1911), французский экономист и правовед

§ 1095

Дзанарделли Джузеппе

(1826—1903), премьер-министр Италии 1901—1903

§ 495

Диодор Сицилийский

(ок. 90—21 до н. э.), древнегреческий историк

§ 1092

Дион Кассий

(155/164 — после 229), древнегреческий историк

§ 1132, 1134

Дионисий Галикарнасский

(2-я пол. I в. до н. э.), древнегреческий историк

§ 1082

Дориа Андреа

(1466—1560), генуэзский адмирал

§ 1067

Дрейпер Джон Уильям

(1811—1882), американский химик, физиолог, историк

§ 1016

Дюма Александр отец

(1802—1870), французский писатель

§ 1093

Дюри Виктор

(1811—1894), французский писатель

§ 1094, 1095

Евклид

(III в. до н. э.), древнегреческий математик

§ 551, 631

Еврипид

(ок. 480—406 до н. э.), древнегреческий поэт-драматург

§ 631

Иероним Стридонский св.

(ок. 347—420), священник, богослов, один из отцов Церкви

§ 525

Иисус Христос

§ 121, 316, 355, 362, 515, 518

Иуда

§ 362

Каиафа

§ 515

Кант Иммануил

(1724—1804), немецкий философ

§ 766

Кардуччи Джозуэ

(1835—1907), итальянский поэт

§ 792

Карл Великий

(742—814), франкский король с 768, с 800 — император

§ 525

Карл V

(1500–1558), император Священной Римской империи в 1519–1556, до этого испанский король Карлос I
§ 1067

Карл X (1757–1836), французский король в 1824–1830
§ 1059

Катилина Луций Сергий

(ок. 108–62 до н. э.), римский претор в 68
§ 222, 377, 1107–1112, 1114, 1116, 1118

Катон Старший Порций Марк

(234–149 до н. э.), римский писатель, консул в 195
§ 386

Киприан Карфагенский св.

(кон. II / нач. III в. — 258), епископ Карфагена, богослов, один из отцов Церкви
§ 525

Клавдий

(10 до н. э. — 54 н. э.), римский император с 41
§ 1131, 1132, 1135

Кобден Ричард

(1804–1865), английский фабрикант, политический деятель, один из лидеров фритредеров
§ 782, 938

Колумб Христофор

(1451–1506), мореплаватель из Генуи
§ 1067

Коломбе Лудовико дель

(1565–1616), итальянский литератор
§ 631, 1016

Конт Огюст

(1798–1857), французский философ
§ 6, 161, 255, 258

Коперник Николай

(1473–1543), польский астроном
§ 770

Красс Марк Лициний

(ок. 115–53 до н. э.), римский полководец
§ 1111, 1116

Кромвель Оливер

(1599–1658), деятель английской революции, руководитель индепендентов
§ 803

Ксенофонт

(ок. 430–355/354 до н. э.), древнегреческий писатель и историк
§ 519

Кун

§ 1136

Лангранж Мари-Жозеф

(1855–1938), французский священник-доминиканец, богослов, библиист
§ 153–155, 159, 165, 303

Лактанций Луций Целий Фармиан

(ок. 250 — ок. 325), богослов, один из отцов Церкви
§ 194, 620

Леонарди Джакомо

(1798–1837), итальянский поэт-романтик
§ 767

Летурно Шарль Жан Мари

(1831–1902), французский социолог, этнолог
§ 6

Ливий Тит

(59 до н. э. — 17 н. э.), римский историк
§ 1090

Ллойд Джордж Девид

(1863–1945), премьер-министр Великобритании в 1916–1922, один из лидеров Либеральной партии
§ 1087

Луи Филипп

(1773–1850), французский король в 1830–1848
§ 1059

Лукиан

(120/125 — после 180), древнегреческий сатирик
§ 87, 102, 1030

Лукреций Кар Тит

(99/95–55 до н. э.), древнеримский поэт и философ
§ 182

Людвиг XIV

(1638–1715), французский король с 1643
§ 792

Людовик XV

(1710—1774), французский король с 1715
§ 792

Людовик XVI

(1754—1793), французский король с 1774
§ 812

М*Маймонид Моисей, или Моше бен Маймон*

(1135—1204), еврейский философ
§ 763

Макиавелли Никколо

(1469—1527), итальянский политический мыслитель, историк
§ 742, 748, 1067, 1069—1071, 1087

Максимин,

сенатор периода правления Феодосия II
§ 1143

Марий Гай

(ок. 157—86 до н. э.), римский полководец, консул
§ 1088, 1098, 1111

Маркс Карл

(1818—1883), немецкий экономист, социолог, публицист
§ 533, 786, 787

Марциал Марк Валерий

(ок. 40 — ок. 104 н. э.), римский поэт
§ 1128

Матильда

(1046—1115), маркграфиня Тосканы, сторонница Григория VII
§ 504

Медици Лоренцо, Великолепный

(1449—1492), правитель Флоренции с 1469, поэт
§ 1067

Менандр

(342/341—293/290 до н. э.), древнегреческий комедиограф, ему приписывают также сборник изречений
§ 537

Менандр Аррий

(2-я пол. II в. н. э.), древнеримский юрист, один из авторов Дигест
§ 1138

Ментенон д'Обинье Франсуаза

(1635—1719), маркиза, третья фаворитка и с 1685 мorganатическая супруга Людовика XIV
§ 792

Меценат Г. Цильний

(74/64—8 до н. э.), приближенный римского императора Августа, покровитель поэтов
§ 1134

Минуций Феликс

(ок. 200—?), древнеримский юрист, писатель
§ 620

Моисей

§ 541

Моммзен Теодор

(1817—1903), немецкий историк Античности
§ 70
(прим.)

Монтескьё Шарль Луи

(1689—1755), французский просветитель, правовед, философ
§ 1141

Мухаммед, или Магомет

§ 245

Мэн, или Мейн Генри Джеймс Самнер

(1822—1888) сэр, английский юрист и историк права
§ 341
(прим.)

Мюллер Макс

(1823—1900), немецкий востоковед, филолог, историк религии и философии
§ 135, 313

Н*Наполеон I Бонапарт*

(1769—1821), французский император в 1804—1814 и марте—июне 1815
§ 57, 316, 792, 1059, 1088

Наполеон III, Луи Наполеон Бонапарт

(1808—1873), французский император в 1852—1870
§ 71, 1087, 1117, 1119

Нерон

(37—68), римский император с 54
§ 1131

Ньютон Исаак

(1643—1727), английский математик, механик, астроном, физик
§ 235, 1016

Овидий Публий Назон

(43 до н. э. — ок. 18 н. э.), римский поэт
§ 178

Октавиан, имя римского императора Августа до 27 до н. э.

§ 1098, 1111

Олар Альфонс Франсуа Виктор

(1849—1928), французский историк
§ 303

Павел, апостол

§ 520, 521

Павсаний

(II в. н. э.), древнегреческий писатель
§ 497

Палефат

(приблизительно IV в. до н. э.), древнегреческий толкователь мифов
§ 131, 283

Перикл

(ок. 490—429 до н. э.), древнегреческий полководец, политический деятель
§ 792, 854, 1059

Петроний Гай Арбитр

(? — 66 н. э.), римский писатель, приближенный императора Нерона
§ 1126

Пифагор Самосский

(VI в. до н. э.), древнегреческий философ, математик
§ 500, 1016

Платон

(428/427—348/347 до н. э.), древнегреческий философ
§ 100, 290, 620, 800, 926, 1016, 1087

Плиний Старший

(ок. 23/24—79), римский писатель, ученый
§ 369

Плиний Младший

(ок. 61—114), римский писатель, консул
§ 1135

Плутарх

(ок. 45 — ок. 127), древнегреческий писатель, историк
§ 500, 756, 1116

Полибий

(ок. 200 — ок. 120 до н. э.), древнегреческий историк
§ 1069, 1082

Поло Марко

(ок. 1254—1324), итальянский путешественник
§ 1067

Помпадур Жанна Антуанетта Пуассон, маркиза де

(1921—1764), фаворитка Людовика XV
§ 792

Помпей Великий Гней

(106—48 до н. э.), римский полководец, сторонник Суллы
§ 513, 1111

Порфирий

(232/233—301/304), древнегреческий философ, ученик Плотина
§ 500

Приск Панийский

(V в.), дипломат, историк периода правления Феодосия II
§ 1143

Птолемей Клавдий

(ок. 90 — ок. 160 н. э.), древнегреческий астроном, создатель геоцентрической системы мира
§ 631

Публий Сир

(I в. до н. э.), римский мимический поэт, уроженец Сирии
§ 537

Рейнах Саломон

(1858—1932), французский археолог, историк религии
§ 108, 129, 152—156, 158, 160, 165, 298, 575

Рикардо Давид

(1772—1823), английский экономист
§ 787

Робертс Ивен

(1878—1951), проповедник методистской церкви Уэльса
§ 423 (прим.), 504

Рокко Антонио

(1586—1653), итальянский монах-философ
§ 631

- Руссо Жан Жак*
(1712–1778), французский писатель и философ
§ 296, 615
- Саллюстий Гай Крисп*
(86 — ок. 35 до н. э.), римский историк
§ 1107, 1109, 1114
- Сальвиан*
(ок. 400 — ок. 480), христианский проповедник и писатель, священник в Марселе
§ 522
- Светоний Гай Транквилл*
(ок. 70 — ок. 140), римский историк и писатель
§ 497, 1131
- Сей Жан Батист*
(1767–1832), французский экономист
§ 782, 1087
- Семпроний Грахх*
(? — ок. 154 до н. э.), римский военный и политический деятель
§ 1094
- Сенека Луций Анней*
(ок. 4 до н. э. — 65 н. э.), римский политический деятель, философ и писатель
§ 1131
- Септимий Север*
(146–211), римский император с 193
§ 1137
- Синесий Киренский*
(370/375 — ок. 413), греческий оратор, философ и поэт
§ 1144
- Смит Адам*
(1723–1790), шотландский экономист и философ
§ 782, 1087
- Сократ*
(ок. 470–399 до н. э.), древнегреческий философ
§ 29, 100, 770
- Сорель Жорж*
(1847–1922), французский философ
§ 705 (прим.), 906
- Спенсер Герберт*
(1820–1903), английский философ, идеолог либерализма
§ 6, 255, 258, 266, 288, 338, 339, 363, 568
- Страбон*
(64/63 до н. э. — 23/24 н. э.), древнегреческий географ и историк
§ 1069
- Строци Леоне*
(1515–1554) и *Пьеро*
(? — 1558), сыновья известного итальянского банкира
§ 1067
- Сулла*
(138–78 до н. э.), римский полководец, консул, в 82 стал диктатором
§ 70, 1088, 1098, 1111, 1112
- Сципионы*, в Древнем Риме одна из ветвей рода Корнелиев
§ 1059
- Тайлор Эдуард Бернетт*
(1832–1917), английский этнолог
§ 297
- Татиан, или Тациан*
(ок. 120 — ок. 175), раннехристианский апологет
§ 620
- Тацит Марк Клавдий*
(ок. 200–276), римский сенатор, император с сентября 275 по июнь 276
§ 1122, 1123
- Тацит Корнелий*
(ок. 58 — ок. 117), римский историк
§ 1125, 1131, 1132
- Тиберий Клавдий Нерон*
(42 до н. э. — 37 н. э.), римский император с 14
§ 979, 1083, 1120, 1125
- Томсон Джеймс*
(1822–1892), ирландский физик
§ 208
- Траян*
(53–117), римский император с 98
§ 1135
- Тьер Адольф*
(1797–1877), глава исполнительной власти с февраля 1871, с сентября 1871 по 1873 — президент Франции, историк
§ 1119

Фабр Жан Анри

(1823—1915), французский энтомолог
§ 66—68

Феодосий II

(401—450), император Восточной Римской империи
§ 525, 1143

Феокрыт

(кон. IV в. — 1-я пол. III в. до н. э.), древнегреческий поэт
§ 87

Ферри Энрико

(1856—1929), итальянский криминалист, последователь Ч. Ломброзо
§ 495

Филипп II

(ок. 382—336 до н. э.), царь Македонии с 359, отец Александра Македонского
§ 1044

Флор Луций Аней

(II в. н. э.), древнеримский историк
§ 1082

Фома Аквинский

(1225/1226—1274), философ, теолог
§ 186

Франциск I (1494—1537), французский король с 1515

§ 1067

Фрэзер, или Фрейзер Джеймс Джордж

(1854—1941), шотландский этнолог, религиовед
§ 298

Фукидид сын Олора

(ок. 460—400 до н. э.), древнегреческий историк
§ 221

Цезарь Гай Юлий

(102/100—44 до н. э.), римский диктатор
§ 513, 969, 1098, 1108, 1111, 1112, 1114, 1116, 1117, 1119

Цицерон Марк Туллий

(106—43 до н. э.), римский политический деятель, оратор, писатель
§ 85, 162
(прим.), 222, 604, 755 (прим.), 1082, 1109, 1114, 1117

Шмоллер Густав

(1838—1917), немецкий экономист
§ 932

Эмилиий Павел Люций

(? — 216 до н. э.), римский консул, полководец
§ 756, 1094

Эпаминонд

(ок. 418—362 до н. э.), фиванский полководец
§ 1044

Эпикур

(341—270 до н. э.), древнегреческий философ
§ 182

Ювенал Децим Юний

(ок. 60 — ок. 127), римский поэт-сатирик
§ 1129, 1130

Януарий св.

(? — ок. 305), свщмч, епископ Беневентский, казнен при Диоклетиане
§ 497

Христос, см. Иисус Христос

V. Таблица соответствий параграфов в «Компендиуме» и «Трактате»*

Компендиум	Трактат	Компендиум	Трактат
1	1	33	100
2	2	34	101
3	3	35	102, 103
4	4	36	105
5	5	37	106
6	6, 69-2°	38	106
7	7	39	69-7°
8	8	40	78, 79, 69-6°
9	10	41	47
10	7	42	50
11	12	43	69-1° и 3°
12	13	44	69-80, 108, 115
13	14	45	109
14	16	46	114
15	19, 22	47	116
16	24	48	119
17	30, 31	49	120
18	32, 33	50	121, 122
19	34	51	126
20	35	52	129
21	37	53	131, 132
22	40	54	133
23	41	55	135
24	53	56	136
25	54, 63	57	137-140
26	59	58	80-82
27	60	59	144
28	97	60	74, 75, 86
29	97	61	149
30	97	62	150
31	98	63	151
32	99	64	152

* В таблице цифрами с верхним индексом ° обозначены номера пунктов внутри параграфов.

Продолжение табл.

Компендиум	Трактат	Компендиум	Трактат
65	153, 154	102	310
66	155	103	312
67	156	104	318
68	157	105	319
69	158	106	320
70	159	107	321
71	160	108	322
72	161	109	324
73	162	110	325
74	163	111	326
75	164	112	327, 328
76	165	113	329
77	166	114	330
78	167	115	331
79	168	116	332
80	169	117	333
81	170	118	334
82	171	119	335
83	172	120	336
84	173	121	337
85	174	122	338
86	182, 183	123	339
87	184	124	340
88	187	125	341
89	217	126	342
90	218	127	343
91	252	128	344
92	261	129	345
93	262	130	346
94	264	131	347
95	265	132	348
96	266	133	349
97	267	134	350
98	268	135	351
99	306	136	352
100	307	137	353
101	309	138	354

Продолжение табл.

Компендиум	Трактат	Компендиум	Трактат
139	368	176	409
140	371	177	464
141	372	178	465
142	373	179	466
143	374	180	467
144	375	181	470
145	376	182	471
146	377	183	472
147	378	184	473
148	379	185	476
149	380	186	477
150	381	187	479
151	382	188	480
152	383	189	481
153	384	190	482
154	385	191	483
155	386	192	484
156	387	193	485
157	388	194	486
158	389	195	512
159	390	196	513
160	391	197	514
161	392	198	515
162	393	199	516
163	394, 395	200	517
164	396	201	518
165	397	202	519
166	398	203	520
167	399	204	523
168	401	205	524
169	402	206	525
170	403	207	526
171	404	208	527
172	405	209	528
173	406	210	529
174	407	211	530
175	408	212	531

Продолжение табл.

Компендиум	Трактат	Компендиум	Трактат
213	532	250	591
214	533	251	592
215	534	252	593
216	535	253	594
217	536	254	604
218	537	255	613
219	538	256	614
220	540	257	615
221	541	258	616
222	542	259	617
223	543	260	618
224	545	261	619
225	546	262	620
226	547	263	621
227	548	264	622
228	549	265	631
229	550	266	632
230	551	267	633
231	552	268	634
232	553	269	635
233	554	270	636
234	555	271	638
235	556	272	640
236	560	273	641
237	572	274 ¹⁹⁷	642
238	574	275	643
239	575	276	644
240	576	277	645
241	579	278	646
242	580	279	649
243	581	280	650
244	582	281	657
245	583	282	658
246	584	283	661
247	586	284	662
248	588	285	665
249	589	286	672

Продолжение табл.

Компендиум	Трактат	Компендиум	Трактат
287	674	324	802
288	681	325	803
289	685	326	804
290	686, 691	327	815
291	692	328	817
292	693	329	818
293	694	330	819
294	696	331	820, 821
295	697–698	332	824
296	701	333	826
297	703	334	827
298	714	335	828
299	716	336	829
300	718	337	830
301	720	338	831
302	721	339	832
303	723	340	833
304	724	341	834
305	728	342	848
306	731	343	849
307	733	344	850
308	740	345	851
309	745	346	852
310	764	347	854
311	765	348	855
312	779	349	860
313	780	350	861
314	783	351	862
315	786	352	863
316	789–791	353	864
317	792	354	865
318	795	355	866
319	796	356	868
320	798	357	869
321	799	358	870
322	800	359	874
323	801	360	875

Продолжение табл.

Компендиум	Трактат	Компендиум	Трактат
361	876	398	1015
362	877, 880	399	1016
363	885	400	1017
364	886	(401)	1021
365	888	402	1022
366	889	403	1023—1031, 1037
367	890	404	1038
368	891	405	1041—1042
369	892—908	406	1043—1051
370	909	407	1052
371	910	408	1054
372	911	409	1055
373	912	410	1056—1058
374	913—921	411	1065
375	922	412	1066
376	923—928	413	1067
377	929—931	414	1068
378	932—936	415	1069
379	937—943	416	1070—1081
380	944, 945	417	1086
381	946	418	1088
382	947—957	419	1089
383	958—960	420	1091
384	966—970	421	1092
385	972—975	422	1093
386	976—984	423	1094—1111
387	985, 986	424	1112
388	987, 988	425	1113
389	989	426	1114
390	991	427	1115, 1116
391	992	428	1117
392	993	429	1119—1125
393	994	430	1118
394	995—996, 999, 1000	431	1126
395	1001	432	1128
396	1007	433	1129
397	1013, 1014	434	ИЗО

Продолжение табл.

Компендиум	Трактат	Компендиум	Трактат ^х
435	1132	472	1243
436	1133	473	1244
437	1133, 1137	474	1245
438	1138–1140	475	1230
439	1142, 1143	476	1231, 1261–1263
440	1144	477	1246
441	1145	478	1232
442	1147	479	1233
443	1148	480	1234
444	1149	481	1235
445	1151	482	1237
446	1152	483	1238
447	1153	484	1239
448	1154	485	1295
449	1155	486	1240
450	1156	487	1241
451	1157	488	1296
452	1160	489	1298
453	1161	490	1297, 1305–1311
454	1162	491	1312
455	1163	492	1313
456	1164	493	1317
457	1165	494	1318
458	1171	495	1319
459	1172	496	1320
460	1174	497	1323
461	1207	498	1324
462	1208	499	1325
463	1210	500	1326
464	1212	501	1327
465	1214	502	1328, 1329
466	1216	503	1331
467	1220	504	1332
468	1221	505	1333
469	1222	506	1334
470	1227	507	1335
471	1229	508	1339

Продолжение табл.

Компендиум	Трактат	Компендиум	Трактат
509	1340	546	1431
510	1341	547	1432
511	1342	548	1433
512	1343	549	1434
513	1344	550	1435, 1437
514	1346	551	1443—1445
515	1352	552	1447
516	1357	553	1448
517	1358	554	1449
518	1363	555	1450, 1451
519	1365	556	1453
520	1376	557	1457
521	1377	558	1458
522	1378—1380	559	1459
523	1381	560	1460
524	1382	561	1461
525	1390—1396	562	1462
526	1397	563	1464
527	1399, 1400	564	1465
528	1401	565	1466
529	1402	566	1467
530	1403	567	1468
531	1413	568	1469
532	1414	569	1476
533	1416	570	1477
534	1417	571	1478
535	1418	572	1479
536	1419	573	1480
537	1420	574	1481
538	1421	575	1482
539	1424	576	1483
540	1425	577	1485
541	1426	578	1495
542	1427	579	1496
543	1428	580	1497
544	1429	581	1498
545	1430	582	1500

Продолжение табл.

Компендиум	Трактат	Компендиум	Трактат
583	1501	620	1613
584	1510	621	1614
585	1511	622	1615—1616
586	1513	623	1619
587	1530	624	1620, 1621, 1636
588	1531	625	1622
589	1532	626	1641
590	1533	627	1642
591	1534	628	1653, 1654
592	1535	629	1655
593	1538	630	1661
594	1539	631	1686
595	1540	632	1687
596	1542	633	1688
597	1543	634	1690
598	1544	635	1691
599	1545	636	1693
600	1546	637	1694
601	1547	638	1695—1699
602	1548	639	1700—1711
603	1549	640	1712
604	1550	641	1713—1716
605	1551	642	1717
606	1552	643	1718
607	1554	644	1720
608	1556	645	1721
609	1561, 1563, 1564	646	1722
610	1565	647	1723, 1724
611	1567	648	1725—1730
612	1584	649	1733
613	1585	650	1734
614	1601	651	1735
615	1602	652	1736
616	1607	653	1737
617	1610	654	1738, 1739
618	1611	655	1740—1745
619	1612	656	1746

Продолжение табл.

Компендиум	Трактат	Компендиум	Трактат
657	1747	694	1842
658	1748	695	1843, 1844
659	1749, 1750	696	1845
660	1751	697	1846
661	1752	698	1847–1849
662	1755	699	1850–1851
663	1761–1763	700	1860
664	1765	701	1861
665	1766	702	1862
666	1767	703	1863
667	1768	704	1864
668	1770	705	1868
669	1771	706	1869
670	1772	707	1870
671	1773–1776	708	1871
672	1777	709	1873
673	1778	710	1874
674	1780	711	1875
675	1783	712	1876
676	1786–1796	713	1877, 1878
677	1797–1824	714	1879, 1880
678	1825	715	1881
679	1826	716	1882
680	1827	717	1883
681	1829	718	1884
682	1830, 1831	719	1885
683	1832	720	1886
684	1833	721	1887
685	1833	722	1888–1891
686	1834	723	1892
687	1835	724	1893
688	1836	725	1894
689	1837	726	1895
690	1838	727	1896
691	1839	728	1897
692	1840	729	1898
693	1841	730	1899

Продолжение табл.

Компендиум	Трактат	Компендиум	Трактат
731	1900, 1901	768	2000
732	1902	769	2001
733	1903	770	2002
734	1904	771	2003
735	1913–1916	772	2004
736	1918	773	2005, 2006
737	1919	774	2007
738	1924	775	2008
739	1930	776	2009
740	1931	777	2010
741	1932	778	2011
742	1933	779	2013
743	1934, 1935	780	2014
744	1936	781	2015
745	1937	782	2016
746	1938	783	2017
747	1939	784	2018
748	1975	785	2019
749	1977	786	2020
750	1978	787	2021
751	1979	788	2022
752	1982	789	2023
753	1983	790	2024
754	1984	791	2025
755	1985	792	2026–2031
756	1986	793	2032–2034
757	1987	794	2035, 2036
758	1988	795	2037
759	1989	796	2038–2042
760	1990	797	2043
761	1992	798	2044
762	1994	799	2046
763	1995	800	2047
764	1996	801	2048
765	1997	802	2049
766	1998	803	2050
767	1999	804	2051

Продолжение табл.

Компендиум	Трактат	Компендиум	Трактат
805	2052	842	2090
806	2053	843	2091, 1732
807	2054	844	2092
808	2055	845	2093
809	2056	846	2094
810	2057	847	2095
811	2058	848	2096
812	2059	849	2097
813	2060	850	2098
814	2061	851	2099
815	2062	852	2100
816	2063	853	2101
817	2064	854	2102
818	2065	855	2103
819	2066	856	2104
820	2067	857	2105
821	2068	858	2106
822	2069	859	2110
823	2070	860	2111
824	2071	861	2112
825	2072	862	2114, 2115
826	2073	863	2116
827	2074	864	2117
828	2075	865	2120
829	2076	866	2121
830	2077	867	2122
831	2079	868	2123
832	2080	869	2124
833	2081	870	2126
834	2082	871	2128
835	2083	872	2129
836	2084	* 873	2130
837	2085	874	2131
838	2086	875	2132
839	2087	876	2133
840	2088	877	2134
841	2089	878	2135

Продолжение табл.

Компендиум	Трактат	Компендиум	Трактат
879	2136	916	2189
880	2137	917	2190
881	2138	918	2191
882	2139	919	2191
883	2140	920	2194
884	2141	921	2195
885	2142	922	2202
886	2143	923	2203
887	2146	924	2204
888	2147	925	2205
889	2148	926	2206
890	2149	927	2207
891	2150	928	2208
892	2152	929	2208
893	2153	930	2209
894	2154	931	2210
895	2155	932	2211
896	2170	933	2212
897	2171	934	2213
898	2172	935	2215
899	2173	936	2216
900	2174	937	2217
901	2175	938	2218
902	2176	939	2219
903	2177	940	2220
904	2178	941	2221
905	2179	942	2222
906	2180	943	2223
907	2181	944	2224
908	2182	945	2225
909	2183	946	2226
910	2184	947	2227
911	2185	948	2228
912	2186	949	2229
913	2187	950	2230
914	2187	951	2231, 2232
915	2188	952	2233, 2234

Продолжение табл.

Компендиум	Трактат	Компендиум	Трактат
953	2235	990	2299
954	2236	991	2300
955	2237	992	2301
956	2238	993	2302, 2303
957	2239	994	2304
958	2240	995	2305
959	2243	996	2306
960	2244	997	2307
961	2245	998	2308
962	2246	999	2309
963	2247	1000	2310
964	2249	1001	2311
965	2250	1002	2312
966	2251	1003	2313
967	2252	1004	2314–2316
968	2253	1005	2317
969	2254	1006	2318, 2319
970	2257	1007	2320
971	2258	1008	2321
972	2259	1009	2323
973	2260	1010	2324
974	2261	1011	2325
975	2262	1012	2326
976	2267	1013	2327
977	2268	1014	2328
978	2269–2271	1015	2329
979	2269	1016	2330
980	2275	1017	2331
981	2276	1018	2332
982	2277	1019	2333
983	2278	1020	2334
984	2279	1021	2335
985	2280	1022	2336
986	2281	1023	2337
987	2282	1024	2338
988	2283–2286	1025	2339
989	2297	1026	2340

Продолжение табл.

Компендиум	Трактат	Компендиум	Трактат
1027	2341	1064	2526
1028	2342	1065	2527
1029	2343	1066	2528
1030	2344	1067	2529, 2530
1031	2391	1068	2531
1032	2392	1069	2532
1033	2393	1070	2536
1034	2394	1071	2537
1035	2395	1072	2538
1036	2413	1073	2539
1037	2414	1074	2540
1038	2415	1075	2541
1039	2416	1076	2542
1040	2417	1077	2543
1041	2418	1078	2544
1042	2419	1079	2545
1043	2420	1080	2546
1044	2443	1081	2547
1045	2444	1082	2548
1046	2445	1083	2549
1047	2449	1084	2550
1048	2454	1085	2551
1049	2466, 2467	1086	2552
1050	2477	1087	2553
1051	2478	1088	2554
1052	2479	1089	2555
1053	2480	1090	2556
1054	2481	1091	2557
1055	2482	1092	2558
1056	2483	1093	2559
1057	2484	1094	2560
1058	2485	1095	2561
1059	2486	1096	2562
1060	2487	1097	2563
1061	2488	1098	2564
1062	2507	1099	2565
1063	2521	1100	2566

Окончание табл.

Компендиум	Трактат	Компендиум	Трактат
1101	2567	1124	2589
1102	2568	1125	2590
1103	2569	1126	2591
1104	2570	1127	2592
1105	2571	1128	2593
1106	2572	1129	2594
1107	2573	1130	2595, 2596
1108	2574	1131	2597
1109	2575	1132	2598
1110	2576	1133	2599
1111	2576	1134	2600, 2601
1112	2577	1135	2602
1113	2578	1136	2603
1114	2579	1137	2604
1115	2580	1138	2605
1116	2581	1139	2606
1117	2582	1140	2607
1118	2583	1141	2608
1119	2584	1142	2609
1120	2585	1143	2610
1121	2586	1144	2611
1122	2587	1145	2612
1123	2588		

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

I. Основные вехи жизни и деятельности Парето

Вильфредо Фредерико Дамаско Парето, маркиз (принадлежал к дворянскому роду, вписанному в «Золотую книгу» города Генуи), социолог, экономист, математик, инженер.

Отец — Рафаэле Парето (1812—1882), инженер по гидравлике, преподаватель, советник Министерства сельского хозяйства итальянского королевства.

Мать — Мари Парето (до замужества Метенье) (1816—1889). Французенка простого происхождения.

- 15.07.1848 Родился в Париже (улица Rue Guy-de-la Brosse, дом 10; в 1960 г. на доме установлена мемориальная доска). Его отец эмигрировал из Генуи в начале 1930-х годов из опасения политических репрессий в связи с участием в республиканском заговоре против королевской власти старшего брата, литератора Дамазо Парето, взгляды которого он разделял.
- 1852—1858 Семья вернулась в Геную после амнистии.
- 1859—1862 Переезд в Турин, где отец преподавал на кафедре бухгалтерского учета и полеводства агрономического отделения Технического института Леарди, директором которого в то время был видный математик Фердинандо Росселлини. Вильфредо посещал занятия на физико-математическом отделении этого института.
- 1864 Парето завершил среднее образование в Королевском техническом институте Турина.
- 1864—1867 Поступление на факультет математических, физических и естественных наук Туринского университета. По окончании университета продолжил образование в созданной при Туринском университете Школе прикладных знаний для инженеров (Scuola di Applicazione per Ingegneri, ныне Politecnico — Высшая политехническая школа).
- 1867—1870 Окончание Politecnico. Прохождение действительной военной службы. В январе 1870 г. защитил на кафедре механики диссертацию: «Основные принципы теории упругости твердых тел и исследование условий, определяющих равновесие в них, посредством интегрирования дифференциальных уравнений».

- 1870—1873 Переезд во Флоренцию. Работа в должности инженера и технического консультанта акционерного общества «Железные дороги Эмилии-Романьи».
- 1873 Участие в работе конференции в Генуе, посвященной обсуждению перспектив введения в Италии пропорциональной избирательной системы. Выезд на восемь месяцев в Австрию, Германию и Францию с деловыми и учебными целями.
- 1874 Парето принят в аристократический салон Перуцци, который посещали многие представители интеллектуальной и политической элиты Флоренции — государственные деятели, ученые, литераторы. Участие в создании Общества Адама Смита, объединяющего действия либеральных экономистов и политиков в целях широкой пропаганды идей экономической свободы. Сотрудничество с Флорентийской аграрной академией, на заседаниях которой Парето выступал с докладами по проблемам развития аграрного сектора экономики Италии. Увольнение из акционерного общества «Железные дороги Эмилии-Романьи». Начало деятельности на металлургическом предприятии, расположенном в местечке Сан Джованни Валь Д'Арно (провинция Тоскана) в должности помощника технического директора.
- 1875—1876 В мае 1875 г. Парето назначен техническим директором предприятия. В поисках средств для технического обновления завода принял поездки в Швейцарию, Бельгию и Францию на передовые промышленные комплексы аналогичного профиля (заводы Крезо и Шнейдера). Попытки наладить сотрудничество с зарубежными промышленниками успехом не увенчались.
- 1877 Парето избран членом муниципального совета коммуны Сан Джованни Валь Д'Арно.
- 1880 Безуспешно баллотировался в депутаты на парламентских выборах от избирательного округа Монтевархи (Тоскана). Поездки в Париж, Лондон, Манчестер для установления деловых контактов с промышленниками, которые также не дали результатов.
- 1882 Неудачно баллотировался в депутаты на внеочередных парламентских выборах по избирательному округу Пистойя-Прато (Тоскана).
- 1884—1888 Публикация серии статей против протекционизма и экономической политики правящих кругов Италии.

- 1889 Жени́тба на Александре Модестовне Бакуниной (1860–1940).
- 1890–1891 Проживание в Фьезоле (Тоскана). Знакомство с Маффео Панталеони, профессором Болонского университета, новым содиректором журнала «*Giornale degli economisti*», которое перешло вскоре в сотрудничество и тесную дружбу. Публикация в журнале статей по проблемам чистой экономической теории, математической экономики. С 1891 по 1897 г. регулярно публиковал в нем аналитические обзоры важнейших политических и экономических событий в Италии и странах Западной Европы. По совету Панталеони Парето занялся изучением «новой» политэкономии. 31 июля 1890 г. — отставка Парето с поста директора завода. Отказ итальянского правительства в разрешении читать бесплатный курс лекций по политэкономии в Болонском университете.
- 1892–1893 По рекомендации Панталеони Парето приглашен швейцарским экономистом Леоном Вальрасом для чтения пробного курса лекций в Лозаннский университет (1892). С 25 апреля 1893 г. Вильфредо Парето — экстраординарный профессор политической экономии на юридическом факультете. Переезд на постоянное жительство в Швейцарию. С этого момента Парето занят исключительно научной деятельностью. 12 мая 1893 г. Парето возглавил кафедру политэкономии вместо Вальраса.
- 1896–1897 В Лозанне вышел в свет двухтомный «Курс политической экономии». С 1896 по 1898 г. Парето — декан юридического факультета Лозаннского университета.
- 1898 Парето получил в наследство большое состояние.
- 1899–1900 Чтение нового курса лекций по социалистическим системам. Полемика с Бенедетто Кроче на тему природы экономических фактов на страницах журнала «*Giornale degli economisti*». В декабре 1900 г. Парето приобрел виллу в местечке Селиньи, где проживал все последующие годы.
- 1901 Выход в свет книги «Социалистические системы». Начало работы над «Трактатом по общей социологии».
- 1902 Чтение лекций по математической политической экономии в *École des hautes études sociales* в Париже по приглашению Жоржа Сореля. Уход жены. Знакомство с парижанкой Жанной Режи (1879–1948) по газетному объявлению, ставшей его гражданской женой.

- 1903—1905 Работа над «Учебником политической экономии», который издан в 1905 г. в Милане.
- 1906 Чтение первых лекций по социологии в Лозаннском университете. Выезд в марте 1906 г. в Италию по приглашению профессора Туллио Мартелло, Фонда Каватца и Юридического факультета Болонского университета для чтения лекций. Чтобы полностью посвятить себя работе в области социологии, Парето в декабре 1906 г. подал заявление об отставке на имя ректора Лозаннского университета.
- 1907 Заявление Парето об отставке отклонено руководством Лозаннского университета, кантональный департамент образования персонально утвердил Парето в должности ординарного профессора политических и социальных наук. За Парето оставлен только курс лекций по социологии. В июне 1907 — первый инсульт.
- 1908 Парето передал свою научную библиотеку (около четырех тысяч томов) в дар Лозаннскому университету.
- 1909 Во Франции вышел в свет на французском языке «Учебник политической экономии».
- 1910 В Париже в издательстве Rivière опубликовано литературное эссе Парето «Добродетельный миф и аморальная литература».
- 1913—1915 Работа над «Трактатом по общей социологии». Редактирование завершено в апреле 1915 г.
- 1916 Окончание преподавательской деятельности. Во Флоренции издан «Трактат по общей социологии».
- 1917—1919 Лозаннский университет при организационном участии Роберта Михельса и Маффео Панталеони проводит 6 июля 1917 г. торжественное чествование Вильфредо Парето в связи с 25-летием его преподавательской деятельности. На них Парето выступил с речью, которая содержала своего рода отчет о научных поисках. Юбиляр отказался принять от итальянского правительства Орден большого креста Итальянской Короны, который оно намеревалось ему в этот день вручить. Были получены приветствия от десятков университетов различных стран. С декабря 1919 г. работа над корректурой «Компендиума по общей социологии» — сокращенной версии «Трактата по общей социологии», подготовленной с его участием для издательства Barbèra флорентийским историком Джулио Фарина.

- 1920–1921 Во Флоренции опубликован сборник публицистических статей Парето «Факты и теории» (1920), посвященных анализу послевоенной социально-политической ситуации в Европе. В том же году вышел в свет «Компендиум по общей социологии». В 1921 г. в Милане издан другой сборник статей Парето — «Трансформация демократии».
- 1922 Официальный развод с первой женой Александрой Бакуниной.
- 1923 Бенито Муссолини назначил Парето сенатором Итальянского королевства и представителем от Италии в Лиге Наций. Парето согласился стать сенатором, но отклонил второе назначение. 19 июня 1923 г. Парето оформил брак с Жанной Режи. 19 августа — умер от сердечной недостаточности в Селиньи.

Основные работы Вильфредо Парето

Cours d'Économie politique, professé à l'Université de Lausanne. 2 Vols. Lausanne: Rouge, 1896–1897.

Compendio di sociologia generale / Per cura di G. Farina. Firenze: Barbèra, 1920.

Fatti e teorie. Firenze: Vallecchi, 1920.

Trasformazioni della democrazia. Milano: Corbaccio, 1921.

Les systèmes socialistes. 2-e éd. Vol. 1–2. Paris: Girard & Brière, 1926.

Trattato di sociologia generale / Introduzione di N. Bobbio. Milano: Comunità, 1964.

Manuale di Economia politica / Introduzione del prof. Luigi Amoroso. Roma: Bizzari, 1965.

Cronache italiane / A cura di C. Mongardini. Brescia: Morcellana, 1965.

Scritti sociologici / A cura di G. Busino. Torino: UTET, 1966.

Собрание сочинений Парето*

Pareto V. Œuvres complètes. Publication sous la direction de G. Busino. T. 1–32. Genève: Librairie Droz 1965–2005:

T. 1. Cours d'Économie politique / Nouvelle édition par G.-H. Bousquet et G. Busino. 1964.

T. 2. Le marché financier italien (1891–1899) / Textes réunis pour la première fois par G. Busino. 1965.

T. 3. Écrits sur la courbe de la répartition de la richesse / Réunis et présentés par G. Busino. 1965.

T. 4. Libre-échangeisme, protectionisme et socialisme / Publié par G. Busino. 1965.

T. 5. Les systèmes socialistes / Publiés par G. Busino. 1965.

T. 6. Mythes et idéologies / Textes réunis avec une introduction par G. Busino. 1966.

T. 7. Manuel d'économie politique / Préface par R. Dehem. 1966.

T. 8. Statistique et économie mathématique / Préface de R. Roy. 1966.

T. 9. Marxisme et économie politique / Introduction de G. Busino. 1967.

T. 10. Lettres d'Italie. Chroniques sociales et économiques. 1967.

* Издание полного собрания сочинений Вильфредо Парето осуществлялось под руководством Джованни Бусино, почетного профессора Лозаннского университета, историка социологии, авторитетного биографа и исследователя его жизни и творчества. К концу 2005 г. издано 32 тома. Основной язык публикаций – французский, однако письма Парето, архивные материалы и часть публицистических статей даются на итальянском языке, если это язык оригинала. Приведено описание первых 15 томов, в которые вошли наиболее значимые произведения ученого.

Т. 11. Programme et sommaire du Cours de sociologie, suivi de Mon Journal / Préface de G. Busino. 1967.

Т. 12. Traité de sociologie générale / Édition française par Pierre Boven, revue par l'auteur. Préface de Raymond Aron, 1968.

Т. 13. La transformation de la démocratie / Édition française par Corinne Beutler-Real. Préface de G. Busino, 1970.

Т. 14. La liberté économique et les événements d'Italie / Préface de G. Busino, 1970.

Т. 15. Le mythe vertuiste et la littérature immorale / Nouvelle version française par Corinne Beutler-Real. Note historique de G. Busino. Avant-propos d'A. Silbermann, 1971.

Русские издания Парето

1. Италия в экономическом отношении // Социология. 2006. № 1. С. 200–225.
2. О применении социологических теорий // Социологические исследования. 1995. № 10, 12; 1996. № 1, 2, 7, 10.
3. Социалистическая опасность // Социологические исследования. 2001. № 5. С. 96–105.
4. Социалистические системы. Введение // Теоретическая социология. Антология. В 2 ч. / сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 1. С. 249–313.
5. Социалистические системы. Глава 5. Религиозные системы // Новое и старое в теоретической социологии / под ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2006. С. 236–265.
6. Трактат по общей социологии. § 2060–2068, 2072, 2079–2086, 2170–2179, 2181–2201, 2227, 2026–2059, 2233–2236, 2237–2254, 2257–2260, 2265–2267 // *Осипова Е. В.* Социология Вильфредо Парето: политический аспект. СПб.: Алетейя, 2004. С. 100–159.
7. Трансформация демократии. Глава первая // Западноевропейская социология XIX — начала XX веков / под ред. В. И. Добренькова. М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. С. 155–166.
8. Учебник политической экономии. Глава III. Общее понятие экономического равновесия. § 14, 22, 27, 30, 32–36, 40, 43–46, 52–56, 196, 208, 228. Глава IV. Экономическое равновесие. § 32–34, 88 // *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков.* В 5 т. М.: Мысль, 2005. Т. 2. С. 411–416*.
9. Феномен фашизма // Социология. 2006. № 1. С. 226–230.

* Перевод большинства параграфов сокращенный.

Литература о В. Парето

1. Арон Р. Вильфредо Парето // *Он же*. Этапы развития социологической мысли. М.: Изд. группа «Прогресс» — «Политика», 1992. С. 402–487.
2. Гофман А. Б. Социология Вильфредо Парето (разумен ли homo sapiens?) // История теоретической социологии. В 4 т. / отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. М.: Канон+, 1998. Т. 2. С. 22–42.
3. Добреньков В. И., Рахманов А. Б. Теоретическая социология Вильфредо Парето // История социологии: учеб. В 3 кн. М.: ИНФРА-М: 2004. Кн. 1. С. 418–450.
4. Зотов А. А. Ранний период творчества Вильфредо Парето // Социологические исследования. 1998. № 11. С. 134–141.
5. Зотов А. А. Религия и религиозность в исследовании В. Парето и Дж. Ракка // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 130–139.
6. Зотов А. А. Анализ социализма в творчестве В. Парето (работы 1898–1903 гг.) // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 108–116.
7. Зотов А. А. Экономическая тема в сочинениях В. Парето // Социология. 2006. № 1. С. 194–200.
8. Култыгин В. П. Вклад В. Парето в развитие социологической науки // *Он же*. Классическая социология. М.: Наука, 2000. С. 271–281.
9. Лунацкий В. С. Теория элит Вильфредо Парето // *Философская и социологическая мысль*. Киев. 1992. № 11. С. 47–56.
10. Осипова Е. В. Социология Вильфредо Парето: политический аспект. СПб., Алетейя, 2004.
11. Рахмиров П. Ю. Вильфредо Парето: экстравагантный элитист // *Рахмиров П. Ю. Идеи и люди: Политическая мысль первой половины XX в.* 2-е изд. Пермь: Изд. Пермского ун-та, 2002. С. 40–72.
12. Селигмен Б. Вильфредо Парето: наука в виде проповеди // Основные течения современной экономической мысли. М.: Издательство «Прогресс», 1968. Гл. 4. § 2. С. 248–260.
13. Танчер В. В., Ручка А. А. Система социологии Вильфредо Парето // *Философская и социологическая мысль*. Киев, 1992. № 11. С. 30–46.
14. Arcari P. M. Socialismo e democrazia nel pensiero di Vilfredo Pareto. Roma: Volpe, 1966.
15. Bobbio N. On Mosca and Pareto / *Traveau de droit, d'économie, de sociologie et de science politiques*. Genève: Librairie Droz, 1972. № 91.
16. Bobbio N. Pareto e il sistema sociale. Firenze: Sansoni, 1973.
17. Bokenau F. Pareto / *Series: Modern Sociologists*. Т. 2. L.: Chapman & Hall, 1936.
18. Bousquet G. H. Vilfredo Pareto, sa vie et son œuvre. P.: Payot, 1928.

19. *Busino G.* Gli studi su Vilfredo Pareto oggi. Dall'agiografia alla critica (1923–1973). Roma: Bulzoni, 1974.
20. *Cappa A.* Vilfredo Pareto. Torino: Gobetti, 1924.
21. *Cirillo R.* The economics of Vilfredo Pareto. L.: Cass, 1979.
22. *Eisermann G.* Max Weber und Vilfredo Pareto. Dialog und Konfrontation. Tübingen: J. C. B Mohr, 1989.
23. *Eisermann G.* Vilfredo Pareto als Nationalökonom und Soziologe. Tübingen: J. C. B. Mohr, 1965.
24. *Eisermann G.* Vilfredo Pareto. Ein Klassiker der Soziologie. Tübingen: J. C. B. Mohr, 1987.
25. *Ferrarotti F.* Sistema ed equilibrio sociale // *Idem.* Trattato di sociologia. Torino: UTET, 1991.
26. *Finer S. E.* Vilfredo Pareto: Sociological writings. L.: Pall Mall Press, 1966.
27. *Fiorot D.* Il realismo politico di Vilfredo Pareto. Profilo di una teoria empirica della politica. Milano: Edizioni di Comunità, 1969.
28. *Giacome-Monaco T.* Pareto e Sorel. Riflessioni e ricerche (con 69 lettere inedite di Pareto). Padova: CEDAM, 1960.
29. *Hamann R.* Paretos Elitentheorie und ihre Stellung in der neueren Soziologie / Sozialwissenschaftliche Studien. Heft 8. Stuttgart: Fischer, 1964.
30. *Henderson L. J.* Pareto's general sociology: a psychologist's interpretation. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1935.
31. *Hirsch W.* Wilfredo Pareto. Ein Versuch über sein soziologisches Werk. Zürich-Bruxelles: Oksident Verlag, 1948.
32. *Homans G. C., Curtis P.* An introduction to Pareto. N. Y.: Knopf, 1934.
33. *La Ferla G.* Vilfredo Pareto, filosofo volterriano. Firenze: La Nuova Italia, 1954.
34. *Lombardo A.* Teorie del potere politico: Mosca e Pareto. Bologna: M. Boni, 1976.
35. *Mongardini C.* Vilfredo Pareto dall'economia alla sociologia. Con un'antologia dei primi scritti sociologici di Pareto. Roma: Bulzoni, 1973.
36. *Parsons T.* Pareto Vilfredo. Contributions to sociology // International encyclopedia of social sciences. 17 vols. N. Y., 1968. Vol. 12. P. 411–416.
37. *Perrin G.* Sociologie de Pareto. P.: Presses universitaires de France, 1966.
38. *Powers C. H.* Vilfredo Pareto // Masters of social theory. Vol. 5. Newbury Park, California: Sage, 1987
39. *Ricci U.* Tre economisti italiani. Pantaleoni-Pareto-Loria. Bari, 1934.
40. *Zauels G.* Paretos Theorie der sozialen Heterogenität und Zirkulation der Eliten // Bonner Beiträge zur Soziologie. Stuttgart: Enke, 1968. № 5.

Парето, В. Компендиум по общей социологии [Текст] / В. Парето ; пер. с итал. А. А. Зотова ; науч. ред., предисл. к рус. изд., указ. имен М. С. Ковалёвой ; науч. консульт. Н. А. Макашѐва ; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — 2-е изд. — М. Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. — 511, [1] с. — Прил.: с. 465–511. — Перевод изд.: Pareto V. Compendio di sociologia generale / a cura di G. Farina. Firenze: Barbèra, 1920. — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0573-1 (в пер.).

Первое издание на русском языке и в полном объеме всемирно известного труда одного из классиков социологической, экономической и политологической мысли, который дает целостное представление о теоретических взглядах итальянского ученого по этим направлениям.

В книге раскрываются общеметодологические проблемы социального познания и основные понятия Парето. Это прежде всего — общенаучный логико-экспериментальный метод познания и особенности его использования при исследовании социальных явлений, условия социального равновесия, нелогические действия людей и их главенствующая роль в жизни и развитии общества. А также «остатки» и «деривации» в мотивационной структуре человеческого поведения, динамический характер социального расслоения (циркуляция классов), циркуляция элит в социальных организациях любого уровня, включая элиту правящего класса. Книга изобилует богатейшим литературным и историческим материалом, на примерах которого ученый демонстрирует свои идеи; снабжена необходимыми для отечественного читателя примечаниями, применима как в научно-исследовательской, так и в образовательной сфере.

Для научных сотрудников, а также преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных вузов.

УДК 316.1

ББК 60.5

*Научное издание***Парето Вильфредо****Компендиум по общей социологии***Второе издание*Зав. редакцией *О. А. Шестопалова*Редактор *М. С. Ковалёва*Художественный редактор *А. М. Павлов*Компьютерная верстка и графика *В. С. Чукашев*Корректор *С. М. Хорошкина*

Фотопортрет автора на с. 4 обложки представлен Le Centre Walras — Pareto

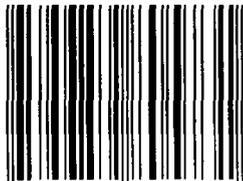
Отпечатано при содействии ООО «МАКС Пресс»

Подписано в печать 30.11.2007. Формат 70×100¹/16
Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 41,6. Уч.-изд. л. 34,28

Тираж 1000 экз. Заказ № 2268. Изд № 938

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3
Тел./ факс: (495) 772-95-71Электронный вывод и печать в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-7598-0573-1

9 785759 805731

Центральная
Городская
Публичная
Библиотека
им. В.В.Маяковского

300101177037

Вильфредо Парето (1848–1923)

Это имя увековечено в списке величайших социальных мыслителей мира XX в. Математик и механик по образованию, инженер-практик на одной из линий железной дороги, исполнительный директор металлургического завода, яркий публицист, Парето после сорока лет полностью отдает себя служению науке. От аналитики текущих экономических и политических событий он логически переходит к теоретической экономике, а затем к социологии и политологии. С 1893 г. возглавляет кафедру политической экономии на юридическом факультете Лозаннского университета после Вальраса. Его перу принадлежат фундаментальные труды: «Курс политической экономии» (1896), «Социалистические системы» (1901), «Учебник политической экономии» (1905), «Трактат по общей социологии» (1916).

«Компендиум по общей социологии» (1920) — итоговый концентрат размышлений Парето о том, какими должны быть социальные науки, как они соотносятся с реальной политикой, как отделить научное суждение от псевдонаучного, что определяет поведение человека, расстановку сил и изменения в обществе, что определяет движение истории. Что в этом движении при очевидной смене форм социального устройства остается неизменным, на чем держится зыбкое социальное равновесие и в каком виде можно представить это движение — вот основные вопросы, поднимаемые автором в книге. Над теми же вопросами думали в начале XX в. и другие великие умы, среди которых М. Вебер, Й. Шумпетер, Н. Д. Кондратьев.